

К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
РУССКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА

XV

ВЕКА

К. В. БАЗИЛЕВИЧ

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
РУССКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА**

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XV ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1952

*Ответственный редактор
проф. Л. В. Чернини*

*Постановлением Ученого совета
Московского ордена Ленина
Государственного университета,
им. М. В. Ломоносова
от
19 июня 1950 г.
проф. К. В. Базилевичу
присуждена
Ломоносовская премия
первой степени
за
книгу «Внешняя политика
Русского
централизованного государствам
(вторая половина XV века)*

К. В. БАЗИЛЕВИЧ

(1892—1950)

8 марта 1950 года безвременно скончался профессор Московского университета, выдающийся историк-марксист и талантливый популяризатор исторических знаний Константин Васильевич Базилевич.

К. В. Базилевич родился в 1892 году в Клеве, в семье военного педагога. Среднее образование он получил в кадетском корпусе в Хабаровске, окончив его в 1910 году. В 1913 году К. В. Базилевич окончил Петербургское Михайловское артиллерийское училище. Затем он окончил авиационную школу. К. В. Базилевич был одним из первых русских военных летчиков.

Во время мировой войны 1914—1917 годов К. В. Базилевич находился в действующей армии, был ранен шрапнелью в грудь и отравлен газам.

После демобилизации из старой армии в 1918 году К. В. Базилевич добровольно вступил в ряды Красной армии; в течение 1918—1921 годов он работал в военно-технической редакции ЦУРа Реввоенсовета.

В 1922 году К. В. Базилевич окончил историческое отделение факультета общественных наук Московского университета. Во время пребывания в Университете он специализировался по истории феодального периода. По окончании Университета К. В. Базилевич начал научную работу в архивах и всю свою дальнейшую жизнь посвятил советской исторической науке.

В 1935 году он стал профессором исторического факультета Московского государственного университета, где продолжал свою работу до последних дней, воспитав сотни советских историков.

Блестящий лектор, историк большого кругозора и широких знаний К. В. Базилевич пользовался исключительной популярностью среди студентов. Его лекции, проникнутые глубоким патриотизмом, воспитывали советскую студенческую молодежь в духе безграничной любви и преданности своей Родине. Курсы и семинары К. В. Базилевича будили в студентах живой интерес к исторической науке, прививали им первые навыки самостоятельной исследовательской работы в области изучения исторических источников, учили марксистско-ленинской методологии.

Как талантливый педагог высшей школы, в течение ряда лет работавший над курсом истории народов СССР феодального периода, К. В. Базилевич принял активное участие в составлении учебника по истории СССР до конца XVIII века для исторических вузов, выпущенного из печати под редакцией академика Б. Д. Грекова и профессоров С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева и выдержавшего два издания.

С 1939 года, одновременно с лекциями в Московском университете, К. В. Базилевич начал читать курс истории СССР феодальной эпохи в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), профессором которой он также оставался до своей безвременной кончины. Из лекций, прочитанных К. В. Базилевичем в Высшей партийной школе, вырос курс «История СССР от древнейших времен до конца XVII века», выдержавший ряд изданий. Последнее издание вышло в 1949 году, незадолго до смерти К. В. Базилевича.

Большой заслугой К. В. Базилевича является, кроме создания пособий для Высшей школы, также участие в подготовке учебника по истории СССР для средней школы под редакцией А. М. Панкратовой. По этому учебнику уже в течение ряда лет учатся советские школьники старших классов, получая необходимую историческую подготовку.

Наряду с педагогической деятельностью в Московском университете и Высшей партийной школе, К. В. Базилевич

очень много внимания и сил уделял работе в Институте истории Академии наук СССР, старшим научным сотрудником которого он являлся с 1936 года.

К. В. Базилиевич вел решительную и принципиальную борьбу за марксистско-ленинскую методологию. Он принял участие в сборнике статей советских историков «Против исторической концепции М. Н. Покровского» (М., 1939), поместив в нем статью: «Торговый капитализм и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского».

К. В. Базилиевич вел широкую и разностороннюю научно-исследовательскую деятельность. Одной из тем, особенно привлекавших его, была социально-экономическая история Русского государства в XVII веке. Он начал свою научную работу с изучения истории ремесла, мануфактур в России в XVII—XVIII веках, с проблемы складывания всероссийского рынка. Этой темой он не переставал интересоваться в течение всей своей творческой жизни.

В дальнейшем К. В. Базилиевич уделял много внимания изучению таможенных книг как одного из основных источников по социально-экономической истории Русского государства, рисующих процесс образования всероссийского рынка. В дореволюционной буржуазной исторической литературе таможенные книги почти не фигурировали как исторический источник. К. В. Базилиевич один из первых советских историков ввел таможенные книги в научный оборот.

Из работ К. В. Базилиевича, посвященных экономической истории Русского централизованного государства в XVII веке, формированию внутреннего рынка, роли посадов, экономической политике русского правительства, представляют интерес: «Борьба за русский рынок и коллективные челобитные купечества в первой половине XVII века» (Известия Академии наук СССР, 1932), «Крупное торговое предприятие в Московском государстве XVII века» (Известия Академии наук СССР, 1938), «Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича» (Ученые записки Московского государственного университета, вып. 41, 1940). На основании новых источников показано значение XVII века как начало «нового периода» в русской истории.

Заслугой К. В. Базилевича является изучение, на основе вновь привлеченных архивных материалов, развития классовой борьбы в Русском государстве XVII века. Особое внимание К. В. Базилевич уделил городским восстаниям середины XVII века. Его перу принадлежат работы: «Мятеж в Устюге в 1648 году» (Ученые записки Института истории РАНИОН, вып. 5, 1928), «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году» (М. — Л., 1936). К. В. Базилевич составил специальный сборник материалов по истории классовой борьбы в XVII веке под названием: «Городские восстания в Московском государстве XVII века» (М., 1936). Эти работы К. В. Базилевича, основанные на архивном материале, по-новому осветили историю посада, показав резкую дифференциацию посадского населения, приводившую к острым классовым столкновениям.

Наряду с социально-экономической историей России в XVII веке, К. В. Базилевич специально занимался историей образования Русского централизованного государства в XV — XVI веках. Еще в самом начале своей научной деятельности К. В. Базилевич привлек к изучению один из очень важных источников по истории образования Русского централизованного государства — духовные и договорные грамоты московских князей XIV — XV веков и на основании этого источника написал яркую статью: «Имущество Московских князей в XIV—XV веках. Очерки по истории материального быта феодального общества» (Труды Государственного исторического музея, вып. 3, 1926). В дальнейшем К. В. Базилевич все более углублял изучение проблемы образования Русского централизованного государства, разрабатывая ее в ряде специальных очерков.

Очерк «Москва — столица Русского государства» («Вестник Московского государственного университета» № 9, 1947), написанный к восьмиполетнему юбилею Москвы, выясняет историческую роль Москвы как центра и основы создания Русского централизованного государства.

Глубоким патриотизмом проникнуты работы К. В. Базилевича: «Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века, Минин и Пожарский» (М., 1946) и «Борис Годунов в изображении Пушкина» (Исторические записки, 1937).

Будучи в прошлом военным по профессии, К. В. Базилевич живо интересовался военной историей России. Его перу принадлежат труды: «Русское военное искусство» (М., 1944), «Петр I — основоположник русского военного искусства» («Большевик», № 11—12, 1945) и др.

Искренним патриотизмом проникнуты и работы К. В. Базилевича, посвященные подвигам русских путешественников. Таков его яркий очерк «В гостях у Богдыхана» (Путешествие русских в Китай в XVII веке, 1927).

Широта исторического кругозора, отличавшая К. В. Базилевича, вдумчивая, углубленная работа над теоретическими вопросами не позволяли ему ограничиваться изучением отдельных, специальных тем. Напротив, для К. В. Базилевича как ученого характерно было стремление к постановке больших и актуальных проблем, к разрешению которых он подходил с принципиальностью историка-марксиста и с научной смелостью, с творческим дерзованием. К. В. Базилевич выступил в журнале «Вопросы истории» (№ 11, 1949) со статьей «Опыт периодизации истории СССР феодального периода», вокруг которой развернулась дискуссия по вопросам периодизации. Эта статья подверглась творческому обсуждению на заседании кафедры истории СССР Московского университета и Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). Выступая за несколько дней до своей смерти с заключительным словом по этому обсуждению, К. В. Базилевич призывал многочисленный коллектив советских историков к дружной творческой работе по изучению основных кардинальных вопросов русского исторического процесса, к смелой и принципиальной критике и самокритике.

К. В. Базилевич никогда не замыкался в своем кабинете, не отрывался от жизни, от окружающей нас советской действительности, никогда не становился на позиции ложного академизма. Это был историк, который нес свои богатые знания в широкие народные массы. В годы Великой Отечественной войны К. В. Базилевич, как истинный советский патриот, выступал перед многочисленной аудиторией с лекциями и беседами о славном боевом прошлом русского народа, о его борьбе против захватчиков, за независимость нашей Родины.

Эта деятельность К. В. Базилевича не прекратилась и после Отечественной войны. Постоянный и один из самых активных членов Всесоюзного общества по распространению научных и политических знаний, К. В. Базилевич выступал с публичными лекциями, которые имели большое воспитательное значение. Пропагандистом исторических знаний выступал К. В. Базилевич и в печати.

Ряд популярных очерков К. В. Базилевича был опубликован Военным издательством в специальной библиотечке: «В помощь преподавателю дивизионной школы партактива».

Человек большой культуры и тонкого художественного вкуса, К. В. Базилевич всегда живо интересовался вопросами советской литературы. Он оказывал большую помощь советским авторам художественных произведений на исторические темы, являясь постоянным их консультантом, рецензентом, критиком.

Исключительное лекторское дарование делало публичные выступления К. В. Базилевича доступными, понятными, интересными для слушателей разных возрастов, профессий, различного культурного уровня.

Незадолго до своей смерти К. В. Базилевич закончил большую капитальную монографию на тему: «Внешняя политика Русского централизованного государства второй половины XV века». В ней использованы новые источники, в частности, документы Венского государственного архива. В этом труде показано выдающееся положение Русского государства на международной арене, его успешная внешняя политика, его тонкая и умная дипломатия. Историю внешней политики К. В. Базилевич рассматривает в тесной связи с процессом политического объединения русских земель, складывания русского народа. В этом труде К. В. Базилевич выступает как советский патриот, стремящийся воссоздать славное национальное прошлое своей Родины.

Вся советская историческая паука переживает преждевременную кончину К. В. Базилевича как тяжелую потерю.

Л. В. Черепнин

ОТ РЕДАКЦИИ

Покойный профессор К. В. Базилевич в течение многих лет работал над вопросами образования Русского централизованного государства. Этим вопросам были посвящены его специальные курсы, читавшиеся в Московском государственном университете, и ряд печатных работ. Публикуемый сейчас посмертный труд К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV в.)» сам автор рассматривал как вторую часть большой, широко задуманной монографии, посвященной образованию Русского централизованного государства. Первая часть этой монографии, по мысли К. В. Базилевича, должна была быть посвящена социально-экономическому развитию Северо-восточной Руси в XIV—XV вв., процессу объединения русских земель вокруг Москвы и внутренней политике московской великокняжеской власти. Преждевременная смерть помешала К. В. Базилевичу осуществить этот широкий замысел. Тем не менее, публикуемый ныне труд при всех его недостатках и недоработанности отдельных положений имеет самостоятельное значение и представляет научный интерес. Автор предполагал его представить к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. К. В. Базилевич успел почти полностью закончить работу над этой монографией. Большая часть текста была выверена им самим. Незаконченным остался лишь историографический очерк, который автор оборвал на разборе буржуазной литера-

туры, закончив его трудом Г. Карпова. Этот очерк публикуется в том виде, в каком он сохранился в литературном архиве К. В. Базилиевича.

Редакция рассчитывает, что опубликование труда К. В. Базилиевича послужит стимулом для дальнейшей разработки ряда проблем истории Русского централизованного государства, не затронутых им или не получивших достаточного освещения в его книге.

Рукопись подготовлена к печати Л. В. Черепниным с помощью Е. Т. Волощук.

ВВЕДЕНИЕ

1

В конце XV в. молодое Русское централизованное государство, образовавшееся после продолжительной, тяжелой, но успешной по конечным результатам борьбы с Золотой Ордой, выступало на международной арене в исключительно важный момент европейской истории.

Вторая половина XV в. — время, когда система феодальной раздробленности в государствах Западной Европы пришла в полный упадок; длительный период феодальных войн завершился образованием ряда крупных государств.

Окончание столетней войны во Франции (1453) дало возможность королевской власти добиться выдающихся успехов в деле объединения страны. Людовик XI (1461—1483) после присоединения Бургундии по существу завершил создание единого французского королевства. В Англии Генрих Тюдор после решительной победы при Босворте соединил на своем щите алую и белую розу в качестве эмблемы единства страны. Первый король династии Тюдоров беспощадно расправлялся с баронами, расчищая путь к развитию сословно-представительной монархии. Испания после объединения Арагона и Кастилии (1479) превратилась в одно из крупнейших европейских государств.

Этот процесс, хотя и в менее определенных формах, коснулся и непосредственных или близких соседей России. Современником Ивана III в Швеции был Стен Густавсон Стуре (1470—1503), который, опираясь на мелкое дворянство и горожан, вел упорную борьбу с Данией и искавшей у нее поддержки феодальной знатью. Хотя Швеция оставалась в номинальной связи с Данией, но фактически она являлась самостоятельным государством с весьма агрессивной политикой

по отношению к русским землям. Дания, значительно усилившаяся в результате Кольмарской унии, хотя и потеряла Швецию, но продолжала оставаться сильнейшим государством на севере Европы. В конце XV и в начале XVI в. кратковременную вспышку военно-политического усиления пережил Ливонский орден под управлением магистра Вальтера фон Плетенберга (1495—1535). Заключенный этим магистром после удачной войны мир с Ригой позволил временно установить внутренний мир; орденские силы и средства освободились для активной внешней политики.

Большие успехи в деле ограничения «можновладства» в интересах «рыцарства» и короля были достигнуты Казимиром IV Ягеллончиком (1447—1492) в Польше. Недавние статуты положили предел почти неограниченному господству в стране крупноземельной аристократии и значительно подняли политическое значение шляхты, на которую опирался король, подавляя противодействие магнатов. Возобновление династической унии с Литвой дало возможность Казимиру вести широкую внешнюю политику и добиться в ней очень важных результатов, выдвинувших Польшу в ряд наиболее крупных и сильных европейских государств того времени. Сокрушив в тринадцатилетней войне Тевтонский орден, Казимир получил по Торунскому договору 1466 г. бассейн нижнего течения Вислы (Банское Поморье), открывшее Польше выход к Балтийскому морю. Серьезные успехи были достигнуты также на южных границах королевства, особенно в отношении Чехии и Венгрии. В 1471 г. после смерти Юрия Подебрадского чешская корона досталась Владиславу Казимировичу, а в 1490 г. он получил и венгерскую корону. Таким образом, Польша во второй половине XV в. переживала кратковременный расцвет своего политического могущества.

Образование на грани XV и XVI вв. крупных национальных государств в Европе было, по определению классиков марксизма, результатом весьма важных изменений, происшедших в экономической жизни соответствующих стран. Развитие производительных сил и увеличивавшееся общественное разделение труда коренным образом изменили на западе Европы соотношение между сельским и городским хозяйством и сообщили городам новое значение, не только экономическое, но и политическое. Именно в городах складывались элементы нового общественно-экономического порядка, разрушавшие феодальную систему. К ним относятся: быстрое увеличение производства на широкий сбыт, укрепление товарно-денежной системы, развитие рыночных отношений и рост городской буржуазии, в руках которой сосредотачиваются накопленные через торговлю богатства. «Еще задолго до того, как стены рыцарских

замков были пробиты выстрелами новых орудий, — писал Энгельс, — их основы были подрыты дельгами»¹. В то время как феодальный мир был погружен в бесконечные междоусобные войны, кругом вырастали города, окруженные крепостными стенами. «За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло, — правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью, — накапливались первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (Verkehr)»². Таким образом, развитие экономического общения на основе общественного разделения труда являлось необходимым условием для политического объединения страны под главенством сильной королевской власти, способной обуздать своевольных вассалов и защитить классовые интересы землевладельческого дворянства и быстро поднимавшейся буржуазии. Маркс и Энгельс указывали: «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»³. Действия королевской власти, направленные к установлению внутренней и внешней безопасности, поддерживались широкими слоями городского и сельского населения. Не только в городах, «... и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»⁴. В борьбе с феодальной раздробленностью королевская власть была «... представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»⁵. Поэтому к королевской власти в это время тяготели все прогрессивные элементы, складывавшиеся под поверхностью феодализма. Опираясь на мелкое и среднее землевладельческое дворянство, свою главную классовую основу, и на формирующуюся буржуазию, королевская власть вышла победительницей из феодальных войн. Результатом этой победы было образование ряда национальных государств на западе Европы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 442.

² Там же, стр. 440.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 15.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 443.

⁵ Там же, стр. 445.

Существенное отличие стран Восточной Европы от Западной в рассматриваемое время состояло в том, что в них феодальное хозяйство еще не пришло в упадок и являлось экономическим фундаментом всего общественного порядка. Однако и в них с конца XIV в. наблюдаются достаточно ясные признаки оживления экономической жизни, развитие которой совершалось в основном в том же направлении, что и на Западе, хотя в данное время привело к иным результатам.

На Западе основная часть крестьянства была уже лично свободной, что в значительной степени облегчало развитие капиталистических отношений. На Востоке Европы приспособление натурального феодального хозяйства к рыночной системе, наоборот, имело своим последствием усиление феодальной эксплуатации крестьянства, нашедшее особенно ясное выражение в появлении денежной ренты и развитии барщины. «Вторая половина XV и первая половина XVI в. — это время крупнейших перемен в жизни всей Европы. Одни страны переживали переходный период от средневековья к новому времени, от феодализма к капитализму, перестраивали всю свою хозяйственную систему (Англия, Нидерланды, Италия, Кастилия, Португалия, в значительной степени Франция), другие (Австрия, Венгрия, Восточная Пруссия, Польша, Литва, Ливония, Русь) еще долго оставались феодальными и вынуждены были приспособлять новые требования жизни к феодальным общественным отношениям»¹.

Другая особенность в развитии стран Восточной Европы в XIV—XVI вв. заключалась в том, что они подвергались в значительно большей степени, чем западные государства, угрозе внешней опасности. В течение более двух столетий Русь прикрывала Запад от нашествия монголо-татарских полчищ, жертвой которых она стала сама. Одновременно с ослаблением и распадом Золотой Орды на юге сложилась могущественная Османская империя, под ударами которой в середине XV в. пала Византия. С этого момента грозная опасность нависла над всей Восточной и Южной Европой, включая Россию, Венгрию, Молдавию, Чехию, Польшу, Австрию.

Борьба с полчищами степняков, подавлявшими народы Восточной Европы своим огромным численным превосходством, ставившими их при состоянии внутренней раздробленности под угрозу полного уничтожения, явилась историческим фактором, ускорившим процесс политического объединения этих народов и способствовавшим развитию централизованной государственной системы. «... На Западе — в Англии, Франции,

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, изд. АН СССР, 1946, стр. 549.

Италии и отчасти Германии, — говорит И. В. Сталин, — период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы... На востоке Европы, наоборот, процесс образования наций и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹.

Главная тяжесть и важнейшая историческая роль в этой борьбе выпали на долю Руси. Среди покоренных монголо-татарами или турками европейских народов только русский народ сумел собственными силами, без какой-либо посторонней помощи, освободить себя от порабощения чужеземцами, привести своего главного врага — Золотую Орду — к гибели и в исключительно короткий для истории срок сложиться в сильнейшую державу.

Государственное объединение русских земель вокруг Москвы составляло важнейшее условие для освобождения их от иноземного господства, ибо «только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»². Победа в Куликовской битве, одержанная общерусскими силами под главенством московского великого князя, наглядно показала всем русским людям, что существует только один исторический путь к полному торжеству освободительной борьбы — путь создания единого централизованного государства. Однако прошло еще целое столетие, прежде чем была пройдена эта трудная историческая дорога. Успех борьбы с Золотой Ордой был тесно связан с успехом объединительной политики московской великокняжеской власти. Ко времени Ивана III относятся два крупнейших события: ликвидация в основном феодальной раздробленности и окончательное уничтожение господства Золотой Орды. «... В России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»³.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 33—34.

² «Приветствие тов. И. В. Сталина». «Правда» от 7 сентября 1947 г.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 450.

Воздействие внешней опасности на развитие русской централизованной государственной системы не исчезло с распадом Золотой Орды и с полным освобождением русских земель от ее власти и угнетения. Молодое русское государство было исторически поставлено в труднейшее положение. Во второй половине XV в. оно еще было заключено в кольцо враждебного окружения: восточная и южная границы паходились под ударом татарских ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды; на западной окраине продолжалась борьба за старые русские земли с великим княжеством Литовским; Ливонский орден и Швеция являлись источником постоянной угрозы для северо-западной русской территории. Русский народ — исконный хозяин великой Восточно-европейской равнины — был отрезан от морей, омывающих берега Восточной Европы. В таком неблагоприятном положении ни одна страна не могла бы рассчитывать на нормальное экономическое развитие. Враждебные соседи России были заинтересованы в сохранении в ней остатков феодальной раздробленности, в создании условий, препятствовавших росту ее военно-политического могущества. Поэтому борьба за окончательное объединение русских земель в единое государство выходила за рамки внутренней жизни и являлась в XV и начале XVI в. важнейшей частью внешней политики московского правительства.

Войны с Казанским и Крымским ханствами, войны со Швецией, Ливонским орденом, Литвой и Польшей держали в постоянной боевой готовности всю военную систему Руси и были одним из главных источников огромного материального напряжения, которое при феодальном хозяйстве всей тяжестью ложилось на крестьянское и посадское население. Не учитывать влияния внешнеполитической обстановки на внутреннюю политику Ивана III или Ивана Грозного так же нельзя, как нельзя отрывать преобразовательную деятельность Петра Великого от Северной войны, хотя в обоих случаях основными факторами являлись закономерности внутреннего социально-экономического и политического развития. Так, крупные реформы Ивана III, усиливавшие централизованную систему государственной власти, были проведены в девяностых годах XV в., перед войной с Александром Казимировичем и Ливонским орденом 1500—1503 гг., а еще более значительные реформы пятидесятых годов XVI в., направленные против пережитков феодальной раздробленности, непосредственно предшествовали Ливонской войне.

Внешняя политика России в XV—XVI вв. являлась частью общего процесса образования Русского централизованного государства.

Изучение внешней политики Ивана III под этим углом зрения составляет одну из задач настоящего исследования.

С этой задачей связана другая, относящаяся к области международного положения России и ее дипломатической системы. В течение всего периода феодальной раздробленности и господства Золотой Орды Русь не могла иметь ни общей внешней политики, ни общей дипломатической системы в полном смысле этого слова. В конце XV в. молодое Русское государство вступило на широкую арену международной жизни в очень важный момент истории Европы, когда определялась ее новая политическая карта, основные очертания которой затем сохранились на протяжении около двух столетий.

С возникновением крупных европейских держав резко изменился характер европейских конфликтов. Место внутренних феодальных войн, прекращавшихся в течение всего средневековья, заняли войны между национальными государствами. Их целью являлось достижение экономических и политических преимуществ. Борьба шла за спорные земли, за приобретение новых территорий в интересах дворянства и растущей буржуазии, за новые рынки и за расширение сферы политического влияния. Характерной особенностью начала нового времени в международных отношениях было образование более или менее значительных коалиций, которые раскалывали Европу на несколько враждебных частей. Вместе с тем все большее значение приобретала турецкая опасность, реально нависшая над Южной Европой после взятия Мухаммедом II в 1453 г. Константинополя.

Крупные социальные и политические изменения в жизни европейских народов оказали сильное влияние на развитие военного дела. Вторая половина XV в. — время быстрого угасания средневековой рыцарской организации и развития наемной пехоты (ландскнехтов). Все большее значение приобретала артиллерия, особенно после того как пробивная способность орудий была значительно увеличена путем применения чугунных ядер. С этого времени старые рыцарские замки не могли противостоять силе артиллерийского огня.

В международной борьбе огромные преимущества оказались на стороне тех держав, которые сумели раньше других преодолеть феодальную раздробленность, и, наоборот, — в опасном положении очутились те страны, в которых еще сохранялся средневековый политический строй и королевская власть была ограничена феодальными установлениями.

Россия в конце XV в. принадлежала к числу государств, добившихся больших успехов в национально-политическом объединении.

Власть московского великого князя значительно превосходила власть его ближайших западных соседей — великого князя литовского и польского короля. Иван III после присоединения Новгорода и Твери фактически распоряжался всеми силами страны и во внешней политике, как и в военных предприятиях, не зависел от согласия своих вассалов — ни от «удельных» князей из числа московской великокняжеской семьи, ни от потомков княжеских фамилий, влившихся в состав старого московского боярства. Сосредоточение власти в одних руках дало возможность Ивану III приступить в области внешней политики к разрешению важнейших исторических задач, определивших почетное место России в системе европейских держав. Хотя и не все интересы России как растущего государства были удовлетворены, но именно при Иване III постепенно наметилась та программа активной внешней политики, которая была окончательно завершена лишь к исходу XVIII в.

Ее можно свести к трем основным направлениям: борьба на восточном и южном рубежах с татарскими ханствами, образовавшимися в результате распада Золотой Орды; борьба на западной границе с Литвой и Польшей с целью воссоединения всех земель Руси (русских, украинских и белорусских) и борьба на северо-западе против агрессивных действий Ливонского ордена и Швеции, которая постепенно переходит в борьбу за приобретение выходов к Балтийскому морю. Очередность и актуальность этих задач изменялась в зависимости от многих обстоятельств, но в целом они определяли общий характер внешней политики России на протяжении около трех столетий.

2

Хотя с объединением русских земель вокруг Москвы и развитием централизованной государственной системы в конце XV и в начале XVI в. политическая раздробленность русских земель была в основном преодолена, но экономическая раздробленность, характерная для феодального хозяйства, окончательно была ликвидирована только в XVII в. в процессе складывания всероссийского рынка. Однако, хотя в образовании Русского централизованного государства, сложившегося на феодальной экономической основе, огромное значение имела борьба с внешней опасностью, являвшаяся фактором, ускорившим создание централизованной государственной системы, экономическое развитие русских земель сыграло основную роль в деле их объединения под московской великокняжеской властью. В ответе на письмо гг. Цветкова и Алыпова товарищ Сталин писал: «У меня

ни в докладе, ни в тезисах ¹ ничего не сказано об образовании централизованного государства в России «не в результате экономического развития, а в интересах борьбы с монголами и другими народами Востока» (см. ваше письмо). За это противопоставление должны отвечать вы, а не я. У меня говорится лишь о том, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы ввиду необходимости обороны, шёл *быстрее* процесса складывания людей в нации, ввиду чего и образовались здесь многонациональные государства раньше ликвидации феодализма ².

Вполне понятно, что ни один крупный вопрос, относящийся к проблеме образования Русского централизованного государства, не только в области внутреннего развития, но и внешних отношений, нельзя оторвать от социально-экономического состояния страны, от классовых противоречий и классовой борьбы. «Одна из особенностей производства состоит в том, что оно никогда не застревает на долгий период на одной точке и находится всегда в состоянии изменения и развития, причем изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов, политических учреждений, — вызывают перестройку всего общественного и политического уклада» ³.

Если ясно выразившийся с конца XIV в. подъем производительных сил содействовал успеху объединительной политики Москвы, то в свою очередь и образование единого русского государства создавало благоприятные условия для его экономического развития. Огромное значение имело прекращение чрезвычайно разорительных для населения междоусобных феодальных войн и вражеских вторжений. После падения на Москву в 1451 г. царевича Мазовши татары не появлялись севернее р. Оки до 1521 г., когда крымскому хану Мухаммед-Гирею и казакскому хану Саип-Гирею удалось достигнуть окрестностей столицы. Такая спокойная обстановка, продолжавшаяся непрерывно семьдесят лет, не повторялась впоследствии до ликвидации интервенции в первой четверти XVII в. Поэтому становится вполне понятным, что именно в это время — во второй половине XV и в начале XVI в. — происходит интенсивное заселение московского центра. Следы этого созидательного труда наблюдал Сигизмунд Герберштейн. «По пятам больших деревьев, — сообщает автор, — существующим еще

¹ Имеются в виду доклад и тезисы товарища Сталина «Об основных задачах партии в национальном вопросе» на X съезде РКП(б).

² И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 176.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1946, стр. 115—116.

и поныне, очевидно, что вся страна еще не так давно была очень лесистой; хотя она и достаточно возделана усердием и трудами земледельцев, однако за исключением того, что произрастает на полях, все остальное привозится туда из окрест лежащих областей»¹. Эти наблюдения современника вполне подтверждаются новейшим исследователем. «За последнюю четверть XV в. и первую половину XVI, — пишет С. Б. Весселовский, — имеется много прямых и косвенных указаний на значительный хозяйственный подъем всего Замосковья. Возле сел Пушкина, Петровского и Козодавлева-Трахапсева Московского уезда, в Жабенском стану Кашинского и в Городском стану Угличского, в Нерехотском стану Костромского разделяются новые земли, сводятся леса и возникают новые селения»². Экономический подъем коснулся не только Подмосковья и более безопасных северных уездов, но распространился и на южную окраину Замосковья, которая в XIV и в начале XV в. особенно сильно страдала от «прихода» татар. Прежде всего следует отметить значительные успехи в области ремесленного производства, возможные только на основе общественного разделения труда. Хотя по состоянию источников мы лишены возможности составить более или менее полный список ремесленных специальностей на конец XV или на начало XVI в., однако быстрое развитие в этот период ремесленной промышленности, особенно городской, не вызывает никакого сомнения.

По исследованию Б. А. Рыбакова, с середины XV в. начинается новый период развития производительных сил русской деревни и вотчины³. Еще в большей степени то же следует сказать относительно города. Крупное каменное строительство в городах, далеко оставившее позади все, что в этой области было создано с середины XIII в. до середины XV в., само по себе является достоверным показателем больших успехов, достигнутых в строительном деле и в ряде подсобных специальностей. Значительное развитие получило также кузнечное и литейное дело, памятниками которого являются ряд сохранившихся предметов высокого для своего времени технического и художественного совершенства. Среди них необходимо отметить колокола, пушки, предметы вооружения, церковную и бытовую утварь. Есть все основания предполагать, что потребность в оружии, во много раз увеличившаяся в связи с развитием вооруженных сил и большими войнами в конце XV и

¹ С. Герберштейн. Записки о Московских делах, СПб., 1908, стр. 98.

² С. Б. Весселовский. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв., Сопкага, М.—Л., 1936, стр. 131.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 592.

в начале XVI в., полностью удовлетворялась посредством внутреннего производства. Мы не можем отметить ни одного случая, чтобы при вызове иностранных мастеров Иван III пригласил специалистов по изготовлению доспехов или ручного оружия. В то же время такие требования, обращенные к великому князю, часто встречаются в сношениях с Крымом.

Сохранившиеся в разных источниках наименования ремесленников, хотя в силу случайности и отрывочности этих сведений и не могут дать представления о всем разнообразии профессий, но все же указывают на значительную дифференциацию и специализацию ремесленного производства.

Возникает вопрос, на каких потребителях работало ремесленное производство в городах? К сожалению, мы имеем немного данных, чтобы на него ответить. Приходится поэтому пользоваться не только отрывочным материалом, относящимся к концу XV в., но и более поздним, относящимся к первой половине XVI в., так как каких-либо крупных изменений за эти 50—75 лет произойти не могло. Прежде всего следует отметить, что более или менее значительная часть ремесленной продукции поступала на рынок, т. е. превращалась в товар. В связи с развитием товарно-денежных отношений находится образование множества мелких ремесленных поселений с местными небольшими торжками. Это явление для конца XV и начала XVI в. с достаточной ясностью наблюдается по материалам новгородских писцовых книг. Однако нет никаких оснований считать его не общим явлением, а особенностью экономического развития новгородских земель. Новгородские «рядки» — это поселки городского типа с ремесленными и торговыми людьми, постепенно порывающими с сельским хозяйством, с лавками и амбарами, с установленными днями рыночной торговли, а в более крупных — и с гостиными дворами для приезжих.

Подобным же примером может служить с. Медно около Торжка, расположенное на торговой дороге Тверь — Великий Новгород. В первой четверти XV в. в этом селе было еще большое боярское земледельческое хозяйство. Через 100 с небольшим лет по описанию 1544 г. в с. Медне было уже 56 дворов непашенных людей разных специальностей и всего лишь 15 дворов пашенных крестьян¹.

Численное возрастание неземледельческого населения в городах (посадах) усиливало торговые связи между городами и сельской местностью. В конце XV в. не только крупные, но и мелкие города и даже небольшие поселки с торгово-ремесленным населением типа новгородских рядков нуждались в постоянном привозе сельскохозяйственных товаров. О воз-

¹ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 25.

раставшем значении городского рынка для сельского хозяйства мы можем составить представление по Белоозеру и Москве. По таможенной грамоте 1497 г.¹, из околгородных волостей в Белоозеро доставлялось: мясо, коровы, поросята, гуси, бараны, утки, зайцы, сыры, лен, лук, чеснок, орехи, яблоки, мак, зола, деготь. Хлеб (жито) привозился, повидимому, из более отдаленных мест. Торговые связи Белоозера были весьма обширными; они распространялись на города и монастыри московской, тверской и новгородской земель². Московский рынок поражал иностранцев богатством и дешевизной сельскохозяйственных продуктов. По известному рассказу Контарини, зимой ежедневно в Москву привозили хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и другие необходимые припасы³.

Связь сельского хозяйства с городским рынком, несомненно, носила двусторонний характер. Одним из показателей этого служит появление среди сельского населения предметов (украшений), которые по технике и сложности изготовления должны быть отнесены к произведениям городских ремесленников. Так, в ювелирном искусстве наблюдается постепенное вытеснение местного деревенского литья более совершенной по качеству и разнообразной продукцией городских ремесленников⁴. Однако проникновение в деревню продукции городской ремесленной промышленности не могло быть значительным, как это подтверждает и всеобщая инвентарь могильных погребений. Нужда крестьянского населения в деньгах была вызвана не столько расширением спроса, сколько необходимостью, вызванной уплатой налогов и денежной рентой землевладельцу.

Развитие денежной ренты с конца XV в. представляет одно из самых значительных явлений в экономической жизни сельского населения. Маркс указывает, что при денежной ренте характер всего способа производства более или менее изменяется. «Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще, товарного производства, а с ним и денежного обращения»⁵.

По отношению к концу XV и началу XVI в. можно говорить лишь о спорадическом появлении денежной ренты.

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии Наук, т. I, СПб., 1836, № 134.

² ААЭ, т. I, № 134.

³ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, СПб., 1836, т. I, стр. 107—108.

⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 557—558.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, гл. 47, Госполитиздат, 1949, стр. 810.

Источником, содержащим массовый материал по этому вопросу, являются Новгородские писцовые книги 1495—1500 гг. Вследствие записей в них «старого дохода», собиравшегося с населения новгородскими землевладельцами, и «нового дохода», установленного московскими помещиками, они дают возможность сопоставить формы и размеры поземельной ренты, существовавшие как в последний период самостоятельности Новгорода, так и после присоединения его к Москве. Хотя эти данные относятся к одной Новгородской области, однако их нельзя рассматривать как явления, отразившие специфические особенности только новгородских земель, так как московские служилые люди, получившие в поместье конфискованные земли, происходили из самых различных московских городов и уездов.

Изменения, произведенные московскими помещиками в составе крестьянских повинностей, существовавших при новгородских землевладельцах, отличаются большим разнообразием. Это также указывает на то, что новые помещики не были связаны какими-либо традиционными формами взаимоотношений с крестьянами и без затруднения ломали новгородскую «старину». Сохранившиеся жалованные грамоты Ивана III на поместья в Новгородской земле представляли грамотчикам полную хозяйственную инициативу. Так, в грамоте 7001 г. (1493) Семену Александрову Огареву на деревни в Дегожском погосте Шелонской пятине указывалось: «И Семену с тех обож тот доход весь имати себе, оприч великих князей и обожные дани. А что ис тех обож Семен возмет себе или своим людем обож на пашню, и ему с тех обож на крестьянех своих доходов не имати; а что прибавит на крестьян своего доходу, и он в том волен, только бы было не пусто, чтобы великих князей дань и посoshная служба не залогла»¹.

Во время самостоятельности Великого Новгорода наиболее распространенной формой крестьянских оброков было «половье»: хлеб взимался в установленной доле урожая (половина, треть, четверть, пятица). Собственная запашка производилась далеко не во всех владениях и обычно ограничивалась небольшим размером (1—2 обжи). То же следует сказать относительно денежных оброков. После перехода конфискованных земель во владения московских помещиков произошло общее резкое увеличение крестьянских повинностей; только совершенно незначительная часть помещиков ко времени описания сохраняла прежние оброки. Возможно, что это относится к тем случаям, когда вследствие небольшого срока, прошедшего между получением поместья и составлением писцовых книг,

¹ Д. Я. Самоковасов. Архивный материал, М., 1905, отд. II, № 71 и № 76.

новые владельцы еще не успели перестроить свое хозяйство. Изменения состояли в некотором расширении барской запашки и в значительном увеличении денежной ренты. Собственная запашка увеличивалась главным образом у тех помещиков, у которых было необходимое для этого число «страдников»; крестьяне, судя по писцовым книгам, еще редко привлекались на барщинные работы. Денежная рента получила распространение в поместьях в значительных размерах. Прежде всего она была введена там, где в период независимости совершенно отсутствовала. Во многих случаях денежные оброки были увеличены в 2—3 раза, а в некоторых случаях — даже в 5—10 раз.

Накопец, известны случаи, когда все повинности крестьян полностью или в значительной части были переведены в денежную форму. Например, во владычной волости Белой (Бежецкая пятипа) вся продуктовая рента была заменена денежной: «И всего оброку деньгами и за хлеб и за мясо и за мелкий доход и с озер за рыбную ловлю 100 рублей без гривны и без 1¹/₂ денъги»¹.

Отмечая две, ясно выразившиеся в конце XV в. тенденции в частновладельческом сельском хозяйстве в Новгородской области — увеличение барщины и рост денежной ренты, — Б. Д. Греков правильно рассматривает их как симптомы новых явлений в феодально-крепостническом хозяйстве для всех русских земель, получившие дальнейшее развитие в XVI в.² Увеличение феодальной эксплуатации неизбежно должно было привести к усилению средств внеэкономического принуждения. Отвстом на эти требования класса феодалов землевладельцев явился известный закон об ограблении перехода крестьян одним определенным сроком в году — за неделю до Юрьева дня и спустя одну неделю после Юрьева дня (26 ноября).

Рассмотренные экономические явления имели крупное значение для развития централизованной государственной системы.

Хотя, как отмечалось выше, экономическая раздробленность была преодолена только в процессе развития всероссийского рынка в XVII в., по несомненным успехи в развитии товарно-денежных отношений во второй половине XV в. способствовали политическому объединению страны. Не менее существенным было значение экономических условий для укрепления среднего и мелкого феодального хозяйства.

Многими исследователями давно отмечен факт разорения крупных княжеских и боярских фамилий, первые ясные при-

¹ Новгородские писцовые книги, изд. Археографическою Комиссиею, т. VI, СПб., 1910, стр. 15.

² Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, стр. 505.

знаки которого мы наблюдаем уже по духовным грамотам конца XV в. Каждого, обращающегося к этим документам, не может не поразить огромная задолженность представителей высшей феодальной аристократии, подводивших к концу жизни печальный итог своей хозяйственной деятельности. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени мы все еще не имеем вполне удовлетворительного объяснения этому явлению. Вряд ли можно признать убедительной ссылку только на общий консерватизм этих представителей знати, не умевших будто бы приспособиться к изменившейся экономической обстановке. Среди новгородских помещиков находилось несколько десятков измельчавших ярославских, ростовских и других князей, в хозяйствах которых наблюдался те же явления, которые были характерными и для всей массы московских помещиков, поселенных на бывшей новгородской территории. Вернее, упадок многих старых княжеских и боярских вотчин был вызван не одной, а несколькими причинами. К числу важнейших из них следует отнести изменения в характере вотчинного хозяйства. В XIV и в первой половине XV в., насколько это можно установить по источникам, крупные вотчинники не заводили собственного хозяйства, ограничиваясь натуральной рентой с крестьян и эксплуатацией промысловых угодий: соляных варниц, бортных лесов, бобровых мест и рыбных ловель¹. Обычно эти угодья были расположены в местностях, мало пригодных для хлебопашества. Между тем к концу XV в. часть этих угодий — бобровые гоны и бортные леса — «испромышлялись»; другие — соледобыча и рыболовство — встретили сильную конкуренцию со стороны монастырского хозяйства, ставшего главным поставщиком на рынок соли и рыбы. Поэтому доходность вотчин указанного типа должна была резко сократиться. Между тем расходный бюджет служивших князей и бояр стал сильно возрастать как в результате более дорогой придворной службы, так и вследствие увеличившегося бремени военных расходов. При этом боярину в обоих случаях приходилось при хроническом недостатке денежных средств все чаще и чаще обращаться к рынку.

Среднее и мелкое поместное землевладение оказалось более гибким и более приспособленным к развивавшимся рыночным отношениям. В поместном хозяйстве главное значение принадлежало не промысловым угодьям, а пашне. Повысившаяся производительность сельского хозяйства (переход к более правильному севообороту, уваживание почвы, укрупнение селений), с одной стороны, и рост рыночного спроса на хлеб — с другой,

¹ См. С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, М.—Л., 1947, стр. 152—153.

создавали экономическую возможность для увеличения крестьянских оброков и для развития денежной репты, при которой крестьянское хозяйство в большей или меньшей степени должно было связываться с рынком. Заведение барской запашки с возложением барщины на крестьянское население (в конце XV в. еще в скромных размерах) указывает на ту же тенденцию и со стороны помещиков, которые выступают не только потребителями, но и продавцами излишков хлеба. Кроме того, при сравнении поместного хозяйства с хозяйством старых боярских вотчин следует принять во внимание и то обстоятельство, что боярин, ввиду усложнения служебных обязанностей, мог бывать в своих владениях, если они не были расположены вблизи столицы, только редким гостем, тогда как основная часть провинциальных помещиков лично занималась ведением хозяйства.

Таким образом, экономическое развитие страны к концу XV в., рост общественного разделения труда, развитие крестьянской домашней промышленности и городских ремесел, увеличение производительности сельского хозяйства, усиление элементов внутренней рыночной системы на основе распространения товарно-денежных отношений — таковы условия, которые создавали возможность материального обеспечения посредством развития поместной системы массы мелких служилых землевладельцев. Опираясь на эту социальную силу, верховная власть «государя всея Руси» могла вести борьбу с остатками феодальной раздробленности и приступить в области внешней политики к разрешению задач, выдвинутых процессом развития Русского централизованного государства.

3

Среди разнообразных проблем, относящихся к истории России феодального периода, проблема образования в конце XV в. Русского централизованного государства имела несколько своеобразную судьбу.

В течение полутора столетий, от Татищева до последних работ буржуазных историков в начале XX в., при различных концепциях и разной периодизации исторического процесса, время великого княжения Ивана III, закончившего «собрание Руси», всегда занимало одно из центральных мест в исторических построениях. По мнению представителей дворянской историографической школы (Татищев, Щербатов, Карамзин), при Иване III произошло восстановление «древней монархии» и самодержавия; Соловьев видел в княжении Ивана III победу государственного начала над родовым; Ключевский полагал, что основным результатом деятельности

Ивана III было завершение образования великокняжеской вотчины, сливавшейся с государственной территорией; по мнению Преснякова, Иван III закончил «собрание власти», ранее рассеянной в руках многочисленных северо-восточных русских «великих» и «удельных» князей. Таким образом, время Ивана III в соответствии с историко-философскими взглядами различных авторов открывало начало новому периоду русской истории. Однако, несмотря на особое внимание ко времени Ивана III, его место в процессе образования Русского централизованного государства еще не вполне выяснено. Достаточно сказать, что этой теме не было посвящено ни одного крупного монографического исследования. Это полностью относится и к внешней политике Ивана III, составляющей часть общей проблемы образования Русского централизованного государства.

Первая сводка фактического материала, относящегося ко времени великого княжения Ивана III, была произведена В. Н. Татищевым для предполагавшегося четвертого тома «Истории Российской».

Неисправный список этого тома, охватывавший время от начала великого княжения Ивана III до 1577 г., был найден М. Погодиным и издан О. Бодяпским в 1848 г.¹ Хотя М. Погодин и находил, что Иван III был «отделан у Татищева совершенно», по это мнение далеко не соответствует действительности. Хорошо известно, что Татищев долго и упорно работал над первыми томами своей истории, много раз переделывая и исправляя написанный текст. Сохраняя летописную форму изложения событий в их строгой хронологической последовательности, сам Татищев называл свой труд «Летописью русской».

Татищев проделал большую критическую работу над использованными летописными сводами и другими источниками, результаты которой сообщены в комментариях к основному тексту. Четвертый том представляет, повидимому, предварительную сводку летописного материала, еще не подвергшегося систематическому анализу. Так как основным источником для этого тома послужили летописи, содержащие, как известно, весьма краткие и отрывочные сведения о внешних сношениях, то труд Татищева давал сравнительно мало для истории внешней борьбы в период образования Русского централизованного государства в XV в. Научное значение четвертого тома, сохранившегося и в настоящее время, заключается в систематизации известий из недошедших до нас летописных источников.

¹ В. Т а т и щ е в. История Российская с самых древнейших времен, кн. 5, М., 1848. Первые три части были изданы Г. Миллером в 1768—1784 гг. в четырех книгах. Поэтому четвертая часть вошла в состав пятой книги.

Большой шаг вперед в отношении привлечения архивного материала, поступавшего во все возраставшем количестве в руки исследователя начиная со второй половины XV в., был сделан М. Щербатовым. Получив доступ к фондам Московского архива коллегии иностранных дел, Щербатов первым обратил внимание на богатейший материал, заключенный в памятниках дипломатических сношений. Особое внимание историка именно к этим источникам не было случайным: внешняя политика, по мнению Щербатова, являлась сферой, в которой особенно ясно проявлялись способности государя, его ум и воля.

В соответствии со своим консервативным философско-политическим мировоззрением Щербатов представлял всю историю России, как историю деяний русских великих князей и царей, каждому из которых отводилась отдельная глава его много томного произведения. Над Щербатовым, как и над Татищевым, продолжала довлеть летописная схема строго хронологического расположения материала, в которой лишь слегка намечались контуры более широких обобщений. Щербатов, разумеется, не мог не отметить крупные перемены, происшедшие в состоянии страны в великое княжение Ивана III, государственные способности которого он оценивал очень высоко.

Полное уничтожение зависимости от татар, покорение Новгорода и Твери, а также присоединение удельных княжеств — составляли наиболее важный результат деятельности Ивана III. Однако в вопросе о начале нового периода Щербатов обнаружил заметное колебание, так как наиболее существенным признаком утверждения самодержавной власти он считал принятие царского титула.

Привлечение в качестве исторического источника посольских книг позволило Щербатову по сравнению с Татищевым значительно расширить изложение истории Ивана III. Подробный пересказ извлеченного из архива материала дипломатических сношений помещен им под соответствующими годами вместе с данными русских летописей и некоторых иностранных источников. Не ограничиваясь передачей содержания посольских книг, Щербатов поместил в приложение обширные выписки из них, правда, немного подновив язык, т. е. приблизив его к литературной речи своего времени. Таким образом, им были использованы все сохранившиеся посольские книги, относящиеся ко времени Ивана III¹.

Пользуясь различными источниками, Щербатов внес в изложение событий элементы критики. Так, по степени достовер-

¹ Татарские (Крымские) книги № 1 и 2; Литовская книга № 1, Царская книга № 1. Извлечения из этих книг помещены М. Щербатовым в т. IV, ч. III, под № 45, 52, 55—71, 73—76, 79, 80.

ности он на первое место ставил документальный материал. Наоборот, сообщения иностранных авторов вызывали у него ряд сомнений не только вследствие петочной передачи фактов, но и в силу тенденциозно-враждебного отношения иностранцев к России. «Не редко сие примечено, — пишет Щербатов, что чужестранные писатели везде, где могли найти случай, вообще Россию и часть ее государей старались злословить»¹.

Щербатову было чуждо представление о развитии тех или других явлений; его занимали только отдельные факты, в объяснение которых он выдвигал психологический момент, стараясь проникнуть в мысли, желания и стремления действующих лиц. По мнению Щербатова, объяснить поступки исторических деятелей было вполне возможно, так как «внутренность человека есть всегда одинакова». Так, все поступки Ивана III по мысли Щербатова определялись одной целью — усилением могущества своего государства. Сами события подсказывали историку, какие средства применял великий князь для достижения этой общей задачи, каковы были его действительные намерения и предположения. В тех отдельных случаях, когда действия Ивана III не укладывались в эту схему, Щербатов приводил предположения к оправданию поступка великого князя. Например, Щербатов не мог допустить, чтобы разорение Менглы-Гиреем Клева в 1482 г. было произведено с согласия или ведома Ивана III. Поэтому он высказал предположение, что нападение на Киев было произведено не крымскими татарами, с которыми Иван III находился в союзе, а враждебными ему татарам Большой Орды².

Однако Щербатову удалось произвести и несколько существенных наблюдений. Так, он правильно отметил связь, существовавшую между внутренним процессом объединения русских земель вокруг Москвы и внешнеполитическими отношениями. Удельные князья, принужденные стать под власть великого князя московского, стремились всегда с помощью Польши и Литвы «налагаемое на них шго низвергнуть», а те из них, которые потеряли свои владения и превратились в подданных московского государя, «не могли забыть великоление и не подвластные своих предков» и также стремились получить от Польши и Литвы «скорую и надежную помощь»³. Поэтому если наступление великого князя на удельную самостоятельность вызывало активное вмешательство со стороны враждебно настроенных соседей, то и в свою очередь борьба с внешними противниками побуждала Ивана III перестраивать свои отношения к удель-

¹ М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. II, стр. 155.

² Там же, стр. 196.

³ Там же, стр. 13.

ными князьями. Так, нападение татар Большой Орды в 1472 г. послужило поводом к перезаключению договоров Ивана III со своими братьями, Борисом и двумя Андрееми, чтобы с ними «в твердой дружбе пребывать». После победы над Ахматом (Ахмед-ханом) в 1480 г. Иван III заключил новые договоры с братьями, на этот раз «уже не яко в помощи их нужду пмсующий и страшящийся их ненависти, но яко государь, от единого своего произволения жалующий и снисходящий на союз крови»¹. Хотя Щербатов и не выяснил разницы в содержании перезаключенных «докончаний», которая показала бы, что дело шло не о проявлении родственных чувств, а об ограничении самостоятельности великокняжеских братьев, но сделанные им наблюдения имели положительное значение, так как намечали путь к дальнейшему исследованию.

Введение в научный оборот посольских книг по сношениям с Крымом и Литвой позволило Щербатову впервые наметить задачи московской политики в отношении этих стран, хотя и в этих вопросах Щербатов не выходит из рамок наивного психологизма. По его мнению, предложение дружбы со стороны Менгли-Гирея было вызвано тем, что Иван III, утверждая внутреннее спокойствие, «приумножал к себе почтение окружающих народов». Иван III принял предложение о дружбе со стороны крымского хана якобы потому, что этот поступок хана, принадлежавшего к прежним поработителям Руси, «делал ему (Ивану III. — К. Б.) уважение внутри самая России». Однако Щербатов справедливо заметил, что по своему местоположению Крымская и Ногайская орды были выгодными союзниками, с одной стороны, против татар Большой Орды, а с другой — против Польши и Литвы². В течение многих лет, писал Щербатов, «великий князь, употребляя силу единых татар противу других, тесную дружбу и союз старался с ханом Крымским Менлигереем содержать»³.

Щербатов дал высокую оценку внешней политике Ивана III, добившегося «без великих кровопролитий» очень крупных результатов: «...видно по всей истории великаго князя Иоанна Васильевича, колко далеко его политика простиралась, и что быстрый его разум проникал в самую глубину оныя»⁴.

Дворянская концепция русского исторического процесса получила полное развитие у Н. Карамзина. Стержнем ее являлась монархическая власть, представлявшая по его утверждению исконное начало русской государственной жизни. «Исто-

¹ М. Щербатов. Указ. соч., т. IV, ч. II, стр. 77, 85, 185.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Там же, стр. 235.

рия Российская» — это, прежде всего, история российских государей, последовательно сменявших друг друга на престоле. История российского самодержавия дала возможность Карамзину значительно более определенно, чем его предшественникам, Татищеву и Щербатову, установить хронологические графы для периодизации истории и определить то место, которое в общем процессе занимает Иван III. Основным признаком первого периода он считал «систему уделов», при которой монархическая власть, утвердившаяся в России в 862 г., была разделена между отдельными князьями. Этот период заканчивается установлением единовластия при Иване III, которое составило характерную особенность следующего периода, продолжавшегося до Петра.

С Петра начинается «новая история», происходит изменение «гражданских обычаев».

В схеме Карамзина Ивану III принадлежит центральное место. При Иване III Россия вышла «из сумрака теней»¹. «Отселе, — писал Карамзин, — история наша примет достоинство истинно государственной, описывая уж не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие. Разновластие исчезает вместе с нашим подданством: образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, вида оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества... Посольства иноземные одно за другим являются в нашей столице: императоры, папы, короли, республики, цари азиатские приветствуют монарха российского, славного победами и завоеваниями, от пределов Литвы и Новгорода до Сибири»².

Приведенные слова Карамзина не являлись простым риторическим украшением. Карамзин указывал, что важнейшей задачей внешней политики Ивана III было укрепление целостности и безопасности России. «Имея Литву главным предметом своей политики, — писал он, — государь с тою же деятельностью занимался и другими внешними делами, важными для чести и безопасности России»³. С этой точки зрения Карамзин положительно оценивал союз Ивана III с Менгли-Гиреем, так как «дружелюбная связь», не прекращавшаяся до конца их жизни, ускорила гибель Большой или Золотой Орды и «развлекая силы Польши, явно способствовала вели-

¹ Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, изд. 2, СПб., 1819, стр. 342.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 263.

цию России»¹. Однако при конкретном изложении внешней политики Ивана III, Карамзин исходил не из исторических условий, выдвигавших ту или иную задачу, а из личных побуждений самого великого князя. Так, приступая к описанию похода на Казань в 1467 г., Карамзин давал ему следующее объяснение: «Наконец Иоанн предпринял воинскими действиями рассеять свою печаль (по случаю смерти первой жены, Марьи Борисовны. — К. Б.) и возбудить в россиянах дух бодрости»².

С той же позиции наивного психологизма Карамзин объяснял отношения между Москвой и западными странами, которым он придавал особенно большое значение.

По мнению Карамзина Западная Европа с радостью приветствовала появление нового могущественного Русского государства и охотно предоставляла ему «знаменитое место» в своей политической системе. Поэтому Иван III будто бы совершил большую историческую ошибку, когда «в порыве досады разрушил благое дело веков» и закрыл в Новгороде двор немецкой Ганзы³. Во всей истории великого княжества Ивана III это был единственный случай, вызвавший со стороны Карамзина строгое осуждение.

История для Карамзина — цепь событий, причинная связь между которыми выражена в намерениях и действиях исторических лиц, т. е., прежде всего — государей, распорядящихся судьбами своих стран. Этим, а не только устойчивостью летописной традиции объясняется стремление Карамзина строго придерживаться хронологически последовательного рассказа, соединяя в одной главе самые различные события внутренней жизни и внешней политики. Разделение на главы подчинено чисто внешнему признаку, не имеющему никакого отношения к их содержанию: для удобства чтения Карамзин старался сохранить примерно близкие объемы глав⁴. Какая-либо периодизация внутри великих княжеств и царствований у него отсутствует. Вследствие такого расположения материала Карамзин разрывает единый процесс, помещая связанные между собою исторические события в различные главы.

Так, история присоединения Новгорода оказалась разбитой между двумя главами (I и III). Повидимому, сам Карамзин

¹ Н. Карамзин. Указ. соч., т. VI, стр. 86.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 266.

⁴ I глава охватывает 1462—1472 гг. (10 лет) и заключает 52 стр. текста; II глава — 1472—1477 гг. (5 лет) — 40 стр.; III глава — 1475—1481 гг. (6 лет) — 68 стр.; IV глава — 1480—1490 гг. (10 лет) — 39 стр.; V глава — 1491—1496 (5 лет) — 58 стр.; VI глава — 1495—1503 гг. (8 лет) — 63 стр.; VII глава — 1503—1505 гг. (2 года) — 42 стр.

сознавал искусственность произведенного им членения материала и поэтому в некоторых главах выходил за хронологические рамки.

Если в отношении исторической концепции Карамзин близко стоит к Щербатову, то значительный шаг вперед был им сделан в методе использования источников. Не потерявшие и теперь научного значения примечания Карамзина сделаны с большой добросовестностью и полнотой. Карамзин отказался от пересказывания источника, к которому часто прибегал Щербатов, особенно в первых томах своей «Истории», и с большой для своего времени текстуальной точностью привел наиболее интересные с его точки зрения выдержки из использованных материалов.

Историческая концепция Карамзина была окончательно разрушена С. М. Соловьевым. Вместе с нею исчезают и пережитки летописной схемы. Рассматривая исторический процесс как органическое развитие государственных форм, возникающих в борьбе с родовым строем, Соловьев отнес великое княжение Ивана III к тому моменту, когда государственное начало одержало решительную победу. Русское государство в конце XV в. вырастает из вотчины московских князей, которые из поколения в поколение терпеливо и настойчиво «собирали» русские земли под своей великокняжеской властью. Поэтому по мнению Соловьева объединенное Московское государство сохраняло свой вотчинный характер. При этих условиях расширение государственной территории он должен был рассматривать как продолжение длительного процесса расширения государственной вотчины.

В противоположность своим предшественникам, видевшим в Иване III творца нового государственного порядка, Соловьев объяснял блестящие успехи его внутренней и внешней политики благоприятной исторической обстановкой того времени.

«Московское государство перед княжением Иоанна, — писал Соловьев, — можно сравнивать с памятником, который был приготовлен, но еще не был открыт; Иоанну суждено было снять полотно, закрывавшее памятник»¹. Завершение объединения русских земель не потребовало больших усилий: «Новгород, Тверь, уделы княжества Московского ждали не последнего удара, но, можно сказать, только первого движения со стороны Москвы, чтобы присоединиться, приравняться к ней».

Во внешней политике Ивану III также оставалось только пользоваться счастливо сложившейся обстановкой, удержав-

¹ С. Соловьев. Собр. соч., т. I, изд. «Общественная польза», СПб., стр. 1486.

шейся в течение всего его княжения. «Орда падала сама собой от разделения, — писал Соловьев, — и стоило только воспользоваться этим разделением и усобицами, чтобы так называемое татарское иго исчезло без больших усилий со стороны Москвы. На Западе король польский и великий князь литовский занят внутри разделением между Польшей и Литвой, разделением, господствующим под видом сближения; сильно занят извне отношениями к Пруссии, Богемии, Венгрии, не может мешать Москве в ее усилиях, не может бороться с нею и уступает ей целые области»¹.

В действительности внутренняя и внешняя обстановка во второй половине XV в. были далеко не так благоприятны для Москвы, как это представлялось Соловьеву. Заслугой Ивана III как государственного деятеля являлось умение, использовав сложившуюся политическую обстановку, создать благоприятные условия для разрешения очередных государственных задач. Недооценивая активный характер внешней политики Ивана III, Соловьев превращал ее в ряд слабо связанных между собой действий. Внешняя политика была выделена им в две отдельные главы: Восток (гл. III) и Литва (гл. IV).

Основной частью восточной политики Ивана III явились, конечно, отношения с Менглы-Гиреем. Сношения же с другими восточными странами и народами (Турцией, тюменцами, ногаями, Хоросаном, Грузией) были кратко изложены в конце главы. Так же конструктивно построена глава, посвященная политике Ивана III в отношении западных стран. Отношения с ливонскими немцами, шведами, Данией, австрийским двором и Венецией механически присоединены в виде общего обзора к концу этой главы. Такое расположение материала не давало сколько-нибудь полного представления о внешней политике Ивана III как цельной системы.

Издание памятников дипломатических сношений с Австрией (1851), Литвой (1882), Крымом и Турцией (1884) значительно облегчило изучение данной проблемы. Однако если исключить побольше работы по частным вопросам, то за все время с начала издания этих источников можно указать лишь одно крупное исследование Г. Карпова — «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским (1462—1508)»². Автор высказывает реакционные, великодержавные и шовинистические взгляды, которые делают негодным всякую его попытку к обобщениям; в его работе может быть исполь-

¹ С. Соловьев. Собр. соч., т. I, изд. «Общественная польза», СПб., стр. 1350.

² Работа Г. Карпова была напечатана в «Чтениях в Об-ве истории и древностей Российских», кн. 3 и 4, 1866.

зован только содержащийся в ней богатый документальный материал посольских сношений.

Следует признать, что буржуазными историками было сделано очень мало для изучения интересующей нас проблемы. Не говоря о недостаточной разработке фактического материала, значительно более слабой, чем это было сделано в отношении некоторых других периодов русской истории (время Ивана Грозного, Петра Великого), методологические приемы исследования не позволяли раскрыть все историческое значение данной темы. Внешняя политика рассматривалась буржуазными историками почти как самостоятельная область истории. Внешняя политика Ивана III отрывалась от процесса образования Русского централизованного государства и от классовых отношений своего времени.

В советской исторической науке изучение внешней политики Русского централизованного государства ведется в свете указания И. В. Сталина на внешнюю государственную функцию, задачей которой является «... расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»¹. Внешняя политика Ивана III — политика господствующего класса.

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 41-е, 1939, стр. 604.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ МОСКОВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

(60—70-е гг. XV в.)

1

Особенностью в политическом положении слагавшегося Русского централизованного государства в первой половине XV в. являлась неустраненная внешняя опасность, нависшая над русскими землями почти на всем огромном протяжении их границ. На севере шведы не прекращали своих попыток овладеть важными речными артериями, Волховом и Невой, и стремились укрепиться на южном побережье Финского залива; Ливонский орден продолжал разбойничьи нападения на Псковско-Новгородскую территорию; великое княжество Литовское, включившее в свой состав не только всю Западную и Юго-Западную Русь (всю Белоруссию и Украину, за исключением земель, отошедших к Польше), но и часть великорусской территории (Смоленскую землю), занимало угрожающее положение в отношении Пскова, Новгорода, Твери, Москвы и Рязани; вся южная степная граница была открыта для нападений со стороны Золотой Орды. Хотя сама Золотая Орда находилась в процессе распада, но выделившиеся из нее отдельные ханства и орды приобретали все большее и большее политическое значение. После выделения Казанского ханства на восточной границе Руси появился новый беспокойный сосед. Внешняя опасность могла быть ликвидирована лишь после того, как будут разорваны важнейшие звенья всей этой враждебной цепи.

Длительная феодальная война при Василии Темном, занявшая около четверти века, ослабляла в течение этого времени внимание московской великокняжеской власти к событиям внешней политической жизни. Отношения с Литвой после последнего «розмирья» Василия Дмитриевича с Витовтом оставались мирными до самой его смерти. Витовт по духовному завещанию Василия Дмитриевича стал даже опекуном

своего внука, Василия Васильевича. Однако широкая наступательная политика Витовта в отношении немосковских русских земель, энергично развернутая им в девяностых годах XIV в., не была вполне оставлена и в следующее тридцатилетие XV в.¹ После занятия в 1404 г. Смоленска непосредственными целями этой политики явились Псков, Новгород, Тверь и Рязань.

В отношении Новгорода Витовт продолжал домогаться вассального подчинения его литовской короне. В 1407—1411 гг. князь Симеон-Лугвений Ольгердович сидел на тех же новгородских пригородах, которые были ему даны во время первого приезда в 1389—1392 гг. Повидимому, Витовт, отпуская Симеона-Лугвения в Новгород, заключил с Новгородом какое-то соглашение, о котором мы узнаем из сообщения Новгородской летописи по случаю отъезда Симеона-Лугвения обратно в Литву. В январе 1412 г. Ягайло и Витовт упрекали новгородцев в неисполнении обещания совместно действовать против немцев: «...что были есте нам нялися, сложат ли немцы нам, и вам было немцем такоже сложити, и с ними заодно стати и закрепитьися на обе стороны в запас». Однако новгородцы отказались расторгнуть мир с немцами и литовским посланцам Немиру и Зиновию Братошичу отвечали: «Не может Новгород того учинити, как есмь с литовским мирны, такожде есмь и с немцы мирны». Новгород, таким образом, отстаивал право на полную самостоятельность своей внешней политики. Этот конфликт вызвал отъезд из Новгорода Симеона-Лугвения, который сказал новгородцам: «...дрьжали мя есте у себе хлебокормлением, и пыне моей старейшей королю и Витовту не любо, и мне не любо, занеже есмь с ними один человек, а с мене крестное целование долов». Как правильно отметил Л. В. Черепнин, Ягайло и Витовт рассматривали прием на кормление Симеона-Лугвения как акт коммendaции Великого Новгорода Литве и Польше. «Розмирье» с Витовтом продолжалось до 1414 г., когда ездивший в Литву посадник Юрий Онцпфорович заключил с ним мир «по старине».

Враждебные действия Витовта против Пскова и Новгорода возобновились в конце 20-х гг. XV в. Повидимому, и в этом случае поводом к разрыву послужило неудовольствие Витовта по поводу отказа Пскова следовать его политике в отношении Ливонского ордена. Между тем положение Пскова, предоставленного собственным силам, зажатого между Литвой и Орденом,

¹ Еще в 1398 г. по Салинскому договору, заключенному с Ливонским орденом, Витовт, отказываясь в пользу Ордена от Жмуди и от притязаний на Псков, получил от него обязательство помочь ему в завоевании Великого Новгорода (А. Пресняков. Образование Великолукского государства, Пг., 1918, стр. 339).

песомненно, было весьма трудным. Поэтому становится понятным лавирование псковских властей между двумя могущественными соседями. Широкие военные приготовления Витовта указывают на серьезные цели задуманного наступления. Еще в 1425 г. Витовт обратился за помощью к прусскому магистру Руссдорфу с предложением участвовать в этом походе. Затем с подобными предложениями он обращался также в Ригу, Дерпт и к ливонскому магистру. Хотя эти просьбы литовского князя и не были удовлетворены, по все же Витовт располагал крупными силами¹.

В «Петров день» 1426 г. Витовт «мир разверзе с Псковом» и 1 августа пришел воевать псковские волости «с силою великою литовскою и с татарами». Жителям Опочки все же удалось отбить приступы; Витовт, простояв двое суток под городом, отправился к Вороничу и после трехнедельной его осады заключил с вороничанами перемирие. Однако дальнейшие действия Витовта, по известиям Псковской летописи, не были удачными. Хотя псковичи не получили никакой помощи от новгородцев, но имели некоторый успех в столкновениях с литовцами и татарами. 25 августа без участия Новгорода они заключили мир с Витовтом, пообещав выплатить Витовту тысячу рублей. В то же время псковичи обратились к великому князю Василию Васильевичу с просьбой, чтобы он отправил посла к своему деду Витовту «за своих мужей пскович»².

Великий князь Василий исполнил эту просьбу и велел сказать Витовту: «Что ради тако ты чинишишь чресь докончанье, где было ти со мною бити заодно, и ты мою отчину воюешь и пугу твориши?»³.

В 1428 г. (6936) Витовт «в силе велице» вторгся в Новгородскую землю. Нападению подверглись Вышгород и Порхов. Когда 20 июля Витовт подошел к Порхову, владыка и посадники «добыша челом» и заключили с ним мир «по старине»⁴. Новгороду пришлось уплатить Витовту десять тысяч рублей серебром и тысячу рублей за освобождение из плена.

Более успешными были действия Витовта по отношению к Твери и Рязани. По договору 1427 г. великий князь Тверской Борис Александрович обязывался Витовту быть «при его стороне» и помогать ему «на всякого, не вынимая». С своей стороны

¹ А. Барбашев. Витовт. Последние двадцать лет княжения, СПб., 1891, стр. 195.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 203—204. Во время войны с Псковом Витовт обращался в Ригу, Юрьев (Дерпт) и к ливонскому магистру с просьбой о содействии. Однако епископы рижский и дерптский и магистр отказались от участия в войне (А. Барбашев. Указ. соч., стр. 195).

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 94.

⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 121, 205.

Витовт обещал «своего внука боронити от всякого, думою и помочью»¹. Впоследствии этот договор стал основным документом для доказательства особых прав великого князя Литовского на Тверскую землю.

Летом 1427 г. Витовт совершил поездку в Рязанские княжества, которую он довольно подробно описал в письме к великому магистру: «Достойный возлюбленный господин магистр, мы уже писали вам о нашем намерении посетить русские земли; мы поехали на восток так, что Московская земля оставалась у нас влево. Нас встретили великие герцоги («grosse herczogen») из русских земель, которые по их достоинству также называются великими князьями («grossfürsten»), рязанский, переяславльский, пронский, новосильский, с их детьми, одоевский, воротынский... и обещали нам верность и послушание («die uns doselbist geholdit und sich trawe und gehorzuan czu halden vorschreibin habin...»), ...принимали нас везде с большим почестями и дарили золотом, серебром, конями, соболыными шубами. Когда мы ехали назад, то Московская земля была вправо, и мы думали заехать к нашей дочери — великой княгине московской, по ее просьбе, что можно было бы сделать в три дня; но так как мы замешкались в дороге, и нам оставалось еще много ехать, то мы не могли этого сделать. Как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе с своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту («die sich mit iren sonen und mit irem grosfürstthin landen und luthen in unser vormuntshaft vorwesunge und beschutzunge genzlich hat befallen») ².

Таким образом, в этом письме к великому магистру Витовт, значительно преувеличивая свое влияние в русских делах, старался представить себя в роли протектора над всеми русскими землями.

Сохранились две договорные грамоты с Витовтом — великого князя рязанского Ивана Федоровича и пронского князя Ивана Владимировича, которые, несомненно, относятся к 1427 г. ³. Иван Федорович Рязанский сообщает, что он «добил есмь челом» Витовту, «дал ся есмь ему на службу, и осподарь мой князь велики Витовт принял меня князя великого Ивана Федоровича на службу». Иван Федорович давал обещание быть с великим князем Витовтом «заодин на всякого» и без его воли

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, № 33, СПб., 1846.

² Письмо издаво в Codex epistolaris Vitoldi, Привожу в переводе, данном в работе А. Б а р б а ш е в а. Указ. соч., стр. 196.

³ ААЭ, т. I, № 25 и 26. Издатели без основания отпесли эти договорные грамоты к 1430 г. См. Соображения по этому вопросу у А. Б а р б а ш е в а. Указ. соч., стр. 196.

не заключать никаких соглашений. Великому князю московскому, внуку своего «ослодина», Иван Федорович должен был помогать лишь «по велению» Витовта. Если же у Витовта произойдет какое-либо «нелюбие» с внуком или с его дядями и братьями, то Иван Федорович должен был «пособляти великому князю Витовту своему ослодарю на них без хитрости». Подобную же грамоту дал и проский князь Иван Владимирович.

Содержание этих грамот значительно отличается от обычного формуляра «докончальных» грамот о военно-политическом союзе. Оба рязанских князя обращались в вассальных «служебных князей» Витовта и лишались самостоятельности в области внешней политики. Особенного внимания заслуживают условия, определявшие отношение Рязани к Москве. По условиям договора Витовт мог в любое время приказать своим рязанским вассалам пацать на московских князей. В договоре с Борисом Александровичем тверским, хотя московский князь и не был назван, по договорная формула — «быти ми с ним заодиц, при его сторопе, и пособляти ми ему на всякого, не вынимаю», — несомненно, имела в виду прежде всего Московское княжество.

Эти договоры, направленные по существу против Москвы, были заключены еще в то время, когда отношения между дедом и внуком, Витовтом и Васплием Васильевичем, были самыми благожелательными. В 1430 г. Василий Васильевич вместе с митрополитом Фотием ездили в Троки на несостоявшуюся коронацию Витовта. Тем не менее Витовт охватывал, как клещами, московскую «отчину» своего внука, зажимая ее между Тверью и Рязанью. Действия Витовта в 1426—1428 гг., направленные против Пскова, Новгорода, Твери и Рязани, т. е. по существу против всей западной окраины русских земель, нельзя поэтому рассматривать вне взаимной связи. Они явились началом осуществления больших политических планов, прерванных неожиданной смертью Витовта¹.

Вспыхнувшая после смерти Витовта династическая и политическая борьба в Литве, продолжавшаяся более десятилетия, препятствовала его преемникам продолжать активную политику в отношении русских земель, которые в это время были схвачены затяжной феодальной войной.

После смерти Витовта Новгород заключил «вечный мир» с Свидригайлом Ольгердовичем, условия которого изложены в сохранившейся, правда, в очень плохом состоянии, подлин-

¹ А. Пресняков правильно отметил, что «внуку пришлось не дешево заплатить за «печалование деда» (А. П р е с н я к о в. Указ. соч., стр. 387). Но дело было не в одном наступлении Витовта на Новгород и Псков, как отмечает А. Пресняков, а в более широких замыслах.

ной грамоте¹. Обращает внимание то обстоятельство, что Витовт умер 27 октября 1430 г., а договорная грамота Свидригайла с Новгородом датирована 25 января 1431 г. Такая поспешность с заключением «вечного мира» с новоизбранным литовским великим князем, известным своим благожелательным отношением к русскому населению, на поддержку которого он главным образом и рассчитывал в Литве, позволяет предполагать, что новгородцы постарались использовать благоприятный момент для разрешения спорных вопросов и укрепления своей независимости. В договоре нет никаких обязательств, которые могли бы поставить Новгород в неравноправное положение по отношению к великому княжеству Литовскому. Основное внимание в договоре направлено на охрану свободной торговли и урегулирование пограничных вопросов, являвшихся предметом многолетнего спора между Новгородом и литовскими князьями. Граница между обеими сторонами устанавливалась «по старому рубежу». Точно были установлены размеры дани, которую великий князь литовский имел право собирать в пограничных новгородских волостях и погостах. Отсутствие предыдущей договорной грамоты с Витовтом не позволяет произвести сравнение между условиями обеих «докончаний». Однако некоторые условия грамоты Свидригайла, как нам представляется, имеют в виду ограничение в пользу Новгорода ранее существовавших прав литовского князя на получение доходов с отдельных Новгородских волостей. Так, особо оговариваются, что «в Новгородской волости ненадобе ништо иное Литве: ни на Демьяни, ни на Сне, ни на Полонове ненадобе брати черные куцы, ни иное ничто же»². Характерно также отсутствие каких-либо упоминаний о соглашении с Витовтом.

Казимир IV Ягайлович, избранный в 1440 г. великим князем литовским, в первые годы стремился поддерживать мирные отношения с соседними русскими землями. К этому времени относятся его договоры с Псковом и Новгородом. Договорная грамота с Псковом 30 декабря 1440 г. проникнута стремлением предать забвению старую вражду и ущерб, нанесенный друг другу до смерти Витовта: «А котории будут пени вчынили перьво великого князя Витовътовы смерти, или пожжено, или сильно пограблено, или головы побиты, и инии пак дела: то есмо так все на обе стороне вчыпили, отложили, того ненадобе искати ни нашим на псковичах, ни псковичом на наших». Договор признавал полную самостоятельность Пскова от

¹ Дефектный текст грамоты Свидригайла восстанавливается по договорной грамоте с Казимиром 40-х гг. XV в. (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., стр. 330—332).

² По восстановленному тексту.

Москвы и Новгорода. Были установлены условия свободной торговли для обеих сторон, очень напоминавшие соглашение Свидригайла с Новгородом.

В сентябре 1444 г. Новгород принимает на кормление литовского князя Ивана Владимировича, которому были отданы те же пригороды, в которых сидел Симеон-Лугвений и его сын Юрий. Обращение к литовской помощи было, повидимому, вызвано затруднительным положением Новгорода: осенью этого года Борис Александрович разорил Бежецкий верх, Заборовье и Новоторжские волости; одновременно немцы сожгли посад у Яма и опустошили морское побережье. Неприязненно, вследствие поддержки Шемяки, складывались у Новгорода отношения и с великим князем Василием Васильевичем. Казимир сделал попытку воспользоваться этими обстоятельствами для усиления своего влияния в Новгороде. В этом же году Казимир обратился к новгородцам с предложением принять его наместника: «возьмите моих наместников на Городище, а яз вас хочу боронити; а с князем есмь с Московьским миру не взял вас деля». Однако новгородцы «не ялися»¹.

К этому времени, т. е. к 1444—1445 гг., следует отнести «докончание» Казимира с Новгородом «вечного мира», условия которого почти текстуально воспроизвели договор Свидригайла 1431 г.²

После избрания Казимира польским королем его положение в Литве сильно пошатнулось. Литовское панство было крайне недовольно возобновлением династической унии с Польшей и упрекало Казимира в том, что он интересы «великого княжества» принес в жертву «короне польской». Эти обвинения побудили Казимира к действиям, которые должны были рассеять опасения у руководящей части литовского панства. Известный привилей 1447 г., сыгравший большую роль в развитии крепостного права, удовлетворил основные требования крупных землевладельцев. В этот же период (1447—1449) Казимир активизирует свою восточную политику в духе принципов Витовта.

¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, стр. 439.

² Сохранился в подлиннике (ЦГАДА. Центральный государственный архив древних актов, разряд XXVII, № 3) и в списке XVI в. в составе Литовской метрики (ЦГАДА. Литовская метрика. Книга записей № 5, лл. 284—285). По подлиннику издан в РИБ (Русская историческая библиотека, изд. Археографической Комиссией, СПб., 1907, т. XXII, стр. 15—18); также Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Изд-во Акад. наук СССР, М.—Л., 1949, № 30, № 70; по списку Литовской метрики — АЗР, т. I, № 39.

Литовский великий князь имел право собирать дань со следующих новгородских волостей и погостов: Молвятичи, Кунск, Верезовцы, Стерж, Морево, Жабна, Лопастичи, Буйцы, Любоково, Заклинсье, Ржев. В совместном владении находились Луки В., где сидело два тпуна — литовский и новгородский.

В 1449 г. произошло «розмирьс» Казимира с Борисом Александровичем тверским, сообщение о котором отсутствует в летописях, но сохранилось в «Слове похвальном» инока Фомы. К Борису Александровичу, находившемуся в Твери, пришла весть, что «король великопольский и краковський и великий князь литовский Казимир со всеми силами, и еще же многих земель с ним люди, идет на дом святого Спаса». Когда люди услышали «невеселые те вести», то некоторые хотели уходить в другие города, а другие — «на бег готовляхуся». Но Борис Александрович начал собирать ратные силы. Когда Казимир услышал, что тверской князь готовится выступить навстречу ему, то велел своим воеводам начать переговоры с порубежными воеводами Бориса Александровича. Последний послал послов к королю и заключил с ним мир¹.

Условия заключенного мира сохранились в договорной грамоте 1449 г. Бориса Александровича с королем Казимиром. Король отступался от Ржева, который он взял у Бориса Александровича, когда находился с ним «не в любви». В основном договор повторял соответствующие условия «докончания» 1427 г. Витовта с Борисом Александровичем. Тверской князь давал обещание Казимиру «стояти за-одно противу всех сторон, никого не выимуючи, хто бы коли немирен был». Ограничение допускалось только в отношении немцев по причине их отдаленности («занеж земля далече»): в случае «розмирья» Казимира с Орденом Борис Александрович мог не посылать королю помощи, если ему будет «недосуг», это было ему «не в измену»². Таким образом, Казимиру, по крайней мере формально, удалось восстановить вассальное подчинение Тверского княжества, которое оставалось основным объектом литовской великокняжеской политики на Востоке.

Повидимому, в связи с этими активными действиями Казимира стоит новая вспышка враждебности между ним и великим князем Василием Васильевичем. В 1446 г. великий князь посылал двух татарских царевичей (Касима и Якуба?) на Вязьму, Брянск и другие города. Татары захватили большой полон и дошли почти до Смоленска. Казимир в свою очередь послал к Можайску «своих панов и рать свою», которые разграбили пять городов, причинив большие убытки населению³. Весной 1448 г. в Москву приезжал литовский посол Семен Еди-

¹ И. И и х а ч е в. Инока Фомы слово похвальное, СПб., 1908, стр. 35—36. Описанные Фомой события произошли тотчас после страшного пожара, уничтожившего Тверь в 1449 (6957) г.

² АЗР, т. I, № 51. По списку Литовской метрики (ЦГАДА. Книга записей № 6, лл. 294—295).

³ ИСРЛ, т. IV, 1925, стр. 440.

голдов¹. Повидимому, результатом этого посольства было заключенное в 1449 г. «вечное докончанье» о «братстве и любви» от имени великого князя Василия и его «братья молодшей». Обе стороны обещали иметь общих друзей и недругов: «А хто будет ему друг, то и мне друг; а хто будет ему недруг, то и мне недруг». Король Казимир давал обязательство не принимать к себе «недруга» князя Дмитрия Шемяку и быть с великим князем на него «заодно». В свою очередь Василий Васильевич обещал не принимать к себе «недруга» короля — князя Михаила, сына Сигизмунда Кейстуовича, и также быть на него с королем «заодно». В договор было включено условие о совместной обороне против татар «украинных мест», т. е. южной порубежной территории. Союз о «братстве и любви» был достигнут ценою значительных политических преимуществ короля Казимира. Великий князь тверской Борис Александрович «со своею братьею и з братами» объявлялся «в стороне» короля и только «в любви и в докончанья» с великим князем московским. В случае желания рязанского князя Ивана Федоровича служить Казимиру Василий Васильевич обещал «прото на него не гневаться, ни мстити ему»².

Признавая особые отношения короля с Тверью и Рязанью, Василий Васильевич решительно отводил его притязания на Псков и Новгород: «Тако ж в Новгород Великий и во Псков, и во вси новгородские и во псковские места, тебе королю и великому князю не вступатися и не обидети их; а имут литися новгородцы и псковичы давати, и тебе королю их не приимати». Король не должен вступаться за Новгород и Псков, если бы великий князь решил их «показати». Король обязывался иметь отдельный мир с немцами, отдельный — «опришный» — с Новгородом и отдельный — с Псковом; король не должен был вмешиваться в случае войны между ними. Последние условия, несомненно, имели в виду попытки Витовта, и отчасти Казимира, включить Новгород и Псков в свою внешнеполитическую систему в интересах великого княжества Литовского.

Иван III имел впоследствии полное основание упрекать короля Казимира в невыполнении условий «докончания». Когда внутренняя феодальная война закончилась победой Василия Васильевича, Казимир стал охотно принимать потерпевших поражение «удельных князей» и испомещать их на своей порубежной территории. В 1454 г. в Литву бежал с женою и с детьми Иван Андреевич Можайский. В том же году в

¹ «А тое же весны (6956) был, по велице дни, у великого князя посол Литовский пан Семен Едиголдов» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 121).

² АЗР, т. I, № 50. По списку Литовской метрики (ЦГАДА. Книга записей № 6, лл. 194—196).

Литве оказался п сын Дмитрия Шемяки — Ивап Шемячич¹. В 1456 г. во время «поимания» Василия Ярославича сын его Иван бежал из Боровска в Литву. Ивап Андреевич Можайский получил от короля Стародуб и Гомель. По соседству с ним в Новгороде Северском и Рыльске устроились Шемячичи. Таким образом, из состава Чернигово-Северской земли были образованы два крупных княжества: Стародубское и Новгород-Северское.

Начавшаяся вскоре тринадцатиплетьная война Польши с Тевтонским орденом (1453—1466) надолго отвлекла Казимира от литовских и русских дел. Положение его в Литве вновь пошатнулось. В середине 50-х гг. была сделана попытка свержения Казимира, взамен которого великое княжение предполагалось передать Семпу Олельковичу². В 1461 г. на сейме в Вильне литовские паны открыто требовали от Казимира — либо жить в Литве, либо предоставить ей отдельного князя; при этом опять называлось имя Семена Олельковича. Несмотря на династическую унию, отношения между Польшей и Литвой все это время были напряженными. В 1463 г. на сейме в Петрокове литовцы требовали возвращения Подолши и Волыны и даже угрожали войной³. Поэтому договоры, заключенные Казимиром в 1449 г. с Тверью и Москвой, не имели каких-либо заметных политических последствий.

Одержав полную победу над Шемякой и его союзниками и окончательно укрепившись на Московском великом княжении, Василий Васильевич в пятидесятых годах решительно изменил свои отношения с Новгородом, Тверью и Рязанью.

После смерти Витовта мы не наблюдаем какой-либо зависимости Рязани от Литвы. В то же время все более и более крепил ее связи с Москвой, как с общерусским государственным центром. Во время феодальной войны при Василии Темном Иван Федорович рязанский был всегда на стороне того, кто фактически владел Москвой. Сначала он «целовал крест» Василию Васильевичу, потом, когда Юрий Дмитриевич временно занял Москву, Ивап Федорович сложил «целованье» к Василию Васильевичу и обязался быть заодно с Юрием⁴. Наконец, после

¹ В 1-й Псковской летописи сообщается, что Ивап Дмитриевич Шемячич приехал в Псков из Новгорода 9 апреля и был принят псковичами «с великою честью». 1 мая он поехал в Литву, получив от псковичей 20 руб. дара (Псковские летописи, вып. I, М., 1941, стр. 52).

² В связи с этим особый интерес приобретает присзд Семена Олельковича в 1451 г. в Москву для свидания со своею «бабюю» Софией Витовтовной и великим князем Василием Васильевичем (ПСРЛ, т. VIII, стр. 123).

³ М. Д о в н а р - З а п о л ь с к и й. Польско-литовская уния на сеймах до 1569 г. («Древности»). Труды славянской комиссии Московского археологического общества, т. 2, М., 1898, стр. 120).

⁴ Собрание Государственных грамот и договоров, М., 1813, т. I, № 48.

окончательного занятия Москвы Василием Васильевичем в 1447 г. заключил новый договор с Иваном Федоровичем, в котором последний признавал его «братом старейшим» и обещал быть с ним «везде за одиу без хитрости». Особое внимание в этом договоре было обращено на отношения Рязани к Литве: «А не пристати ти к татарам и к Литве шкотою хитростью». Иван Федорович только в том случае мог заключить мир с Литвой, если в мире с ней находился великий князь Василий. В случае, если бы литовский князь захотел с Иваном Федоровичем «любовл», последний мог взять с ним «любовь», но только «по думе» с Василием Васильевичем. При этом в докончальной грамоте следовало оговорить, что Иван Федорович «с великим князем с Васильем Васильевичем одиу человек»¹.

Хотя Казимир, судя по его договору с великим князем Василием, собирался заключить договор с Иваном Федоровичем на основе его «докопчашья» с Витовтом, но успеха в этом не имел. Иван Федорович не только не «бил челом» ему на службу, но занял резко враждебную позицию по отношению к литовским владениям в верховьях Оки. В 1456 г. король Казимир отправил в Рязань посла Василия Хребтовича с жалобами на «кривды и шкоды великия», которые производили рязанцы в приокских порубежных местах. Весною этого года люди Ивана Федоровича приходили «безвестно» под Мценск, сожгли его, повоевали окрестности города и увели много пленных².

Длительные колебания Рязани между Литвой и Москвой кончались. Рязань решительно стала на сторону Москвы, ибо с ней были связаны ее экономические, военно-политические и национальные интересы. Перед смертью в 1456 г. Иван Федорович передал свое княжество и восьмилетнего сына Василия «на соблюдение» великому князю Василию. В Рязань в рязанские города были посланы великокняжеские наместники³.

Одновременно с Рязанью оторвалась от Литвы и Тверь. В середине 50-х годов Василий Васильевич и Борис Александрович тверской заключили между собой «докопчание», по которому на будущие времена устанавливали единую внешнюю политику⁴. Порывая с традициями отца и деда, которые в литовских связях искали опоры для противодействия усиливавшемуся влиянию Москвы, Борис Александрович обязывался совместно с великим князем Василием выступать против татар, Литвы, ялов (поляков) и немцев⁵.

¹ Собрание Государственных грамот и договоров, М., 1813, ч. I, № 65.

² АЗР, т. I, № 56.

³ ИСРЛ, т. VIII, стр. 147; т. XII, стр. 112.

⁴ «А се нам докопчаше и нашим детем, и нашей братье молодой и мейшей, и нашим внучатом и их детем».

⁵ Собрание Государственных грамот и договоров, т. I, № 76 и 77.

Новгород и Псков в 40-х гг. в последний раз сыграли за время своей самостоятельности крупную роль в защите северо-западных русских окраин от немецко-рыцарской агрессии. Середина сороковых годов — наиболее тревожное время для Руси, когда основные силы ее втянулись в междоусобную феодальную войну. В эти годы Новгород и Псков не могли рассчитывать на какую-либо значительную помощь, тем более что поддержка, оказанная новгородским боярством Шемяке, приводила его к ссоре с великим князем Василием Васильевичем.

В истории воишественной политики Ордена в отношении соседних русских земель период от середины двадцатых до середины сороковых годов являлся временем затишья, вызванным главным образом внутренними событиями в Ливонии. Многолетняя борьба между магистром, епископскими кафедрами и городами, а также участие Ордена в войнах в Ливне и Польше прпуждали Орден временно воздерживаться от столкновений с Новгородом и Псковом. В Ливне, в надежде на установление ленной зависимости, Орден поддерживал Свидригайло против Сигизмунда Кейстутовича, но понес тяжелые поражения. В битве на р. Свенте около Вилькомира в 1435 г. пал магистр Франко фон Кердорп вместе со многими знатными начальниками и рыцарями. По миру, заключенному в этом году в Бресте, Орден отказался от дальнейшего вмешательства в литовско-польские отношения и династические распри в Ливне.

К началу 40-х гг. при магистре Фишке фон Аверберге, новгородско-псковские земли вновь стали объектом завоевательных устремлений Ордена. Осенью 1444 г. немцы сожгли посад города Яма и разорили морское побережье. В ответ на это нападение новгородцы ходили зимой под предводительством князя Ивана Владимировича за р. Нарову и пожгли села около Ругодива (Нарва) и по р. Нарове до Чудского озера. Летом немцы явились к городу Яму с крупными силами во главе с магистром. Город, который защищал князь Василий Юрьевич Суздальский, пять дней обстреливался из пушек. Немцы все же не могли его взять, но потеряли многих убитыми и ранеными. Одновременно с осадой Яма они разорили земли Водской пятины до Невы и Ижоры. Новгородцы собрались вновь идти в немецкую землю и даже послали вперед людей лужских и водских и ижорских бояр, но начавшийся падеж лошадей заставил приостановить этот поход¹.

Материалы Кенигсбергского архива, находившиеся в распоряжении Карамзина, позволяют рассматривать эти враждебные действия Ордена не в качестве мелкой пограничной войны,

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 439.

полностью не прекращавшейся в течение всего существования Ливонского ордена, а как начало осуществления более серьезных замыслов, направленных к покорению и подчинению Новгорода. В 1445 г. великий магистр Тевтонского ордена, отправляя посла в Данию на свадьбу короля Христофора, поручил ему склонить короля к содействию в войне с новгородцами. В то же время Ливонский орден предпринимал меры, чтобы не была допущена помощь новгородцам со стороны короля Казимира.

Помимо военных приготовлений, большое внимание было уделено прекращению торговли Новгорода с ливонскими и ганзейскими городами, т. е. установлению экономической блокады. В 1446 г. великий магистр Тевтонского ордена обратился с письмом к Любеку, а также к королю датскому и шведскому с просьбой прекратить отправку хлеба в Новгород. В этом же году великий магистр писал ливонскому магистру, чтобы он задержал суда из Пруссии, которые везли хлеб и мед в Россию, и чтобы сообщил имена купцов с целью их наказания¹. Однако установление экономической блокады Новгорода встречало большие затруднения, так как сами ливонские города терпели значительные убытки. В мае 1444 г. на жалобу трех ливонских городов, что венские и прусские города продолжали торговать с русскими при посредстве Выборга и Або, Любек отвечал, что он не в силах воспрепятствовать торговле с русскими через Швецию. Кроме того, часть товаров поступала в Новгород через Юрьев (Дерпт) и Псков. В общем запрещение торговли с Новгородом тяжело отразилось на ливонских городах. В июле 1445 г. Ревель предупреждал ливонского магистра, что если не будет заключен мир с русскими, то торговля города понесет «величайшие убытки»².

Война ордена с Новгородом имела серьезное значение, на что указывает посылка в Ливонию Тевтонским орденом значительных подкреплений. В 1447 г. великий магистр писал ливонскому магистру, что назначенные к отправке люди посажены на суда, и с ними находится рыцарь Генрих. При этом он передавал известие, полученное из Кракова: «... бояре литовские в Кракове говорят, что вам не будет удачи в войне с новгородцами, которые ожидают сильной помощи. Пыле пишут ко мне, что волехи и татары намерены идти к ним».

При помощи Рима Орден стремился придать войне с Новгородом характер религиозной борьбы с «русскими отступни-

¹ Н. Карамзин. История государства Российского, т. V, СПб., 1819, прим. 316.

² Г. Гильдебранд. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах по части русской истории, СПб., 1877, № 222, 223, 224.

ками». В 1447 г. великий магистр обратился к прокуратору папского двора с просьбой попытаться склонить папу к уступке церковных сборов в Пруссии и Ливонии для войны с русскими и просил, чтобы «святой отец» вместе с кардиналами молился о даровании победы¹.

Однако война с Новгородом военных успехов Ордену не принесла, несмотря на то, что предоставленный собственным силам Новгород находился в тяжелом положении. Мирные переговоры начались зимой 1446 г. Съезд, состоявшийся в это время в Нарве, окончился без результатов, так как, по сообщению Новгородской летописи, магистр требовал передачи ему города Острова².

В 1448 г. новгородцы предприняли новый поход на р. Нарову под предводительством князя Александра Васильевича Чарторыйского, который незадолго до этого перешел из Пскова в Новгород. По словам Псковской летописи новгородцы пошли «противу князя Ризского местера, и против короля Прусского, и против короля Свейского Карла». Повидимому, здесь имелась в виду та помощь, которую ливонский магистр получил от великого магистра Тевтонского ордена и шведского короля Иоашна. Поход был успешным для новгородцев, которые, перейдя через Наров («бьющесея через Нарову реку»), убили многих немцев, других потопили на бусах в море и взяли в плен 84 человека, в том числе 2 князей (графов?). Другой отряд повгородцев тогда же с князем Василем Васильевичем суздальским разбил немцев под городом Ямом.

Повидимому, эта неудача заставила немцев пойти на соглашение и отказаться от территориальных требований. В этом же году был заключен мир сроком на 25 лет между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и ливонским магистром и юрьевским епископом, — с другой. Была подтверждена старая граница (от Чудского озера по р. Нарове до берега моря); каждая из договаривающихся сторон давала обещание на территории другой стороны «земли не пахать, сеца не косить, леса не рубить, рыбы в воде не ловить». Восстанавливалась свободная торговля купцов по всем городам Ливонии и по всей Новгородской земле. Обе стороны обязывались при возникновении тяжб «судить по правде»³. Условия мира вызвали полное удовлетворение в Пскове и Новгороде. Псковская летопись по этому поводу отметила, что «они (юрьевские немцы. — К. Б.) погании воз-

¹ И. Карамзин. Указ. соч., т. V, прим. 316.

² ПСРЛ, т. IV (Новгородская 4-я летопись), Л., 1925, стр. 440.

³ По списку XV в. издан в ЛУБ, ч. X, № 470. Немецкий текст с русским переводом перепечатан в издании «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, № 73.

вратиша с стыдом и срамом вся старины псковския ко Пскову»¹.

Война с Ливонией в 1444—1448 гг. была последней, которую Новгород вел совершенно самостоятельно. Подчинение Новгорода Москве коренным образом изменило обстановку на северо-западной границе. Одержав победу во внутренней феодальной войне, Василий Васильевич по-новому поставил отношения с Новгородом, закрепленные Яжелбицким миром. Новгород должен был «держать великое княжение» «честно и грозно, без обиды» и не принимать к себе «лиходеев» великого князя. Яжелбицкий мир, отменивший вечевые грамоты и поставивший на грамотах Великого Новгорода «печати великих князей», лишил его прежней самостоятельности во внешней политике. Для Ливонского Ордена это означало, что за спиной Новгорода выростала объединенная сила Москвы.

Под защиту сильной московской власти неизбежно должен был встать и Псков. В 1460 г. после ряда пограничных ссор и столкновений с немцами, псковичи послали просить великого князя Василия «о жаловании и о печаловании своєю отчине, мужей псковичь добровольных людей», что «есмя приобщении от поганых Немць, и водою и землею и головами...». Василий Васильевич отвечал: «...аз вас, своєю отчину, хошу жаловати и боропити от поганых, якоже отцы и деды наши князи великии»². Василий Васильевич принимал защиту Пскова, как части общерусской территории.

Обстановка, сложившаяся в 40—50-х гг. XV в. на двух остальных границах великого княжества Московского, восточной и южной, должна была внушать самую серьезную тревогу. Золотая Орда к этому времени давно уже пережила высший подъем своего военно-политического могущества, которого она достигла при Узбеке и Бердибеке, когда она выступала единым сплоченным организмом. Ни Мамай, ни Тохтамыш, ни Едигей не могли остановить процесса усиливавшегося внутреннего распада Джучиева улуса, хотя на короткое время им и удавалось скрепить под сильной властью политическое единство Орды. После Едигея распад возобновился и шел ускоренными темпами. Внутренняя междоусобная борьба, сопровождавшаяся частым переходом сараевской власти из рук в руки, выталкивала за пределы центральной территории улуса отдельных царевичей и эмиров. «Значительные обломки татарской силы, — писал А. Пресняков, — организуются особо, и этот процесс, ослаблявший векового врага Руси, имел, на первых порах,

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 213—214 (Псковская 1-я летопись); т. V (Псковская 2-я летопись), стр. 31.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 219.

такое влияние на ее судьбы, что приблизил непосредственную татарскую опасность: орды, выделявшиеся из Кипчакского царства, придвигаются в поисках нового центра к пределам Русской земли»¹.

Татарская опасность была тем более серьезной, что она обострилась в годы внутренней феодальной войны в русских землях, которая вовлекала татарскую силу в активное участие в борьбе между московским великим князем и его русскими противниками.

Важнейшее значение при этом имело образование в непосредственной близости от восточной русской окраины Казанского ханства. После попытки Улу-Мухаммеда в 1438 г. овладеть в Белеве и неожиданного поражения великокняжеской рати под стенами этого города он в следующем году «безвестно» пришел к Москве. Застыгнувший врасплох, великий князь не успел собрать достаточных сил и ушел за Волгу, оставив в столице воеводой князя Юрья Патрикеевича. Улу-Мухаммед стоял под Москвой десять дней, пожег посады и «зла много учинив земли Русской», ушел обратно со множеством пленных². Зимой 1443/44 (6952) г. Улу-Мухаммед появился у Муромы³. Наконец, в 1445 г. Улу-Мухаммед засел в старом Нижнем Новгороде. Попытки великого князя Василия Васильевича выбить «царя» из захваченного города закончились страшным поражением под Суздалем, сыгравшим трагическую роль в последующей судьбе великого князя и оказавшим большое влияние на затягивание феодальной войны.

Какой бы год ни принять за основание Казанского ханства, считать ли его первым властителем Улу-Мухаммеда или его сына Махмутека, остается несомненным, что отколовшаяся от общего улуса орда не случайно остановилась на территории среднего Поволжья и что центр этого татарского образования возник на старых культурных землях Булгарии. Пришельцы нашли здесь трудолюбивое земледельческое и ремесленное население, обеспечившее своим трудом потребности татарской феодальной знати. Прекрасные пастбища на левом берегу Волги предоставляли все необходимые условия для скотоводства. Древние, хорошо налаженные связи с восточными рынками являлись важным источником поступления доходов в ханскую казну. Наконец, близость русской территории давала легкую возможность неожиданными налетами захватывать добычу и людей. Сложившееся Казанское ханство стало наиболее крупным и сильным обломком Золотой Орды.

¹ А. П р е с н я к о в. Образование Великорусского государства, стр. 397.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 107.

³ Там же, стр. 111.

Уход орды Улу-Мухаммеда на северо-восток от районов первоначального кочевания не облегчал положения русской территории на юге. Нападения продолжались и со стороны царевичей и эмиров Ногайской Орды, и со стороны хотя и уменьшившейся, но постепенно консолидировавшей свои силы Большой Орды, — основной части распавшегося Джучиева улуса. В 1443 (6951) г. Рязанская земля подверглась разорительному набегу царевича Мустафы. Воеводы великого князя Василия разбили татар под Рязанью, причем в бою был убит и царевич Мустафа¹. В 1449 (6957) г. «скорые» татары Седи Ахмата (Сеид Ахмеда) доходили до Пахры «и много зла учинили христианам, секли и в полон имали». Против них выступил царевич Касим из Звенигорода и заставил уйти обратно². Вследующем, 1450 (6958) г. Василий Васильевич, находившийся в это время в Коломне, получил известие, что «ис поля» идут татары, улан Малымбердей с князьями. Воеводы великого князя настигли и разбили их в степи на р. Бегюке³. Наиболее крупное нападение было произведено в 1451 г. царевичем Мазовшей из «Седи Ахметевы орды», т. е. из Большой Орды. Мазовша пришел «изгоном», великий князь не успел еще дойти до Коломны, когда узнал, что татары уже находятся вблизи «берега». С дороги, от Брашева, великий князь вернулся обратно, а всех бывших с ним людей отпустил к Оке с князем Иваном Звенигородским, чтобы татары «не толь брзко перевезлися реку». Последний «убоявся», пошел обратно к Москве, но не за великим князем, а другой дорогой. Проведя в столице «Петров день» и приготовив ее к осаде, великий князь со старшим сыном Иваном отправился на Волгу, а княгиню с меньшими детьми отослал в Углич. Мазовша подошел к Москве рано утром 2 июля (в 1 час дня). Немедленно загорелись «все посады», и быстро распространившийся по причине «великой засухи» огонь со всех сторон охватил Кремль. Татары приступали к воротам и к разрушенным участкам каменной стены («где несть крепости камешья»), но были повсюду отбиты. Однако огонь и дым сделали положение защитников невыносимым: «...егды же посады погореша, тогда сущи в граде ослабу приаша от велика истома огпепья и дыма, и выходяша из града начаша с противными битися». К вечеру татары отошли от Кремля («города»), а защитники употребили ночь на укрепление и вооружение стен, причем в числе средств защиты упоминаются пушки, нищали и самострелы. Однако на следующий день утром обнаружилось, что татары покинули свой стан,

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 111.

² Там же, стр. 122.

³ Там же, стр. 123. Бегюк (Битюк) — приток р. Доица.

бросив тяжести, — «пометаша от меди, и железа и прочего много товару» — и поспешно ушли ¹.

«Скорая татарщина» царевича Мазовши произвела на современников большое впечатление, отразившееся в подробном рассказе об этом событии. Точность в передаче отдельных деталей (указание на время дня прихода Мазовши, изложение обстоятельств, при которых великий князь Василий в устье р. Дубны получил известие об уходе татар, возвращение великого князя в столицу) показывают, что этот рассказ был составлен современником вскоре после описанных событий и позднее включен в летописный свод.

«Седи Ахматовы» татары продолжали беспокоить южную приокскую окраину и в последующие годы. В 1455 (6963) г. «Седи Ахматовы» татары перешли Оку ниже Коломны, но были разбиты князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым. Для преследования их был послан с двором великого князя Басенок, который нанес новое поражение и отнял полон ². В 1459 (6967) г. «Седи Ахматовы» татары «похвалився на Русь пошли». Против них к «берегу» был послан «с многими силами» молодой великий князь Иван. Татары были отбиты от реки и побежали прочь. Что этот успех высоко расценивался в Москве, показывает поставление митрополитом Иопой «ради их похвалы» придела возле южной двери Успенского собора. Наконец, в 1460 (6968) г. «безбожный царь Ахмут» приходил «с всею силою» под Переяславль-Рязанский, простоял под городом шесть дней и «ничтоже успев граду тому с срамом отступи от него и отиде в поле» ³.

Таким образом, начиная с 1449 г. в течение последующего десятилетия татары Большой Орды (Ахмата, Сеид Ахмата) производили почти ежегодные нападения на район среднего течения Оки (Переяславль-Рязанский, Коломна) и делали попытки прорваться на другой берег реки, к Москве. Устойчивость этого направления позволяет думать, что целью нападения был не простой захват добычи и пленных, а более серьезные политические стремления. К сожалению, история Золотой Орды еще ждет исследования, особенно в отношении времени ее феодального распада, хронологически охватывавшего примерно вторую и третью четверти XV в. ⁴ Русские летописи, основной источник для истории Золотой Орды, почти ничего не сообщают о процессах, происходивших внутри Джучиева улуса. Относя-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 123—124.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 149.

⁴ В интересной статье А. Якубовского «Из истории падения Золотой Орды» («Вопросы истории» № 2, 1947) рассмотрена история падения Едигея. Время после Едигея остается пока мало исследованным.

щийся к этому времени нумизматический материал также очень беден. С большим трудом восстанавливается генеалогия ордынских ханов этого периода. После 1434 г. во главе Орды, по русским источникам, стоял Сеид Ахмат (Сеид Ахмед). С 1460 г. Сеид Ахмед больше не упоминается; место его занимает Ахмат (Ахмед) сын Кичи-Мухаммеда (Кичиахматович). Происхождение Сеид Ахмеда и отношение его к Ахмед-хану остаются неясными¹.

Указания русских летописных источников и родословцев на то, что Ахмед-хан был сыном Кичи-Мухаммеда, подтверждается следующей генеалогической справкой, данной Ивану III в 1490 г. погайскими посланцами: «И Мусин человек Семеп говорил, что государю его Мусе мырзе недрузи Ахматовы дети цареви, Муртоза и Седекхат и их братья, а назвал их Темир-Кутлуевыми детьми». Темир-Кутлук, внук Урус-хана, был ханом в Орде в последние годы XIV в. Его сыновьями были: Пулад (Булад) и Тимур (Темир). Сыном последнего был Кичи-Мухаммед, а внуком — Ахмед-хан².

Ахмед-хану удалось прекратить многовластие и временно объединить Большую Орду. Сохранились недатированные монеты Ахмед-хана с надписью: «Султан верховный Ахмед-хан», чеканенные в Хаджи-Тархани³. Монеты современных ему ханов неизвестны; это служит косвенным указанием на положение Ахмед-хана в качестве единого главы Большой Орды.

В результате династической борьбы и войны Кичи-Мухаммеда с Улу-Мухаммедом последний со своим улусом ушел на север, но и после его ухода Большая Орда благодаря своей многочисленности должна была представлять грозную силу. Цепное описание, относящееся к этой войне, дает венецианец Иоасафат Барбаро. «Я полагаю, даже твердо уверю, — сообщает он, — что когда вся она соберется вместе, то составит около 300 тыс. душ. Это предположение основываю я на том, что часть ее, как выше уже было сказано, находилась прежде во власти Улу-Мухаммеда». Конечно, эта цифра, не основан-

¹ Ясности не вносят в вопрос и такие специальные исследования по генеалогии мусульманских династий, как С т э п л и Л е н - П у л я («Мусульманские династии». Пер. В. Б а р т о л д а, СПб., 1899) и новейшая работа Замбора (E. de Z a m b a u r. Manuel de genealogie et de chronologie pour l'histoire de l'Islam, Panovre, 1927). В обеих работах слабо использованы русские источники и исследования.

² Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 90; Временник Моск. об-ва истории и древн. рос., кн. X (Род царей крымских и казанских и астраханских); Матвей М е х о в с к и й (Трактат о двух Сарматиях, стр. 65) сообщает, что у Темир-Кутлука был сын Махмет-царь, а у последнего — Ахмед.

³ П. С. С а в е л ь е в. Монеты Джучидские, Джагатайские, Джелайрские и другие (Записки археологического общества, т. XII, ч. I, СПб., 1858, стр. 325).

ная на каких-либо подсчетах, выражала лишь общее впечатление автора, которому с городских стен Тананса (Азова) удалось наблюдать прохождение одного крыла Орды Кипчи-Мухаммеда. В течение шести дней, сообщает Барбаро, «все пространство степи, какое только можно было окинуть глазом, было усеяно людьми и животными, беспрестанно двигавшимися взад и вперед... Мы целый день стояли на городских стенах (ибо ворота были заперты), так что к вечеру утомлялись до бессонницы от продолжительной стражи. Диаметр пространства, занятого этой многочисленной толпой людей и скота..., составлял 120 миль»¹.

В лице Ахмед-хана (Ахмата) на развалинах Золотой Орды в последний раз возрождались власть, претендовавшая на господство над всеми последственными владениями улуса Джучи и на восстановление прежней зависимости Руси. Между тем с подобными же требованиями в отношении Руси выступало и Казанское ханство. Но Улу-Мухаммед, и очень деятельный его сын Махмутек не могли забыть, что они являлись представителями старшей линии Тохтамыша, насильственно устраненной от наследия отца и деда. В борьбе с московским великим князем они добились значительно больших успехов, чем властитель основной территории Золотой Орды. Случайная победа под Суздаlem и последующий плен Василия Васильевича поставили его в зависимое положение от Улу-Мухаммеда и его преемника Махмутека. Можно предполагать, что требования казанского хана не ограничивались получением большого «окупа» за возвращение свободы великому князю, а касались более постоянных дипломатических обязательств — исправного платежа «выхода». Последним, возможно, и объясняется посылка с освобожденным великим князем большого числа татар, в лице которых воскрешалась старая система контроля над русскими князьями при помощи баскаков². Что посылка татар имела целью не кратковременный надзор за собираемым окупом, а длительное пребывание, об этом говорит послание русского духовенства Дмитрию Юрьевичу Шемяке от 29 декабря 1447 г.,

¹ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, СПб., 1836, стр. 18—19, 28.

² Василий Васильевич был отпущен из Курмыша на «Покров богородицы» (1 октября). Улу-Мухаммед и сын его Махмутек послали с великим князем «послов своих, многих князей, с многими людьми, князя Сеит Асана, и Утеша, Курайша, и Дыльхозу, и Андара и иных многих» (Воскресенская летопись, ПСРЛ, т. VIII, стр. 114). Псковская летопись указывает число сопровождавших великого князя татар: 500 человек (Псковская 1-я летопись, стр. 47). Возможно, что появлением татар в разных городах для наблюдений за сбором дани объясняется слух, пущенный врагами великого князя, что «царю (хану. — К. Б.) сидеть на Москве и на всех градах Руских и на наших вотчинах» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 115).

паписанное спустя два года после возвращения Василия Васильевича из плена. «Отцы духовные» упрекали Шемяку, что вследствие междоусобной борьбы, по вине Шемяки, продолжавшего домогаться великого княжения, «татарове во християнстве живут». Вместе с тем церковные иерархи обещали Шемяке, что в случае примирения «во всем чисто, по крестному целованию», — «того же часа князь великий татар из земли вон отшлет»¹.

Нам неизвестно, как Василий Темный платил «царев выход» после окончательного занятия им Москвы в 1447 г. Во всяком случае, факт систематического сбора дани с земель великого княжества для отсылки в Орду не подлежит сомнению; вопрос о платеже «выхода» включался во все договорные грамоты великого князя с удельными князьями этого времени. По договорам великий князь утверждал свое исключительное право сношения с Ордой и сбор «выхода» «по старым дефтерям и по крестному целованию». В некоторых договорах это условие заменялось другим: «А давати ти, брате, мне великому князю с своею отчины по тому разводу, как наперед сего давали в выход и в ям»². Заключая договор с Василием Темным, суздальский князь Иван Васильевич обязывался давать со своей отчины и с пожалованного ему великим князем Городца «царев выход» «по описи и по людям»; до производства описи он освобождался от платежа выхода³. Наконец, в духовной грамоте Василия Темного находится распоряжение великого князя относительно порядка сбора выхода с земель вдовы-княгини и сыновей. Последние должны были произвести новое описание земель («и мои дети пошлют писцев, да уделы свои писци их опишут по крестному целованию»), на основе которого предполагалось произвести обложение по «сохам и по людям»⁴. Во всех случаях «выход» собирался только до тех пор, пока он действительно посылался в Орду; после прекращения платежа «выхода», — «а переменит бог Орду», — «выход» обращался в доход соответствующего князя.

Великий князь Василий не дождался того момента, когда «бог переменил Орду», и «выход», может быть с некоторыми перерывами, посылался в Орду до конца его жизни. Труднее установить, в какую Орду вносился этот «выход». Нельзя предположить, чтобы старший внук Тохтамыша, Улу-Мухаммед, и его правнук, Махмутек, отказались без упорной борьбы от получения дани с великого князя. Между тем крушых

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею, СПб., 1841, т. I, № 40.

² Собр. Государственных грамот и договоров, т. I, № 70 и 72.

³ Там же, № 80.

⁴ Там же, № 86.

столкновений Василия Васильевича с Казанским ханством после 1445 г. не было. Пребывание па Руси казанских людей, как отмечалось выше, также может служить косвенным указанием в пользу производившегося в Казань платежа дани.

Какие-то платежи производились и в Большую Орду. В послании духовенства к Дмитрию Шемяке сообщается: «А от царя Седи-яхмата пришли к брату твоему старейшему великому князю его послы, и он к тебе посылал просити, что ся тебе имае дати с своей отчины в те татарские проторы; и ты не дал ничего, а не зочи царя Седи-яхмата царем. А того некак позабыл еси, не на том ли юрту отец твой, князь Юрьи Дмитриевич был у царя в Орде, с великим князем вместе, и на пошлпие стояли? Не те же ли пак царевичи и великие князи у сего царя Седи-яхмата, который тогда и у того царя были да тоже дело делали?»¹. Если бы великий князь Василий посылал в Большую Орду «выход», то он, конечно, потребовал бы его и от Шемяки. Между тем из приведенного текста послания духовенства к Дмитрию Шемяке следует, что спор между ним и великим князем шел не о «выходе», а о «проторах», в состав которых входили расходы по содержанию посольства, а также обычные подарки послам и хану.

Из двух крупных частей распавшейся Золотой Орды — Большой Орды и Казанского ханства — самую большую опасность для великого княжества Московского в середине XV в. представляло Казанское ханство, нависавшее над суздальско-нижегородской окраиной. После возвращения из татарского плена Василию Васильевичу удавалось предотвращать новые нападения Казанской Орды. Однако это обстоятельство нельзя рассматривать как признак долголетних мирных отношений между Москвой и Казанью. В пятидесятых годах XV в. ханство переживало процесс внутреннего укрепления, вопреки отдельным вспышкам кровавой династической борьбы. Улу-Мухаммед после битвы под Суздалем исчезает со страниц русских летописей. Единственные сведения о происходивших в это время событиях сообщает Казанский летописец. По его сообщению Улу-Мухаммед и его младший сын Ягуп (по другим спискам, Юсуп) были «оба ножом зарезаны от болшаго сына своего Мамотьяка». Достоверность этого известия не поддается проверке, но самый факт династической борьбы не вызывает сомнения, так как иначе нельзя объяснить появление в русских землях двух других сыновей Улу-Мухаммеда, Касима и Якуба, ставших служилыми царевичами московского великого князя². Возможно, что непрочность положения на казанском престоле,

¹ АИ, т. I, № 40.

² ПСРЛ, т. XIX, стр. 20.

с одной стороны, и исправное поступление дани от московского великого князя — с другой, побуждали Махмутека воздерживаться от больших грабительских нападений на русские земли.

Для отлопений Махмутека к Васпллю Темному очень важным является факт сношений между Махмутеком и Дмитрием Шемякой. В послании русского духовенства Дмитрию Шемяке «отцы духовные» упрекали галицкого князя в том, что уже после «докончания» с великим князем он посылал в Казань к царевичу Махмутяку «на брата своего старейшего великого князя на его лихо и всего православного христианства на неустроенце». В декабре 1447 г., когда писалось это послание, посол Махмутека еще находился у Дмитрия Шемяки. Под влиянием последнего Махмутек «ноймал да сковал» кплчича великого князя «и ныне держит его у себе, в железех скованого»¹. Так, казанский хан, следуя старой ордынской политике, старался использовать вражду между русскими князьями для их взаимного ослабления.

Со своей стороны Василий Васильевич охотно принимал и «испомещал» на земле выезжавших татарских царевичей с их людьми. В самом использовании на московской великокняжеской службе выходцев из Орды не было ничего нового; отдельные татарские мурзы уже с конца XIV в. переходили на московскую службу². Новым являлось широкое использование их с людьми в войсках великого князя и несение ими пограничной службы. После того как Касим и Якуб в 1446 г. пришли служить к великому князю «за его прежнее добро», их имена часто стали упоминаться в походах против Дмитрия Шемяки и при защите от татар южной окраины³. Повидимому, первоначально Касиму и Якубу был предоставлен город Звенигород⁴. В. Вельяминов-Зернов в исследовании, посвященном касимовским царям и царевичам, пришел к заключению, что около 1452 г. Касим получил Мещерский городок на Оке, впоследствии ставший известным под его именем⁵.

¹ АИ, т. I, № 40.

² По родословным записям при Дмитрии Донском из Орды выехали Алабуга (родоначальник Мягковых) и Серкиз (сын его, Андрей Иванович Серкизов, был убит в Куликовской битве). У Василия Васильевича служил царевич Бердедат (Бердыдат), не поспевший к битве под Суздалем (ПСРЛ, т. VIII, стр. 112).

³ Якуб в последний раз упоминается в летописи под 1452 г., когда он ходил с Иваном Васильевичем в погоню за Шемякой в Коктенгу и до устья р. Вагн (ПСРЛ, т. VIII, стр. 125).

⁴ На это косвенно указывает выступление в 1449 г. Касима из Звенигорода против татар Сеид-Ахмеда. Звенигород и впоследствии предоставлялся в кормление татарским царевичам.

⁵ В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. V, СПб, 1863, стр. 33.

В конце жизни Василия Темного ухудшились отношения с Казанским ханством. Свидетельством этого является поход на Казань в 1461 г.: «Того же лета (6969) князь великий поиде к Володимерю, а хотя птти х Казани; и придоша к нему послы яс Казани и взяша мир»¹. Нам ничего не известно о содержании этого мира, по условиям, при которых он был заключен, не оставляют сомнения, что он был не в пользу Казани. С этого момента начинается длительная борьба Руси с Казанским ханством, продолжавшаяся с небольшими перерывами почти целое столетие.

2

«Заслуга Москвы, — указывает И. В. Сталин, — состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство, с единым правительством, с единым руководством»².

Окончание внутренней феодальной войны, последующая ликвидация многих мелких «уделов», выгодный для Москвы Яжелбицкий мир с Новгородом, усиление московского влияния на Псков и Рязань — значительно укрепили внутреннее положение Московского великого княжества, как основу складывавшегося единого Русского централизованного государства; по-новому определялись и его отношения с ближайшими соседями.

Усилившийся при Витовте и Казимире литовский натиск на Псков, Новгород и Тверь наталкивался теперь на встречное движение со стороны Москвы, стремившейся поставить эти земли как исконную «отчину» московских великих князей под общерусскую власть. Огромные успехи, достигнутые за очень короткое время, в деле уничтожения наиболее крупных остатков феодальной раздробленности, сплочение великорусских земель вокруг единой столицы выдвигали перед московским правительством еще более серьезную задачу — объединение «всей Руси», всех великорусских, белорусских и украинских земель, в различное время подпавших под власть великих князей литовских.

Вместе с ликвидированной Новгородской боярской республикой московское правительство принимало на себя защиту русских интересов на северо-западной и северной окраинах против Швеции и Ливонского ордена. Борьба Новгорода и Пскова с периодически возобновлявшимися нападениями немецких рыцарей стала опираться на мощную поддержку общерусских сил. К Москве переходила и охрана русской торговли в Прибалтике, ибо серьезно встал вопрос о противодействии политике

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 149.

² «Приветствие тов. И. В. Сталина», «Правда» от 7 сентября 1947 г.

Ганзы. В конце XV в., хотя еще в недостаточно ясных формах, но уже стала возникать проблема освобождения выходов на Балтийское море, по которому пролегали наиболее удобные пути для сношений со странами Западной Европы.

Большая программа внешней политики сложилась, разумеется, не сразу. Она явилась не столько результатом осмысливания и оценки той обстановки, в которую исторически было поставлено молодое государство, успешно заканчивавшее «собрание» русских земель, сколько была вызвана необходимостью уничтожить внешние препятствия, стоявшие на пути развития русской государственной системы. Экономические проблемы, игравшие впоследствии большую роль во внешней политике, в период складывания Русского централизованного государства уступали место политическим задачам. Борьба с Большой Ордой в низовьях Волги и с Казанским ханством была продолжением борьбы с Золотой Ордой. Борьба с Ливонским орденом и Швецией носила в это время оборонительный характер. Наступательная политика на западной границе преследовала цель воссоединения русских земель. Поэтому во всех направлениях внешней политики мы наблюдаем теснейшую связь с основным процессом образования Русского централизованного государства. Только в напряженной борьбе с внешними противниками можно было закрепить политическое единство Северо-Восточной Руси.

Отмеченные обстоятельства, разумеется, не противоречат классовой направленности внешнеполитической системы Ивана III, которая была обусловлена всем развитием феодального государства и интересами его господствующего класса. Укрепление внутреннего положения класса феодальных землевладельцев всех категорий, от крупных церковных и светских вотчинников до мелких собственников, было бы невозможно без обеспечения внешней безопасности.

После образования Казанского ханства под его непосредственными ударами оказалась древняя, хорошо заселенная территория бывшего Суздальско-Нижегородского княжества, а также плодородная область Клязьминского ополя. Угроза со стороны нижневолжских татар являлась главным препятствием для колонизации Окского правобережья. Осваивавшаяся московскими помещиками Новгородская земля подвергалась тройной опасности — со стороны шведов, ливонских немцев и Литвы.

Развитие поместного землевладения, ставшего основной формой обеспечения служилых людей, потребовало большого увеличения земельного фонда, находившегося в распоряжении великого князя. Между тем уже в XIV в. значительная часть пригодных земель была освоена в частную собственность.

Исследуя историю феодального землевладения, С. Б. Веселовский пришел к выводу, что уже в княжение Василия Темного старое вотчинное землевладение достигло высшего предела распространения¹. Иван III почти прекратил раздачу вотчин и перешел к поместной системе, для которой в первую очередь было использовано большое количество конфискованных владений на территории Великого Новгорода. Как совершенно правильно отметил С. Б. Веселовский, «политическое объединение Руси открыло перед классом служилых землевладельцев большие возможности получения новых земель, которые до того не поддавались хозяйственному освоению»². Многочисленные частновладельческие слободы стали возникать в пограничных местах ликвидированных княжеств, где раньше вследствие феодальных междоусобиц невозможна была нормальная экономическая жизнь. Около этого же времени заселяются южная и юго-западная окраины государства, начинается колониальное наступление на степные районы.

Таким образом, несмотря на то, что в известном споре между нестяжателями и осифлянами победа осталась на стороне последних и великий князь принужден был отказаться от такого заманчивого источника пополнения земельного фонда, каким являлись огромные монастырские владения, острота земельного вопроса была в значительной мере смягчена благодаря конфискациям в Новгороде и освоению окраинных русских территорий. Примерно до середины XVI в. рост поместного землевладения происходил за счет мобилизации внутренних ресурсов, и только с пятидесятих годов этого столетия к этому источнику присоединился другой — расширение поместного землевладения на новоприсоединенных нерусских землях.

Этим обстоятельством объясняется отсутствие во внешней политике Ивана III непосредственного стремления к приобретению земель для экспансивного расширения московского землевладения, столь ясно выступившего в действиях его внука Ивана Грозного. Так, после присоединения по перемирию 1503 г. обширной территории бывших чернигово-соверских княжеств, местные землевладельцы были оставлены на своих местах, хотя и лишились вотчинных прав³. Если в данном случае имели место и чисто политические соображения, то их не существовало в отношении Казанского ханства. Между тем Иван III ни разу не обнаружил стремления к полной ликвидации этого ханства, довольствуясь вовлечением его в орбиту

¹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси, стр. 78—86.

² С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 162.

³ Там же, стр. 86—87.

своего политического влияния путем вассального подчинения казанского «царя».

В развитии внешней политики Ивана III ясно различаются два периода, хронологической гранью между которыми является начало восьмидесятых годов. Два крупных исторических события определили эту хронологическую грань: присоединение Великого Новгорода и победа над Ахмед-ханом. Уничтожение Новгородской боярской республики означало полное торжество объединительной политики, так как ни окруженное с этого момента московскими землями Тверское княжество, доживавшее последние годы самостоятельного существования, ни Псков, управлявшийся московским наместником, ни великий князь рязанский, сохранявший лишь старый титул как атрибут прежнего суверенитета, — все эти и более мелкие обломки феодально-удельной системы не могли служить серьезным препятствием для утверждения государственного единства или повлиять на внешнюю политику государя «всей Руси». Иван III также властно распоряжался во Пскове и в Рязани, как в любом городе Московского княжества и также пользовался их ратными силами, как своими детьми боярскими и служилыми людьми. Поражение Ахмед-хана завершило длительную борьбу за освобождение русских земель от ордынской «тягости». Великое княжество Московское, став общерусским государством, приобрело с этого момента полный суверенитет.

До начала восьмидесятых годов, когда основной задачей являлось завершение государственного единства, действия Ивана III в области внешней политики отличались большой осторожностью и сдержанностью. Главное внимание в это время было направлено на отражение наступательных попыток со стороны Ахмед-хана и Казани. В этот же период было положено начало дипломатическим сношениям со странами Западной Европы, сыгравшим большую роль для выхода России на широкую арену европейской политической жизни. Те задачи, которые были поставлены Иваном III в 80—90-е гг., затрагивали различные интересы европейских держав. Их успешное разрешение не могло бы быть достигнуто без создания благоприятной политической обстановки.

60—70-е гг. были подготовительным периодом для того широкого развития, которое приняла внешняя политика Ивана III в конце XV в. Главной целью ее является восстановление всей Руси под московской державой. Иван III приступил к этой задаче после того, как путем подчинения Казанского ханства обеспечил безопасность на восточной границе, а на южной — связал «Ахматовых детей» своим союзником и их злейшим врагом Менгли-Гиреем. Это позволило Ивану III свободно распоряжаться основными силами на западной и

северо-западных окраинах и перейти к наступательным действиям против великого княжества Литовского, Швеции и Ливонского ордена.

Отмеченные два периода во внешней политике Ивана III вполне соответствуют развитию его внутренней политики. После разгрома Ахмед-хана, ликвидации самостоятельности Новгорода и Твери, т. е. примерно с середины 80-х гг. XV в., Иван III приступил к серьезным внутренним реформам, в результате которых быстро разрушается старая система вотчинного управления и закладываются прочные основы централизованного государственного порядка. Оба ряда явлений, во внешнеполитической и внутренней жизни страны, представляют по существу различные стороны единого процесса образования Русского централизованного государства.

3

В течение первого десятилетия великого княжения Ивана III отношения с южными и западными соседями были относительно спокойными. По русским летописным записям за это время известно только одно посольство короля Казимира к Ивану III в 1468 г. Посольство, в состав которого входили писарь Якуб и Ивашенец, прибыло в Москву в «великое говение» в отсутствие великого князя, готовившегося к походу на Казань и находившегося с войском во Владимире. Великий князь велел послу «наехати себя» в Переяславле, куда он сам отправился из Владимира с сыном, оставив на месте братьев и воинских людей. К сожалению, никаких сведений о целях этого посольства не сохранилось. Сообщается только, что великий князь, прибыв в Переяславль, отпустил послов и возвратился обратно во Владимир¹. Возможно, что это было ответное поздравительное посольство по случаю вокняжения Ивана III. Косвенным подтверждением такого предположения может служить кратковременность пребывания послов и встреча их с великим князем не в Москве, а в Переяславле. Обращает внимание и то, что великий князь с явной целью скрыть от королевских послов сбор войска во Владимире для похода на Казань специально выезжал для приема их в Переяславль.

Отношения Золотой Орды и Крыма с Москвой в 60-х гг. XV в. почти не отражены в сохранившихся материалах. Некоторый свет проливает лишь летописное сообщение о неудавшейся попытке Ахмед-хана (Махмута) предпринять поход на Москву в 1464 г.: «Того же лета (6973) поиде безбожный царь Махмут на Рускую землю с всею Ордою и бысть на Дону; бо-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 153.

жиею же милостю и его пречистые матери прииде па него царь Азигрей, и би его и орду взя, и начаша воевати промежь себе, и тако бог избави Рускую землю от поганых»¹. Возникает вопрос, не явилось ли это нападение Хаджи-Гирея на Ахмед-хана (Махмута), приостановившее поход последнего на Русь, результатом соглашения между Иваном III и крымским ханом? Во всяком случае, это — первое указание на помощь крымского хана в борьбе Москвы с Большой Ордой. Из трех возможных противников, — короля Казимира, Ахмед-хана и Казанского хана — последний являлся в шестидесятых годах наиболее опасным и активным.

Относительное спокойствие, установившееся в 60-х гг. на южной и западной границах, позволило Ивану III сосредоточить в эти годы внимание на казанских отношениях. Важную роль при этом должен был сыграть владелец Мещерского городка царевич Касим, в лице которого великий князь, несомненно, готовил претендента на казанский стол. Внутренняя история Казанского ханства этого времени нам совершенно не известна. Есть основания предполагать, что после смерти Махмутека, умершего в начале 60-х гг., ханом недолгое время был его сын Халиль². Преемником последнего был его брат Ибрагим, при котором отношения с Казанью становятся резко враждебными. Касим, как старший среди сыновей Махмутека, обладал большими династическими правами, чем его братья, хотя долгое временное пребывание Касима за границей ханства не могло не повлиять на отношение к нему со стороны влиятельных кругов казанской знати.

В 1467 г. Иван III сделал попытку поддержать династические права Касима; обстоятельный рассказ об этом находится в Воскресенском и близких к нему сводах. По этим сведениям, предложением для выступления Касима явилось приглашение его Авдул-Мамоном и другими казанскими князьями. С Касимом ходили воеводы великого князя, князь Ивац Юрьевич Патриксев и князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига, «с многою силою». Когда войска дошли до переправы через Волгу, то оказалось, что на другом берегу их ожидал хан Ибрагим «с всеми князи своими и с силою своею», который «не даст им перевестися на свою сторону». Обратный путь был «истомен»: войска под-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 151.

² Имя Халиля не упоминается среди казанских ханов в русских летописях. Но родословцам он был третьим сыном Махмутека. Некоторые сведения о нем сообщает Герберштейн, который называет его Хелеалеком (Chelealek): «...у казанцев некогда был царь Хелеалек, который умер бездетным, оставив жену Иурсултан; на вдове женился некий Ибрагим и завладел царством» (С. Герберштейн. Записки о Московитских делах, перевод А. Маленина, СПб., 1908, стр. 145).

верглись тяжелым испытаниям холодной дождливой осени; обнаружился недостаток продовольствия, от бескормицы пало много лошадей, и спешившиеся люди «доспехи метали». Основной причиной неудачи следует считать отсутствие элемента внезапности, на которую рассчитывали в Москве. Это дало повод автору летописного рассказа обвинить князя Авдул-Мамона в предательском поведении: «...а позвап был царевич от князей Казанских, от Авдул-Мамона и от прочих, на царство лестию, он же падеася па них, а лести их не ведап, испроси силу у великого князя, чая получитьи обещанное ему»¹.

Наиболее интересной стороной этого первого активного выступления Ивана III против Казани являлось использование Касима в качестве претендента на ханскую власть; в случае успеха оно сулило большие политические преимущества. Посаженный московской силой и поддержанный ею в Казани, Касим, естественно, оказался бы в тесной вассальной зависимости от великого князя. Этим было положено начало той политики Ивана III в отношении Казани, в которой впоследствии были достигнуты очень большие успехи.

Неудачный поход Касима в 1468 г. вызвал в ближайшие годы обострение враждебных отношений с Ибрагимом. После отхода московского войска от Волги казанские татары направились «изгоном» к Галичу, но не взяли города и только захватили небольшой полон. Великий князь велел поставить заставы по городам: в Муроме, Нижнем Новгороде, Костроме и Галиче, — «а велел сидети в осаде, стеречися от Казани». Этой же зимой, в ответ на нападение казанцев, великий князь отправил в Черемисскую землю многих «детей боярских» с князем Семем Романовичем. Отряд вышел из Галича на «Николин день» (6 декабря) и пошел, соблюдая полную скрытность, без дорог, через леса. Ровно через месяц, на крещение (6 января), князь Семен Романович вошел в Черемисскую землю и «повоевал» ее на всем протяжении вплоть до мест, находившихся на расстоянии одного дня пути до Казани. В это же время муромцы и нижегородцы по приказанию великого князя «повоевали» оба берега Волги².

Предвидя возможность ответного нападения казанцев, великий князь еще зимою, «за 3 недели до великого заговения», пошел с братьями, сыном Иваном и «с всеми людьми» к Владимиру. Казанцы ограичились набегом на Кплчменгу, которая была ими взята и сожжена. Послав людей перехватить татар, сам великий князь в «пяток великий» возвратился в Москву. Весной был предпринят поход против северных прикамских вла-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 152.

² Там же, стр. 153.

дений Казанского ханства, в котором участвовал «двор» великого князя. С этой целью после празднования пасхи («по велице дни») из Москвы был послан к Галичу Руно с казаками. Из Галича Руно вместе с детьми Семена Филлимонова, Глсбом, Иваном Шустом и Василием Губой, пошел к Вологде. Соединившись с вологжанамп, этот отряд на судах отправился к Устюгу. Затем на р. Вятке под Котельничем отряд Руно соединился с князем Иваном Звещом, пришедшим с устюжанами и Иваном Игнатьевичем Глухим, приведшим кичменжан. Отсюда это сборное ополчение поморских городов с присоединившимся вятчанами направилось на Каму. Интересной особенностью в организации этого похода явилось широкое использование местных сил тех северных городов и уездов, которые подвергались нападению со стороны казаццев. Служилым людям двора великого князя, его детям боярским и воеводам, очевидно, принадлежала только организаторская и командная роль.

Когда отряд отошел от Котельнича, вятчане получили известие, что на них идут казанские татары. Большинство вятчан возвратилось обратно, но 300 человек продолжали путь с воеводами великого князя. Между тем казанцы подошли «со мною силою» к Вятке, и вятчане, не имея возможности отбиться, «предашася за казанского царя Обрейма». Смысл последней фразы частично раскрывается из последующего поведения вятчан. Когда в следующем году Иван III потребовал от вятчан участия в новом походе на Казань, он получил от них ответ: «...изпеволил нас царь и право свое дали есмя ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни князю великому на царя».

Воеводы великого князя, продолжая путь по Вятке, «повоевали» Черемисскую землю, спустились в Каму и дошли вниз по этой реке до р. Тамлуги (приток р. Камы) и ходили до «Татарского перевоза». Затем они повернули обратно, продолжая разорять казанские земли. В это время отряд казанских татар в 200 человек появился на Белой Воложке (р. Белая), посланный, повидимому, для захвата добычи или сбора ясака. Оставив коней у черемисов, татары отправились на судах вверх по Каме. Воеводы великого князя, ходившие также к Белой Воложке, побили черемисов, иссекли у них лошадей и «всякую скотину» и отправились вслед за татарами. Приблизившись к ним, воеводы выделили, каждый от своих людей, семь насадов, которые под командованием Ивана Руно продолжали погоню. Когда отряд Руно наступил татар, последние «выметашася на брег». Руно также велел своим людям выйти из насадов. Татары пытались укрыться за речкой, но люди Руно перешли через нее и разбили казанский отряд, причем двое, воевода Тулазий, сын князя Тарханова, и какой-то бердышник, были захвачены в плен, а остальные перебиты. Русские потеряли в этом бою

2 убитых и 60 раненых. Воеводы великого князя возвратились обратно в Москву через Великую Пермь и Устюг.

Этим же летом, в первых числах июня, застава великого князя, состоявшая из москвичей во главе с князем Федором Хрипуном, отправилась из Нижнего Новгорода на Волгу и побила многих «добрых» казанцев, принадлежавших к «царевому двору». Среди убитых летопись отметила Колупая, а среди пленных — князя Хозюм Бердея¹.

Действия этих двух отрядов, одного со стороны Вятки, другого — из Нижнего Новгорода, были связаны с организацией большого летнего похода против Казани и, очевидно, входили в план его подготовки. Они дезориентировали Казань в отношении ближайших намерений великого князя. Кроме того, во время этих набегов должны были быть собраны необходимые данные о наилучших путях движения ратных сил.

Большой летний поход 1467 г. имеет выдающийся интерес. Это было первое крупное военное предприятие Ивана III, в котором ясно отразился скрытый от нас, по недостатку источников, итог большой работы по объединению и упорядочению военных сил. Сравнение организации этого похода с военными предприятиями Василия Темного показывает, какие выдающиеся успехи были достигнуты в этой области в результате преодоления феодальной раздробленности и усиления великокняжеской власти.

Прежде всего поражает полнота состава великокняжеского войска. Помимо двора великого князя, игравшего роль позднейшей гвардии, великий князь приказал собрать воинских людей «от всеа земли своа дети боярские, из всех градов своих и из всех отчин братна своа потому и; а с Москвы послал сурожан, и суконников, и купчих людей и прочих всех москвичь, конх пригоже по их силе». Воинские люди из разных городов и земель собирались в назначенные места в один установленный срок. Москвичи пошли к Нижнему Новгороду Москвой-рекой и Клязьмой; коломенцы и все жившие выше их по Оке — Окой; муромцы — также Окой; владимирцы и суздальцы — Клязьмой; дмитровцы, можанцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и другие вологжане — Волгой. Воеводой над этой ратью, собранной в Нижнем Новгороде, был поставлен Константин Александрович Беззубцев.

Другая группа ратных сил, значительно более слабая и состоявшая из местных людей, собиралась на севере под начальством присланного из Москвы в Устюг воеводы князя Даниила Васильевича Ярославского. С ним были отправлены дети боярские двора великого князя: Иван Гаврилович, Тимофей Михай-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 154—155:

лович Юрл, Глеб и Василий, дети Семена Филимонова, Федор Борисович Брюх, Салтык Травин, Никита Константинов, Григорий Перфушков, Андрей Бурдуков. В Устюг же направился из Вологды входивший в удел князя Андрея Васильевича Меньшого Семен Пешков-Сабуров с вологжанами. С Устюга этот отряд с устюжанами направился в Вятку, где в это время находился казанский посол. Вятчане отказались участвовать в походе, ссылаясь на обещание, данное хану, а посол сообщил в Казань, что «от Вятки идет рать великого князя судовая, но не в мнозе». Возможно, что именно это обстоятельством побудило Ивана III действовать с большой осторожностью в отношении главных сил, собранных в Нижнем Новгороде. Ведь если северный отряд должен был создать впечатление, что со стороны Вятки и Камы движутся к Казани крупные силы русских, и этим отвлечь внимание от Нижнего Новгорода, то предполагавшаяся диверсия в результате известий, посланных казанским послом из Вятки, не могла быть удачной. Поэтому Иван III велел Константину Беззубцову остаться в Нижнем Новгороде и отпустить желающих детей боярских «воевать» Казанские места. Константин Беззубцов собрал князей и воевод и сообщил им, что «прислал к нему князь велики грамоту, а велел всем вам, кто въсхочет, ити вьевати Казанские места по обе стороны Волги, а мне велел быти зде в Новегороде, и вы пойдите, а к городу х Казани не ходите». Однако собравшиеся заявили об общем желании всех итти на татар. Константин Беззубцов не посмел нарушить приказ великого князя и остался в Нижнем Новгороде, но все ратные люди пошли на судах под Новгород Старый. Высадившись на берег около Николы на Бечеве, они отправились в старый город к церкви «Преображенья господня» и, отслужив молебен, «начаша мыслити себе, кого поставити воеводою, чтобы единого всем слушати». Выбор пал на Ивана Руно.

Таким образом, с самого начала оказался нарушенным весь хорошо задуманный план похода. Оказалось нарушенным предположение великого князя, желавшего, повидимому, ограничиться только «поиском» и обычным разорением «Казанских мест». Между тем Иван Руно проявил большую решительность и смелость. Уже в первый день он прошел от Нижнего Новгорода 60 верст. На следующий день были достигнуты Чебоксары. Затем Иван Руно шел, не останавливаясь, весь день и всю ночь и на ранней заре 21 мая подошел к Казани. Благодаря такой скорости появление русских под Казанью оказалось совершенно неожиданным и застало татар врасплох. «И вышед из суд, поидоша на посад, — сообщает летописная запись, — а татаром казанским всем еще спящим, и повелеша трубити, а татар начаша сечи, и грабити и в плен имати». Посады были

подожжены со всех сторон. Многие жители, татары и бесермены, пытались с женами и детьми и с наиболее ценным имуществом укрыться в мечетях, но и там погибали в огне пожара. На посаде было освобождено большое число полоняников-москвичей, рязанцев, вятчан, устюжан, пермяков, людей из разных других русских городов, а также литовцев.

Несмотря на полный успех в овладении посадами, Иван Руно не сделал попытки овладеть самой крепостью (городом), и рать великого князя, севшая на суда, отплыла к острову Коровичу. Воскресенский и близкие к нему своды объясняют отход от города большим утомлением людей: «...а уже истомившимся им вельми»¹. Отход от Казани вызвал неудовольствие и разные толки у современников, которые давали ему свои объяснения. Одно из них сохранилось в Архангелогородском летописце. По его словам, Иван Руно «пonorовил» татарам: он «отбил рать от ворот городских прочь, а сам велел трубить во многие трубы и татарове слыша парядились»². Однако обвинения в измене Ивана Руно не заслуживают доверия³. Совершенно ясно, что если нападение на посад было неожиданным, то шум и возникший переполох не могли не разбудить защитников крепости; внезапности при ее штурме быть уже не могло. Между тем войско вышло из Нижнего Новгорода, как указывается в летописи, налегке, не был захвачен даже достаточный запас продовольствия. Повидимому, первоначально нападение на Казань не предполагалось, так как великий князь приказал воеводам близко к Казани не подходить. Нет никаких сведений, чтобы при войске был огнестрельный отряд или метательные машины. Наконец, при разграблении посада порядок должен был нарушиться, и его восстановление потребовало бы значительного времени. При этих условиях было бы крайне опасным оставаться среди горящих развалин строений.

На острове Коровиче войско простояло 7 дней. Прибежавший из Казани полоняник-коломнятин (коломнич) сообщил, что хан Ибрагим собрался «с всею землею своею», в том числе Камской, Сыплинской, Костячкой, Беловолжской, Вятской и Башкирской⁴, и что на ранней заре он появится с судовой

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 155—156.

² Архангелогородский летописец, М., 1781, стр. 172. Устюжский летописный свод. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 87.

³ С. М. Соловьев не верил в измену Ивана Руно: «Обвинение явно несправедливое, ибо русские пришли безвестно, когда же было Руно сговариваться с татарами и брать подкуп; если же он не взял подкупа, то зачем ему было поровить татарам?» (История России, кн. I, стр. 1415).

⁴ Название «Сыплинская», повидимому, искажено и не поддается объяснению; «Костячка» — вероятно, остяцкая; «Беловолжская» — земля на р. Белой, т. е. башкирская; «Вятская», вероятно, Вотяцкая (удмуртская), ПСРЛ, т. VIII, стр. 156.

и конной ратью. Это сообщение побудило воевод поспешно отослать большие суда с молодыми людьми к Ирхову-острову на Волге; остальные остались около берега Казанки для защиты ушедших судов. Посланные с большими судами не послушали воевод, запретивших им останавливаться на узком месте, т. е. вблизи неприятельского берега. Этой опрошностью немедленно воспользовались казанцы. Суда, стоявшие на узком месте, подверглись нападению с берега, со стороны конницы: «... и ту придоша на них татары на конех и пачаща стреляти, хотяще побити их; они же противу их стреляюще отбишася от них». В это же время казанская судовая рать, состоявшая из лучших князей и людей, напала на оставшиеся русские суда — «немногих бо видяху их оставшихся». Однако, несмотря на большой численный перевес казанцев, русские прогнали их до самых стен города. После этого обе части войска соединились около Ирхова-острова. В этом месте к ним присоединился большой воевода из Нижнего Новгорода Константин Александрович Беззубцов.

Удачное отражение татар, повидимому, возбуждало надежду на возможность овладения крепостью; только этим можно объяснить долгое стояние у Ирхова-острова. Однако Беззубцов находил, что имевшиеся в его распоряжении силы недостаточны. Он послал в Вятку требование «словом» великого князя, чтобы вятчане шли ратью к Казани, указав им срок стать под Казанью в три с половиной недели. Вятчане ответили отказом: «...коли пойдут под Казань братна великого князя, тогда пойдём и мы». Простояв у Ирхова-острова в напрасном ожидании вятчан все назначенное время и не получая вестей ни от великого князя, ни от вятчан, Беззубцов решил вернуться обратно. Во время остановки на острове Звеничье неожиданно вновь появились татары «все князи и вся земля их», причем часть следовала рекой на судах, а часть — конница — берегом. Воеводы на судах отправились против «судовой рати» противника и после боя заставили татар стать у берега под защитой своей конницы. Сильный обстрел вынудил в свою очередь русские суда отойти к своему берегу. Однако, когда казанская «судовая рать» вновь приблизилась, она была отогнана обратно; боевые схватки продолжались в течение всего дня до наступления ночи. Затем оба противника разошлись, каждый в свою сторону¹.

¹ ИСРЛ, т. VIII, стр. 155—157; т. XII, стр. 25; т. XXV, стр. 281—283. Описание похода на Казань в 1469 г., включенное в Московские летописные своды конца XV—XVI вв., несомненно, составлено современником, возможно, участником этого похода. На это указывает ряд подробностей, которые не могли быть заимствованы из официальных документов. Обращает внимание очень живое описание нападения казанских татар на ратных людей, остановившихся ночевать на острове Звеничье: «И пришед на Звенич чочеваша ту с субботы на неделю, и в полутра повелеша в неделю себе обедню служити сущим с ними священником, а ести на себя

Во время действий Ивана Руно и Беззубцова под Казанью северный отряд князя Даниила Васильевича Ярославского находился в районе Вятки и Камы. Получив сведения от татарина, что Беззубцов будто бы заключил мир с ханом, князь Даниил Ярославский решил спуститься по Каме в Волгу и мимо Казани направиться в Нижний Новгород. Однако около Казани путь по Волге оказался прегражденным паходившимися на судах татарами, с которыми пришлось вступить в ожесточенную битву. С большими потерями, достигавшими 430 убитыми и взятыми в плен, отряд все же прорвался к Нижнему Новгороду¹.

С. М. Соловьев считал действия московских ратных сил против Казани в 1467—1469 гг., которые он делил на четыре отдельных похода, неудачными. «Весь успех, — писал он, — ограничился опустошением неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить за потери, понесенные отрядом князя Ярославского; мало того, — выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку»². С этим мнением едва ли можно согласиться. Необходимо иметь в виду, что это были первые действия против Казани с очень широким охватом территории. При этом Иван III не только не ставил задачи овладения Казанью, но даже запретил воеводам близко приближаться к ханской столице. Поход Ивана Руно, предпринятый по его собственной инициативе, привел к неожиданному успеху, который впервые заставил столицу ханства почувствовать приближение серьезной опасности. Дело было, конечно, не в сожжении казанских посадов, а в том явном перевесе русской военной силы, который проявился во всех боевых столкновениях. Для русских очень важно было приобретение опыта в борьбе с Казанью и, особенно важно было то, что эта борьба происходила на основной территории ханства. Во всех последующих войнах с Казанью характер боевых действий в большей или меньшей степени воспроизводил походы 1469 г.

Этот приобретенный боевой опыт был положен в основу большого похода на Казань осенью того же 1469 (6978) г.. К сожалению, летописная запись о нем по обстоятельности и точности не может идти ни в какое сравнение с подробным описанием предыдущего похода Руно. В Воскресепской летописи читаем: «Отслушав обедню хотеша сести ести, а у яных царевен еше не уснеша и обедни отслужити, и в то время приидоша на них казанци татарове, все князи и вся земли их судовою ратю и конною по берегу» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 283).

¹ Архангелогородский летописец, стр. 172. Устюжский летописный свод, стр. 87.

² С. М. Соловьев. Указ. соч., кн. I, стр. 1416.

благодаря использованию двух различных источников, рассказ о походе Ивана Руно повторяется дважды и во втором случае перебивается изложением похода против великого князя осенью того же года¹.

В организации осеннего похода 1469 г. прежде всего обращает внимание та быстрота, с которой Иван III собрал и отправил новое войско под Казань. Беззубцов и Иван Руно могли возвратиться из первого похода не ранее начала июля. Между тем уже 1 сентября этого года ратные силы великого князя вновь были под Казанью. Из сопоставления известий Воскресенской и Никоновской летописей, осенний поход 1469 г. представляется в следующем виде. Войска были разделены на конную и судовую рати. Берегом в конной рати пошли братья великого князя Юрий и Андрей Большой, князь Василий Михайлович, воевода князь Иван Юрьевич, все служилые князья и двор великого князя. Из конной рати был выделен передовой полк во главе с князем Даниилом Дмитриевичем Холмским и Федором Давыдовичем. Оба войска, судовая рать и конная рать, подошли к Казани, повидимому, одновременно, 1 сентября. После небольших стычек татары бежали в крепость (город). Русские осадили город и лишили его воды. Тогда хан Ибрагим, «видя себя в велице беде», начал переговоры с князем Юрием и «добыша челом на всей воли великого князя»².

К сожалению, не сохранилось никаких сведений о содержании этого договора, за исключением обязательства выдать всех пленных, взятых в течение 40 лет³. Во всяком случае, самым важным результатом этого мира было установление длительного спокойствия на московско-казанской границе; вплоть до 1478 г. нет известий о каких-либо враждебных действиях или нападениях казанцев. Для Ивана III, занятого в эти годы борьбой с Новгородом и укреплением внутреннего единства страны, безопасность восточных окраин имела большое значение.

4

Брак Ивана III с дочерью Морейского деспота Фомы и племянницей последнего императора Византии Константина IX Палеолога всегда привлекал внимание историков. Особый интерес к этому событию вызывался преувеличенным представлением о той роли, которую вместе со своими греко-итальянскими союзниками будто бы играла в политической жизни московского

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 157.

² Там же, стр. 157—158; т. XII, стр. 123.

³ Архангелогородский летописец, стр. 147. Устюжский летописец, стр. 88. Указание этого летописца на 40-летний срок (т. е. с 1430 г.) не может не вызвать сомнения.

великокняжеского двора эта «царегородская царевна». Однако и теперь, после работ Пирлинга, пользовавшегося материалами Ватиканского архива, и обстоятельного исследования харьковского профессора Саввы, подвергнувшего подробной критике всю предшествующую литературу, остается еще много неясного как в цепи событий, приведших к этому браку, так и в его политических результатах. Кому принадлежала инициатива протянуть династическую линию между Москвой и Римом? Что побудило Ивана III решиться на этот брак, весьма сомнительный с точки зрения чистоты русского православия? Какую новую струю политических интересов внес приезд Софьи в Москву? Состояние источников, к сожалению, не дает прямых ответов на эти вопросы, и исследователю приходится опираться на ряд косвенных данных.

Выбор Иваном III невесты в Риме было бы трудно удовлетворительно объяснить, если исходить из мнения буржуазной литературы, что в глазах русских того времени Запад был совершенно terra incognita и что на Западе в свою очередь тоже имели самые фантастические представления о «Московии». На самом деле это было не так. В третьей четверти XV в. среди европейских стран Россию лучше всего знали в Италии. Со времени Флорентийского собора 1439 г. в Риме не угасала тщетная надежда на осуществление религиозной унии в отношении обширной русской митрополии, которая явилась бы для Рима средством политической агрессии. Дело митрополита Исидора, сумевшего после побега из заключения в Москве добиться весьма влиятельного и почетного положения при «святейшем престоле», еще больше усилило внимание к России.

С другой стороны, Исидора во Флоренции сопровождала многолюдная свита, среди которой находились и греки, и русские люди. Один из них, суздальский перомонах Симеон, написал два небольших сочинения, посвященных Флорентийскому собору («Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский собор» и «Повесть об осмом или Исидоровом соборе»). Несомненно, что в Москве, со времени бегства Исидора в Рим, продолжали следить за событиями в Италии. Не случайно поэтому итальянские мастера появляются в Москве еще до приезда Софьи Палеолог. К ним принадлежал денежник Иван Фрязин (Джван Баттисти делла Вольле), который сыграл некоторую роль в переговорах о браке великого князя с византийской царевной.

Единственным источником наших сведений о начале этих переговоров является русская летопись: «В лето 6977 (1469), февраля 11 прииде из Рима от гардинала Висариона Грек, Юрий именем, к великому князю, с листом, в нем же писано, что есть в Риме деспота Амореяского Фомы Ветхословца от

парьства Константинаграда дщерь его, Софья именем, православная христианька»,... «аще хоцещи поняти ея, то аз учиню в твоём государстве, а посылали лист к ней король Фричюжский и князь великий Меделенский, по она не хочет в латинство»... «Тогда припдоша фрязи: Карло именемь, Ивану Фрязину Московскому денежнику брат бльшей, да братаничъ их старейшаго их брата сын Апто»¹.

Тенденциозность этой небольшой летописной записи не подлежит сомнению. Зоя (Софья) представлена в ней как ревностная поборница православия, и папе приписаны слова, невероятные для римского «первосвященника», стоявшего на почве постановлений Флорентийского собора. С тех пор как Зоя (Софья) в качестве «царственной сироты», не имевшая за собой ничего, кроме знаменитого имени предков, стала воспитанницей непереклонного в своих требованиях кардинала Виссарiona, ей пришлось забыть догматы и обряды греческой церкви. В наставлении о воспитании детей Фомы Палеолога, написанном Виссарionом в 1465 г., последний не преминул напомнить своим воспитанникам, что в Риме они только сироты, изгнанники и нищие. «У вас будет все, — заключил он свое письмо, — если станете подражать латинянам. В противном случае, вы лишитесь всего...»².

Пирлинг правильно отметил и другие исторические неточности русской летописной записи. В грамоте папы Зоя не могла быть названа Софьей, так как этого имени она тогда еще не носила. Затем ни французский король Людовик X, вторично женатый в 1452 г. на Шарлотте Савойской, ни миланский герцог Галеаццо Сфорца никогда не претендовали на руку Софьи. До начала брачных переговоров с Москвой Рим трижды пытался выдать Софью замуж, но к неудачам в этом деле не имело никакого отношения католическое вероисповедание жепихов. Сначала Зою прочили за Федерико, старшего сына Людовика Гонзаго. Однако отец отказался от этого предложения, после того как получил сведения о совершенной бедности невесты. Вторым женихом Зои был князь Караччиоло, принадлежавший к одной из самых знатных и богатых фамилий Италии. Несмотря на то, что на этот раз было произведено обручение, брак по неизвестным причинам не состоялся. Третьим претендентом явился незаконный сын кипрского короля Иоанна II Након Лузиньян, которому, несмотря на епископский сан и сомнительность династических прав, удалось свергнуть свою сестру-королеву и овладеть

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 154.

² О. Пирлинг и г. Россия и папский престол, перевод В. Потемкина, кн. I, М., 1912, стр. 158.

отцовской короной. Дело на этот раз ограничилось предварительными переговорами и согласием самой Зои¹.

Все три жениха Зои не могли удовлетворить политические расчеты Рима, искавшего сильного союзника в борьбе с надвигающейся турецкой опасностью. Важно отметить, что переговоры с Москвой начались в тот момент, когда эта опасность стала приобретать особенно грозный характер и когда римский престол начал серьезно подумывать о новом крестовом походе против «неверных». В этом вопросе папа Павел II нашел деятельного помощника в лице кардинала Виссарiona, сторонника войны с турками. Первым шагом папы в создании антитурецкой лиги было установление мира в самой Италии, который был провозглашен 2 февраля 1468 г. В этой обстановке брак Зои Палеолог с могущественным московским государем должен был казаться очень выгодным и в церковном, и в политическом отношении. С одной стороны, он вновь поднимал надежду на осуществление церковной унии, так как Зоя считалась «верной дочерью римского престола», с другой стороны, что было еще более важным, при осуществлении этого брака можно было рассчитывать на участие Ивана III в войне с турками. Тогда значительная часть турецких сил была бы отвлечена на Восток, а это очень облегчило бы положение итальянских государств.

Рассмотренная политическая обстановка помогает уяснить происхождение переговоров о браке между Римом и Москвой. Тенденциозность русской летописной записи, как отмечалось выше, состояла в стремлении подчеркнуть верность Зои-Софьи православию, ради которого она будто бы отказывала в руке своим женихам-католикам. Появление такой тенденции на страницах московской летописи вполне понятно. Хорошо известно, какое недоброжелательное отношение великая княгиня-чужестранка встретила среди боярской знати, по мнению которой вместе с Софьей в Москву пришло «нестроение» и переменялись старые патриархальные обычаи московского великокняжеского двора. Софье не могли простить ее долголетнего пребывания под покровительством римской курии. В Москве ее окрестили обидным прозвищем «римлячка». Очень ясно враждебное отношение к Софье проявилось в литературной повести о «приходе Ахмата». В словах автора этой повести, сказанных по поводу возвращения Софьи «из бегов» и бесчинства сопровождавших ее лиц, несомненно, заключался намек на самого Ивана III: «...возлюбилша бо паче жены, неже православную христианскую веру и святыя церкви, в них же просветившися,

¹ О. П р л и н г. Указ. соч., стр. 159—168.

породившиеся банею святого крещения, согласившиеся предати христианство; ослепи бо их злоба их»¹.

Однако религиозно-политическая окраска летописной записи, составление которой можно отнести к концу семидесятых или к началу восьмидесятых годов, т. е. к составлению свода 1479—1480 г., не решает еще вопроса, кому принадлежала инициатива брачного предложения. Хотя Пирлинг склонен считать, что она исходила от Ивана III, но приводимые им доказательства не являются убедительными. Пирлинг считает, что прибывшие около середины 1468 г. из Москвы в Рим Николо Джисларди и грек Юрий, посланные «денежником» великого князя Джьан Батиста делла Вольпе, явились с поручением великого князя относительно сватовства к Зое Палеолог². «Известно, как трудно было иностранцам, находившимся на службе у государей московских, уехать из России, — рассуждает Пирлинг. Когда они покидали ее даже на короткий срок, — им ставились всевозможные препятствия. Если Вольпе так свободно сообщался с границей и даже снаряжал послов — это значило, что великий князь действует с ним заодно, и что в виду имеется серьезная цель»³.

Конечно, два московских иноземца, грек и итальянец, отправились в Рим не ради отдыха или свидания с родными; они ехали с поручениями, но нет оснований относить их к брачным предложениям великого князя. Иван III часто прибегал к вызову из Италии через посланных лиц нужных ему людей и мастеров разных специальностей. В этот раз в Москву отправились двое: Антонио Джисларди (Антон Фрязин) и Карло Вольпе. Следует отметить, что в римских материалах не содержится ни одного намёка на то, что инициатива в возбуждении вопроса о браке принадлежала Москве, а между тем вряд ли это обстоятельство могли упустить в Риме.

Брак Зои с Иваном III имел для Рима двойной интерес — церковный и политический. Однако церковная цель уступала место политическим планам. По мере того как все яснее обнаруживалась неудача проповеди нового крестового похода, внимание Римской курии все больше и больше обращалось на Восток. Посланцы папы спешат в Персию в надежде поднять против Мухаммеда шаха Узун-Гассана; одновременно делаются попытки обратить против Мухаммеда слабеющую силу Золотой

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 232.

² В Ватиканском архиве Пирлинг нашел единственный документ, относящийся к этому посольству: 9 июня 1468 г. папа Павел II указал выдать послам Вольпе, «обитающего в Москве», около 41 флорина на путевые издержки (О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 170).

³ О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 172.

Орды. Великий князь Московский мог казаться самым желанным союзником в этой борьбе.

Мы располагаем еще одним доказательством в пользу того, что выдача Зои замуж за Ивана III рассматривалась в Риме в тесной связи с организацией крестового похода. Пирлинг нашел в римском государственном архиве платежный ордер от 20 июня 1472 г. кардиналов Эстувевилля, Каландрина и Анджело Капраника, заведовавших специальной кассой, предназначенной исключительно на нужды войны с турками. Хранители этих денег, Лоренцо и Джулиано Медичи, получили от имени папы приказ выдать «королеве русской Зое» из этих средств 4 тысячи дукатов на расходы по путешествию в Россию и 600 дукатов выдать сопровождавшему ее епископу. 27 июля Зое было выдано 5400 дукатов, а епископу — 600¹.

По сравнению с этими ясными планами Рима труднее пропикнуть в намерения Ивана III. Идея общеевропейского крестового похода под главенством папы была ему совершенно чужда. Участие в этом деле отвлекло бы его от ближайших и более для него важных задач. Так же холодно отнесся Иван III и к предложению отвоевать для своей супруги «византийское наследство». Думал ли он родством с Палеологами поднять свой политический престиж в Западной Европе? Царевна Зоя едва ли могла способствовать этой цели. Обаяние знаменитого имени, несмотря на упорные старания Виссариона, не могло при отсутствии денег соблазнить даже ничтожного короля Кипра. Былая слава Палеологов окончательно померкла с падением Константинополя. Впоследствии ни Иван III, ни его внук Иван IV никогда не ссылались на этот брак в доказательство своих исторических и династических прав на самодержавную власть.

Совершенно необоснованным является предположение Пирлинга, будто Иван III надеялся получить от папы королевскую корону. Хорошо известно, как резко ответил Иван III на такие же предложения, сделанные ему Николаем Поппелем от имени императора Фридриха.

Причину благожелательного отношения Ивана III к браку с Софьей Палеолог следует искать не в области внешних, а внутренних отношений. Предки Ивана III женились либо на русских, либо на литовских княжнах. Сам Иван III в первом браке был женой на тверской княжне Марье Борисовне, скончавшейся в 1467 г. Между тем в результате уничтожения огромного большинства феодально-удельных русских княжеств положение членов княжеских фамилий резко изменилось: из самостоятельных или полусамостоятельных государей они превратились

¹ О. Пирлинг. Указ. соч., стр. 196—197.

в подданных московского великого князя, в его бояр. Стремясь поставить себя возможно выше этой служилой княжеской среды, Иван III, естественно, должен был искать невесту за пределами своего государства. Греческая императорская фамилия Палеологов, с которой и раньше существовали брачные связи, была для этой цели наиболее удобной.

Посадка Джован Баттиста делла Вольпе (Ивана Фрязина) ничем не отмечена в итальянских документах, за исключением одной грамоты к нему папы Павла II от 14 октября 1470 г.¹ Выбор великого князя, остановившегося на Вольпе в выполнении деликатного брачного поручения, вполне понятен. Среди московских служилых иностранцев Вольпе, по всем данным, пользовался наибольшим доверием Ивана III. Он принадлежал к старой, хорошо известной фамилии и происходил из города Виченцы, где у него оставалась многочисленная родня. Вернувшись обратно в Москву, Вольпе принес портрет невесты: «царевну на иконе написану»².

Получив согласие невесты и папы, великий князь еще раз обсудил вопрос о браке с митрополитом, матерью, братьями и боярами. 16 января 1472 г. Вольпе отправился за невестой в Рим, снабженный грамотами к папе и к Виссарioniу. К этому времени папа Павел II умер и на его место был избран Сикст IV, стремившийся к организации антитурецкого союза христианских государств. Об этой перемене на римском престоле московские послы узнали уже достигнув земель Италии. Тогда ошибочно поставленное в грамоте имя нового папы Калиста было выскоблено и заменено Сикстом: «Вшедшим же в землю ту и смешаша папню имя Сикстюся, а не Калист и о том мыслившие меж себя преписаша, имя того Калистова выгладив, Сикстюша написаша»³. Материалы, извлеченные из архивов Рима, Венеции и Милана, дают ряд любопытных подробностей пребывания русских послов в Италии. В первых числах мая Вольпе встретился в Болонье с Виссарioniом, направлявшимся к Людовику XI во Францию. Виссарioni в особом письме к жителям города Сиенны просил их устроить царевне «блестящую встречу, дабы ее спутники могли засвидетельствовать о любви к ней итальянцев. Это придаст ей особое значение в глазах ее супруга...»⁴. Этот штрих письма Виссарioniа не лишен интереса. Очевидно, старый кардинал знал, что одно имя Палеологов не способно произвести большого впечатления в Москве. С подобными же письмами Виссарioni обратился и к другим итальянским городам, лежавшим на пути следования невесты в

¹ О. Пирлиниг. Указ. соч., стр. 174.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 197.

³ ПСРЛ, т. XXV, стр. 293.

⁴ О. Пирлиниг. Указ. соч., стр. 179.

Москву. Вольпе прибыл в Рим в то время, когда шла подготовка к войне с «неверными». Момент был чрезвычайно благоприятный для посольства. Верил или не верил Сикст IV в реальность союза с Москвой, но прибытие послов государя «Белой России» он стремился использовать в глазах широкой массы населения для своей воинственной проповеди. Русские послы поэтому были приняты с особой торжественностью, а щекотливый вопрос о различном вероисповедании жениха и невесты был почти обойден молчанием. По поводу брака и приема посольства, сообщает Джьякомо Маффеи де Вольтерра, «возникли некоторые недоразумения; сведения о вере рутенов оказывались недостаточными. Тем не менее, в принципе, брак получил одобрение».

На торжественном приеме русских послов 24 мая Сикстом IV присутствовали послы Венеции, Милана, Флоренции и герцога Феррарского. 1 июня была произведена помолвка и, вероятно, обручение Зои в присутствии представителя Ивана III¹.

В Риме ждали каких-то очень важных известий относительно союза с великим князем московским и его участия в войне. Между тем на аудиенции 2 июня Вольпе ограничился сообщением проекта о заключении союза между Римом и татарским ханом, который будто бы предлагал собрать грозную армию и с нею напасть на турок со стороны Венгрии. Речь, очевидно, шла о хане «Большой Орды» Ахмеди, который в это самое время готовился к походу на Москву. Однако этот союз должен был требовать больших материальных жертв: татарам, по мнению Вольпе, следовало поднести подарки ценою в 10 тысяч дукатов и после открытия военных действий ежемесячно выплачивать хану такую же сумму. Повидимому Вольпе был заподозрен в своекорыстных целях, и предлагаемый им союз с татарами был отвергнут².

Между тем приготовления к отъезду Зои происходили с удивительной быстротой. Она должна была отправиться на север в сопровождении греков, итальянцев и русских. С нею последовали ее брат Дмитрий Ралев Палеолог, Юрий Траханпот, легат Бонумбре и др. К многолюдному каравану присоединились люди, отправлявшиеся в новую для них страну за богатством и счастьем. Пример самого Вольпе, сумевшего достигнуть столь почетного положения в Москве, должен был действовать заразительно.

Церковно-политические интересы римского престола были представлены Бонумбре. Папа Павел II и особенно Сикст IV неоднократно оказывали Бонумбре знаки внимания. При назна-

¹ О. Пирлинг. Указ соч., стр. 187.

² Там же, стр. 191.

чении Бонумбре в свиту царевны ему были пожалованы титулы нунция и легата «а latero». В наставлении к нему папа писал: «Мы ничего не желаем горячее, как видеть вселепскую церковь объединенной на всем ее протяжении и все народы идущими по пути к блаженству. Вот почему мы охотно изыскиваем средства, при помощи которых наши желания могут быть осуществлены»¹. Таким образом, на Бонумбре возлагалась ответственная миссия по церковному сближению Москвы с Римом. Хотя имя царевны Зои не упомянуто в этом документе, но едва ли можно сомневаться в том, что наблюдение за поведением будущей супруги великого князя московского входило в число главнейших обязанностей папского легата.

В прощальной аудиенции Зоя была принята Сикстом IV 21 июня. Через три дня, 24 июня, Зоя навсегда покинула Рим. Караван царевны пересек Италию через Витербо, Сиенну, Флоренцию, Болонью и Венецию.

Дальнейший путь Зои Палеолог лежал через Аугсбург, Нюрнберг и Любек. Из Любека царевна морем прибыла в Ревель: «Того же месяца (октября) в 21 (день) пришла царевна кораблем в Колывань, а носило их море 11 дней»².

Подробное описание первых шагов Софьи по русской земле сохранилось в Псковской летописи. Псков был заблаговременно предупрежден о прибытии в Колывань (Ревель) царевны «дщи Фомина князя Аморийскаго, а цареградского царя Константина и Калужина брата, а внука Иоана Палиологова, а князя великого Василия Дмитриевича зятя». Первая встреча произошла на берегу Псковского озера у Узменья (горло Псковского озера, где проходила граница Псковской земли), куда посадники и бояре отправились на шести «великих» насадах. Псковичи, выйдя из пасадов и наполнив «кубцы и роги злапеныя» медом и вином, ударпли челом царевне, которая заявила о своем желании немедленно отправиться дальше, «бе бо ей еще се, хочет от немец отъехати». Так, при первой же встрече Софья продемонстрировала чувство русского патриотизма. Дальнейший путь до Пскова царевна проделала водой по р. Великой. Перед Псковом она облачилась в «порты царския» и прибыла к городу в русской одежде. Встреченная на берегу духовенством, царевна тотчас отправилась со всеми сопровождавшими ее лицами в Троицкий собор, публично засвидетельствовала, совершенно неожиданно для легата Бонумбре, ревность православной христианки. «И бе бо в ней своей владыка с нею, — сообщает псковская летопись, — не по чину нашему оболчен бе весь червленым платьем, имея на себе куколь червлен же, на

¹ О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 194—195.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 175.

главе обвит глухо якоже каптур литовской, толко лице его знати, и перстатцы на руках его имея непременно, яко рук его никому же видети...» Бонумбре, заметили псковичи, не хотел поклоняться православным иконам. Однако, по повелению царевны, он принужден был «знаменася ко пречпстей»¹. «Таким образом, — пишет Пирлинг, — принцесса разрывала со своим религиозным прошлым. С этого момента Рим был забыт; русское православие одержало полную победу»². Действительно, сравнение поведения Софьи в итальянских городах с ее отношением к православным «святыням» в первом же русском городе, с тщательным исполнением русских обрядов говорит о резкой перемене в поведении воспитанницы сурового Виссарiona. Неизвестно, действовала ли Софья по собственному побуждению, проявив подобную предусмотрительность и твердость. Может быть, они были результатом тайных переговоров в Риме, во время которых царевна получила наставления относительно того, как ей следовало держаться в России. Во всяком случае Бонумбре, приставленный к царевне, должен был убедиться как в непримиримости русских к вопросам католицизма, так и в потере своего влияния на Софью.

Однако сам Бонумбре не проявил того упорства, какого можно было ожидать от представителя папы, пользовавшегося у себя на родине репутацией сурового поборника католического закона. Это проявилось как при въезде в Москву, когда Бонумбре принужден был спрятать «крыж», который он по праву легата пытался нести перед царевной, так и во время устроенного митрополитом Филиппом религиозного диспута. К этому диспуту усиленно готовились в Москве еще до прибытия царевны. На нем, помимо митрополита, участвовал «книжник» Никита Попович. Но Бонумбре «ни единому слову ответа не даст», ссылаясь на отсутствие пужных книг³. Голубинский был прав, высказав предположение, что легат просто уклонялся от щекотливых религиозных вопросов⁴. Благодаря этому все обошлось благополучно; Бонумбре прожил в Москве 11 недель и был отпущен обратно, одаренный великим князем, его сыном Иваном и великой княгиней Софьей. В поведении Бонумбре в России чувствуется, что политические интересы в данный момент стояли для Рима выше церковных. В Риме продолжали надеяться на возможность военного союза с Иваном III. Между тем всякое раздражение, вызванное церковными несогласиями,

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 244—245.

² О. Пирлинг. Указ. соч., стр. 205.

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 197.

⁴ Е. Голубинский. История русской церкви. Период второй, т. 2, М., 1900, стр. 544.

могло вредно повлиять на политическое сближение Рима с Москвой.

В день въезда Софьи в Москву, 12 ноября 1472 г., состоялось венчание. Зоя Палеолог стала великой княгиней Софьей Фоминишной.

Ближайшие события показали тщетность усилий Рима направить политику Ивана III в интересах «святейшего престола» и католических государств. Перед Иваном III стояли другие, более важные задачи; возникала такая политическая ситуация, при которой всякое осложнение с Турцией являлось крайне нежелательным.

После приезда в Москву Софьи Иван III продолжал эпизодически поддерживать посольские сношения с Италией, главным образом с Миланом и Венецией, но они были лишены каких-либо определенных политических целей. Основной задачей их была информация о политических событиях на Западе и наем на службу великого князя различных специалистов: инженеров, зодчих, оружейников, серебряников и других мастеров. За все остальное время княжения Ивана III известно пять московских посольств в Италию. 24 июля 1474 г. в Венецию был отправлен Семен Толбузин в сопровождении Антонио Джисларди. Семен Толбузин выехал «с многою приправою, а сребра пошло, — сообщает Львовская летопись, — рече, седьмсот рублем». Результатом этой поездки было приглашение в Москву известного зодчего и инженера Аристотеля Фираванти, с которым Семен Толбузин возвратился 26 марта 1475 г.¹ Следующее посольство, не отмеченное в русских источниках, относится к 1486 г. В июне этого года в Милане явился в качестве московского посла грек Георгий Перканкот. Некоторые данные об этом посольстве находятся в архиве города Милана. С Георгием Перканкотом было отправлено, как сообщает Пирлинг, «весьма любезное, но совершенно незначительное письмо»². В 1488 г. в Италию были отправлены соотечественники и дальние родственники Софьи, братья Дмитрий и Мануил Ралевы. Пребывание их в Италии оставило более значительный след в местных архивах. Известно, что братья Ралевы побывали в Венеции, где сообщили Сенату о победе великого князя над казацким ханом. Они были и в Риме. Они привезли в Москву, в которую возвратились в 1490 г., значительную группу мастеров — стешных (градостроителей), палатных, пушечных и серебряных³. В мае 1493 г. в Венецию и Милан были посланы Данила

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 180—181; т. XX, стр. 301—302; О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 238.

² О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 241.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 219; т. XX, стр. 354; О. П и р л и н г. Указ. соч., стр. 241—243

Мамырев и грек Мануил Ангелов (Докса). Итальянские источники рассказывают о ряде инцидентов, происшедших с московскими послами, которые с большим упорством поддерживали достоинство своей страны. Однако о каких-либо специальных политических целях этого посольства не упоминается. В Москву послы снова вывезли несколько мастеров, в том числе «стенного и палатного» мастера Алавиа (Алоизо Каркано), пушечника Петра и других¹. Наконец, последнее посольство, ознаменовавшееся большими злоключениями на обратном пути, было отправлено в 1499 г. Послами были Митрофан Федорович Карачаров и Дмитрий Ралев. Московские послы, побывавшие в Риме, Венеции и Неаполе, выехали обратно с караваном мастеров².

Однако в виду осложнений Ивана III со своим сватом, молдавским господарем Стефаном, они возвратились в Москву только в 1504 г.

Русский летописец правильно определил цель этих посольств, отправлявшихся великим князем «на свою потребу». Даже Пирлиг, много разыскивавший в итальянских архивах следы влияния Рима на Москву, должен был убедиться в тщетности своих поисков. Внешняя политика Ивана III, диктовавшаяся интересами русского централизованного государства, не претерпела никаких изменений после его женитьбы на Софье Палеолог.

С браком Ивана III связана легенда о «византийском наследстве», якобы принесенном Софьей в качестве приданого. По другому предположению, Иван III приобрел наследственные права на Византию не в результате брака с Софьей, а путем покупки этих прав у ее брата Андрея. Полная несостоятельность этих предположений была в свое время основательно доказана проф. В. Саввой, и нам остается присоединить к результатам его исследования лишь некоторые дополнительные соображения.

Семья Палеологов после смерти императора Константина IX состояла из двух братьев — Дмитрия и Фомы. Старший, Дмитрий был взят в плен турками в 1460 г. и умер в Константинополе десять лет спустя. Фома, успевший бежать на о. Корфу, а затем переселившийся в Рим, оставшийся единственным «наследником» несуществующей больше империи, умер в 1462 г. Он имел двух дочерей, Елену и Зою (Софью), и двух сыновей, Андрея и Мануила. Старшая, Елена, умерла через два года после выхода ее сестры замуж за московского великого князя. Мануил в 1476 г. бежал в Константинополь, был обласкан султаном,

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 226, 228; т. XX, стр. 361; О. Пирлиг. Указ. соч., стр. 244—245.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 236, 244.; О. Пирлиг. Указ. соч., стр. 247—248.

пожаловавшим ему гарем, и положил начало мусульманской ветви Палеологов, не игравшей, впрочем, никакой политической роли.

Таким образом, нет никаких оснований предполагать, чтобы Софья, при наличии старшей сестры и брата, имела ко времени вступления в замужество какие-то особые права на бывшие владения Палеологов. О них ни слова не было сказано в грамотах папы, разосланных по случаю отправления Софьи в Москву. Она была названа только «знатной матроной», дочерью «законного наследника Византийской империи, славной памяти Фомы Палеолога». Единственный раз о наследственных правах Софьи было упомянуто в постановлении венецианского Сената, принятом 20 ноября 1473 г. Постановлением это вызвано было делом Тревизана, арестованного в Москве по подозрению в шпионаже в пользу татарского хана. В предполагаемом обращении к великому князю поступок Тревизана объяснялся стремлением натравить татар против турок. Далее сообщалось: «Этот враг — завоеватель Восточной империи, наследственные права на которую, при отсутствии мужского поколения, естественно переходят к московскому князю в силу его брака». Совершенно ясно, что эта сенатская резолюция говорит лишь о возможности перехода наследственных прав на Византию к Ивану III в случае пресечения мужского потомства Палеологов. Но в рассматриваемое время, когда сенат обсуждал этот вопрос, представитель мужского потомства Палеологов, брат Софьи — Андрей, был царицей. Кроме того, подобное обращение венецианского Сената ни к чему его не обязывало. В источниках мы не находим никаких указаний, чтобы сама Софья считала себя наследницей прав на императорскую власть, реально принадлежавшую ее дяде и эфемерно — ее отцу.

По общему признанию, эти права унаследовала не Софья, а ее брат Андрей. Этот, по свидетельству современников, пустой человек, живший милостями и подачками римского двора, продолжал величать себя «цезарем», что, однако, не помешало ему превратить свои императорские права в средство беззащитной спекуляции. В 1483 г. он уступил право носить insignia и оружие византийских императоров некоему Петру Манрику графу Осорно. Эта сделка не помешала Андрею Палеологу в 1494 г., в присутствии двух нотариусов, уступить французскому королю Карлу VIII все свои права на Константинопольскую и Трапезундскую империю, в придачу к которым он отдавал и Сербию. За это ему была обещана ежегодная пенсия в 4300 золотых дукатов, начальство над сотней копьеносцев и земельная собственность, приносящая 500 дукатов дохода. Наконец, в третий раз Андрей Палеолог уступил эти же права по завещанию, написанному в 1502 г., королю Фердинанду Испан-

скому и его супруге Изабелле Кастильской. Прямой наследник Андрея, его сын Константин, был всего канцеляром папской гвардии, хотя и носил еще титул деспота Морен.

Андрей Палеолог, любивший путешествовать и выпрашивать у владетельных дворов денежные подаяния, побывал два раза и в Москве. Наша летопись очень кратко сообщает о посещении этим экс-кесарем своей сестры и Ивана III. Первый проезд относится к 1480 г.: «Того же лета прииде от Рима на Москву Андрей, шурина великого князя, Фомина, сына деспота Аморейскаго». Во второй раз Андрей явился в Москву в 1490 г. вместе с возвратившимся из Италии московским посольством¹. Характерно, что московская летопись называет его не кесарем, а Морейским деспотом, каким в действительности был и его отец Фома. Оба раза Андрей Палеолог пробыл в Москве короткое время. Единственным отмеченным в летописи результатом его проезда было некоторое уменьшение великокняжеской казны: Софья «много потеряла казны великого князя, давала бо брату, иное же давала за своею племянницею в приданыю князю Василию Михайловичу Вереяскому»². Предположение Успенского, будто Иван III приобрел у Андрея Палеолога в один из его проездов права на византийский престол, не только ни на чем не основано, но противоречит всем известным фактам. Не только Иван III, но и его внук Иван IV, широко пользовавшийся историческими доказательствами и ссылками, никогда не ссылался ни на брак с Софьей Палеолог, ни на какую-либо передачу наследственных прав, хотя бы даже в форме титула, Андреем Палеологом. Характерно, что Иван IV, обращаясь к восточным патриархам за утверждением принятого им царского титула, даже не вспомнил о своей бабке. К тому же следует отметить, что Иван III был слишком реальным политиком для того, чтобы позволить себя прельстить мифическим «византийским наследством».

В дворянско-буржуазной историографии Софье Палеолог приписывалось незаслуженное большое влияние на всю внешнюю и внутреннюю политику Ивана III. Это мнение, высказанное еще в XVIII в. М. Щербатовым, не только было воспринято большинством последующих историков до начала XX в. включительно, но в работах Карамзина, Соловьева, Костомарова, Иловайского, Бестужева-Рюмина, Забелина, Иконникова, Терновского, Успенского и других в разных вариациях было настолько усилено, что Софья оказывалась инициатором всех важнейших событий конца XV в. Мы рассмотрим этот вопрос в соответствующих главах нашего исследования, а пока остано-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 205 и 219.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 235.

вились лишь на той области возможного влияния Софьи, в которой при различных оценках названных историков это влияние признавалось бесспорным, — в обиходе великокняжеского двора. По этому мнению, господствовавшему долгое время в литературе, двор Ивана III после приезда Софьи Палеолог воспринял пышные византийские формы, новый государственный герб — двуглавый орел, и началось sporadическое употребление царского титула в официальных документах.

Наиболее авторитетный источник, на который ссылались авторы в доказательство крупных перемен, происшедших при дворе Ивана III с приездом Софьи, — показания Берсея Беклемишева — в действительности имеет в виду не перемены в обиходе двора, а отношения между великим князем и его слугами. «Как пришла сюда мати великого князя великая княгини Софья с вашими греки, — жаловался Берсей Беклемишев старцу Максиму, — так наша земля замешалась и пришли нестроения великие, как и у вас в Царегороде при наших царех». Из беседы выясняется, что под «нестроением» и переменой старых обычаев Берсей разумел новые отношения между государем и боярами. Впрочем, и это он относил не столько ко времени Ивана III, который был «до людей ласков» и «против себя стрелю любил», сколько к Василию III, который «запершыся сам третей у постели всякие дела делает». Не нравилась Берсею Беклемишеву и активная внешняя политика Ивана III, войны с Литвой, Крымом и Казанью, не пмевшие, однако, никакого отношения к появлению в Москве Софьи Палеолог¹. Консервативно настроенный Берсей правильно отметил один из наиболее паглядных результатов развития централизованной государственной системы: превращение бояр и вольных слуг из вассалов великого князя в его подданных. Не поднимая настоящей причины происхождения этих перемен, он относил их к чужеземному влиянию. Описания Амброджо Колтарини, которого великий князь принимал несколько раз, а также сведения из посольских книг совершенно не подтверждают «византийскую пышность» обстановки двора Ивана III. Наоборот, они скорее свидетельствуют о необычной для иностранца простоте обращения. «Прибыв во дворец за несколько времени до обеда, — сообщает Колтарини, — я был введен в особенную комнату, где находился государь с Марком и другим слопм секретарем. Он сделал мне весьма ласковый прием и в самых приветливых выражениях поручил уверить светлейшую нашу Республику в искреннем его дружестве, которое он и на будущее время сохранять желает... Когда великий князь говорил со мною, я из учтивости отступал назад, но он всякий раз сам

¹ ААЭ, т. I, стр. 142.

подходил ко мне и с особенною благосклонностью выслушивал ответы мои и изъявления моей благодарности. Таким образом проговорил я с ним более часа...»¹. Рассказ Контарини относится к 1476 г., когда прошло уже четыре года после приезда Софьи в Москву — срок достаточный для того, чтобы обнаружилось влияние византийских придворных порядков, если бы оно имело место.

Также нет основания приписывать византийскому влиянию появление некоторых придворных чинов. По списку «старших бояр и дворецких, окольничих и некоторых других придворных чинов с 6970 по 7184 гт.», опубликованном Н. Новиковым в 20-м томе «Древней российской вивлиофики», в 1495 г. в первый раз упоминается должность казначея, постельничего и ясельничего, в 1496 г. — конюшего. Упоминание этих должностей в данном списке еще не свидетельствует о том, что эти должности не существовали раньше. Так, должность конюшего очень древнего происхождения и восходит по крайней мере к концу XII в., если даже не считать его предшественника — «тиуна конюшего», известного по «Русской Правде»². Казначей, первоначально принадлежавшие к числу несвободных, также хорошо были известны задолго до брака Ивана III с Софьей Палеолог. Наконец, следует отметить, что система византийских придворных чинов, изложенная Годичным, не имеет ничего общего с русскими придворными чинами конца XV—XVI вв.

Нет никаких оснований связывать появление царских insignий — «шапки Мономаха» и барм с Софьей Палеолог или с приехавшими с ней греками. История «шапки золотой», впоследствии получившей название «шапки Мономаха», а также барм прослеживается по духовным грамотам начиная с Ивана Ивановича. Эти предметы вместе с другими были им получены от его отца Ивана Калиты. Позже, когда возникла литературная легенда о присылке этих царских «клеюидов» из Византии, их связали с именем императора Константина Мономаха, который якобы подарил их своему внуку Владимиру Всеволодовичу Мономаху. Таким образом, перенос на Русь знаков царского достоинства был отнесен к весьма отдаленному времени.

Труднее разрешить вопрос о происхождении двуглавого орла в качестве государственного герба. Герб так же, как шапка Мономаха, был эмблемой московского самодержавия, явившегося политическим органом крепостнического дворянства. Первое известное употребление этой эмблемы на печати Ивана III относится

¹ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, стр. 28.

² В 1185 г. вместе с князем Игорем Святославичем половцы захватили в плен его конюшего и сына тысяцкого.

к 1497 г. (меновная грамота великого князя с володкими князьями Федором и Иваном). До этого времени на сохранившихся печатях изображались либо Виктории перед человеком с мечом (на обратной стороне лев, терзающей змею), либо всадники. Печать с Викторией и человеком употреблялась и позже появления печати с двуглавым орлом. Так, подобная печать приложена к грамоте Ивана III 1504 г., данной сыну Юрию на город Кашия¹. При Василии III мы уже не знаем употребления иных печатей, кроме печати с двуглавым орлом на одной стороне и всадником — на другой. Если бы Иван III узаконил эмблему двуглавого орла в качестве единственного государственного герба, то, естественно, употребление других печатей на государственных документах было бы исключено. Вообще вопрос о появлении на Руси эмблемы двуглавого орла является более сложным, чем он представляется на первый взгляд. Наиболее ранний известный случай употребления двуглавого орла относится к серебряным монетам, чеканенным в конце XIV в.² Двуглавый орел изображен также на одной из редких монет великого князя тверского Михаила Борисовича³.

5

Подчинение Новгорода Москве по Яжелбицкому миру нанесло первый серьезный удар по восточно-русской политике Великого княжества Литовского и одновременно явилось новым крупным успехом объединительной московской политики. А. Пресняков высказал вполне вероятное предположение, что уже в 1456 г. в Москве созрела мысль о «государстве» великого князя над Новгородом⁴. Во всяком случае, после заключения Яжелбицкого мира перед новгородскими правящими кругами во всей остроте должен был встать вопрос о ближайшей судьбе новгородской «старшины».

¹ Соб. Гос. гр. п. дог., I, № 137.

² Эта монета из быв. собрания П. В. Зубова (ныне в Гос. ист. музее в Москве) описана А. В. Орешниковым. На лицевой стороне изображен двуглавый орел в линейном ободке, вокруг которого сохранились следы русской надписи, на обратной стороне — арабская надпись: «чекан Гюлистана года 761» (1360 г.). См. А. В. Орешников. Древнейшее русское изображение двуглавого орла («Труды Моск. нумизматического общества», т. II).

³ А. Орешников. Русские монеты до 1547 г., М., 1896, № 321 и 322. А. Орешников предполагал, что появление двуглавого орла на монетах Михаила Борисовича объясняется подражанием Ивану III, который будто бы стал употреблять византийский герб вскоре после женитьбы на Софье Палеолог (Указ. соч., стр. 52—53). Однако мы не имеем ни одного случая употребления Иваном III двуглавого орла ранее 1497 г.

⁴ А. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 431.

Опасность для Новгорода полной потерей самостоятельности и подчинения Новгородских земель складывающейся общерусской государственной системе усиливалась в руководящей части новгородского боярства тяготение к Литве. После заключения Яжелбицкого мира стало совершенно ясно, что Новгород, зажатый между двумя крупнейшими феодальными государствами в Восточной Европе, Русским и Литовским, не в состоянии был сохранить прежнюю независимость; он мог стать либо московским, либо литовским. Литовская государственная система, предоставлявшая большие политические и иммунитетные права крупноземельному панству, была ближе аристократическим учреждениям Новгорода, чем московская власть, строившаяся на началах централизации и самодержавия. Кроме того, король Казимир, заинтересованный, в противовес Москве, в поддержке в Новгороде боярского управления, мог ограничиться значительно более умеренными требованиями, чем московский великий князь, настойчиво проводивший ту мысль, что Новгород является такой же его «отчиной», как и другие русские земли.

Присоединение Новгорода укрепляло военно-политическую систему великого княжества Московского. По существу это решало судьбу и Пскова, и Тверского княжества, перевес сил явно переходил на сторону общерусского объединения. Поэтому новгородский вопрос не мог остаться внутренним русским делом; он неизбежно приобретал широкое международное значение и становился одним из узловых вопросов во внешней политике московского великого князя.

В 1458 (6996) г. к Казимиру был послан посол Иван Лукинич Щока просить у короля «князя на пригороде». 1 ноября из Литвы в Новгород приехал князь Юрий Семенович вместе с послом короля паном Андреем Исаковичем. Новгородцы «добре почтивше и одаривше его», отпустили пана обратно, а князю Юрию Семеновичу дали пригороды: Русу, Ладогу, Орешек, Корелу, Ям и половину Копорья. Однако всего через год, в августе 1459 г., князь Юрий Семенович уехал «в свою землю» с княгиней и своими боярами, причем новгородцы с архиепископом Ионою «честь ему въздаша добре»¹. Поспешный отъезд литовского князя был, повидимому, вызван ожиданием великого князя Василия Васильевича, который с младшими сыновьями Юршем и Андреем прибыл в Новгород 20 января 1460 г. Официальная цель посещения великого князя была совершенно мирная: «Якоже ему възлюбилося к святей Софии премудрости божия на поклон, и к честным гробом иже святых

¹ ПСРЛ, т. XVI, стр. 198—200.

в святой Софии лежачем»¹. Однако едва ли можно думать, что это публичная демонстрация чувств перед новгородскими «угодняками», прославленными за защиту самостоятельности Новгорода, преследовала религиозные цели. Повидимому, Василий Васильевич считал необходимым успокоить полнение в Новгороде посредством благоговейного почтения новгородских «святынь». Беспокойство в Новгороде вызывалось не только Яжелбицким миром, который хотя формально и подтверждал «крестные грамоты» прежних князей, но в действительности стоял в резком противоречии с ними. Беспокойство среди новгородской знати усиливалось реальной политикой великого князя. Так, наиболее важные новгородские владения, Волок Ламский, Бежецкий Верх и Вологда, включенные в список Новгородских волостей по Яжелбицкому миру, в действительности остались во владении великого князя².

О напряженности положения в Новгороде во время последнего посещения его Василием Васильевичем свидетельствуют сохранившиеся в некоторых летописных сводах известия о попытке убить великого князя и его младших сыновей. Заговорщики были остановлены архиепископом Иовой, который будто бы убедил их в бессмысленности и тяжелых последствиях этого поступка: «О безумшии люди! аще вы великого князя убьете, что вы приобрячете? По большую язву Новгороду доспеете: сын бо его болшей князь Иван се послушит ваше зловоренне, а се часа того рать испросивши у царя и поидет на вы, и вывоюют всю землю вашу»³.

До конца 60-х гг. мы не располагаем сведениями о новых новгородско-литовских сношениях. Между тем именно в эти годы должно было сложиться то движение в руководящих слоях боярства, которое вылилось в резкое антимосковское выступление. Благоприятным моментом явилось окончание в 1466 г. войны Казимира с Тевтонским орденом.

¹ ПСРЛ, т. XVI, стр. 200. В числе прочих «святынь» Василий Васильевич поклонился гробу Варлаама «поборника и молебника Великому Новгороду».

² По духовной грамоте Василия Васильевича Бежецкий Верх был отдан Андрею «Большому», Волок Ламский — Борису, Вологда — Андрею «Меньшому» (Собр. Гос. гр. и дог., I, № 86). О составе этих волостей см. М. Л ю б а в с к и й. Образование основной государственной территории русской народности, стр. 98—102. Относительно выполнения условий Яжелбицкого договора А. Пресняков писал: «Летописные своды почти не дают сведений о том, как и насколько проведены на деле условия Яжелбицкого договора. Несомненно, что они вызвали в Новгороде большое раздражение и продолжительное брожение, о полном и последовательном их выполнении не может быть, повидимому, речи: в 1471 г. Ивану III пришлось заново устанавливать яжелбицкую великокняжескую «пошлипу» (А. Пресняков в. Указ. соч., стр. 412).

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 182.

Мы располагаем весьма ограниченными источниками, относящимися к попыткам Казимира водворить в Новгороде своего наместника и вступить с правящим боярством в договорные отношения. В повести «Словеса избранныи», относящейся к походу в 1471 г. Ивана III на Новгород, находящейся в некоторых списках Софийской 1-й летописи, сохранился рассказ о том, как Марфа Борецкая «сплетя лукавыми речми» с прибывшим в Новгород князем Михаилом Олельковичем и «по его слову» согласилась выйти замуж за королевского литовского папа, чтобы вместе с ним «от короля» владеть всею Новгородскою землею¹. Трудно установить, передается ли в этом рассказе ходивший в Москве или в Новгороде слух, или же он явился в результате литературного вымысла автора данной повести, по-своему пытавшегося объяснить роль Марфы Борецкой в замышлявшемся отступничестве от православия к «латинству». Во всяком случае весь этот рассказ вызывает вполне обоснованное недоверие.

Приезду Михаила Олельковича в Новгород предшествовала посылка Новгородом к королю со многими «поминками» Панфила Селифонтова и Кирилла Иванова сына Макарьина. Обращение их к Казмиру передано в московской летописной записи так: «...волны есмь люди Великий Новгород бьем челом тебе, честному королю, чтобы еси государь нашему Великому Новгороду и нам господин был, и архиепископа вели нам поставити своему митрополиту Григорию, и князя нам дай из своа дръжавы»².

Киевский князь Михаил Олелькович прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г., через три дня после кончины архиепископа Иопы (умер 5 ноября). Псковская летопись отмечает, что он приехал «из королевы руки», т. е. был прислан Казмиром³.

Московские летописные своды связывают приезд Михаила Олельковича с посольством к королю новгородцев Панфила Селифонтова и Кирилла Иванова сына Макарьина, имена которых среди других послов находятся в известной «докончальной» грамоте Новгорода с Казмиром⁴. Таким образом, по летописным сообщениям, Михаил Олелькович прибыл от короля в Новгород в результате заключенного с Казмиром «докончания». Легко убедиться в хронологическом несовпадении этих двух разновременных событий. Согласно летописному сообще-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 5.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 160.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 235.

⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 191; т. VIII, стр. 160; т. XII, стр. 126. Летописный рассказ о приезде Михаила Олельковича, несомненно, сложился в результате позднейшего осмысления событий на основе найденной «докончальной грамоты» Новгорода с Казмиром.

нию, списки с «докончальной грамоты» были найдены на поле боя у р. Шелони в «кошевых вьюках». Эти списки, а также человек, у которого они были найдены, немедленно были посланы к великому князю с сыном боярским Иваном Васильевичем Замятнею «ла обличение оных лукавых мужей новгородских»¹. До нас список «докончальной» грамоты Новгорода с Казимиром дошел в единственном экземпляре в известном сборнике Новгородских и Двинских грамот, хранящемся в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина².

Польский историк Фр. Папэ выразил сомнение в том, что найденный на поле боя список можно принять за утвержденную «докончальную» грамоту Новгорода с королем. «Трудно, в самом деле, понять, — писал он, — как могли все исследователи до настоящего времени принимать за утвержденный трактат акт, который несет на себе различные признаки проекта». Фр. Папэ, прежде всего, указывает на отсутствие на документе даты, а также на невозможную, по его мнению, для утвержденного трактата формулу присяги: «А па том па всем, честны король, крест целуй ко всему Великому Новгороду». Наконец, Фр. Папэ обращает внимание и на отсутствие этого договора в Метрике Литовской, которая сохранила все государственные акты. Поэтому польский историк приходит к заключению, что сохранившийся договор Новгорода с Казимиром представляет собой новгородский проект, не получивший утверждения со стороны короля³.

Однако соображения Фр. Папэ нам не кажутся убедительными как по самой постановке вопроса, так и по тому, насколько данный источник мог отражать действительные взаимоотношения между Новгородом и королем Казимиром накануне похода на Новгород Ивана III.

Приступая к рассмотрению сохранившегося текста договора, необходимо иметь в виду, что мы располагаем не подлинной грамотой, которая, вероятно, была своевременно уничтожена, так как компрометировала ряд руководящих лиц в Новгороде, и даже не списком, найденным в «кошевом вьюке», а только копией с этого списка, включенной в сборник Новгородских грамот. Как недавно установил Л. В. Черепнин, этот сборник был составлен по частям в Москве между 1471 и 1476 гг. на основании той документации, которая оказалась в это время в руках московского правительства. Подбор в нем документов совершенно определенно устанавливает политическую цель сборника.

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 509—510.

² ААЭ, т. I, № 87.

³ Fr. P a p é e. Polska i Litwa na przelomie wickow srednich, стр. 36—39.

Готовясь к походу на Новгород в 1471 г., Ивану III важно было иметь обвинительные материалы, устанавливавшие нарушение новгородцами прежних «докончаний» с великими князьями и оправдывавших наступательные действия со стороны Москвы (Яжелбицкий договор и другие). В это время одна из основных улил: в измене новгородцев — докончальная грамота с королем — еще не была известна Ивану III. Получив ее в свое распоряжение благодаря случайной находке, составители Сборника сделали ее центральной частью следующей группы документов, которые должны были оправдать дальнейшие действия великого князя в отношении Новгорода¹.

Нет ничего удивительного в том, что список с «докончальной» грамоты с королем не имеет даты; в сборнике не датированы также такие несомненно утвержденные договоры, как договор с Новгородом Дмитрия Донского и Яжелбицкий договор 1456 г. Не свидетельствует против утверждения договора 1471 г. с Казимром и формула будущего времени: «А на том на всем, честны король, крест целуй ко всему Великому Новгороду...» Данный список представляет собой новгородский противень, и формула будущего времени по отношению к другой стороне является обычной в русской дипломатике XIV—XV вв. Важно, конечно, отметить, что сами составители сборника не сомневались в том, что в их распоряжении находился список с утвержденной новгородской грамоты. Об этом свидетельствует надпись, помещенная в начале грамоты: «Список с докончальны, что были написали себе новгородци с королем лета семдесят девятого».

Значительно труднее решить вопрос, существовала ли «докончальная» грамота со стороны Казимира. Одно отсутствие ее в архиве великого княжества Литовского еще не может служить доказательством того, что король «не докончал» с Новгородом. Соображение относительно датировки посольства к королю и времени утверждения новгородского противня докончальной грамоты несколько помогают разъяснить этот вопрос. Терминус пост quem для отправления посольства на Новгород служит дата постановления Феофила в архиепископы (15 ноября 1470 г.), так как по тексту грамоты Казимир «докончил есмь мир с нареченным на владычество с Феофилом».

¹ См. Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., М.—Л., 1948, стр. 334—354. Автору удалось вполне убедительно доказать, что Новгородский архив не попал в руки Ивана III. В великокняжеском архиве не было ни одного документа, который мог бы туда попасть непосредственно из Новгорода. Договорные грамоты Новгорода с тверскими князьями представляют собой тверские противни и были, вероятно, захвачены при ликвидации Тверского княжества. Остается предположить, что новгородское боярское правительство успело во-время уничтожить важнейшую часть своего архива.

В таком случае следует признать, что присезд князя Михаила Олельковича еще до постанования Феофила (8 ноября) не был результатом данного посольства, заключившего «мир» на условиях, наложенных в сохранившейся грамоте. Поэтому было бы неправильно связывать формулу грамоты — «А держати тебе, честному королю, своего наместника на Городнице от нашей вере от греческой, от православнаго хрестьянства», — с присылкой королем Михаила Олельковича. Остается, таким образом, предположить, что Михаил Олелькович был раньше приглашен новгородцами, еще при архиепископе Ионе. При этом необходимо иметь в виду, что Михаил Олелькович вряд ли был желанной фигурой для короля в качестве его наместника в Новгороде.

Линия Владимира Ольгердовича, внуками которого были Семес и Михаил Олельковичи, занимала особое положение в великом княжестве Литовском. Сохранив православие и близкую связь с населением Киевщины, Олельковичи находились в оппозиции к правящей династии и опирались на русское население. Кроме того, Владимир Ольгердович и его потомки имели давние связи с Московским княжеским домом, что также вызывало подозрение со стороны Казимира. Владимир Ольгердович еще в борьбе с Витовтом, который согнал его из Киева, пытался получить помощь у великого князя Василия Дмитриевича и с этой целью ездил в Москву. Этот поступок деда Олельковичей Казимир хорошо помнил; когда братья Семен и Михаил Олельковичи обратились к нему с просьбой о разделе между ними Киевской земли на правах вотчины, король ответил отказом, так как «дед ваш князь Володимир бегал в Москву и тем пробегал отчизну свою Киев»¹.

Матерью братьев Олельковичей была Анастасия, сестра Василия Темного и, следовательно, тетка Ивана III. Наконец, для отношения Казимира к Олельковичам большое значение имело и то обстоятельство, что в качестве потомков одной из старших линий Ольгерда они сохраняли династические права на великокняжеский престол в Литве. Известно несколько попыток со стороны князей, оппозиционно настроенных к Казимиру, совершить династический переворот в пользу Олельковичей. Эти обстоятельства, мне кажется, должны были сделать кандидатуру Михаила Олельковича в новгородские наместники совершенно непримлемой для Казимира.

¹ Józef Wolff. *Kniazowie litewsko-ruscy*, Warszawa, 1895, стр. 38. Казимир согласился дать Киев Семесу Олельковичу в пожизненный лен, Михаил получил на правах вотчины Копыль и Слудк (В. Б. Антонович. *Монографии по истории Западной и Юго-Западной России*, т. I, Киев, 1885, стр. 238—239).

История знает ряд литовских посольств, приглашавшихся новгородцами без заключения каких-либо письменных соглашений с ними. Поэтому подобное же приглашение Михаила Олельковича не представляло ничего нового или исключительного. Отличной являлась та обстановка, в условиях которой оказался литовский князь-наместник. Педолгое пребывание Михаила Олельковича в Новгороде (8 ноября 1470 г. — 15 марта 1471 г.), длившееся 4 месяца и 8 дней, совпало со временем ожесточенной внутренней борьбы между сторонниками подчинения Новгорода королю и их противниками, стоявшими за общерусское единство. Приезд литовского князя, несомненно, должен был усилить напряженность политической атмосферы. Между тем Михаил Олелькович не был в состоянии удовлетворить и наиболее активно действовавшую правящую группу боярства во главе с семьей Борецких, так как никакой серьезной защиты против Ивана III он, конечно, предоставить не мог. Этим, мне кажется, объясняется включение в договор с Казимиром условия, предусматривавшего личную помощь короля: «А пойдет князь велики Московской на Велики Новгород, или его сын, или его брат, или которую землю подымет на Велики Новгород, или тебе нашему господину честному королю вести на конь за Велики Новгород, и со всею с своею радюю Литовскою, против великого князя, и боронити Велики Новгород»¹.

Решение Ивана III о военном походе на Новгород созрело у него еще во время пребывания в Новгороде Михаила Олельковича, приезд которого, вероятно, и послужил основным поводом для этого решения. Псковская летопись сообщает, что посол великого князя приехал в Псков поднимать псковичей на Новгород «в рождественское говение», т. е. около середины декабря 1470 г.² При недостаточной определенности отношений между Михаилом Олельковичем и Новгородом и при той большой остроте, которую в данных условиях в глазах широких масс новгородского населения получил вопрос о литовском наместнике, положение самого Михаила Олельковича стало очень трудным.

В исторической литературе неоднократно высказывалось предположение, что отъезд Михаила Олельковича из Новгорода был вызван смертью его брата киевского князя Семса и возникшим вследствие этого вопросом о судьбе их вотчины. Нельзя, конечно, отрицать большой заинтересованности Михаила в наследии брата, но необходимо учитывать и другие причины, заставившие князя Михаила отказаться от княжения в Новгороде. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что Семен

¹ ААЭ, т. I, № 87.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 236.

Олелькович умер в Киеве осенью 1470 г., т. е. тогда, когда его брат Михаил, по всей вероятности, находился на пути в Новгород. Смерть брата, однако, не помешала Михаилу Олельковичу остаться в Новгороде, откуда он выехал только через четыре месяца, когда боярскому Новгороду стала угрожать непосредственная опасность.

Надежды Михаила Олельковича на получение Киева не оправдались; король Казимир решил устранить Олельковичей из Киевщины и назначил воеводой в Киев пана Мартына Гаштольда. Киевляне не впустили Гаштольда в Киев, заявив, что он «яко не токмо не князь бе, но более яко лях бе». Отправленное киевлянами посольство к королю упорно просило за Михаила Олельковича и заявляло, что киевляне готовы скорее все умереть, чем повиноваться литвину римской веры. Король, однако, остался непреклонным в своем решении, и Мартын Гаштольд был водворен в Киев при помощи военной силы¹. Михаил Олелькович принужден был удалиться в свою вотчину Копыль.

Таким образом, Михаил Олелькович после своего возвращения из Новгорода встретил со стороны Казимира самое суровое отношение. Не играло ли здесь некоторую роль то обстоятельство, что Михаил Олелькович стал новгородским князем, не испросив разрешения короля, и тем нарушил его планы? Ведь Казимиру было выгодно иметь в Новгороде не литовского князя-кормленщика, а пана-паместника. В источниках мы не можем найти на этот вопрос прямого ответа, но анализируя весь ход событий, нельзя не придти именно к такому выводу.

Отъезд Михаила Олельковича должен был еще больше обострить внутреннюю борьбу в Новгороде, столь красочно изложенную в летописных сводах. Для Борецких и их сторонников наступал решительный момент. Единственным выходом для них при создавшемся положении было заключение «докопчания» с Казимиром, все это время остававшимся в Литве. Поэтому отправление посольства к королю, результатом которого было соглашение, вошедшее в текст «докопчальной» грамоты, мы находим возможным отнести ко времени после отъезда Михаила Олельковича, т. е. приблизительно к апрелю. Посольство могло вернуться в Новгород не раньше чем через месяц, следовательно, во второй половине мая.

Между тем (на рождество Иоанна Предтечи) (24 июня) Иван III стоял уже на Волоче Ламском. Среди поднявшейся в Новгороде паники не было ни времени, ни возможности выполнить все

¹ В. Б. Антонович. Указ. соч., стр. 239—240. История уничтожения Киевского княжества Олельковичей изложена Длугошем (Dlugosz. Rega omnia, т. XIII, Cracoviae, 1878, стр. 462) и Стрыйковским (II, 272).

Иван III под Новгородом. Новгородские купцы подплывают в ладьях
Миниатюра из Остермановского летописца

формально-юридические стороны «докончания» и получить утвержденную грамоту от короля, передав ему новгородский противень. Возможно также, что король не успел ратифицировать грамоту, и поэтому мы не находим ее в архиве великого княжества Литовского.

Однако это обстоятельство несколько не снижает значения сохранившегося новгородского списка грамоты как источника, раскрывающего отношения между правящей частью новгородского боярства и Казимиром накануне похода Ивана III на Новгород. Ведь значение ее заключается не в юридическом моменте утверждения, а в конкретном содержании состоявшегося соглашения.

Основной смысл договора 1471 г. заключался в том, что сложившаяся почти за два столетия новгородская «пошлина» в отношениях между Новгородом и русскими князьями по этому договору переносилась на великого князя Литовского.

Мы не наблюдаем каких-либо крупных отступлений общего порядка от прежних договорных грамот, за исключением, конечно, условий Ягеллицкого мира. Вместе с тем передача литовскому папу, назначенному королем, власти, которой раньше пользовались великокняжеские наместники, вызвала необходимость в более детализированном определении прав первого в отношении суда и пошлин. Большое внимание уделялось вопросам пограничного размежевания с литовскими землями и церковно-охранительной политике. Король должен был послать наместника «от нашей веры от греческой, от православного христианства». Он должен был держать Новгород «в воли мужей волных», по новгородской «старине» и по «крестной грамоте» (т. е. по договору). Король давал обязательство православной веры «не отымати» и римских церквей ни в Новгороде, ни в пригородах, ни во всей Новгородской земле не ставить. Новгород сам избирает и поставляет владыку «где будет любо... в своем православном христианстве».

Некоторый успех для Новгорода был достигнут в отношении спорных порубежных территорий. Спорные земли — Ржев, Великие Луки и Холмский погост — объявлялись новгородскими: «а в то ся тебе честному королю не вступати, а знать тебе своя черна куна, а те земли к Великому Новгороду».

Стараясь сохранить под покровительством короля новгородскую «пошлину», новгородское боярство направило политическое острие договора против Москвы. В случае опасности, угрожавшей Новгороду с московской стороны, король должен был «всести на конь за Великий Новгород, и со всею своею радю Литовскою, против великого князя, и боронити Великий Новгород». Никто из других возможных противников Новгорода назван не был. Договор о военной помощи носил односторонний

характер, так как в нем совершенно не упоминалась помощь новгородцев против врагов короля. Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Оно указывает на большую заинтересованность Казимира в заключении данного договора; те политические преимущества, которые он получал, имея постоянно в Новгороде своего пана-наместника, очевидно, были в его глазах значительнее военной помощи новгородцев¹.

Мы не знаем, насколько Казимир был удовлетворен условиями договора. Вполне понятно, что защита новгородской «старшины» от покушений со стороны московского государя не могла быть самоцелью его политики. Новгородская «старшина» была важна для него лишь постольку, поскольку она не допускала соединения Новгорода с великим княжеством Московским и заставляла влиятельную часть крупного новгородского боярства ориентироваться на литовскую власть. Однако трудно представить короля бескорыстным защитником новгородского политического порядка или думать, чтобы он мог удовлетвориться в качестве вознаграждения за эту защиту только теми пошлинами, которые его наместник собирал на новгородской земле. «Докончание» 1471 г. могло стать только шагом в осуществлении давнишних стремлений литовских князей к поглощению Великого Новгорода с его обширными владениями в литовской государственной системе, что так ясно определилось еще во времена Витовта.

В связи с этим необходимо отметить, что в Польше и в Литве в начале XVI в. продолжали считать Новгород бывшим «владельцем великого княжества Литовского, завоеванным князем Витольдом». Профессор Краковского университета Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях», появившемся первым изданием в 1517 г., писал, что Иван III отнял в 1479 г. (так!) Новгород у великого князя Литовского².

Надежда новгородских бояр во главе с Борецкими, что король Казимир в случае необходимости подаст вооруженную помощь Новгороду и «всядет на конь со всею радюю Литовскою», оказались напрасными. Поход Ивана III на Новгород, разрушавший планы Казимира, не вывел последнего из состояния пассивности. Верное объяснение этому дал еще Длугош. По его словам, Казимир считал, что борьбу с Москвой можно вести только соединенными силами Польши и Литвы. Когда же литовцы пытались оказать помощь Новгороду, Казимир угрожал им не вступать в борьбу с московским великим князем, усилившимся благодаря победам и богатству, предварительно

¹ ААЭ, т. I, № 87.

² Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях, перевод С. А. Аниинского, изд. АН СССР, 1936, стр. 106.

не обеспечив себя польской помощью. Казимир предупреждал литовских князей, чтобы они не полагались на русских — литовских подданных, которые враждебны им вследствие различия вер и в случае войны с Москвой скорее будут содействовать гибели литовцев, чем их победе ¹.

Между тем между Литвой и Польшей оставалось еще слишком много неулаженных трений и неразрешенных вопросов, чтобы можно было поднять польскую шляхту на «посполитое рушение» ради интересов литовского панства. Сделать было это тем труднее, что по Нешавским статутам 1454 г. для созыва «посполитого рушения» требовалось согласие поветовых сеймиков. Энергичные и быстрые действия Ивана III представляли полную противоположность крайне медленной военно-политической организации как великого княжества Литовского, так и «короны польской». Во всяком случае удар по Новгороду был нанесен Иваном III в 1471 г. с такой стремительностью, которая исключала для Казимира всякую возможность предупредить катастрофу, паднувшуюся на боярское правительство Новгорода.

При этом, помимо литовских дел, Казимир в 1471 г. был занят отношениями с Венгрией и Чехией, более близкими для его интересов. В 1471 г. после смерти чешского короля Георгия Подебрада на чешский престол вступил сын Казимира — Владислав. В конце 1471 г. в Венгрии возник заговор против Матвея Корвина, в котором участвовало большое число епископов и дворян, недовольных политикой короля. Заговорщики первоначально имели успех. Они заняли значительную часть страны и обратились к Казимиру с просьбой прислать к ним его младшего сына, Казимира Казимировича, которому намеревались передать венгерскую корону. Корольевич Казимир был отправлен с отрядами польского рыцарства в Венгрию, но потерпел поражение ².

Возможно, Казимир, хотя и с большим запозданием, все же предполагал открыть враждебные действия против Москвы, используя для этой цели не польскую, а татарскую помощь Большой Орды Ахмед-хана. В Москве, между тем, знали, что события в Венгрии не позволят королю принять непосредственное участие в нападении татар на русские земли: «Гой же осени (6980—1471) пришел к королю из Орды Кирей с царским послом, а король в ту пору заратился с иным королем с Угорским» ³.

¹ См. Dlugosz. Opera omnia, XIV, Sracoviae, 1878, стр. 630.

² Основным источником по истории польско-венгерских отношений в конце XV в. является «История Венгрии», написанная по приказанию Матвея Корвина Антоном Бонфинием. Пользуемся немецким изданием: «Ungarische Chronica», Franckfurt am Main, 1581.

³ Симеоновская летопись (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 235).

Повидимому, между Казимиром и Ахмед-ханом было заключено соглашение о совместном выступлении. На это определенно указывает летописная запись: «Того же лета (1472) злочестивый царь ординский Ахмат подвижеся на Русскую землю с многими силами, подговорен королем»¹. Жертвой нападения стал город Алексин. Выбор этого пункта, вместо обычного для татар перехода Оки у Коломны или Каширы, вызывался предполагавшимся соединением с Казимиром.

Первое известие о выступлении Ахмед-хана было получено в Москве, вероятно, в конце июня. Великий князь тотчас отправил на берег Оки воевод «со многими силами»; сначала был послан Федор Давыдович с коломничанами, затем, в день «ризположения» (2 июля), — князь Данила и князь Иван Стрига Оболенский, наконец, туда же пошли братья Ивана III².

Последующие вести о приближении Ахмед-хана были получены в Москве рано утром 30 июля: «...прииде весть к великому князю, что царь с всею ордою идет к Олексину, князь же великий на 2-м часу дня повеле пети обедню, и отслушав обедню и не вкусив ничтоже поиде вборче в Коломне»³. Эта запись, помещенная в Воскресенском и близких к нему сводах, не может не вызвать недоумения: если стало уже известно о движении орды к Олексину, то выступление великого князя к Коломне теряло всякий смысл, так как ни Коломне, ни Серпухову хан непосредственно не угрожал. Повидимому, в этом рассказе отразилось позднейшее осмысление событий. Более верное сообщение сохранилось в Львовской летописи: «Того же лета, месяца июля 29, приходи царь Ахмут Качиахметович ординский со всею силою великою ординскою. И подиде близ Руси, оставя у царицы старых и больных и малых, и поиди с проводниками непутьма, и прииде к реце Оке под город Олексин с литовского рубежа»⁴. Становится совершенно ясно, что в момент приближения Ахмед-хана к Оке еще не было выяснено, куда направятся татары. Только этой неожиданностью можно объяснить причину выступления Ивана III к Коломне, где в ожидании нападения стояли войска, а также причину неподготовленности Алексина к осаде.

В городе в это время находился Семен Бекледишев с «малыми людьми». Не надеясь отстоять Алексин, великий князь приказал

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 173.

² ПСРЛ, т. XXV, стр. 297. Воскресенская летопись несколько сокращает это место свода 1480 г. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 173), в основе которого, несомненно, лежала разрядная запись.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 174.

⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 297. Там же, Софийская 2-я летопись (т. VI, стр. 195).

воеводе «осаду роспустити, пожеже не успеха запастися чем битися с татараы». В Воскресенской летописи сообщается, что в Алексинне «людей мало бяше, не пристроа градного не было, ни пушек, ни пицалей, ни самострелов». Однако под городом все же «много татар избиша». Во время второго приступа город был сожжен, и татары «поидоша вборзе» к берегу и «ринушася вси в реку», намереваясь перейти на другую сторону Оки, так как пришли «на безлюдное место», где стояли только с «малыми zelo людьми» Петр Федорович и Семен Беклемишев. Несмотря на огромное численное превосходство татар, успешных переправиться на левый берег Оки, русский отряд мужественно бился с ними — «уже и стрел мало бяше у них и бежати помышляху». В этот момент подошли полки князя Василия Михайловича Вереийского, а затем и остальные полки: князя Юрия Васильевича (брата Ивана III) из Серпухова, брата его Бориса Васильевича с Козлова брода, подошел с полком и воевода Петр Федорович Челяднин. По сообщению Софийской 2-й летописи, татары особенно боялись Юрия Васильевича: «...пожеже имени его трепетахуся страхом». Через московских служилых татар, повидимому, умышленно посланных в стан противника, они узнали «яко не вся сила вместе», и что сам великий князь стоит под Рославлем, царевич Даньяр — в Коломне, а князь Андрей Васильевич с царевичем Мустафой — в Серпухове. Убедившись в прочности русской защиты и опасаясь, что служившие великому князю татарские царевичи захватят Орду, Ахмед-хан поспешно повернул в степь¹.

К началу 80-х гг. XV в. сложилась обстановка, которая определила основные задачи московской внешней политики на последующие четверть века. Борьба с последними остатками феодальной раздробленности, завершавшая создание единого Русского государства, активизировала наиболее крупных противников Москвы: Большую Орду Ахмед-хана, Казанское ханство, великое княжество Литовское, соединенное династическими узами с Польшей, Ливонский орден. Противодействие этому союзу вовлекало Москву в сложную дипломатическую борьбу, целью которой являлось привлечение на свою сторону возможных противников Большой орды, Литвы с Польшей. Ближайшей задачей был разгром Ахмед-хана, который должен был привести к окончательному освобождению русских земель от остатков золотоордынской зависимости. Только после разрешения этой задачи и укрепления восточной и южной границ открывалась возможность перехода к наступательным действиям на Западе с целью воссоединения с русскими землями, входившими в состав великого княжества Литовского.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 195; т. VIII, стр. 174; т. XXV, стр. 297—298.

КОНЕЦ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

(Борьба с Ахмед-ханом)

1

Нападение Ахмед-хана, обнаружившее существование между ним и королем соглашения о совместных действиях против Москвы, заставило Ивана III обратить самое серьезное внимание на польско-татарские отношения. Неудача, постигшая Ахмед-хана, ясно показала слабость военной организации татар, которые не могли быстро сломить сопротивление даже небольшого русского отряда на Оке. Но союз Ахмед-хана с Казимиром представлял серьезную угрозу. Иван III не мог не видеть стремления короля окружить Москву врагами, привлечь на свою сторону не только Большую Орду Ахмед-хана, но и Крымское ханство. Лучшим ответом со стороны Москвы был союз с Крымом, который мог бы сдерживать Ахмед-хана и угрожать Казимиру в его южнолитовских и польских владениях. Поэтому с этого момента и начинается дипломатическая борьба Ивана III за Крым, закончившаяся крупными успехами Ивана III.

Основатель династии крымских Гиреев, Хаджи-Гирей, находился в дружественных отношениях с польским королем. По сведениям Сестренцевича-Богуща, Хаджи-Гиреем была даже дана в 867 (1461) г. грамота с золотой печатью, предоставлявшая Польше права на овладение русской землей¹. Хотя В. Смирнов считает это сообщение маловероятным, но в пользу его свидетельствует ссылка Менглы-Гирея на «докончанье», существовавшее между его отцом и королем². После смерти

¹ С. Сестренцевич-Богущ утверждает, что этот «диплом» (ярык) он видел в Варшаве в 1772 г. в библиотеке Залуского («История о Таврии», т. 2, СПб., 1806, стр. 247).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 10.

Хаджи-Гирея в 1466 г. в Крыму началась династическая смута. Сначала ханский престол наследовал старший сын Хаджи-Гирея Нур-Даулет, но в 1468 г. он был свергнут Менглы-Гиреем, оппавшимся па Генуэзскую Кафу¹. Последний, по примеру отца, также находился в «дружбе и докоичании» с Казмиром.

Начало переговоров Ивана III с Менглы-Гиреем о заключении союза против «вопчих врагов» следует отнести к 1472—1473 гг., т. е. непосредственно после неудачного нападения Ахмед-хана па Алексея, когда с полной ясностью обнаружилось его соглашение с королем Казмиром. Посредником стал кафипский богатый купец, Хозя Кокос, охотно принимавший различные поручения торгового и политического характера и пользовавшийся большим доверием у Менглы-Гирея. Повидимому, Иван III очень дорожил услугами Хози Кокоса, посылал ему «поминки» и «жалование» и в переговорах с ним соблюдал почти те же формы, как и в сношениях с владетельными лпцами. Московские послы, посещавшие Хозя Кокоса в Кафе, передавали ему обычный поклон великого князя и вручали «верующие грамоты».

Из наказа, данного московскому послу Никите Васильевичу Беклемишеву в Крым, в 1474 г., следует, что Хозя Кокос выполнил важное дипломатическое поручение великого князя и передал хану «речи». Вопрос шел о предложении Ивана III быть с Менглы-Гиреем «в братстве и в дружбе». С ответом о согласии хана Хозя Кокос послал в Москву своего шурина Исупа с письмом, написанным на еврейском языке, «верующей» грамотой Менглы-Гирея и грамотой князя Мамака. Исуп подтвердил, что «царь» хочет великого князя «жаловати и свыше в братстве и в дружбе с собою учинити так же, как король с ним в братстве». Тогда Иван III послал к Хозе Кокосу толмача Иванчию, «чтобы еси мое дело делал до конца, а мне бы если тем служил, цареву бы жалованье по тому же учинилося, и ярлык бы свой пожаловал таков дал».

¹ Время этого династического переворота устанавливается на основании письма протекторов банка Сан-Джорджи консулам и массариям Кафы от 7 ноября 1468 г.: «С великой радостью прочитали мы то, что вы пишете нам о славном государе Менглы-Гирее, сделавшемся новым ханом... и о дружеском его посещении Кафы вместе со всем двором, и о благосклонном его согласии на уменьшение дани... А также о мирном договоре с Кампаньей и об общем соглашении, чтобы прежнего хана Нордолара (Нур-Даулета) вместе с его приверженцами отправить в Зихию» (Е. З е в а к и н и И. П е н ч к о. Очерки по истории генуэзских колоний на западном Кавказе в XIII и XV вв. «Исторические записки», кн. 3, изд. АН СССР, 1938). Указанное письмо напечатано в «Atti della Sociata Ligure di storia patria», t. VII. Кампанья — область, расположенная около Кафы, имевшая отдельного татарского правителя Зихия-Геркесия.

Менглы-Гирей отправил в Москву посла Ази-Бабу, но вместо «докопчального ярлыка», которого ожидал великий князь, прислал лишь «ярлык верующий». Вернувшись в Москву, толмач Иванчя привез от Хози Кокоса письмо (грамоту), в котором вновь подтверждал желание хана быть в «братстве и дружбе». «И яз, — писал Иван III Хозе Кокосу, — слышев цареву жалование п ярлык его видев и поверя Азы-Бабыным речем, по цареву ярлыку, а больше веря твоим грамотам, послал есмь нынеча ко царю бить челом своего боярина ближнего Микиту»¹.

Таким образом, из переписки Ивана III с Хозей Кокосом видно, что, во-первых, инициатива переговоров о заключении военного союза исходила от Ивана III и, во-вторых, что Менглы-Гирей в первое время давал лишь неопределенные обещания, затягивая обмен «докопчальными ярлыками». Такое положение объясняется тем, что обе договаривающиеся стороны по-разному смотрели на ближайшие цели союза. Менглы-Гирей, не чувствовавшему себя еще достаточно прочно на крымском престоле, важно было сохранять мир с королем, оказавшим услуги его отцу в утверждении ханской власти за Гиреями. Поэтому, предлагая Ивану III заключить договор на тех же основаниях, на каких был заключен мир между Крымом и Казимиром, он совершенно определенно указывал на желание исключить из числа «вопчих врагов» короля Казимира. Для Менглы-Гирея смертельным врагом был Ахмед-хан.

Для Ивана III Ахмед-хан сам по себе без поддержки со стороны короля не представлял особой опасности. Можно даже думать, что, готовясь к войне с Казимиром, неизбежность которой после повгородского похода стала вполне очевидной, Иван III рассчитывал оторвать Ахмед-хана от союза с королем и добиться его нейтралитета. Известно, что в 1473 или 1474 г. к Ахмед-хану был отправлен в качестве посла Никифор Басенков, который в июле этого года вернулся в Москву с большим ответным посольством от Ахмед-хана, во главе с Кара-Кучюком. С ним пришло 600 татар «пословых» и 3200 торговых людей (гостей) с конями и товаром. О размерах этого торгового каравана можно судить по тому, что на продажу было приведено более 40 тысяч лошадей². Нам неизвестно, какие поручения имел Никифор Басенков, но несомненно, что хан был удовлетворен этим посольством. Впоследствии, когда Ахмед-хан стоял на Угре и требовал присылки к нему по-

¹ Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 1—9. «Князь Мамак» — это, повидимому, то же лицо, что и Мамай, занимавший в то время должность тудуна в Кафе (В. С м и р и о в. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века, СПб., 1887, стр. 265). Никита Васильевич Беклемишев был отправлен в Крым в марте 1474 г.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 180.

слов великого князя, он, по словам летописи, сам указывал на Никифора Басенкова: «...а сына и брата не пришлешь, и ты Никифора пришли Басенкова». Автор литературной повести «О приходе Ахмата» поясняет: «тот был Никифор в Орде и многу алафу татаром дасть от себе, того ради любляше его царь и князи его»¹. Это указание на пребывание Никифора Басенкова в Орде можно отнести только к его посольству в 1474 г., так как среди других послов в Орду его имя больше не встречается.

Посол Ахмед-хана Кара-Кучюк прибыл в Москву 7 июля 1474 г., а выехал обратно 19 июля, т. е. пробыл в русской столице всего 12 дней². Вместе с ним в Большую Орду отправились послы великого князя Дмитрий Лазарев и венецианский посол Иван Тревизан, незадолго перед этим выпущенный из заключения, в которое он попал в результате неудачной попытки установить через Москву непосредственные дипломатические сношения Венецианского Сената с Ахмед-ханом. История дела Тревизана помогает уяснить отношение Ивана III к Большой Орде в рассматриваемое время.

Джан Баттиста Тревизан, секретарь Венецианского Сената, был послан в Орду на основании постановления Сената от 2 апреля 1471 г. с поручением ознакомиться на месте с возможностью заключения союза с Ордой для совместных действий против Турции. Тревизан должен был ехать через Москву и встретиться там с Вольпе, являвшимся одним из инициаторов этого предложения. Однако в Москве между ним и Вольпе, а также некоторыми другими итальянцами, приехавшими с Софьей, произошли какие-то недоразумения, в результате которых на Тревизана был подан донос великому князю, едва не стоивший головы настойчивому венецианскому дипломату. Узнав, что Вольпе и Тревизан скрыли действительные цели своей поездки, великий князь «въсполевся на них»: скованный Вольпе был сослан в Коломну, семья его арестована, а Тревизана было велено казнить. Только заступничество легата Бонумбре и прибывших с великой княгиней итальянских гостей спасло Тревизана от смерти; он был скован и отдан под надзор Никиты Беклемишова³. Иван III имел полное основание проявить в этом деле подозрительность и осторожность. Ведь непосредственно перед случаем с Тревизаном он имел возможность убедиться в тайных происках Казимира, возбуждавшего Ахмед-хана на активные выступления против Москвы. Естественно возникал вопрос: с какой целью Вольпе и Тревизан скрывали от москов-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 231.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 180.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 176.

ского правительства свои намерения пробраться в Орду? Чтобы разобраться в этом деле, Иван III обратился к Сеньерии с посланием, которое Пирлинг на основании сохранившегося ответа называет «весьма миролюбивым и даже любезным». Это послание передал по назначению Антонио Джисларди, пользовавшийся большим доверием великого князя. 20 ноября 1473 г. Сенат подавляющим числом голосов принял решение, в котором предлагалось «написать московскому князю и объяснить ему, что главной целью Тревизана было отвлечь татар от России и направить их к Черному морю и в Валахию. Таким образом можно было бы пользоваться имп, как орудием против общего врага всех христиан. Этот враг — завоеватель Восточной империи, наследственные права на которую, при отсутствии мужского поколения, естественно переходят к московскому князю в силу его брака»¹.

25 апреля 1474 г. Антонио Джисларди (Антон Фрязин) вернулся в Москву. Ознакомившись с посланием Сената, Иван III освободил Тревизана и «на очи свои велел ему притти». Таким образом Иван III одобрил план Сеньерии об использовании Большой Орды для борьбы с Турцией, так как в случае успеха этого предложения Ахмед-хан перестал бы служить орудием для Казимира в наступлении на русские земли.

Осторожная политика Ивана III в отношении Большой Орды объясняет его нежелание в данный момент включить в «докопчальный ярлык» с Менглы-Гиресем имя Ахмата (Ахмед-хана) в качестве «вопчего врага».

Никита Беклемишев был отпущен в Крым 31 марта 1474 г. вместе с возвратившимся послом Менглы-Гирея Ази-Бабой. Он вез с собой три заготовленных разных проекта «докончного ярлыка». В наказе Беклемишеву поручалось, если хан станет требовать, чтобы великий князь не посылал послов к Ахмед-хану, отвечать следующим образом: «...осподарю моему послов своих к Ахмату царю как не посылати? или его послом к моему государю как не ходити? осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочует подле отчину осподаря моего ежелет; ино тому не мощно быть, чтобы межн их послом не ходити». В переговорах относительно условий союза Беклемишев должен был настаивать, «чтобы именем о царе Ахмате в ярлык не писать». Если же

¹ При голосовании в Сенате предложения об отправлении в Золотую Орду Тревизана за него было подано 119 голосов, против двух при двух воздержавшихся. На путевые издержки было ассигновано, кроме годового жалованья, 300 дукатов. Тревизану поручалось польстить Ахмед-хану, рассыпаясь в похвалах его военной доблести, и в виде подарка поднести 16 локтей сукна ценою 96 дукатов (О. Пирлинг. Указ. соч., стр. 177).

«будет не мощно Миките того отговорити», то соглашаться лишь в том случае, если Менглы-Гирей согласится вписать в ярлык обязательство быть с великим князем «заодин» на его недруга короля¹. Посольство Никиты Беклемишева кончилось неудачей. Менглы-Гирей упрямно не соглашался вносить в ярлык имя короля: «А говориш, волшый человек, то, что король еще с твоим отпом с Ази-Гиресм царем в братстве и в докопчанье был, а с тобою шыпча также в братстве и в докопчанье, и ты тово не хочешь порушити»².

Алексей Старков, отправившийся послом в Крым в марте 1475 г., должен был в случае уюорства хана в этом вопросе добиваться по крайней мере обещания не помогать Казимиру, если между королем и великим князем начнутся враждебные действия. Однако, хорошо понимая заинтересованность Менглы-Гирея в союзе против Ахмед-хана, Иван III готов был дать па это согласие при условии, что хан со своей стороны окажет помощь против короля. В соответствии с этим был составлен новый проект «докопчального ярлыка»³.

В связи с этими сношениями Ивана III с Крымом находится интересный эпизод со сватовством владетеля Мангуца князя Исайка, предлагавшего отдать свою дочь за сына великого князя, Ивана «Молодого». Из наказа Алексею Старкову узнаем, что князь Исайко принимал Никиту Беклемишева, «почтил» его и великому князю «дружбу свою чинил» и предлагал свою дочь за сына великого князя, а боярин Никита «девку видел». Вряд ли Беклемишев мог это сделать по собственной инициативе; повидимому, вопрос о сватовстве возник еще до отправления Беклемишева в Крым, и Беклемишев получил какие-то наставления от великого князя. Посредником в переговорах о браке выступал тот же Хозей Кокос, который затем прислал Ивану III «грамоту» с предложением о заключении этого брака. Иван III отнесся к предложению вполне доброжелательно. Мангупскому князю, его жене и дочери были посланы «поминки» с Алексеем Старковым. В наказе ему предлагалось отправиться к князю Исайке вместе с Хозей Кокосом и продолжать переговоры о браке и о приданом — «что вятка с девкою, па колко тысячь золотых?»⁴. Па этом сведения о несостоявшемся браке наследника московского престола с дочерью мангупского князя оканчиваются. Кто бы ни был инициатором этого брачного проекта, отношение к нему со стороны Ивана III показывает,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, СПб., 1884, стр. 2—6.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 10—12.

⁴ Там же, стр. 12—13.

какое большое значение он в данное время придавал укреплению своего влияния в Крыму ¹.

Результаты посольства Алексея Старкова неизвестны. Возможно, что он уже не застал Менгли-Гирея на «царстве». Известия о сношениях между Москвой и Крымом прерываются на два года; это самый темный период в истории Крымского ханства в последней четверти XV века.

2

Западные и русские ориенталисты в своих исследованиях опирались почти исключительно на турецко-татарские работы по истории Крыма, написанные в XVI—XVIII вв. Среди них наибольшее значение имели сочинения Дженпаби, обстоятельно изложившего историю Менгли-Гирея, и работа турецкого историка Сейид-Мухаммед Ризы (умер в 1756 г.): «Семь плащат в известиях о царях татарских». Однако оба автора дают противоречивые и спутанные известия об обстоятельствах, при которых произошло подчинение Крымского ханства Османской империи и последующее затем восстановление Менгли-Гирея в качестве вассала падишаха. Недостаточно критическое отношение к сочинениям Мухаммеда Ризы и Дженпаби ввело в заблуждение Гаммера, Говордза, Сестрещевича-Богуша, Вельяминова-Зернова, В. Смирнова. Автор одной из лучших работ по истории Крымского ханства В. Смирнов пришел в результате своих исследований к очень неутешительным выводам. Напоминая слова Вельяминова-Зернова — «история Крыма во всю эту эпоху запутана», — В. Смирнов добавил: «да едва ли и может быть когда-нибудь вполне распутана» ². Этот пессимизм крупных исследователей не был бы столь категоричен, если бы ими было обращено большее внимание на русские источники, которые в ряде случаев содержат более достоверные сведения, чем сообщения турецко-татарских авторов XVI—XVIII вв.

Новым ценным источником являются также опубликованные в 1937—1940 гг. в Турции материалы султанского архива, среди которых находится послание Ахмед-хана от 1477 г. к султану

¹ Машгуп (Феодори), расположенный в 25 км к югу от Бахчисарая, управлялся отдельными князьями, состоявшими в близком родстве с императорским домом Комниных и являвшимися в середине XV в. вассалами Генуэзской республики. О личности князя Исаяка, который в грамотах Генуи именовался «Signore Teodoro Saich», ничего неизвестно. В 1475 г. Кедюк-Ахмед-паша овладел Машгупом, где, по словам Дженпаби, он захватил несколько христианских князей, а также Менгли-Гирея (В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 281).

² В. Смирнов. Указ. соч., стр. 253.

Мухаммеду и три послания к нему же Менгли-Гирея, написанные между 1469 и 1476 гг.¹ Таким образом, эти документы относятся к тому периоду, который в истории Крыма до последнего времени оставался наименее освещенным.

Появление турок в Крыму и в других местах Северного Причерноморья в середине XV в. в значительной степени изменило всю политическую обстановку на юге Восточной Европы. В лице Мухаммеда II, а затем его преемника Баязида появилась крупная завоевательная сила, претепдовавшая на нераздельное господство во всем Причерноморье. Однако до конца 60-х гг. власть Мухаммеда не распространялась дальше южного побережья Крыма. Сохранившееся в султанском архиве послание Менгли-Гирея к султану, датированное 18 раби II 874 г. гиждры (25 октября 1469 г.), свидетельствует о еще полной самостоятельности крымского хана. Поводом к этому первому обращению Менгли-Гирея к султану послужило разорение Кафы и других двух городов отрядом, прибывшим под начальством Якуба. Выражая свое высокое уважение к султану, Менгли-Гирей просил отпустить захваченных в плен жителей Кафы; «ущерб, причиненный Кафе, равнослеп ущербу, причиненному нам самим», — писал Менгли-Гирей².

Кафа была занята турками в первой половине года. Переписка между протекторами бапка Сан Джорджио и консулом Кафы содержит интересные сведения о состоянии этой генуэзской колонии накануне подчинения султану. В своем донесении от 10 февраля 1475 г. консул сообщал, что Эминех, правитель округа Кампаньи, расположенной около Кафы, «с турецким султаном вместе против нас что-то затевают». Из другого донесения выясняется, что это касалось приготовления турками «великой Армады», известия о которой вызвали большой страх у генуэзского населения Кафы. «Посоветовавшись с дружественным нам императором (Менгли-Гиреем. — *К. Б.*), — сообщает консул, — мы отправили послов в Великую Орду за Зейтахом, сыном прежнего хана Мамака, надеясь этим совершенно погубить Эминеха. После прибытия Зейтаха генуэзцы заключили с ним и с Менгли-Гиреем союз против Эминеха, который был изложен и бежал»³.

¹ A k d e s N i m e t K u r a t. Topkapi Sarayi Muzesi Arşivindeki Alton Ordu, Krim ve Türkistan Hanlarına ait İarlık ve Bitikler, İstanbul, 1940.

² A k d e s N i m e t K u r a t, Указ. соч., стр. 84.

³ Atti della Società Ligure di storia patria, t. VII. Цитирую по указ. статье Е. Зевакиля и П. Пещко. Князь Мамак и князь Эминех (Именек, Эменек) принадлежали к роду Ширянов. В 1474 г. Иван III вел переговоры с Мамаком как с одним из влиятельнейших крымских вельмож (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 7—8). После этого года имя Мамака в документах больше не упоминается, что в связи с приведенным донесением консула

Донесения консула Кафы об этих событиях помогают критически проверить рассказ Иоасафата Барбаро, содержащий наряду с действительными фактами ряд ошибок и неточностей. По словам самого Иоасафата Барбаро, он слышал рассказ о падении Кафы от одного генуэзца, Антонио да Гуаско, бывшего очевидцем этого события и бежавшего через Грузию в Персию. По сообщению Антонио да Гуаско, несогласия между властями Кафы и Эминахом (Эминехом), которого он принимал за владельца Крыма, возникли по поводу уплаты дани. Кафинский консул решил отправить посла к татарскому хану с просьбой о присылке кого-либо из родственников Эминеха для его свержения. «С этим намерением отправлен был нарочный корабль в Тану с особенным послом, который немедленно послал к хану в Орду и, отыскав там одного родственника Эминах-бей, по имени Менглы-Гирей, уговорил его ехать вместе в Кафу через Тану. Эминах-бей, проведав о сем, начал изыскивать все средства к примирению своему с жителями Кафы, предлагая им главным условием мира, чтобы они немедленно отправили Менглы-Гирея назад; кафинцы не согласились на это условие и, вследствие того, Эминах-бей, не уверенный в собственных силах своих, отправил посла к султану, прося его прислать к нему на помощь оттоманский флот, который бы действовал с моря, тогда как сам Эминах-бей будет действовать с сухого пути, и обещаясь в награду за то уступить султану Кафу. Султан, давко домогавшийся владения сям городом, немедленно отправил к Кафе флот свой, который без больших усилий овладел ею и, захватив Менглы-Гирея, отослал его к султану, где он находился пленником в продолжение нескольких лет»¹. Легко видеть, что противоречия между донесениями кафинского консула и записанным Барбаро рассказом Антонио да Гуаско полностью устраняются, если только предположить, что либо сам Антонио да Гуаско, либо Барбаро, записавший его рассказ много позже по памяти, спутали Зейтаху с Менглы-Гиреем. Очевидно, в плен в Константинополь был отправлен не Менглы-Гирей, который по другим документальным известиям после занятия турками Кафы оставался в Крыму, а Зейтах, пытавшийся противодействовать не только Эминеху, но и султану.

Однако ссора с Эминехом, главой могущественного рода Ширипов, поставила Менглы-Гирея в крайне тяжелое положение. При каких обстоятельствах — неизвестно, но еще до Кафы указывает на его смерть около этого времени. Упоминаемая в донесениях консула Кафы местность Кампашья, повидимому, являлась областью Старого Крыма (Солхат), составлявшего основное владение рода Ширипов. Старым Крымом управлял глава рода Ширипов, которым после смерти Мамака стал Эминех.

¹ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, стр. 50—51.

занятия Кафы турецкими войсками под начальством Кедюк-Ахмед-паши, Менглы-Гирей был свергнут и заключен в темницу.

Положение в Крыму резко изменилось в 1475 г. В письме Менглы-Гирея, написанном в начале июля этого года (в начале Раби I 880 гиждры) к одному из приближенных Мухаммеда II, приведены новые интересные данные, проливающие свет на крайне запутанные события, связанные с восстановлением Менглы-Гирея на хакском престоле в качестве вассала султана. «...До нас дошло о благоденствиях ваших, — писал Менглы-Гирей, — обрадовались мы, как бы сами воскресли, что через вас освободились из темницы. Кафа сделалась исламским городом. Мы благодарим бога, что освободились из темницы и вошли в милость падишаха, в состав государства его. Божья милость постигла нас. Как нам отблагодарить падишаха за это? — Аллах сам возблагодарит его. Теперь нам на пороге государства важна ваша милость, важно, чтобы падишах вспомнил нас хорошим словом. Мы подчинены и послушны падишаху и благодарны ему, и заключили с Ахмед-пашой договор и условия, быть падишаха другу другом и его врагу врагом. Мы будем верны этому договору. Наших врагов много, мы боимся, как бы они нам не устроили западни, распуская ложные слова. Вы не верьте их словам, пока от нас не получите точных сведений. Заранее уверены в вашей благожелательности»¹.

По сообщению Дженнаби, турецкого историка второй половины XVI в., Менглы-Гирей был освобожден из темницы в Мапкупе Кедюк-Ахмед-пашой. Приведенное выше благодарственное письмо Менглы-Гирея султану Мухаммеду вполне подтверждает это. Таким образом, Менглы-Гирей после освобождения не только не был отравлен турками в Константинополь, как это указывалось в ряде работ, но был восстановлен ханом и заключил договор с Кедюк-Ахмед-пашой, признав себя вассалом султана. Однако положение Менглы-Гирея в это время, как видно из письма, не было прочным, он сам опасался «многих врагов» и боялся потерять благоволение султана.

Но кто же были наиболее опасные соперники Менглы-Гирея? Маловероятно, чтобы ими являлись его родные братья или отдельные крымские эмиры, они не могли не считаться с Кедюк-Ахмед-пашой, в лице которого Менглы-Гирей получил сильную поддержку. Повидимому, Менглы-Гирей опасался Золотой (Большой) Орды, т. е. Ахмед-хана.

При дворе султана Мухаммеда недостаточно ясно представляли степень обособленности Крыма от остальных частей Джучиева улуса. Турки считали золотоордынского хана верхов-

¹ Akdes Nimet Kurat. Указ. соч., стр. 88.

ным главою Крымского ханства. Между оттоманскими падишахами и золотоордынскими ханами существовали давние связи. На благожелательное отношение Мухаммеда к Ахмед-хану указывает одна из грамот султана, опубликованная в 1858 г. рейс-эфендием Феридуном в собрании документов. Султан сообщал Ахмед-хану о своих выдающихся военных успехах и высказывал уверенность в возобновлении старинной дружбы: «Вследствие этой великой победы должно проявиться возобновление старинного союза любви, и должна отвориться дверь к отправлению посольств и грамот, — служить средством укрепления оснований благорасположения, дабы признаки любви и искренности день ото дня приумножались и непрерывно один за другим следовали»¹. К сожалению, неизвестно, к какому времени относится это послание, но оно во всяком случае достаточно ясно указывает, что Мухаммед рассматривал Ахмед-хана как самостоятельного мусульманского государя, с которым он считал нужным поддерживать доброжелательные отношения.

Сохранилось письмо Ахмед-хана, отправленное султану в июне 1477 г., когда Кафа уже находилась в руках турок. Ахмед подтверждал прибытие султанского посла Карадж-багатура, который привез сообщение о взятии турками ряда городов. Изъявляя свою радость по этому поводу, Ахмед писал: «Начиная с сегодняшнего дня братство, основанное на взаимной любви между нами, утвердилось, и в дальнейшем все больше и больше оно должно укрепиться. Пусть продолжится между нами взаимный обмен послами и гостями. С целью развития дружбы и братства изо дня в день между нами, я послал к вам своего племянника Азис-Ходжу. Я потомок Чингис-хана, и Азис-Ходжа то же самое. С сегодняшнего дня между нами с божьей помощью должна быть крепкая дружба. Если великий Аллах соизволит, и в дальнейшем для врага и друга мы будем едиными»².

После освобождения Менглы-Гирея из темницы Кедюк-Ахмед-пашой и восстановления во власти Менглы-Гирей продержался на ханском престоле не более года и в 1476 г. вновь был свергнут. Это событие передано в пашей летописи следующей записью: «...того же лета (6984) посла царь Ахмет Ордынский сына своего с татары, и взя Крым и всю Азигирееву Орду, а сына Азигиреева Менгирея съгна, его же турки посадиша»³. Достоверность этого известия подтверждается сохранившимися посольскими делами. Когда в сентябре 1477 г. Иван III отправил в Крым служилого татарина Темеша, он послал его уже не

¹ В. Смирнов. Указ. соч., стр. 272.

² Akdes Nîmet Kurat. Указ. соч., стр. 88. Письмо написано в половине сафара 882 гиждры.

³ ИСРЛ, т. VIII, стр. 181.

Битва москвичей с новгородцами на Шелони
Миниатюра из Остермановского летописца

к Менглы-Гирею, который был свергнут, а к Зенебеку (Джаныбеку). Кто был Джаныбек — выяснить с полной точностью не удается. Говардз, не указывая источника, считал его племянником Ахмед-хана. Гаммер ошибочно отождествлял его с Эмпехбеком. В. Смирнов относит его к числу авантюристов, вышедших из среды татарских вельмож, ссылаясь при этом на посольскую грамоту Ивана III, в которой Джаныбек назван просто «казак». Однако В. Смирнов упускает из внимания интересную для данного вопроса посольскую грамоту Ивана III к Менглы-Гирею от 23 марта 1475 г., относящуюся, следовательно, к тому времени, когда Менглы-Гирей, освобожденный Кедюк-Ахмедпашой из темницы, в первый раз был посажен турками на парство: «...прислал еси ко мне своего посла Довлетека мурзу, — писал Иван III, — а говорил ми от тебя Довлетек о том, чтобы яз звал к себе Зенебека царевича твоего для дела, ино о том прислал ко мне царевич Зенебек оною лета, чтобы яз его к себе взял. И яз его к себе не взял тебя для, что недруг твой, а пынеча ко мне приказывашь, чтобы у меня был, и яз пынеча, тебя дея, послал в Орду про него отведати: а как даст бог веспа придет, и яз нароком шлю его искати, и к себе его хочю звати тебя дея»¹. Таким образом, становится ясным, что Джаныбек был по происхождению не простым «казак», а «царевичем», т. е. принадлежал к роду Чингисханидов. Устанавливается также, что еще до первого свержения Менглы-Гирея с парства Джаныбек был его врагом. Естественно возникает предположение, что Джаныбек являлся участником этого переворота. Обещая «искать» Джаныбека в Орде, Иван III имел в виду не Крымскую Орду, ханом которой в это время был Менглы-Гирей, а Ахматову Орду (Большую Орду) или одну из полусамостоятельных небольших орд, кочевавших между Волгой и Азовским морем. Вполне возможно, что Джаныбек находился в каких-то родственных отношениях с Ахмед-ханом и во всяком случае был ему близким человеком. Поэтому после свержения в 1476 г. Менглы-Гирея Ахмед-ханом Джаныбек занял ханский престол в Крыму. Остается неясным, все ли время Джаныбек находился на Крымском юрте до нового восстановления Менглы-Гирея или же принужден был уступить место кому-либо другому. На такую возможность указывает одно сообщение Длугоша. Описывая прибытие в 1478 г. турецкого посольства в Польшу, Длугош сообщает, что вместе с послом Мухаммеда прибыл также посол от Крымского царя Нур-Даулета. Достоверность этого известия, однако, требует дополнительного подтверждения².

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 9.

² Joannis Dlugosch. Opera omnia, t. XIV, 760, Cracoviae, 1878, стр. 670. Большое значение для подтверждения сообщения Длугоша имела бы находка монет с именем Нур-Даулета, относящихся к этому времени.

Относящаяся к позднему времени переписка между Нур-Даулетом, приславшим в Россию, и сыновьями Ахмед-хана позволяет предположить, что между Ахмед-ханом и Нур-Даулетом существовали дружеские отношения, которые старались поддерживать и сыновья Ахмед-хана. Так, в 1487 г. Муртаза, сын Ахмед-хана, обратился к Ивану III с просьбой отпустить Нур-Даулета, которого он предполагал посадить на место Менгли-Гирея. В перехваченном в Москве послании Муртазы к Нур-Даулету содержатся ясные указания на прежние тесные взаимоотношения между Ахмед-ханом с его сыновьями и Нур-Даулетом. «Правда, так есть после пак того прилучей таков естался, предние наши о кости о ладыжном мозгу юрта деля своего разбранились, да того деля промеж их много лиха и нелюбви было; а опосле того опять то лихо от себя отложил, и кои потоки кровью текли, те опять меж их молоком протекли, а тот бранной огонь любовною водою угасили, а с вашим юртом наш юрт как бы один учинили, кой на божей покой пошел святой Ахмат царь». В приведенном тексте послания совершенно определенно указывается, что Ахмед-хан объединил оба юрта: Крым и Большую Орду. Очевидно, это относится к событиям 1476 г., когда Менгли-Гирей вторично потерял ханский престол. Вполне возможно, что какую-то роль в этих событиях играл Нур-Даулет. На это также указывает восхваление в послании Муртазы заслуг Нур-Даулета: «...ты на сем свете вере еси нашей подпора, бессерменем и бесерменству нашему помочь; ты еси и закону наказатель, милосердного бога милостью истинной еси прямой осподарь»¹. Таким образом, Ахмед-хан в борьбе с Менгли-Гиреем в какой-то мере пользовался услугами Нур-Даулета, который, вероятно, не мог простить брату лишения его ханской власти в 1469 г.

История взаимоотношений между султаном Мухаммедом, Менгли-Гиреем и Ахмед-ханом показывает, что в эти смутные для Крыма годы падишах вел двойную игру. Принимая подданство Менгли-Гирея, он в то же время, как теперь становится ясным из опубликованных материалов султанского архива, вел дружеские сношения с Ахмед-ханом и, повидимому, первоначально не препятствовал его утверждению в Крыму в 1476 г. В Константинополе, очевидно, выжидали, и из претендентов на Крымский улус выбирали того, кто был способен менее проявить самостоятельность и готов был подчиниться покровительству и власти падишаха. В этом отношении Менгли-Гирей не мог не казаться более удобным вассалом, чем Ахмед-хан, старавшийся собрать под своей властью все части Золотой Орды и очень гордившийся своим происхождением от Чингис-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 69.

хана. При каких обстоятельствах произошло окончательное восстановление в Крыму Менглы-Гирея, мы в точности не знаем, но, повидимому, в этом деле турецкая помощь вновь сыграла существенную роль. Согласно сообщениям турецких историков, Менглы-Гирей несколько лет провел в турецком плену. По сообщению Дженнаби, султан велел заключить Менглы-Гирея в темницу и приказал визирю казнить его вместе с остальными пленными. Визирь уже готов был привести приговор в исполнение, когда султан неожиданно передумал, осыпал Менглы-Гирея почестями и поселил вблизи своего дворца. Затем по просьбе эмира Эмишек-бея Менглы-Гирей, признавший власть султана, был отпущен на царство в Крым¹.

Сидевший в Крыму Джаны-бек чувствовал себя очень непрочно. Посланный им в Москву Яфар Бердей просил великого князя, в случае если на Джаны-бека «придет истома», то чтобы великий князь дал ему «опочив в своей земле». На это Иван III отвечал, что и раньше, когда Джаны-бек был «казаком», он по его просьбе давал ему в своей земле «опочив». «А каково придет твое дело, — сообщал великий князь, — а похочешь у меня опочива, и яз тебе опочив в своей земли дам и истому твою нодойму»².

«Истома» для Джаны-бека действительно вскоре пришла. В апреле 1479 г. Иван III имел уже возможность послать в Крым к Менглы-Гирею своего человека Ивапчу Белого с поздравлением в связи с тем, что Менглы-Гирей вновь учинился «осподарем» на отцовском юрте. Однако, по примеру своего предшественника, Менглы-Гирей тоже с тревогою заглядывал в будущее и в свою очередь просил великого князя принять его «истому», в случае если бы пришло «шеверемя».

На этот раз Менглы-Гирей, укрепившись при турецкой помощи на отцовском юрте, получил возможностьступить в борьбу со своим злейшим врагом — Ахмед-ханом. Однако на дальнейшую значительную поддержку в этой борьбе со стороны своего сюзерена, султана Мухаммеда, он вряд ли мог рассчитывать: Мухаммед вел затяжную войну с Венецией и Венгрией. При выборе союзника ему оставалось выбирать: либо короля Казимира, либо Ивана III.

При решении этого вопроса ряд соображений действовал против короля Казимира. Дружественные отношения между Казимиром и Ахмед-ханом, вызванные общей заинтересованностью в борьбе с Москвой, не могли не возбуждать подозрений в отношении поведения короля. Если бы король даже полностью

¹ Текст этого рассказа Дженнаби приведен в работе В. Вельямнова-Зернова. Исследование о каспимовских царях и царевичах, СПб., 1863, стр. 101—103.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 14.

стал на сторону Менгли-Гирея, то вследствие дальности расстояния между Польшей и Большой Ордой он оказать существенной пользы в нижневолижских степях не мог. Кроме того, есть основание предполагать, что Казмир оказывал какую-то поддержку братьям Менгли-Гирея, Нур-Даулету и Айдару, которые после вторичного восстановления Менгли-Гирея бежали во владения короля. Только этим и можно объяснить большое беспокойство, которое выказывал Менгли-Гирей. Наконец, на решение хана должен был повлиять и вопрос о районах, более удобных и менее защищенных от грабительских нападений и захвата добычи. Крымская Орда в это время была еще слишком слаба для того, чтобы предпринимать далекие походы на территорию Северо-Восточной Руси. Между тем Юго-Западная Русь, входившая в состав владений Казмира, находилась в близком соседстве с Крымом, имела относительно густое население и была почти лишена защиты.

Указанными причинами объясняется изменение отношения Менгли-Гирея к постоянным предложениям Ивана III включить имя короля в текст союзного договора. С другой стороны, и Иван III, как будет показано ниже, с 1476 г. не имел больше оснований скрывать свою враждебность к Ахмед-хану.

Когда Менгли-Гирей в начале 1479 г. или в конце 1478 г. вновь вернул себе ханство, он тотчас послал в Москву с известием об этом двух своих людей Алача и Сырпяка. Сам Менгли-Гирей еще чувствовал в это время шаткость своего положения и спешил заручиться согласием великого князя на предоставление ему убежища в случае новой утраты власти. Одновременно он сообщал о готовности заключить союз на тех основаниях, на которых раньше безуспешно настаивал Иван III.

Иван III, следуя своей обычной осторожности, в ответ на известие Менгли-Гирея, что он «учинился господарем» в отцовском юрте, послал в Крым не обычного посла, а лишь «шаробка» Иванчу Белого с официальным поручением осведомиться о здоровье хана и с неофициальным — разведать положение дел в Крыму. Поскольку в это время в Москве не были уверены в прочности положения Менгли-Гирея, можно судить по следующим словам наказа: «А услышит Иванча, что царь переменялся, а поймают язык, да отведает того, что царь переменялся, будет не Менли-Гирей на царстве, а Иванче ся воротити назад»¹.

Иванча Белый благополучно доехал до Крыма и передал Менгли-Гирею согласие великого князя дать ему в случае необходимости убежище — «опочив в своей земле: «А коли по грехом придет каково твое неверемя, и яз истому твою подойму на своей голове». Иван III принял к себе Джаны-бека и обещал

¹ Сб. Русс. ист. сб-ва, т. 41, стр. 15—16.

держатъ его у себя¹. Менглы-Гирей настолько был заинтересован в союзе с Иваном III, что вместе с возвращавшимся в Москву Иванчѣй Белым послал двух своих послов (Темешь улана и Лухбердея дувана). Крымскій хан просил великого князя взять к себе двух его братьев, Нур-Даулета и Айдара (Хайдара), которых король держал в Кневе².

Уже весной 1480 г. Иван III мог сообщить своему союзнику, что Нур-Даулета и Хайдара «взял твоего для дела, а держу их у себя и истому своей земле и своим людем чиюю тебя деия»³. Оба они прибыли в Москву в конце октября или в начале ноября 1479 г. В Воскресенской летописи записано: «Тое же осени (т. е. 6988 г.), по отъезде великого князя в Новгород, приидоша на Москву к великому князю два царя, Мердоулат с сыном Бердоулатом да брат его Айдар»⁴. Трудно установить, что побудило Нур-Даулета и Хайдара переместить польско-литовское убежище на московское, но во всяком случае это вполне соответствовало желаніям как Менглы-Гирея, так и Ивана III. Некоторое указание на причину их отъезда в Москву мы находим в сообщении самого Казимира, сделанного через его посла Яна Довоїновича в Крым: «...а потом братья твоя некоторыми людьми подмолвлены были и не хотели в нашей земле мешкати и поехали там, где и теперь живут»⁵. Повидимому, люди Ивана III прельстились царевичей возможностью устроиться на русской территории на более льготном положеніи, чем в польско-литовском убежище.

Посольство князя Ивана Ивановича Звенца закончилось принятием поного («опришного») «докончального» ярлыка в московской редакции, точно устанавливавшей, что следует понимать под названием «вопчпх врагов», и каковы обязательства договаривающихся сторон по отношению к ним. Иван Звенец должен был «говорити накрепко, чтобы царь дал по списку». Если бы в Крыму стали изменять текст — «а учнут которые строки писати в ярлык не по списку», — такого ярлыка не следовало принимать.

С той юридической точностью, не допускающей никаких спорных толкованій, с какой умели писать в московской дипломатической канцелярии Ивана III, новый договор определял условия оборонительно-наступательного военного союза, оборонительного против Ахмед-хана и оборонительно-наступательного против Казимира: «А на Ахмата царя быть с нами за один:

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 15—16.

² Там же, стр. 17.

³ Сб. РИО, т. 41, стр. 18.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 205.

⁵ Литовская метрика, ч. IV, стр. 160—163. Сб., Муханова, СПб, 1876, стр. 31.

коли пойдет на меня царь Ахмат, и тебе моему брату, великому князю Ивану, царевичев твоих отпустити на Орду с уланы и с князми. А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на Ахмата царя пойти, или брата своего отпустити с своими людьми. Также и на короля, на волчего своего недруга, быти нам с тобою заодно: коли ты на короля пойдешь или пошлешь, и мне на него пойти и на его землю; или король пойдет на тебя на моего брата на великого князя, или пошлет, и мне также на короля и на его землю пойти. А буду и в шерти с королем, и мне королю шерть сложити, а быти ми на него с тобою заодно»¹.

3

Рассмотренные события в Крыму в 1475—1479 гг. имели большое значение для взаимоотношений в эти годы между Иваном III и Ахмед-ханом. Начиная с 1475 г. Ахмед-хан, обеспокоенный появлением турок и поглощенный борьбой с Менгли-Гиреем за крымский юрт, должен был временно отвлечься от русских дел. Поэтому становится вполне понятным, что именно в это время произошло резкое изменение в отношениях Ивана III к Ахмед-хану, выразившееся в отказе от дальнейшего платежа дани. Несмотря на краткость летописных известий, мы все же можем почерпнуть пучные для решения этого вопроса данные.

В последний раз посольство Ахмед-хана в Москву, упоминается в летописи в 1476 г.: «Того же лета (6984) месяца июля 11, приведе посол к великому князю из Большие орды от царя Ахмута, Бочюка именовем, а с ним татаришек 50, а гостей с ним с конми и с товаром всяким с полшестаста». 6 сентября этого же года Иван III отпустил обратно Бочюка, а с ним отправил своего посла Матвея Бестужева². Из истории отношений с Золотой Ордой мы знаем, что требование о личном прибытии великого князя в Орду вызывалось обычно недовольством хана. В данном случае причиной недовольства мог быть только неплатеж дани. Важное подтверждение того факта, что уплата выхода в Орду прекращена в 1476 г., находится в неизданном списке Вологодско-Пермской летописи. По сообщению этой летописи, Ахмед-хан во время стоянки на Угре в 1480 г.

¹ Иван Звенец получил два «списка» ярлыка. Разница между ними заключалась лишь в том, что во втором тексте вместо слов «А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею царю на Ахмата царя пойти...» стояло: «А пойдет на тебя Ахмат царь, и мне Менли-Гирею на Орду пойти...». В случае, если хан стал бы настаивать на втором варианте, Иван Звенец должен был сказать: «...коли, господице, на Орду пойдешь, то на него же пойдешь» (Сб. РИО, т. 41, стр. 19)

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 183.

упрекал Ивана III в том, что он «выхода мне не даст де пятый год»¹.

После 1476 г. не сохранилось никаких известий о сношениях между Ахмедом и Иваном III. Можно было бы ожидать, что разгневанный хан попытается силой подчинить великого князя и предпримет поход на Москву. Однако вплоть до 1480 года летописи, точно отмечавшие даже число лошадей, приведенных из Большой Орды на продажу в Москву, не содержат никаких сведений о враждебных действиях Ахмед-хана. С другой стороны, поведение Ивана III в эти годы показывает, что он был совершенно спокоен за свою южную границу. В октябре 1475 г. великий князь ходил в Новгород «миром» и вернулся в Москву только в начале февраля следующего года. В октябре 1477 г. Иван III послал «кладную» в Новгород, а 9 октября сам выступил в поход. В походе принимал участие и царевич Даныяр, которому было велено идти впереди на Клин и Тверь к Торжку². Великий князь вернулся в Москву обратно 5 марта 1478 г. Царевич Даныяр участвовал в осаде Новгорода и стоял под городом «с многими татарскими силами». Вполне понятно, что если бы у Ивана III существовало какое-либо опасение в отношении Ахмед-хана, он не решился бы снять Даныяра с такой важной для обороны южной окраины позиции на Оке.

Возникает вопрос, почему столь значительное событие, как прекращение уплаты дани — «выхода», не было отмечено ни в одном современном летописном своде? Нам представляется, что здесь имеет место умышленное умолчание. Всякое воспоминание о платеже дани татарским ханам в начале великого княжества Ивана III, после достигнутых им в конце XV в. огромных политических успехов, должно было казаться оскорбительным. Этим обстоятельством можно объяснить то, что в летописных сводах нет ни одного намёка на посылку Иваном III «выхода» в Орду, в то время как договорные и духовные грамоты совершенно определенно устанавливают платеж «выхода» различным татарским ханам и царевичам³. Вполне понятно, что раз ничего не сообщалось о посылке выхода, то не было оснований и для сообщения о его прекращении.

Однако если не в современных летописных сводах, то в других более поздних источниках все же найдется, хотя и в очень искаженном виде, указания на то, что именно Иван III разорвал

¹ ГИМ, Рукописный отдел, Синод. собр. № 485.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 185.

³ В договоре, заключенном в 1463 г. между Иваном III и Можайским князем Михаилом Андреевичем, был установлен порядок получения дани с Можайского удела: «А Орда знати и ведати мне великому князю, а тебе Орды не знати; а имати ми у тебя выход по старым дефтерем, по крестному целованию; а коли яз князь велики выхода в Орду не дам, и мне у тебя не взити» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 92).

дипломатические отношения с Большой Ордой. Мы имеем в виду известный рассказ Герберштейна о прекращении обряда встречи хаанских послов и сообщение Казанского летописца о потоплении басмы.

Прекращение обряда приема посланцев хана Герберштейн приписывает влиянию Софьи Палеолог.

Прежде всего возникает вопрос: откуда Герберштейн мог почерпнуть эти известия? Как известно, Софья — «рмлянка» не пользовалась в Москве популярностью, а ее поведение в 1480 г., когда при подходе Ахмед-хана великая княгиня уехала на север, некоторые считали за проявление малодушия и трусости. Трудно поэтому допустить, что именно в Москве Софье приписывали инициативу в освобождении от татарской зависимости. Такой взгляд мог сложиться в Польше и вообще на западе, где значительно преувеличивали, с одной стороны, степень зависимости великого князя от хана, а с другой — влияние Софьи на быт великокняжеского двора.

Рассказ Герберштейна об обычае, соблюдавшемся в Москве при приеме татарских послов, очень напоминает соответствующее место в хронике Длугоша: «Князь пеший встречает приезжающих в его резиденцию послов татарского хана, даже незнатных, приходящих за данью или по другой надобности; подает им сосуд с кобыльим молоком и кашли его, падающие на гриву коня, слизывает губами. Татарину, читающему хаанское письмо в русском переводе, он подстилает под ноги наилучшую шубу, подбитую соболями, и сам со всеми младшими князьями, боярами и ближними своими должен на коленях слушать чтение»¹.

В русских источниках нет сведений об обряде приема татарских послов. Восточные авторы XIII в. (арабский писатель Ибн-Абдешахр, китайская летопись Мэн-хуна) сообщают некоторые данные об обрядах при представлении послов хану и встрече хаанских послов иностранными государями. Однако все эти описания относятся ко времени ближайших предшественников Чингиса, и нет никаких оснований переносить их во вторую половину XV в. — время падения военно-политического могущества татарских ханств. Во всяком случае описанный Длугошем прием татарских послов московским великим князем совершенно невероятен для Ивана III, проявлявшего всегда большую непетливость в вопросах посольского церемониала. Из русских летописей только в Густинской летописи сохранилось туманное известие о влиянии Софьи на своего супруга в деле уничтожения татарской зависимости:

¹ Ioannis Dlugosch. Opera omnia, t. XIV. Цитирую по переводу Иловайского (История России, т. II, прим. 96).

Иван III будто бы сверг иго «з шамолы жони своея Аяны Грекии...»¹. На нерусское и позднее происхождение этого известия указывает ошибка в имени великой княгини (Анна вместо Софьи), которую русский источник, конечно, допустить не мог.

Не меньшие сомнения, чем рассказ Герберштейна, вызывает сообщение Казанского летописца о потоптании Иваном III басмы, с чем было связано и прекращение уплаты дани. В Казанском летописце это событие относится ко времени воцарения Ахмед-хана, т. е. вскоре после 1459—1460 гг. «Царь Ахмат восприим царство Златыя Орды по отце своем, Зелет-салтане царю, и посла к великому князю Московскому послы своя, по старому обычаю отец своих и з басмою, просити дани и оброки за прошлая лета. Великий же князь ни мала убояся страха парева и, прием басму лица его и илевав на ню, низлома ея, и на землю поверже, и потопта ногами своими, и гордых послов его всех пзымати повеле, пришедших к нему дерзостно, а единого отпусти жива, носяща песть к царю глаголя: «да яко же сотворил послом твоим, тако же имам и тебе сотворити, да престаниши, беззакониче, от злаго начинания своего, еже стужатися»². Далее рассказывается, что царь (хан), услышав эти слова, «великою яростно распалился» и, собрав все свои силы, пошел в 6909 г. (т. е. в 1401) на Русь к реке Угре. В этом рассказе допущены крупные хронологические ошибки, начиная от неверной даты прихода Ахмед-хана на Угру (6909 г. вместо 6988 г.). Основная часть Казанского летописца составлена во второй половине XVI в. Но Г. Куицевич допускает, что некоторые главы, в том числе «о запусении Орды», являются более поздней вставкой. Этим, по его мнению, объясняется и невозможное для автора-летописца, пробывшего двадцать лет в Орде, представление о басме, как изображении хана, тогда как мусульмане не допускали человеческого изображения³.

Вполне понятно поэтому, что рассказ Казанского летописца вызвал среди историков законное недоверие. Соловьев считает его «слишком подозрительным»⁴. Иловайский, передавая рассказ Герберштейна и Казанского летописца, замечает, что «характер и вообще образ действий великого князя, насколько они известны, мало соответствует подобным рассказам»⁵.

Причина недоверия к рассказу Казанского летописца заключается не только в хронологическом несоответствии и в фак-

¹ ПСРЛ, т. II, стр. 364.

² ПСРЛ, т. XIX, стр. 7.

³ Г. З. Куицевич. История о Казанском царстве, СПб., 1905, стр. 216—217.

⁴ С. Соловьев. История России, кн. I, стр. 1425.

⁵ Д. Иловайский. История России, т. II, стр. 467.

тических ошибках, но также и в том, что этот рассказ, как правильно отметил еще Иловайский, не соответствовал образу действий Ивана III по отношению к Большой Орде. Поругание басмы и умерщвление татарских послов должны были явиться открытым вызовом Ахмед-хану, за которым последовало бы выступление последнего. Но такой вызов не мог быть сделан ни перед походом Ахмед-хана в 1472 г., ни перед вторичной попыткой его прорваться к Москве в 1480 г. И в первом, и во втором случае выступление Ахмед-хана произошло в моменты обострения отношений Ивана III с Казимиром, вызванного главным образом повгородскими делами. В обоих случаях для выступления было выбрано очень удобное время. Понятно, что Иван III не стал бы в эти моменты дразнить своего противника, толкая его на союз с королем, которого великий князь считал своим главным врагом — «большим недругом».

Наконец, следует еще остановиться на подробном рассказе Татищева: «Хан Ахмат Большой Орды, сын Зеледия Салтана по совету с польским королем, хотий великому князю и всей Русстей земли мир отвергнути и пленити, умыслил первее раздражити его послы своими с басмою по древнему обычаю, рекий тако: ты, княже великий, улусник мой, сел на великое княжение по отце твоём, а к нам не идиши, и послы с дары и е слал и язак за многи годы не дал, и послу нашему в дани и выходе отказал, и не учтя ево, отослал; по то послал ныне, да со всею данию за прошлые годы с земли твоя сам к нам привезеши, или с сыном пришлещи; аще не исполнеши повеление мое, то веси, яко пришед, пленю всю землю твою, и тебе самого взяв, рабом учиню. Князь же великий поведа сие матери своей, иноке Марфе, и дяде своему, також всем князьям и боярам, и мнози реша ему: лучше ти, княже, умирити дары нечистиваго, пеже кровь христианскую пролияти. Слышав же то, великая княгиня София, восплакася горько и рече великому князю, мужеви своему: господине мой! Отец мой и аз не хотехом дань давати, лутче отчины лишихомся, и аз, не хотя иных богатых и сильных князей и королев веры ради прияти, тебе причитахся, а се чыне хоцещи мя и моя дети данники учинити; имаши воинство много и бога по себе помощника, почто хоцещи раб твоих слушати, а не стояти за честь свою и веру святую; почто боишися множества вой нечистивых, ведуще, яко той силен дати крепость и победу тебе? И яко первее отрек им, тако и ныне откажи не давати дани и выходов. Князь великий велми удивися совету ея; на другой же день приидоша посол с басмью ханскою. Князь же великий, призвав пред себя онаго, просто без встречи, и принял басму, та же прочитав грамоту ханскую, плюнув на ню, изодра и басму и зло верже на землю под нозе предстоящим. Посол же той и сущи с ним начаша дерзостно глаголати, угрожающе

великаго князя, он же повеле я вся избити, и дом прежней Ордынской разломати, единого же оставя жива, и посла его к хану, глаголя сице: иди и рци нечистивому хану твоему, да отстанет от безумия своего, единого бо рек послу его первее, яко ни сам не иду, ни даи не дам, зане аз есм не хуждший его, а толикужь силу имам и честь, яко и он, но паче и большую; аще ли же хочет паче стужати нам, да весть, яко положась на бога, потружаюсь оправдати мене и все христианство зацитити, и тако отнусти того»¹.

Сравнивая известия Татищева с Казанским летописцем и Герберштейном, мы приходим к выводу, что Татищев использовал эти два источника, соединив их в единое повествование.

Таким образом, все сохранившиеся в источниках сведения о влиянии Софьи Палеолог на великого князя в борьбе за уничтожение зависимости от Орды не могут быть признаны отражающими действительное развитие событий. Действия Ивана III в этом жизненном для молодого государства деле объясняются не посторонним влиянием, хотя бы и со стороны его властолюбивой супруги, а историей длительных отношений с Большой Ордой, протекавших в сложной и изменчивой политической обстановке. Хорошо известно, что преемникам Дмитрия Донского пришлось ждать долго того исторического момента, когда «бог переменит Орду». Только Иван III сумел воспользоваться благоприятными условиями, чтобы решительно встать на путь полного отрицания своей зависимости от золотоордынского владыки.

Вполне понятно, что Ахмед-хан не мог легко примириться с потерей русского «улуса». Не случайно в письме к султану Мухаммеду II он напоминал о своем происхождении от Чингисхана. В качестве его потомка Ахмед-хан претендовал на безраздельное господство в наследственных владениях старшей линии Джучидов и на восстановление в прежнем объеме владычества над Русью.

Однако после отказа Ивана III в 1476 г. уплачивать «выход» Ахмед-хану, который в это время был занят Крымом и определением своих отношений с султаном, пришлось около четырех лет ожидать удобного момента для выступления против Москвы. Благоприятная обстановка сложилась в начале 1480 г.

4.

Второй новгородский поход Ивана III в 1477—1478 гг. был совершен в благоприятной внешней обстановке. Ни один из серьезных противников Москвы не мог поддержать боярскую

¹ В. Н. Татищев. История Российская..., кн. 5, стр. 78—79.

власть в Новгороде, переживавшем последние дни существования. Слабые попытки воспользоваться этим моментом для нападения на русские порубежные места были сделаны только со стороны Ливонского ордена и Казани. Во время пребывания великого князя в Новгороде им было получено сообщение из Пскова, что немцы «хотят изгнати Псков». Тогда великий князь разрешил «охочим людям» из числа своих «воев» идти на немцев. Во время похода этого отряда в Ливонскую землю произошла встреча с магистром, который потерпел поражение: «вое» великого князя «многих избивша, полону много взяша и отъѣдоша».

Другое нападение было произведено из Казани. По сообщению Московской летописи, во время пребывания великого князя в Новгороде в Казань пришла ложная весть, будто новгородцы разбили московское войско, а великий князь был рабен и убежал «сам четверт». Ибрагим послал свою рать на Вятку, но услышав «правую весть», что великий князь взял Новгород и посадил в нем своих наместников, велел своим людям поспешно возвратиться обратно; «они же слышавше толь скоро бежаша, елико варяху в котлах еству все опрометаша». С целью наказать казаццев за это нападение Иван III весной отправил под Казань значительные силы под начальством Василия Образца, которые «новоевали» казанские волости по Волге и подвергли город обстрелу. Поднявшаяся буря и сильные дожди побудили воеводой отойти обратно. Одновременно вятчане и устюжане разоряли земли по Каме. Хан Ибрагим прислал к великому князю посла «с челобитием» и заключил мир «якоже угодно бысть великому князю»¹.

Оба нападения в 1478 г. ливонских немцев и казацких татар были относительно небольшими эпизодами в затяжной борьбе с этими беспокойными соседями. Они лишь один раз подтверждают тесную связь, существовавшую между объединительной политикой Москвы и задачами национальной обороны². Каждый крупный успех в деле укрепления русского государственного единства вызывал активизацию враждебных ему внутренних и внешних сил.

Уничтожение боярской власти в Новгороде в 1478 г. — крупное событие в истории объединения русских земель. С большой осторожностью, настойчивостью и выдержкой Иван III подготовил этот выдающийся успех, осуществленный без пролития кровл. Однако для органического включения новгородских земель в общегосударственную систему необходимо было еще произвести большую и сложную работу по уничтожению новгород-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 220—221; т. VIII, стр. 199—200.

² Это отмечает А. П р е с л я к о в. Образование Великорусского государства, стр. 429.

ской «старшины». Она держалась не столько на самостоятельной политической системе, сколько на особенностях социального строя — на крупном вотчинном землевладении, — получившем в Новгороде такое развитие, какое в это время не наблюдалось ни в одной другой части русской территории. С этой точки зрения занятие Иваном III Новгорода в 1478 г. явилось не концом, а началом многолетней борьбы за полное и окончательное торжество общерусской московской власти на бывших Новгородских землях. Поэтому в ближайшее после 1478 г. время Новгород представлял одно из наиболее уязвимых мест в системе русской обороны. Если в 1472 г. король Казимир ограничился действиями с помощью Ахмед-хана, то в 1480 г. его ответ на ликвидацию «Новгородского государства» носил значительно более серьезный характер. При его участии была сделана попытка объединения всех внешних противников Москвы. Естественно, что подготовка к этому должна была занять некоторое время. Однако уже в конце 1479 г. появились первые признаки нарастающей угрозы.

Неудача, постигшая Казимира с Новгородом, все же не лишала его возможности в ближайшее время использовать псевдовольствие в среде крупноземельного новгородского боярства и отчасти — церкви, вызванное крутой ломкой новгородской «старшины» и конфискацией земельной собственности. Еще в 1475 г., когда Иван III ездил в Новгород «миром», он «поймал» ряд крупнейших новгородских бояр, земли которых были конфискованы. В 1478 г. в результате длительных переговоров Иван III отобрал у владыки 10 волостей, а также половину земель, принадлежавших шести наиболее богатым монастырям, и все земли в Торжке.

Тревожное положение в Новгороде побудило Ивана III всего через полтора года после ликвидации боярского правительства вновь отправиться туда. Согласно сообщению большинства летописей, великий князь пошел в Новгород из Москвы 26 октября 1479 г. «миром», поручив столицу своему сыну Ивану¹. Однако Татищев сообщает из неизвестного источника

¹ После подробного описания похода Ивана III к Новгороду в 1477—1478 гг. странным кажется почти полное умолчание летописей о походе 1479 г. В своде 1480 г. кратко отмечено: «Октября 26. Князь великий Иван Васильевич поиде к Новгороду Великому миром, и стоял тогда в Новгороде на Ефимьеве дворе Медведнова» (ПСРЛ, т. XXV, стр. 326). То же — в Воскресенской, Никоновской, Львовской летописях. Новгородская 4-я летопись отмечает только, что Иван III стоял в Славне 9 недель (ПСРЛ, т. IV, стр. 457, изд. 1925 г.). Псковские летописи дают неверную дату прибытия великого князя в Новгород — 2 декабря (ПСРЛ, т. V, стр. 38). Разрядные книги также указывают, что великий князь ходил к Новгороду «миром». Повидному, эта формула носила официальный характер и из разрядных книг попала на страницы летописных сводов.

ряд интересных подробностей, которые совершенно опровергают версию о «мирном» характере похода великого князя в 1479 г.

По сведениям Татищева, причиной к этому походу послужили тайно полученные великим князем известия о подготовлявшейся в Новгороде пземе: «...яко новгородцы, забывше свое крестное целование, мнози начаша тайне колебаться, и королем лятцким и князем литовским съсылатися, зовуще его с воинствы в землю новгородскую, и король обещал итти к Новугороду, а к хану Большой орды посла звати на великаго князя, и к папе посла просить денег на подмогу, и папа деньги повеле ему взяти в Ляцкой и Литовской земле от церквей, дабы ему теми деньгами, победа великаго князя, привести Русь в их поганую латинскую веру; они же слаша к немцам, но тии отрекошася. зане не смеяху псковичь, а псковичи о том и не ведали»¹.

Стремясь соблюсти неожиданность, великий князь взял с собою только 1000 человек, известив новгородцев, что «идет на немцы». Для сохранения тайны, от Торжка и Бежецкого Верха были поставлены заставы, — «да не уведят о многом воинстве». Ивану Ивановичу «Молодому» было велено «собрав вои, вскоре посылати»². Из Торжка Иван III писал братьям, чтобы они поспешили к нему со своими ратными силами³. В Бронницах великий князь стоял две недели в ожидании прибытия остальных войск. Между тем приготовления Ивана III стали известны в Новгороде, и новгородцы «затворилися». Подойдя к Новгороду, великий князь велел «ко граду крепце приступати и из пушек бити». Среди новгородцев начались несогласия — «бысть прека». Многие из них, не желая сражаться с московскими полками, бежали к великому князю, но последний не принял их: «Аз сам опас невянным, — говорил Иван III, — и государь ваш, отворите врата, и егда вниду, тогда всех невинных

¹ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 5, стр. 79.

² В издании О. Бодянского («Чтения в Об-ве ист. и древн. росс. при Моск. ун-те», 1848, кн. 4, 59 и отдельно) вследствие неправильной расстановки знаков препинания получается иной смысл: «Князь же великий, не хотя вои много томити, поиде миром октября 26-го дня, а за собою веле сыну своему, собрав вои, вскоре посылати, глаголя: идет на немцы; и к Новугороду писал также от Торжку же и Бежецкаго: повеле заставы поставити...». Из контекста ясно следует, что слова «от Торжку и Бежецкаго» относятся не к предшествующей фразе, о посылке грамоты в Новгород, а к следующей — о постановке застав.

³ Заметив противоречие между официальной формулой похода — «мирно» — и большими военными приготовлениями, сведения о которых Татищев заимствовал из неизвестного нам источника, находившегося в его распоряжении, Татищев предложил явно неудачное объяснение: «Князь же великий, не хотя вои много томити, поиде миром...» (там же, стр. 79). Все сообщение Татищева свидетельствует об обратном — о большой поспешности в сборе ратных сил и отправлении их в поход.

ни чим не оскорблю». Между тем обстрел новгородского детинца продолжался непрерывно: «...бе бо Аристотель искусен зело». Тогда новгородцы отворили ворота детинца и вышли навстречу великому князю с просьбой о прощении. В этот же день Иван III велел схватить по составленному списку 50 «шущих крамольников». Под пыткой арестованные выдали архиепископа Феофила, который был с ними «заедин». Результаты розыска, по видимому, обнаружили, что размер подготавливавшегося заговора значительно превосходил первоначальные о нем сведения. Новгород был подвергнут суровому наказанию: более 100 человек «больших крамольников» было казнено¹. Арестованный архиепископ Феофил был отправлен в Москву, лишен сана и заключен в Чудов монастырь². Воскресенская летопись кратко сообщает о вине архиепископа: «...не хотяше бо той владыка, чтобы Новъгород был за великим князем, но за королем или за иным государем». При этом поясняется, что Феофил за то «нелюбие держаше», что великий князь взял у владыки и монастырей половину волостей и сел³.

Раскрытие заговора в Новгороде и ликвидация его последствий совпали по времени с резким обострением положения на псковско-ливонской границе. С лета 1479 г. в Ливонии происходили большие приготовления для нападения на Псков⁴.

13 августа 1479 г. Дерпт (Юрьев) запрашивал Ревель, возможно ли рассчитывать в предстоящей войне с Псковом на содействие ганзейских купцов, участвовавших в русской торговле. Из письма, отправленного через несколько дней (17 августа) из Дерпта в Ревель, мы узнаем, что на съезде представителей этих городов было решено отправить вооруженных людей на оз. Пейтус (Чудское). Испытывая недостаток в судах, дерптцы просили прислать им знающего человека, с которым можно

¹ Вслед за описанием похода на Новгород в 1479 г. В. И. Татищев сообщает о большом «выводе» новгородцев во внутренние московские уезды (1000 семей детей боярских и купцов и до 7 тысяч семей купцов и черных людей) и об искомещении на конфискованных новгородских землях московских помещиков (В. И. Т а т и щ е в. Указ. соч., стр. 80). Повидимому, это сообщение должно быть отнесено к известному «выводу» 1488—1489 гг.

² Архиепископ Феофил был арестован 19 января 1480 г. и отправлен в Москву 24 января (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 266). В отреченной грамоте Феофил писал, что он познал «убожество своего ума и великое смятение своего неразумия» (РИБ, т. VI, ч. I, ст. 745—748).

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

⁴ Тридцатилетний мир, заключенный в 1474 г. при московском посредничестве между Псковом и Новгородом, с одной стороны, и Ливонским орденом — с другой, стал нарушаться немцами еще в конце 70-х гг. Весной 1478 г. магистр арестовал псковских гостей. Гости были освобождены после длительных переговоров, но товар их не был возвращен. В сентябре псковичи ходили в немецкую землю «метити» и захватили большой полон (ПСРЛ, т. IV, стр. 262).

было бы решить, сколько еще нужно построить кораблей и сколько надо приобрести оружия.

7 января 1480 г. магистр Ордепа, уведомляя Ревель, что командир Мариенбурга сжег русский замок¹, просил Ревель во-время выслать вспомогательное войско для предстоящего похода к Пскову и возможно скорее отправить городских послов к Ганзе. В письме в Ревель от 14 апреля магистр, настаивая на высылке обещанных людей, объяснял, как важно для Лифляндии обладание Чудским озером (Пейпус)².

Переписка между балтийскими городами и магистром Ордена, а также сообщения хроники Рюссона не оставляют сомнения в том, что дело шло не о мелкой пограничной войне, а о вторжении в земли Псковско-Новгородской области большого войска с участием Ганзы и крупных отрядов немецких наемников. По словам Рюссона, магистр Бернгард фон дер Борх «собрал такую силу народа против русского, какой никогда не собирал ни один магистр ни до него, ни после...»³

Первое крупное нападение немцев на Псковскую землю произошло 1 января 1480 г. (в день «обрезания господнего»). Люди магистра и архиепископа «изгоном» взяли Вышгородок, сожгли городскую стену и церковь и «мужей, и жен, и деток малых мечи изсекли». При этом, как сообщает Псковский летописец, в городке пало 50 немцев, кроме погибших в огне. Известие о нападении было получено в Пскове ночью; Посадники дважды в эту ночь созывали вече, на котором было решено дать с каждых четырех сох по конному воину. Когда на следующий день псковичи подошли к городищу, немцы уже «прочь в землю свою побегоша». Вскоре нападение немцев повторилось, но уже в значительно большем размере. 20 января немцы подошли к Гдову «со многим замышленпем» и, окружив город, стали бить в него из пушек; в это время другая немецкая рать сожгла посад под городом и стала разорять его окрестности. Тогда Псков обратился за помощью к великому князю, паходившемуся в Новгород. В Псков был прислан с людьми воевода князь Андрей Никитич Оболенский. Соединенная псковско-московская рать направилась от Изборска к «великому озеру» (Чудскому), к немецкому «костру» (замку), который был сожжен. Затем войска дошли до Юрьева, откуда возвратились обратно «со многим добытком»⁴.

¹ Повидимому, Вышгородок (ПСРЛ, IV, стр. 262).

² Герм. Гильдебранд. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах, СПб., 1877, № 310—316.

³ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II, Рига, 1879, стр. 287—288.

⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 262—263.

Пребывание Ивана III в Новгороде было неожиданно превращено открытым мятежом, поднятым двумя братьями великого князя: Борисом и Андреем «Большим».

Получив об этом известие от своего сына Ивана, великий князь «вборзе» отправился в Москву, куда вернулся перед «великим заговейном» — 13 февраля¹. Так как переезд от Новгорода до Москвы должен был занять около недели, то можно предположить, что известие о выступлении братьев было получено великим князем в первых числах февраля, т. е. вскоре после ареста Феофила. Князь Андрей «Большой» направился в Углич, где до масляной недели поджидал брата Бориса. По прибытии последнего из Волоколамска оба брата направились через Тверскую землю в Ржев, куда заранее были отправлены княгиня и дети Андрея. Из Ржева князь вместе с семьями и своими дворами (боярами и лучшими «детьми боярскими») направились вверх по Волге в Новгородские волости. Посланный великим князем для переговоров с мятежными братьями архиепископ Вассиан Рыло нагнал князей в Молвятинах, а «они идут к Новгороду». Однако совершенно понятно, что после ареста Феофила и мер, принятых великим князем для укрепления Новгорода, мятежные князья изменили первоначальное предположение и направились не к Новгороду, а к литовскому рубежу. Остановившись в Луках Великих, они обратились к Казимиру с просьбой, чтобы король «их управил в их обидах с великим князем и помогал». По русским летописным источникам, король их «отмолвил», но князьям дал «на избылице» город Витебск. Это сдобрение кажется вполне правдоподобным. Во время двукратных переговоров с архиепископом Вассианом братья отказывались примириться с великим князем, несмотря на обещание последнего придать к «отчине» Андрея два города на Оке: Калугу и Алексин. Однако вскоре после этого отказа Андрей и Борис прислали в Москву «бити челом диаков своих», но на этот раз великий князь «отмолвил им и не приат челоу бития их»². Такая перемена в поведении обеих сторон, разумеется, не могла быть случайной. Она хорошо объяснима, если учесть сообщение летописи об отказе Казимира в активной поддержке русских князей.

Труднее при недостатке фактических данных установить причину отказа со стороны Казимира, которому, казалось бы, представлялся удобный случай для вмешательства в русские дела. Между тем на благоприятное отношение Казимира к мятежу великокняжеских братьев указывает согласие предоставить их семьям «на избылице» город Витебск. Легче всего объяснить

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 316 (изд. 1925 г.).

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

поступок Казимира тем, что он находил свое выступление преждевременным. Готовясь нанести удар совместно с Ахмед-ханом, король, естественно, должен был дожидаться своего союзника, который мог появиться только летом, так как татары обычно избегали зимних походов, неудобных и тяжелых для конницы.

Есть все основания полагать, что уже зимой 1479/80 г. Ахмед-хан готовился к нападению. После рассказа о двукратной неудачной попытке Вассиана Ростовского к Андрею и Борису в летописи следует сообщение о появлении татар вблизи Оки: «В то время славяше царя нашествие иноплеменник, князь же великий отпусти въевод своих к берегу противу татаром; татарове же пришед Беспуту¹ поймаша и отыдоша, а князь великий отпусти к берегу на Оку сына своего, великого князя Ивана, и брата своего меньшого князи Андрея, с всеми силами, да князя Василиа Михайловича»². Так как великий князь находился в это время в Москве, то появление татар следует отнести ко времени после 13 февраля. Таким образом, в Москве заранее стало известно о готовящемся походе Ахмед-хана («славяше царя нашествие»), но татары ограничились только разведкой правого берега Оки³.

Мятеж, поднятый Борисом и Андреем «Большим», носил, несомненно, серьезный характер и грозил повторением внутренней феодальной войны, бывшей при Василии Темном. Основные причины столкновения Ивана III с братьями лежали в области противоречий, вызванных развитием общегосударственной власти великого князя при наличии пережитков старого порядка, выражавшегося в дроблении власти между членами великокняжеской семьи. Братья Ивана III защищали неприкосновенность суверенитета своих удельных владений с присущими им характерными чертами феодальных «полугосударств» и рассматривали территорию великокняжеского владения как вотчину великого князя, каждое изменение которой требовало нового передела. При этом изгнание не только выморочный удел Юрия Васильевича, умершего в 1472 г., подлежал разделу между остальными братьями, но такому же разделу должны были подвергнуться новые территориальные приобретения великого княжения. Поэтому ликвидация самостоятельности Новгород и переход всей его огромной территории под власть великого князя, который не поделится ею со своими братьями, вызвал со стороны последних особенно острое недовольство. Эти предста-

¹ Волость Тульская.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

³ Слова «славяше царя нашествие» следует поставить в связь с началом рассказа о походе Ахмед-хана: «...приде весть к великому князю, яко до плъна царь Ахмат идет со всею Ордою» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 204—205).

вления, от которых веяло духом отходившей старицы, с полной ясностью переданы в летописи в горьких упреках Бориса Васильевича по адресу великого князя: «...что какову силу чинит пад ним, что неволно кому отъехати к ним; они ему молчали, князь Юрий умер, брат их старейший, и князю великому вси отчина его досталася, а им подела не дал из тое отчины; Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него; а нынеча и zde силу чинит, кто отъедет от него к ним, и тех безсудно смлет, уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забыл, как написал по чему им жити: ни докончания, что на чем кончали после отца своего»¹.

Мятеж, поднятый братьями, и угроза нападения на столицу с юга должны были отвлечь внимание великого князя от псковско-новгородского рубежа. Повидимому, в Москве в отсутствие Ивана III даже опасались возможной попытки со стороны мятежных князей захватить столицу или подмосковные города: «...быша бо в страхе велице от брати его, все грады быша в осадах, и по лесом бегаючи мнози мерли от студени, без великого князя»². В этих условиях требовался спешный сбор ратных сил для защиты Москвы, вызвавший отвод из Новгорода и Пскова посланных туда войск, в числе которых находился и полк великого князя.

После того как войско, присланное Иваном III из Новгорода по челобитью Пскова с воеводой Андреем Никитичем, возвратилось из похода под Юрьев «со многим добытком», московский воевода только три ночи оставался во Пскове, а затем со всем войском неожиданно отправился в Москву. Псковский летописец в недоумении объясняет этот поступок, имевший тяжелые последствия для Пскова, гневом воеводы на псковичей. Псковичи послали за воеводой двух своих посадников, которые нагнали его около Порхова. Но воевода «не прияша псковского челобитья»³.

Предложенное Псковским летописцем объяснение не может считаться убедительным, тем более, что летопись сама не сообщает причины недовольства московского воеводы. Иван III, как известно, смотрел на Псков как на свою отчину и ревниво защищал ее от нападений со стороны Ливонии или Литвы. Для времени Ивана III представляется совершенно невероятным самовольный уход воеводы с войсками из-за личной обиды из порубежного города, который ему было поручено защищать. Повидимому, спешный уход московских войск из Пскова был вызван распоряжением великого князя, собравшего свои силы для защиты столицы и для противодействия братьям.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 222.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

³ 1-я Псковская летопись, стр. 77.

Немцы немедленно воспользовались ослаблением обороны Пскова: «...того же лета услышавше немцы, что воеводы выехали изо Пскова на Москву, и приеха местер с немцы с великим замышлением к городку Изборску, и побегоша прочь от городка, а городка бог улюбде и святыи Николае»¹.

Неудачи, постигшие немцев во время нападения на псковские пригороды в январе и феврале, не остановили Орден от дальнейших военных приготовлений. Не ограничиваясь местными средствами, магистр надеялся привлечь к участию в войне с русскими немецкие вепдские города (Любек, Гамбург, Висмар, Росток и др.). О переговорах с уполномоченными этих городов мы узнаем из донесений послов Риги, Дерпта и Ревеля магистру от 5 апреля 1480 г. Ливонские послы сообщили вепдским городам, что они пришли «искать утешения и помощи против отступников от христианства (русских. — К. Б.), так как русские чинят убийства и пожары точно так, как и в прежнее время, у эстов». Очевидно, в качестве предлога для этой жалобы, пытавшейся представить русских как зачинщиков войны, послужил поход князя Андрея Оболенского, отпущенного «на немец» Иваном III из Новгорода. Ливонские послы просили у Любека 2 тысячи воинских людей на собственном содержании и продовольствии, а также вооружение и снаряжение, которое должны были доставить кушцы, производившие торговлю в Ливонии. Однако просьба о предоставлении военной помощи не встретила особого сочувствия ни у любчан, ни у других вепдских городов. Все дело ограничилось предоставлением сроком на пять лет особой пошлины с товаров, привозившихся морем в Ригу и Ревель («сотый пенязь»), «чтобы поддержать в нужде нашего милостивейшего магистра против еретического русского народа»².

Нападение немцев на псковские городки и волости возобновилось в конце лета 1480 г. В августе, в то самое время, когда Ахмед-хан подходил к Оке, в Псковскую землю вторглось крупное войско во главе с магистром Бернгардом фон дер Борх. Хроника Руссова сообщает: «...этот магистр, быв вовлечен в войну с русскими, ополчился против них и собрав 100 000 человек войска из заграничных и туземных воинов и крестьян, с этим народом он папал на Россию, опустошительно прошел по этой стране и выжег предместье Пскова, ничего более не сделал»³.

Немцы «в велице силе» подошли к Изборску 18 августа. В течение двух дней они безуспешно пытались взять город, близи

¹ 1-я Псковская летопись, стр. 77.

² Полный перевод этого дознания, хранящегося в Ревельском архиве, напечатан в «ЧОИИДР», 1900, кн. 3.

³ Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II, стр. 287.

по нем из пушек и пытались посредством «примета» поджечь городские стены, но успеха не имели. 28 августа магистр со всем войском подошел к Пскову и разбил лагерь на поле за р. Великой (на Завелицком поле). На следующий день к ним присоединились юрьевцы (городское войско Дерпта), прибывшие на 23 боевых шнеках. Псковичи успешно отбивали все приступы, отняли одну шнеку, а другую разбили. По поводу тяжелого положения Пскова, предоставленного собственным силам, Псковская летопись сообщает, что многие гонцы были посланы из Пскова к великому князю «со многою печалью и тугою»¹. После пятнадцатидневной осады, не добившись никаких результатов, магистр отошел от Пскова.

Таким образом, поход магистра с главными силами в Псковскую землю произошел в конце августа — начале сентября, т. е. в то самое время, когда войска великого князя стояли на Оке в ожидании Ахмед-хана. Впоследствии Иван III, покончив с Ахмед-ханом, послал воевод на немцев и магистра «за их неисправление, что они приходиша ратью на его отчину на Псков, егда царь на Угре стоял и братица отступили от великого князя»².

Мы не располагаем прямыми свидетельствами о существовании соглашения между магистром и Ахмед-ханом, хотя возможность его не исключена. Но во всяком случае в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы, находившейся под угрозой двойного нападения, и стремились воспользоваться благоприятными обстоятельствами для покорения Пскова.

При этом Орден, повидимому, рассчитывал на военную помощь со стороны Казимира. Жалуясь королю на вероломное поведение магистра, который, несмотря на заключенный мир и крестное целование, пошел на Псков — «на отчину великих князей», — псковичи писали: «...пыпча нам слышанье, што ден князь местер тебе, пашему господину, честному великому королю, бьет чолом на отчину великих князей, на Псков, а просит у тебе силы у помоч на Псков, а сам будучи вповат перед Псковом»³.

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 264.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 214.

³ Литовская метрика, РИБ, т. XXVII, ст. 341—343. Посольство к великому князю Казимиру от Пскова через псковских посадника Василия Логиновича и боярина Юрия Ивановича. Документ не датирован, но, несомненно, относится ко времени нападения магистра на псковские волости весной 1480 г. В грамоте сообщается, что немцы сожгли два псковских пригорода. В Псковской 1-й летописи есть известие, что немцы в конце февраля или в начале марта сожгли городки Островцы и Кобылей и пожгли волости (Псковская летопись, вып. 1, изд. АН СССР, стр. 77). Ответная грамота короля на псковские жалобы датирована 13 пидиктом, т. е. 1480 г.

Осенью 1480 г. Иван III стоял перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами в Лифляндии и Эстляндии (Рига, Ревель, Дерпт), Казимира, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со всей Большой Ордой. Тяжесть положения усугублялась мятежом двух братьев, т. е. опасностью внутренней феодальной войны, которая должна была великому князю напоминать кровавую смуту, поднятую в годы его детства галлицкими князьями. В течение всего великого княжения Ивана III положение его не было более сложным и трудным, чем в эти осенние месяцы 1480 г.

5

Поход Ахмед-хана на Угру, закончившийся его бегством и гибелью в придонских степях, произвел весьма сильное впечатление на современников. Интерес к этому крупному событию долго не ослабевал в московском обществе и отразился в ряде летописных текстов конца XV и первой половины XVI в., посвященных «Угорщине». Они заключают ряд противоречивых сведений, относящихся к неудачному походу Ахмед-хана, и содержат различные оценки поведения Ивана III, которые отразились на всей последующей исторической литературе. Наиболее тенденциозно враждебное отношение к Ивану III и к его жене — «римлянке» — выражено в рассказе Софийской 2-й летописи. Еще Карамзин, встретив в летописи упреки Ивану III в трусости, пытался оправдать недостаток личного мужества великого князя его крупными достоинствами как государственного деятеля. Соловьев ограничился подробным пересказом летописных известий, не подвергая их сомнению. Между тем совершенно ясно, что в летописных рассказах, посвященных данному событию, отразилось различное отношение к Ивану III и что эта тенденциозность может быть раскрыта лишь в результате критического анализа соответствующих текстов.

Мысль Карнова о наличии официального и неофициального рассказов о походе Ахмед-хана на Угру была развита И. А. Тихомировым. По его мнению, этот рассказ был взят из недошедшей до нас частной летописи: «В эту частную летопись, — пишет автор, — записывались известия с прибавлением слухов, циркулировавших по поводу того или другого случая, с прибавлением объяснений того или другого обстоятельства, с выражением симпатий или антипатий к тому или другому лицу»¹.

¹ И. А. Тихомиров. Обзорные составы Московских летописных сводов, стр. 82 (Летопись занятий Археографической комиссии 1885—1887 гг., в. 10, СПб., 1895).

Эти выводы И. А. Тихомирова, как и вся его работа о московских летописных сводах, подверглись, особенно с методологической стороны, серьезной критике со стороны А. Шахматова. Основной и вполне справедливый упрек последнего состоял в том, что И. А. Тихомиров рассматривал каждый летописный свод самостоятельно, не устанавливая связи между ними. Между тем летописные тексты с рассказом о походе Ахмед-хана дают возможность сделать ряд важных наблюдений, устанавливающих взаимоотношение между ними и позволяющих выделить наиболее близкие к протографу.

Соглашаясь с мнением И. А. Тихомирова о существовании двух основных источников летописных рассказов о походе Ахмед-хана, А. Шахматов считал, что одним из них был Хронограф, а другим — особая летопись, представлявшая собой соединение Софийской 1-й летописи с продолжением до 1488 г. Этим, говорит Шахматов, устраняется обозначение данных источников терминами «официальной» и «неофициальной» летописи.

Хронограф в редакции 1508 г. явился протографом для «Русского временника». В «Русском временнике» сохранился почти без изменений тот первоначальный рассказ, который, с одной стороны, лег в основание рассказа Львовской летописи, а с другой — довольно точно сохранился в Синоподальном списке № 280 Новгородской 4-й летописи и в списке Софийской 1-й летописи. Кроме того, составитель Львовской летописи произвел ряд заимствований из особого списка Софийской 1-й летописи. Из протографа Львовской летописи рассказ о походе на Угру попал в Софийскую 2-ю летопись, но с некоторыми пропусками по сравнению со Львовской летописью. Составитель Воскресенской летописи пользовался как источником рассказом Софийской 2-й летописи (или Львовской), но выпустил те листы, которые казались позорными для памяти Ивана III и его супруги Софьи. В этом, по мнению Шахматова, сказались официальный характер Воскресенского свода. Никоновская летопись заимствовала весь рассказ «О Угорщине» из «Русского временника» в первоначальной его редакции 1533 г., и поэтому ей удалось избежать всяких намеков и сообщений, враждебных великому князю¹.

Проследив историю текста о походе на Угру по ряду Московских летописных сводов, А. Шахматов в данной своей работе все же не определил более точно происхождение первоисточников, т. е. рассказа в Хронографе 1508 г. («Русском временнике») и продолжении к Софийской 1-й летописи. К этому вопросу

¹ А. Шахматов. Разбор сочинений И. А. Тихомирова: «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» (Отчет о сороковом приращении награды графа Уварова), СПб., 1896.

А. Шахматов вернулся в 1904 г. в работе «Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод». Изучая Ермолинскую летопись, Шахматов пришел к выводу, что в основу ее был положен Ростовский владычный свод. По его мнению, летопись в Ростове велась непрерывно, по крайней мере во второй половине XV в. Время от времени она подвергалась литературной обработке под влиянием московского митрополичьего летописания, в результате которой появлялись различные редакции Ростовского владычного свода. Одна из таких редакций была составлена в 1472 г. при архиепископе Вассиане Рыло.

Вассиановская редакция послужила основанием для последующих обработок и дополнений Ростовского владычного свода. При «владыке» Тихоне (1489—1503) были составлены две редакции — одна около 1491 г., а другая — около 1499 г. Вторая Тихоновская редакция, положившая в основание первую Тихоновскую редакцию, отличалась от Вассиановской приближением к Московскому княжескому своду. Кроме того, вторая Тихоновская редакция воспользовалась и теми известиями Ростовской летописи, которые для XV в. были опущены в Ростовском владычном своде Вассиановской и первой Тихоновской редакций. К числу этих известий относится описание пагубы Ахмата (Ахмед-хана), которое, по предположению Шахматова, было сделано самим Вассианом. Последний, пишет Шахматов, сидел в осаде в Москве, он обличал трусость великого князя и боролся против напештывавших недостойных его советников, «злых человек, серебролюбец, богатых и брюхатых и предателей христианских, а норовников бессерменских», он же составил знаменитое послание на Угру, где проявил сильное патриотическое чувство и вместе с тем выдающийся литературный талант».

Вторая Тихоновская редакция Ростовского владычного свода легла в основание протографа Львовской и Софийской 2-й летописей с дополнениями по другим источникам, особенно в части, относящейся к XV в., а также Тверского сборника. Эта же редакция отразилась прямо или косвенно в Воскресенской и Типографской летописях¹.

Таким образом, летописный рассказ, содержащий оскорбительные выражения по отношению к Ивану III и Софье, который А. Шахматов в первой своей работе относил к особой летописи (Софийская 1-я с дополнениями до 1488 г.), он в результате дальнейшего исследования определял как запись, сделанную очевидцем и активным участником событий 1480 г. ростовским архиепископом Вассианом Рыло. Вполне понятно, что этот вывод,

¹ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. (Изв. отд. русск. языка и словесности АИ, 1904, т. IX, кн. I).

если бы он подтвердился, имел бы исключительно большое значение для оценки степени достоверности данного рассказа как первоисточника для изучения похода Ахмед-хана на Угрю. Однако нам кажется, что соображения Шахматова в этой части исследования не являются убедительными и что вопрос о происхождении данного рассказа остался неразрешенным и после его работ.

Значительно ближе А. Шахматов подошел к выяснению происхождения второго источника, лучше всего сохранившегося в «Русском временнике», протографом для которого он считал Хронограф в редакции 1508 г.

Особенно большое значение имел вывод Шахматова о существовании Московской летописи, составленной в 1479 г. Изучая так называемую Ростовскую летопись, Шахматов пришел к заключению, что этот свод был составлен в Новгороде в 1542—1548 гг. на основании Новгородского летописного свода, доведенного до 1539 г., и Московского свода, доведенного до 1479 г. с приложенными к нему дополнительными статьями, заключавшими между прочим и послание Вассиана к Ивану III в 1480 г.¹

Предположение Шахматова о существовании двух указных источников так называемой Ростовской летописи вполне подтвердилось в результате находки списка Новгородской летописи Дубровского (Новгородский свод 1539 г.) и Эрмитажного списка, оказавшегося тем Московским сводом, который извлекается из так называемой Ростовской летописи после исключения из него новгородских известий, т. е. свода 1539 г., представленного списком Дубровского. По мнению Шахматова, это был Московский свод 1479 г.

Эрмитажный свод представляет собой весьма неисправный список XVIII в., обрывающийся на рассказе о походе Ивана III на Новгород в 1477—1478 гг. М. Н. Тихомиров обнаружил в б. Уваровском собрании ГИМ (№ 1366) список этой же летописи, который может быть отнесен к первой половине XVI в. Этой находкой вопрос о существовании московского летописного свода, составленного в конце XV в., следует считать окончательно разрешенным².

Основная тенденция рассказа о походе на Угрю заключается в чудесном избавлении Руси благодаря молитвам церкви от

¹ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи, М., 1904.

² Вопрос о времени составления этого свода требует дополнительного исследования. Нам представляется, что основная часть его была закончена в 1479 или в 1480 г.; последняя дата кажется более вероятной. Поэтому в дальнейшем мы его условно называем Московским сводом 1480 г. В настоящее время издаи в XV томе Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).

нашествий, причем особенно подчеркивается роль митрополита Геронтия. Имя его упоминается в четырех случаях, тогда как ростовский владыка Вассиан упомянут только один раз в связи с «печалованьем» за мятежных братьев великого князя. Характерно, что в этом рассказе ничего не сказано ни о посылке церковной депутации на Угру, в которой деятельное участие принял Вассиан, ни об известной грамоте Вассиана Ивану III. С другой стороны, в рассказе при сдержанном отношении к Ивану III проскальзывает явное недоброжелательство к Софье и по отношению к ней допущены такие выражения, которые никак не могли иметь места в официальной великокняжеской летописи: «Тое же змы прииде великая княгиня Софья из бегов, бе бо бегала за Белоозеро и з боярынями от татар, а не гонима никем же, и по которым странам ходила, тем стало пуще татар от боярьских холопов, от кровопивцев крестьянских, въздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их дажь им, господи»¹. Для церкви Софья всегда оставалась «римляшкой», т. е. воспитанницей католического Рима, бывшей до приезда в Москву католичкой. Сдержанный, но с некоторым оттенком осуждения, тон рассказа митрополитского свода по отношению к самому Ивану III может в некоторой степени быть объяснен ссорой между митрополитом и великим князем, вызванной известным эпизодом при освящении Успенского собора 12 августа 1479 г. Запрещение великого князя освещать новые церкви было отменено только во второй половине 1481 г. Эта размолвка достигла высшего предела вскоре после возвращения великого князя с Угры, когда Геронтий на время даже оставил митрополитскую кафедру. Поэтому в митрополитской летописи вполне понятно было стремление подчеркнуть заслуги митрополита в противоположность перешителю поведению великого князя.

Сравнение Московского свода 1480 г. с «Русским временником» показывает, что эти наиболее близкие друг к другу летописи восходят к общему протографу, причем Уваровский список свода 1480 г. сохранил более древний, хотя и сокращенный, текст, тогда как в «Русском временнике» он сохранился в позднем и неисправном списке, но в более полном виде. В самом деле, в «Русском временнике» сохранился ряд дополнений, отсутствующих в Уваровском списке свода 1480 г., в котором были произведены соответствующие сокращения.

Так, в Уваровском списке отсутствует описание перенесения из Владимира иконы Владимирской богородицы, встреченной в Москве 22 июня митрополитом Геронтием со всем «освященным собором». Далее, в Уваровском списке пропущено известие

¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 315.

о «чуде» со свечой, которая якобы сама собой зажглась после отъезда великого князя на Угру в Успенском соборе, у гроба митрополита Петра: «...митрополит же Геронтий молебная пев пречистой богородицы, и свечи оныя воцаницу нарядив посла к великому князю на Угру со святою водою». Нет в Уваровском списке и сообщения о переводе дмитровцев в осаду в Переславль, а «строев» — из Москвы в Дмитров. Но особенно ясно сокращение, произведенное именно в Уваровском списке, в рассказе о злых советниках великого князя:

*Уваровский список свода
1480 г.*

... а слушая злых человек сребролюбцев богатых и брюхатых предателей хрестьянских, а норовников бесермелских, иже советуют государю на зло хрестьянское, глаголюще: поиди прочь, не можеш стати на бой, сам бо дьявол тогда усты Мамоновы глаголаше, той же древле вшед возми и прельсти Адама и Еву.

Русский временник

... а слушая злых человек сребролюбивых и богатых и брюхатых предателей хрестьянских, а норовников бесермелских, иже советуют государю на зло хрестьянское, глаголюще: поиди прочь, не можеш стати с ними на бой. Князь же великий слушаше советников своих Ивана Васильевича Ощеры, да Григорья Андреевича Мамоны, иже мать его князь Иван Андреевич Можайской за волшебство сжег: те бо бяху богаты, и думаше великому князи отъити к Москве.

Указание Уваровского списка на «Мамоновы уста», посредством которых говорил сам дьявол, носит характер мало понятного намека, который раскрывается в тексте «Русского временника»; здесь сообщается полное имя «злых советников» великого князя и приведены данные о волшебстве матери Григория Мамоны, что и дало повод автору Уваровского списка вспомнить дьявола, прельстившего Адама и Еву.

Однако в Уваровском списке свода 1480 г. также можно отметить некоторые существенные подробности, отсутствующие в «Русском временнике».

Так, начало рассказа о походе Ахмата в Уваровском списке читается так: «Того же лета злоименити царь Ахмат Болшия Орды по совету братьи великого князя Андрея и князя Бориса поиде на православное хрестьянство на Русь на святые церкви и на великого князя, похваляся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко ж при Баты беша. А слышав, что братия отступшиа от великого князя, а король польский Казимер с царем Ахматом съединис...» В «Русском временнике» пропущена фраза: «по совету братьи великого князя Андрея и князя Бориса». Если бы это указание на непосредственные сношения братьев Ивана III с Ахмедом нахо-

дилось в протографе, то стало бы совершенно излишним сообщением, что хан Ахмед услышал, будто братья отступились от великого князя; ведь их совет Ахмеду идти на великого князя уже предполагал полный разрыв между Иваном III и его братьями.

Между тем это указание, сохранившееся в Уваровском списке, а также в некоторых других летописных сводах, находится в прямой связи с обвинением, брошенным Иваном III своему брату Андрею «Большому» в 1491 г., когда он велел его «изымати» и посадить в заточение. Среди других измен своего брата Иван III упоминал и о его поведении во время прихода Ахмеда: «...да посылал грамоты свои к царю Ахмату Большие Орды, приводя его на великого князя на Русскую землю ратию»¹.

Таким образом, можно предполагать, что данная фраза, отсутствующая в протографе Уваровского списка и «Русского временника», является вставкой в Уваровский список свода 1480 г.

Другим важным отличием «Русского временника» от Уваровского списка является рассказ о поведении великой княгини Софьи. Уваровский список излагает его с пессимистическим и неприязненным к великой княгине: «Тое же зимы прииде великая княгини Софья из бегов, бе бо бегала за Белоозеро и з боярынями от татар, а не гонима никым же, и по которым страпам ходила, тем стало лучше татар от боярских холопов, от кровопивцев крестьянских. Воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начпнания их, по делом руку их даждь им, господи». Вместо этой фразы в «Русском временнике» стоит краткая сухая запись, очень напоминающая стиль разрядных записей: «Тоя ж зныи прииде з Белоозера великая княгиня Софья, была бо отсылана татарского ради страха, а были с нею на Белоозере Василей Борисович Тучко, да Андрей Михайлович Плещеев, да дьяк Василей Долматов». Заменяя один текст о бегстве Софьи с ее осуждением другим, составитель этой части «Русского временника» должен был где-то внести добавление об отъезде Софьи из Москвы по повелению великого князя. Он это сделал в том месте, где сообщалось о приведении Москвы в осадное положение, но при этом своей вставкой разорвал первоначальный текст: «а в осаде во граде Москве сел митрополит Геронтие, да великая княгиня ипока Марфа, да князь Михайло Андреевич Верейской, да наместник московской князь Иван Юрьевич, а великую княгиню Софью отпусти на Белоозеро, да на Москве ж во осаде дьяк Василей Мамырев и множество народа».

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 231.

Подводя итог сделанным наблюдениям над текстом Уваровского списка и «Русского временника», можно указать на следующие главные отличия протографа этих летописей:

1. В протографе находились дополнительные по сравнению с Уваровским списком летоисчисления 1480 г. известия церковного характера, сохранившиеся в «Русском временнике». В частности, следует отметить посылку митрополитом Геронтием особой депутации к великому князю на Угру.

2. В протографе содержалось резкое осуждение великой княгини Софьи за ее «бегство» из столицы на Белоозеро, а также осуждалось своевольство боярских холопов.

3. В протографе были указаны имена лиц, советовавших Ивану III не вступать в бой с татарами: Иван Васильевич Оцера и Григорий Андреевич Мамона.

Важной особенностью протографа летописного рассказа о приходе Ахмеда, сохраняющейся во всех летописных сводах, использовавших этот протограф, является точная датировка событий, повидимому, заимствованная из разрядных записей: 8 июня великий князь отпустил своего сына Ивана «Молодого» в Серпухов. 23 июня (по некоторым спискам 23 июля) сам отправился к Коломне, у которой стоял до «Покрова»; 30 сентября — возвращение великого князя в Москву, 3 октября — отъезд к войскам на Угру.

На основании изложенных наблюдений мы предполагаем, что основная летописная запись о приходе Ахмед-хана в 1480 г. была сделана в митрополичьей канцелярии вскоре после описанных событий. Поэтому наиболее близкие к протографу тексты «Русского временника» и Уваровского списка Московской летописи 1480 г. являются ценным источником.

Перейдем теперь ко второму источнику, который Шахматов считал частью Ростовской владычной летописи и приписывал ростовскому архиепископу Васспану Рыло.

Этот источник лучше всего сохранился в Софийской 2-й и в Львовской летописях. Текст Софийской 2-й летописи разделяется на две части посланием Васспана Ростовского. В первой части рассказ доводится до отхода великого князя, под влиянием злых советников, к Боровску. В этой части в качестве основного источника была использована Московская летопись 1480 г., переработанная на основании некоторых других источников.

Во второй части воспроизводится тот враждебный Ивану III рассказ, который в более полном или сокращенном виде вошел в ряд летописных компиляций. Благодаря механическому соединению разных источников свод Софийской 2-й летописи не избежал повторений и противоречий. В первой части, в соответствии с основным источником, сообщается о поездке Ивана III в Москву из Коломны. Во второй части, в соответствии со вто-

рым источником (повестью, враждебной Ивану III), вновь рассказывается о приезде в столицу великого князя, оставившего «всю силу у Оки на березе» и повелевшего преждевременно сжечь Кашпру. В первой части сообщается, что отход к Боровску был вызван советом «злых человек сребролюбцев, богатых и брюхатых, и предателей хрестьянских, а цоровпиков бесерменьских». Во второй же части этот совет (Ивана Васильевича Ощеры и Григорья Андреевича Мамоны) отнесен к пребыванию великого князя на Оке. Дальнейшее изучение данного текста приводит нас к выводу, что в основе его лежит самостоятельная литературная повесть, проникнутая тенденциозно-враждебным отношением к Ивану III.

В противоположность точной датировке событий в рассмотренном выше летописном тексте, «повесть» дает крайне путаное изложение с явными противоречиями и искажениями.

Так, пребывание великого князя в столице после возвращения из Коломны заняло всего лишь трое суток (30 сентября — 3 октября). По словам же повести, Иван III, не решаясь въехать в Кремль, — «бояся гражаи мысли злыя поимания», — прожил в подгородном московском Красном сельце две недели. Превращение трех суток в четырнадцать дней было необходимо автору, чтобы, во-первых, показать нерешительность и трусость Ивана III, а во-вторых, ввести известный эпизод о двукратном вызове в Москву великим князем своего сына Ивана «Молодого».

Между тем приезд Ивана в столицу вызывался, с одной стороны, необходимостью закончить переговоры о примирении с братьями, а с другой — привести Москву в состояние готовности к осаде, на случай, если бы Ахмеду или Казимиру удалось прорваться к столице. Этот кратковременный отъезд великого князя от войск никакого ущерба военному положению не нанесил. По сообщению летописи 1480 г., Иван III уехал в Москву после того, как выяснилось, что Ахмед направился в Литовскую землю и великий князь велел своему сыну Ивану и брату Андрею «Меньшому» идти с войсками к Калуге. Это сообщение подтверждается последующими известиями и расчетом времени. Когда после трехдневного пребывания в Москве Иван III приехал на Угру, он уже застал там своего сына и брата, а также все войска, перешедшие из Коломны, Серпухова и Тарусы. Легко видеть, что этот переход (около 240 км) должен был занять не менее 10 дней; следовательно, он начался до отъезда великого князя из Коломны в Москву.

В связи с этой обстановкой рассказ «повести» о пререканиях между Иваном III и его сыном Иваном «Молодым» лишается всякого доверия. Во время трехдневного пребывания в Москве совершенно невозможно было бы успеть дважды послать за

сыном, причем посланные должны были сделать в обе стороны четыре конца. Никакой непосредственной опасности в это время Москве не угрожало; Ахмед даже не подходил близко к Оке. Слова автора «повести», что Иван «Молодой» «мужество показа, брань приа от отца, а не еха от берега, а хрестьянства не выда», как и слова якобы сказанные самим Иваном «Молодым» на предложение отца приехать к нему в Москву: «...леть ми zde умрети, нежेलи ко отцу схати», — совершенно не оправдываются данной обстановкой.

Таким же не заслуживающим доверия представляется сообщение «повести» о враждебной встрече Ивана III, якобы устроенной московским населением и «духовным отцом» великого князя архиепископом Вассианом. Последний будто бы называл великого князя «бегуном» и говорил ему: «вся кровь на тебе падет хрестьянская, что ты выдав их бежишь прочь, а боя не поставя с татары и не бився с ними; а чему боишься смерти? не безсмертен сси человек, смертен; а без року смерти нету ни человеку, ни птице, ни зверю; а дай сею вои в руку мою, коли аз старый утулю лице против татар». Если население, не осведомленное о положении дел, еще могло неправильно понимать причину появления великого князя в столице, то этого никак нельзя ожидать от Вассиана, одного из ближайших к великому князю людей. Вассиан не мог не знать ни того, что хан Ахмед находился еще далеко от Оки, ни главной цели приезда великого князя — соглашения с братом, чему сам Вассиан много содействовал.

Неприкрытая тенденциозность «повести» при отсутствии в ней хронологической точности и достоверности в сообщении важнейших фактов лишают ее ценности как исторический источник. По характеру содержания и литературной форме «повесть» является не летописной записью, а политическим памфлетом, написанным значительно позже описанных событий.

Вопрос о том, кто был автором этой повести, давно привлекал внимание исследователей. Еще Соловьев высказал предположение, что повесть мог написать известный дьяк Ивана III Федор Курицын, ездивший в 1482 г. в Венгрию к королю Матвею Корвипу. Основанием для этого предположения служит то место «повести», где автор сообщает, что он видел «своими очима грешныма великих государь, избегших от турков со именем и скитающесе яко страннии и смерти у бога прясящих яко мздовздания от такового беды». По мнению Соловьева, автор данного текста имел в виду не Андрея Палеолога, дважды побывавшего в Москве, так как последнего видели многие, а какого-то изгнанника за границей. Однако это соображение отпадает, если предположить, что автор писал не в ближайшие годы после

пребывания в Москве Андрея Палеолога, а значительно позже¹.

Мало убедительным представляется и предположение А. Шахматова, считавшего возможным авторство самого Вассиана Ростовского. Последний как современник и очевидец и как человек, близкий к великому князю, не мог бы допустить те хронологические и фактические погрешности, которые содержатся в тексте данного рассказа. Кроме того, Вассиан, принимавший непосредственное участие в примирении Ивана III с братьями, не мог не знать цели приезда великого князя в Москву.

Личность автора «повести» вряд ли может быть установлена, даже в виде более или менее вероятного предположения. Для критического отношения к этому источнику необходимо определить те условия, при которых могло возникнуть данное произведение. Нам кажется, что следует обратить внимание на некоторые его особенности. Вся повесть пропитана чувством острой недоброжелательности не только к «римлянке» Софье, но и к самому Ивану III. Трусливому и нерешительному поведению великого князя противопоставлен Иван «Молодой», показавший мужество и несмотря на «брань... от отца», не выдавший «хрестиянство». Автор также несомненно благожелательно расположен к мятежным братьям Ивана III, Андрею «Большому» и Борису, считая их правыми в споре с великим князем. Эти князья, по словам автора, узнав о приходе Ахмеда, сами предложили свою помощь старшему брату: «...уже ли исправишься к нам, а силы над нами не почнешь чинити и держати нас как братью свою, и мы ти придем на помощь». Иван III «во всю волю их дался». Кроме того, узнав, что немцы угрожают Пскову, Андрей «Большой» и Борис пошли сначала к псковичам на помощь и только после ухода немцев, яко бы испуганных их появлением, отправились на Угру.

Тенденциозность этого повествования ясно обнаруживается при проверке фактических данных по другим летописным источникам. В действительности Андрей «Большой» и Борис не только не оказали действительной помощи Пскову, но нанесли ему большие убытки. По сообщению Псковской 1-й летописи, оба князя приехали в Псков 3 сентября — «а псковичам быша много проторей». Псковичи «биша челом, чтобы они шли на немцы своим войском и со псковичи», но князья не пошли и, пробыв десять дней в городе, поехали прочь, и, «не учинив ничего же добра», начали грабить волости. Пскову пришлось откупиться деньгами от этих беспокойных союзников. У нас нет

¹ Андрей Палеолог приезжал в Москву два раза: в 1480 и 1490 гг. (ПСРЛ, т. VIII, стр. 205 и 219). Следует отметить, что первый приезд совпал со временем прихода хана Ахмеда.

никаких оснований не доверять псковскому летописцу. Немцы сняли осаду Пскова примерно за 1—2 дня до прибытия князей вследствие удачного действия самих псковичей¹. Поэтому заслугу в освобождении Пскова никак нельзя было бы приписать Андрею «Большому» и Борису.

Та же тенденциозность проскальзывает в описании автором повести условий примирения Ивана III с братьями. Переговоры между ними о заключении мира начались еще до похода Ахмеда. Во время вторичной посылки к ним Вассиана Иван III предлагал Андрею «Большому» придать к его отчине и к «материну данию» два города на Оке: Калугу и Алексин². Князя тогда не приняли этого предложения, считая, очевидно, его недостаточным, так как в нем ничего не говорилось о спорных землях Юрия Васильевича. Но через некоторое время они в свою очередь прислали в Москву «бить челом» своих дьяков и обратились к посредничеству матери, но на этот раз великий князь «отмолвил им» и не принял их челобитья. Мы ничего не знаем о дальнейших переговорах, но можно не сомневаться в том, что они продолжались при участии старой великой княгини и архиепископа Вассиана. Благодаря этому и была подготовлена почва для соглашения, состоявшегося во время трехдневного пребывания великого князя в Москве с 30 сентября до 3 октября, где он встретился с уже поджидавшими его послами братьев. К сожалению, точные условия этого соглашения остаются неизвестными. Да и само соглашение вследствие краткости времени и напряженной обстановки, вызванной ожиданием прихода Ахмеда, не было оформлено письменным актом и представляло только словесные обещания великого князя, вероятно, данные в присутствии матери, дяди Михаила Андреевича Верейского, митрополита и архиепископа Вассиана³. Письменный же договор был заключен позже, после возвращения великого князя с Угры.

Основываясь на этих наблюдениях, устанавливающих определенную тенденциозность неизвестного автора повести, составление ее возможно отнести к исходу 90-х годов XV в. или к пер-

¹ Магистр «со всею силою пемецкою» подошел к Пскову 28 августа и стоял под городом пять дней. Таким образом осада была снята 1 или 2 сентября (Псковская 1-я летопись, стр. 78).

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 204.

³ Уваровский список летописи 1480 г. сообщает, что великий князь «жаловал братью свою». Воскресенская летопись передает об этом в еще более неопределенном выражении: «...рекл ся их жаловати». Некоторые подробности о данных обещаниях сообщаются в Вологодско-Пермской летописи и сходных с нею списках: великая княгиня Марфа послала своего боярина к князьям Андрею и Борису «с тем, что князь великий братию свою жалуют и в докончани их емлеть и княж Юрьева вотчины с ними делить» (ГИМ, Рук. отд., № 485, л. 458).

вым годам следующего столетия, когда в дворцовой среде произошла острая вспышка борьбы по вопросу о престолонаследии, расколовшая придворную знать на сторонников Дмитрия Ивановича и сторонников Василия Ивановича. В апреле 1502 г. великий князь «положил опалу» на своего внука Дмитрия и его мать Елену Стефановну и посадил их «за приставы». Торжество великой княгини Софьи, которой современники, несомненно, преувеличешю приписывали большое влияние на Ивана III, должно было усилить озлобление среди противников великой княгини — «римлянки». К сожалению, состав сторонников и противников Софьи нам плохо известен. Нельзя согласиться с категорическим мнением С. М. Соловьева, будто Елену и ее сына Дмитрия поддерживали князья и бояре, а на стороне Софьи и Василия находились только дети боярские и дьяки¹. Состав той и другой группы был более сложным, хотя основная часть родовитой аристократии, несомненно, не сочувствовала Софье².

Резкая враждебность, проявленная в повести к великой княгине Софье, нескрываемое недоброжелательство к самому великому князю и подчеркнуто-наочитое восхваление заслуг Ивана «Молодого» позволяют отнести автора к числу сторонников последнего и его вепчанного сына Дмитрия. В словах автора повести: «Воздай же им, господи, по делом их и по лукавству начинания их, по делом руку их даждь им; быша бо жены их тамо, возлюбиха бо паче жещы, неже православную христианскую веру и святых церкви, в них же просветившися, породившися бабею святого крещения, согласившися предати

¹ С. М. С о л о в ь е в. История России, кн. I, ст. 1407—1408. Мнение Соловьева основано на сохранившемся в летописи списке казненных и опальных лиц по делу о престолонаследии. При этом Соловьев, как и многие другие, без достаточных оснований связывает казнь князя Семсла Рязполовского и опалу князей Патрикеевых с их поддержкой Елены и ее сына Дмитрия. С другой стороны, среди пострадавших за Василия Ивановича находились лица, которых никак нельзя отнести к худородной служилой среде. Так, Владимир Гусев, долго по недоразумению считавшийся дьяком, в действительности принадлежал к боярскому роду Добрыньских, большинство членов которого служило удельным князьям. Пострадавший за Василия Афанасий Ерошкин происходил из смоленских князей, а Иван Иванович Хруль-Палецкий происходил из рода князей Стародубских. Цавей Скрыбин-Травин происходил из рода смоленских князей Фоминских (С. Б. В е с е л о в с к и й. Владимир Гусев — составитель «Судебника» 1497 г., Истор. Зап., кн. 5, М.—Л., 1939).

² Это недоброжелательство к Софье выразилось в известном отзыве о ней Ивана Берсена Беклемишева и князя Андрея Курбского. Намек последнего на Софью скрывался в его общем отзыве о «женах от иноплемеников»: «...в предобрый Русских князей род посеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и чародейцами, яко и во Израильских царех, паче же которых пошмвали от иноплемеников» («История о великом князе Московском». Соч. кн. Курбского, т. I, СПб., 1914, стр. 161—162).

христианство: ослепи бо их злоба их»¹, — нельзя не видеть намек на брак Ивана III с «римлянкою» Софьей. С другой стороны, резкий выпад автора против боярских холопов, от которых было «пуще татар», не позволяет видеть в нем представителя высочеродной знати; вероятнее всего автор принадлежал к церковной или дьяческой среде.

Таким образом, повесть о приходе Ахмата является весьма ненадежным и недостоверным источником для истории борьбы Ивана III с Ахмед-ханом. Вследствие своего полемического характера она является памятником не столько исторической, сколько политической литературы конца XV в. или начала XVI в.

6

Когда, желая обойти Оку, т. е. перейти ее в верховьях, Ахмед-хан приблизился к месту впадения в Оку р. Угры, «сила» великого князя уже стояла по Оке и Угре, растянувшись по берегам этих рек на протяжении 60 верст. Точная дата прихода Ахмед-хана указана в Вологодско-Пермской летописи: 8 октября, воскресенье. Утром татары «преступиша к берегу ко Югре, хотеша перевоз взяти». Однако сын великого князя Иван Иванович и брат Андрей Васильевич «Меньшой» «сташа крепко противу безбожного царя и начаша стрелы пущати, и пищали пущати, и тюфяки на татар и бишася 4 дни». Потерпев неудачу в попытке перейти на левый берег Угры, Ахмед-хан отошел от реки и остановился в двух верстах от нее в Лузе, распустив татар по Литовской земле².

Несколько иначе рассказывается об этом событии в Московской летописи 1480 г., а также во всех других летописных сводах, отразивших влияние этой летописи («Русский временник», Никоновская, Воскресенская, Львовская и проч.). Пройдя Мценск, Любутск и Одоев, Ахмед-хан сначала остановился у Воротынска, «ожидаю к себе королевы помощи». Не дождавшись Казимира, Ахмед-хан затем приступил к Угре и стал «со многою силою» на другой стороне реки против великого князя. Далее следует описание попыток татар переправиться через реку: «И приидоша татарове и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати и многих побиха татар стрелами и пищалами и отбиша их от брега, и по мнози приступающе, бьющася. Быша ж и мрази велици и тогда река начат ставитися»³.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 232.

² ГИМ, Рук. отд., Сп. собр., № 485, лл. 467—469.

³ ПСРЛ, т. XXV, стр. 328.

Сравнивая эту версию с рассказом Вологодско-Пермской летописи, мы приходим к заключению о преимуществе последней. Татары обыкновенно действовали «изгоном», т. е. старались воспользоваться быстротой и неожиданностью нападения. Поэтому трудно допустить, чтобы Ахмед-хан, натолкнувшись на крепкую оборону Оки на промежутке между Коломной и Тарусой, стал бы терять время в ожидании своего союзника у Ворытнска. Ведь его переход на Угру, помимо приближения к Литовской границе, был вызван стремлением не столько обойти Оку, сколько обойти расположение московских войск, стоявших у Коломны, Серпухова и Тарусы. Значительно правдоподобнее поэтому сообщение Вологодско-Пермской летописи, по которому Ахмед-хан остановился лишь после того, как в четырехдневном бою потерпел неудачу. Кроме того, отнесение попытки переправиться на другой берег реки ко времени, когда начались сильные морозы и река начала застаиваться, противоречит дальнейшему рассказу об отходе обоих противников от реки. Время остановки реки было бы самым неудобным моментом для переправы. Наконец, рассказ Вологодско-Пермской летописи выгодно отличается точной датировкой событий.

После неудачной попытки перейти Угру Ахмед-хан мог еще надеяться на короля. Есть все основания предполагать, что король действительно готовился к военному походу на Москву. Фр. Папэ приводит сообщение из ливляндских (ливонских) источников, что военные приготовления Казимира происходили уже в декабре 1479 г. не только в Литве, но и в Польше. Сообщения о вооружениях повторяются в марте 1480 г. и продолжают в мае; последние следы их заметны еще в августе. Однако и в начале сентября Глицкий выехал из Вильно под знаком военных приготовлений, так как только на основании сообщения Глицкого Менглы-Гирей в конце 1480 г. мог задать вопрос: на войне ли король? Неизвестно, где находился сам Казимир в промежутке времени от сентября до декабря; последний точная дата его местопребывания — 31 августа в Троках. Но, видимо, можно предположить, что в продолжение остальных месяцев 1480 г. Казимир не покидал Вильно и Троки — эти две литовские крепости. Правда, Фр. Папэ считает польскую помощь Литве в данных условиях невероятной, так как симпатии в Польше к Литве были незначительны, а истощение страны в результате недавно законченных войн было большим и явно обнаруживалось в невыплаченном жалованье и в иных военных расходах¹.

Наши летописи указывают на две причины, не позволившие Казимиру прийти на помощь Ахмед-хану: нападение Менглы-

¹ Фр. Папэ. Указ. соч. стр. 63—64.

Гирей и выступление против короля со стороны его вассальных князей. Однако летописные известия об этих событиях отличаются крайней сбивчивостью и неясностью. Наиболее определенно о выступлении Менглы-Гирея сообщается в Московском своде 1480 г.: «...тогда бо воева Мевли-Гирей царь крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю»¹. Это сообщение сохранилось в Никоновской летописи, но в Воскресенской пропущено указание на связь этого выступления Менглы-Гирея с его союзными обязательствами Ивану III. В других летописных сводах вместо Подольской земли указана Волинская.

Краткие летописные известия о нападении Менглы-Гирея на владения короля подтверждаются перепиской между Казимиром и Менглы-Гиреем, сохранившейся в Литовской метрике. Когда в октябре 1480 г. в Крым прибыл посол короля князь Иван Глинский для приятия шerti Менглы-Гирея в подтверждение заключенного союза, последнему пришлось давать объяснения по поводу недавнего вторжения в королевские земли. Менглы-Гирей оправдывался отсутствием сведений от своего посла Аз-бабы, посланного к королю для заключения мира, и дошедшими до него известиями о переговорах Казимира с Ахмедханом. «И мы есмо молвили: наш посол замешькал — у вас вжо иная ачей дума сталася; на конь есмо уседши, войском стояли своим». В то время когда войско уже выступило, сообщает Менглы-Гирей, его встретил у Перекопа посол короля. «И войско наше поехало: у нашем праве, до врьчюного места не доехав, не вернуться». Из другой грамоты по поводу этого же события, писанной в Киркере в 885 г. в 15-й день, то есть 15 октября 1480 г., следует, что сам Менглы-Гирей, встретив королевского посла, остановился, но войско ушло в поход. При этом хан оправдывался тем, что он не мог отговорить «лхих людей»: «И как вжо наше войско пошло, после того, в том часу князь Иван припол о добротах. Ты доброты есмо уведалл, а лихих людей есмо не перемогли — тые дела лихи сталися»².

С такими объяснениями к королю были отправлены Байраш и Седихмат. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что датированная 15 октября грамота с объяснением по поводу произошедшего набега была отправлена немедленно после отправления войска и приезда Ивана Глинского. В таком случае войско ушло в поход в первой половине октября. В момент отъезда к королю Байраша и Седихмата войско еще не возвратилось из похода. К сожалению, мы не знаем ни численности войск,

¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 328.

² Литовская метрика. Русс. ист. библ., т. 27, СПб., 1910, стр. 333—336.

отправившихся в поход, ни результатов этого набега¹. Однако то обстоятельство, что сам хан «сел на коня», может служить косвенным свидетельством в пользу значительности собранных сил. Обращает, конечно, внимание и время выступления Крымской Орды — первая половина октября, когда Ахмед-хан стоял на Угре в ожидании Казимира. Таким образом, можно вполне принять сообщение русской летописи, что Менглы-Гирей направил Орду во владения короля «служба великому князю».

Труднее решить вопрос, насколько эта диверсия со стороны Крыма могла повлиять на отказ Казимира в оказании помощи Ахмед-хану. Польский историк Папэ, а вслед за ним Пресняков, были склонны не придавать большого значения действиям Менглы-Гирея. По мнению Папэ, они не были настолько серьезны, чтобы задержать короля. К этому следует добавить, что если бы Иван III считал действительной помощь со стороны Менглы-Гирея, он, несомненно, упомянул бы об этом в наказе послу, отправленному к хану в апреле 1481 г., так как в Москве неплохо были осведомлены о положении во владениях короля. Между тем Иван III ограничился лишь сообщением об успехе, ни слова не упомянув о выполнении Менглы-Гиреем обязательств по заключенному союзу: «Ахмат как царь приходил на меня, мно бог милосердый как хотел, так нас от него помиловал»². Остается, следовательно, предположить, что Казимир был задержан внутренними затруднениями, упоминание о которых сохранилось в наших летописных сводах: «...а король сам к нему не поиде, ни силы своя не посла, понеже бо быша ему свои усобицы»³.

К сожалению, ни в русских, ни в литовских источниках не сохранилось никаких подробностей об этой «усобице», которая заставила Казимира отказаться от соединения с Ахмед-ханом. Только в Данцигской хронике XVI в. находится интересное сообщение, относящееся к данным событиям. По словам данцигского хроникера, зимой 1480 г. «король московский» и некоторые русские бояре (Негл) намеревались исторгнуть Литовскую землю от польского короля, но польский король был предупрежден и направился в Литву с женой и сыном⁴. Несмотря на

¹ Глицкий, выехавший из Вильно в начале сентября, добрался до Перекопа, по расчету Папэ, в начале октября. Следовательно, передовые отряды войск Менглы-Гирея ушли в набег не позже конца сентября. По предположению Папэ, нападению подверглось литовское Подолье в районе Брацлава и Вишницы (Fr. P a r e. Указ. соч., стр. 62).

² Сб. Русс. ист. об-на, т. 41, стр. 25—26.

³ ГИМ, Рук. отд., Увар. собр. № 1366.

⁴ «Item im 80-en jare im winter gingk der konig von der Moskau domitte um's und etzliche Reussische hern, das sie das lant von Littauen Wolden dem Konige von der hand vorraten, und der Konig czu Polen war gewarnet und zcogk in Littauen mit weib und kind.» (Scriptores rerum Prussicarum,

неясность этого сообщения, оно все же помогает разобраться в характере отмеченной в русской летописи «усобицы». Дело, очевидно, шло о каком-то выступлении русских князей или бояр в Литве, выразившемся в их попытке перейти со своими землями в подданство московского государя. Как правильно отметил Ф. Папа, основным вопросом для Казимира в его выступлении против Москвы был вопрос о поведении литовской Руси, о ее верности в отношении к литовскому панству¹. Но именно этого основного условия для войны с Москвой осенью и зимой 1480 г. не было. Не было его и в следующем году.

Движение против Казимира в 1481 г. получило в польской исторической литературе название «заговора князей». Обычно оно рассматривается в качестве самостоятельного эпизода, ничем не связанного с «усобицами» предыдущего года. Такой взгляд на характер «заговора князей» нам представляется ошибочным. Краткая запись об этом заговоре включена в наши летописи в связи с бегством в Москву князя Федора Бельского: «Того же лета (6990) бысть мятежь в Литовской земле: въсхотеша вотчичи Олшанской, да Олешковичь, да князь Федор Бельской по Березыню реку отсести на великого князя Литовской земли, един же их обговори, король же Олшанского стял да и Оленковича; князь же Федор Бельский прибежа к великому князю, — толико бе женился и едину ночь спал с нею, да остави ее, да прибежал на Москву, а княгиню его король поимал; много же посылал к королю князь великий, чтобы отдал ее, король же никакже не отдал»².

Краткая летописная запись об этом заговоре православных князей оставляет ряд неразрешенных вопросов, касающихся как организации заговора, так и его цели. Польский хронист XVI в. Нарбут, источник вообще мало надежный, сообщает некоторые подробности. По его сведениям, заговорщики, воспользовавшись свадьбой князя Федора Бельского, женившегося на дочери Александра Чарторыйского, намеревались убить короля Казимира, приглашенного на это празднество, но заговор был случайно открыт.

г. IV, стр. 687. Danziger Chronik vom Pfaffenkriege). Этот текст в хронике Матвея Вайсселия, изданной в Кенигсберге в 1599 г., передан так: «Anno 1480. im Winther, hatte der König von der Moschkaw und etliche Reusche Herrn im willen, das sie das Landt Litawen, dem Könige von Polen, von der Handt verrhalten wolten, der König ward gewarnet, zog in Litawen mit Weib und Kind.» (Chronica alter Preusscer, Lifflandischer und Kurlandischer Historien. Königsberg, 1599, стр. 255—256). Таким образом, текст Матвея Вайсселия дает более правильное понимание роли Ивана III в этих событиях: дело заключается не в походе великого князя в Литовские земли, а в его сношениях с теми русскими князьями или боярами (Шерги), которые решили перейти под его власть.

¹ Fr. P a p e. Указ. соч., стр. 64.

² ПСРЛ, т. XX, стр. 348.

Большинство историков, касавшихся этого события, рассматривают его как эпизод внутренней борьбы в великом княжестве Литовском, не имевшем непосредственного отношения к движению в пользу перехода к Москве. Польский историк Папэ рассматривал заговор как проявление борьбы удельных центробежных сил с верховной централизующей властью¹. В. Антонович видел в заговоре 1481 г. одну из последних попыток русских князей «к восстановлению прав народного начала, все более и более отстраняемого польско-литовским правительством»². М. Любавский выдвигал религиозные мотивы заговора, считая ближайшим поводом запрещение в 1481 г. русским строить и возобновлять православные церкви³. М. Грушевский полагал, что целью заговора являлся династический переворот⁴. Ближе к М. Грушевскому в этом вопросе стоит А. Пресняков, считавший, что события 1481 г. носили «скорее характер кружковой и династической интриги, чем общественного движения»⁵.

Один из участников этого заговора, Иван Юрьевич Гольшанский (Ольшанский), происходил из литовского княжеского рода Ольгимунта. Гольшанские находились в свойстве и в родстве как с господарским домом (Сонка Гольшанская была второй женой Ягайла, а на ее тетке, Юлиании, был женат Витовт), так и с крупными представителями литовской и русской знати (Гаштольдами, Бельскими, Радзивиллами, Чарторыйскими). Сам Иван Юрьевич Гольшанский был женат на Анне Михайловне Чарторыйской, родной брат которой, Александр, убил Сигизмунда Кейстutowича. «Головным» владельцем Гольшанских был замок Гольшаны на р. Гольшанке, правом притоке Бере-

¹ Fr. P a r é e. Указ. соч., стр. 66—82.

² В. Б. А н т о н о в и ч. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, Киев, 1885, стр. 240.

³ М. Л ю б а в с к и й. Очерк истории Литовско-Русского государства, М., 1910, стр. 153.

⁴ М. Г р у ш е в с к и й основывается на письме внука князя Бельского к королю Сигизмунду-Августу (1567 г.), в котором Бельский, упрекая короля в том, что его дед Казимир убил свояка Бельского князя Михаила Омельковича, писал: «ино наша была отчизна великое княжество Литовское, за же прапрадед наш князь Володимер великого князя сына Ольгердов, и как князь великий Ольгерд понял другую жену-тверянку, в тое для другой своей жены прадеда нашего отставил, а дал тот стolec, великое княжество Литовское, другой своей жены детем...» (Древняя Российская Вифлиофика, СПб., 1791, изд. 2, ч. XV, стр. 25—26). По мнению М. Грушевского, если ближайшим мотивом заговора могло быть возвращение Киевщины под власть Омельковичей, то дальнейшей целью заговорщиков являлось выдвижение Омельковича на великокняжеский престол (История Украины — Руси, т. IV, Львов, 1903, стр. 229). Соображения М. Грушевского нам представляются мало убедительными.

⁵ А. П р е с н я к о в. Лекции по русской истории, т. II, вып. I, М., 1939, стр. 157—158.

зины. Второй участник заговора — хорошо известный Михаил Олелькович, удалившийся вскоре после возвращения из Новгорода в Копыль. Следует отметить, что потомки Владимира Ольгердовича были не только православными князьями литовского рода, но имели давние связи с Северо-Восточной Русью. Третьим участником заговора был князь Федор Иванович Бельский, состоявший в родстве и с Гольшапскими, и с Олельковичем. Родоначальником князей Бельских был старший сын Владимира Ольгердовича Иван, получивший от Ягайла в удельное владение Бельскую волость в Смоленской земле. От брака с Василисой Гольшанской Иван Бельский имел сыновей Федора и Семена, к которым после смерти отца перешло Бельское княжество¹.

Заговор был раскрыт, и двое из его участников, Михаил Олелькович и Юрий Гольшапский, поплатились жизнью. В Супрасльской летописи это событие точно датировано 14 августа 1481 г.² Таким образом, заговор должен быть отнесен к первой половине 1481 г., так как между раскрытием заговора и казнью его участников должно было пройти несколько месяцев.

Каковы бы ни были частные и личные мотивы выступления князей, нет никаких оснований рассматривать их изолированно от «усобиц» 1480 г. и последующего сильного движения православного населения в сторону присоединения к Москве. На это, между прочим, указывает и хронологическая близость заговора 1481 г. к движению предшествующего года и побег в Москву князя Бельского, что послужило началом к переходу под московскую власть ряда православных князей, стремившихся «отсесть» на значительную и важную территорию великого князя.

Есть основание предполагать, что движение против Казимира в 1480 г. охватило и территорию, непосредственно граничившую с Московскими землями в верховьях Оки. В наших летописях сохранилось известие, что Ахмед-хан «пограбил» земли своего союзника. В некоторых летописных сводах это событие относится ко времени поспешного отступления татар и объясняется его мезтью за то, что Казимир не выполнил своего

¹ Wolff, *Kniazowie litewsko-ruscy*, Warszawa, 1895, стр. 145. Fr. P a r é e. Указ. соч., стр. 68—70; М. Л ю б а н с к и й. Областное деление, стр. 34, 116; А. П р е с н я к о в. Лекции по русской истории, т. II, стр. 155.

² Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи, М., 1836, стр. 138. Прусская (Данингская) хроника XVI в. об этом событии сообщает: «Осенью 1481 г. некоторые русские бояре, которые хотели захватить польского короля, были арестованы королем и двое из руководителей (Obersten) были преданы суду» (*Chronica alter Preusscer*, стр. 255—256).

обещания и не пришел на помощь. По другим известиям, разорение Ахмед-ханом ряда «Литовских мест» произошло во время ожидания короля и остановки на Угре. Вологодско-Пермская летопись сохранила наиболее обстоятельный рассказ о разорении татарами части Литовской территории во время остановки на Угре. После того как Ахмед-хан был отбит 8—12 октября от берега Угры, он «пустил вой по всей земле Литовской». Совершенно очевидно, что в момент, когда ожидался приход короля, Ахмед-хану не было смысла опустошать подвластную королю территорию, если бы для этого не существовали особые причины. Сохранившиеся в той же летописи перечисленные литовских городов, нам кажется, совершенно ясно указывает, против кого были направлены эти враждебные действия ахматовой орды: Мценск, Одоев, Белев, Перемышль, старый и новый Воротынский, старый и новый Залидов, Опаков, Сереспек, Мещовск, Козельск — всего 12 городов. Все эти пункты расположены по обоим берегам верхнего течения Оки и ее притоков на территории, принадлежавшей «верховским» князьям. Как известно, в системе Литовского государства православные «верховские» князья занимали особое положение, являясь не столько подданными, сколько вассалами литовского великого князя, взаимоотношения с которым устанавливались на договорных началах. Московское влияние здесь было сильным еще в первой половине XV в. В экономическом и в национально-культурном отношении население бассейна верхней Оки тяготело к русским землям. Это тяготение особенно усилилось в последней четверти XV в., с одной стороны, в связи с агрессивной католической политикой в землях великого княжества Литовского, с другой — в результате образования Русского централизованного государства. Переход «верховских» князей в конце 80-х гг. XV в. под власть Ивана III был исторически подготовлен.

Разорение Ахмед-ханом перечисленных выше городов, находившихся во владении русских князей — вассалов Казимира вызывает вопрос: не было ли оно обусловлено враждебным выступлением русского населения в тылу Ахмед-хана или отказом русских князей выступить на соединении с татарами? Такое предположение нам кажется вполне вероятным. Некоторое подтверждение ему мы находим в договорной грамоте Казимира с князьями Воротыньским, Одоевским и Новосильским от 10 апреля 1483 г., указывающей на стремление короля установить более прочные отношения с данной группой своих вассалов на основе возобновления старого договора о службе, заключенного еще при великом князе Витовте. Но вместе с тем факт заключения нового договора, употребленное в грамоте выражение: «И мы их пожаловали, в службу есмо их при-

ияли», — указывает на нарушение ранее существовавших обязательств, так как и до 1483 г. все перечисленные князья находились на службе великого князя литовского¹. При этом владения Новосильских и Одоевских были разорены Ахмед-ханом в 1480 г.

Разорив долину верховьев Оки на протяжении около 100 км от Опакова городища до Мценска, Ахмед-хан мог быть спокоен за свой ближайший тыл. Дальнейшие действия, как и поведение Ивана III, отличались большой осторожностью. Новых серьезных попыток перейти Угру или Оку татары не делали. Однако, если бездейтельность Ахмед-хана некоторые исследователи объясняли желанием его подождать прибытия своего союзника — Казимира, то осторожность Ивана III, по их мнению, не была ничем оправдана и вызывалась перешителностью и даже трусостью. Такой взгляд на поведение Ивана III, сложившийся под влиянием враждебной ему литературной повести о приходе Ахмед-хана, нам представляется совершенно несправедливым.

На односторонность этих взглядов еще в свое время правильно указывал А. Пресняков. С самого начала похода Ахмед-хана Иван III имел достаточно основание опасаться выступления Казимира. Во время остановки на Угре эти опасения должны были еще более усилиться. Вполне понятно поэтому, что Иван III был очень заинтересован в том, чтобы сосредоточить для защиты подступов к столице все возможные силы. Его переговоры в Москве с послапцами братьев и вынужденные уступки в их пользу не имели бы смысла, если бы братья не пришли или опоздали соединиться с войсками, стоявшими на Угре. Поэтому Иван III старался выиграть время, необходимое для прибытия братьев, а, может быть, и дополнительных отрядов из отдаленных мест. Лучшее всего он мог достигнуть этого путем переговоров с Ахмед-ханом.

О переговорах, происходивших во время «стояния» на Угре, сообщает ряд летописных сводов, давая близкие друг другу варианты. Общим для них является, во-первых, сообщение, что инициатива переговоров исходила от Ивана III, который послал к Ахмед-хану Ивана Федоровича Товаркова «с челобитием и с дары» и, во-вторых, — требование Ахмед-хана, чтобы к нему явился сам великий князь. Наиболее обстоятельный рассказ об этих переговорах находится в Вологодско-Пермской летописи. Согласно изложению этой летописи, татары, подойдя к Угре, кричали: «...дайте берегу царю Ахмуту, царь бо не на то прииде, что ему князя великого не дойти». Тогда Иван III, по совету с сыном и с братом Андреем «Меньшим», послал к хану

¹ АЗР, т. I, № 80.

и к «рядиру» его Темиру «тешь велику». Ахмед-хан дары не принял: «не того деля яз семо пришел, пришел яз Ивана деля за его неправду, што ко мне не идет, а мне челом не бьет, а выхода мне не дает де пятой год; придет ко мне Иван сам, почнутся ми о нем мои рядци и князи печаловати, ино как будет пригоже, так его пожалую». Темир также отказался принять дары (тешь), указывая на то, что он не может «царева гнева утолити» и что «царево слово таково: нолни Иван будет сам у него и у царева стремени»¹.

Несомненно, что переговоры с Ахмед-ханом расценивались в Москве как проявление слабости и нерешительности со стороны великого князя. Подтверждением этому служило поведение некоторых лиц из ближайшего окружения Ивана III, вызвавшее гневное послание архиепископа Вассиана. Время составления послания устанавливается достаточно точно, на основании данных, содержащихся в тексте. Вассиан, отправляя послание, знал, что попытка Ахмед-хана перейти Оку была отбита при участии великого князя Ивана Ивановича и князя Андрея «Меньшого»: «...радуемся и веселимся, слышаще доблести твоея крепость и твоего сына, богом данную ему победу и великое мужество и храбрость, и твоего брата, государей наших, показавших против безбожных сих Агарян...»². Как было установлено выше, бои с татарами происходили 8 — 12 октября. Вассиан также знал о начавшихся переговорах с Ахмед-ханом: «Ныне же слышахом, яко бессермину Ахмату уже приближающуюся, а христианство погубляющую, напаче же на тебя хвалящуюся и на твое отечество, тебе перед ним смиряющуюся и о мире молящуюся и к нему пославшу, ему же окаянному одинако гневом дыщущу и твоего моленна не послушающую, но хотя до конца разорити христианство»³. Эти сведения не могли быть получены в Москве ранее 15 октября. С другой стороны, послание было написано до получения известия о присоединении к великому князю примирившихся с ним братьев, Андрея «Большого» и Бориса, прибывших к Кременцу 20 октября.

Основная цель послания Вассиана — укрепить мужество великого князя и предотвратить влияние на него сторонников

¹ ГИМ, Рук. отд., № 485, лл. 469—470. В Вологодско-Пермской летописи этот эпизод ошибочно отнесен ко времени до посадки Ивана III в Москву и возвращения его на Угру.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 213.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 208. Кажущиеся противоречия в словах Вассиана о приближении Ахмед-хана и об одержанной над ним победе устраняются, если предположить, что в первом случае имелся в виду подход Ахмед-хана к Угре, последовавший после неудачной попытки перейти Оку около Олакова городища.

примирения с ханом ценой тяжелых уступок. «Приде же убо в слухи наша, яко прежнии твои развратници не престають шепчюще в ухо твою льстиваа словеса и советают ти не противитися супостатом, но отступити и предати на расхищение волком словесное стадо христовых овец», — писал Вассиан. Из этих слов архиепископа видно, что дело шло не только относительно данного случая — давать бой Ахмед-хану или подвергнуть столицу тягостям осады, — а о серьезных разногласиях по вопросу о взаимоотношении с Ордой. Так как поход Ахмед-хана был вызван отказом Ивана III платить дань, то, повидимому, под «прежними развратниками» имелась в виду те, кто и раньше противился разрыву с Ордой. В некоторых летописных сводах сохранилось указание на двух из этих людей, «злых человек сребролюбцев богатых и брюхатых предателей христианских, а норовников бессермепских» — Ивана Васильевича Ощеры и Григорья Андреевича Мамона¹.

По словам автора «повести», эти «советники» убеждали великого князя не вступать в бой с Ахмед-ханом, а отойти в Москву или в один из северных городов; «ужас накладываючи», они наименовали великому князю несчастное сражение его отца с татарами под Суздалем и приводили в пример Дмитрия Ивановича, который во время вторжения Тохтамыша «бсжал на

¹ Иван Васильевич Ощера происходил из рода Сорокоумовых и был одним из девяти сыновей Михаила Сорокоума, выдвинувшихся при великом князе Василии Темном (Роспись рода Сорокоумовых, напечатанная Н. Лихачевым в книге «Государев родословец и род Адашевых», Сиб., 1897). В 1446 г. Иван Васильевич Ощера вместе с братом Дмитрием Бобром участвовал в заговоре, имевшем целью освобождение великого князя Василия Темного (ПСРЛ, т. VIII, стр. 118). В боярском списке, напечатанном Н. Никольским в «Древняя Российская Виплюфика», ч. XX), Иван Ощера помечен окольным при вокняжении Ивана III. Затем в течение ряда лет он служил не великому князю, а его брату Юрию Васильевичу (Н. Лихачев. Указ. соч., стр. 29) и только, повидимому, после смерти последнего перешел на службу к Ивану III. Какие-то неизвестные причины препятствовали его повышению, и он до конца жизни не получил боярства. В звании окольного Иван Васильевич Ощера сопровождал великого князя во время походов в Новгород в 1476 и 1479 гг. (Н. Миллюков. Древнейшая Разрядная книга, М., 1901, стр. 11 и 13). Поэтому сообщение некоторых летописных сводов (Софийской 2-й летописи, Львовской летописи), будто Иван Васильевич Ощера во время прихода Ахмед-хана в 1480 г. был боярином, следует признать ошибочным. Согласно боярскому списку, напечатанному Н. Никольским, Иван Васильевич Ощера умер окольным в 1486 г. (Указ. соч., ч. XX, стр. 6). В Новгородских писцовых книгах конца XV в. упоминаются бывшие люди (послужилцы) Ивана Ощерина, испомещенные в качестве помещиков на конфискованной земле. Под последним разумеется, очевидно, не Иван Ощера — сын, исполнявший дипломатические поручения Ивана III и Василия III, а Иван Васильевич Ощера — отец. Появление его послужилцев среди новгородских помещиков указывает на то, что Иван Ощера подвергся опале. Весьма возможно, что она была вызвана его поведением в 1480 г.

Кострому, а не бился с царем». В связи с этими советами Иван III, возвратившись из Москвы к войскам, стал «за далеко от берега» — у Кременца, а когда Угра стала — отошел еще дальше, к Боровску. «Князь же велики, — сообщает автор «повести», — с сыном и с братьею и со всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставил, и слушающе злых человек сребролюбец, богатых и брюхатых, и предателей христьянских, а норовников бесерменских, иже глаголют побежати, и не мози с ними стати на бой»¹.

Тенденциозность этого объяснения была отмечена в литературе польским историком Ф. Папэ и А. Пресняковым. «Позиция самого Ивана под Кременецким селом, — писал Ф. Папэ, — была превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов у Угры, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы»². Ф. Папэ правильно уловил тактические мотивы в действиях Ивана III: ведь кошная масса татар могла быстро передвигаться вдоль берега, выбирая наиболее удобные и хуже защищенные места для переправы. Узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумным держать все силы у самой реки. В этом случае прорыв татар на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение. Кременецкая позиция давала возможность быстро перебросить войска к угрожаемому участку.

Более сложным является вопрос об отходе Ивана III к Боровску на р. Исме. По словам автора «повести», великий князь ушел к Боровску «с сыном и с братьею и со всеми воеводами», тогда как «татарове страхом одержими побегоша, мянше, яко берег им даяху Русь и хотят с ним битися». Таким образом, если верить автору, то оба противника без видимой причины испугались друг друга и бросились в противоположные стороны отр. Угры. Совершенно наивным кажется сообщение, что будто татары отошли потому, что русские «дали им берег», т. е. очистили левую сторону реки. Впрочем, и сам автор, как и составители летописных сводов, чувствовал неудовлетворительность подобного объяснения и видел в неожиданно быстром отходе татарского и русского войск проявление божественной воли: «я бе дивно тогда совершися пречистия чудо: едини от другых бежаху и никто же женяше»³.

Не добившись никакого успеха в попытках перейти Угру, татары, по словам наших летописных источников, стали ожидать наступления морозов и остановки реки: «...даст бог зиму

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 224.

² Fr. P a p é e. Указ. соч., стр. 59.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 207.

у вас и реки все станут, ино много дорог будет на Русь»¹. Зима установилась с «Дмитреева дня», т. е. с 26 октября (дезь памяти Дмитрия Солудского), «и реки все стали, и мрази велики, яко не мощи зрети»². Время отступления Ахмед-хана устанавливается точно почти по всем летописным источникам 11 ноября³.

Если предположить, что реки замерзли после начала морозов через 3—5 дней, то татары оставались на берегу Угры еще 10—12 дней после остановки реки. Это подтверждается и Вологодско-Пермской летописью, по сведениям которой хан находился в Литовской земле всего 6 недель, а стоял на Угре 10 дней⁴. Таким образом, время стояния у замерзшей Угры было вполне достаточным для того, чтобы Иван III мог убедиться, что не ожидание морозов задерживало Ахмед-хана в возобновлении наступления на Москву.

Если бы Ахмед-хан серьезно думал перейти по льду Угру, которая теперь уже не представляла никакого естественного препятствия, то вряд ли он стал бы терять время в бесплодном стоянии, так как каждый лишний день, проведенный в походе, несомненно, ухудшал состояние татарской конницы. По всем данным, хан, отправляясь в поход, не рассчитывал затягивать его до холодов: «...бяху бо татарове наги и босы, ободралися». Кроме того, татары никогда долго не оставались на одном месте, так как уничтожение местных запасов продовольствия и фуража обрекало их на голод. Почему же при этих условиях Ахмед-хан все же простоял около двух недель? Ответ может быть только один: не решаясь своими силами идти на Москву, он продолжал надеяться на помощь со стороны Казимира. Вполне понятно, что это ожидание не могло быть очень длительным. Наступившие морозы поставили Ахмед-хана в тяжелое положение. Прибытие же на Кременецкую позицию великокняжеских братьев, Андрея «Большого» и Бориса, должно было убедить хана в том, что его надежды на усобицу среди русских князей оказались тщетными. Перед Ахмед-ханом, прикрывая дороги на Москву, стояла вся объединенная русская ратная сила. Мог ли он при этих условиях рассчитывать на успех?

Таким образом, уход Ахмед-хана не был неожиданным. Мы не находим никакой связи между его отступлением от Угры и

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 231.

² Софийская 2-я летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 231), также Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, стр. 346).

³ Только Вологодско-Пермская летопись (ГИМ, Рук. отд., Синод. собр. № 485) указывает иную, хотя и близкую дату: «канун Михайлову дни» — 7 ноября.

⁴ ГИМ, Синод. собр., № 485, л. 487 об.

сосредоточением главных сил Ивана III на Кременецкой позиции. Если бы такая связь была, то Ахмед-хан ушел бы не 11 ноября, а значительно раньше, когда было обнаружено передвижение русских войск. В действиях Ивана III мы видим расчетливую и трезвую оценку обстановки, ничего общего не имеющую с приписанными ему мотивами перешительности и трусости. Кременецкая позиция дала ему возможность спокойно дожидаться прибытия братьев и быть готовым отразить противника, если бы он прорвался на московскую дорогу.

Если верить летописному рассказу, то Иван III незадолго до ухода татар покинул Кременецкую позицию и отошел к Боровску, находящемуся на середине расстояния между Калугой и Москвой. Переход к Боровску мог еще иметь смысл, если бы в это время ожидался подход Казимира. Однако никаких данных для этого мы не имеем, можно скорее предполагать, что к началу ноября эта опасность почти миновала. Если же Иван III имел в виду только татар, то возникает вопрос: чем Боровская позиция была лучше Кременецкой? Кроме того, в начале ноября, когда ударили сильные морозы, вряд ли можно было думать, что Ахмед-хан решится встретиться с новыми силами русских войск. Эти недоумения — результат сбивчивого и противоречивого летописного рассказа, — устроятся, если предположить, что к Боровску отошла лишь часть войск вместе с великим князем. Кременецкая позиция не была покинута.

Покидая берег Угры, Ахмед-хан успел отправить в свою юрту захваченный полон. Он не действовал поспешно: на возвратном пути он пограбил ряд «литовских» городов, что весьма правдоподобно, так как татары, с одной стороны, «испроелись» и обносились, а с другой, — не получив добычи на русской территории, постарались собрать ее на территории своего союзника — Казимира. «А милостью божиею московские земли ни мало ни заял», — сообщает в Вологодско-Пермской летописи, — развее проч идучи приходил царев сын Амуртаза на Коии да на Юхово, пришел в вечери...»¹. Сообщение о набеде Амуртазы сохранилось и в других летописных сводах без обозначения имени царевича: «Един же царевич хоте за рекою иметь украину за Окою; князь же великий посла братию свою дву Андреев, а услышаше татарове, и тии побегоша»². Вологодско-Пермская летопись содержит ряд подробностей, помогающих уяснить данную обстановку. Узнав о нападении татар на Коии и на Юхово, великий князь тотчас отправил против них своих братьев, двух Андреев и Бориса, с воеводами. Почью татары поймали человека и, мучая его, спрашивали,

¹ ГИМ, Рук. отд., Сив. собр., № 485, л. 488.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 207; т. XII, стр. 202.

где находится великий князь? «Он же муки не могши терпети и сказа им, что князь близко». Тогда татары на рассвете («на ранней зори») побежали. Князя пришли на их стап в обеденное время. Вернувшись к великому князю, они рассказали ему «вся по ряду»¹. Таким образом, от появления татар у Кониша и Юхова («в вечери») до прибытия в эту местность посланных Иваном III войск («на следующий день «на обед») прошло около 18—20 часов. В течение этого времени великий князь получил известие о появлении противника, собрал войска и послал их навстречу татарам, а войска достигли брошенного татарского лагеря. Совершенно очевидно, что если бы Иван III с братьями находился в Боровске, в 90 км от Калуги, было бы невозможно все это совершить в указанное время.

Почему же все летописные своды, содержащие более или менее подробный рассказ о приходе Ахмед-хана, сохранили известие об отступлении к Боровску и передают слова великого князя: «...яко на тех полех бой с ними поставим»? Мы видели, насколько не точно, путанно и противоречиво изложены события, относящиеся ко времени «стояния» на Угре. Нарушенная последовательность их восстанавливается путем сопоставления известий, заключенных в различных летописных сводах. Вполне возможно, что и переход великого князя с основными силами к Боровску был отнесен не к тому моменту, к какому следовало его отнести в связи со всем ходом действий. Следует иметь в виду, что известие о переходе великого князя к Боровску, повидному, было замечено из литературной «повести», тенденциозно излагавшей и объяснявшей действия Ивана III. В глазах ее автора уход Ивана III к Боровску являлся доказательством нерешительности великого князя, отсутствия у него твердости и влияния «злых советников». Однако эта концепция разрушается при внимательном изучении всего материала. Поэтому возможно предположить, что переход основных сил к Боровску произошел после отступления Ахмед-хана; войска собрались в окрестностях этого города перед роспуском и возвращением великого князя в Москву.

Выясняя причины ухода Ахмед-хана, необходимо еще остановиться на версии, изложенной в Казанском летописце. В то время как Ахмед-хан стоял на Угре, Иван III тайно послал в низовья Волги своего «слушного» (служилого) царя Урдулета (Нур-Даулета) Городецкого с князем Васпием Ноздреватым Звенигородским и «...со многою силою». Они на лодях по Волге достигли Орды, но нашли ее пустой: остались только женщины, старики и младенцы. Тогда улан Нур-Даулет Обляз, видя, что Батыеву юрту угрожает полное разорение, стал

¹ ГИМ, Рук. отд., Син. собр. № 435, л. 488.

«лестью» говорить своему «царю»: «...что творились, о царю, яко нелепо есть тебе Большаго сего царства до конца разорити, от него же и сам ты родился и все мы, и наша земля то есть и отец твой ископи. И се повеленная пославшаго ны по немногу исполнихом, и довольно есть нам: и отойдем, егда како бог не попустит нам». Ахмед-хан, узнав от вестников о нападении на Орду, тотчас бежал от Угры¹.

Рассказ Казанского летописца о походе князя Василия Ноздреватого вызвал различное отношение историков к вопросу о его достоверности. Этот рассказ полностью принимал Н. Карамзин, считавший, что послышка этой экспедиции «служит к чести Иоаннова ума»². Первым высказал сомнение Н. Арцыбашев, не указывая, однако, причины своего недоверия к нему³. С. Соловьев, называя Казанский летописец одним из «самых мутных источников», обратил внимание на отсутствие в действиях Ахмед-хана поспешности, которая обыкновенно ему приписывается; так, возвращаясь в Орду, он остановился для грабежа в Литве и потом зимовал на Довце⁴. Однако отсутствие поспешности во время отступления Ахмед-хана само по себе еще не опровергает факта набегу князя Василия Ноздреватого, так как предупредить разорение своей столицы хан уже не мог.

В пользу достоверности сообщения Казанского летописца высказывался еще в 1845 г. известный ориенталист В. Григорьев. По его мнению, под «Юртом Батыевым» в этом рассказе «нельзя понимать ничего иного, кроме столичного города Орды, т. е. Сарая». Ссылаясь на сообщение Никоновской летописи, приписавшей Ивану III «порухение Большой Орды», В. Григорьев полагал, что оно произошло в результате «разрушительной деятельности» князя Василия Ноздреватого и что поэтому его успех был гораздо более значительным, чем предполагал автор Казанского летописца⁵.

В «мутном источнике» Казанского летописца содержатся не только легендарные, но и достоверные факты. Отсутствие упоминания о походе на Волгу Нур-Даулета и князя Василия Ноздреватого в других летописях еще не служит достаточным основанием для того, чтобы считать это сообщение Казанского летописца вымышленным. Князь Василий Иванович Ноздреватый из рода князей Звенигородских, потомков князя Михаила

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 202—203.

² Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, изд. 2-е, стр. 159.

³ Н. Арцыбашев. Повествование о России, кв. IV, М., 1838, стр. 48, прим. 294.

⁴ С. Соловьев. История России, кн. I, стр. 1431, прим. I.

⁵ В. Григорьев. О местоположении Сарая, столицы Золотой Орды («Россия и Азия», СПб., 1876, стр. 277—278).

Всеволодовича Черлиговского, известен по родословным и дворцовым разрядам конца XV и начала XVI в. Когда в 1501 г. Ших-Ахмед, сын Ахмед-хапа, стоял на Дону в «крепости» под Девичьими Горами у устья Тихой Сосны, на него пришел Менглы-Гирей и стал на другой стороне Дона. Менглы-Гирей просил Ивана III послать свою рать на улусы Ших-Ахмеда, паходившиеся между Доном и Волгой¹. «А нынеча коли мы так стоим, — писал Менглы-Гирей Ивану III, — к нам на пособ десять тысяч человек посадив на конь к нам пришли, и хоти пак одну тысячу наперед пришли, прикажи, все рать моя идет... Твои люди многие своим делом Доном в судах ходят, а недруг на Дону крепость чипит, и тем судовником прикажи итти, и те придут, нашему делу пригож стоит, и тех видит недруг и немочно ему стояти, прочь пойдут. В судах пушки и пищали пришлешь, толко славы деля имя бы было». Иван III отвечал, что послал на Орду царя Мухаммед-Эмина с уланами паря Нур-Даулета, с ним князей, казаков и русскую рать². Из разрядов 7009 г. (1500—1501) мы узнаем, что с Мухаммед-Эмином был послан князь Василий Ноздреватый³. Таким образом, в 1501 г. князь Василий Ноздреватый выполнил поручение, совершенно аналогичное тому, о котором под 1480 г. сообщает Казанский летописец.

Посылка Нур-Даулета в 1480 г. Волгой на улус Ахмеда вполне отвечала действиям Ивана III, который охотно принимал казанских, ногайских крымских царевичей, используя их против собственных сородичей. Наконец, следует отметить, что имя улана Нур-Даулета Обляза известно среди татарских имен. Так, в 1490 г. грамоту, посланную в Крым «татарским письмом», писал «Обляз бакшей»⁴, в 1508 г. гонцом из Крыма в Москву был татарин Обляз⁵.

Таким образом, мы не видим оснований отвергать рассказ Казанского летописца о посылке в 1480 г. экспедиции в пазовья Волги и Дона, на улус Ахмед-хана.

7

С неудачным походом Ахмед-хапа связано появление его ярлыка Ивану III. Необычная литературная форма ярлыка, отсутствие даты и ряд неясных намеков, содержащихся в тексте, вместе с резко-оскорбительными выражениями по адресу великого князя весьма затрудняют изучение этого интересного доку-

¹ Древнейшая разрядная книга, поданная П. Милюковым, стр. 29.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 361 и 364.

³ Древнейшая разрядная книга, изданная П. Милюковым, стр. 29.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 87.

⁵ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 95, стр. 39.

мента. Ярлык был впервые опубликован в 1884 г. архимандритом Леонидом, высказавшим предположение, будто известный рассказ о потоптании Иваном III басмы должен быть отнесен к данному документу. Иван III, получив оскорбительный ярлык, разорвал его, не пошел в Орду и отправил к Ахмед-хану посла Бестужева¹.

Ярлык дошел до нас в испорченном русском переводе в сборнике середины XVII в., представлявшем собой вклад патриарха Никона в основанный им Воскресенский монастырь Новый Иерусалим на р. Истре². Опубликованный ярлык Ахмед-хана не привлек внимания историков, кроме самых кратких указаний на статью архимандрита Леонида. Не было сделано ни одной попытки раскрыть историческое содержание ярлыка и использовать этот несомненно интересный источник для истории борьбы Ивана III с Ахмед-ханом. Мимо этого ярлыка прошел и А. Пресняков — автор специальной работы, посвященной походу Ахмед-хана на Угру.

Ярлык Ахмед-хана по единственному пока известному списку Синодальной рукописи № 272 сохранился в следующем виде:

«ЯРЛЫК АХМЕТА-ЦАРЯ.

От высоких гор, от темных лесов, от сладких вод, от чистых полей, Ахматово слово ко Ивану.

От четырех коней земли, от двенадцать Поморий, от сорок орд, от Большая Орды.

¹ Архимандрит Леонид. Два акта XV в. с объяснительными к ним примечаниями (Изв. Русс. археолог. об-ва, т. X, стр. 269—274, СПб., 1884).

² ГИМ, Рук. отд., Син. собр. № 272. На нижних полях первых листов сделана следующая надпись: «Лета 7166-го октября в 3 день великий государь святейший Никон патриарх Московский и всея Великия и Малыя и Белья России сию книгу положил в монастырь Воскресения Христова, что в Московском уезде на Истре реке». Содержание этого сборника, написанного несколькими почерками скорописи первой половины XVII в., очень разнообразно. Первую часть его (лл. 1—265) занимает запись делений Стоглавого Собора (царские вопросы, соборные ответы и постановления). Затем следуют различные повести и отрывки из церковно-назидательной литературы, как-то: Пчелы, Синаяского патерика, Златоустуя, Иоанна Златоуста и пр. Здесь же находятся две духовные грамоты — митрополита Алексея и патриарха Нова. На лл. 374—401 помещено сказание о Святой горе Афонской и даянах, которые идут с Афонской горы. Далее следует группа документов XV—XVI вв., относящихся к Золотой Орде, Казани и Крыму; в том числе ярлык Ахмед-хана Ивану III (л. 401). В конце сборника помещена повесть о «царях муромских чудотворцах» Петре и Февронии, несколько «слов» Василия Великого и Иоанна Златоуста и, наконец, грамота толмача Дмитрия новгородскому архиепископу Геннадью. Несмотря на крайне разнообразный состав сборника, его содержание вполне могло входить в круг церковно-политических интересов Никона.

Ведамо да есть: кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, и аз на его царстве стал всеми четырьмя копыты; и того бог убил своим копием, дети ж его по ордам разбежались: четыре карачи в Крыму ся от меня отседели. А вам ся есмь государи учинили от Саина паря сабельным концем. И ты б мою подать в 40 день собрал 60.000 алтын, 20.000 весеннюю, да 60.000 алтын осеннюю, а на себе бы еси просил Ботыево знамение у колшока верх вогнув ходил, заеж вы блужные просяники. Только моя подати в 40 день не зберешь, а на себе не учнешь Ботыево знаменья носить, почем тобою в головах, и всех твоих бояр з густыми волосы и с великими бородами, у меня будут; или паки мои дворяне с лозовыми сагадаками и с софьялыми сапоги у тебя будут. А крепкия по лесам пути твои есмь вделю и водекны броды есмь по рекам сметили. Меж дорог из один город наехал, тому ж так и стало. А Даньяры бы еси царевича оттоле свел, а только не сведешь, и аз его ищучи, и тебя найду. А пынеча еси от берега пошел, потому что у меня люди без одеж, а кони без попои. А минет сердце зны девяносто дней, и из опять на тебя буду, а пить ти у меня вода мутная».

Проверка фактических данных, заключенных в тексте ярлыка, и изучение обстановки, при которой он мог появиться, привели нас к выводу, что в основе сохранившегося списка лежит подлинный документ¹. Так, слова: «меж дорог из один город наехал, тому ж так и стало», — могут быть отнесены к известной неудачной попытке Ахмед-хана в 1472 г. перейти Оку у Алексина, причем татары захватили и сожгли этот город. В этой связи становится вполне понятным упоминание в ярлыке имени царевича Даньяра: «А Даньяры бы еси царевича оттоле свел, а только не сведешь, и аз его ищучи, и тебя найду». В 1472 г. Ахмед-хан, по сообщению летописи, очень опасался, чтобы Даньяр, получивший после смерти своего отца от великого князя Мстиславского городок (Касимов), а также царевич Муртаза, служивший Ивану III, не захватили бы Орды и жен.

Несмотря на необычную форму ярлыка Ахмед-хана, особенно в его вступительной части, ряд содержащихся в нем оборотов и выражений, несомненно, обнаруживает свое восточное происхождение. К ним относятся: «стал всеми четырьмя копыты», в смысле овладения страной противника; «учинили... сабельным концем» — победили оружием; «почем тобою в го-

¹ Подробный критический разбор ярлыка Ахмед-хана дан мною в статье «Ярлык Ахмед-хана Ивану III» (Вестник МГУ № 1, 1948).

ловах» — признан тобою повелителем или начальником¹; «пить ты у меня вода мутная» — упизпть.

Для документа, вышедшего из восточной канцелярии, характерно наименование Батыя не по имени, а по прозвищу — «Санином», т. е. добрым, прекрасным. Рашид-ад-дин в родословной Чингис-хана писал про Батыя: «Его (Батыя) называли Сани-хан². Сани-ханом Батый назван в ярлыке Тимур-Кутлука 1397 г.³. Батыев юрт также назывался «Санским стулом», т. е. царством⁴. Географический термин «Крым» в смысле наименования страны («четыре карачи в Крыму ся от меня отсиделт»), обычный для восточных источников, появляется в русских документах сравнительно поздно, лишь к концу XV в.⁵

Загадочное сообщение в ярлыке Ахмед-хана о «Батыевом знамеше», состоявшем в обязанности носить колпак (шапку) с вогнутым верхом, может быть объяснено тем особым значением, которое у монголо-тюркских народов придавалось головным уборам в качестве символа вассалитета или подданства. Так, пожалование головного убора (колпака) входило в обряд поступления в вассальную зависимость. При дворе султана малоазнатских турок (сельджукидов) беки в знак траура надевали «вывернутые шапки»⁶.

Заключительные слова ярлыка («А пыпча есми от берега пошол, потому что у меня люди без одеж, а кони без попон. А минет сердце зимы девяносто дней, и яз опять на тебя буду...») довольно точно указывают на время года — начало зимы — и на те трудности, которые возникли у татар с наступлением холодов. Ахмед-хан дважды принужден был уходить от «берега» Оки: в 1472 и в 1480 г. Но к первому походу Ахмед-хана рассматриваемый ярлык не может быть отнесен, так как хан находился у Оки летом, в конце июля. Указанная в ярлыке обстановка вполне соответствует второй попытке Ахмед-хана прорваться к Москве в 1480 г. После бесплодной остановки на р. Угре Ахмед-хан отошел 11 ноября, когда установилась зим-

¹ Это выражение встречается в персическ Менгли-Гирей с Иваном III. Сообщая в 1492 г. великому князю об одержанной победе, крымский хан писал: «...к твоим казаком людей прикошевав, хотел послати, кто был в Орде, которого дни было им притти из Орды, Азикины княжие люди 1000 человек, Кул Сейтом зовут, в головах почен, тот пришел...» (Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 151).

² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, изд. АН СССР, 1941, стр. 48.

³ П. Б е р е з и н. Ханские ярлыки, ч. 2, Казань, 1851, стр. 10.

⁴ Ногайский хан Ивак писал Ивану III в 1493 г. «Ино мне счастье дал бог, Тимур Кутлуева сына убивши, Саянской семи стул взял» (Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 199).

⁵ В. С м и р н о в. Крымское ханство, СПб., 1887, стр. 103.

⁶ В. Г о р д л е в с к и й. Государство сельджукидов в Малой Азии, Л., 1941, стр. 108.

няя погода и татары стали сильно страдать от наступивших холодов. «Сердце зимы» действительно кончилось через девяносто дней после ухода от «берега», в середине февраля. Этим условиям вполне соответствуют и сроки, установленные ханом в уплате «выхода», общей суммой в 140 тысяч алтын (4200 руб.). В сорок дней он требовал собрать 60 тысяч алтын (1800 руб.), остальные же деньги в два срока: весной 20 тысяч алтын (600 руб.) и осенью 60 тысяч алтын (1800 руб.).

Таким образом, ярлык Ахмед-хана должен быть отнесен к ноябрю 1480 г. Ахмед-хан не мог не понимать, что он потерпел крупную неудачу. Поэтому его ярлык — не обычная грамота, вышедшая из ханской канцелярии, а послание, передававшее те чувства ярости и бессильного гнева, которые должен был испытывать Ахмед-хан, позорно обнаруживший слабость перед лицом торжествующего противника.

8

Неудача Ахмед-хана на Руси вызвала активизацию враждебных ему сил в степях между Волгой и Янком. Краткие сообщения о гибели Ахмед-хана сохранились во всех основных летописных сводах, но только Архангелогородский летописец дополнил их рядом интересных подробностей. По сведениям этого летописца, хан Ивак, кочевья которого находились на р. Тюмени, узнав, что Ахмед-хан воевал Литовскую землю и захватил полон и «бесчисленное богатство», привел 1000 казаков в Ногайскую степь и соединился со своей «шурьей»: ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчеем, у которых было 15 тысяч казаков. Затем они переправились на горную (правую) сторону Волги и пошли «на переем» Ахмед-хану, след которого был обнаружен за Доном. Между тем Ахмед-хан «распустил» своих «султанов» зимовать, а сам стал па зимовище «расплошася». Тогда Ивак с мурзами пришел на него «безвестно» утром 6 января 1481 г., когда Ахмед-хан, не подозревавший опасности, спал в своем шатре (белой веже). Хан Ивак вскочил в шатер Ахмед-хана и убил его своими руками¹. По другим летописным известиям Ахмед-хан был убит не Иваком, а шурином его, ногайским мурзой Ямгурчеем².

¹ Архангелогородский летописец, стр. 158.

² Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, стр. 346). То же в летописном списке Уваровского собрания, № 1366, л. 464 (ГИМ, Рук. отд.). В ненаданной Вологодско-Пермской летописи сообщается, что хан Ивак отбил полон, разграбив базар, и захватил дочь Ахмед-хана (ГИМ, Рук. отд., Синод. собр. № 485, л. 489). Некоторые данные о хане Иваке и мурзах Мусе и Ямгурчее, в общем подтверждающие их участие в убийстве Ахмед-хана, находятся в ногайских делах (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41). В 1489 г. хан Ивак и ногайские мурзы Муса и Ямгурчей прислали в Москву

Непроверенные известия о смерти Ахмед-хана были получены в Москве весной 1481 г.¹ Вскоре всякие сомнения в этом отношении рассеялись. Со смертью Ахмед-хана кончилась полная неудачей попытка возродить на развалинах Золотой Орды татарское могущество и восстановить ханскую власть над Русью. Поэтому в истории почти двух с половиной-вековой борьбы русского народа за национальное освобождение от иноземной зависимости поражение Ахмед-хана — последнее, крупное по политическим последствиям событие. Оно является тем более замечательным, что победа была одержана русскими войсками при совершенно ничтожных жертвах благодаря исключительно умелой комбинации дипломатических и военных средств. Хорошо известно, какую высокую оценку дал К. Маркс этим действиям Ивана III: «...Иван III свергнул Золотую Орду, не сражаясь с нею сам, а притворным желанием дать сражение вызвал ее на наступательные действия, которые истощили остатки ее жизнеспособности и подставили ее под роковые удары родственных ей племен, которые ему удалось обратить в своих союзников. Он одних татар погубил при помощи других»².

Переход улуса Ахмед-хана к его сыновьям увеличил и без того значительные центробежные силы внутри Большой Орды³. Хотя в отдельные моменты она еще представляла некоторую опасность в смысле грабительских нападений для Южно-русских порубежных земель, но ее активная способность быстро уменьшилась. Сталкивая Менгли-Гирея с «Ахматовыми детьми», Иван III мог теперь спокойно наблюдать, как таяла когда-то грозная сила Орды.

послов, предлагая установить дружественные отношения, которые существовали раньше «при отцах и при дедах». При этом Муса и Имгурчей писали: «И нынеча, слава богу, недруга своего одолев, отпа своего юрт в свои есмь руки ваяли» (стр. 81—82). Речь, очевидно, шла об Ахмед-хане, пытавшемся подчинить себе Ногайскую орду.

¹ В памятке послу Тимофею Скрибе, посланному в Крым в апреле 1481 г., Иван III велел говорить Менгли-Гирею: «...нынеча как ко мне весть пришла, что Ахмата царя в животе не стало». Однако полной уверенности в этом еще не было: «Какими делы будет изогналася та весть, что Ахмата царя в животе нет, а учинится тамо весть, что Ахмат царь покоюет в великого князя земле, ино говорити царю, чтобы пожаловал, на Ахмата царя пошол» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 26).

² К. М а р к с. Секретная дипломатическая история XVIII в.

³ В русских родословных Астраханских царей названы три старших сына Ахмед-хана: Муртаза, Сеид-Ахмет и Шейх-Ахмед. (Временник Об-ва истории и древн. Росс., кн. X; В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Исследование о касимовских царях и царевичах, стр. 43—52). В Крымских посольских делах упоминаются, кроме того, следующие младшие сыновья Ахмед-хана: Халек, Хозяк, Ешай, Едигей и Багатырь; все они названы султанами (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41). В именном указателе к 41-му тому указан еще Сеид-Ахмат, но это, безусловно, одно лицо с Сеид-Ахмедом (Сеид-Махмудом).

УКРЕПЛЕНИЕ ЮЖНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦ

1

Победа Ивана III над Ахмед-ханом, помимо крупнейшего общего политического значения, явилась очень важным моментом в борьбе за безопасность южной и восточной границ государства. Прежде всего, она значительно подняла авторитет Москвы как по отношению к Крыму, так и в глазах улусных князей и мурз Погайской степи. Эта победа развязывала руки для активных действий против Казани, где сидел враждебный Москве Али-хан. В ближайшее десятилетие после гибели Ахмед-хана усилия Ивана III поэтому были направлены к тому, чтобы противопоставить «Ахматовым детям» союз остальных татарских ханств и при помощи татар обеспечить охрану и безопасность всей восточной и южной границ государства. От разрешения этой задачи в значительной степени зависел успех в достижении главной цели внешней политики: воссоединения под властью московского государя «вся Русь» ее великорусских, украинских и белорусских земель.

Узлом восточной политики Ивана III явился Крым. Неокрепшее Крымское ханство, — этого не могли не знать в Москве при той осведомленности, которую обнаруживали в крымских делах, — нуждалось во внешней поддержке. После смерти Ахмед-хана опасность со стороны Большой Орды, угрожавшая крымским владениям Гирсеев, не была устранена. На турецкую помощь Менгли-Гирей, повидимому, не особенно рассчитывал; с одной стороны, как показали события, она приходила слишком поздно, а с другой — была слишком требовательной и обременительной для хана. Оставались польский король и Московский великий князь. Казимир часто напоминал заслуги польской короны в деле утверждения династии Гирсеев в Крыму. Однако политика Ивана III в отношении Крыма оказалась

более гибкой и целеустремленной. Казимир, имея в виду помощь Менглы-Гирей в борьбе с Москвой, не мог для той же цели отказаться от союза с Ахмед-ханом и его сыновьями. Легко представить, как выглядела в Крыму эта политика короля, предлагавшего союз двум партнерам, смертельно ненавидевшим друг друга. Ведь вопрос шел не только о союзе против Москвы, но и о союзе против всех «недрузей». Кроме того, крымско-татарская знать во главе с Менглы-Гиреем не могла отказаться от периодических набегов на ближайшие города и сельскохозяйственные области, что при быстроте и неожиданности нападения сулило хорошую добычу и многочисленный «ясырь». В этом отношении южно-русское порубежье находилось в более благоприятных условиях, чем южные владения великого княжества Литовского, включая все Днестровское правобережье до Днестра. Преимущество русской окраины заключалось не только в большей удаленности от Крыма, отделенной от него широкой пустынной степной полосой, но и в значительно лучшей организации русской обороны по сравнению с литовской и польской. При нападениях на территорию, подвластную великому князю литовскому, крымские татары почти не несли потерь. Обремененные добычей, они обычно успевали удалиться раньше, чем собирались из рассеянных замков отряды шляхты. «Посполитое рушение» собиралось в случае более серьезной опасности и еще более медленно.

Таким образом, в борьбе за влияние на Крым Иван III обладал рядом бесспорных преимуществ по сравнению с королем Казимиром. Однако на пути вовлечения этого ханства в орбиту своей политики он должен был встретиться с рядом трудностей. Главнейшие из них заключались в неустойчивости внутреннего положения в Орде. Менглы-Гирей должен был серьезно считаться с желанием своих улусных эмиров, чьи настроения не всегда совпадали с намерениями хана. Эта система феодальной раздробленности открывала возможность для внешнего влияния, особенно когда оно подкреплялось хорошими «дарами». Поэтому московскому правительству необходимо было для укрепления своего влияния на Крым иметь на своей стороне наиболее влиятельную часть татарской феодальной знати.

Вторая половина XV в. это период консолидации Крымского ханства и его возрастающей воинственной активности. С этого времени и до XVIII в. грабительские нападения крымских татар и погаев представляли настоящее бедствие для всех земель — близко расположенных к северному Причерноморью и Приазовью. В особенно тяжелом положении в XVI—XVII вв. оказалась южная окраина русского государства и Украина. Как правильно отметил А. А. Новосельский, обычная в буржуазной литературе ссылка на «хищничество» татар, как на их приро-

жденное качество, не может служить объяснением для их грабительских походов, не прекращавшихся в течение около трех столетий. Эти причины следует искать в особенностях экономического и социального строя Крыма и Ногайских орд, а также и в исторической традиции их внешней политики¹. Наблюдения А. А. Новосельского в этой области, сделанные на материалах первой половины XVII в., полностью подтверждаются и более ранними источниками, несмотря на скудость сохранившихся данных.

Основой хозяйственной жизни татар Крыма, ногаев и Большой Орды в рассматриваемое время, как и позже, являлось кочевое скотоводство, находившееся в большой зависимости от урожая кормов. Частые засухи, особенно в приволжских степях, самым губительным образом отражались на состоянии скота и конского состава. Донесения русских послов, а также сообщения Меглы-Гирея указывают в таких случаях на то, что Орда «охудала добре», стала «безконна», что люди «голодны» и «истомпы». Голод обыкновенно приводил к раздроблению Орды и к дальним перекочевкам. Так, кочевья Большой Орды простирались от Волги до Днепра в зависимости от состояния травяного покрова. Во время голода в 1491 г. Орда сначала прикочевала к Дону, но, не найдя там благоприятных условий, пошла по рекам Орлу, Самаре к Овечьей Воде, где стала пахать пашню. Во время голода, обычно соединявшегося с падением скота, татары были бессильны предпринимать серьезные пабеги. Однако можно заметить, что после того как Орда оправлялась от последствий голода, ее воинственность усиливалась; очевидно, стремление восполнить понесенные потери толкали ее на новые военно-грабительские предприятия.

Дополнением к скотоводческому хозяйству у всех татар, крымских, ногаев и Большой Орды, служило земледелие, появившееся, правда, примитивный характер. Подробное описание земледелия у татар Большой Орды мы находим у Иоасафа Барбаро. «В исходе февраля месяца по всей Орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо в такой то день марта предположено отправиться к такому то месту, для посева избранному. Вследствие сего объявляя, все желающие немедленно делают приготовления свои; насыпают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, жемами и детьми, или только с частью своих семейств, к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась Орда во время возвещения приказа о посеве.

¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в XVII в., М.—Л., 1948, стр. 416—417.

Тут остаются они до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, и потом уже возвращаются назад в Орду. Между тем хан, подобно матери семейства, отпустившей детей своих порезвиться и беспрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засеянного поля, останавливаясь то там, то сям, — и никогда не удаляясь от оногo долее четырех дней пути. Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так равно и покупатели, отправляются туда для жатвы, с повозками, волами, верблюдами и со всем пужным, как бы на собственную мызу». Далее Барбаро сообщает, что благодаря плодородию почвы, жатва иногда бывает столь обильной, что татары не знают, что делать с хлебом, и часть его оставляют на месте ¹.

Сообщение Барбаро подтверждается нашими источниками с тем только дополнением, что в отдельных случаях Большая Орда уходила на пашню очень далеко от остальных кочевий. Так, известно, что посевы производились с одной стороны у р. Кумы ², а с другой — вблизи рек Самары, Орла и Овечьей Воды, т. е. в кочевьях днепровского правобережья. Дальние перекочевки производились тогда, когда в основных районах кочевий складывались неблагоприятные метеорологические условия для посевов или когда появилась необходимость в поисках непотщенных пастбищ для скота. Хлеб имел большое значение в хозяйстве татар, недород его вызывал голод в Орде. Так, в 1492 г. московский посол в Крыму Лобан Колычев сообщал, что Большая Орда перекочевала было к Пяти Горам, но улусы за ней не пошли, а направились к Волге, куда за ними отправилась затем и Орда, «А немеча... показывают, — писал Лобан Колычев, — Орда голодная добре, хлеб ся у них не родил, и они, сказывают, тово дея к Волзе пошли, чтобы им чем было прокормитьца» ³.

Можно предполагать, что в Крымской орде подобное примитивное земледелие было больше развито, чем у приволжских татар. Степная часть Крыма благодаря близости моря обладала более влажным климатом, чем удаленные от морского берега южные степи. При этом, вследствие небольшой территории Крыма и закрепления отдельных районов за родами, у крымских татар не было такого простора кочеваний, какими, по описанию Иоасафата Барбаро, располагали волжские татары. Следует предположить, что пашни отдельных улусов Крыма находились на их постоянной территории ⁴. В посольском доне-

¹ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 36—37.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 149.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 167.

⁴ В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. (Уч. зап. МГУ, вып. 61).

сенин в грамоте самого Менглы-Гирея встречаются указания на то, что до уборки крымские татары не выступали в поход. В 1493 г. в ответ на призыв Москвы итти на Липтовскую землю Менглы-Гирей отвечал, что он сам отправится в поход «как даст бог будет жпитво»¹. Успешный сбор урожая отвлек хана от других дел. Иван III поручил своему послу начать переговоры с ханом об уступке великому князю красного лала (яхонта) необычайной величины только после того, как Менглы-Гирей «хлеб свой возмет»². В 1502 г. Менглы-Гирей объявил Ивану III причину своего запоздания с выступлением в поход суровой и затяжной зимой, задержавшей сельскохозяйственные работы: «Нынешние дни у нас завсе в те поры жнут, жаворожки гвезда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова ж была зима; а oprичь того яз такой зимы не помню»³.

В случае угрозы нападения на Крым хлеб свозился в укрепленные пункты. В 1491 г. Василий Ромодановский сообщил Ивану III из Крыма, что, опасаясь нападения, Менглы-Гирей «живет в городе, по полю не кочует, а велит, государь, хлеб прятати да везти в город»⁴. Таким образом, у нас нет недостатка в указаниях источников, подтверждающих, что хлебопашество в примитивной архаической форме играло немаловажную роль в Крымском ханстве, хотя и не составляло основную отрасль его хозяйства. При господстве кочевого скотоводства население не могло стать оседлым и перейти к севообороту. Так, татарам в рассматриваемое время, повидному, не были знакомы озимые культуры. Из яровых они высевали пшеницу и просо. Несмотря на отсутствие прямых указаний в источниках, можно с уверенностью сказать, что в хозяйстве татар употреблялся труд полоняников-рабов, которые в изобилии поступали в результате удачных набегов. Об этом совершенно определенно свидетельствует Мартин Бронневский, посетивший Крым в конце XVI в. По его словам, знатные люди, имеющие большое число рабов, венгров, русских, московитов, валахов и молдаван, не только обрабатывают при их помощи поля, но и пользуются ими как скотом для всякой работы⁵. Нет оснований предполагать, что использование рабов в хозяйстве было новым явлением в XVI в. и не существовало в конце XV в.

Историки, занимавшиеся вопросами социально-экономического строя Крымского ханства (В. Е. Сыроечковский, А. А. Но-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 191.

² Там же, стр. 117.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Martini Bronniovii de Biezdzfeldéa. Tartariae descriptio, 1595, стр. 11.

восельский), отмечают необычную устойчивость форм хозяйства, которые почти не изменились на протяжении нескольких столетий. Из этого совершенно верного наблюдения следует, что существовали постоянно действующие причины, задерживавшие социально-экономическое развитие Крыма, как и других татарских орд. В первую очередь следует указать на тормозившие это развитие грабительские походы татар, благодаря которым в обладание завоевателей, преимущественно господствующей родо-феодалной знати, попадало огромное число пленных-рабов, скота и различного добра. Основной причиной этих походов была слабость собственной материальной базы, подверженной резким колебаниям. Обнищавшая и изголодавшаяся Орда с жадностью устремлялась на ближайшие культурные области, которые подвергались беспощадному ограблению. Вместе с тем возможность относительно легкой наживы не могла стимулировать развитие собственного хозяйства¹.

Еще меньше, чем по экономике, мы располагаем сведениями о социальном строе Крыма во второй половине XV в. и в начале XVI в. Нет сомнения, что общество крымских татар носило классовый характер; к господствующему слою принадлежали князья, уланы, мурзы, эсаулы и другие представители знати, игравшие крупную роль в экономической и политической жизни. Хотя население распадалось на отдельные роды, каждый из которых обладал определенной территорией, но нет никаких данных о сохранении татарами, принадлежавшими к одному роду, общинной собственности. Родовая организация являлась только старой оболочкой, внутри которой происходил процесс социально-экономического распада рода с резкой, как можно предполагать по более поздним материалам, имущественной дифференциацией. Повидимому, основной социальной ячейкой являлась патриархальная семья. В этих условиях родовая форма организации служила для господствующего слоя одним из средств укрепления влияния внутри своего рода и для удержания его населения в повиновении. В этом, как нам кажется, заключалась причина того, что классовые противоречия у татар не принимали открытой формы борьбы. В общем социальный строй татар в XV в. можно характеризовать как полупатриархальный-полуфеодалный².

Государственное устройство Крымского ханства в последней четверти XV в. нам плохо известно. Однако отдельные сведения, попадающиеся в донесениях московских послов в Крым, а также в ханских грамотах к Ивану III, позволяют сделать в этой области ряд важных наблюдений. Они допол-

¹ А. А. Новосельский. Указ. соч., стр. 418—419.

² Там же.

няются более обширным материалом, относящимся к последним годам жизни Менглы-Гирея и к царствованию его сына Мухаммед-Гирея, т. е. ко второму и третьему десятилетиям XVI в. Можно, не рискуя впасть в ошибку, сказать, что за 30—40 лет в политическом строе Крымской Орды не произошло крупных изменений и что те формы взаимоотношений, которые сложились к этому времени, действовали и в предшествующий период¹.

В соответствии с особенностями своего социально-экономического строя Крымская Орда не была цельным политическим организмом; внутренне она распадалась на ряд полусамостоятельных частей, сохранявших форму родовой организации. Некоторые монголо-татарские и тюркские роды полностью осели в Крым в XIV—XV вв., но многие имели своих сородичей в различных ордах, образовавшихся на территории распавшейся Золотой Орды. К древнейшим и наиболее влиятельным родам Крымского ханства во второй половине XV в. принадлежали: Ширин, Барыч, Аргын и Кипчак. Главы этих родов носили потомственное звание карачей (князей).

Отношения между ханом и представителями господствующего слоя населения — князьями, уланами, мурзами — строились на основе вассалитета. Власть хана фактически была ограничена участием этой родо-феодальной аристократии в разрешении важнейших вопросов политической жизни. Без согласия своих вассалов хан не мог начинать крупных военных предприятий, требовавших участия значительных сил. Сцену совещания Менглы-Гирея со своими князьями и уланами по случаю готовившегося зимой 1500—1501 г. похода в Литовскую землю живо описал московский посол Иван Мамонов. Выслушав Ивана Мамонова, который от имени великого князя настойчиво предлагал Менглы-Гирею идти на общего недруга, великого князя литовского, хан собрал всех князей. Когда последние собрались, хан велел послу произнести речь перед калгой Ямгурчем и князьями. Затем сам Менглы-Гирей совещался с князьями. После этого он выслал эсаулов «ко всем людям», т. е., по видимому, к собравшимся мурзам, и велел им «по своей заповеди и по княжой думе» в течение пятнадцати дней собраться со всем снаряжением для отправления в поход; дома оставались только дети моложе 15 лет, каждый должен был иметь трех лошадей с большим запасом корма; при каждых пяти воинах должна была находиться одна телега². В 1502 г. московскому

¹ На русских матерналах (посольских книгах), относящихся ко времени царствования Мухаммед-Гирея, основана прекрасная работа В. Е. Сыроечковского. Мухаммед-Герай и его время (Уч. зап. МГУ, вып. 61, т. 2).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 354.

посту в Крыму Алексею Заболоцкому было велено говорить «накрепко» о походе на великого князя литовского не только с ханом, но и с царницей Нур-салтап, калгой Ямгурчеем, с царевичами сыновьями Менглы-Гирея, с князьями (карачами) Барашем и Довлетеком и с другими князьями, «которым будет пригож»¹. Вместе с князьями Менглы-Гирей решал не только основные вопросы войны, но и более частные вопросы, относящиеся к военным действиям. Так, в 1493 г. Менглы-Гирей, переправившись через Днепр, намеревался идти к Киеву, но уланы и князья стали настаивать, чтобы он шел не к Киеву, а в глубь Литовской земли².

Хотя нет основания утверждать, что в рассматриваемое время при хане находился постоянный совет с определенным составом, подобный литовской раде или думе московского государя, но сам факт совещаний с приближенными людьми и крупнейшими вассалами не вызывает сомнения³. Повидимому, в обычное время хан совещался со своими ближайшими людьми, калгой, сыновьями и некоторыми князьями. При решении важных вопросов, особенно когда дело шло об отправлении в поход с участием всех уланов и князей, хан должен был обращаться к более расширенному совещанию, так как для полного сбора войска требовалось согласие вассалов. Московский посол назвал подобные совещания «княжой думой», правильно улавливая этим термином их феодально-совещательный характер. Позже, в начале XVI в., появилось и другое, но аналогичное по значению название: «земская дума»⁴.

Необходимость при решении важных дипломатических или военных вопросов обращаться за советом и согласием к представителям феодально-родовой и служилой знати не исключала, разумеется, того, что в отдельных случаях Менглы-Гирей действовал совершенно самостоятельно, а иногда и вопреки господствующему в его феодальном окружении настроению. Так, в 1500 г., сообщая великому князю о прибытии в Крым гонца Александра Казимировича и о своей готовности отправиться походом на Киев, Менглы-Гирей велел написать ярлык не своему человеку, а московскому подьячему — «ликих дела людей»⁵.

¹ Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 425—426.

² Там же, стр. 194.

³ На отсутствие постоянного совета определенного состава при хане косвенно указывают указы («памяти») московским послам, которые в ряде случаев должны были лично передавать «поминки» только тем князьям, которые при прибытии послов будут находиться при хане.

⁴ В. Е. Сыроучков и Я. Мухаммед-Герай и его вассалы, стр. 33. Более подробные сведения о составе и действиях «земской думы» относятся ко времени царствования Мухаммед-Гирея.

⁵ Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, стр. 330.

Для успеха московской политики при сложившемся политическом строе Крымской Орды требовалось иметь на своей стороне в качестве постоянного союзника против общих врагов не только хана и членов его семьи, но и влиятельных представителей феодально-родовой и служилой знати.

Первую группу среди них составляла семья Гиреев, при Менгли-Гирее, представителе второго поколения царствующей династии, не очень еще многочисленная. Феодально-династическая борьба рассеяла братьев Менгли-Гирея по польско-литовским и русским землям. В Крыму оставались Ямгурчей и Милькоман. В посольских книгах Милькоман упоминается только один раз: в 1482 г. Иван III через своего посла предлагал царевичу Милькоману дружбу и просил беречь его «дела» у царя¹. Полное исчезновение этого имени в посольских сношениях можно объяснить смертью Милькомана. Царевич Ямгурчей играл крупную роль в качестве наследника — калги Менгли-Гирея². По родовому обычаю он считался первым человеком после хана и стоял выше своего племянника, старшего сына Менгли-Гирея, Мухаммед-Гирея.

В обращении к Ивану III Менгли-Гирей следующим образом определил положение своего брата — калги: «Ямгурчей царевич один мой брат стоит, а мы с тобою в дружбе и в братстве стоим и в роте и в правде вместе стоя, а он с нами вместе был. И нынеча, слава богу, подо мною брат и калга царевич он, а менши его сын мой Махмет-Кирей, как нас видишь первыми очима, а брата бы еси моего Емгурчя также видал»³. Послы Ивана III привозили Ямгурчею «помянки» и передавали ему поклоны и «речи» великого князя. Хотя дружба с калгой вызывала определенные расходы, но Иван III не имел основания жаловаться на непостоянство своего союзника. «С тобою межю нас из старины сколко добра и слов было, на том слове стоим изстарины», — писал Ямгурчей великому князю⁴.

Значительное влияние на московско-крымские отношения имела Нур-салтан, на которой Менгли-Гирей женился около 1485 г. Нур-салтан была дочерью князя Темира, принадлежавшего к влиятельному роду Мангитов. Первым браком Нур-салтан была замужем за казанским ханом Ибрагимом, после смерти которого возвратилась в Крым. Это была, несомненно,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва., т. 41, стр. 31

² В противоположность правильным указаниям Карамзина и Малиновского, что калгой при Менгли-Гирее был его брат Ямгурчей, В. Смирнов, опираясь на показание Сейид-Мухаммед Риза, считал, что калгой был сын Менгли-Гирея Мухаммед-Гирей. Ошибку В. Смирнова отметил В. Сыроечковский (Мухаммед-Герей и его вассалы, стр. 33).

³ Сб. Русс. ист. об-ва., т. 41, стр. 541.

⁴ Там же, стр. 222.

выдающаяся женщина, принимавшая деятельное участие в политической жизни ханства; она пользовалась сильным влиянием на мужа — обстоятельство, которое было хорошо учтено в Москве. После того как один из ее сыновей от первого брака (Мухаммед-Эмин) Иваном III был посажен ханом в Казани, а другой (Абдул-Латыф) — еще мальчиком отправлен в Москву под покровительство великого князя, у Нур-салтан появилась личная заинтересованность в поддержании дружественных отношений с Иваном III. Она сносила с ним через своих собственных послов и посылала ему ярлыки за своей печатью, а иногда, помимо семейных дел, сообщала кое-какие политические повести. Со своей стороны Иван III видел в Нур-салтан верную союзницу и удовлетворял ее просьбы о присылке различных вещей. Не ограничиваясь ханшей, Иван III поддерживал также дружественные отношения с ее родней. Отец Нур-салтан князь Темир называл Ивана III «сыном», а великий князь называл Темира «отцом»¹.

Имена старших сыновей Менглы-Гирея, Мухаммед-Гирей и Ахмед-Гирей, начинают упоминаться в посольских книгах с 1486 г., когда, повидимому, они стали принимать участие в делах отца. Им неизменно посылались «шюкло» великого князя, часто сопровождавшийся «легкими помпками». С течением времени в круг членов семьи Менглы-Гирея, которых должны были приветствовать московские послы, включались и младшие его сыновья: Махмуд-Гирей, Фети-Гирей и султан Буриаш. В конце девяностых годов XV в. и в первые годы следующего столетия младшие сыновья Менглы-Гирея уже самостоятельно производили набеги на литовские земли.

Трудности во взаимоотношениях с Крымом возникали и в ханской семье Гиреев, в общем следовавшей за своим главой, а в отношении с могущественной родо-феодалной знатью. Среди нее первое место в политической жизни Крыма занимал старинный род Ширин, основные владения которого были расположены около Солхата (Старого Крыма)². Располагая своими

¹ Менглы-Гирей писал Ивану III: «И ты, мой брат, Тевекелева отца Темира князя отцем еси себе звал, а теби брата моего Темир сыном себе звал» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 518).

² По родословной Ширинских, представленной в 1820 г. в Таврическое дворянское собрание, возвышение рода Ширинов произошло в конце XIV в. при Руктемир бее, сыне Дангы бей. За оказанные хану Тохтамышу «верные и усердные услуги, от коих зависело сохранение его жизни и благосостояния», Руктемир бей получил от Тохтамыша грамоту (ярлык), по которой без воли и согласия Ширинского бей не должны были ни начинаться, ни оканчиваться «никакие важные государственные дела» (Ф. Л а ш к о в. Исторический очерк крымско-татарского землеустройства, Симферополь, 1897, Приложения № 55). Хотя проверить это родовое предание не представляется возможным, но, повидимому, оно верно отмечает время возвышения рода Ширинов. Во время известной тягбы вели-

собственными вооруженными силами, Ширины хотя и считались вассалами ханов Гиреев, но в действительности поступали иногда совершенно независимо от своего сюзерена. «А с Ширины, государь, царь живет негладко», — доносил в 1491 г. московский посол князь Васплий Ромодановский¹.

Главой рода Ширинов был Эминек, который после смерти Хаджи-Гирея по существу распоряжался ханским престолом и играл руководящую роль в дворцовых переворотах этого периода. Иван III принужден был гораздо больше считаться с позицией Эминека, чем с калгой и с сыновьями Менглы-Гирея. Как правильно отметил В. Сыроечковский, договор о союзе был заключен Иваном III не только с Менглы-Гиреем, но и с Эминеком, без согласия которого он в значительной степени потерял бы практическое значение. Еще в 1474 г., заключив шерт с Менглы-Гиреем, Иван III особенно настаивал на том, чтобы вместе с ханом шертовали Эминек и Авдула (глава рода Барыи). Московский посол в случае необходимости должен был им дать по «сороку соболей», а если этого окажется мало, — то и по два «сорока соболей». Убеждая Эминека, чтобы он «дружбу свою учинил», Иван III напоминал ему, что его отец, великий князь Василий Васильевич, также был с ним «в братстве и в дружбе». Во всех переговорах о заключении союза в 1480 г. Эминек играл видную роль². В 1482 г. Эминек рассорился с Менглы-Гиреем, «выбежал» от него к его «недрузьям» и навел их на хана. Но уже в следующем году Эминек вернулся в Крым и, повидному, восстановил свое положение. После возвращения он стал проявлять враждебность к великому князю, что вызвало у Ивана III некоторое беспокойство. «Сказывал мне боярин Юрьи Шестац, — велено было сказать Эминеку от имени великого князя, — что зовешь меня себе недругом; ино что моя недружба к тебе, опроче добра отца нашего великого князя да и нашего?»³ Полное исчезновение имени Эминека в посольских материалах с 1483 г. примерно указывает на время его смерти.

После смерти Эминека место главы Ширинского рода занял его брат Азик. Во время отсутствия Эминека по

кого князь Василия Васильевича со своим дядей Юрием Дмитриевичем основные владения Ширинов находились в Крыму. По «Камеральному описанию Крыма 1784 года» сейлик Ширинских занимал целый кадылык вблизи Феодосии, в состав которого входило 40 деревень (Известия Таврической ученой архивной комиссии № 6, стр. 57—58).

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 119; В. Сыроечковский. Мухаммед-Герая и его вассалы, стр. 29—30.

² Там же, стр. 3, 16, 24. При Василии Темном Эминек ездил в Москву, о чем Иван III напоминал ему в 1483 г. (Там же, стр. 36).

³ Там же, стр. 36.

причине ссоры с Менглы-Гиреем Азик оставался в Крыму, и к нему с предложением о поддержании дружбы обращался московский посол. В 1486 г. Азика уже не было в живых и дальнейшие сношения с ширинцами велись через сыновей Эмпнека: Бураша и Довлетека. Послы великого князя в Крым неизменно должны были передавать им поклоны и «поминки», говорить посольские «речи» и стараться, чтобы ширинские князья «делали» у хана великого князя «дело», т. е. защищали его интересы. На особое внимание к ним указывает «память» послу Константину Заболопкому в 1492 г., который должен был отвезти «поминки» только Бурашу и Довлетеку, если бы он их не застал у царя; остальным отсутствующим князьям надлежало передавать «поминки» лишь тогда, когда они будут у Менглы-Гирея¹. В общем Ивану III вполне удалось удержать ширинских князей в числе своих союзников в Крыму.

По сравнению с Ширинцами другие княжеские роды в Крыму пользовались значительно меньшим вниманием со стороны Ивана III. Это особенно ясно видно по отношению к карачам из рода Барын, который стоял по старшинству на втором месте, непосредственно после Ширинцев. Исключением являлся лишь Авдула, который, наряду с Эмпнеком Ширинцем, играл крупную роль в политических событиях в Крыму в период династической борьбы в начале 70-х гг.² Брату последнего Казыю, «что на Барынове месте», только однажды, в 1486 г., был послан золотой «в поминок». Также один только раз, в 1501 г., был послан «поминок» сыну Казыя Довлет-Бахты. Это произошло тогда, когда во время войны с Александром Казимировичем был составлен большой список лиц, получивших «поминки»³.

Причина слабого внимания в Москве к Барынам заключалась не в том, что в Москве недооценивали их роли в политической жизни Крыма. Есть основание предполагать, что Барыны очень рано обнаружили литовско-польские симпатии, которые устойчиво держались среди карачей этого рода. В одной из грамот к королю Казимиру Менглы Гирей просил короля прислать скерб князя Авдулы, который уехал в Литву и там, повидимому, умер. При этом Менглы-Гирей напоминал королю, что брат Авдулы Сейтек (Сянтяк) ему «много служил»⁴. В начале

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 164.

² Последний раз имя Авдулы упоминается в посольских делах в 1474 г. (Там же, стр. 14).

³ Там же, стр. 352. Позже, в 1516 г. Довлет-Бахты писал Василию III: «Шырипу от тебя ежеготов твой легкий поминок, тяжелой поклон ходил, а яз убогой твоего жалованья не видал» (В. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы, стр. 33).

⁴ Литовская метрика, РИБ., т. 27, ст. 359—360. К сожалению, в некоторой части эта грамота вследствие испорченного перевода не поддается пониманию. Грамота не датирована. Менглы-Гирей сообщает королю, что

XVI в. сын Казыя Довлет-Бахты также принадлежал к числу главных сторонников литовской ориентации в Крыму¹.

В сношениях Ивана III с Крымом так же мало играли роль представители двух других старых княжеских родов: Аргыпов и Кипчаков. Из Аргыпов упоминается князь Мардан, некоторое время живший в России вместе с Нур-Даулетом. Повидимому, оба рода успели к концу XV в. захудать. Некоторые представители их, если и пользовались влиянием при ханском дворе, то не в силу своего независимого состояния в качестве улусных князей, а вследствие служебного положения².

Вместо захудавших старых крымско-татарских родов при Менгли-Гирее стали выдвигаться более молодые для Крыма роды: Мапгиты, Седжеуты, Кияты. Мапгиты были одним из древних и очень разветвленных родов, основная часть которых была сосредоточена в Большой Орде. Кроме того, Мапгиты находились и у ногаев и в Казани. Своё происхождение Мапгиты (Мансур) вели от известного мурзы Едигея³. Это подтверждается и русскими родословцами, согласно которым глава рода Мапгитов князь Темир (отец царицы Нур-салтан, жены Менгли-Гирея) был внуком Едигея. Таким образом, князь Темир находился в близком родстве с ногайскими мурзами, также происходившими по прямой линии от Едигея⁴. В Большой Орде Мапгиты составляли отдельный улус и играли значительную политическую роль. Особенно крупную роль при Ахмед-хане играл князь Темир, отец царицы Нур-салтан. Когда в 1471 г. король Казимир послал Кирея «Кривого» к Ахмед-хану, чтобы поднять Орду против Москвы, то единственным из князей, с которыми велись переговоры, был назван Темир⁵. До 1486 г. отношения Темира к Менгли-Гирею были резко враждебными. В том же году Темир участвовал в походе

«на Обдулином месте человека не осталось, и брат его меньший князь Казы умер». В русских посольских делах Казы упоминается в 1486 г. Следовательно, грамота была написана в промежуток между 1486 и 1492 гг. (год смерти Казимира).

¹ В. Сыроечковский и Мухаммед-Герай и его вассалы. стр. 52. Автор считает, что при Василии III Довлет-Бахты был главой литовской партии в Крыму.

² В. Сыроечковский и Мухаммед-Герай отмечает, что в начале XVI в., хотя представители Кипчаков часто встречаются на видных местах при ханском дворе, по их значению вытекало не из силы их независимых улусов, а определялось службой у хана (Указ. соч., стр. 31).

³ Родословная Мансуров, представленная в Таврическом дворянском собрании (Ф. Л а ш к о в. Исторический очерк крымско-татарского землевладения, стр. 51).

⁴ Князь Темир приходился двоюродным братом князю Мусе и мурзе Ямгурчуею в Ногайской орде (Временник Об-ва истории и древностей Российских, кн. X, стр. 130).

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 158.

Махмуда, сына Ахмед-хана, на Крым. Брак Менглы-Гирея с дочерью Темира Нур-салтан может служить одним из признаков перемены в настроении Мангитов. В 1491 г. московский посол сообщал из Крыма, что по полученным им сведениям «промежи царей (сыновей Ахмед-хана. — К. Б.) и Мангитов рознь»¹. Есть основание предполагать, что сам Темир после выхода Нур-салтан замуж за Менглы-Гирея переехал в Крым, где вскоре и умер. Когда его сын Тевекель в 1503 г. приехал к Менглы-Гирею, то последний, сообщая об этом Ивану III, писал: «... добрая царева мати, да доброго отца Темира приказ поминуючи, к себе его приведчи, отца его место и базар и волости ему дали пожаловали, Тевекеля князем учинили есмя его братом и другом доспели. И Тевекель князь, свою правду учипив, нас государем называючи, промеж нас опричь добра лиха нет никакова; лихо есмя промеж себя покинули и душу есмя свою под одну грудь положили»². Менглы-Гирей не мог бы так говорить, если бы Темир умер его врагом в Большой Орде. До конца существования Большой Орды непримиримым противником Менглы-Гирея оставался лишь младший брат Темира Азик. В 1504 г. Азик сделал попытку примириться с Менглы-Гиреем, по последний не принял его³. Из семьи Нур-салтан только ее двоюродный брат Янкуват мурза служил в Крыму в период острой борьбы с «Ахматовыми детьми». В посольских книгах имя его среди крымских вельмож появляется впервые в 1486 г. В этом году Иван III велел ему сказать: «...слышал есми, что царева Менли-Гиреева добра смотришь»⁴. В 1488 г. Янкуват отъехал к Сеид-Ахмеду в Орду. Сообщая об этом великому князю, он подтверждал неизменность своего отношения к нему: «...а где ни буду, тут есми его человек». Но уже через два года Янкуват вернулся в Крым и занял прежнее положение⁵. Иван III в течение многих лет поддерживал сношения с Янкуватом и посылал ему «поминки».

Судьба Мангитов — типична для времени распада Большой Орды и процесса консолидации крымской феодальной знати. Родственные связи Мангитов с энергичной Нур-салтан, а также их собственное выдающееся положение в татарском мире обеспечивали за перешедшими в Крым представителями этого рода влиятельное положение при ханском дворе, что вполне учитывалось в Москве.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 119.

² Там же, стр. 518.

³ Азик все же был затем принят без ведома отца Ахмед-Гиреем и вскоре занял первое место среди крымских князей (В. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 33).

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 74, 103.

При Менглы-Гирее началось выдвижение и другого, молодого для Крыма рода — Седжеутов. К этому роду принадлежала одна из жен Менглы-Гирея, царица Зезеуд (Седжэут), дочь Едигера. После брака Менглы-Гирея с Нур-салтан царица Зезеуд заняла второе место среди ханских жен. Менглы-Гирей требовал, чтобы Иван III присылал «помощки» «шуринау цареву» Мамышу Зезеуду ¹.

В общем следует признать, что в результате систематического собирания сведений в Москве были относительно хорошо осведомлены о внутренней жизни Крымской Орды, о положении отдельных татарских родов. Это имело большое значение при посылке и распределении «помощков», которые должны были подкреплять успех дипломатических переговоров и служить средством материального воздействия в желаемом направлении на хана, членов его семьи и влиятельных представителей родо-феодалной знати. Поэтому с каждым московским посольством в Крым отправлялась «казна» для раздачи «помощков» по заранее составленному списку.

В составе «помощков» деньги, повидимому, посылались лишь в исключительных случаях. Обычно же они состояли из мехов, (соболя, горностап, куницы, белка, рысь) и мехового платья, шелковых тканей, рыбьего зуба, пансырей, серебряных судов, ловчих птиц (кречетов). С просьбой о присылке значительных сумм денег Менглы-Гирей обращался к Ивану III лишь в случае особых расходов. Так, в июне 1492 г. в связи с постройкой города на Днепре (Инкермень) хан взял на шесть месяцев в долг 130 тыс. денег и 3 тыс. алтын (740 руб.), которые просил великого князя прислать ему, чтобы он вследствие неуплаты в срок «в соромоте не был бы». Повидимому, великий князь не особенно спешил удовлетворить просьбу своего союзника, так как в октябре 1493 г. Менглы-Гирей жаловался великому князю, что долг его, вызванный расходами на постройку и возобновление этого города, разоренного литовцами, составил сумму в 150 тыс. алтын (4500 руб.). В 1498 г. Менглы-Гирей просил прислать ему 70 тыс. денег (350 руб.) ². Форма обращения с этим «запросом» указывает на то, что присылка денежной казны в Крым представляла редкое явление.

Одним из самых желанных видов «помощков» были кречеты, соколы и ястреба, нужные для ханской охоты; особенно ценились кречеты, пригодные для ловли лебедей. Повидимому, этот вид охоты был еще новым в Крыму, так как вместе с кречетами и соколами Менглы-Гирей просил прислать и сокольника для обучения его сокольников ³. Встречаются указания на присылку

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 352.

² Там же, т. 41, стр. 152, 196, 268.

³ Там же, стр. 220.

серебряных судов. В 1495 г. Менглы-Гирей просил великого князя прислать ему серебряные чары «доброего дела» в два ведра с наливками соответствующего размера. «У нас так сделати мастера доброво не добыти. а у тебя у брата моего такие есть..., — писал Менглы-Гирей, — твоя брата моего любовь в ночь и в день с сердца не сойдет, серебряную чару исполнив меду, про твою брата моего любовь чашу всегда полну пьем». Из других предметов высоко ценились крепкие пацсыри, не пробивавшиеся стрелой, частые просьбы об их присылке исходили не только от Менглы-Гирея, но и от царевичей. В виде единичного случая следует отметить просьбу Менглы-Гирея о присылке ему музыкальных инструментов: пяти «трубленных труб», трех больших и двух тонких¹.

Таким образом, ассортимент «поминков» был весьма разнообразен, но основную часть его составляли меха и платье (шубы), т. е. предметы бытового назначения. В Москве велся точный учет лицам, которым следовало направлять «поминки», и составлялась соответствующая роспись, вручавшаяся отправлявшимся в Крым послам. Каждый соболь был снабжен надписью, кому он предназначался².

В обычное время, помимо хана и членов его семьи, «поминки» посылались важнейшим уланам и князьям. Эти «поминки» назывались «девятными»³. В те моменты, когда требовалась активная помощь Крыма, список получавших «поминки» значительно расширялся. Не только хан, но и уланы, князья, мурзы и даже более мелкие служилые люди из числа ханской администрации пользовались этими случаями, чтобы выпрашивать для себя московские «поминки»⁴. Царевич Ямгурчей, отправляясь в 1493 г. в построенный Менглы-Гиреем городок (крепость) на Днестре у устья Тягинки, просил великого князя,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 220.

² Там же, стр. 372.

³ Название «девятных поминков» происходит от древнего обычая подносить хану дары, состоявшие из девяти различных предметов. Сведения об этом сохранились у Иоасафата Барбаро, который был послан консулом города Тана (Азова) с дарами к Кичи-Мухаммеду. Дары эти, сообщает Барбаро, носили название «повеппа», так как состояли из девяти различных вещей. Барбаро отправился к ставке хана с хлебом, медовым вином, бузой и другими предметами, числом до девяти. Одну «повеппа» он поднес хану, другую матери и третью — военачальнику Наурузу [В. Семёнов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836, стр. 16 (русский перевод) и стр. 74 (итальянский текст)]. У нас нет оснований считать, что этот обычай, восходящий, повидному, ко времени Золотой Орды, соблюдался в сношениях с Менглы-Гиреем, возможно, что сохранилось только старое название.

⁴ Из лиц ханской администрации «поминки» чаще всего посылались дуванам, ведавшим ханской казной. Среди них упоминаются: Собакдуван, Мусофей-дуван, Ланм-Бердей-дуван.

чтобы он кроме ежегодных «поминок» «того бы еси свыше на харч прислал». Царевичам посылались особые «поминки» по случаю паломничества в Мекку и женитьбы.

Со своей стороны и Иван III, заинтересованный в удовлетворении военно-политических требований, отправлял в таких случаях «поминки» в усиленном против обычного размере — «великие поминки». Кроме того, существовали «тайные» или «потайные поминки», когда возникала необходимость заручиться благорасположением соответствующего лица. «Тайные поминки» отправлялись и Менглы-Гирею.

«Поминки», несомненно, представляли одно из важных средств воздействия на крымскую знать, которым Иван III пользовался с большим искусством. Согласно проводимому им взгляду, они являлись не обязательной данью, а награждением за услуги и службу в интересах великого князя. Поэтому в случае каких-либо неприятных действий со стороны отдельных лиц посылка «поминок» временно прекращалась. Так, в 1484 г. не были посланы «поминки» ширину князю Барашу, сыну Эминека, за то, что он вопреки распоряжению хана не проводил московского посла, и «яз ему нынеча за то и поминка не послал, коли твоего дела да и моего не бережет», — сообщал Иван III Менглы-Гирею¹. В 1496 г. была прекращена посылка «поминок» второму сыну Эминека, мурзе Довлетку, который велел своим людям силой снять с московского посла понравившуюся ему одпорядку. Через несколько лет Довлетек прислал в Москву своего человека просить, чтобы великий князь сложил на него гнев «со своего сердца» и стал бы его «жаловать» по-старому².

Общая ценность «поминок» посылавшихся в Крым, не может быть установлена, но во всяком случае, за отдельными исключениями, она была не велика. В отношении «великих поминок» или слишком больших запросов Крыма чаще встречаются одни обещания, чем действительная посылка «поминок». При этом обычно делались ссылки то на тяжелую дорогу, то на отсутствие безопасности: «...ипо до тебя не доходит, а от нас отходит, толко нам убыток»³.

2

Посылка «поминок» представителям феодально-родовой знати Крыма с точным распределением их соответственно положению и степени полезности каждого явилась только одним из средств воздействия на политику ханства в желаемом

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 39.

² Там же, стр. 229, 312.

³ Там же, стр. 386.

для Москвы направлены. Другим не менее действенным средством являлось привлечение на службу великого князя или предоставление убежища в России всем царевичам и мурзам, принужденным по разным причинам покидать свои родные улусы.

Иван III обнаружил прекрасное понимание политических условий существования независимых и полузависимых татарских государств, раздиравшихся внутренней феодальной войной и столкновениями династических интересов. Часть выходцев из Орды, обладавших династическими правами, он содержал под своим покровительством в качестве возможных претендентов на ханскую власть. В случае занятия престола при русской военной поддержке они, естественно, становились вассалами великого князя; во время же пребывания в России, в руках Ивана III, они являлись угрозой по отношению к своим родным и родственникам на ханском престоле. Часть этих татарских выходцев устраивалась в пограничной полосе для обороны окраин и активных действий против своих соплеменников.

Иван III проявлял большую настойчивость в деле разыскания и переманивания нужных ему влиятельных людей из Орды.

Два брата Менглы-Гирея, Нур-Даулет и Хайдэр, попав в Россию около 1486 г., навсегда остались в ней. Около 1486 г. Нур-Даулет получил после Даниара Мещерский городок¹. Позже ему была предоставлена Кашира². В течение 1486—1498 гг. Нур-Даулет постоянно участвовал в походах против «Ахматовых детей». После 1498 г. его имя перестает упоминаться. В 1501 г. против Ших-Ахмеда и Сеид-Мухаммеда был отправлен уже не Нур-Даулет, а были посланы его улусы, князья и казаки³. В 1503 г. в «памяти» Ивану Иванову Ощерину, посланному в Крым, было велено отвечать Менглы-Гирею на вопрос о сыне Нур-Даулета, царевиче Саталгане: «...а брата, господине, твоего не стало, и яз, господине, слышал, что князь велики хочет его (т. е. царевича Саталгана) жаловати, дати ему то место, где отец его был»⁴. Таким образом, можно считать, что Нур-Даулет умер около 1498 г. В 1504 г. Менглы-Гирей просил прислать ему «кость» его старшего брата Нур-Даулета и вдову последнего — «большую жену» Коуратью Мадыкову. Эта просьба была исполнена в 1505 г.⁵

Менее благоприятной оказалась в России судьба другого брата Менглы-Гирея, царевича Хайдэра (Айдара). Весной

¹ В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч., стр. 89—90.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 370.

³ Там же, стр. 370.

⁴ Там же, стр. 491.

⁵ Там же, стр. 553.

1480 г. Хайдэр был «изыман» и сослан в заточение в Вологду¹. Официальной причиной заключения Хайдэра служило опасение, чтобы его не выкрали люди Казимира. Иван III сообщил об этом Менглы-Гирею только в 1487 г.: «...а что еси писал ко мне в ярлыке в своем о своем брате о Айдаре царе, что король хочет послати выкрадывати его у меня из моей земли. И по яз твоего для дела Айдара царя держу у себя в крепости, а твоего дела берегу накрепко, сколько ми бог поможет»². Это объяснение, данное спустя семь лет после заключения Хайдэра, вряд ли можно признать основательным. Повидимому, вопрос о возможности побега Хайдэра к королю возник в связи с появлением в Польше, когда Хайдэр уже находился в Вологде, его сына, царевича Девлеша. Иван III не пожелал указать действительные причины его заключения.

Нур-Даулет оказался послушным вассалом великого князя. Ивану III было очень выгодно держать в своих руках бывшего крымского «царя», имевшего на юрт Хаджи-Гирея не меньшие права, чем Менглы-Гирей. Это обстоятельство заставляло Менглы-Гирея с недоверием относиться к пребыванию своего старшего брата в России. В 1487 г. Менглы-Гирей просил Ивана III о возвращении Нур-Даулета в Крым, объясняя эту просьбу желанием, чтобы «о своем юрте стати за один против своих недругов». Об этом же Менглы-Гирей отправил ярлык к самому Нур-Даулету. Однако Иван III отказался отпустить Нур-Даулета под тем предлогом, что его призывает к себе и Муртоза «на твое (Менглы-Гирея) лихо»³. Тогда Менглы-Гирей, выдавая свои действительные опасения, стал просить «Нурдовлата царя к правде привести и укрепить», чтобы он над ним «царства не хотел». При этом Менглы-Гирей вновь повторял просьбу об отпуске брата в Крым. Иван III ответил пространном рассуждением о вреде иметь в одном государстве двух государей, напомнив своему союзнику бывшую вражду между братьями после смерти Хаджи-Гирея: «Ино тебе ведомо из старины, от дед и от отцов ваших: на одном юрте два осподаря бывали ли? А где и бывали будут два осподаря на одном юрте, ино которое добро меж их было? А брата твоего Нурдовлата царя, как ми укрепить? Здесе мне и правду даст, как бы ему над тобою царства не хотети; а коли он тамо будет с тобою вместе, и мне по чему ведати, что будет у него в мысли? Ведаешь сам, с Нурдовлатом со царем одного отца

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 198. В. Смирнов допустил ошибку, объясняя причину ссылки Хайдэра его самоуправной расправой с убийцей сына. В действительности был зарезан не сын Хайдэра, а сын Нур-Даулета (В. С м и р н о в. Указ. соч., стр. 289).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 64.

³ Там же, стр. 64.

дети вы, а опосле отца вашего Ази-Гирея царя колко лет брат твой Нурдовлат на царстве был, а те же люди ему служили, которые ныне у тебя. Ино почему ведати, у всех ли у твоих людей одна мысль, все ли тебя хотят на твоём осподарстве, или которые захотят брата твоего Нурдовлата царя на том юрте; и какими делы будет межи вами рознь с братом с твоим с Нурдовлатом со парем, ино твоему делу тогда которое добро будет?» В заключение Иван III уведомлял Менглы-Гирея, что он не говорил с Нур-Даулетом по этому вопросу и не передаст ему ярлыка брата, «доколе к нам свою мысль отпишешь»¹. Хотя в случае повторения просьбы великий князь и обещал отпустить Нур-Даулета в Крым, но было совершенно ясно, что в дипломатически вежливой форме скрывался категорический отказ. Так, повидимому, понял слова великого князя и Менглы-Гирей, который больше не обращался к нему с просьбой об отпуске брата.

Большой интерес Иван III проявил и к другим Гиреям, принужденным по тем или другим причинам покинуть родной юрт. В 1490 г. Менглы-Гирей сообщил великому князю, что брат его Издемир и племянник Девлеш (сын Хайдара) «выбежали» от турецкого султана к его недругам, к «Ахматовым детям». Иван III тотчас велел спросить Менглы-Гирея: «...и будет тебе надобе, чтобы те царевичи у твоих недругов у Ахматовых детей не были, и яз твоего для дела пошлю их звати к себе, чтобы поехали ко мне»². Одновременно с послом были отправлены в Крым призывные грамоты к Издемиру и к Девлешу. «Нынеча слышели семя, — писал Иван III в грамоте к Издемиру, — что в чужом юрте стоишь, а конь твой потен; и мы, поминая к себе отца твоего дружбу да и братья твоей Нурдовлатову цареву и Менли-Гиреву цареву дружбу и братство, тебе хотим дружбу свою чинити: похочешь у нас опочива, и ты к нам поеди, а мы тебе в своей земли опочив учиним и добро свое, как даст бог, хотим тебе чинити. А которые твои люди с тобою приедут, и мы тебя дея тех твоих людей хотим жаловати»³.

Послу боярину Василию Ромодановскому указывалось переслать эти грамоты в Орду или через сопровождавших его татар великого князя, или с людьми Менглы-Гирея, или, наконец, с татарскими купцами. Хотя Василий Ромодановский и доносил в Москву, что хан взял себе эти грамоты с большим удовлетворением, — «тогда, господине, ему было велми за честь», — но больше ни одного слова он не говорил об этом деле с московским послом. Повидимому, предложение Ивана III взять к себе

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 76.

² Там же, стр. 99.

³ Там же, стр. 100.

брата и племянника Менглы-Гирея не встретило сочувствия в Крыму¹. Грамоты не были во-время отосланы по назначению. Лишь после напоминания Ромодановского Менглы-Гирей отправил свою и великокняжескую грамоту к Девлешу и сообщил Ивану III, что послал к нему царевича. Однако Девлеш в Москву не приехал. Вернувшийся из Орды человек Менглы-Гирея привез обратно посланные грамоты и сообщил, что «Довлеша царевича не наехал»². По сообщению Ромодановского, царевич Девлеш хотел было ехать в Россию, но Ширицские беи призывали его в Крым. С большим успехом на этот раз действовал Казимир. Уже весной 1491 г. царевич Издемир оказался у короля в Киеве. Вскоре туда прибыл и царевич Девлеш. Сообщая об этом Ивану III, Менглы-Гирей выражал опасение по поводу пребывания своего брата и племянника у Казимира и просил великого князя «достать их себе»³. «Еще слово наше то, — писал в 1492 г. Менглы-Гирей Ивану III, — у короля в руках стоит Довлеш царевич да Уздемир, им недружбу учинити, которыми дела пригоже, как помыслишь ты, брат мой, ведаешь»⁴. Ивану III пришлось успокаивать своего союзника: «Писал еси ко мне в своей грамоте о царевиче о Уздемире да о Довлеше: ипо, которой страх держишь от тех царевичев? Вышли они от Турков да на поле были и в Орде были, что тебе могли учинити? А и вперед оже даст бог ты бы брат мой здоров был да и яз, и где они ни будут, что тебе могут учинити?»⁵ Колычев из Крыма доносил великому князю, что, по дошедшим до него сведениям, царевичи поженились в Литве и «отведены с Украины далече вглубь»⁶.

Иван III проявил большой интерес к этому делу, свидетельством чего является обширная переписка с Менглы-Гиреем и московскими послами в Крыму. Иван III, не теряя надежды, просил своего союзника послать грамоты к Издемиру и Девлешу в Литву. В 1495 г., посылая в Крым через украинские города своих людей Кадыша и Кожуха, Иван III велел им в Киеве разузнать «вежливо, как бы незнакомисто», где находится «царев сын Ойдаров?» Если Девлеш будет в Киеве, то Кадыш и Кожух должны были тайно, чтобы никто не ведал, добиться с ним свидания и убедить его выехать к великому князю. То же они должны были сделать в отношении Издемира, который, по сведениям в Москве, находился в Каневе⁷. Неиз-

¹ Сб Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 113.

² Там же, стр. 126 и 137.

³ Там же, стр. 121—123.

⁴ Там же, стр. 151.

⁵ Там же, стр. 158.

⁶ Там же, стр. 167.

⁷ Там же, стр. 216.

вестно, удалось ли Кадышу и Кожуху добиться свидания с Издемиром и Девлешем, но во всяком случае оба царевича и в последующие годы находились в Литве.

Переходившие на службу к Ивану III Гирей оседали на южном рубеже. Главным центром их владений в конце XV и в начале XVI в. был «Царевичев городок» (Касимов) на Оке. После Даниара городок около 1486 г. перешел к Нур-Даулету. Его сын Сатылгаи стал принимать участие в походах против Орды «Ахматовых детей» с 1490 г.¹ Повидимому, еще при жизни отца он стал владельцем Мещерского городка. Во всяком случае в 1496 г., когда Нур-Даулет был еще жив, ему шел ясак. В договорной грамоте, заключенной в этом году между Рязанским великим князем Иваном Васильевичем и его родным братом Федором, упоминается «ясак Сатылгаиов», или «царевичев ясак», который Федор должен был вносить старшему брату в размере третьей части «по старым дефтерям»². Видимо, в последние годы жизни Нур-Даулет по каким-то причинам перестал участвовать в походах против Орды и, возможно, был устранен от владения Мещерским городком.

Значительно осторожнее Иван III поступал в отношении членов семьи Ахмед-хана. Около 1489 г. люди великого князя захватили сына Муртозы царевича Мамишека. Сначала, повидимому, предполагалось дать ему поместье и использовать его против Большой Орды³. Но когда Менглы-Гирей обратился с просьбой прислать к нему Мамишека, царевич был отослан в Крым. Находясь под покровительством Менглы-Гирея, он принимал участие в войне с «Ахматовыми детьми», т. е. со своими дядями, а также в набегах на владения Казимира. Призывая к себе Мамишека, Менглы-Гирей предлагал Ивану III взять к себе его младшего брата, царевича Маамеда: «...нынеча на мое дело и на твое дело велми пригож молодец, нынеча у меня в руках малой брат его Маамед царевич с женою с всем у меня». Менглы-Гирей просил великого князя отдать Маамеду город Каширу, бывшую раньше за Нур-Даулетом⁴. Повидимому, Иван III отказался приять Маамеда, так как в последующей переписке он упоминается в числе тех людей Менглы-Гирея, которые не получали «поминков» от великого князя⁵.

Большую настойчивость Иван III проявил в отношении младшего брата Мухаммед-Эмина — Абдул-Латыфа, которого

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 101.

² Собр. Гос. гр. и дог., т. I, стр. 321.

³ В ярлыке к Ивану III, посланном в 1492 г., Менглы-Гирей писал: «...ты там, брат, Мамишек царевичю говорил еси: яз тебе дам поместье; с Менглы-Гиреем, с царем с братом моим, на мое дело здесь живучи служил бы еси» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 154).

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 151.

⁵ Там же, стр. 173.

в интересах своего влияния на казакские дела ему было выгодно держать при себе. Абдул-Латыф попал в Крым еще ребенком, вместе с матерью Нур-салтан. Посол в Крыму в 1492 г. Иван Андреевич Лобанов-Колычев дал ей от имени великого князя согласие взять к себе ее сына «и дружбу свою к нему чинити»¹. Из последующей переписки выясняется, что царица Нур-салтан рассчитывала отправить сына не в Москву, а в Казань, к старшему сыну Мухаммед-Эмину. Одновременно с переговорами Лобанова-Колычева об отпуске в Россию Абдул-Латыфа к Нур-салтан было отправлено письмо Мухаммед-Эмина, являвшееся ответом на послание матери. Из содержания письма мы узнаем, что вопрос о приезде брата в Казань обсуждался Мухаммед-Эмином «с верными своими князми». Они сказали хану свою «думу»: «...брат твой в последние времена у тебя пригож быти». Мухаммед-Эмин был согласен с этим решением². Однако довольно неожиданно он заканчивал письмо к матери просьбой послать брата не в Казань, а в Москву, ссылаясь на опасности далекого степного пути: «Того дея на Москву не пошлешь его, а подем его пошлешь, ино далека земля, меж недругов много стоит, ко мне здоров любо будет, любо не будет»³. Несомненно, что Мухаммед-Эмин не мог не понимать, что в Москве его малолетнему брату не дадут просто «покой», а его будут воспитывать в роли послушного вассала великого князя и возможного ставленника его в Казани. Абдул-Латыф мог сыграть по отношению к Мухаммед-Эмину ту же роль, какую сам Мухаммед-Эмин сыграл в отношении Али-хана.

Лобанов-Колычев сообщил Ивану III, что его переговоры с Нур-салтан о ее сыне, которые он вел «наодине», но в присутствии царевича, закончились не сразу. Царица, выслушав предложения, сказала московскому послу: «.. будь у меня опять». При второй встрече Нур-салтан дала согласие от себя и Менглы-Гирея на отъезд сына к великому князю⁴. В январе 1493 г. Абдул-Латыф с приставленными к нему людьми приехал в Москву вместе с возвращавшимся из Крыма Лобановым-Колычевым⁵. Извещая об отправлении своего пасынка, Менглы-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 143.

² Сохранившийся современный русский перевод этого письма очень неясен. Во всяком случае, нам кажется, иначе нельзя понимать следующее выражение: «И яз потому же себе здумал, то дело гораздо адумавши приказал еси; и из то слово у тебя просити послати хотел есми, последние времена брата моего Абдил-Летифа ко мне прикошевати помощника буди...» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 147).

³ Там же, стр. 147.

⁴ Там же, стр. 149—150.

⁵ «Тоя же зими (7001), генваря 11, прииде к великому князю служити яс Крыму царевичь Абдылетиф Абреимов, сын Казанского царя, с послом великого князя с Лобаном с Колычевым» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 225).

Гирей выражал мысль, что Москва явится необходимой для отдыха остановкой на пути в Казань: «...далняя земля к тебе, брату моему, дойти, кони поустанут до твоей земли». Царица Нур-салтан, предоставляя великому князю самому решить вопрос, отпустить ли Абдул-Латыфа в Казань или оставить в России, давала любопытное наставление о его воспитании: «...ведомой обычай его похваляй; а не изведает чего, и ты его поучи и гораздо покажи, да и поблиость, ты ведаешь, молод и мал; как молодость его отдаш, то ты ведаешь...»¹. Судьба сына продолжала беспокоить Нур-салтан и в последующее время. В октябре 1493 г. она вновь возвратилась к вопросу о его воспитании и об обращении с приставленными к нему людьми. «Как тому молодому дитяти ушокой учипишь, сам ведаешь», — писала царица. Повидимому, московский посол говорил Нур-салтан об опасности совместного пребывания двух молодых братьев в Казани. Следующее место из письма царицы является как бы ответом на этот вопрос: «...и брат его молод и он молод, те два живучи вместе в любви ли будут, или не в любви, сказыванье наше то стоит, моим тем двема молодым детем пристрой учинил еси»². Царица все же продолжала надеяться, что Мухаммед-Эмин возьмет брата к себе в Казань. Но это противоречило бы плану Ивана III. Нур-салтан принуждена была подчиниться, и Абдул-Латыф остался в России³. Ему был отдан в кормление город Звенигород со всеми пошлинами⁴.

3

Хотя союз Ивана III с Менгли-Гиреем, заключенный в 1480 г., уже через несколько месяцев принес обеим сторонам очевидные положительные результаты, но в Москве даже в ближайшие годы еще не были уверены в прочности и долговечности союзнических отношений с ханством. Прежде всего, нельзя было не считаться с возможностью крупных перемен в Крыму. Отправленному в Крым в марте 1482 г. (6990) Юрию Шестаку было велено предварительно разузнать о положении в Крыму: «...будет нынеча Менгли-Гирей на царстве, и ты бы ехал до правые вести. А будет у вас весть полная, что царь переменялся, и ты бы ся воротил ко мне...»⁵.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 174 и 177.

² Там же, стр. 194. Интересны отзывы Нур-салтан о людях, приставленных к Абдул-Латыфу.

³ Там же, стр. 202.

⁴ С. Соловьев. История России, кн. I, стр. 1420.

⁵ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 31.

Не зная сил Большой Орды и намерений наследников Ахмеда, Иван III предвидел возможность нового нападения заволжских татар. Поэтому в 1481 г., когда обстановка еще не прояснилась, он побуждал Менгли-Гирея в первую очередь к действиям против Большой Орды. В отношении короля московскому послу предлагалось ограничиться ответом об отсутствии наказа: «А захочет Менгли-Гирей царь пойти на Литовскую землю, и Тимофею говорити так: осподарь мой князь велики велел тебе бити челом, чтобы еси пожаловал пошел на Ахмата царя, или кто иной на том юрте будет царь; а о том мне не приказал бити челом, чтобы тебе на Литовскую землю пойти»¹.

Уклончивый ответ по этому вопросу объяснялся еще и тем, что в 1481 г. между Казимиром и Иваном III происходили переговоры о заключении «докопчанья», причем инициатива их исходила от Казимира, приславшего своих послов в Москву². Хотя неизвестно, какие условия предлагались польско-литовской стороной, но несомненно, что переговоры остались безрезультатными. Повидимому, Иван III в ответ на предложение короля о «докопчании» выдвинул в качестве условия возвращение русских городов³. В марте следующего года Иван III сообщил Менгли-Гирею о враждебной политике короля: «Приказывал есми к тебе с своим боярином с Тимофеем о том, что король присылал ко мне своих послов о любви и о докопчанье, и яз по его слову к нему посылал своих послов; и он нынеча со мною любви и докопчания не хочет, а в Орду послал, да подымает на меня моих недругов»⁴.

По посольским «памятям» можно ясно проследить, как вопрос об отношениях между Менгли-Гиреем и королем приобретал в глазах Ивана III все большее и большее значение. Причина этого заключалась, с одной стороны, в неудачном окончании московско-литовских переговоров о заключении «докопчания» и в общем обострении отношений с Казимиром, а с другой — в опасении, чтобы королю не удалось привлечь Менгли-Гирея на свою сторону. Это опасение имело весьма серьезные основания, так как в 1480—1481 гг. между Крымом и Вильно возобновились деятельные переговоры, сопровождавшиеся обменом послов с обеих сторон. В Литовской метрике сохранилась присяга, данная в Вильне послом Менгли-Гирея Ази-бабой (Азбаба) от имени «царя», всех уланов и князей о сохранении

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 27.

² Там же, стр. 26.

³ «А любви и докопчания король со мною не хочет; а которые... города и волости и земли мои за собою держит, а того мне не отдаст» (Там же, стр. 33).

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 29.

братства и «приязи», подобно тому «как жил цар Анькгирей (Хаджи-Гирей) у брацстве и у приязи з великим королем Полским и великим князем Литовским». Присяга содержала формулу военного союза: «А хто будет цару неприятель, то и великому королю неприятель; а хто великому королю неприятель, то тот и цару неприятель». Кроме того, Ази-Баба присягал в том, что если «великий король» пошлет своего посла в Крым, то «царь» (Менглы-Гирей) подтвердит договор о союзе. Запись присяги Ази-Бабы датирована 13 индиктом, т. е. 1480 г.¹ Небезынтересно отметить, что Ази-Баба выполнял аналогичную миссию в Москве зимой 6982 г. (1473—1474)².

В Литовской метрике сохранились также записи об ответном посольстве в Крым князя Ивана Глинского, датированные 13 и 14 индиктом, т. е. 1480—1481 гг. В первой записи (13 индикта 1480 г.) король подтверждал свое желание поддерживать с Менглы-Гиреем те же отношения «братства и приязни», которые существовали между королем и отцом Менглы-Гирея. Посольство по каким-то причинам не было отправлено в этом году. Следующие две записи датированы 14 индиктом (1481 г.). В первой из них содержится объяснение по поводу принятия королем бежавших в Литву братьев Менглы-Гирея Нурдаулета и Хайдэра. Эта грамота была написана уже после того, как оба крымских царевича ушли из Литвы: «...а Нурдувлат и Оидар пришли до его милости земли (короля — К. Б.) и его милость (король — К. Б.), господар наш, им хлеба и соли не боронил, и как добровол(ь)но пришли, так добровольно и отышли, и тепере живут, где им любо». Во второй грамоте король объяснял цель посольства Ивана Глинского, который должен был присутствовать при подтверждении ханом договора о союзе, заключенного Ази-Бабой в Вильне³.

Осенью 1480 г., как мы видели выше, крымские татары произвели пабег па земли, подвластные Казимиру. Менглы-Гирей оправдывался перед королем: вследствие задержки в возвращении его послов, Ази-Бабы и Байраша, он думал, что король «присягу нешто отложил и приязнь». После прибытия Ивана Глинского в Крым около середины октября 1480 г. Менглы-Гирей принес подтвердительную присягу перед послом короля. В грамоте, посланной с Иваном Глинским, Менглы-Гирей писал, что посол «што было виутри слов, а еще твердую присягу мою видел; а што коли было дела моего, то зведал; а отселе добр здоров пошол; а коли к вам здоров прийдет, ипо нашо

¹ Русс. ист. библ., т. 27, стр. 329—330.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 178—179; Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. I.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 27, стр. 330—332.

слово и нашу присягу будет вам поведати князь Иван, как буде верите, то вы ведаете, а мы иначе не будем»¹.

Переписка между Казимиром и Менглы-Гиреем продолжалась и в следующем, 1481 г. В грамоте, датированной 5 января этого года (5 января — 14 ипдикта), король ответил на посольство Байраша. Он сообщил хану о своем согласии принять одного из его сыновей и держать его «во ч(е)сти и в ласъде», а также, в случае «пригоды», принять самого Менглы-Гирея, — «добровольно бы тебе до наше земли приехати и отъехати».

В середине января 1481 г., еще до получения ответа на посольство Байраша, Менглы-Гирей отправил к королю нового посла Седихмата с уведомлением о разгроме Шибанским «царем» Айбеком (Ебаком) и ногайскими мурзами Ахматовой Орды и гибели самого Ахмата, дети которого со слугами бежали в Крым к Менглы-Гирею. Менглы-Гирей, подтверждая заключенный союз, просил прислать «присяжный лист» короля и напомнил об ожидании от него в будущем «великого посла»².

В Москве, несомненно, были хорошо осведомлены об этих переговорах и о заключении союза между Менглы-Гиреем и Казимиром. Поэтому, когда выяснилась невозможность заключения «докопчания» с Казимиром, тема о разрыве «шерти» между Менглы-Гиреем и королем становится основной в московско-крымских переговорах. Посланный в марте 1482 г. в Крым Юрий Иванович Шестак должен был настаивать перед Менглы-Гиреем на безусловном выполнении договора о союзе против недругов как хана, так и великого князя. Поэтому он должен был просить, чтобы Менглы-Гирей «к королю шерть сложил»³. Вскоре, в середине марта того же года, в Крым было отправлено новое посольство с Михаилом Васильевичем Кутузовым, который в еще более решительной форме должен был настаивать не только на сложении «шерти», но и на немедленной посылке «рати» в земли короля. В Москве предвидели, что хан, на основании договора, заключенного с королем, может сослаться на необходимость предварительного уведомления короля о расторжении союза. В этом случае московский посол должен был указать на договор Менглы-Гирея с великим князем, по которому хан обязывался перед великим князем «на короля именов... с ним быти заодно». Возникал интересный в дипломатической практике того времени юридический вопрос: как должна была поступить одна из двух договаривающихся сторон, если она находится в союзе с третьей стороной, ставшей

¹ Русс. ист. библ., т. 27, стр. 334. Эта грамота была написана в Киркере, даты нет.

² Там же, стр. 339—341.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 30.

для второй договаривающейся стороны «недругом»? Иван III, требуя разрыва Менглы-Гирея с Казимиром, основывался на точном смысле своего договора с Менглы-Гиреем, в котором поименно были указаны «недрузи»: Ахмат и король Казимир. В этом отношении московский договор обладал значительно большей определенностью, чем литовский, так как в последнем содержалась лишь общая формула союза без указания, против кого он был нацелен.

Однако па Менглы-Гирея могли воздействовать не убедительность юридического толкования текста договора, а конкретные, практические соображения. Во всяком случае в 1482 г. ему предстояло решить вопрос, с кем оставаться в союзе — с Иваном III против короля Казимира или с королем Казимиром против Ивана III? В этой новой вспышке дипломатической борьбы победа оказалась на стороне Москвы. Мы можем сделать несколько предположений относительно причин, побудивших Менглы-Гирея предпочесть Ивана III королю Казимиру. Одной из причин могло явиться то большое впечатление, которое произвело в Крыму поражение Ахмед-хана во время его похода на Москву. Оно наглядно обнаружило силу великого князя и его непримиримость в отношении к Большой Орде. После гибели Ахмед-хана и бегства его сыновей в Крым Менглы-Гирею в первое время могло показаться, что его противник перестал существовать. Однако Большая Орда сравнительно скоро оправилась, и место Ахмед-хана заняли его сыновья Муртаза и Сеид-Ахмед, которые не замедлили возобновить переговоры о дружбе с Казимиром. В этой обстановке Иван III не мог не казаться более выгодным союзником, чем король.

Весной 1482 г. Иван III решительно настаивал на немедленном походе крымцев против короля. Судя по инструкциям московским послам, этому вопросу придавалось очень большое значение именно в данный момент. Михаил Кутузов должен был убедить хана, что если нельзя послать большую рать на короля, то чтобы он «пожаловал, послал людей своих, сколько будет пригоже». Михаилу Кутузову было велено дожидаться в Крыму, пока хан не пошлет своей рати — «хотя будет и долго там лежати, а того ждати»¹.

Особая настойчивость, проявленная Иваном III в этом вопросе, не может быть объяснена только одной общей враждебностью к Казимиру. В основе ее, несомненно, лежали конкретные проявления этой враждебности, заставлявшие великого князя опасаться нападения литовских войск короля. Основная причина резкого обострения московско-литовских

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 33—34.

отношений заключалась в присоединении Новгорода, который Казимир на основании договора 1471 г. с новгородским боярством продолжал считать своей подвассальной территорией. После провала в 1480 г. плана нападения на Москву в союзе с Ахмед-ханом и, повидимому, при участии Ливонского ордена, король все же не оставлял своих воинственных замыслов. В 1482 г. в Москву был отправлен послом маршалок дворский и полоцкий наместник Богдан Андреевич Сакович, по характеру пограничной службы хорошо знавший русские дела и исполнявший специальные поручения короля¹. О миссии Богдана Саковича сохранились краткие сведения в Софийской 2-й летописи: «Того же лета (6990) король прислал Богдана, прося Новгорода Великого и Лук Великих»². Обращает внимание и то обстоятельство, что Казимир в течение 1480—1483 гг. постоянно пребывал в Литве³.

Выбор Казимиром момента для предъявления Ивану III тяжелых требований, касавшихся отказа в пользу литовской короны от Новгорода и Пскова, несомненно, был удачный, хотя и не в такой степени, как в 1480 г. В 1482 г. еще продолжались военные действия в Ливонии, длившиеся уже два года. Восточная граница не была обеспечена вследствие враждебных отношений с казанским Али-ханом. Не могло быть также и уверенности в том, что в Новгороде среди оставшихся бояр и житых людей не возникнет новая попытка заговора; «вывод» новгородских землевладельцев во внутренние уезды только начинался. Поэтому Иван III был особенно заинтересован в том, чтобы при помощи Менглы-Гирея парализовать враждебную активность Казимира.

Весной 1482 г. Иван III не только наставлял перед Менглы-Гиреем на немедленном отправлении войска против Казимира, но и указывал желаемый район вторжения. Михайлу Кутузову было велено довести до сведения Менглы-Гирея: «А как учнет царь послати рать свою в Литовскую землю, ино Михайлу говорити царю о том, чтобы пожаловал царь послал рать свою на Подольскую землю или на Киевские места»⁴.

Усилия Ивана III и его крымских послов увенчались полным успехом. Нападение Менглы-Гирея на Киев было произведено с большой стремительностью. О грозившей опасности в Киеве узнали лишь за четыре дня до появления татар. Город немедленно был приведен в осадное положение. 1 сентября

¹ Фг. Р а р ё е. Указ. соч., стр. 84.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 234; т. XX (Львовская летопись, стр. 349).

³ Фг. Р а р ё е. Указ. соч. Itinerarium Casimiri IV 1480—1492 гг. В 1480—1483 гг. Казимир пребывал в Вильне, Троках, Новгородке. Король вернулся в Польшу только в январе 1484 г.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 34.

крымцы подошли к Киеву и тотчас подожгли замок с двух сторон: «...и людие исторопилися, а пнии выбегоша и тех татарове поимаша, а пнии вси сгореша во граде». Киевский воевода пан Иван Ходкевич был схвачен с женой и с детьми в тот момент, когда он пытался выбраться из подожженного замка. Сгорели также киевский посад и окрестные села¹. В качестве, повидимому, вещественного доказательства успешного набега на Киев Менглы-Гирей прислал Ивану III золотой потир и дискос из Софийского собора². Бедствие, постигшее Киев, было столь великим, что еще через 40 лет не исчезли следы разорения и в памяти киевских мешчан запечатлелся страшный «Семенов день» (1 сентября).

Если рассматривать киевскую катастрофу с точки зрения военно-политических результатов и той задачи, которую преследовал Иван III, то нужно признать, что губительный набег Менглы-Гирея вполне достиг цели. Правительством было объявлено «посполитое рушение» всего великого княжества Литовского. До 40 тыс. человек были отправлены к Киеву для восстановления разрушенного замка и для охраны юго-восточной границы³. Кроме того, король, опасаясь нападения со стороны Ивана III, поставил в Смоленске «заставу» численностью в 10 тыс. человек, которая не распускалась всю осень, зиму и лето 1482—1483 гг.⁴.

Возможно, что в самом княжестве Литовском продолжалось движение православных князей, о котором мы можем только догадываться по внезапному бегству в 1482 г. в Москву князя Ивана Глинского, последовавшему вскоре после побега в Москву князя Федора Ивановича Бельского⁵. Никаких подробностей об обстоятельствах побега Ивана Глинского не сохранилось. «Отчина» князей Глинских находилась в южной части бывшего Чернигово-Северского княжества. Центром ее был город Глинск на р. Суле (вблизи Путивля).

¹ Захват Киева Менглы-Гиреем произошел 1 сентября 1482 г. Верную дату сообщает Софийская 2-я летопись (6991 г.). Интересные подробности: получение в Клеве известия о приближении татар за 4 дня, появление татар в первом часу дня, находясь в Синодальной летописи № 365; Н. К а р а м з и н. История государства Российского, т. VI, стр. 171 и пр. 268; М. Г р у ш е в с к и й. История Украины Руси, т. IV, стр. 273. В Псковской 2-й летописи сообщается, что татары разорили, кроме Киева, 11 порубежных городов (ПСРЛ, т. V, стр. 41).

² ПСРЛ, т. VI, стр. 234.

³ Фг. Р а б ъ е. Указ. соч., стр. 93—94.

⁴ ПСРЛ, т. V, стр. 42.

⁵ О побеге в Москву Ивана Глинского мы узнаем из листа Казимира Смоленскому наместнику Миколаю Радивилевичу о пожаловании братьев князя Ивана Глинского, «што побег к Москьве», его городским двором и дельницей. Лист Казимира датирован 15 августа 6990 г. (Русс. ист. биб., т. 27, ст. 386).

Набег Менглы-Гирея на Правобережье и разорение Киева на более или менее продолжительное время уничтожили колена крымского хана в выборе союзника; союзником становится Иван III, а врагом — великий князь Литовский. Эта крупная дипломатическая победа, одержанная Москвой, сыграла большую роль в дальнейших событиях.

4

Гибель в начале 1481 г. Ахмед-хана не привела Большую Орду к полному распаду и не устранила с этой стороны угрозы для южных русских порубежных земель. Однако в ближайшие годы улус Ахмед-хана переживал острую внутреннюю борьбу между его сыновьями, чем, повидимому, и объясняется отсутствие в этот период каких-либо сведений о враждебных действиях Большой Орды против Москвы или Крыма. По русским источникам, после смерти Ахмед-хана осталось не меньше восьми его сыновей: Шейх-Ахмед, Сид Ахмед (Седи-Ахмат, Седи-Махмут), Муртоза, Багатыр, Едигей, Епай, Кочяк, Халек¹. В середине восьмидесятых годов Муртоза назывался «царем», что служит указанием на то, что ему удалось стать во главе отцовского улуса. С этого времени активность Большой Орды резко возрастает. Завязавшаяся борьба между «Ахматовыми детьми» и Менглы-Гиреем только через 18 лет привела Большую Орду к окончательному распаду под ударами окрепшего Крымского ханства, поддержанного в этой борьбе Иваном III.

Основная цель Ивана III в области русско-татарских отношений в последние два десятилетия XV в. заключалась в том, чтобы противопоставить «Ахматовым детям» союз остальных татарских ханств — Крыма, Казани и Ногайской Орды и при помощи этого союза, а также служебных татарских князей, обеспечить охрану и безопасность всей восточной и южной границ государства. После укрепления союза с Менглы-Гиреем следующей задачей явилось подчинение Казанского ханства, превращение его в вассальное от Москвы татарское государство.

Отношение Ивана III к Казанскому ханству существенно отличалось от отношений к Крыму. Если с Менглы-Гиреем при сложившихся условиях был вполне возможен, хотя и временный, но продолжительный союз, основанный на общих политических интересах, то с руководящей частью казанской феодальной знати такой союз не был возможен. Казанское ханство не испытывало, подобно Менглы-Гирею, непосред-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41.

ственной опасности со стороны других татарских орд: Большая Орда была расположена далеко от нее, а с ногаями, кочевья которых на восточном берегу Волги временами близко подходили к территории, подвластной казанскому хану, существовали в общем мирные, а временами даже и дружественные отношения. Существенным было и то обстоятельство, что соседние русские земли являлись для казанской феодально-родовой аристократии наиболее удобным местом для грабительских нападений с целью захвата «полона» и добычи. Хотя часть местного кулечества и феодальной знати Казани начинала втягиваться в торговые сношения с Москвой, но vznikавшие на этой основе экономические связи были слишком слабы для того, чтобы сообщить отношениям Казанского ханства к России устойчиво-миролюбивый характер. Иван III мог только путем превращения Казанского ханства в своего верного вассала обеспечить спокойствие на восточной границе, а также использовать Казанское ханство для борьбы с враждебными татарскими ордами. Именно к этой цели и были направлены его усилия в восьмидесятых годах XV в.

Боярину Юрию Ивановичу Шестаку, посланному в марте 1482 г. к Менгли-Гирею, было велено на возможный вопрос хана, собирается ли великий князь воевать с королем, отвечать: «...осподарь мой князь великий нынеча делает свое дело с казанским»¹.

Утрата казанских посольских книг лишает нас возможности проследить с достаточной ясностью развитие событий этого года. Приведенные выше сообщения Ивана III Менгли-Гирею, краткая выписка из посольской книги, сохранившаяся в разрядных записях, а также летописные данные позволяют предположить, что в начале 1482 г. Али-хану были предъявлены какие-то требования, на которые он ответил враждебными действиями. Из разрядов мы узнаем, что в Нижнем-Новгороде стояли воеводы великого князя — «беречь от Алегамы царя», — к которым 16 июля был отправлен спаканом Иван Писемский². Великий князь сообщал воеводам, что он послал в Казань Звеница, а с ним отпустил Бурнаса³. Воеводам было велено отобрать людей из среды тех, кто был с ними в легких судах⁴. К сожалению, после перечисления имен воевод запись обрывается с указанием, что далее в Казанской посольской книге было «писано дело».

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 30.

² П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, М., 1887, стр. 14.

³ Князь Иван Иванович Звеница, брат князя Василия Нодреватого, из рода Звенигородских князей. Бурнас (Бурнаш) — татарское имя.

⁴ «И вы бы отбрались с теми людьми, которые с вами в легких судах» (П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 14).

«Дело», о котором только намекает небрежно сокращенная разрядная запись, очевидно, состояло в переговорах с Али-ханом, подкрепленных внушительной военной демонстрацией. Посланные вперед воеводы великого князя, при которых находился «Аристотель с пушками» (Аристотель Фпоровенти), дошли до Нижнего Новгорода; сам же великий князь с главными сплами стоял во Владимире. «Судовая рать», состоявшая, как можно думать, из тех легких судов, о посылке которых великий князь сообщал воеводам в Нижний Новгород, приблизилась к Казани. Али-хан не решился на дальнейшее сопротивление и прислал своих людей «с челобитьем». Иван III «пожаловал» Али-хана и возвратился обратно¹. Условия, на которых состоялось примирение, нам неизвестны, но не может быть сомнения, что московские требования были приняты.

Возникшая вскоре острая вспышка феодально-династической борьбы в Казани облегчила Ивану III подчинение ханства своей верховной власти. Резкая антирусская политика Али-хана, опиравшегося на определенную часть казанско-татарской знати, встретила противодействие со стороны другой ее части, выдвигавшей на престол Мухаммед-Эмина. Повидимому, дело шло не только о династических интересах, но и о более существенных политических разногласиях, хотя конкретный характер их остается для нас скрытым.

Московско-казанские отношения за 1483—1486 гг. не получили никакого отражения в летописных сводах. Однако краткие, но очень ценные сведения сохранились в некоторых частных разрядных книгах (Башмаковская и др.), на которые обратил внимание еще Н. Карамзин, а затем В. Вельяминов-Зернов². В 1484 г. посланные к Казани воеводы овладели городом, взяли в плен Али-хана и на его место «по великому князю наказу» посадили Мухаммед-Эмина. Однако уже в следующем году (6993—1485) Али-хан был вновь отправлен в Казань с воеводами великого князя, а «Мамадинь царь с Казани збежал». Острая династическая борьба в Казани продолжалась. Из тех же разрядных книг мы узнаем, что в 1486 г. в Казани вновь находился Мухаммед-Эмин, к которому великий князь

¹ Наиболее подробное сообщение об этом походе находится во 2-й Софийской летописи (ПСРЛ, т. VI, стр. 234).

² В Разрядной книге Бекетова Карамзин нашел запись, относящуюся к походу на Казань в 1485 г.: «и воеводы тогда Казань взяли, и царя Аলেখана изымали, а Магмет Эмина царя в Казани на царство посадили, по великому князю наказу» (К а р а м з и н. История государства Российского, т. VI, прим. 299). В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в опубликовал более подробную запись из Башмаковской разрядной книги, относящуюся к занятию Казани в 6992 (1484) г. (Указ. соч., стр. 170—173). Обе записи, несомненно, относятся к одному и тому же походу.

по его просьбе послал своих воевод «для бережения»¹. Причиной новой вспышки вражды в Казани послужила попытка Мухаммед-Эмина выдать великому князю свою «братью меньшую»². Однако казанские князья воспрепятствовали их выдаче и самого Мухаммед-Эмина хотели убить. Мухаммед-Эмин ушел к воеводам великого князя. Затем казапцы помнрились с ним, — «прислали за ним бить челом», — и Мухаммед-Эмин возвратился в Казань «иа царство». Положение Мухаммед-Эмина все же оставалось очень неустойчивым. Бежавший к ногаям Али-хан вскоре вернулся в Казань и при поддержке части казанского населения («по слову с казанцы») вновь согнал своего брата. Мухаммед-Эмин бежал в Москву.

Таким образом Иван III принимал близкое участие в феодально-династической борьбе в Казани в 1483 и 1486 гг. и попеременно поддерживал то Али-хана, то его противника Мухаммед-Эмина. Эти действия великого князя, возможно, были вызваны стремлением поддержать династические смуты, которые вели к ослаблению ханства. Кроме того, в Москве в это время, повидимому, еще не решали, кто из претендентов на ханский престол мог быть более стоворчивым и удобным для укрепления русского влияния в Казани. Среди причин, побудивших после ряда колебаний остановиться на Мухаммед-Эмине, большое значение имел брак Менглы-Гирея с царицей Нур-салтан. В этой связи обращает внимание хронологическое совпадение событий: в начале 1487 г. великий князь узнал, что Нур-салтан «пришла за Менли-Гирея за царя»³, весной этого же года воеводы великого князя были отправлены к Казани с войсками, при которых находился Мухаммед-Эмин. Переход власти в Казани к пасынку крымского хана создавал у Менглы-Гирея новый мотив для поддержания дружественных отношений с Иваном III; в то же время при данных политических условиях установление династической связи между Казанским и Крымским ханствами вполне соответствовало планам Ивана III в деле объединения татарских ханств против Большой Орды. Впоследствии, отвечая на вопрос

¹ ГИМ, Рук. отд. Разрядная книга Шукинского собрания № 496. Ленингр. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажная разрядная книга № 150.

² В. Вельяминов-Зернов сделал предположение, что «меньшой братьей» по отношению к Мухаммед-Эмину были сыновья Ибрагима от Фатимы, так как мать Мухаммед-Эмина Нур-салтан считалась старшей женой. Это объяснение кажется вполне правдоподобным.

³ В первой грамоте Ивана III к Нур-салтан, отправленной в Крым в марте 1487 г., сообщалось: «...а что еси писала в своей грамоте о своем сыне о Магмети Амине царе, и мы как наперед сего добра его смотрили, так и ныне, аж даст бог, хотим добра его смотрити, как нам бог поможет» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 59).

ногайских мурз о причине свержения и пленения Али-хана, Иван III дал следующее объяснение: «Ино Алегам царь был с нами в правде и грамоты были меж нас с ним записаны, другу другом быти, а недругу недругом быти; да на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил»¹.

Составление письменного акта о дружбе может быть отнесено к 1485 г., когда Али-хан был отправлен в Казань с воеводами великого князя. Вскоре после этого произошло восстановление Мухаммед-Эмина, ближайший повод к которому нам неизвестен. Новый захват Казани Али-ханом, вернувшимся из Ногайской орды «по слову с казанцы»², и последующее бегство Мухаммед-Эмина в Москву послужили непосредственным предлогом для окончательного устранения Али-хана. Мухаммед-Эмин, прибыв в Москву, «бил челом великому князю, а назвал себе его великаго князя отцом, а просил у него силы на брата своего на Алехаму царя Казанского, и князь великий силу рек ему дати»³.

Поход на Казань в 1487 г. был предпринят крупными силами. 11 апреля были отпущены с войсками на судах воеводы: князь Данила Дмитриевич Холмский (большой полк), князь Александр Васильевич Оболенский (правая рука), князь Семен Ромапович Ярославский (левая рука) и князь Семен Иванович Ряполовский (передовой полк). Несколько позже (24 апреля) был отправлен «царь» Мухаммед-Эмин⁴. Разрядные книги сообщают, кроме того, о посылке «конной рати» с князем Федором Хризуном Стародубским и братом его князем Василием Мнихом. Кроме того, были отправлены «на помощь» к воеводам: «конная рать» с князем Василием Федоровичем Шуйским и войска на судах — с князем Иваном Васильевичем Ромодановским.

Войска подошли к Казани 18 мая. Интересные подробности осады и взятия Казани сохранились в Архангелогородском летописце. Али-хан с князьями и с «силою» встретил великокняжеских воевод перед городом, но после небольших боев («мало побився») ушел обратно в город. В поле остался князь Алгазий (Али-газы), который причинял много зла осаждающим войскам, пока его не прогнали за Каму. Осада Казани длилась с 18 мая по 9 июля, т. е. около 52 дней. Казань была окружена, причем был устроен острог. Татары каждый день предпринимали вылазки и «билися с Русью». Наконец, на них пришло

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 83.

² ГИМ, Щук. разр. кн., л. 10.

³ Архангелогородский летописец, стр. 163—165. Устюжский летописный свод, стр. 96.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 217.

«изнеможение», и Али-хан, выйдя из города, отдался «неволею в руки воеводам великого князя». Тогда великокняжеские воеводы «по наказу» посадили на Казанское царство Мухаммед-Эмина, а сами пошли к Москве, захватив с собой бывшего хана Али, его жену, мать и братьев, а также многих татарских князей с их княгинями¹.

Рассказ Герберштейна о занятии Казани и пленении Али-хана носит полуфантастический характер. События в нем спутаны. Сообщив о вступлении на казанский престол Али-хана, Герберштейн пишет: «Но так как он (Али-хан. — К. Б.) не во всем повиновался распоряжениям московского владыки, то советники московского владыки, которых тот держал там для наблюдения за настроением царя, однажды на пиру напоили его и положили в повозку якобы с целью отвезти домой, а на самом деле в ту ночь он отправлен был в Москву». Далее Герберштейн сообщает, что Али-хан был сослан в Вологду, его мать с братьями, Абдул-Латыфом и Мухаммед-Эмином — на Белоозеро². Повидимому, источником для Герберштейна послужили рассказы, слышанные им в Москве, в виде отдельных эпизодов из жизни Казанского ханства, которые он неудачно соединил вместе. Заслуживает внимания, что при Али-хане постоянно находились «советники» великого князя, которые должны были следить за его поведением.

После занятия Казани Али-хан с женой был сослан в Вологду; его мать, два брата и сестры были отправлены на Белоозеро, в Каргополь. «Коромольных» князей и уланов великий князь «смертью казнил»³. Одному из братьев Али-хана паревичу Ибрагиму и нескольким мурзам все же удалось бежать из Казани к ногаям⁴.

Придавая большое значение этому событию, Иван III отправил в Италию с вестью о победе над Казанью Дмитрия

¹ Архашелогородский летописец, стр. 163—165. Устюжский летописный свод, стр. 96.

² Сягизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах, стр. 145.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 217. В плен были взяты два брата Али-хана: Мелик-Тагир и Худай-кул (Вопрос о пленных паревичах рассмотрен В. Вельяминовым-Зерновым. Указ. соч., стр. 177—189). Худай-кул крестился в 1505 г. и был назван Петром. Вскоре он женился на дочери Ивана III Евдокии. Краткие сведения о судьбе Мелик-Тагира сообщает Герберштейн. После смерти Мелик-Тагира Федор упоминается в разрядах в 20—30 гг. XVI в.

⁴ Имя Ибрагима, брата Али-хана, не встречается ни в родословных казанских царей, ни в других источниках, кроме документов, относящихся к сношениям Ивана III с ногаями. В грамоте хана Ивака, присланной в Москву в 1489 г., «царь Бреня» совершенно определенно называл Али-хана своим братом: «...Алегама царя ко мне отпустите, оба одного отца дети... пынеча мой брат Алегам царь, что у тебя пыне в руках живет, тебе от того которой прибыток» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 82).

и Мапуила Ралевых-Палсологов. 6 сентября 1488 г. они были приняты Вепецким сенатом, которому сообщили «о великой победе, одержанной в июне 1487 г. их королем над одним из татарских князей, дерзнувшим напасть на Ивана со сто десятью тысячами конницы»¹.

В то же время Иван III поспешил оповестить об одержанной победе над Али-ханом и воцарении Мухаммед-Эмина своего союзника Менгли-Гирея и его супругу Нур-салтан. Всего через двадцать дней после получения в Москве известия о занятии Казани и пленении Али-хана в Крым был послан с этим сообщением татарин Беляк Ардашев. Он должен был сказать Менгли-Гирею от имени великого князя: «Посылал есми па своего недруга на Алягама царя на казанского своих воевод. Милосердый пак бог как хотел, так учинил: наши воеводы Казань взяли, а нашего недруга Алягама царя поймав и с его братьею и с его матерью и с его царницами и со князми к нам привели; а Магмет-Аминя царя на Казани есми посадили. И тебе бы то было ведомо». Точно такое же сообщение было сделано царце Нур-салтан².

Положение Мухаммед-Эмина под московским протекторатом — на казанском престоле значительно отличалось от положения его предшественника Али. Последний хотя и был связан с великим князем договором о дружбе («иметь общих друзей и недругов»), но, как можно судить по его взаимоотношениям с Москвой, сохранял полную самостоятельность. Мы не знаем ни одного случая, чтобы Али-хан оказывал действительную военную помощь великому князю против его «недругов» или чтобы с этим требованием к нему обращались из Москвы. Если бы такие случаи имели место, они, несомненно, стали бы известными по переписке между Иваном III и Менгли-Гиреем.

Мухаммед-Эмин, после того как он был «посажен» в Казани «из рук великого князя», по существу обратился в вассала, которым великий князь распоряжался так же, как и служебными татарскими князьями, поселенными в русских городах. «По слову» московского великого князя Мухаммед-Эмин беспрекословно посылал свои войска против «Ахматовых детей»; без его разрешения он не смел ни сам жениться, ни выдать замуж свою сестру; великий князь разбирал столкновения между ханом и ногайскими татарами; даже для отправления послов к погаям Мухаммед-Эмин испрашивал согласие своего покровителя. Когда же Мухаммед-Эмин сделал попытку освободиться от строгой московской опеки, он тотчас лишился казанского престола.

¹ О. П и р л и н г. Россия и папский престол, кн. I, стр. 241.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 61—62.

После воцарения Мухаммед-Эмина сношения между Крымом и Казанью стали осуществляться через Москву. В Москве внимательно следили за этой перепиской и со всех грамот делали русский перевод, вносившийся в посольские книги. В 1492 г. к Мухаммед-Эмину был послан от Нур-салтан ее «человек» Усеин, с которым Мухаммед-Эмин отправил к матери и к Менгли-Гирею грамоты, известные нам по современным русским переводам. В подобострастных выражениях Мухаммед-Эмин признавал своего отчима могущественным повелителем мусульман и ставил его выше турецкого и иранского султанов¹. Политическая цель послания — подтвердить готовность оказать помощь против недругов Менгли-Гирея. В свою очередь Мухаммед-Эмин сообщает отчиму имена своих врагов, которые «сжелет... войною приходят»: хан Ивак и ногайские князья и мурзы Мамук, Муса и Ямгурчей.

Запятие русскими Казани и пленение Али-хана произвели сильное впечатление на ногайских татар. Разрушение союза Али-хана с ногаями не только предотвращало серьезную опасность с их стороны, но давало возможность Ивану III по-иному поставить взаимоотношения с ногайскими князьями и мурзами и подчинить их своему политическому влиянию. После занятия Казани часть приближенных Али-хана бежала к ногаям. В ноябре 1489 г. в Москву прибыли послы от хана Ивака и от мурз Мусы и Ямгурчей с требованием отпустить к ним Али-хана: «... а нынча мой брат Алегам царь, что у тебя ныне в руках живет, тебе от того которой прибыток? — писал Ивак. — Впрок братом захочешь быти, мне моего брата ко мне отпусти». Иван III не только ответил решительным отказом, но в свою очередь потребовал казнить «Алегамовых людей», нападавших и грабивших владения Мухаммед-Эмина. В качестве заложника в Москве был оставлен человек Ямгурчей мурза Тувач².

Решительное поведение Ивана III, с одной стороны, и обострившаяся вражда ногайских татар с татарами «Ахматовых детей» — с другой, побудили ногайских мурз к уступчивости. В августе 1490 г. в Москву прибыло новое посольство от мурзы Мусы. Напоминая дружественные отношения между дедами

¹ «В большой беседе волному, над храбрыми и над грамотняки большой еси, над верою осподарь еси, над турским господарем и над азияским осподарем волеп еси, и силы от бога в прок и имя великое достал еси, над недруги силен еси, над бессермены в бессермелской вере свят еси, от лиха уимаешь, в вере чистота еси, божва застень еси, на земли чист еси, от воды и от земли создан еси» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 146). В. Смирнов полагает, что непонятное выражение «от воды и от земли создан еси» принадлежит русским переводчикам, которые, повидимому, не поняли смысла татарского подлинника, подражавшего турецким образцам («владыка двух суш и двух морей»). (В. С м и р в о в. Крымское ханство, стр. 389—390).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 81—84.

и отцам, Муса предлагал заключить союз на следующих условиях: «...кто тебе ратен будет, я рать пошлоу; а кто мне ратен будет, и ты мне рать пришли». На вопрос «на кого наша рать надобез?» посол Мусы указал своих врагов: «Ахматовы дети паревы, Муртоза и Седехмат и их братья». Великий князь дал полное согласие¹.

Страдая от нападения ногаев, Мухаммед-Эмин решил породниться с влиятельными ногайскими мурзами. Еще за два года до этого посольства Мухаммед-Эмин посылал к Мурзе своего человека «о сватовстве», предлагая взять за себя дочь мурзы. Кроме того, предполагалось сестру Мухаммед-Эмина выдать замуж за сына Ямгурчя Алач-мурзу. Но Иван III тогда приостановил эти переговоры. Сообщая казанскому хану о своем требовании к ногайским мурзам и о задержании их посла Тувача, он велел передать Мухаммед-Эмину: «ино не пригоже тебе в ту пору своей сестры давати». В 1490 г. обстановка изменилась. Династическая связь между Мухаммед-Эмином и повелителями ногайской орды, при наличии родственных отношений между Казанью и Крымом, вполне соответствовала интересам Ивана III. Сообщая в Казань о своих переговорах с послами мурзы Мусы и заключении дружественного союза, Иван III передавал Мухаммед-Эмину: «...и коли к тебе ныне Муса мурза тех своих людей прислал па то дело, чтобы тебе его дочь за себя взяти, ино и ныне наша мысль тож: похочешь у него за себя взяти его дочь, и ты бы у Мусы его дочь взял за себя, чтобы тебе Муса прямой слуга и друг был». Вопрос о выдаче сестры Мухаммед-Эмина за сына Ямгурчя в это время в Москве еще не был решен. Иван III обещал казанскому хану сообщить свой ответ в ближайшее время². Действительно, когда вскоре в Казань было отправлено посольство с Ярдем Засцовым, Иван III дал свое согласие и на этот брак, рекомендуя все же Мухаммед-Эмину сначала жениться самому, а «опосле бы тебе своего дела датъ за Алач мурзу своя сестра»³.

Вопрос о брачных связях между правящей династией Казани и властителями ногайских орд в Москве тщательно изучался со стороны политических последствий. Только убедившись

¹ Интересны указания на прежние дружеские отношения между московскими великими князьями и предками Мусы мурзы: «Дед мой Едигей князь с твоим дедом в дружбе и братстве были, отец мой с твоим отцем также в дружбе и братстве был, а дядя мой Темир князь с тобою в дружбе и братстве был; ты бы пожаловал, я хочу с тобою потому ж в дружбе быти, сыном или братом себе меня учинишь, как пожелаешь» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 89—91).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 93. Посылка к Мухаммед-Эмину Сеньки Ступицина.

³ Там же, стр. 96—97.

в серьезности предложения ногайских мурз о заключении союза против «Ахматовых детей» не только с Москвой, но и с Мухаммед-Эмюном, великий князь разрешил казанскому хану вступить в родственные отношения с Мусой и Ямгурчеем.

Таким образом к началу девяностых годов были достигнуты очень крупные успехи в деле распространения русского влияния среди татарских ханств; Казань, ногаи, Крым последовательно вовлекались в орбиту московской политики.

Татарские князья с их уланами и казаками, поселенные на линии Оки, составляли как бы кордон, препятствовавший неожиданным прорывам на левый берег реки. Вполне понятно, что вопрос о Большой Орде потерял прежнее значение и отступил на второй план перед другими более важными вопросами, связанными с положением на западной границе.

5

Большая Орда под властью сыновей Ахмед-хана, Муртозы и Сейд-Ахмеда продолжала создавать серьезную угрозу для Крымского ханства; для Менглы-Гирея она оставалась главным противником. Набеги крымцев на польско-литовские земли в случае удачи приносили значительную добычу, в которой нуждалась татарская знать. Однако непосредственной опасности для Крыма со стороны Польши и Литвы не только не существовало, но король Казимир и его сын Александр Казимирович прилагали немало усилий к тому, чтобы превратить Менглы-Гирея из врага в своего союзника против Москвы. Но одновременно те же причины заставляли их поддерживать врагов Менглы-Гирея — «Ахматовых детей». Используя непримиримую враждебность между Крымским ханством и Большой Ордой, Иван III ставил поддержку Менглы-Гирея против «Ахматовых детей» в зависимость от той помощи, которую он окажет ему в борьбе против короля.

Крупное нападение «Ахматовых детей» на Крым, согласно нашей летописи, произошло в 1485 г.: «Тое же зимы (6993) царь ордынский Муртоза, Ахматов сын, прииде к Менгирею Крымскому хоте зимовати у него, понеже глад бе велик в Орде; Менгирей же Крымский, поймав его посла в Кафу к Турскому царю, и посла брата своего меншего на князев на Темпрев улус, остаток весь Орды разгонял. Того же лета ординской царь Махмут Ахматов сын, с князем с Темпрем идя изгопом на Менгирея: брата своего отнемь у него Муртозу, Ахматова сына, сам же Менгирей из бою тайпо утече из своей рати; той же Махмут привиде Муртозу и посади на царстве, Менгирей

же посла к Турскому, Турской же силы ему посла и к ногаям посла, веле им Орду вьевати»¹.

Основные факты, изложенные в этом летописном рассказе, подтверждаются Иоасафатом Барбаро, который в качестве посла Венецианской республики в Танае (Азове) провел 16 лет в Крыму (1436—1452). Затем в 1471 г. по поручению правительства Венецианской республики он отправился в Персию к Узун-Гассану с целью поддержать его советами и военными материалами в войне с Турцией. Вернувшись на родину в 1479 г., Иоасафат Барбаро спустя восемь лет, в 1487 г., закончил составление записок, в которых описал оба путешествия на восток².

Таким образом, описание событий, происшедших после 1479 г., было сделано Барбаро на основании сведений, собранных им в Венеции, где можно было слышать рассказы купцов, посещавших Крым. Вследствие этого Барбаро допустил ряд хронологических и фактических неточностей, хотя основное содержание его записок подтверждается и другими источниками.

По рассказу Барбаро, Менглы-Гирей вознамерился идти войной на Цитрахань (Citrasan), подвластную Муртозе-хану, кочевавшему в это время со своей ордой на р. Эрдили. Вблизи этой реки он разбил Муртозу, взял его в плен со множеством народа; большую часть пленных отправил в Кафу, а сам остался зимовать на р. Эрдили. «Между тем другой татарский государь, жительствовавший оттуда в расстоянии нескольких дней пути, — сообщает Барбаро, — узнав о положении стана Менглы-Гирея, дождался той поры, когда река покрылась льдом, и, напав внезапно на Менглы-Гирея, разбил его, освободил Муртозу-хана, томившегося в плену, и принудил Менглы-Гирея возвратиться с большим уроном в Кафу. На следующую весну Муртоза-хан учинил в свою очередь опустошительный набег на владения Менглы-Гирея, но вынужден был возвратиться назад, не успев покорить их власти своей»³.

Интересные подробности этих событий находятся также в сочинении турецкого историка XVI в. Мухаммеда-Ризы («Семь планет») и в анонимной «Краткой истории Крымского ханства», являющейся, как установил В. Смирнов, сокращенным изложением сочинения Мухаммеда-Ризы. После того как Менглы-Гирей был при помощи турок восстановлен, Сеид-

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 216.

² Fr. A d e l u n g. Kritisch-Literärische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700, v. I, ss. 139—142. Печатное издание записей Иоасафата Барбаро впервые появилось в Венеции в 1543 г. Русский перевод помещен в «Библиотеке иностранных писателей о России», т. 1, СПб., 1836.

³ В. С е м е н о в. Библиотека иностранных писателей о России, т. 1, стр. 53—54.

Ахмед решил идти на него войной. Посланный вперед брат Сеид-Ахмеда Муртоза был задержан Менглы-Гиреем и отправлен в Кафу. Сеид-Ахмед разбил Менглы-Гирея, который, будучи ранен, бежал и заперся в Кыркоре. Сеид-Ахмед обманом взял Солхат и осадил Кафу, находившуюся под управлением турецкого губернатора Касим-паши. Сеид-Ахмед отправил к губернатору посла с требованием сдать город. Тогда Касим-паша, не надеявшийся, очевидно, на успешную защиту, решил прибегнуть к хитрости. Сделав вид, что он соглашается принять требование Сеид-Ахмеда, он задержал посла на ночь. Утром паша пригласил посла в место, откуда было видно море, и стал рассматривать подарки, будто бы приготовленные для Сеид-Ахмеда. В это время, по заранее разработанному плану, вошел чауш, который от имени султана Баязида произнес заранее приготовленную речь. Он сообщил, что султан очень разгневан на Сеид-Ахмеда за нападение на Крым и разграбление Солхата и уже отправил многочисленные корабли с войсками, чтобы примерно наказать дерзкого хана. Между тем на море в самом деле показалась турецкая эскадра, отсалютовавшая крепости. Тогда Касим-паша обратился к татарскому послу, пораженному пушечной стрельбой, со следующими словами: «Поди и скажи своему хану, что слуга падышаха не может стать слугою кому-либо другому, и пусть он приготовится к битве». Устрашенный Сеид-Ахмед поспешно отступил от крепости. Менглы-Гирей, узнав о бегстве Сеид-Ахмеда, вышел из Кыркора и стал его преследовать. Вместе со своим сыном Мухаммед-Гиреем он дошел до Тахт-Или, где окончательно разгромил своего врага. Сеид-Ахмед был убит в одной из схваток¹.

Мухаммед-Риза, повидимому, объединил в своем рассказе несколько событий, относящихся к 80—90-м гг. XV в. Сеид-Ахмед не был убит в этой схватке и в 1491—1492 гг. ушел со своими людьми к Казимиру в Литву, где и умер в начале XVI в.² Возможно, что ближайшей причиной этой ошибки явилась смерть другого сына Ахмед-хана и брата Сеид-Ахмеда — царевича Едигея, убитого людьми Менглы-Гирея летом 1492 г., примерно в то же время, когда Сеид-Ахмед бежал в Литву³.

Легко видеть, что общими для трех источников (летопись, Барбаро и Мухаммед-Риза) являются следующие моменты: 1) первоначально успех имел Менглы-Гирей, захвативший

¹ В. Вельяминов-Зернов. Исследование о каспиевских царях и царевичах, т. I, стр. 112—113.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 112 и 522.

³ В июне 1492 г. московский посол Лобан-Колычев сообщал из Крыма, что дней за шесть до его приезда в Крым к Менглы-Гирею привезли среванную голову царевича Едигея (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 149).

в плен Муртозу и отославший его к туркам в Кафу; 2) Сеид-Ахмед в свою очередь разбил Менглы-Гирея (по летописи и сообщению Барбаро, Сеид-Ахмед при этом освободил Муртозу; Мухаммед-Риза говорит только о неудачной осаде Кафы); 3) Менглы-Гирей получил турецкую помощь и добился решительного успеха.

Нет сомнения, что все три рассказа относятся к одним и тем же событиям в Крыму. Особенно близки друг другу сообщения летописи и Барбаро, сделанные независимо друг от друга. Разница между ними заключается главным образом в первой части, так как, по сведениям Барбаро, не Муртоза пришел зимовать в Крым, а Менглы-Гирей вторгся во владения Муртозы. Такое расхождение вполне объяснимо, так как источником сведений Барбаро были устные рассказы.

Вопрос о том, когда произошли описанные события, вызвал различные мнения у исследователей. Ни Барбаро, ни Мухаммед-Риза не сообщают достоверных хронологических данных. По сообщению Барбаро, пленение Муртозы произошло на следующий год после восстановления Менглы-Гирея на престоле, т. е. около 1480 года.

Эту дату нельзя признать достоверной. Описанное событие произошло после смерти Ахмед-хана, т. е. после января 1481 г. В ближайшее время после гибели Ахмед-хана Большая Орда, в связи с вопросом о престолонаследии, должна была воздерживаться от активных выступлений. В дипломатической переписке между Москвой и Крымом за 1481—1483 гг. не встречается никаких указаний на столкновения между Менглы-Гиреем и «Ахматовыми детьми». С другой стороны, положение самого Менглы-Гирея в Крыму в это время было настолько неустойчивым, что он не мог предпринять поход к Астрахани. Между тем в дипломатической переписке, относящейся к 1484—1485 гг., содержатся краткие сведения о столкновениях именно в эти годы между Менглы-Гиреем и «Ахматовыми детьми». Отправленный в конце июля 1485 г. гонцом в Крым татаринна Шемарденю, Иван III «словом», т. е. без записи в наказе, дал ему следующие наставления: «А взмолвит царь о том: князь великий слышел мое дело, что Муртоза царь и Седехмат со мною немирны; и князь великий послал ли своих людей под Орду? Ино молвит так: осподарь наш, князь великий как послышев то, и он часа того послал под Орду уланов и князей и казаков всех, колко их есть на его земле, и добра твоего везде смотрит»¹. Когда в том же году Иван III стал упрекать Менглы-Гирея в неправильном захвате его людьми имущества умершего в Крыму купца Ивашки Жеглова, то Менглы-Гирей

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 44.

в свое оправдание ссылался на то тяжелое положение, в котором он тогда находился: «А в ту пору пришла на нас скорбь велика, и мы тогда не то одно покинули и свои есмь животы помстали; а и мати ся моя в ту пору утеряла, а нам было тогда до своих голов»¹. Таким образом, устанавливается, что в 1485 г. Муртоза и Ахмат воевали с Менглы-Гиреем и что Менглы-Гирей обращался за помощью к Ивану III. Летом 1486 г., отвечая на посольскую речь Семена Борисовича, Менглы-Гирей отметил, что «Орды ся уже не блюду»².

Значение рассмотренного эпизода в истории войны Крыма с Большой Ордой заключается не только в том, что «Ахматовы дети» потерпели крупное поражение, а в том, что с этого момента Турция окончательно становится на сторону Менглы-Гирея, создавая благодаря своей помощи значительный перевес его сил над противниками. Для Ивана III поддержка падишахом крымского хана, в данное время союзника России, имела выгодные последствия. Результатом этого было установление непосредственных дипломатических сношений России с султаном Баязидом.

Враждебная активность «Ахматовых детей» возросла в конце 80-х гг. в связи с пачавшейся войной между Иваном III и Казимиром. Между королем и Большой Ордой с середины этого десятилетия происходил обмен посольствами, имевший целью возобновить союз с наследниками Ахмед-хана на пачалах, установленных еще при его жизни. Еще летом 1484 г. Иван III узнал, что в Большой Орде были королевские послы Стрет и смольнянин Ивашко Рагозин. В связи с этим он просил Менглы-Гирея перехватить их на обратном пути, так как, по имевшимся в Москве сведениям, «ходят те послы королевы близко Черекоп»³. Стрет успел благополучно возвратиться в Литву, но вскоре послы Казимира были действительно захвачены людьми Менглы-Гирея. В 1487 г. Иван III велел ему говорить: «...а что есп ко мне приказывал о послех о королевых, что еси королевых послов попмал; ино король вопчей наш педруг, твой педруг да и мой; ино ведаеш сам, как над его послы учинити»⁴.

В Литовской метрике сохранились ярлыки Муртозы к Казимиру, явившиеся результатом посольства Стрета. Один из них представлял собой присягу, данную Муртозой от себя, своих сыновей и братьев в подтверждение прежней дружбы с королем. При этом Муртоза сообщает о переменах в Орде, происшедших после смерти Ахмед-хана: «Охмат царь один

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 47 и 51.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 60.

царь был, а ныне два царя есмо з братом моим Седихматом...»¹ Эти сведения не было бы нужды сообщать королю, если бы данное посольство не являлось возобновлением сношений, прерванных смертью Ахмед-хана. Таким образом устанавливается, что в течение 1481—1484 гг. существовал перерыв в сношениях между Польшей и Большой Ордой. Важно отметить, что сношения между ними возобновились накануне похода Муртозы против Менглы-Гирея и что инициатива в возобновлении посольств исходила от Казимира. Очевидно Стрет успешно выполнил данные ему поручения, так как Муртоза ходатайствовал перед королем о его награждении: «Стрета послали были есте, — писал Муртоза, — ино тогда мы окончи они пришли от своих неприятелей, великую працу мели есмо. А он для тебе и нас, штобы промежи нас брацтво повышалося, того для много голоду и томли терпел»².

В первой половине 1487 г. Менглы-Гирей писал Ивану III, что на него идут Муртоза и Сеид-Ахмед, а «наводит их вопчей наш недруг король». По просьбе хана великий князь послал под Орду Нур-Даулета с его людьми и с людьми великого князя³. Однако действия Нур-Даулета не были удачными, и осенью Иван III подробно сообщил своему союзнику о причинах, почему «ходили, да не учинили ничего». Главная причина заключалась в том, что Орда держалась очень сплоченно. «Недрузи, господине, ваши, Муртоза и Седехмат царь, — говорил московский посол Менглы-Гирею, — из Орды не бывали, шли с Ордою и с улусы своими вместе, и брату твоему, господине, Нурдовлату царю как было притти на Орду, коли сами пари в Орде со всеми с своими людьми?» Иван III обещал зимой, а если нельзя будет зимой, то ранней весной, вновь отправить на Орду Нур-Даулета и воцарившегося в Казани Мухаммед-Эмина⁴.

Опасения Менглы-Гирея относительно возможности вторжения в Крым «Ахматовых детей» оказались не напрасными. Ранней весной 1490 г. Большая Орда кочевала между Доном и Днепром, что, несомненно, находилось в связи с военными действиями, происходившими между Иваном III и Казимиром. Царевич Сатылган с уланами и казаками был отправлен «под Орду», т. е. в основное месторасположение улуса Большой Орды. Предполагалось, что Сатылган свяжется с Менглы-Гиресом для одновременного нападения на Орду. Но Сатылган, как объяснял Иван III, «учинил молодую мыслью»: пошел обратно, не дождавшись Менглы-Гирея и без ведома великого

¹ Литовская метрика, т. I, СПб., 1910, ст. 348—349.

² Там же, ст. 350.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 65—67.

князя¹. Осенью этого года Сеид-Ахмед и Ших-Ахмед все же вторглись в Крым, но потерпели неудачу. Об этих столкновениях сохранились некоторые подробности в письме Менглы-Гирей к Казанскому Мухаммед-Эмину и в донесении московского посла в Крыму князя Василия Ромодановского.

Султан Баязид выступил посредником между Менглы-Гиреем и «Ахматовыми детьми» и с целью их примирения прислал своего посла князя Бакшея. В свою очередь цари Сеид-Ахмед, Ших-Ахмед и князь Мангит-Азика в начале сентября прислали своего «человека» от всех карачей и «добрых людей». Был заключен мир — «шертъ и правду учинили». Поверив присяге («роте»), Менглы-Гирей распустил улусы на «пашни и на жито». Тогда явились Сеид-Ахмед, Ших-Ахмед и князь Мангит-Азика со всеми силами «Намаганова юрта»; «домы наши потоптали, слава богу самих нас бог помиловал, — сообщает Менглы-Гирей своему пасынку Мухаммед-Эмину в Казань, — о Крым став бившися недруг не начевав пошел прочь из моих улусов, Барынские улусы повоевав, воротился². Таким образом, татарам Большой Орды удалось проикнуть глубоко на полуостров, и битва, о которой сообщает Менглы-Гирей, произошла где-то вблизи Солхата (Крыма)³. Повидному, какие-то причины помешали «Ахматовым детям» воспользоваться победой, и они поспешно ушли с полуострова.

Зима 1490/91 г. была для «Ахматовых детей» очень тяжелой, о чем Менглы-Гирей поспешил уведомить великого князя: «На бога падеялся, сеп зимы у недруга поги подрезав, кони есмь взяли у него без останка; нынеча как бы им отойти, пно силы нет, велми нынеча охудели, рать их королев сын побил». Кроме того, к Менглы-Гирею пришла обещанная султаном помощь в виде одной тысячи янычар, прибывших в Крым на 10 судах. Все это подавало Менглы-Гирею надежду весной добить своих противников. Значительная роль при этом, по его предположению, отводилась великому князю, которого он просил выслать казапских казаков и казаков Нур-Даулета

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 98.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 108—109. Грамота Менглы-Гирей к Мухаммед-Эмину в Казань датирована 896 г. хиджры — 10 марта в понедельник (10 марта 1491 г.). Вторжение Орды Сеид-Ахмеда произошло вскоре после 2 сентября (день прибытия послов). В. Смирнов был склонен относить эти события, рассказанные в письме Менглы-Гирей к своему пасынку, к тому нападению на Крым, известие о котором сохранилось у Барбаро и Мухаммед-Ризы (В. Смирнов в. Указ. соч., стр. 293). Между тем речь идет о разных событиях; в сообщениях о нападении в 1491 г. Сеид-Ахмеда и Ших-Ахмеда на Крым ничего не говорится о Муртозе, который был главным действующим лицом в событиях 1485 г.

³ Во всех ярыках Менглы-Гирей «Крымом» называет город, а не область.

во главе с его сыном Сатылганом, а также «своих (великого князя. — К. Б.) добрых крепких людей». Часть этих людей великий князь должен был прислать к Менглы-Гирею с его человеком Мерекою. «На бога упование положи, того не мысли, кое бы недруга не истеряти», — писал Менглы-Гирей¹.

Однако весной 1491 г. Менглы-Гирей считал, что опасность для него еще не миновала; его смущало, что «недруг» зимовал в устье Днепра «в крепии» (в укрепленных местах). Кроме того, он ожидал выступления Абдыл-Керима с астраханскими ногаями и Намаганским юртом². Беспокойство Менглы-Гирея по поводу возможности нового вторжения в Крым ясно выразилось в письме к Мухаммед-Эмину, в котором он зывал к его помощи. Желая побудить великого князя к посылке под Орду больших сил, Менглы-Гирей уверял его, будто Ших-Ахмед и Абдыл-Керим готовились к нападению на русские земли³, по затем возвратились на р. Самару и Овечьи воды, готовясь к нападению на Крым. Но главную надежду он возлагал на помощь со стороны падишаха. Султан Баязид, по сведениям московского посла в Крыму, «рать нарядил Менглы-Гирею царю на пособь», но Муртоза успел предупредить его, ложно убедив, будто вражда происходила только между Менглы-Гиреем и Сеид-Ахмедом, которого теперь «пе стало на царстве», но что он, Муртоза, с крымским ханом «в братстве да и в миру». Баязид, поверив словам Муртозы, вернул отправленные войска. Узнав о кознях Муртозы, Менглы-Гирей поспешно отправил к падишаху своего брата Ямгурчя с поручением передать ему следующие слова: «...переступят пари меня, ино от них будет и тебе недобро». По сведениям московского посла, Ямгурчей был встречен при дворе падишаха с великой честью⁴. Баязид отложил намеченный поход против мисюрского султана и стал готовить войска на помощь Менглы-Гирею. По сведениям же московского посла, полученным из Кафы, султан отправил на помощь Менглы-Гирею 40 тысяч конной рати, следовавшей на Белгород (Аккерман)⁵. Сам Менглы-Гирей

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 105.

² «А из Старханской, Абдыл-Керим в головах, в Намаганском юрте все собрався, против нас стоит» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 109).

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 110.

⁴ По сведениям московского посла в Крыму князя Василия Ромодановского, султан Баязид велел передать Кафинскому паше: «...идет ко мне царевичь, и ты бы честь држал, корму бы еси давал много, отпустил бы его еси честно, а в приставах бы еси послал с ним доброго человека, то ко мне пдет, как сам брат мой старейшой Менли-Гирей царь, а велел бы еси ему пристати не доходя Царягорода, и яз всех паш пошлю встречу с честью, как бы честь была брата моего да и моя...» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 112).

⁵ Там же, стр. 114.

сообщал о 70-тысячном войске, ожидавшемся в Белгороде к июню ¹.

Со своей стороны «Ахматовы дети» прилагали большие старания для усиления своей Орды. Бежавший из плена человек Нур-Даулета сообщил, что Муртоза пошел к Хазторокани (Астрахани) с целью привести ногаев ². Это известие подтверждалось сообщениями из Азова, полученными через Кафу, о том, что «пагаи Волгу возьмется, а идут па Орду» ³. Под влиянием этих сведений Менглы-Гирей находился в большой тревоге и заперся в Кыркоре, собрав по крепостям скот и коней ⁴.

Получив в мае 1491 г. тревожные известия из Крыма, Иван III решил направить крупные силы «на поле под Орду», т. е. на основную территорию улусов Большой Орды. В июне этого года он сообщил Менглы-Гирею, что 3 июня в степь («на поле») был послан царевич Сатылган с улапами, князьями и казаками, а также воевода с русской ратью; в Казань к Мухаммед-Эмину был отправлен князь Иван Ромодановский, который должен был вместе с казанцами пойти на соединение с Сатылганом. По полученным известиям, «казанская рать» вышла 8 июня ⁵. По летописным сообщениям, все воеводы соединились в степи и пошли под Орду. Известие о появлении в степи крупных сил великого князя заставило «царей Ордынских» возвратиться от Перекопа. Воеводы великого князя ограничили этой военной демонстрацией и вернулись обратно «без брани» ⁶.

Однако до начала зимы Менглы-Гирей не чувствовал себя в безопасности. В октябре 1491 г. князь Василий Ромодановский доносил в Москву, что хан «живет в городе, по полю не кочует, а велит, государь, хлеб прятати да везти в город. А блюдетца, государь, всегда рати». Известия о посылке султаном крупных

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 110.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 114.

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 115. В грамоте к князю Василию Ромодановскому, находящемуся в Крыму, Иван III сообщал, что воеводами пошли князь Петр Никитич Оболенский и князь Иван Михайлович Репня-Оболенский, а «людей послал с ними не мало»; с ними также пошли «братни воеводы» и воеводы обеих рязанских «сестричигов» (Там же, стр. 116). В связи с этой посылкой произошел известный по летописям случай с князем Андреем Васильевичем, стоявший ему заключения в тюрьму. Великий князь велел своим братьям, Андрею и Борису, послать своих воевод с великокняжеской ратью. Борис Васильевич исполнил это приказание, но Андрей Васильевич «воеводы и силы своей не послал» (ПСРЛ, т. VI, стр. 38).

⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 38. Менглы-Гирей благодарил Ивана III за то, что он «недружбу... учинил» «Ахматовым детям» и они «между нас не устояв, с лихом прочь пошли» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 123).

войск на Белгород не подтвердились. Ямгурчей вернулся в Крым перед Ильиным днем (20 июля). Хороший прием, устроенный ему в Константинополе, и присланные от падишаха дары не могли, понятно, полностью изгладить разочарование, вызванное отсутствием обещанного войска. С Ямгурчеем прислаано было всего около 2 тысяч пеших воинов. Однако, несмотря на слабость этой помощи с военной стороны, она, несомненно, имела большое политическое значение, тем более, что султан послал посла в Большую Орду с наказом, чтобы «цари с того поля пошли прочь». Встреча турецкого посла с Муртозой произошла в Азове. Муртоза вместе с послом падишаха отправился в Орду и «с коня ссел», т. е. распустил войско.

В самой Большой Орде в это время вспыхнули обычные для нее внутренние неурядицы, усилившиеся под влиянием неудач. Абдыл-Керим направился к Астрахани, но по дороге был достигнут высланной Иваном III русской ратью и людьми царевича Сатылгана. В бою Абдыл-Керим потерпел полное поражение и был ранен. Прибежав в Орду, он захватил царя и поспешил укрыться в Астрахани. Улусы Ших-Ахмеда поспешно ушли на пашню, а Мангитов улус направился вверх по Днепру. По сведениям Василия Ромодановского, «промежи царей и Мангитов рознь». Это дало возможность крымским татарам воспользоваться «забарошней» и отогнать коней у татар Большой Орды¹.

В разрозненном и враждующем состоянии Большая Орда уже не была опасной. В ноябре 1491 г. Менглы-Гирей мог сообщить великому князю, что опасность со стороны «Ахматовых детей» миновала: «А что деи были меж нас наши недрузи, ординские цари, Ахматовы дети, и они от нас отступили, ино то нам обема в помочь»².

Таким образом, пятилетняя война (1486—1491) между Менглы-Гиреем и Большой Ордой закончилась поражением последней и победой Крыма. События показали, что сам Менглы-Гирей не в силах был справиться со своими врагами. За обоими противниками стояли могущественные силы: за Большой Ордой — Казимир, за Менглы-Гиреем — Иван III. Поражение «Ахматовых детей» явилось поэтому торжеством московской политики, сумевшей примирить и сплотить под своим покровительством Крым, Казань и ногаев. Это дало возможность добиться выдающихся успехов при небольших затратах сил и средств. Собственно, Иван III ограничивался военными демонстрациями, которые он проводил главным образом при помощи татарских царевичей, находившихся на его службе и поселен-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 118.

² Там же, стр. 121.

ных на русской территории. Некоторый успех Казимира заключался лишь в том, что война между «Ахматовыми детьми» и Менглы-Гиреем, происходившая в годы обострения отношений с Москвой, не позволила крымскому хану принять участие в московско-литовских столкновениях, несмотря на усиленные побуждения со стороны его союзника — Ивана III.

Неудачи в борьбе с Менглы-Гиреем способствовали дальнейшему ослаблению Большой Орды и развитию в ней политических и династических противоречий. Авторитет сыновей Ахмед-хана в приволжских и причерноморских степях быстро падал, что не могло не отразиться на отношениях между ними и погаями. Среди части ногайских мурз, у которых также усиливалась внутренняя борьба, росло стремление к союзу с Иваном III и Менглы-Гиреем. Картины полного распада Ногайской орды дают сведения, собранные в 1491 г. Мухаммед-Эмином через торговых людей и лазутчиков: князь Апас и Эдисан стояли на Урухе-горе; бывший с ними во враждебных отношениях мурза Муса кочевал на р. Орс. Ямгурчей находился на р. Еми, Яга — на Белоозере, пять других мурз — на Каргале. Апас и Эдисан послали в Тюмень к Иваку послов, пригласив его на царство ¹.

Находившийся в родственных отношениях с Мухаммед-Эмином Муса больше других ногайских мурз был склонен к примирению с Менглы-Гиреем и к союзу с великим князем. В орде «Ахматовых детей» его, несомненно, считали злейшим противником. В разгаре борьбы Менглы-Гирея с Сепд-Ахмедом и его братьями в 1491 г. Муса прислал к Менглы-Гирею «человека» «о единчестве» с ним против «своих недругов, Ахматовых детей» ². Когда, по сведениям, полученным в Москве в начале 1493 г., Шпх-Ахмед женился «у Мусы у мурзы», то его «с Орды сбили» и послали за Муртозой ³. Узнав о отношениях между Менглы-Гиреем и Мусой, Иван III тотчас отправил к мурзе грамоту, в которой убеждал поступать «по первому своему слову» и быть «за один» с ним и с Менглы-Гиреем против «Ахматовых детей» ⁴.

После 1492 г. Большая Орда стала быстро ослабевать. Донесения московских послов из Крыма, как и сообщения самого Менглы-Гирея, все чаще отмечают сильный голод в Орде, вызывавший частые перекочевки и не допускавший большого скопления татар-кочевников. В этих условиях, естественно,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 133.

² Там же, стр. 134.

³ Там же, стр. 180.

⁴ Там же, стр. 134.

происходил распад того племенного союза, не имевшего строго определенного состава, во главе которого стояли наследники Ахмед-хана. Попытки с их стороны удержать в повиновении ногаев не имели успеха. Ногаи долго помнили неудачный поход Ахмед-хана в 1490 г., в котором они принимали участие. Зима 1492/93 г. была для них очень тяжелой. Орда была «голодна и обморла». Нападению на Шемаху было отбито с большими для ногаев потерями. Тогда среди мурз возникло намерение идти к Днепру, чтобы затем летом напасть на русские земли. Однако Баташ Алчин Алов отговорил их от этого: «...коли есмья были сильны, ходили с Ахматом, и тогда есмья не учинили ничего; а ныне нам пойти к Днепру, и князя великого нас люди и досталь разберут»¹.

В самой Большой Орде среди части мурз появилось стремление к примирению с великим князем. В 1492 г. Иван III сообщил Менгли-Гирею, что князь Азика и мурза Тевекель (брат царицы Нур-салтан, шурин Менгли-Гирея) с некоторыми другими мурзами прислали в Москву своих людей с предложением, чтобы великий князь был с ордынскими царями «в братстве и в дружбе», также как и с крымским царем. Иван III отвечал им: «...коли они недруги брату моему Менли-Гирею царю, то они и мне недрузи». Ордынские послы были отпущены «ни с чем»².

Не было больше единства и среди наследников Ахмед-хана, его сыновей. Весной 1494 г. Ших-Ахмед был согнан «с царства», и его место заняли Муртоза и Сейд-Мухаммед. Но уже через несколько месяцев Муртоза был также изгнан. Усилилась вражда и среди членов рода Мапгитов, составлявших в Орде самостоятельный улус. После смерти Темира — главы этого рода, борьба за власть над улусом происходила между его сыновьями — Тевекелем и Азиком. В 1494 г. Ших-Ахмед и Сейд-Мухаммед согнали Азика и «на царстве Темира сына Тевекеля на княжестве учинили, на Азикино место»³.

Так, к девяностым годам XV в. правительством Ивана III были разрешены все основные вопросы, связанные с взаимоотношениями с татарскими ханствами и с задачами обеспечения безопасности восточной и южной границ Русского государства. Остатки Большой Орды доживали последние годы. Оставшиеся представители угасшей золотоордынской династии не были способны на серьезные выступления против окрепшего Русского государства. Союз Москвы с Крымским ханством хотя

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 181.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 211.

и не мог быть продолжительным, но в данных условиях вполне оправдывал себя. В результате падения Большой Орды силы Менглы-Гирея освобождались для действий против Литвы и Польши. Казанское ханство находилось в полном подчинении у Ивана III. Ногайская орда также постепенно включалась в орбиту московской политики. Все это создавало благоприятную обстановку для вступления в борьбу с великим княжеством Литовским за находившиеся под его властью земли Русн.

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ

I

Исследование русско-польско-литовских отношений в начале 80-х гг. совершенно определенно показывает, что Иван III, всегда осторожный и расчетливый в своих действиях, избегал разрыва с Казимиром. Ни в области внешней политики, ни во внутренней жизни страна не была еще готова к открытой борьбе с таким серьезным противником, каким являлся король Казимир, династически объединявший под своей властью Литву и Польшу. Необходимо признать крупным политическим успехом Ивана III то, что присоединение Новгорода, а затем и Тверского княжества, находившихся в особом отношении к великому княжеству Литовскому, обошлись без военного вмешательства Казимира.

События 1479—1480 гг., закончившиеся бегством и гибелью Ахмед-хана, сыграли крупную роль не только в области внешних отношений, но и во внутренней жизни Русского государства. Они с полной ясностью обнаружили силы внутренней реакции и их связь с зарубежными противниками. Это обстоятельство подметил еще А. Пресняков: «События 1480 года имели не только то значение, что покончили с зависимостью Великороссии от власти хана и сделали великое княжение всея Руси суверенным-самодержавным, в исконном смысле слова, государством; они в то же время усилили и ускорили ликвидацию удельно-вотчинного дробления власти в пользу государственного единодержавия»¹. Тогда же А. Пресняков обратил внимание на произведенный в восьмидесятых годах пересмотр старых договорных и духовных грамот. Эти наблюдения полностью подтвердились в результате новейшего иссле-

¹ А. Пресняков. Образование Великорусского государства, стр. 425.

дования Л. В. Черепнина¹. После этой работы становится ясным, что в 1481—1482 гг. происходил общий пересмотр княжеских «докончаний» с целью выработки нового формуляра грамот в сторону большего подчинения удельных князей великокняжеской власти².

Ближайшим поводом к перезаключению договоров Ивана III с братьями Борисом и Андреем, послужило поведение последних во время нападения Ахмед-хана, создавшее угрозу внутренней феодальной войны. Как отмечалось выше, соглашение, заключенное во время кратковременного присида Ивана III в Москву в начале октября 1480 г., не было оформлено письменным актом. После гибели Ахмед-хана обстановка сложилась не в пользу мятежных братьев, ранее требовавших не только раздела выморочного удела Юрия Васильевича, но и наделения землями их новоприсоединенной новгородской территории. Иван III не выполнил обещаний, данных братьям в самый острый момент борьбы с Ахмед-ханом, и в основу новых «докончаний» положил тексты договорных грамот 1473 г. Из помет на обороте этих грамот устанавливается, что Иван III потребовал от своих братьев возвращения старых «докончаний», причем Андрей Васильевич предоставил свой «противень», а Борис Васильевич заявил, что старая грамота «подрана и сожжена»³. Эта интересная подробность указывает, что Борис Васильевич противился тому, чтобы в основу нового соглашения были положены старые условия. Вполне понятно, что главное внимание при разработке текста новых договорных грамот было уделено территориальным вопросам, которые были разрешены в интересах великого князя. За последним остался и весь спорный удел Юрия Васильевича, и вся новгородская земля, присоединенная к «великому княжению». Как и по «докончанию» 1473 г., удельные князья были лишены какой-либо самостоятельности в отношении внешних сношений⁴. В апреле 1482 г. был перезаключен договор с Михаилом Андреевичем Верейским и с его сыном Василием. По новому «докончанию» Михаил Андреевич передал великому князю свою отчину Белоозеро, сохранив только ее в пожизненном владении⁵. Л. В. Черепнин, изучая процесс переработки княжеских

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., стр. 162—183.

² Такие договоры были заключены Иваном III: 2 февраля 1481 г. с братьями Андреем и Борисом; 4 апреля 1482 г. с верейско-белоозерским князем Михаилом Андреевичем. В 1486 г. были заключены новые договорные грамоты с Андреем и Борисом Васильевичами.

³ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 166—174.

⁴ Собр. Гос. гр. и дог., I, № 106—109.

⁵ Договор был заключен 4 апреля 1482 г. (Сб. Гос. гр. и дог., I, № 113 п. 114).

«докончаний» в 80-х гг., пришел к заключению, что «частный вопрос о Белоозере получил большое принципиальное политическое значение, поскольку речь шла вообще о переходе удельных князей на положение прекарных пожизненных или наследственных держателей. Для них стиралась грань между службою великому князю с собственной вотчины или с великокняжеского пожалования»¹.

Сепаратистские стремления удельных князей с особенной силой проявились в начале 80-х гг. Толчком для них послужили присоединение Новгорода и неудавшийся поход Ахмед-хана.

Польский историк Фредерик Папэ, изучая положение в 1483—1486 гг. на литовско-русской границе, пришел к заключению, что «созыв под оружие смоленской заставы... вповь окружил литовским симпатиями государство Ивана III на целой линии границ»². Смоленская застава, которой Иван III немедленно противопоставил сильную заставу во Ржеве и в Новгороде³, не могла сама по себе служить проявлением литовских симпатий среди русского населения; она свидетельствовала лишь о военной предосторожности, принятой обеими сторонами после нападения Менглы-Гирея на Киев. При этом дело шло не о «литовских симпатиях» среди широких слоев русского населения, а об отдельных проявлениях антимосковских настроений среди крайне узких кругов местной феодальной знати.

Наиболее ясно оно обнаружилось в Новгороде. После «поимания» архиепископа Феофила Новгород несколько лет не имел архиепископа. Только в 1483 г. (6992) из Москвы был прислан новый владыка Сергей (Симеон). Это был первый архиепископ в Новгороде, получивший митру не по старому обряду избрания из числа местных кандидатов, а по поставлению в Москве митрополитом, с ведома великого князя⁴. После

¹ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 166. Договору Ивана III с Михаилом Андреевичем предшествовали «докончания» 1462—1464 гг., около 1464 г. и 1472 г. При подготовке текста договорной грамоты 1482 г. старые «докончания» были подобраны и систематизованы. В связи с этим на обороте старых договорных грамот сохранились интересные пометки, выражавшие политические тенденции великокняжеской власти (Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 163—165).

² Фг. Раре. Указ. соч., стр. 104—106.

³ «Тоя же весны (6992 г.) князь великий Иоан Васильевич присла своих москвичь много множество в Великий Новгород с всею ратною приправою, а потом вних присла своих людей на Ржову...» Московская ратная застава стояла в Новгороде 17 недель (ПСРЛ, т. V, стр. 42).

⁴ Иван III предложил митрополиту Геронтию избрать нового городского «владыку» из московских иноков. Для этой цели в Успенском соборе в Москве был воспроизведен новгородский обряд избрания путем жребия. Жребий пал на инока Троице-Сергиева монастыря Сергия (ПСРЛ, т. VIII, стр. 214—215).

дела Феофила, очевидно, Иван III считал необходимым иметь в лице новгородского владыки вполне преданного себе человека. Кроме того, при владыке должны были находиться посланные с ним боярин, казначей и дьяк. Сергей слишком упрощенно понял свою задачу и в короткое время возбудил в Новгороде сильное недовольство своим пренебрежительным отношением к новгородской «старине»¹. Уже через десять месяцев он вследствие расстроенного здоровья принужден был удалиться «на покой» в Троице-Сергиев монастырь. По московским летописным известиям, новгородцы отняли у владыки ум волшебством, так как владыка не хотел им поклониться: «не по их он мысли ходит»². Новгородские и псковские летописи сохранили легендарные рассказы, обращавшиеся по этому случаю среди населения. Несмотря на фантастическое содержание, они хорошо передают отношение новгородцев к первому московскому владыке, в поставлении которого они видели нарушение церковных канонов (новый архиепископ был поставлен при жизни прежнего архиепископа Феофила, несправедливо «ни по правилам изгнану бывшю») и оскорбление дома св. Софии. Поэтому Сергию будто бы во сне и на яву стали являться новгородские «святители», положенные в Софийском соборе, обличавшие его «безумное дръзнутие»³. Поставление в Москве из московских иноков новгородского архиепископа являлось началом серьезной реформы новгородской церкви с целью уничтожения ее политического влияния в консервативных кругах местного населения.

Одновременно с поднявшейся в Новгороде церковной «смутой» был раскрыт заговор среди боярства и «житых» людей. Сущность этого заговора, как и состав его участников, мало известны. Повидимому, главное обвинение, предъявленное новгородцам, заключалось всылке людей в Литву к королю Казимиру. Не ясно также, существовала ли связь между этим движением и делом архиепископа Сергия. Заговор был открыт самими новгородцами. Около 30 человек «больших и житых людей» были схвачены и подверглись строгому допросу. Великий князь велел их «вметати» в тюрьму, а жен и детей — послать

¹ По сообщению Новгородской 3-й летописи, Сергей на пути в Новгород при посещении Сковородского монастыря велел священнику открыть гроб строителя этого монастыря, «святителя» Моисея. Когда же священник отказался исполнить приказание новопоставленного «владыки», Сергей «рече с гордостию, возвысясь умом высоты ради сана своего и величества, яко от Москвы прииде к гражданам яко плененным: кого сего смердовича и смотри?» С этого времени он, по словам Новгородской летописи, был «изумлен» (ПСРЛ, т. III, стр. 243—244).

² ПСРЛ, т. VI, стр. 236.

³ ПСРЛ, т. V, стр. 42.

в заточение. Тогда же в Новгороде Иван III велел схватить «славную богатую Настасью»¹.

Таким образом, ни в движении против архиепископа Сергия, ни в раскрытых сношениях новгородского боярства с королем мы не видим участия широких слоев местного населения. Это были бессильные попытки противодействия со стороны узких кругов землевладельческой знати, легко пресекавшиеся в самом начале московской власти.

Резкое обострение отношений великого князя с королем и начавшиеся в 1486—1487 гг. порубежные столкновения вызвали среди новгородского боярства и консервативной части населения новую вспышку противодействия московской власти, послужившую поводом к первому крупному «выводу» новгородцев и переселению их во внутренние города и уезды. По сообщению московских летописных сводов, в Новгороде зимой 1487/88 г. была сделана попытка убить великокняжеского наместника Якова Захарьина. Часть «думцев» (заговорщиков) Яков Захарьин пересек и перевешал. Но Иван III не удовлетворился этим паказанием и более 7 тысяч «житых» людей велел привести в Москву. В следующем году из Новгорода было выведено еще более тысячи бояр, «житых» людей и гостей. Выведенным новгородцам были даны поместья в Москве, Владимире, Муроме, Нижнем-Новгороде, Переяславле, Юрьеве, Ростове, Костроме и в других городах. На конфискованной новгородской земле были «испомещены» дети боярские из разных московских городов². Этим было положено начало социальной реформе, целью которой являлось уничтожение старого крупного и среднего новгородского вотчинного землевладения и значительное обновление господствующих слоев населения. Военно-политическое значение этой реформы было огромным. В системе обороны западной границы порубежная новгородская земля представляла собой наиболее уязвимое и слабое место. Социальная реформа Ивана III не только упрочила для литовского господара возможность использовать в борьбе с Москвой защитников новгородской «старшины», но и создавала боеспособную военную организацию в лице переселенных московских помещиков. Так же, как и в Новгороде, была обречена на неудачу попытка Михаила Борисовича в Твери опереться на помощь и защиту короля. Вопрос о самостоятельности Тверского княжества был по существу решен падением Новгорода. После этого территория великого княжества Тверского оказалась окруженной со всех сторон московскими землями. Усилившийся переход на московскую службу тверских бояр и детей

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 236.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 238; т. VIII, стр. 218; т. XII, стр. 220.

боярских явился одним из наиболее наглядных результатов разложения политической системы великого княжества Тверского. Необходимо отметить, что летописные известия о последних годах существования великого княжества Тверского крайне сбивчивы и неясны; лишь с трудом восстанавливается последовательность событий, относящихся к этому времени. Первые сведения об обращении Михаила Борисовича к Казимиру относятся приблизительно ко второй половине 1483 г. Поводом послужила смерть первой жены Михаила Борисовича Софьи, дочери киевского князя Семена Олельковича. Михаил Борисович, желая, повидимому, поддержать родственные отношения с Казимиром, направил к нему сватов с целью жениться на его «внуке», т. е. какой-то родственнице короля¹.

К этому времени следует отнести заключение нового договора между Михаилом Борисовичем и королем Казимиром, явившегося по существу текстуальным возобновлением договора 1449 г. Как и по предыдущему договору, тверской князь обязывался «пособляти» королю везде, где будет ему нужно, «стоять» с ним «за одно» против всех его противников, без исключения; с своей стороны король должен был помогать великому князю тверскому «думою и помощью», самому идти и присылать помощь «по силе, без хитрости»².

До осени 1483 г. ничто не указывает на ухудшение отношений между Иваном III и Михаилом Борисовичем. В январе 1483 г. Иван III послал Петра Григорьевича Заболоцкого известить «с радостью» о женитьбе своего сына Ивана на Елене Стефановне. Посланец Ивана поднес дары самому Михаилу Борисовичу, его супруге и матери³. 10 октября родился внук великого князя Дмитрий. С этой вестью и «поклопом» в Тверь был послан Владимир Гусев. Однако Михаил Борисович поклона не принял, к матери великой княгини Настасии московскому посланцу идти не велел и выслал его

¹ ПСРЛ, т. V, стр. 43.

² Снясок этого договора без окончания (конец утрачен) сохранился в Литовской метрике (Записн. кн. VI, л. 288 об.—289). Напечатан в сборнике Муханова (№ 10) по копии, снятой в конце XVIII в. по распоряжению короля Станислава Понятовского и хранившейся в королевском архиве в Варшаве. В Актах Западной России (т. I, № 79) этот договор был напечатан по подлинной метрике и отнесен издателями к 1483 г. (примечание 61). Софья Семеновна скончалась 6 февраля 1483 г. Поэтому переговоры о браке могли начаться во второй половине этого года. Король Казимир в это время находился в Литве, преимущественно в Гродно и Вильно (Fr. P a r é e. Указ. соч., стр. 119 и 384). Естественно предположить, что то посольство, которое Михаил Борисович послал к королю для получения согласия на брак с его «внукою», заключило и настоящий договор.

³ ПСРЛ, т. XV, стр. 498.

вон из избы¹. Таким образом, в течение девяти месяцев Михаил Борисович резко изменил свое отношение к московским посланцам Ивана III.

Неизвестно, что послужило ближайшим поводом для Михаила Борисовича к столь резкой демонстрации по отношению к великому князю Ивану. Несомненно, что оснований для неудовольствия у него было достаточно. Тверской князь, повидимому, рассчитывал, что его участие в великокняжеском походе на Новгород будет вознаграждено путем уступки в пользу Твери некоторых пограничных новгородских земель. На существование этих претензий указывает заключенное позднее соглашение относительно новоторжских земель: «...а что назовет князь велики землю своими землями и новоторжскими, а те земли князю великому»². Не меньшее неудовольствие должен был вызвать переход в Москву многих тверских бояр и детей боярских.

Нам кажется, что резкое изменение поведения Михаила Борисовича следует поставить в непосредственную связь с его переговорами с Казимиром. В октябре 1483 г. Михаил Борисович мог получить от короля обещание об оказании ему помощи против Москвы. В противном случае он вряд ли решился бы на столь вызывающие действия против великого князя.

Враждебная демонстрация со стороны Михаила Борисовича и ставшее известным в Москве его соглашение с королем Казимиром побудили Ивана III поставить отношения с тверским князем на новые основания, условия которых изложены в сохранившихся «докончальных грамотах»³. Хотя «докончальные грамоты» не имеют даты, но время их составления можно определить в довольно точных хронологических границах. Грамоты скреплены подписью митрополита Геронтия, который в результате ссоры с великим князем оставил митрополию в промежуток времени с начала ноября 1483 до начала ноября 1484 г.⁴ Таким образом, грамоты могли быть состав-

¹ Сообщение об этом инциденте сохранилось в Тверском сборнике (ПСРЛ, т. XV, стр. 499). Иное объяснение дает Я. С. Лурье в статье «Из истории политической борьбы при Иване III» (Ученые записки Ленинградского гос. университета, вып. 10, 1940). Автор недоумевает, почему Петр Заболоцкий был принят доброжелательно, а В. Гусев выслан из избы. Выход из этого недоумения автор находит в том, что Петр Заболоцкий был посланцем Ивана III, а Владимир Гусев — представителем «феодального блока», пытавшегося привлечь на свою сторону тверского князя. Эта гипотеза автора представляется нам искусственной, так как доказать существование в это время «феодального блока» невозможно.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 236.

³ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, №№ 119 и 120.

⁴ Геронтий покинул митрополию и удалился в Симонов монастырь «по Кузьме Демьянове дни по осенем» (день Кузьмы и Демьяна — 1 ноября) (ПСРЛ, т. VI, стр. 236).

лены либо до ухода митрополита Геронтия, либо после его возвращения. Но первая возможность исключается, так как по «докопчанию» Михаил Борисович обязывался не иметь сношения с князем Василием Михайловичем Верейским, бежавшим в Литву в конце 1483 г. Следовательно, «докопчание» могло быть заключено или в конце 1484 г., или в начале следующего, 1485 г.

Михаил Борисович под давлением ратной силы принужден был уступить. В Москве очень серьезно посмотрели на его соглашение с королем: великий князь разгневался на Михаила Борисовича, «что начат дружбу держати с литовским королем Андреем, и съветы с ним творити о всем, и испроси в короля за себе внуку». Великий князь направил на Тверское княжество своих воевод с ратной силой, которые «плещиша всю землю их» и сожгли два города¹.

Софийская 2-я, Псковская 2-я летописи относят этот поход к зиме 6993 г. (1484—1485)². Сообщая о заключении нового «докопчания» между Иваном III и Михаилом Борисовичем, Татищев замечал, что хотя они «умиришася, но долго бысть тое, от благовещения до Ильиня дни»³. Таким образом, заключение договора является результатом военного давления на Тверь; Татищев отнес его к 25 марта 1485 г., и это нам кажется вполне правдоподобным.

Договор 1485 г., заключенный между Иваном III и Михаилом Борисовичем, неоднократно являлся предметом исследования. По этому договору великий князь тверской приравнивался к «младшему брату» Ивана III, Андрею, и ставился выше только самого «меньшого» брата, Бориса. Основное содержание договора было посвящено отношениям между Михаилом Борисовичем и великим князем литовским. Тверской князь обязывался немедленно расторгнуть союз с королем: «А что еси был с Казимиром с королем и с великим князем литовским в любви и в докончанье и в крестном целованье, то вам, Казимиру королю и великому князю литовскому, крестное целованье с себя сложити перед нашим послом».

Сношения с великим князем литовским, а также заключения с ним «докопчания» могли производиться впредь только

¹ ПСРЛ, т. V, стр. 43—44. Сообщение о пленении «всей земли» — явное преувеличение. Дело, повидимому, ограничилось разорением порубежных мест. По рассказу Софийской 2-й летописи Иван III послал «рать порубежную». Устрашенный Михаил Борисович прислал к великому князю «владыку» и «добил ему челом» «на всей воли его» (ПСРЛ, т. VI, стр. 236). В Воскресенской летописи текст, относящийся к этим событиям в Твери, сильно испорчен. Рассказ о первом походе в действительности является началом второго похода. Исправленное чтение дает Никоновская летопись, но о первом походе она ничего не сообщает.

² ПСРЛ, т. V, стр. 43; т. VI, стр. 236; т. XX, стр. 351.

³ В. Татищев. История Российская, кн. 5, стр. 90—91.

с ведома и разрешения великого князя московского. Михаил Борисович ни при каких обстоятельствах не должен был вступать в зависимость и к великим князьям литовским — «а в его ти имя с своєю землею не датися»; он должен быть всегда неотступно с московским великим князем. В случае заключения «докончания» между московским великим князем и королем Михаил Борисович должен был быть записан в этом «докончании» «одним человеком» с московским великим князем. Воспрещались всякие сношения с «лиходеями» великого князя, находившимися в Литве, в числе которых поименно указаны: дети Ивана Андреевича можайского, дети Ивана Шемячича, сын Василия Ярославича и Василий Михайлович Верейский. Михаил Борисович обязывался также не принимать к себе тех из «братьи молодшей» великого князя, кто «згрубит» ему или его детям. Михаил Борисович был лишен права самостоятельных внешних сношений не только с польским королем и великим князем литовским, но и с Ордой. Своими ратными силами он обязан был участвовать во всех войнах московского великого князя, везде быть с ним «за один», против татар, поляков, литовцев, немцев и «на всякого недруга».

Анализируя текст договора 1485 г. и сравнивая его с договором 60-х гг., Л. В. Черепнин правильно отмечает крупные перемены, которые произошли в вопросах внешней политики между этими «докончаниями». В договоре 60-х гг. на первое место выдвигались русско-татарские отношения. Московский и тверской князья, в случае если татары начнут их «сваживати», не должны были соглашаться на предложения татар о присоединении к Москве Твери и Кашина или к Твери Московского княжения и Великого Новгорода. Обе договаривающиеся стороны должны были помогать друг другу против внешних врагов, но особо выделялся случай нападения «царя» (т. е. одного из татарских ханов) или татарской рати. При этом, однако, и московский, и тверской князья сохраняли «шуть чист» в Орду. В договоре 1485 г. эти вопросы русско-татарских отношений потеряли прежнее значение; вопрос о «сваде» татарами больше не поднимался. Все внимание обращено на укрепление московско-тверского оборонительного и наступательного союза против литовских князей¹. В целом же договор 1485 г. означал полную потерю великим князем тверским самостоятельности в области внешней политики, руководство которой отныне принадлежало только великому князю московскому.

Во второй половине 1480 г. Михаил Борисович завел снова сношения с Литвой. Посол с грамотами из Твери к Казмиру

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. стр. 202—204.

был перехвачен, и грамоты попали в руки великого князя. Иван III «вельми попошал» своего шурина и не принял повторного челобитья, с которым в Москву приезжали тверской епископ Васснаи и князь Михаил Холмский.

21 августа 1485 г. Иван III выступил «со многими силами» к Твери против Михаила Борисовича «за его неправду, что послал грамоты к королю Литовскому Казимиру, а подымал его войском на великого князя Ивана Васильевича всея Руси». Михаил Борисович не в состоянии был оказать даже слабого сопротивления; на третий день после того, как великокняжеские полки «обступили» Тверь, Михаил Борисович ночью бежал в Литву, «видя свое изнеможение»¹.

Король Казимир и на этот раз не поддержал своего союзника. В Москву было отправлено посольство с наместником Новгородским и Словимским паном Солтаном Александровичем и писарем Петрашкой, которое известило великого князя о прибытии тверского князя в Литву. Несколько позже, 25 сентября 1486 г., из Трок с этим же поручением был отправлен в Москву посланец. Король сообщал, что он принял Михаила Борисовича, так как последний был с ним «в докончаньи, хърсном целованьи». Однако он отказал ему в предоставлении военной помощи: «Осмьслили есмо о том, как бы он к отъчине своей пришел добрым концем без кровопролитья, а посмотрели есмо в докопчаньи отъца твоего, как есмо с ним докопъчали, ино (на) вас помочи есмо не дали ему, а хлеба и соли есмо ему не боронили». Далее король указывает, что тверской князь «как к нам у нашу землю добровольно приехал, так есмо его добровольно отпустили»². Повидимому, выезд Михаила Борисовича из пределов великого княжества Литовского послужил причиной присылки в Москву специального гонца с этим успокоительным для Ивана III известием. Все это указывает на весьма осторожную позицию, занятую Казимиром в отношении Москвы, и на желание избежать военных осложнений.

Несколько раньше ликвидации Тверского княжества, в конце 1483 г., в Литву бежал из своего Вереяского удела князь Василий Михайлович. Обстоятельства, вышудившие Василия Михайловича к этому поступку, изложены в известном

¹ ПСРЛ., т. V, стр. 44—45; т. VI, стр. 237; т. XII, стр. 216—217.

² В Литовской метрике, книге записей IV, сохранился список «упоминю» из «Нового места» (Петрокова), которые были выданы Михаилу Борисовичу 10 сентября 1488 г. и 10 мая 1489 г. в Кракове. Кроме продуктов питания и денег, ему были посланы: соболья шуба, волооченная аксамитом, и другая шуба кунья (РИБ, т. XXVII, стр. 508; АЗР, т. I, № 89). Возможно предположить, что из Литвы Михаил Борисович направился в Польшу просить помощи (Fr. P a r é s, Указ. соч., стр. 121). Позже Михаил Борисович вернулся в Литву и владел пожалованными ему господарем селами в Словимском повете (АЗР, т. I, № 218).

рассказе о «саженье» великой княгини Марьи Борисовны. Весь рассказ носит характер придворной сплетни, проникнутой недоброжелательством к Софье-«римлянке». Согласно этой версии, великий князь после рождения внука Дмитрия хотел подарить снохе «саженье» своей первой жены, тверской княжны, которое затем перешло ко второй жене Ивана III, Софье Палеолог. Однако оказалось, что великая княгиня «много истеряла казны великого князя», часть отдала брату, часть — своей племяннице, вышедшей замуж за верейского князя Василия Михайловича. Тогда великий князь отобрал все приданое жены Василия Михайловича, столь неудачно подаренное ей великой княгиней Софьей, и хотел самого Василия Михайловича с его княгиней «поймать». Василий Михайлович успел бежать с женой к королю в Литву. Посланный за ним в погону князь Борис Михайлович Турея-Оболенский едва его не захватил («мало не яша его»)¹.

Рассказ вызывает ряд недоумений. Прежде всего непонятно, почему гнев великого князя обрушился на лиц, менее всего виновных в расточительности великой княгини Софьи? Если же история с «саженьем» была только поводом к проявлению острого недовольства по отношению к Василию Михайловичу, то основная причина его остается скрытой².

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что ряд мелких заговоров и побегов в Литву, имевших место в Новгороде, Твери и Верее, произошел почти в одно и то же время (1483—1485). Им предшествовало энергичное наступление Ивана III на самостоятельность отдельных земель и «удельных» князей из состава московской великокняжеской семьи. Присоединение Новгорода с его обширными владениями и Тверского княжества — только наиболее яркие проявления этой систематической проводившейся политики. Как было отмечено выше, в 1482—1483 гг. произошел общий пересмотр взаимоотношений между великим князем и «удельными» кня-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 235; т. XX (Львовская), стр. 350. Бегство Василия Михайловича Верейского должно быть отнесено к концу 1483 г., так как по этому случаю Иван III заключил 12 декабря этого года новый договор с его отцом Михаилом Андреевичем (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 118). Основные московские своды (Воскресенский, Никоновский) хранят полное молчание по поводу бегства Василия Михайловича.

² Натянутость объяснения причин бегства Василия Михайловича в рассказе Софийской 2-й летописи, повидимому, создавал и А. Пресняков, который, не касаясь подробностей, ограничился замечанием, что «великокняжеская опала постигла его в связи с осложнениями дворцовых отношений после второго брака великого князя Ивана, а князь Василий был в них запутан по своей женитьбе на Марье Андреевне Палеолог...» (Образование Великорусского государства, стр. 419). Запутанность дворцовых отношений обнаружилась не в 1483 г., а значительно позже, в связи с династическим вопросом.

зьями. Реакция защитников феодального иммунитета оказалась весьма слабой, а попытка опереться на чужеземную помощь — совершенно неудачной.

Обнаружившееся в начале 80-х гг. тяготение удельных князей к союзу с королем вызвало со стороны Ивана III, как мы видели, энергичные предупредительные меры. Строгое запрещение этих сношений неизменно вводилось во все договорные грамоты, перезаключенные в это время. После смерти в 1483 г. рязанского князя Василия Ивановича с его сыном и наследником Иваном Васильевичем было заключено «докончанье», в котором литовско-рязанским отношениям было уделено особое внимание. Хотя Рязанский князь не лишался права сношений с Казимиром и его преемником, но точно указано, что они не должны быть «на лихо» московскому великому князю. В случае прибытия в Рязань литовских послов рязанский князь должен был об этом «поведати в правду без хитрости». Решительно воспрещались всякие сношения с детьми Можайского князя, Шемячичами и сыном Василия Ярославича; послов этих князей следовало отправлять в Москву. При всех осложнениях с Литвой рязанский князь должен был находиться «на стороне» московского великого князя: «а от нас ти к Литовскому некоторыми делы не отступити, а быти ти с нами с великими князьями на Литовского везде за один»¹.

Насколько большое значение в Москве в рассматриваемое время придавали вопросу о русско-литовских отношениях, показывает составление особого сборника княжеских «докончаний», в который вошли договорные грамоты с Тверью, Рязанью и удельными князьями московского дома. Как установил Л. В. Черепнин, этот сборник был составлен в 1485—1486 гг., в период подготовки присоединения Твери или вскоре после этого события, и весьма возможно, что именно он и лег в основу «докончальных грамот» Ивана III с его братьями Андреем и Борисом, оформленных в 1486 г. «В обстановке политической настороженности, — пишет Л. В. Черепнин, — московское правительство опасалось антимосковского блока удельных князей московского дома, Твери и Рязани, подозревая их общую литовскую ориентацию. Поэтому оно внимательно присматривалось к документам недавнего прошлого и использовало их в текущей политике»².

После присоединения Тверского княжества Иван III пересмотрел «докончания» со своими братьями Борисом и Андреем «Большим». «Докончание» с первым из них датировано 20 августа 1486 г. (6994); со вторым — 30 ноября 1486 (6995 г.)³.

¹ Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 115 и 116.

² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 199—200.

³ Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 123—126.

Причина, побудившая Ивана III к замене старых договорных грамот 1481 г. новыми, вполне ясна. За истекшее пятилетие произошли крупные изменения в составе великокняжеской «отчины»: перешли к великому князю почти полностью: удел умершего в 1481 г. брата Андрея «Молодого» (Вологда с Кубею и Заозерьем), «отчины» Михаила Андреевича и бежавшего в Литву его сына Василия (Белоозеро, Ярославец, Верея) и Тверское княжество.

Если по «докончаниям» 1481 г. удельные князья обращались к Ивану III, как к «своему брату старейшему», то в новом формуляре они именуют его не только «братом старейшим», но и «господином», великим князем «вся Руси». Договоры 1486 г. устанавливали состав «отчины» каждого из удельных князей и значительно увеличивали «отчины» великого князя.

За исключением этих изменений, текст «докончаний» 1481 г. полностью вошел в «докончания» 1486 г. Так же, как и прежде, договорные грамоты 1486 г. лишали удельных князей какой-либо самостоятельности в области внешних отношений, которые должны были полностью находиться в руках одного великого князя. Однако договор с Борисом Васильевичем содержит ряд дополнений, которых не было в «докончаниях» 1481 г. и которые отсутствуют в новом «докончании» Ивана III с Андреем «Большим».

В нем указывается, что Борис Васильевич не должен ссылаться «ни человеком, ни грамотами, никакими делы, некоторою хитростию» с «нашим недругом» королем Казимиром, с великим князем Михаилом Борисовичем, а также с другими князьями и папами Литовской земли. Если бы они прислали к нему «с какими речми или с грамотами», то следовало этих людей и присланные с ними грамоты отправлять к великим князьям. Под строгий контроль ставились сношения с Новгородом и Псковом: «Также ти и в нашу отчину в Велики Новгород и во Псков не съсылатися ни с кем на нашу лихо никакими делы, некоторою хитростию».

«Докончания» Ивана III с Борисом и Андреем «Большим» отделены между собой промежутком всего в 4 месяца и 10 дней. Возникает вопрос, почему в более позднюю договорную грамоту с Андреем «Большим» не включены все те конкретизирующие подробности, касавшиеся сношений с Литвой, Новгородом и Псковом, которые были включены в «докончание» с Борисом Васильевичем? Это кажется тем более загадочным, что не Борис, а Андрей обнаруживал особую строптивость по отношению к великому князю, приведшую впоследствии к заключению его в темницу. При отсутствии каких-либо данных по этому вопросу в источниках приходится ограничиваться более или менее вероятными предположениями. Обращает внимание обя-

зательство, данное Борисом Васпльевичем Ивану III, не сноситься ни с кем в Новгороде и Пскове «на наше лихо». Между тем Новгород был присоединен за 10 лет до заключения данного «докончания», а в Пскове полновластно распоряжался великокняжеский наместник. Поэтому запрещение сноситься с этими городами «на наше лихо» имело реальный смысл только в том случае, если были обнаружены подобные сношения или существовало подозрение об их существовании. Понятна также особая пастороженность Ивана III к поведению своего брата Бориса, в состав «отчины» которого входили такие важные пограничные земли, как Ржев и Вышгород (па Протве).

Таким образом, мероприятия московского правительства в первой половине 80-х г. — крупный «вывод» новгородских вотчинников с «испомещением» их во внутренних и восточных уездах, уничтожение самостоятельности Тверского княжества, пересмотр докончальных, а также духовных грамот удельных князей московского дома преследовали две органически связанные между собой задачи. С одной стороны, все эти меры являлись важным шагом на начальном пути развития централизованной государственной системы и поэтому имели крупное внутреннее значение. Наступая на остатки феодальной раздробленности, Иван III укрепил политическое единство страны. С другой стороны, эти мероприятия преследовали задачу усиления внешней безопасности, в особенности на западной границе, с великим княжеством Литовским. Область внешних сношений сосредоточивалась в руках великого князя, что являлось необходимым условием для развития централизованной государственной системы.

2

Если обеспечение западной границы со стороны великого княжества Литовского производилось путем крупных внутренних мероприятий, то иной, активный характер носили действия Ивана III по отношению к другому противнику — Ливонскому ордену. События 1480 г., обнаружившие связь между всеми противниками Москвы, заставили Ивана III обратить самое серьезное внимание на положение на северо-западе, в пограничной псковско-новгородской территории. Нападения немцев, слабые в отдельности, могли создать серьезную угрозу в случае войны с Казимиром. Военные действия против Ордена развернулись уже в 1481 г.

На непосредственную связь похода в Ливонию этого года с нападением немцев на Псков в 1479—1480 гг. совершенно определенно указывает московская летопись: «Того же лета (6990) посылал князь велики Немецкие земли воевати, на князя

местера, за их неисправление, что они приходили ратью на его отчину на Псков, егда царь на Угре стоял и братия отступили от великого князя»¹. Согласно Псковской летописи, посылка великокняжеских воевод с ратными силами против Ливонского ордена предшествовало обращению посадника Филиппа Пукышова к великому князю с просьбой о помощи, «абы мстил многим кровем христианьским и оборонил свою отчину от поганых немцов». В Псков были направлены новгородские наместники князь Василий Федорович Шуйский и Иван Зиновьев с новгородцами и воеводы из Москвы князь Иван Васильевич Булгак и князь Ярослав Васильевич Оболенский. Новгородцы прибыли в Псков 16 января 1481 г., а великокняжеские воеводы «с силою московскою» — 11 февраля. Псковская летопись определяет численность «московской силы» в 20 тысяч человек. После недельной остановки в Пскове великокняжеские воеводы с москвичами и повгородцами, а также псковичи со своим наместником князем Василием Васильевичем Шуйским направились в Ливонию тремя дорогами. К сожалению, подробности этого похода неизвестны. Движение войск по трем дорогам может служить указанием на широкий и одновременный охват территории Ордена. Псковская летопись сообщает, что войска великого князя «плениша и пожгоша всю землю Немецкую от Юрьева и до Риги»². Хотя это известие и преувеличено, тем не менее размер поражения Ордена был, несомненно, весьма значительным. По словам Рюссова, русские «совершенно выжгли области Феллин и Тарваст вместе с посадами, много народу убили и взяли в плен без всякого сопротивления, забрали много колоколов из церквей и увезли их из Ливонии вместе с другим награбленным добром»³. Основные силы были направлены из Пскова на р. Эмбах и озеро Вирд. На западном берегу этого озера был занят город Тарваст. К юго-западу от него был занят другой город — Каркус. 1 марта воеводы подступили к основной резиденции магистра, городу Феллину (Веллиаду). Магистр Беридт фон дер Борх бежал из замка этого города за день до подхода русских. На протяжении 50 верст его преследовал князь Василий Федорович Шуйский с другими

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 214.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 265; т. V, стр. 41; т. VIII, стр. 214.

³ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II, Рига, 1879, стр. 287—288. Рюссов в известиях об этом походе допустил хронологическую неточность, ошибочно датируя осаду Пскова 1477 г. вместо осени 1480 г.; Рюссов также ошибочно относит к этому времени и поход русских в Ливонию. При этом он неверно сообщает, что русские последовали за магистром, когда он от Пскова стал отходить обратно. В действительности поход русских в Ливонию произошел спустя полтора года после снятия немцами осады Пскова.

воеводами, и хотя им не удалось захватить самого магистра, но они забрали много всякого имущества (коша).

Осада Феллина, производившаяся основными московскими силами под предводительством князя Ивана Булгака и князя Ярослава Оболенского, протекала успешно; войска «пачаша крепкоприступати подгород с пушками и с пищалми и стюфяки». Огнем орудий была разбита наружная городская стена (охабень), после чего был занят сам город (посад), за исключением замка (Вышгорода)¹. Защитники Феллинского Вышгорода «начаша бити челом воеводам великого князя, чтобы они пожаловали, в полон их не ямали, а окуп бы с них взяли, сколько они могут». Воеводы князь Иван Булгак и князь Ярослав Оболенский, удовлетворившись «окупом» в 2 тысячи рублей, возвратились обратно от Феллина «с многим полоном и корыстию». Псковичи привезли к великому князю в качестве трофея восемь феллинских колоколов. Весь поход в Ливонскую землю, по летописным известиям, продолжался четыре недели². Успех, одержанный над ливонскими пемцами, по впечатлению современников, превосходил все прошлые войны с Ливонским Орденом: «...и поможе бог в всяком месте воеводам князя великого и псковичем, и отмстиша немцом за свос и въдвдасяторо, али и боле, якоже неция рекоша и Псков стал и не бывало тако»³.

Переговоры о заключении перемирия начались в Новгороде вскоре после возвращения воевод из похода. По сообщению Псковской летописи, посланники Пскова, посланные для участия в этих переговорах, пробыли в Новгороде 11 недель⁴. Еще 24 апреля 1481 г. нарвский фогт сообщил Ревелю, что он не имел известий об успешном исходе переговоров Топписа Папперзакка с русскими, и просил выслать помощь в связи со слухами, что москвитяне, новгородцы и псковичи в ближайшее время намереваются осадить Парву. Военная тревога продолжалась и в мае. 11 мая магистр уведомил Ревель, что в Гапсале захвачены русские лазутчики, которые показали, что по краю ходит много лазутчиков, переодетых нищими. Поэтому магистр в ожидании войны требовал, чтобы Ревель был готов отразить нападение, и выслал в Парву все войска, которыми может располагать. Мирные переговоры были закончены только к сентябрю, так как сохранилось определение от 21 сентября об утверждении нового мира с Новгородом посредством «кре-

¹ Охабнем называлась наружная крепостная ограда. Об употреблении этого термина см. Ф. Л а с к о в с к и й. Материалы по истории инженерного искусства в России, ч. I, СПб., 1858, стр. 11.

² ПСРЛ, т. V, стр. 41; т. VIII, стр. 214.

³ ПСРЛ, т. V, стр. 41.

⁴ ПСРЛ, т. IV, стр. 266.

стного целования». Однако еще 8 февраля 1482 г. Дерпт сообщал Ревелю, что Псков еще «не целовал креста» и что поэтому ему приходится оставаться вооруженным¹.

По сообщению Псковской летописи, в Новгороде было заключено перемирие на 10 лет, причем были написаны «докончальные грамоты»: одна Великому Новгороду, одна — Пскову, три — магистру и четыре — юрьевцам². Утверждение условий заключенного перемирия (крестное целование) было, повидимому, произведено на съезде около Нарвы. «Того же лета (6991) посылал князь велики новгородских боар на съезд под Ругодив с пемцы; они же взяша мир с пемцы... и к целованию их приведоша»³.

«Докончальная грамота» о десятилетнем перемирии, заключенном в 1482 г., не сохранилась. Единственным указанием на его условия служит сообщение Псковской летописи, что новый мир был заключен «в Данильев мир». Под последним, очевидно, имеется в виду мирный договор на 20 лет, заключенный Псковом с Орденом в 1474 г. при участии великокняжеского воеводы князя Даниила Дмитриевича Холмского. Таким образом, перемирие 1482 г. восстанавливало status quo. Повидимому, на таких же условиях — восстановление прежнего положения — было заключено и перемирие с Новгородом.

Значение успешного похода в Ливонию в 1481 г. состояло не столько в перезаключении «докончальных грамот» и продлении перемирия на следующее десятилетие, — формальный момент большой роли в русско-ливонских отношениях не играл, — сколько в новом военном поражении Ордена и в огромном впечатлении, произведенном военным могуществом русских. Авторитет магистра Берпта фон дер Борха совершенно упал. Война с русскими в 1480—1482 гг. временно приостановила ожесточенную внутреннюю феодальную борьбу в Ливонии между магистром, рижским архиепископом и Ригой. Но после окончания войны внутренние смуты вспыхнули с новой силой.

В апреле 1481 г. магистр послал к императору Фридриху III Гольдингенского командора Гердта фон Маллинекродта, по просьбе которого император предоставил Берпту фон дер Борху права «великого магистра», наделил его регалиями не только над орденскими владениями, но и над землями рижского архиепископства и признал его имперским князем. Рижане на это

¹ Герм. Гильдебранд. Отчет о розысканиях, произведенных в рижских и ревельских архивах по части русской истории, СПб., 1877, № 330, 331, 333 и 334.

² ПСРЛ, т. IV, стр. 266. В Воскресенской и Никоновской летописях сообщается, что перемирие было заключено на 20 лет, но это несомненная ошибка.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 215.

ответили нападением на орденский замок. Хотя в 1483 г. Бернт фон дер Борх принужден был сложить с себя звание магистра, но война с Ригой продолжалась с некоторыми перерывами до 1491 г. и при его преемнике Фрейтаге фон Лорингхофе. Только 30 марта 1491 г. был заключен договор в Вольмаре, по которому Рига должна была вознаградить Орден за убытки, восстановить разрушенные орденские замки и признать пад городом двоевластие — магистра и архиепископа¹.

Таким образом, до 1491 г., т. е. до срока истечения десятилетнего перемирия с Россией, Орден был бессилен предпринять какие-либо активные действия против русских земель. Благодаря этому Иван III мог быть совершенно уверенным в том, что в его столкновениях с Казимиром Орден не сможет увеличить силы его противника.

¹ См. Л. А р б у з о в. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, СПб., 1912, стр. 110—112; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, стр. 287—297.

СОЮЗ ПРОТИВ ЯГЕЛЛОНОВ

1

Надежды противников централизованной политики Ивана III на помощь со стороны короля оказались совершенно бесплодными. В 1484—1485 гг. Казимир не оказал ее ни повгородским боярам, ни тверскому князю, не смог он прекратить и начавшийся переход своих вассальных православных князей с их «отчинами» под власть московского великого князя. Причину этой пассивности во внешней политике короля на восточной границе его литовских владений следует искать в обстановке, сложившейся в северо-западном Причерноморье.

Первая половина восьмидесятых годов для Польши и южной территории великого княжества Литовского была временем возрастающей опасности со стороны Крыма и Турции. Хотя после страшного погрома, произведенного Менглы-Гиреем в 1482 г. в Киевщине, в последующие годы не было крымско-татарских набегов, но продвижение Турции на север от Дуная создавало еще более серьезную угрозу для Польши. 8 июля 1484 г. после восьмидневной осады, турки овладели Килвией. Затем Баязид с основными силами отправился в устье Дуная к Белгороду и через два дня занял и эту крепость. Насколько большое значение придавал сам Баязид занятию этих двух крепостей, свидетельствует его послание к жителям Рагузы от 2 августа 1484 г. В этом послании султан называл Килвию ключом и воротами ко всей земле молдавской, венгерской и северодунайской, а Белгород — ключом и воротами к землям польской, русской, татарской, вплоть до верхнего (северного) побережья Черного моря¹.

Турецкий прорыв на север от Дуная вызвал большую тре-

¹ Грамота напечатана в Monum. Hung. hist. Acta extera, т. VI, № 33, Budapest, 1877; см. Fr. Ра р ё е. Указ. соч., стр. 194.

вогу в соседних с Молдавией странах. Когда господарь Стефан обратился за помощью к Матвею Корвину, последний, прервав войну в Австрии, собрал значительные силы под Варадином. Получение известия о падении Килии и Белгорода заставило его воздержаться от военных действий и вступить в переговоры с Баязидом, которые, однако, не принесли никаких положительных результатов для Стефана¹. Тогда последний обратился с просьбой о помощи к Польше. Турецкий вопрос обсуждался на Люблинском сейме в начале 1484 г. и на Пиотроковском сейме в конце этого года. Попытки Польши оградить Стефана в качестве «головника» (вассала) короля от притеснения со стороны Баязида также не дали никаких результатов; весной 1485 г. турки, опираясь на Килию и Белгород, предприняли несколько набегов в глубь Молдавии. Это вызвало со стороны Польши ряд безрезультатных попыток сколотить антитурецкую лигу. На вальном сейме в Пиотрокове в конце 1485 г. были выбраны два «великих посольства», одно — в Рим, другое — в Венецию. В 1486 г. Казимир на несколько месяцев вернулся в Литву. Именно в это время он проявил особую осторожность в сношениях с Иваном III. Причиной ее было не только желание избежать открытых столкновений, но и совершенно невыполнимое стремление: втянуть в борьбу с Турцией Ивана III и Менглы-Гирея.

План создания антитурецкой лиги из западных держав, обязанный своим появлением известному гуманисту Каллимаху, потерпел полную неудачу. Правда, новый папа Сикст IV выпустил 5 июля 1486 г. буллу с призывом к крестовому походу против турок и татар. Булла распространялась на все земли, подвластные Казимиру, а также на Мазовию, Инфлянты (Лифляндию), Чехию и Немецкие земли. Однако серьезных политических результатов призыв папы не имел. Еще более безуспешно окончилось польское посольство в Венецию. Правительство Венецианской республики ограничилось лишь тем, что поручило своему послу в Константинополе выступить в качестве посредника с предложением о заключении с Польшей мира или перемирия на условиях, не противоречащих интересам республики. Каллимах, оставшийся в Венеции, так и не дождался ответа.

Таким образом, Польше в борьбе с Турцией приходилось рассчитывать на сопротивление турецкому наступлению со стороны господаря Стефана, а также на собственные силы, которые при существующей в Польше системе не могли быть скоро и в достаточном количестве собраны. На сбор войска и денежных средств

¹ Antonium Bonfinium. Ungarische chronica, 1581, стр. 328.

Бонфиний ошибочно относит занятие турками Килии и Белгорода к зиме 1484 г. Fessler-Klein. Geschichte Ungarns, т. III, Leipzig, 1874, стр. 151—152; Fr. P a r é e. Указ. соч., стр. 194—195.

ушел весь 1486 и часть следующего года. Между тем политическая обстановка в северо-западной части Причерноморья за это время изменилась. Венецианский посол в Константинополе получил в 1478 г. согласие султана на заключение перемирия с Польшей. В Константинополь было отправлено посольство во главе с Каллимахом, который в следующем году вернулся в Польшу с турецкими послами. В результате переговоров и нового польского посольства в Турцию с Николаем Фирлеем Баязид II дал весной 1489 г. согласие на заключение перемирия сроком на два года.

Заключение перемирия между Польшей и Турцией вызвало резкие изменения в отношении к Польше со стороны господаря Стефана. Последний после обещаний, данных Казимиром, не мог не считать себя обманутым. Молдавия оказалась зажатой между двумя сильными державами, каждая из которых стремилась утвердиться на территории между Дунаем и Днестром. Поэтому вполне понятно новое сближение Стефана с Матвеем Корвиным, являвшимся непримиримым врагом и султана, и Ягеллонов. Повидимому, эта перемена в отношениях между Стефаном и Казимиром произошла во время Пиотроковского сейма, принимавшего весной 1488 г. турецкое посольство, прибывшее для заключения мира. Уже на этом сейме король сообщил о пограничных столкновениях с подданными Стефана. В 1490 г. на Днестровском правом берегу вспыхнуло восстание крестьян под предводительством «волоха» Мухи. Отряд Мухи насчитывал до 9 тысяч вооруженных «хлопов». Муха разорил Снятин, Коломыю и Галич, перешел Днестр и двинулся в сторону Рогатина. Здесь он был разбит львовским кастеляном Миколаем, и остатки его отряда вместе с предводителем ушли обратно за Днестр. Есть основание предполагать, что Муха действовал с согласия Стефана. После поражения Мухи в Молдавию было отправлено польское посольство, которое, однако, не имело успеха. Набеги волохов на польское пограничье продолжались. Так, сохранились известия о набеге на окрестности Катаржины некоего Андрея Барула из Молдавии, в отряде которого находились не только волохи, но и турки. Между тем истекал срок заключенного в 1488 г. двухлетнего перемирия с Турцией; со стороны последней можно было ожидать возобновления враждебных действий.

В период обострения отношений со Стефаном новая опасность для Казимира появилась с той стороны, откуда ее меньше всего можно было ожидать, — со стороны хана Большой Орды, неожиданно превратившегося из союзника во врага. Перелом в этих отношениях наступил в 1486 г., повидимому, благодаря влиянию Турции, стремившейся помирить Менглы-Гирея с сыновьями Ахмед-хана и использовать татарские орды в войне

с «неверными». В этой связи обращает внимание хронологическое совпадение событий: враждебное выступление «Ахматовых детей» произошло в то самое время, когда папа выпустил буллу с призывом к крестовому походу против турок, а в Польше велась усиленная подготовка к войне.

Появление весной 1486 г. Большой Орды в районе Мерля и Коломака, т. е. у р. Ворсклы, само по себе должно было вызвать серьезные опасения в Литве и Польше; в таком положении Орда не угрожала ни Москве, ни Крыму. Однако каких-либо сведений о неприязненных действиях заволжских татар в этом году против польско-литовских владений мы не имеем. Вторжение значительных татарских сил на территорию Правобережья произошло осенью 1487 г. К счастью для короля, он не был застигнут врасплох, так как стоявший на границе Молдавии Ян Альбрехт успел перехватить татар под Копыштыном и 8 сентября нанес им сильное поражение: из 5 тысячного татарского отряда лишь немногим удалось спастись; 1500 татар легло на поле боя, было взято большое число пленных.

Эта победа, радостно и торжественно отмеченная в Польше, не принесла, однако, полного успокоения, так как основная часть орды Муртозы и Сеид-Ахмеда не участвовала в битве и продолжала оставаться в пограничных местах на р. Ворскле. Возможно, новое вторжение татар вызвало большую тревогу. На это указывают предупредительные мероприятия Казимира, предпринятые им еще в конце 1488 и в начале 1489 г. В декабре 1488 г. король обратился к прусскому (тевтонскому) Ордену с просьбой о помощи против «могущественных царей татарских» не только деньгами, но и вооружением. Вопрос о сборе новых налогов на военные цели обсуждался также на местных сеймиках и на съезде духовенства в Ленчице. Денежные требования короля встретили, однако, отпор со стороны шляхты, которая в связи с молдавскими делами дважды платила чрезвычайные налоги. Между тем положение становилось все более грозным: татары расположились в Подолнии, пахали и сеяли и причиняли населению большие убытки. В июле король сообщил папе, что для отпора татарам, три хана которых с большим войском расположились табором на границе королевских и молдавских земель, он выслал своего сына Альбрехта с военным снаряжением и равным образом вызвал на помощь своего «голдовника», молдавского воеводу. Стефан, впрочем, не обнаружил желания исполнить распоряжение короля. Именно в это время, после заключения перемирия между Польшей и Турцией (23 марта 1489 г.), его отношения с королем обострились. Ян Альбрехт заставил татар отойти на левый берег Днепра, хотя, повидимому, значительных столкновений с ними в это время и не произошло. В конце 1490 г. Муртоза и Сеид-Ахмед вновь опустошали земли

Волыни, а отдельные татарские загоны доходили почти до Люблина. На этот раз Казимиру пришлось взять в свои руки оборону польско-литовских владений, так как Ян Альбрехт с войском ушел к Кошицам, готовясь к схватке за венгерскую корону, освободившуюся после смерти Матвея Корвина. Казимир, собиравшийся из Лепчицы отправиться в прусские земли, вернулся в Люблин и призвал под оружие шляхту русских земель, а также объявил «посполитое рушение» на Волыни. 25 января 1491 г. татары были наголову разбиты под Заплавом у Горыни: по сообщению королевской реляции, из 9-тысячной орды спаслось только 50 человек.

Однако эта победа имела двойственное значение. С одной стороны, она устраняла угрозу со стороны заволжской орды (Большой Орды); с другой — она косвенно содействовала усилению Менглы-Гирея и развязывала ему руки для действий против Литвы и Польши. Главная сила, сдерживавшая Менглы-Гирея от вторжений на польско-литовскую территорию, над созданием которой в течение многих лет работала дипломатия короля, — была уничтожена самим королем и его воеводами. Менглы-Гирей мог поздравить себя и Ивана III с этой удачей: «...рать их (т. е. «Ахматовых детей») королев сын побил», — сообщил он в начале 1491 г. Ивану III.

Вполне понятно, что в этой обстановке Казимир должен был попытаться возобновить дружеские отношения с Крымом. Начало возобновления этих сношений, к сожалению, проследить не удастся. Во всяком случае, на Пиотроковском сейме в ноябре 1490 г. присутствовал посол Менглы-Гирея Хозим-Бердей Бозув сын, которому были вручены «легкие поминки» для хана и был дан татарин для сопровождения его при возвращении в Крым. Вместе с этим татарин Менглы-Гирей в октябре 1491 г. выслал к королю посольство «о приязни» с Кам-Берлеем во главе. В Вильне Кам-Берлею сообщили, что король готов ради возобновления дружбы прислать «великого посла» князя Ивана Борисовича Глипского, но потребовал для обеспечения неприкосновенности посла выслать к нему заложника. Кам-Берлей остался ожидать в Вильне, а за заложником был послан в Крым королевский татарин Берепдей. Последний обещал Менглы-Гирею прислать «поминки» в таком размере, в каком посылали его отцу, и действовать совместно с Крымом против заволжской орды.

Если для Казимира вполне была ясна необходимость установления мирных отношений с Крымом, то что же побуждало Менглы-Гирея посылать своих послов на Пиотроковский сейм и в Вильно с заявлением о «приязни»? Основной причиной, повидному, послужили враждебные столкновения между Казимиром и заволжской ордой сыновей Ахмед-хана, подававшие

надежду на помощь Казимира в окончательном сокрушении ненавистой Крыму Большой Орды. Это объяснение давал сам Менглы-Гирей, когда обеспокоенный прибытием в Крым королевского посланца московский посол князь Василий Ромодановский спросил его, с чем приехал «недруг» великого князя? Менглы-Гирей отвечал: «...пиши к великому князю, из моих уст слышавши: посылал есми к королю человека своего о том, что у меня людей побили на Тавани, и яз то тебе сказывал. Да что есми к королю приказываю, чтобы ми прислал помочь на Орду; и король мне отказал так: нынеця у меня промеж себя дети секутся, помочи от меня нет»¹. Погром Орды под Зацлавом делал эту помощь излишней. Поэтому отношение Менглы-Гирей к королю резко изменилось.

В начале 1492 г. Менглы-Гирей сообщил Ивану III о своем намерении построить город в устье Днепра: «А что ми было на королеву землю ратью итти, и яз нынеця здумал так: есть па королевской земли ниже Тавани, па той стороне Днепра, городище над Днепром; и яз нынеця пошел тот город делати со всеми людьми; и как, даст бог, сделаю его и близко буду недруга своего, и яз, ож даст бог, недругу своему да и брата своего недругу, хочю недружбу чинити, сколько ми бог пособит»². Новый построенный Менглы-Гиреем городок был Очаков³. Построение Очакова, который должен был играть роль опорного крымского пункта в Бугско-Днепровском лимане, создавало сильную угрозу для Литвы и Польши, так как в недалеком от него расстоянии, в устье Днестра, турки прочно занимали Белгород (Аккерман). Под ударами с турецко-крымской стороны оказывалась вся долина Днестра и южного Буга, а также междуручье южного Буга и Днепра.

Вполне понятна поэтому тревога, вызванная в Польше известием о построении Очакова. «Великий посол» князь Иван Глинский выехал в Крым за три дня до смерти Казимира. Узнав

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 114.

² Там же.

³ И. Карамзин отождествлял Тягин с Очаковым (История государства Российского, т. VI, стр. 208). Такого же мнения держался В. Смирнов, основывавшийся на посольских «памятях» конца XV в., в которых город Менглы-Гирей на Днепре назывался Очаковым (В. Смирнов. Крымское ханство, стр. 341—342). Ф. Брун, ссылаясь на грамоту короля Яна Альбрехта, посланную осенью 1492 г. Александру Казимировичу («царь перекопский Мендли-Кирей вытягнул с Перекопа со всеми модами своими, а тягнет до того замку своему, который того лета минулого оправил на сей стороне Днепра с помощью царя турецкого, именем Тягин»), возражал Н. Карамзину и полагал, что в данном случае речь шла не о построении Очакова, а города на месте литовского замка Тягин, находившегося выше Очакова (Ф. Брун. Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, стр. 180). Но ведь Ян Альбрехт мог в 1492 г. еще не знать названия нового татарского города. Неоднократные указания русских источников на Очаков кажутся более убедительными.

об этом событии в пути, он вернулся в Вильно, где грамота была переписана на имя Александра Казимировича. Осенью князь Иван Глинский добрался до Крыма. Главная задача его посольства теперь состояла в том, чтобы любым способом убедить хана уйти из пизовьев Днепра. Ради этого он соглашался на возмещение всех расходов по постройке города. Однако при сложившейся обстановке попытки перетянуть Менглы-Гиря на сторону великого князя литовского были обречены на неудачу. Князь Иван Глинский был заключен в новопостроенном городе (Очакове). Летом 1492 г. крымский загон с ширинским князем Барашем опустошил окрестности Киева. Когда Александр Казимирович прислал в Крым с толмачом грамоту с протестом против задержания князя Ивана Глинского и производившихся пападепей, — «люди твои пришедши людей наших воевали, князя бы еси Ивана отпустил, межи нас добро было, добрые наши послы ходили» — крымца толмача «поймалп, а сами сели на конь». Этой же зимой крымцы разорили местность около Чернигова и Путявля¹.

Таким образом, в течение 1486—1492 гг. Казимиру, всегда ставившему интересы «короны» выше интересов великого княжества Литовского, приходилось уделять главное внимание не московско-литовским отношениям, а более близкой для него и для польского панства причерноморской проблеме, связанной с обороной южных территорий королевства. Между Дунаем, Днестром и Тиссой был завязан сложный узел политических противоречий, разорвать который Польша тщетно пыталась в течение многих десятилетий.

В этих условиях занятие Иваном III Твери и успехи в подчинении удельных великорусских князей имели для «короны» второстепенное значение по сравнению с появлением турок в Кишин и Белгороде или с выступлением Стефана в союзе с Матвеем Корвиным. Положение в северо-западной части Причерноморья, создавшееся в 1490—1492 гг., т. е. в последние два года жизни короля, окончательно отвлекло его от русских дел и литовско-московских пограничных споров. Для Польши нарастала грозная опасность объединения Турции, Крыма, Венгрии и Молдавии.

В Москве внимательно следили за всеми событиями в Причерноморье и за всеми отношениями Польши с ее южными соседями. Крым являлся очень удобным местом для собирания политических новостей. Дополнительные сведения получались через русских послов, ездивших в Молдавию, Венгрию и Австрию. Эта политическая информация легла в основу политики Ивана III в отношении к Молдавии и Венгрии,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 182—183.

Изучение сохранившихся посольских книг показывает, что в Москве быстро разобрались в сложной политической обстановке в соседних и близких к России странах восточной и южной Европы. Стремление Ягеллонов династически объединить с Польшей Чехию и Венгрию вызывало сильное сопротивление со стороны этих стран и наталкивалось на противодействие Габсбургов, рассматривавших эти земли в качестве своих наследственных владений. Естественным противником Ягеллонов, несмотря на кратковременные периоды мирных отношений, являлся господарь Молдавии Стефан, лавировавший между двумя крупными враждебными силами — Турцией и Польшей. Чехия была сравнительно скоро потеряна для противников Ягеллонов. Но Венгрия, Молдавия и Австрия могли стать участниками противоягеллоновской коалиции, несмотря на серьезные противоречия между ними. В Москве возник заманчивый план: путем заключения союза с каждым из противников Ягеллонов отвлечь на юг польские силы короля Казимира.

2

Важным моментом в политическом сближении Молдавии с Москвой был брак дочери господаря Стефана Олены (Елены) с сыном Ивана III Иваном «Молодым». Инициатива этого династического союза принадлежала господарю, который во второй половине семидесятых годов испытывал возрастающие трудности обороны своей небольшой страны от турецкого нашествия. Зажатая между Турцией и Польшей, Молдавия искала в лице православного московского государя могущественного покровителя. Посредником в переговорах о заключении брака явилась семья киевских князей Олельковичей, у которой были родственные связи и с московским княжеским домом и с молдавским господарем. Стефан был женат на княгине Евдокии Олельковне, матерью которой была родная сестра Василия Темного, Анастасия. Воспользовавшись этими родственными отношениями, протянувшимися из Молдавии в Москву через Киев, господарь Стефан обратился с просьбой к князю Михаилу Олельковичу (Александровичу) и князю Ивану Юрьевичу Пронскому, приходившемуся племянником его жене, чтобы княгиня Феодосия Александровна (княгиня Федка, родная сестра Евдокии и Михаила Олельковичей) «била челом» княгине Марье Ярославне, дабы последняя «печаловалася сыну своему, великому князю». Иван III «пожаловал» и согласился взять за своего сына дочь молдавского господаря. Было решено, что с этим ответом он пошлет к господарю князя Михаила Олельковича, а господарь Стефан, извещенный о благоприятном отношении великого князя к его предложению, пошлет в Москву своего «доброго

человека». Таким образом, инициатива в возбуждении вопроса о браке Ивана «Молодого» с дочерью Стефана, несомненно, принадлежала последнему. Брак облегчался отсутствием разницы в вероисповедании жениха и невесты. Однако переговоры по неизвестным причинам оборвались и ожидавшийся посланец Стефана в Москву не прибыл.

Переговоры о браке Ивана «Молодого» с дочерью Стефана возобновились в 1480 г., на этот раз по инициативе Москвы. Для этой цели в Москве воспользовались возвращением через Крым в Молдавию «человка» Стефана, которого он присылал в Москву «о дело». В чем состояло это «дело» — неизвестно, но оно не касалось брачного вопроса. Едва ли мы ошибемся, если предположим, что «дело» господаря Стефана состояло в просьбе о помощи против турецко-польского утеснения. Момент был благоприятный, чтобы возобновить переговоры о браке, которым весьма заинтересовались в Москве. С возвратившимся посланцем Стефана был отправлен человек княгини Федки (Феодосии Оленьковны или Александровны). Последний должен был от имени своей княгини напомнить господарю о его прежнем предложении. «Яз нынеча тебе приказываю, по передней твоей присылке, — сообщила княгиня Феодосия, — как еси приказывал к моему брату ко князю к Михайлу и ко мне. И въскочешь то дело делати, чтобы князь велики за своего сына твою дочку взял, и ты бы к великому князю прислал своего человека доброго с тем делом со всем»¹.

¹ Отсутствие посольских книг по сношению с Молдавией очень затрудняет изучение развития дружественных связей между Иваном III и Стефаном. В некоторой степени этот недостаток восполняется крымскими посольскими делами, так как сношения с Молдавией производились преимущественно через Крым. Сведения о начале переговоров о браке Ивана «Молодого» с Еленой Стефановпой сохранились «в памяти», давней княгиней Феодосией Александровной (княгиней Федкой) своему «человеку», посланному через Крым в Молдавию к государю Стефану (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 22—23). В указателе личных имен к 41-му тому Сб. Русс. ист. об-ва муж княгини Феодосии князь Семен Юрьевич назван Патрикеевым. Но, во-первых, по родословной князей Патрикеевых (ПСРЛ, т. VII, стр. 254—255; Врем. об-ва истории и древн. росс., кн. 10) у князя Юрия Патрикеева не было сына Семена и, во-вторых, в «памяти» княгини Феодосии (Федки) князь Ивап Юрьевич назван «сестричем» (племянником) и, следовательно, он не мог быть братом ее супруга, князя Семена Юрьевича. Для выяснения небезытересного вопроса, кто играл роль сватов в браке Ивана «Молодого» с дочерью молдавского господаря, следует обратить внимание на то, что имя княгини Феодосии приведено в польской транскрипции. Такое имя носила родная сестра Семена и Михаила Оленьковичей (Александровичей). Одна из ее сестер, неизвестная по имени, была замужем за князем Юрием Пронским, сын которого, Иван Юрьевич, действительно приходился «сестричем» княгине Федке. Кто был мужем княгини Феодосии, названым в ее «памяти» князем Семеном Юрьевичем, — неизвестно.

Легко понять, почему Иван III вспомнил о брачном предложении господаря Стефана весной 1480 г. В это время в Крыму велись успешные переговоры о заключении союза против «вопчего» врага — короля Казимира. Но таким «вопчим» врагом король Казимир являлся не только для Менглы-Гирея, но и для молдавского господаря. Вовлечение последнего в круг политических интересов Москвы имело большое значение для московско-польских отношений, приобретавших все более и более враждебный характер¹.

В 1481 г., когда отношения с Казимиром временно улучшились, обмен послами между Иваном III и Стефаном производился через литовские владения². Переговоры о браке провагались очень успешно, так как уже в декабре 1482 г. посланные за невестой Андрей и Петр Михайловичи Плещеевы вернулись в Москву с дочерью господаря Еленой-«волошанкой»³. В январе 1483 г. был произведен обряд бракосочетания⁴.

К сожалению, в сохранившихся материалах нет сведений о заключении в это же время между Иваном III и Стефаном договора о «братстве и любви» и о взаимной помощи против Казимира. Существование такого договора представляется, однако, вполне вероятным. В связи с этим необходимо отметить, что вначале относительно редкие посылки послов с той и другой стороны резко увеличились к девяностым годам, когда Иван III перешел к активным действиям против короля.

В 1484 г. возвращавшийся от Матвея Корвина Федор Курицын должен был проездом через Молдавию захватить с собой в Москву «человска» Стефана⁵. В 1488 г. по просьбе великого князя Казимир разрешил проезд через свои земли сыну боярскому Васплюю Карамышеву, посланному к Стефану «навестити его»⁶. В 1490 г. к Стефану был послан Иван Лихорев. 1 января 1491 г. Иван Лихорев вернулся обратно с послом господаря Стецко⁷. Происходившие в это время военные дей-

¹ Заинтересованность Ивана III в скорейшем разрешении вопроса о браке особенно ясно проявилась в дополнительной «памяти» князю Ивану Звенигу. Великий князь предвидел, что на «человска» княгини Феодосии может прийти «немощь». В этом случае следовало не ожидать выздоровления, а послать к господарю дьяка Сухова, передав ему «верующую» грамоту и «память», «как ему речи приказаны говорить» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 27).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 26.

³ ПСРЛ, т. XX (Львовская), стр. 349. В Воскресенской и Никонской летописях этого известия нет. Повидимому, в связи с последующей опалой княгини Елены, из Московских летописных сводов были исключены подробности, относившиеся к браку Ивана «Молодого»,

⁴ ПСРЛ, т. XX, стр. 350.

⁵ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 41.

⁶ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 18.

⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 219, 221.

ствия между Иваном III и Казимиром очень затруднили проезд послов через территорию, подвластную королю. В 1488 г. Иван III просил Казимира выдать общее разрешение (лист) на проезд послов через его земли в Молдавию и Москву. Король ответил отказом, ссылаясь на невозможность дать это разрешение без согласия рады: «...п яз нынеча не ямаю у себя рады»¹. Когда же в 1490 г. великий князь вновь обратился к королю с просьбой пропустить сына боярского Прокофья Зиновьева, посланного к Стефану с поздравлением и «помянками» по поводу женитьбы его сына Александра, король решительно воспротивился: «...ведает князь великий, иже мы на его жадание пропустили послов его через нашу землю многократ; нижи на тот час не виделося нам пропустить того его посла»². Повидимому, к этому времени Казимир уже располагал сведениями о характере переговоров между Иваном III и его зятем.

В год приезда в Москву Елены Стефановны и ее бракосочетания с Иваном «Молодым» в Москве появилось посольство из соседней с Молдавией страны — Венгрии.

Начало сношений с Матвеем Корвиным отмечено краткой летописной записью: «Того же лета (6990—1482) приде посол к великому князю от короля Угорского Матвея о братстве и о любви, и князь велики почтив того посла, отпусти его с любовью к его государю, да с ним же вместе отпустил князь велики своего посла Феодора Курицына; он же шед взя велпкому князю (с королем) докончание, братство и любовь»³. Из последующих переговоров с послами Матвея Корвина, а также из переписки Ивана III с Менглы-Гиресем мы узнаем, что заключенный договор был направлен против Казимира. Поэтому вполне понятно, что сношения с Матвеем Корвиным производились тайне от польского короля. Федор Курицын с «человеком» Матвея Корвина был послан в Венгрию для заключения «докончания» с королем, через Крым и Молдавию, «занеже па Липтовскую землю пути им нет».

На большую заинтересованность Ивана III в это время в установлении дружественных связей с Матвеем Корвиным указывает то беспокойство, которое великий князь проявлял по поводу возможной задержки в Крыму венгерского посла, схавшего с Федором Курицыным в Москву. В 1484 г. в Москве были получены сведения, что Федор Курицын с «человеком» венгерского короля находится на возвратном пути у Стефана; господарь предполагал их отпустить в Крым с просьбой к Менглы-Гирею, чтобы тот велел их проводить до Москвы. По поводу этого известия Иван III приказывал своему послу в Крыму

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 19.

² Там же, стр. 41.

³ ПСРД, т. VIII, стр. 214.

князю Василию Ноздреватому захватить при возвращении в Москву Федора Курицына вместе с людьми венгерского короля и молдавского господаря. Однако он опасался, что «человек» короля Матвея не станет «лежати долго в Орде» в ожидании выезда князя Ноздреватого в Москву и пожелает вернуться обратно. В этом случае следовало, если бы не помогли уговоры, обратиться к Менглы-Гирею с просьбой не отпускать венгерского посла¹.

Федору Курицыну не удалось, однако, беспрепятственно достигнуть Крыма; в Белгороде (Аккермане) он на долгое время был задержан турками, для которых сношения московского великого князя с венгерским королем могли показаться очень подозрительными.

Еще до возвращения Федора Курицына с королевской «докончальной» грамотой в Москву прибыл посол короля Матвея Климент с повторным предложением, чтобы великий князь не мирился с польским королем. Он сообщил, что его король «с Казимиром с королем роскинул, а на него готов» и что польские паны, сторонники короля Матвея, «уж почали». Здесь, повидимому, имелась в виду внутренняя оппозиция королю Казимиру; своими действиями в пользу усиления королевской власти он вызвал недовольство со стороны части «можновладства»².

В ответ на это посольство Иван III послал к королю Матвею своего «человека» Федора Кузминского, поручив ему передать королю, что «нам с королем с польским миру нет, а он бы, наш брат, с ним миру не имал, а прислал бы к нам на то дело своего человека, как нам, аж даст бог, то дело делати». Кроме того, Федор Кузминский должен был разузнать о Федоре Курицыне, длительное отсутствие которого вызвало беспокойство в Москве.

В сентябре 1487 г. (6996) Федор Кузминский вернулся в Москву вместе с венгерским послом Иваном дяком. Еще до их приезда вернулся к Федору Курицын с «докончальной» грамотой короля³. Целью присылки Ивана дьяка в Москву было

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 44.

² Орывок посольской книги по сношениям с Матвеем Корвиным за 1488—1489 г. (6996) сохранился в книге царского двора № 1. Он издан в «Памятниках дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. I, стр. 159—173.

³ Федор Курицын вернулся в Москву в конце 1486 г. или в начале 1487 г. В 1486 г. Иван III благодарил Менглы-Гирея за помощь в освобождении [Федора] Курицына из турецкого плена: «...мой человек Федор попал был салтану турецкому в руки и с своими товарищи и с теми людьми, которые с ним фрязове к нам шли на наше имя. И ты нас дела того нашего человека Федора и с теми людьми у турецкого взял и к нам отпустил; и я тебе о том челом бью» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 47).

собрание сведений о Федоре Курицыне. Отсутствие каких-либо дополнительных поручений короля, касавшихся совместных действий против Казимира, вызвало недовольство и упрек со стороны великого князя: «А брат наш Матиаш король, как наперед сего к нам приказывал о своем и о моем недрузе о Казимире о короле, и ты нам от короля о том деле некоторых речей не говорил, а почина и наступа королева не слышим никоторого на вопчего нашего недруга, на короля на полского, а наш почин и наступ надеемся и брату нашему Матиашу королю ведом». Те же мысли, но более подробно Иван III изложил в грамоте к королю Матвею и в наказе (памяти), данном московскому послу в Венгрию Штибору. «Почин и наступ» со стороны великого князя против Казимира, сообщалось в письме к королю Матвею, состояли в занятии всей Тверской земли, владелец которой князь Михаил Борисович состоял с польским королем «в любви, и в докончание, а с ним был заодно, а ему и в свойстве близко», а также в занятии городов и волостей, которые за собой держал Казимир: Ржева, Великих Лук и других.

29 июля 1488 г. Иван дьяк был на отпуске у великого князя Ивана III, который сам отвечал венгерскому послу. Основной смысл речи великого князя заключался в убеждении точно держаться заключенного договора, не заключать мира с польским королем и действовать против него «заодно». После отпуска великим князем дьяк Федор Курицын передал послу просьбу от имени великого князя к королю Матвею: ради дружбы прислать в Москву пушных мастеров и среди них пушечников, «которые бы умели пушки лить, да которые бы умели стреляти из пушек и к городом приступати», а также каменщиков, «которые умеют церкви и полаты ставити и города делати»¹.

Венгерский посол Иван дьяк был отправлен на Кольвань (Ревель), откуда он должен был плыть морем до Любена и через немецкие земли вернуться к своему королю. Но московский посол Штибор поехал другой дорогой, через Крым и Молдавию, так как через Любек вместе с венгерским послом ему было ехать невозможно: «зашли по той дорозе цесаревы земли, да вопчего нашего недруга Казимировы короля полского зятя земли». Штибор был снабжен грамотой к королю Матвею, в которой великий князь убеждал своего союзника твердо держаться заключенного договора и сообщал о своем выступлении против Казимира: «И мы, видев твою, брата своего, грамоту

¹ Кроме этих мастеров, Иван III просил прислать ему мастера, который «руду знает, золотую и серебряную», мастера, который умел бы «золотую» и серебряную руду «роделати с землею» и мастеров-серебрянников, изготавливающих великие и малые сосуды.

утверженную, тогда же, с божьєю волею, почали есмь дело делати и наступили есмь на твоего и на своего недруга на Казимира, на короля на польского, и не с одну сторону»¹.

Штибору поручалось собрать сведения о политических взаимоотношениях Венгрии с другими государствами, с польским королем, немецким цесарем (императором Фридрихом III), с чешским королем и турецким султаном.

Ответная грамота короля Матвея была прислана со Штибором, вернувшимся в Москву 9 апреля 1489 г.² Венгерский король выразил большое удовлетворение по поводу заявления Ивана III о твердом соблюдении условий заключенного союза. Он сообщал, что польский король Казимир при содействии чешского короля (Владислава) и других посредников много раз пытался заключить с ним мир, но он, король Матвей, не заключит мира без согласия своего союзника, московского великого князя. Со своей стороны он заверял великого князя о полном соблюдении договора. Ответ по наиболее важному вопросу о немедленных совместных действиях против Казимира не мог вполне удовлетворить Ивана III: король Матвей вновь просил известить заблаговременно, когда его союзник будет готов «на общего нашего недруга со всем одлучением и мыслью и мощью наступити и с ним дело делати...» Далее он сообщал, что он сам на время отложил все остальные дела и готовится «како да спола на унутрьне стране кралевства нашего общаго недруга со всею нашею мощью в идемо, толико долго на нем да стоимо и кралевство его да раскидамо, колико его нам буде за доста видети». Для согласования действий король Матвей обещал вскоре прислать посла и снабдить его необходимыми полномочиями для переговоров³.

В Москве не могло не показаться странным, что король Матвей все еще продолжал ожидать от своего союзника известий о начале войны с Казимиром, в то время как Иван III с полной ясностью сообщал, что он уже занял королевские города и волости и «воюет» литовские земли «и ни с одной стороны». При дворе короля Матвея будто не хотели понимать этих совершенно определенных заявлений Москвы и умышленно оттягивали время для исполнения союзнических обязательств. Колебания Матвея Корвина вызывались сложностью его внешнеполитического положения в конце восьмидесятых

¹ Штибор вел королю Матвею «первый помянок»: «...соболь черн, ноготки у него золотом окованы с жемчюги, дватцать жемчюгов повгородских на всех ногах, а жемчюги не малы, и хороши и чисты».

² Полный текст грамоты Ивана III к королю Матвею, датированной 29 июля 1488 г. (8996), находится в посольской книге («Памятники дипломатических сношений», ч. I, ст. 165—169).

³ Грамота Матвея Корвина к Ивану III от 16 декабря 1488 г. («Памятники дипломатических сношений», ч. I, ст. 171—173).

годов. Занятие Австрии, являвшейся наследственным владением Габсбургов, вызвало отчаянные попытки со стороны императора вернуть утраченные земли. Одновременно королю Матвею приходилось вести борьбу с турками и с королем Чехии Владиславом Ягеллоном. В этой обстановке ему важно было отвлечь Казимира, добившись выступления против него Ивана III и в то же время уклоняясь от дальнейшего обострения отношений с польским королем.

Обещанная королем Матвеем присылка в Москву посла с большими полномочиями для согласования совместных действий против Казимира, повидимому, не состоялась; по крайней мере никаких сведений об этом посольстве в источниках не сохранилось. Вскоре, в 1490 г., король Матвей Корвин умер; его смерть резко изменила политическую обстановку в Венгрии. Венгерская корона стала предметом ожесточенной борьбы между тремя претендентами: сыном Матвея Корвина, Максимилианом Габсбургским и Владиславом Ягеллоном. Очень выразительную картину состояния Венгрии нарисовал русский посол на основании сведений, собранных им в Любэке, в своем донесении к императору Максимилиану: «... как король Матьяш представился, и земля Угорская порознилася на трое: треть ялася за короля за Максимьяна, а треть за королева сына угорского за Матьяшова, а треть ялася за чешьского короля; и которая треть Угорские земли досталася за Максимьяна, и Максимьян нарядяся с всеми людьми, да и те люди с ним, да пошел доставати все Угорские земли, а чешьской король с другие стороны пошел доставати Угорские земли все». Далее он сообщал; что по тем же сведениям сын Матвея Корвина, узнав, что против него идут «два великие государя», по совету с приближенными «бил челом» Максимилиану, который принял его «с любовью». Московский посол также сообщал о кровопролитном сражении между Максимилианом и Владиславом Ягеллоном чешским, в котором победа осталась на стороне императора. Последний занял город Будано (Буду) и «сел в нем»¹.

Последние сведения были не вполне точными. Борьба за Венгрию закончилась победой Владислава Ягеллона, который в том же 1490 г. соединил под своей властью оба государства: Чешское и Венгерское. С этого момента дипломатические связи Москвы с Венгрией прекратились. В лице Матвея Корвина Иван III потерял очень нужного союзника, дружеские отношения с которым он неоднократно вспоминал во время дипломатических переговоров. Переход же Венгрии под власть Ягеллонов в общем укреплял политическое положение короля Казимира.

¹ «Памятники дипломатических сношений», ч. I, ст. 63—64.

Заклячая договоры о «дружбе и любви» с Матвеем Корвиным, Стефаном и Менглы-Гиреем, Иван III, повидимому, преследовал еще более широкие цели: установление союзнических отношений между ними для совместных действий против «вопчего врага» — короля Казимира. Для достижения этой задачи особенно важно было добиться заключения союза между Менглы-Гиреем, с одной стороны, и Матвеем Корвиным и Стефаном — с другой. В 1487 г. Иван III сообщил Менглы-Гирею о своих дружественных отношениях с королем Матвеем: «Матвиаш, король угорский, с нами в дружбе и в братстве, а на короля Казимира, на нашего недруга, с нами один человек, и люди наши межю нас ходят, межю нас по дружбе и по братству». Далее он сообщал, что готов принять на себя посредничество для заключения такого же союза между Менглы-Гиреем и королем Матвеем: «И похочешь с ним дружбы и братства, и ты ко мне откажи, и мы тебя учиним с ним в дружбе и братстве по тому, как мы с ним в дружбе и в братстве»¹. Менглы-Гирей ответил, что король Матвей сам присылал к нему своего человека, желая быть с ним «в дружбе и братстве»².

Нам не известно, когда начались переговоры об установлении «братства и дружбы» между Менглы-Гиреем и Стефаном. Сохранившиеся известие об этом относится к лету 1492 г., когда Менглы-Гирей писал великому князю: «Стефан воевода к нам посла прислал, другу друг есми, а недругу недруг есми, молвил; велми межю нас сердца наши сластны, так всeday»³. В другой грамоте Менглы-Гирея, полученной в Москве в конце октября того же года, находится ясное указание на то, что этот союз был заключен по желанию великого князя: «...от свата от твоего, от Степана от воеводы, — писал Менглы-Гирей Ивану III, — послы приходили о твоём деле, добре крепко смирилися есмя: Орда пойдет, с нами заодин подружба учинити, вместе стоя; а с королем заратимся, с нами заодин королю подружба учинити, правда и шерть учинилася»⁴. Послом господаря, о котором сообщал Менглы-Гирей, был Митя (Дмитрий) Гомза. Менглы-Гирей «дал шерть» послу и отправил с ним к Стефану «большого своего посла» Казимира с поручением привести господаря к целованию в выполнении условий союза: «...другу цареву другом быти, а недругу недругом, а на короля и на Ахматовых детей заодин быти». Ханскому послу Казимиру поручалось выбрать одного из четырех «лучших людей» господаря, которого он должен был привести с собой в Крым «на укрепление»: если царь (хан) «сядет на конь» и пойдет на какого-либо своего

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 64.

² Там же, стр. 74.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 151.

⁴ Там же, стр. 168.

недруга, то и Стефан должен вместе с «царем» (ханом) идти на общего недруга; если же Стефан сам не может отправиться в поход, — «будут каковы недосуги», — то должен послать с царем (ханом) своих людей¹.

В 1493 г., по сведениям Московского посла в Крым Константина Заболоцкого, полученным от толмача, приехавшего от господаря вместе с вернувшимся послом Менглы-Гирея Казимиром, стало известно, что Стефан дважды посылал своего сына «воевать» Подолье. Когда же господарь вновь «нарядил» сына Александра «со всеми людьми», намереваясь отправить его в Подолье, он получил известие, что ожидается посол из Москвы от великого князя. Тогда господарь «понуял» своего сына и отложил поход: «послышим речей князя великого от его посла; будет прыгож, и яз и сам сяду на конь»².

Трудности сообщения с Молдавией, требовавшие для поездки послов большой затраты времени, крайне затрудняли ведение переговоров для согласования общих действий. Политическая обстановка после смерти короля Казимира (1492) значительно изменилась. Польша и Литва вновь разделились под властью отдельных государей. Нападения Стефана на земли, подвластные польской короне, не могли уже оказать существенного влияния на ход московско-литовских переговоров о заключении мира.

Изучение материалов дипломатических сношений Ивана III с Молдавией и Венгрией позволяет, несмотря на утрату посольских книг, относящихся к сношениям с этими странами, более ясно и определенно представить роль Ивана III в «молдавской акции» конца 80-х и начала 90-х гг. Московский великий князь ставил своей целью объединить против Ягеллонов причерноморские страны, Крым, Молдавию и Венгрию. Усилившаяся к этому времени активность Стефана и Менглы-Гирея была в значительной степени вызвана действиями московской дипломатии.

3

Начало дипломатических сношений с императором Фридрихом III и его сыном Максимилианом было положено в 1486 г. посещением Москвы рыцарем из Силезии Николаем Поппелем.

Утрата начала древнейшей посольской книги Цесарского двора лишает нас возможности выяснить с достаточной подробностью условия первого путешествия Поппеля в Москву. Оно не отмечено в наших летописях. Единственным источником сведений остается краткий рассказ самого Поппеля, сообщенный им при переговорах с боярами во время второго пребывания в

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 166.

² Там же, стр. 181.

Москве. По словам Поппеля, он в первый раз приехал в Москву в качестве частного человека с рекомендательной грамотой императора и в сопровождении двух слуг: «...одно из я хотел познати твою милость, яко государя великого, и твою землю дознети, яко ж и ины короли познал и их земель смотрил через все христьянские земли»¹. Отсутствие официального посольского поручения у Поппеля и какой-либо определенной цели приезда, естественно, должны были вызвать в Москвѣ осторожное и недоверчивое отношение к этому «путешественнику», тем более что его приезд совпал с обострением отношений с Казимиром. По словам Поппеля, в нем подозревали шпиона польского короля. Для проверки подлинности представленной им рекомендательной грамоты Поппеля заставили своей рукой написать имена немецких князей и сравнивали затем почерки грамоты и этого списка, так как подозревали, что грамота была написана самим Поппелем. Недоверие, проявленное в Москве к наивному рассказу Поппеля, указывает лишь на политическую прозорливость русских.

Приезд Николая Поппеля в Москву в 1486 г. вызвал у историков недоумение. Карамзин считал, что Поппель посетил в первый раз Москву «единственно из любопытства», т. е. принял то объяснение, которое давал сам Поппель во время второго пребывания в Москве, когда он уже явился официальным послом царя². Такого же взгляда держался Соловьев: «Можно сказать, что Северо-Восточная Россия, или Московское государство, для западных европейских держав было открыто в одно время с Америкой. При императорском дворе знали, что Русь подвластна королю Польскому и великому князю Литовскому, но не знали, что на Северо-Востоке есть еще самостоятельное Русское госу-

¹ Биографические данные о Николае Поппеле крайне незначительны. Известно, что он родился между 1435 и 1440 гг. и был старшим сыном советника и крупного торговца в Бреслау Иоганна фон Поппеля. Хорошее образование, прекрасное знание латинского языка, красноречие, восхищавшее современников, а также ловкость и изворотливость дали ему возможность выдвинуться при дворе Фридриха III. В Венском государственном архиве (Haus-Hof-und Staatsarchiv) хранятся два документа, относящиеся ко времени службы Николая Поппеля при императорском дворе до отъезда его в путешествие: диплом от 11 января 1483 г. на новый дворянский герб («измененный и улучшенный») и пожалование титулом пфальц-графа от 27 января этого же года (Reichsregisterbücher Kaiser Friedrichs III, fol. 48.). Оба документа, свидетельствующие о благоволении императора Фридриха, выданы перед самым отъездом Поппеля из Вены (2 февраля 1483 г.) в путешествие по Европе. Это косвенно указывает на то, что поездка была связана с исполнением дипломатических поручений императора. Биографические данные о П. Поппеле собраны в работе Joseph'a T i d l e r'a. *Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland, Wien, 1857.*

² Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 209.

дарство, до тех пор, пока в 1486 г. не приехал в Москву рыцарь Николай Поппель, посещавший из любопытства отдаленные страны и имевший при себе свидетельство от императора Фридриха III»¹. Против утверждения, что Поппель открыл западному миру неведомую Московию, возражал А. Пресняков и еще более категорически — С. Ф. Платонов. По мнению А. Преснякова, рассказ Поппеля звучал «несколько наивной риторикой», так как на Западе еще до Поппеля знали о быстрых успехах Московии на основании ее отношений с черноморскими и прибалтийскими государствами². С. Платонов убеждал не верить «старой басне», будто рыцарь Поппель во время своих странствований по отдаленным краям случайно попал в Москву и, возвратясь обратно, рассказал императору Фридриху III о Москве, как о своем политическом и географическом открытии³.

Хотя Николай Поппель сам упорно настаивал на частном характере своего путешествия, предпринятом ради одной любознательности, но поверить ему в этом едва ли возможно. Поездка в Москву в 1486 г. явилась заключительным моментом длительного путешествия по Европе, во время которого Поппель посетил почти все крупные столицы и побывал при многих дворах, в той или иной степени интересовавших Габсбургов. Снабженный рекомендательным письмом Фридриха, Поппель выехал из Вены 2 февраля 1483 г. в сопровождении пяти слуг. Сначала он объездил владетельных князей южной Германии. Затем он совершил поездку вниз по Рейну, продолжая посещать различные княжеские и рыцарские замки. Из Кельна Поппель отправился в Брюссель ко двору бургундского герцога. Везде, по записям его дневника, обнаруживающего неумеренное хвастовство автора, Поппель якобы поражал хозяев замков и их гостей физической силой, непобедимым искусством в турнирных состязаниях, глубокой ученостью и мастерством изысканной латинской речи. Весной 1484 г. Николай Поппель был в Англии и после путешествия по стране был принят королем Ричардом III. Из Англии Николай Поппель отправился морем в Португалию, побывал в Лиссабоне, затем через Севилью проехал в Гренаду ко двору Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. После короткой остановки Николай Поппель продолжил свое путешествие; в январе 1485 г. он был в Барселоне, откуда морем отправился во Францию. В Руэ Поппель был принят королем Карлом VIII. Затем, посетив Париж, Поппель проехал через Бургундию, Майнц и Гейдельберг в Ульм, где встретился с императором Фридрихом. Последний расспрашивал

¹ С. Соловьев. История России, ч. 1, стр. 1489.

² А. Пресняков. Московское царство, П., 1918, стр. 3.

³ С. Платонов. Москва и Запад в XVI—XVII вв., Л., 1925, стр. 7.

Поппеля о посещенных им странах и владетельных дворах и установил ему годовое содержание размером в 380 гульденов¹.

Таков был «Itinerarium Poppelianum», не совсем обычный даже для XV в. — «века путешествий», когда люди легко отваживались на далекие странствования, все шире раздвигавшие географический и политический горизонт современного им общества. В своем путешествии Поппель руководствовался не частными интересами любознания, а политическими и дипломатическими целями — па это, помимо письма к Фридриху, указывает выбор посещенных им мест и лиц, с которыми он встречался. Легко видеть, что особое внимание было им проявлено к Бургундии, вопрос о судьбе которой в это время сильно волновал Максимилиана, женатого первым браком на дочери Карла Смелого Марии, наследнице Бургундского герцогства².

После встречи с императором в Ульме Поппель побывал у бранденбургского курфюрста Альбрехта Ахиллеса и затем через Нюринберг и Лейпциг направился в Богемию к королю Владиславу. Снабженный рекомендательным письмом к королю Казимиру, отсюда он снова отправился в путь и в начале лета 1486 г. прибыл к себе на родину, в Бреслау. Однако пребывание его на родине было очень кратковременным, так как уже осенью этого года Поппель выехал через Польшу и Литву в Москву³.

Первая поездка Поппеля в Москву совпала со временем крайнего обострения борьбы между Габсбургами и Матвеем Корвиным. Летом 1485 г. венгерские войска заняли Вену. Габсбурги теряли не только свою столицу, но и наследственные австрийские земли. Эти неудачи заставили Фридриха пойти на сближение с Польшей. В середине декабря 1485 г. император выслал к Казимиру посольство с важными полномочиями, поводом к этому послужили известия о попытке Матвея Корвина заключить союз с польским королем, направленный против императора. Вслед за тем Фридрих обратился к Казимиру с просьбой прислать своих послов на рейхстаг во Франкфурт: его созыв был отложен на 20 января 1486 г. с целью дать возмож-

¹ Дневник первого путешествия Николая Поппеля по Европе издал Sinapius в работе, посвященной силезскому дворянству. В несколько сокращенном изложении он был напечатан S. Klose. Darstellung der inneren Verhältnisse der Stadt Breslau vom Jahre 1458 bis zum Jahre 1526, стр. 361—375 (Gustav Stenzel. Scriptorum Rerum Silesiacarum, т. 3, Breslau, 1847). См. также биографию Поппеля, составленную Joseph Fildes. Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland.

² На дипломатический характер первого путешествия Поппеля в Западную Европу указывают немецкие авторы работ, посвященных истории сношений между Австрией и Россией в XV—XVI вв.: Hans Ueberbergger. Österreich und Russland seit dem Ende der 15. Jahrhunderts, Wien, 1906 и P. Karge. Friederich's III und Maximilian's Beziehungen zu Moskau, — Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, б. 2, 1893.

³ S. Klose. Указ. соч., стр. 361—375.

ность присутствовать на нем польским послам, а также сыну императора, Максимилиану. На этом райхстаге предстояло избрание Максимилиана римским королем и обсуждение вопроса об оказании помощи императору в войне с Венгрией. Польское посольство во главе с Каллимахом присутствовало на коронационных торжествах, а затем вместе с имперскими послами отправилось в Венецию с целью побудить республику вступить в войну с Матвеем Корвиным¹.

Хотя чины империи и постановили на Франкфуртском сейме оказать императору помощь людьми и деньгами, но это решение осталось невыполненным. Между тем избрание Максимилиана римским королем повело к сближению Матвея Корвина с Владиславом чешским, закрепленному свиданием в Иглаве. Тогда Фридрих поставил своей целью привлечь на свою сторону короля Казимира и противопоставить венгерско-чешскому союзу австро-польское соглашение. Отношения между домами Габсбургов и Ягеллонов предполагалось также укрепить брачными связями. Однако уже осенью 1486 г. переговоры, вначале развивавшиеся успешно, были прерваны. В этот трудный момент Фридрих не мог рассчитывать даже на помощь со стороны своего сына, короля Максимилиана. Последний был занят французско-нидерландскими делами, в которые он втянулся благодаря браку с Марией Бургундской. В марте 1486 г. Максимилиан вступил в союз с Бретанским герцогом, а через несколько месяцев вошел в соглашение с противниками французского короля. Отец тщетно старался оторвать его от этих дел и «безалаберных поступков» (*liederlichen Händeln*), убеждая обратиться к освобождению собственных земель².

Потеря Венгрии, Богемии и части коренных австрийских земель представляла смертельную опасность для Габсбургов. Падение политического могущества Габсбургов происходило одновременно с быстрым ростом Ягеллонов, в руках которых теперь находилось четыре государства: Польша, Литва, Венгрия и Чехия. Трудно решить вопрос, что послужило непосредственным поводом к отправлению Поппеля в Москву, союз ли Ивана III с врагом империи Матвеем Корвиным, о котором не могли не знать в Австрии, или надежда на союз с Иваном III против Ягеллонов? Во всяком случае неожиданно появившийся интерес к далекой и мало известной Московии был вызван не научной

¹ Гр. Р а р е е. Указ. соч., стр. 235—236; В. Б а у э р. Сношение России с германскими императорами в конце XV и в начале XVI в. (Журнал Министерства народного просвещения, 1870, кн. 3).

² Об этом Фридрих писал Максимилиану 25 ноября 1486 г. из Андернаха и 5 января 1487 г. из Шпейера. Р. К а r g e. Kaiser Friedrich's III und Maximilian's I Ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau. (Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, b. 9, h. 2, Freiburg und Leipzig, 1893, ss. 262—263).

любезностью, а политическими расчетами, которые становятся понятными в условиях грозной обстановки, сложившейся для империи.

Мнение, высказанное С. М. Соловьевым, что благодаря Поппелю северо-восточная Россия для западных держав была «открыта» в одно время с Америкой, страдает, конечно, сильным преувеличением. Во владениях Габсбургской короны Москву не могли не знать уже потому, что сношения Ивана III с Италией и Венгрией происходили через немецкие земли. Кроме того, в Москву, как сообщает Контарини, ежегодно приезжали купцы из Германии. Однако представления о политическом положении Московского великого княжества и его государя были очень сбивчивыми и неопределенными. На западе Новгород знали значительно лучше, чем Москву. По словам Нюрнбергской хроники, великий князь Иван «жил по ту сторону Новгорода», а папский легат, сопровождавший Софию Палеолог (Бопумбре), «ехал в эту далекую страну, чтобы преподнести Ивану королевскую корону и проповедовать там христианство»¹. Возможно, что Поппель имел в виду именно эту Нюрнбергскую хронику, когда говорил дьяку Федору Курицыну: «...слышали есмо, иж великий князь пред теми годы посылал до папежа Римского своих послов, жадаючи и просячи от него, абы его папез уделал краем на его земле, а то есми слышел, иж того кроль польский вельми не хотел, и посылал в тыи часы до папежа с великими дары, абы того папез не уделал». Далее Поппель, не сомневаясь в правдивости этого сообщения и предполагая, что в Москве плохо осведомлены о политической системе в Западной Европе, поучал московских дипломатов по вопросу об объеме власти римского первосвященника и императора: только императору, говорил он, принадлежит право возведения в рыцари, князья и короли; папа же в этом «шиц мочи не имеет», его власть распространяется только на церковную жизнь².

При дворе императора также не ясно представляли отношения между московским великим князем и польским королем. По словам Поппеля, император и немецкие князья, как и он сам, думали, что московский великий князь «был послушен королю польскому», т. е. являлся его вассалом. Поводом к этому ошибочному представлению мог послужить титул Казимира — «короли Польского и великого князя Литовского и Руского». Можно

¹ О. Пирлиг. Россия и папский престол, т. I, стр. 315. Интересно отметить, что в некоторых географических руководствах начала XVI в. главным городом России считалась не Москва, а Новгород. Так, в «Instructio manuductionem prestans in cartam itinerariam Martini Nilscomili», изданной в 1511 г., Россия было отведено всего две строчки: «Россия с главным городом Новгородом, в который немецкие купцы пропикают с большим трудом».

² «Памятники дипломатических сношений», ч. I, ст. 11.

поверить Поппелю, что его рассказ о московском великом княжестве и московском государе вызвал необычайный интерес на съезде князей в Нюрнберге. По словам Поппеля, и король римский Максимилиан, и немецкие князья «дивились» всему услышанному, и король ежедневно, когда Поппель стоял у королевского стола, обращался к нему с вопросами о великом князе московском. Результатом этого возросшего политического интереса к Москве была вторая посылка Поппеля к Ивану III уже в качестве официального посла императора. Верительная грамота Фридриха III, данная в городе Ульме, датирована 26 декабря 1488 г. В конце января следующего года Поппель был в Москве ¹.

Поппель постарался придать своей дипломатической миссии строго секретный характер. С этой целью он, по его словам, взял с собой лишь немногих слуг и до прибытия в Новгород распространял слух, что намерен отправиться в паломничество через татарские земли «до божия гробу».

Повидимому, Поппель в результате своей первой поездки в Москву произвел очень плохое впечатление. Явившись теперь во второй раз в качестве официального имперского посла, он старался рассеять его. Поппель много говорил об особом доверии, которое ему оказывает император, предочитавший его другим своим слугам для исполнения важных и тайных дипломатических дел. В качестве примера Поппель приводил посылку его в Москву с особым поручением к самому великому князю, с которым он домогался встретиться наедине, без великокняжеской «рады». Хвастливое самовосхваление Поппеля в связи с его бестактным поведением в Москве не только не достигло цели, но, наоборот, утвердило о нем мнение, как о «лихом» человеке и «прелестнике», «обманщике». Впоследствии Поппель в письме к великому князю жаловался на подозрительность и враждебность, проявленные к нему со стороны московских бояр и дьяков. «Кюли есмь был у высокости твоей в московской земле, — писал Поппель, — некоторыми делы твои бояре и дьяки веры мне не яли, иж бых я правый посол от цесарского величества, али мене чаяли за лихо и за прелестника к высокости твоей приходящего о неправдивых делех, а потом блюдучися стереглися мене от всяких дел, да и высокости твоей сказывали, иж бых я неправый посол был и многие посмехи от них с великою болюстиею сердца моего трыпел есмь...» ² Это письмо свиде-

¹ Сохранился в современном русском переводе только конец этой грамоты (ПДС, ч. I, стр. 1).

² Письмо было послано из Нюрнберга после возвращения Поппеля в Германию с его слугой (ПДС, ч. I, ст. 52—56). Обращение в письме к великому князю — «насветлейший начальник» — лишний раз подчеркивало отсутствие у Поппеля дипломатического такта. Москвичи вполне справед-

тельствует о том, что Поппель, о котором на Западе сложилось мнение как о блестящем ораторе и искусном дипломате, в Москве потерпел полную неудачу.

Дело, разумеется, закручалось не только в неумении Поппеля быстро ориентироваться в незнакомой ему обстановке, в его легкомыслии и развязности, но и в пренебрежительном отношении к «москвитам», которые представлялись Поппелю, как и при дворе «цесаря», невежественными людьми, совершенно неосведомленными в политической жизни Западной Европы. Лишь в результате неудачи Поппеля и опыта последующих сношений с Москвой имперское правительство принуждено было изменить свое отношение к московской дипломатии.

Неуважительное отношение к Москве выразилось в предложении Поппеля от имени императора пожаловать Ивану королевский титул. Это была главная цель его поездки в Москву. К этому вопросу Поппель подошел все же с известной осторожностью. Получив от великого князя отказ в личной аудиенции, Поппель изложил свои первые предложения перед боярами, назначенными для ведения переговоров: князем Иваном Юрьевичем Патрикеевым, князем Даниилом Васильевичем Щеней и Яковом Захарьиним. По словам Поппеля, «царь великий римский», узнав от него о «мудрости и велеможности» московского государя, пожелал быть с ним «в большей милости и приятельстве». Для этой цели он предлагает «девку» великого князя выдать замуж за племянника цесаря, сына его сестры, князя Маркграбя (так московский переводчик передал титул маркграфа). Речь шла о сватовстве к одной из дочерей Ивана III маркграфа Баденского Альбрехта. При этом Поппель постарался представить политическое значение этого брака для великого князя: многие государя будут «не рады», узнав, что московский великий князь находится с цесарем «в знамости и приятельстве».

Ответ великого князя был передан через дьяка Федора Курицына. Великий князь, не касаясь данного предложения, сообщил только, что, выслушав посла императора, он отпускает его обратно, а к цесарю пошлет своего посла, так как «любви и дружбы» с цесарем он желает. Этот же ответ великий князь лично повторил Поппелю на «отпускной» аудиенции.

Воспользовавшись этой «отпускной» аудиенцией, Поппель изложил великому князю и другие свои предложения. Он попросил великого князя показать ему «свою девку» (дочь). Затем, довольно неожиданно, Поппель перешел к жалобе ливонского

ливо упрекали Поппеля в том, что он «писал к государю к нашему свою грамоту не по пригожу». Помимо жалоб на московских бояр и дьяков в письме содержалась просьба о присылке трех живых лосей и «одного гулятина, которые едят сырое мясо».

(«Вифлянского») магистра на Псков, который будто бы захватывает земли и воды, принадлежащие Ордену. При этом Поппель, очевидно, в доказательство своего права касаться этих вопросов, заявил, что «земцы Вифлянские земли» являются подданными «царству государя нашего», т. е. цесаря. Это выступление Поппеля не могло не произвести на великого князя самое неблагоприятное впечатление. Предложению об установлении отношений «любви и дружбы» с цесарем резко противоречили попытки принять Ливонский орден под защиту цесарской власти.

Высланный с ответом Федор Курицын сообщил Поппелю от имени великого князя, что «того у нас обычая в земле нет, чтобы нам переж дела являти свои дочери». Относительно жалобы магистра было заявлено, что «наша отчина Псков держат земли и воды по старине, по тому, как наперед сего жили с земцы Вифлянские земли».

Затем Поппель перешел к главному секретному предложению — о пожаловании великому князю королевского титула, попросив говорить «речь» великому князю о его деле «наодине». Иван III «поговорил» с Поппелем в набережной горнице, «поотступив от бояр». Однако, так как Поппель отказался говорить при посредстве толмача, то заготовленная им «речь» была списана Федором Курицыным и представлена великому князю. Рассказав о праве императора возводить в достоинства рыцарей, князей и королей, Поппель предложил быть «верным служебником» великого князя у цесаря и испросить у него для великого князя королевский титул. По словам Поппеля, «ляхове того боятся вельми, коли твоя милость кралем будешь, пж тогда вся Русская земля, что под кралем польским, отступит от него и твоей милости будут послушни». Поппель уверял, что в этом он убедился, когда два года тому назад был у польского короля.

Предложение Поппеля по существу означало включение Московии в политическую систему «Священной Римской империи» с вассальным подчинением московского государя, в качестве короля, власти императора. Ответ великого князя, переданный Поппелем через Федора Курицына, содержал колкий намек на разницу в источниках власти императора, выбиравшегося князьями государства, и великого князя, являвшегося государем по праву рождения и по силе божественного установления. Похвалив Поппеля за его готовность служить, Иван III решительно отвергал всякую мысль о «поставлении» его королем по милости цесаря: «А что еси нам говорил о королевстве, ели нам любо от цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы божнею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от бога, как наши прародители, так и мы, а просим бога, чтобы нам дал бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне

государи на своей земле, а постановления, как есмь наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»¹.

Потерпев неудачу с предложением королевской короны, Поппель в беседе с Федором Курицыным еще раз вернулся к вопросу об установлении родственных связей между московским великокняжеским домом и немецкими князьями. Догадываясь, что сватовство маркграфа Баденского Альбрехта может быть отвергнуто, он предложил взамен цего курфюрста Саксонского Иоганна. При этом он сообщил о нем некоторые подробности, которые, по его мнению, могли выставить претепдента на руку дочери великого князя в благоприятном освещении. Кроме того, Поппель предлагал выдать замуж другую дочь великого князя за маркграфа Бранденбургского Сигизмунда, старший брат которого был женат на дочери короля Казимира. Вряд ли Поппель выступал с этими предложениями по собственной инициативе; хорошо известно, какое значение Габсбурги придавали брачным связям для распространения своего политического влияния. Ответа на свои предложения Поппель не получил.

Из нескладно построенной и неумной речи Поппеля, персыпанной намеками на его особое положение при дворе цесаря, московские дипломаты могли вывести одно важное заключение: Габсбурги были весьма заинтересованы в установлении дружественных отношений с Москвой. Этой цели служили и предложения короны, и предложение брачного союза между цесарским домом Габсбургов и московской великокняжеской семьей. Однако никаких определенных политических целей ни первое, ни второе посольство Поппеля не открывало. Не было сделано каких-либо предложений в этом направлении и с московской стороны. Весьма возможно, что хотя в Москве и знали о вражде Габсбургов с Ягеллонами, но не совсем ясно представляли причины этой вражды и политическую обстановку в империи. Во всяком случае обе стороны осторожно знакомились друг с другом, не открывая своих действительных намерений. Поэтому становится вполне понятным, что категорически отвергнув корону и промолчав об условиях брака, Иван III поспешил направить к императору Фридриху III и к его сыну, королю римскому Максимилиану, собственное посольство. В него вошли: грек Юрий Траханиот, Иван Халепа и Костя Аксентьев (Оксентьев). Посольство отправилось в путь 22 марта 1489 г., т. е. вслед за отъездом Николая Поппеля.

Официальную цель посольства можно было бы определить как ответный визит. Характерно, что ни в «верющей грамоте», ни в «памяти» Юрию Траханиоту не содержалось никаких предложений с московской стороны. В «верющей грамоте», более

¹ ПДС, ч. I, ст. 11—12.

распространенной, чем обычно, Иван III заявлял, что, выслушав имперского посла, «абы меж нас было приятельство и любовь в нашей с тобой зпамости», он «с доброу волею и хотением для предняго приятельства в любви» послал к цесарю своего посла. В посольской памяти было твердо указано, что Юрию только в том случае надлежало вступить в переговоры о браке, если бы последовал вопрос об этом с имперской стороны. Сватовство маркграфа Альбрехта Баденского решительно отвергалось. В доказательство «непригожеству» этого брака приводилась историческая справка, согласно которой «прародители» московского государя были «в приятельстве и любви» с первыми («передними») римскими царями, которые Рим отдал папе, а сами царствовали в Византии, а отец государя (Василий Темный) до конца был «в братстве и в приятельстве и в любви» со своим зятем византийским императором Иоанном Палеологом¹. Любопытно отметить, что Иван III предусмотрительно умалчивал о собственном браке с Софьей Палеолог, являвшейся не дочерью, а племянницей царя. Единственным возможным женихом для дочери Ивана III признавал сына императора, короля римского Максимилиана².

Московские послы были приняты императором Фридрихом на рейхстаге во Франкфурте в день св. Якова, 25 июля 1489 г. в присутствии имперских представителей, курфюрстов, князей и депутатов городов. Запись об этом приеме сохранилась в хронике города Шпейера. Послы явились в платье своей страны, один из послов (Юрий Траханиот) произнес речь на «ломбардском» языке: «Его господиц, великий князь Московский Иван (Hertzog Iohans von Mosscaw) шлет поклон императорскому величеству. Некий Николай Поппель по имепи, слуга императорского величества, будучи в прошлое время у государя его, рассказал много хорошего об императорском величестве и о его замечательных подвигах. Поэтому его господин отправил послов для передачи его императорскому величеству некоторых подарков и для установления с ним дружественных отношений. Кроме того, они имеют приказание говорить с императорским величеством в присутствии немногих (hierumb insonders) и просят для их выслушивания назначить место и время». После произнесения этой речи послы передали подарки, которые император «милостиво принял»: три драгоценные пубы из соболей, горностаев и белки; два кавалера посольства (zween Ritter der Gesandten) в свою очередь передали императору по величье шубе. Император повелел доктору Георгу фон Турну ответить

¹ Имеется в виду сын Мануила император Иоанн VIII (1425—1448), женившийся царевичем в 1411 г. на княжне Анне Васильевне, сестре Василия Темного.

² ПДС, ч. I, ст. 14—21.

и поблагодарить послов на том же «ломбардском» языке и пригласить их на аудиенцию, назначенную на утро следующего дня ¹.

К сожалению, сведений об этой аудиенции не сохранилось ни в русских, ни в немецких источниках. Судя по «памяти», данной послам в Москве, речь могла идти об установлении дружбы в общей форме. Никаких определенных политических целей в этот момент она еще не могла иметь. Однако несомненно, что за время пребывания за границей, особенно при дворе императора, московские послы собрали интересующие их сведения о взаимоотношениях между императором, венгерским королем Матвеем Корвином и Ягеллопами — королем Казимиром и его сыновьями. Эта политическая информация легла в основу тех переговоров, которые были продолжены в Москве.

Юрий Траханиот вернулся обратно с послом короля римского Георгом фон Турном (Делатором) ². 18 июля 1490 г. состоялся прием посла великим князем. Последующие затем переговоры коснулись двух вопросов: заключения союза и сватовства. Следуя своему дипломатическому обычаю, Ивац III предложил инициативу в возбуждении этих вопросов королевскому послу. Установление отношений «любви и единчества», по мысли короля, должно было быть оформлено письменным актом. Условия этого союза, изложенные Георгом фон Турном, носили односторонний характер; они касались помощи, которую великий князь должен был оказать королю Максимилиану для возвращения ему Венгерского королевства («истинного и праведного его отчества и наследия»). Противниками являлись: король чешский Владислав Ягеллон, его отец польский король Казимир, а возможно, также тот из остальных сыновей Казимира, кто выступит претендентом на венгерскую корону под предлогом, что «зван есмь от угр», или по личной инициативе. Во всех этих случаях московский великий князь должен был «въздвигнути брань па короля польского» и вести с ним войну до тех пор, пока не будет достигнута поставленная цель: «доколе упразднится от таковаго помешанья и до твоего (великого князя. — К. Б.) доброго разсудка и до довления короля Римского». В предложении фон Турна ничего не было сказано о помощи великому князю со стороны Максимилиана.

Зато была сделана попытка еще больше расширить этот односторонний союз в пользу Максимилиана. Георг фон Турн спра-

¹ L e c h m a n n. Chronica der Freyen Reichs-Stadt Speier (Chronicon Spirensis), Frankfurt a. M., 1711, кн. 7, с. 928.

² Никаких сведений о Георге фон Турне (Georg von Thurn) до его встречи во Франкфурте с московскими послами не имеется. Юрий Траханиот, который вел переговоры на «ломбардском наречии», называл его della Torre, откуда и произошло русское наименование «Делатор».

шивал великого князя, не согласится ли он «славы ради» послать своих людей (т. е. воинский отряд) к немцам? Сколько людей и на какое время великий князь может послать во Фландрию или в иные западные земли против «изменников» короля и их «пособников», а также против французского короля и других противников?

Иван III, не вступая в обсуждение условий союзного договора в том виде, в каком они были изложены послом короля, ограничился заявлением о согласии быть с королем Максимилианом в «любви, и в братстве, и в единачестве» против «педругов». Условия этого договора были изложены в «утвержденной грамоте» с печатью великого князя. Георгу фон Турну был сообщен порядок ратификации договора: «утвержденную грамоту» должны были повезти к королю назначенные московские послы; королю надлежало написать по московскому тексту свою «утвержденную грамоту», приложить к ней свою печать и «целовать на грамотах крест» перед московскими послами. В свою очередь московские послы после ознакомления с грамотой короля должны были «поцеловать крест» на грамотах за великого князя. Посол Максимилиана должен был привезти «утвержденную грамоту» в Москву, где последним актом ратификации договора являлась такая же клятва великого князя перед послом короля.

В этом детально и точно разработанном порядке заключения договора обращают внимание два обстоятельства. Во-первых, текст договора составлялся в Москве, король не мог в него вносить каких-либо изменений. Грамота немецкой стороны должна была быть написана по списку великого князя «слово в слово». Послам, отправленным к Максимилиану, было велено просить короля, чтобы его грамота была написана сербом или другим славянским «русским письмом». Если такого писца у короля не окажется и текст грамоты будет написан на латинском или немецком языке, то следовало с нее сделать русский перевод, очевидно, для сравнения в Москве подлинности немецкого текста со списком великого князя. При произнесении московскими послами клятвы над грамотой короля послы, в случае написания грамоты на немецком или латинском языке, должны были сделать следующую оговорку: «...будет королевская грамота докончанная писана по государя нашего списку, слово в слово, а перед тем в ней ни прибудет ни убудет, и мы на том целуем крест, что государь наш на той грамоте к королю целует крест, заеж мы латынские грамоты и немецкие не знаем; а будет та грамота королевская по по тому писана, а прибудет в той грамоте лишнее или убудет, и по то не на нашем государе, ни на нас»¹.

¹ ПДС, ч. I, ст. 41—42.

Большая осторожность, проявленная московской стороной в вопросе о заключении договора, не была, однако, результатом излишней подозрительности и неопытности. Она, наоборот, указывает на то, что в Москве придавали серьезное значение «утвержденной грамоте», а также и на то, что здесь были хорошо осведомлены относительно мелких подлогов и хитростей, широко распространенных в практике западной дипломатии.

Второй вопрос, о сватовстве, имел второстепенное значение. Посол Георг фон Турн вместо отвергнутого предложения маркграфа Альбрехта заявил о сватовстве короля Максимилиана и вновь безуспешно просил показать ему «девку», а также начать переговоры о приданом. Предложение Максимилиана было принято, но только при условии сохранения великой княжкой в замужестве «греческого закона». В подтверждение этого условия Максимилиан должен был выдать «утвержденную грамоту» со своей печатью.

Отпуская Георга фон Турна, Иван III «учинил его золотоносцем», пожаловал ему золотую цепь с крестом, а также атласную шубу с золотом на горностаях и серебряные золоченые остроги (шпоры). Высокая награда оттеняла разницу в отношении к Николаю Подделю, выступавшему с хвастливыми и вадорными речами, и к Георгу фон Турну, приехавшему в Москву с деловыми предложениями.

Для заключения договора с королем Максимилианом было отправлено посольство, состоявшее из Юрия Траханиота и Василия Кулешина. Их сопровождали Иван Халса и подьячий Юшко. Посольство везло разработанный в Москве текст «утвержденной» или «докопчальной» грамоты, являющейся выдающимся памятником русского дипломатического искусства конца XV в. и свидетельством зрелости русской юридической мысли.

Условия, изложенные в договоре, подразделялись на общее положение о союзе и взаимной помощи против недругов, и изложение конкретных случаев, когда военная помощь обязательно должна быть оказана каждой из договаривающихся сторон. Общее положение о союзе было выражено следующей формулой: «...где будет тебе, нашему брату Максимилиану кралю, надобе паша помочь на твоих недругов, и пам тебе помогати, где будет пам мочно; а где будет нам надобе твоя помочь на наших недругов, и тебе нам помогати, где будет тебе мочно». Оговорка «где будет... мочно» имела большое практическое значение. Из переговоров с Георгом фон Турном было известно, что король рассчитывал воспользоваться московской помощью не только в борьбе против Ягеллонов, являвшихся общими врагами и для Максимилиана, и для Ивана III, но и в войнах в западных землях Габсбургской империи. Между тем военная помощь Максимилиана московскому великому князю могла

принести пользу только в войне с Казимиром, так как для борьбы с татарами она была не нужна. Вполне понятно, что односторонняя помощь Максимилиану в областях, далеких и чуждых русским интересам, не могла быть приемлема для Ивана III. В Москве предвидели, что король может задать послам вопрос: будет ли великий князь помогать ему не только против Казимира и его сыновей, но и против других «недругов»? Послам было велено на этот вопрос отвечать ссылкой на «утвержденную грамоту»: «...в грамотах, господине, в ваших написано: где будет государю нашему мочно, и государь наш тебе помогает и на иных твоих недругов».

В противоположность этой общей и ни к чему не обязывающей формуле о взаимной помощи против всех недругов, вторая часть «утвержденной грамоты» содержала совершенно ясные и конкретные указания на случаи, когда помощь, оказываемая одной из договаривающихся сторон другой, становится обязательной. Это в первую очередь относилось к безусловным противникам, какими являлись Казимир и его дети: «...а быти нам с тобою на Казимера на короля и на его дети за один и до живота; а тебе с нами были на Казимера на короля за один и до живота».

Союз против Ягеллонов носил активный характер. Иван III давал обязательство помогать Максимилиану «вправду без хитрости», когда последний начнет «доставати своего отечества Угорского королевства себе» и встретится с противодействием Казимира и его детей, которые также начнут «Угорского королевства себе доставати». В свою очередь, когда великий князь начнет борьбу за великое княжество Киевское, которое «за собою держит Казимир, король польский и его дети, нашего государства русских земль» и пошлет об этом весть Максимилиану, последний должен помогать великому князю «вправду без хитрости». Если же одна из сторон начнет «валку» с королем Казимиром и с его детьми и не успеет об этом сообщить другой союзной стороне, то союзник, получив об этом известия другим путем, обязан оказать соответствующую помощь «вправду без хитрости».

В Москве предвидели случай, когда на основании этого пункта договора Максимилиан потребует немедленную помощь для овладения Венгерским королевством: «...яз нынеча ж хочю пойти доставати Угорского королевства, и князь бы великий мне помогал на короля на польского и на его дети». Послам следовало похвалить короля за то, что он хочет «свое дело делати», и предложить ему отправить своего посла к великому князю, который будет поступать так, «как с тобою записал». Однако, если бы король потребовал установления срока — «а захочет король рокн чинити», — то определенного ответа не следовало давать, ограничиваясь обещанием довести о его желании до сведения государя.

Последний пункт договора устанавливал свободный проезд по землям договаривающихся сторон для послов и купцов: «путь чист без всяких зацепок»¹.

Когда послы были на пути к Новгороду, возникли новые вопросы, потребовавшие обращения к великому князю за дополнительными инструкциями. Один из них касался процессуального момента. Георг фон Турп заявил, что предложенный великим князем порядок утверждения грамоты отличается от принятого у короля: великий князь должен прислать свою грамоту без печати (московская грамота была послана с печатью), к которой король, если «будет королю любо», поднесит свою печать.

Второй вопрос, возбужденный в дороге Георгом фон Турном, касался распространения условий договора на детей обеих государей. Наконец, королевский посол предложил, чтобы каждая из договаривающихся сторон не заключала отдельного мира с королем Казимиром без предупреждения другой договаривающейся стороны.

С этими вопросами в Москву был послан подьячий Юшко. Великий князь отпустил Юшку подьячего обратно, велел послам не задерживаться в пути, и обещал выслать к ним Юшку, как только будет изготовлена золотая печать для грамоты. Вместе с последним была отправлена «запись» к послам, содержащая ответы на вопросы королевского посла. В ней сообщалось, что золотая печать великого князя была подвешена к грамоте после того, как послу был прочитан текст грамоты и последним одобрен; грамота с печатью была послана для ускорения процессуальной стороны: «чтобы ваше дело не длинно было». Что касается внесения в текст грамоты обязательства детей, то сам король ничего об этом условии не говорил. Однако эта поправка признавалась излишней, так как, если оба государя будут находиться между собою «в любви, и в братстве, и в единичестве», то и дети их будут следовать этому соглашению. Если король все же будет настаивать на поправке, то просить у короля написать «опришную» грамоту за своей печатью; тогда великий князь в свою очередь даст такую же грамоту королю. По мнению Ивана III, не было необходимости и особо оговаривать условие не заключать отдельного мира с Казимиром, так как оно вытекало из основной формулы союза: «быти нам на Казимера на короля и на его детей за один и до живота». «И коли..., — добавлял Иван III, — написано и до живота, ино как одному без другого мрится?»

Московские послы Юрий Траханиот и Василий Кулешин «наехали» короля Максимилиана в Нюрнберге 22 марта 1491 г.

¹ ПДС, ч. I, ст. 37—40.

в самый разгар войны за венгерскую корону, которая началась успешно для римского короля.

19 августа 1490 г. Максимилиан занял Вену. Осенью он направился с крупными силами в Венгрию и уже 17 ноября овладел главным замком в венгерской столице — Буде. Этим, однако, успехи Максимилиана ограничились. Ландскнехты, жалуясь на неуплату денег, в которых Максимилиан испытывал острый недостаток, подняли бунт. Между тем Владислав с войсками находился вблизи Вены. В этих затруднительных обстоятельствах Максимилиан собрал сейм в Нюрнберге, на который прибыл за четыре дня до приезда московских послов. По их сообщению, король обратился к князьям с просьбой о помощи, и последние «ялися ему помогати» и послали собрать воинских людей.

Таким образом, момент был очень благоприятный для того, чтобы Максимилиан, крайне нуждавшийся в помощи и в союзниках, принял предложенные ему условия соглашения в том виде, в каком они были изложены в московском тексте. Максимилиан утвердил присягой «докончальную грамоту» и, отдав ее московским послам, отпустил их 23 июня 1491 г.

В то время как Максимилиан утверждал соглашение о дружбе и взаимной помощи с великим князем, Венгрия фактически уже находилась в руках Владислава. В связи с этим у Максимилиана возник обширный план создания при помощи Ивана III могущественного союза против Ягеллонов, который должен был без активного участия римского короля отвоевать венгерскую корону и в то же время развязать ему руки для французских дел, которые вновь заняли первое место в имперской политике. В предполагаемый северный блок против Казимира должны были войти: великий князь Московский, гроссмейстер Тевтонского ордена, прусские города и магистр немецкого ордена в Ливонии. Кроме того, предполагалось, что благодаря союзу Ивана III с Менглы-Гиреем и с господарем Стефаном Ягеллопы окажутся под ударом и с южной стороны. Это должно было заставить их отказаться от притязаний на Венгрию. Таким образом, давнишнее стремление Габсбургов к приобретению венгерской короны должно было осуществиться в результате удачных дипломатических комбинаций, не требовавших от Максимилиана ни материальных, ни человеческих жертв.

Кроме того, существовал еще один проект тоже при помощи Москвы приобрести шведскую корону либо для самого Максимилиана, либо для его сына Филиппа. Трудно установить, когда возникла эта идея, но то обстоятельство, что еще Николай Понцель, а затем Георг фон Турн неизменно возвращались из своих путешествий домой окружным путем через Швецию, указывает на большую заинтересованность Габсбургов делами Швеции.

Если под управлением Стен Стурпа Швеция успешно боролась с датским королем, то другой ее положение наблюдалось на русско-финляндской границе. Можно было ожидать, что шведское дворянство согласится отдать корону одному из Габсбургов, заключивших союз с могущественным московским государем. Благодаря этому оно могло надеяться на укрепление безопасности со стороны России. Доверенным лицом Максимилиана в этих тайных политических замыслах являлся Георг фон Турн¹.

Юрий Траханиот и Василий Кулешин возвратились в Москву 30 августа 1491 г. Посол Максимилиана Георг фон Турн приехал почти через три месяца, 20 ноября. После обычного приема у великого князя состоялось утверждение договора: «...князь великий крест целовал перед королевым послом перед Юрьем».

После утверждения «докончальной грамоты» Георг фон Турн перешел к ряду практических предложений, вытекавших, по его мнению, из условий договора. Сообщив, что его король уже «почал доставати» свое «отечество», Угорское королевство, но что ему мешают дети Казимира, Владислав Чешский и Альбрехт, он просил великого князя от имени короля помогать ему против Казимира и его сыновей «со всею своею силою».

Между тем Иван III оказался более осведомленным в политических событиях, чем могли ожидать Максимилиан и его посол. Георгу фон Турну сообщили, что великий князь по договору собирался против Казимира и его детей «со всеми силами» и сам готов был «на конь всести», но получив известие, что Угорским (Венгерским) королем стал Владислав Чешский, а король Максимилиан с ним помирился, — он то дело «поотставил». Дело шло о Пресбургском мире, заключенном Максимилианом с Владиславом 7 ноября 1491 г. По условиям этого мира Владислав, женившийся на вдове Матвея Корвина, Беатриче Неаполитанской, получил венгерскую корону, которая в случае прекращения мужской линии его семьи переходила к Максимилиану или его потомкам. Максимилиану возвращались австрийские земли и, кроме того, уплачивалось 100 тысяч венгерскими гуль-

¹ К сожалению, в Венском государственном архиве (Haus-Hof-und Staatsarchiv) не удалось обнаружить дипломатической инструкции Георгу фон Турну, данной ему при отправлении во второе посольство к Ивану III. В Reichsregisterbücher Kaiser Maximilians I сохранился отпуск верительной грамоты, датированной 20 марта 1491 г. в Нюрнберге. Он устанавливал обширный список лиц, которых Георг фон Турн, выполняя поручение короля, должен был посетить при возвращении из Москвы; в это число входили: губернатор шведской короны Стен Стурп, ряд епископов и бургмейстеров, советы городов Любека, Ревеля и Риги, гроссмейстер немецкого ордена в Пруссии (Тевтонского) князь Иоганн фон Тифен, магистр Ливонского ордена Иоганн Фрейтаг фон Лоринкхоф, ландмаршал Ливонского ордена Вальтер фон Шлеттенберг и многие другие.

денами. Знали ли сам Георг фон Турн о состоявшемся примирении его короля с Владиславом? Хотя мир был заключен уже после того, как он выехал из Любека, по трудно допустить, чтобы он не был осведомлен о переговорах между Максимилианом и Владиславом, существенно изменявших ближайшие плацы короля.

Не менее интересен был второй повод обращения за помощью к великому князю, касавшийся положения Тевтонского ордена в Пруссии. Торнский мир 1466 г. нанес сильнейший удар по Ордену и положил начало подчинения его польской короне. Не ограничиваясь присоединением земель (королевской Пруссии) по условиям этого мира, Казимир предъявил притязания на Данциг, Торн и некоторые другие города, платившие раньше подати прусскому магистру, но после Торнского мира освободившиеся от этой зависимости. По словам Георга фон Турна, король Казимир, «понеж нынеча многодетен», решил подчинить эти города своей власти на тех же основаниях, на которых они раньше были подчинены магистру. В результате создавшегося положения этим городам одновременно угрожала опасность с трех сторон: со стороны Казимира, прусского магистра, от которого они раньше «отступили», и Штеттинского князя, являвшегося зятем польского короля. Эти города обратились к Максимилиану с просьбой, чтобы он их «принял под цесарство и держал, как и прочие города неметские», т. е. на основе вассальной зависимости, с обязательством уплачивать королю определенную дань («а им бы присягати к нему уроком неким»). Максимилиан послал Георга фон Турна к бискупу (епископу) Кольванскому (Ревельскому) с повелением отправиться к прусскому магистру и уговорить его не препятствовать переходу Данцига, Торна и других городов под цесарскую власть: «...занеж лутче есть вам, чтобы те города были под нашим цесарством, откуда к вам и пришли, а оттуды вам и бошшая надежа будет, нежели быти под королем польским, которой вас изневолил». Кроме того, Георг фон Турн имел поручение побудить прусского магистра через кольванского бискупа разорвать Торнский мир, навязанный ему силой без ведома цесаря, и выступить против Казимира. В этом деле король рассчитывал на помощь великого князя московского и просил его взять «в свое соблюдение» магистров прусского и ливонского, а также Данциг, Торн и другие города, стремившиеся избавиться от власти польского короля.

Отсутствие немецкого текста заявления Георга фон Турна, сохранившегося лишь в современном ему русском переводе, затрудняет понимание точного смысла предложения короля. Из дальнейших переговоров по этому вопросу выясняется, что король имел в виду защиту великим князем Ордена и отложившихся от него городов против Казимира. Через некоторое время

после сделанного предложения Георг фон Турн сообщил, что им получены грамоты и ответ от прусского и ливонского магистров, которые в полном «соединении» и согласии между собой заявляли о готовности выступить против Казимира, если они будут поддержаны великим князем: «...они готовы послушать и учинить пришедшее повеленье паяспейшаго краля римскаго, государя их, всегда, коли величствие твое будет вооружен в войне, токмо да они и их чин святыя богородица будут истинствуемы, что им быти в ...соблюдении твоего величества ныне и вперед...» Кроме того, предполагалось, что между великим князем и ливонским магистром будут улажены все порубежные споры и уничтожена вражда на будущие времена. Для этой цели Георг фон Турн предлагал послать из Москвы «людей справедливых и искусных на знание и на обыскание таких браней, которые бы смотрели в правду, а не себя ублагодарити». Далее посол уведомлял, что для разрешения всех этих вопросов собирается съезд в Кенигсберге («в Кошперх в Пруския земли») в мае месяце, куда приглашались и московские представители.

В «речах» Георга фон Туерна несколько раз упоминалось, что его король считает земли прусского и ливонского магистров владениями империи. Так, в одном случае оба магистра были названы «поддержавниками» Максимилиана; в другом случае о Ливонской земле было сказано, что это — «земли подсудные царства римского и моего государя» (т. е. короля римского). Как опытный дипломат, владевший тонкостями современного ему искусства, Георг фон Турн считал необходимым польстить великому князю: к Ивану III обращаются за помощью, зная, что он «от вседержителя бога есть испромышлен великою землею и мочным государством». Эти слова позволяют думать, что Георг фон Турн знал известный ответ великого князя Николаю Попелю по поводу коронации. Далее посол выражал уверенность, что и впрямь великому князю «испромышлену быти», т. е. суждено приобрести новые земли, по тут же поспешил добавить, что это не касается орденских владений, составивших лен «пре-святой богородицы» («кроме того места пречистыя госпоже нашей»). Смысл этой сентенции заключался в том, что господь бог не будет отнимать землю у своей «пречистой» матери.

Политическая цель предложений Максимилиана, изложенных в «речах» его дипломата, совершенно ясна. Максимилиан надеялся при помощи Ивана III разрушить весьма невыгодный для Габсбургов Торнский мир. Кроме того, обещая свою помощь для возвращения московскому великому князю великого княжества Киевского, он хотел получить гарантию неприкосновенности Ливонских владений.

Ответ великого князя указывает на большую осторожность, проявленную им в данном вопросе. Великий князь соглашался

принять обоих магистров к себе «ца соблюденше», но только в том случае, если они об этом будут ему «бити челом». Тогда «смотря по их челобитью, своего для брата Максимиана короля, хотим их жаловати, принять их в свое соблюденше, и хотим за них стояти и грамоту свою на то им дадим, как будет пригоже». Но в то же время великий князь решительно отказывался посылать своих представителей для заключения перемирия на немецкий съезд. «От давних лет», писал Иван III, прежние магистры присылали в Новгород «бити челом» о перемирии и писали с Новгородом перемирные грамоты. Когда же великий князь стал «держать» свою «отчину» Великий Новгород «в своей воле», магистр и архиепископ и бископы присылали «бити челом» в Новгород к великокняжеским наместникам. Теперь Новгород держат «великие люди» и на съезд посылают «честных же людей». Иван III твердо настаивал на сохранении этого порядка и на будущее время.

Интересный спор возник по поводу употребления слова «челобитье» в перемирной грамоте. Георг фон Турн просил обращение магистров к великому князю называть не «челобитьем», а «молением», т. е. просьбой. Очевидно, имелось в виду особое значение слова «челобитье», как форма обращения вассала к своему сюзерену. Однако Иван III остался непреклонным и в этом вопросе.

Таким образом, посольство Георга фон Турна не разрешило ни одного из практических вопросов. Совершенно ясно, что в Москве не верили в выполнение Максимилианом взаимных обязательств. Неожиданный отказ короля от продолжения борьбы за венгерскую корону и примирение с Владиславом должны были произвести самое неблагоприятное впечатление, тем более что Георг фон Турн скрыл это от великого князя. В Москве правильно подозревали, что король вернулся из венгерской земли по причине изменившихся политических целей — «на иные на свои дела». Это указывало на отсутствие у короля устойчивости во внешней политике.

Необходимость на месте проверить эти подозрения и ближе ознакомиться с положением дел вызвала отправление к Максимилиану нового московского посольства, в которое вошли Юрий Траханиот и Михаил Кляпик-Еропкин. Иван III сообщал королю, что от его посла он слышал, что он, король, «почал доставати своего отчества Угорскаго королевства, в нем же божию милостию благоденствуешь», но одновременно от других лиц он узнал, что король с Владиславом помирился, уступив ему венгерскую корону. В будущем Иван III готов помогать королю и твердо держаться условий договора. «И как учнешь свое дело делати, — сообщал Иван III, — доставати своего отчества Угорскаго королевства, и ты бы иные свои дела

по(о)ставя, да пристал бы есп к тому к своему делу накрепко, а к нам бы еси приказал, как почнешь то дело делати и как имаешь стати».

Послы доликши были дорогой собирать сведения о Георге фон Турне, куда он пошел из Колывани (Ревеля), и о короле Максимилиане. Ивана III особенно интересовал вопрос о причине примирения Максимилиана с Владиславом, о характере заключенного перемирия (временное или постоянное). В Москве знали, что тем «другим делом», ради которого Максимилиан прекратил борьбу за венгерскую корону, являлось «Бретанское дело» (герцогство Бретань). Поэтому послы должны были разузнать, «каково его (Максимилиана. — *К. Б.*) дело с Фрянцозским королем о Бретанском деле». Интересовал также вопрос о положении Австрии — основного владения дома Габсбургов. Из расспроса в Москве посла молдавского господаря Стефана Мушаты, было известно, что венгерский король удержал за собой ряд городов и мест, занятых еще Матвеем Корвиним. С другой стороны, несколько городов и мест в венгерской земле держал за собой Максимилиан. Послам был сообщен для проверки не только список городов, но и имена венгерских и хорватских бапов и бискупов, перешедших на службу к Максимилиану. Наконец, Ивана III интересовала судьба и третьего претендента на венгерскую корону, сына Матвея Корвина Януша. По сведениям в Москве, за ним остались владения его дяди у Ласлова. Таким образом, Иван III требовал от своих послов самой широкой политической информации. Все добытые сведения должны были немедленно посылаться в Москву.

Первые известия с дороги были сообщены из Колывани (Ревеля). Главным источником политических новостей являлись моряки и купцы иностранных кораблей, приходивших в Колывань для закупки ржи. Только во время пребывания московских послов в Колывани туда пришло десять кораблей из Фландрии, Любека и Данцига. По собранным через иностранцев сведениям, Максимилиан действительно «валчится» с французским королем, который захватил «обрученицу» (невесту) Максимилиана и занял герцогство Бретань («землю Бертанскую»). Некоторые подробности удалось получить и от Георга фон Турна, намеревавшегося из Колывани ехать в Швецию. По его словам, Максимилиану в войне с Карлом VIII помогали короли английский, испанский, португальский, шотландский (скотский) и все немецкие князья.

Более подробные сведения о делах Максимилиана стали поступать из немецких городов. В Любеке послы застали королевского посла Индрика из Нюрнберга (Нюрберчанина), который был прислан к Любеку и другим городам с просьбой о помощи. Кроме того, при московских послах в Любек прибыл гонец

Максимлиана Иван из Швабии. Оба королевских посланца оказались очень словоохотливыми и сообщили москвичам ряд ценных сведений. Наиболее важными из них были условия примирения Максимилиана с Владиславом. Выяснилось, что между ними было установлено не перемирие, а «вечный мир». Максимилиан отказывался от занятых им земель в Венгрии и Хорватии, взамен которых ему была возвращена Австрия. Владислав был признан венгерским королем до самой смерти с условием ежегодной выплаты Максимилиану 20 тысяч золотых «угорских». После смерти Владислава венгерская корона должна была перейти к Максимилиану, а в случае смерти последнего — к его сыну. При отсутствии сыновей венгерскую корону наследовал один из членов Габсбургского дома («кто ни будет Максимилианову роду, тому держати Угорское королевство»).

Полученные сведения подтверждали и дополняли рядом подробностей известия о войне Максимилиана с Карлом VIII. Максимилиан, доносил московские послы, «стал накрепко залчпш с Францовским королем с Иваном» (Карлом VIII). Сначала на стороне французского короля находились три немецких князя: Баварский, зять польского короля, Алиберт, зять цесаря, и палатин Кандо (Кандополятино). Когда Максимилиан выступил против этих князей с войсками, последние «добили ему челом» и «содиначилися» с ним. Максимилиан назначил сбор всех своих союзников, королей и князей, на французской границе на «рождество пречистые», т. е. 8 сентября 1492 г. Чешско-венгерский король Владислав и хорватские князья также обещали помогать Максимилиану, но им помешал турецкий султан, который подошел с большими войсками к венгерской границе и остановился в Сербии в городе Смедерове, вблизи Белграда. Турецкие силы исчислялись в 260 тысяч человек, тогда как Владислав имел против них всего 60 тысяч человек. Сообщалось также о вражде между Владиславом и его братом Альбрехтом по вопросу о наследовании польской короны.

Таким образом, Иван III из доносений своих послов мог составить вполне достоверное и достаточно полное представление о политическом состоянии Центральной Европы и об изменившихся планах короля Максимилиана. Эти сведения еще больше утвердили осторожное отношение к царскому двору. Они уничтожали всякую надежду на возможность воспользоваться царской помощью против сыновей короля Казимира. Заключение «вечного мира» между Максимилианом и Владиславом без уведомления великого князя явилось серьезным нарушением утвержденной «докончальной грамоты».

В своем доносении от 25 августа 1492 г. послы сообщали, что в Любек, проездом в Москву, прибыл человек эрцгерцога Сигизмунда Тирольского Михаил Сцупс. Последний привез от

короля Максимилиана московским послам и Георгу фон Турну две грамоты, написанные на латинском (фрязском) и немецком языках. «И мы, государь, — писали послы, — ту грамоту (латинскую. — К. Б.) чли, а другая грамота по-немецки, высоким языком писана, и нам, государь, ту грамоту переводил любской печатник Вартоломей». С этих грамот послы отправили списки «слово в слово» в греческом переводе, и для себя «сколько уразумели, столько по-русски перевели»¹.

Михаил Спунс, прибыв в Москву, представил великому князю грамоты от короля Максимилиана и его дяди, эрцгерцога Сигизмунда. Оба сообщали, что «верный слуга» эрцгерцога Михаил Спунс послан для изучения стран и пародов и для ознакомления с их обычаями и языками: «...земли видети и чюдных речей смотрити, которые тамо многие есть и могут быти, о которых нам часто всказывают, и розного уроженья языков учити для нашей чести». Из ответа великого князя известно, что Михаил Спунс стремился получить разрешение ездить до «дальних земель» Русского государства, — «ниже есть под истоком на великой реце Оби». Великий князь «для дружбы и братства» содержал Михаила Спунса «в своем жалованьи», по решительно воспретил путешествие на р. Обь под предлогом «великого» расстояния и дальности пути. Даже люди великого князя, отправляющиеся для сбора дани, писал Иван III, доходят до тех земель с великим трудом по причине неудобства пути. В начале января 1493 г. Михаил Спунс был отпущен обратно тем же путем (через Ливонию), которым он прибыл в Москву².

Юрий Траханиот и Михаил Кляпик-Еропкин после месячной вынужденной остановки в Любеке только 15 января 1493 г.

¹ Список этих грамот в посольской книге не сохранился.

² Ф. Аделунг предполагал, что донесения Михаила Спунса о его посольстве хранятся в Вене или Инсбруке. Однако разыскания, предпринятые по просьбе М. П. Алексеева директором исторического архива в г. Инсбруке проф. Отто Штольцем, это предположение не подтвердили (М. П. А л е к с е в. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. 1, Иркутск, 1932, стр. XLII).

Действительные причины путешествия Михаила Спунса в Россию и его стремления получить доступ к далеким северо-восточным землям неизвестны. Во всяком случае его «любопытность» имела иные источники, чем «любопытность» Николая Поппеля. В качестве одного из предположений можно связать миссию Спунса с открытием в августе 1491 г. золотой, серебряной и медной руды на р. Цильме. Если это открытие, в котором с русскими Андреем Петровым и Василием Болтинным участвовало двое немцев Иван и Виктор, стало известно в Германии, то оно должно было вызвать большой интерес у Фуггеров, державших в своих руках разработку благородных металлов во всех Габсбургских владениях. В зависимости от Фуггеров находился как Максимилиан, постоянно нуждавшийся в денежных средствах, так и его дядя Сигизмунд — эрцгерцог тирольский.

прибыли к королю Максимилиану в город Кольберг, «на рубеже высокие Бергонии, в Елзеской земле».

Политическая обстановка в Западной Европе к моменту прибытия московских послов в Кольберг вновь претерпела значительные изменения. Первый этап ожесточенной борьбы между Францией и Габсбургами закончился вскоре после смерти первой супруги Максимилиана Марии Бургундской заключением мира в Аррасе (23 декабря 1482 г.), по которому Артуа и Франш-Конте должны были составить приданое для маленькой дочери Максимилиана и Марии Бургундской, Маргариты. Последняя была объявлена невестой дофина Карла и отправлена на воспитание к французскому двору.

Мир в Аррасе далеко не соответствовал политическим планам короля Людовика XI, стремившегося к полному объединению Франции и к укреплению своей восточной границы. Его особенно беспокоила судьба севера Франции — Бретани. После смерти своей супруги Марии Бургундской Максимилиан обручился с Анной, наследницей Бретанского герцогства. Против Франции был создан внушительный союз из Максимилиана, Фердинанда Арагонского и английского короля Генриха VII.

Новому королю Франции Карлу VIII удалось разрушить предполагавшийся брак Максимилиана. Основываясь на своем праве сюзерена Бретанского герцогства, он 6 декабря 1491 г. женился на Анне. В связи с этим браком возникал сложный вопрос о судьбе его невесты, дочери Максимилиана Маргариты. Сложившаяся на Западе обстановка, чреватая серьезными последствиями для империи, заставила Максимилиана отказаться от борьбы за Венгрию и сосредоточить свое внимание на Франции. Однако и Карл VIII не склонен был вести тяжелую войну с союзниками. По миру, заключенному 23 мая 1493 г., он уступил Максимилиану Франш-Конте, Шароле (Charolais) и Артуа.

В начале 1493 г., когда Максимилиан принимал московских послов, в предвидении близкого мира с Карлом VIII, он уже вынашивал новые обширные планы создания антитурецкой лиги из «христианских» народов Европы.

В Венском государственном архиве сохранилась запись переговоров московских послов с королем Максимилианом, в виде нескольких вопросов, заданных московскими посланцами королю, и ответов последнего. Делая вид, что им ничего неизвестно о Пресбургском мире, послы сообщили королю, что великий князь Иван узнал от «слуги и посланца» римского короля Георга фон Турна о желании Максимилиана вновь возвратить свою «отцовскую землю» Венгрию от чешского короля Владислава и его брата Яна Альбрехта и просит оказать ему помощь согласно заключенному договору. Максимилиан отвечал, что

хотя союз иснарушим, но пз-за войны с французским королем, которую он принужден был начать вследствие непредвиденного нарушения последним всех договоров, он по совету со своим королем — отцом, а также курфюрстамп и государственными сословиями отказался от войны в Венгрии. Хотя Георг фон Турн вследствие этой войны в Венгрии был отправлен к Ивану с соответствующим поручением, сам он должен был обратиться против Франции. Он, однако, надеется, что эта война скоро окончится также победоносно, как она велась до этого времени.

Послы отвечали: великий князь, вступив в войну с Казимиром и его сыновьями, узнал, что Максимилиан с королем Владиславом в отношении Венгрии помирился; отсюда будто бы отошел и, следовательно, «оставил Венгрию в противозаконном обладании». Поэтому после получения достоверного известия об этом великий князь задержал свою помощь, однако он во всякое время готов ее вновь оказать. Согласно обоюдному соглашению, великий князь все-таки не намерен заключать мира с Казимиром и его сыновьями и теперь требует этого же по договору от Максимилиана.

Максимилиан отвечал, что он и в дальнейшем будет придерживаться заключенного соглашения и не будет им пренебрегать, но что он самым решительным образом протестует против того тона, который теперь применен по отношению к нему. Когда он сражается против Франции, он все-таки думает о союзе. Далее король сообщал, что он теперь намерен послать посольство в Богемию и Польшу, так как лучше воевать с турками, чем проливать «христианскую кровь» друг друга. Он думает, что настоящее русское посольство ради турецких дел могло бы со своими полномочиями отправиться к польскому королю в Бреслау и к великому князю (герцогу) Александру, который там еще находится, как и чешский король, и уже затем вернуться домой. Если русское посольство пожелает со своей миссией туда направиться, то оно должно действовать в изложенном направлении. Если же Иван не даст на это своего согласия, то пусть он все-таки соблюдает союз. Король надеется, что он больше не будет принужден вести войну с христианами, подобно тому как это случилось в отношении Франции и Польши. Он примирился с чешским королем в отношении Венгрии по той причине, что последний отошел от польского короля (Казимира), а теперь и от молодого (Яна Альбрехта) и готов вместе с ним воевать против турок.

Московские послы, ничего не отвечая на предложение короля вступить в антитурецкую лигу, ограничились заявлением, что когда Максимилиан приступит к возвращению Венгрии, то пусть он об этом сообщит великому князю, который готов ему

помогать против общих врагов, польского короля и его сыновей. На этом переговоры закончились¹.

Таким образом, посольство Юрия Траханюта и Михаила Кляпика-Еропкина установило полное замешательство в первоначальных намерениях Максимилиана. Последний не только не собирался выполнить условий договора, но был готов вступить в союз с врагами Москвы ради целей, которые в данный момент были совершенно чужды русским интересам.

Есть основание предполагать, что после посольства Юрия Траханюта и Михаила Кляпика-Еропкина Максимилиан намеревался еще продолжить переговоры с великим князем и отправить посольство в Москву. В Венском государственном архиве сохранилась следующая верительная грамота, датированная 8 апреля 1494 г. в Фюссене: «Король Максимилиан удостоверяет, что граф Вильгельм фон Загорцен и Бартоломей фон Моддрус, доктор прав, его советники и послы (Oratoren) являются его полномочными посланцами у великого князя Ивана»². Посольство это, по видимому, не состоялось; по крайней мере никаких следов о нем в русских источниках не сохранилось. Обе стороны, Иван III и Максимилиан, к 1494 г. убедились в отсутствии между ними общих интересов, и дипломатические сношения между ними прекратились. Они возобновились в 1502 г. в других условиях и на другой политической основе.

¹ Венский государственный архив (Haus-Hof-und Staatsarchiv). Russica, fasc. 1 a, fol. 2—7.

² Wien. Haus-Hof-und Staatsarchiv. Maximiliana, fasc. 2 a, fol. 352.

ПОГРАНИЧНАЯ ВОЙНА О ВЕЛИКИМ
КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ

(1487—1494)

1

Отсутствие посольских книг по сношениям с Литвой и Польшей до 1487 г. лишает нас, к сожалению, возможности проследить историю русско-польско-литовских отношений, в этот период подвергавшихся все большему и большему обострению. Этот недостаток в источниках лишь частично восполняется по материалам крымских посольских книг. В первой половине 1484 г. в Москве находился посол короля Ян Забережский. Отправленному в июле этого года в Крым князю Василию Ноздреватому было велено, в случае если хан обратится к нему с вопросом о королевском деле, отвечать, что посол был прислан «о порубежных делах, а иных дел за ним ни которых не было»¹. Судя по посольским наказам, дипломатические переговоры с Казимиром не прерывались в течение этого времени (1484—1487). В Москве очень опасались, чтобы в Крыму их не приняли за свидетельство примирения великого князя с королем, и под этим предлогом не пошли бы на примирение с Казимиром. В 1486 г. Менглы-Гирею было дано русскими послами такое объяснение отношений между великим князем и королем: «...послы меж их ездят о мелких делах о порубежных, а гладости некоторые по миру осподарю нашему великому князю с королем нет». На предполагаемый вопрос хана, следует ли ему посылать своих людей воевать королевскую землю, наказывалось отвечать в утвердительном смысле: «...запеж король тебе недруг и осподарю моему недруг; ино бы недруг ваш чем истомнее, тем бы лутши». При этом надо было указать, что люди великого князя «безпрестанно емлют королеву землю». Однако на вопрос, пошлет ли Иван III свои войска, если Менглы-Гирей отправится в королевскую землю, было велено дать уклончивый ответ: «...осподарь

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 43.

мой князь велики с тобою один человек на короля; твое дело п свое делает, как ему бог поможет»¹. В 1487 г. Менглы-Гирей сообщил Ивану III, что им задержаны королевские послы, и спрашивал совета, как с ними поступить. Великий князь отвечал: «...ино король вопчей наш педруг, твой недруг да и мой; ино ведаешь сам, как над его послы учинити»².

Хотя порубежные столкновения происходили с начала восьмидесятых годов, но серьезный характер они приобрели лишь с конца 1486 г. К этому времени на всей огромной русско-литовской границе окрепла московская власть. В Новгороде успешно утвердился московские порядки. На юге повгородской земли в волости Мореве сидел злейший противник короля князь Федор Бельский. Тверская земля была отдана в «вотчину» великому князю Ивану Ивановичу. В Можайске сидел брат великого князя Андрей, связанный с ним новым «докончанием» 1486 г. Этим московским служилым и «удельным» князьям, а также наместникам пограничных городов принадлежала активная роль при разворачивании порубежной войны. Момент для ее начала был выбран очень удачно. Юго-западные дела поглощали все внимание короля, который на продолжительное время в начале зимы 1486 г. покинул Литву. Польша успешно готовилась к войне с Турцией.

Недостаток источников, к сожалению, не дает нам возможности выяснить, как устанавливались в это время отношения между Москвой и зарубежными русско-литовскими удельными князьями, происходили ли тайные переговоры, подготовившие переход многих из них на московскую сторону. Сильное движение русско-литовских удельных князей, поднявшееся навстречу московскому наступлению, делает весьма вероятным наличие предварительного соглашения³.

Иван III, сообщая Менглы-Гирею, что его, великого князя, люди «безпрестанно емлют королеву землю», давал откровенное объяснение тем непрерывным порубежным столкновениям, которые в течение ряда лет являлись предметом посольских переговоров. Изучая эти столкновения, мы убеждаемся в том, что в них отсутствовал элемент случайности или личной инициативы

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 48—49.

² Там же, стр. 60.

³ Нам почти ничего не известно об ответных мероприятиях Казимира по усилению обороны литовско-русской границы. Покидая Литву, он не мог не знать о надвигающейся с московской стороны опасности. Трудно также допустить, чтобы он полностью мог полагаться на своих служебных русско-литовских православных князей. Ф. Р а р е е. (Указ. соч., стр. 136) относит к числу этих мероприятий некоторые перемены в пограничных наместниках: брянское наместничество было отдано князю Дмитрию Путятичу-Друцкому; вместо него в Мценск и Любутск был назначен князь Иван Юрьевич Трубецкой.

отдельных московских вотчинников. Наезды московских пограничных властей и «заседаше» ими городов и волостей распространялись на ту территорию, которая в первую очередь стала объектом требований Ивана III о возвращении их под московскую власть, как старинной «отчины» московского государя. В большинстве случаев эти спорные земли отошли к Литве при Витовте и во время борьбы Василия Темного с галицкими князьями.

После того как литовские князья заняли всю территорию Смоленского княжества с городом Смоленском, а также полосу окраинной спорной территории, они окружили образовавшийся Смоленский повет со стороны Москвы «поясом княжеств и владений, отдававшихся в судебно-административном отношении наместникам, причем все эти княжества и владения в Смоленске имели свое военно-политическое средоточие. Смоленск сделался центром военного округа, выставлявшего передовую рать против самого опасного врага Литовско-Русского государства — Москвы, а его наместник — главным начальником этого округа, политическим агентом и уполномоченным великого князя в области, наполненной неблагоприятными политическими элементами»¹.

Необходимо признать, что после договора 1449 г., заключенного Казимиром и великим князем Василием Васильевичем, на территории Смоленской земли было сделано многое для укрепления новых границ и для превращения Смоленского повета в военно-политическую базу. Особое внимание было обращено на его юго-восточную часть, составлявшую владения «верховских» князей дома Михаила Всеволодовича Черниговского. В результате многочисленных пожалований Казимиром была значительно увеличена площадь владений князя Федора Львовича Воротынского, тянувшихся широкой полосой по левому берегу Оки и по р. Угре. Земли князей Воротынских составили как бы передовой заслон по отношению к порубежной московской территории. С запада к ним примыкали «отчины» родственников им князей Новосильских, Трубецких и Мосальских. В западной части Смоленского повета было сохранено старое Вяземское княжество, возникшее в середине XIV в. В пограничной части этой территории, в верховьях р. Москвы и в верхнем течении р. Воры, расселились многочисленные князья Глинские, которые, таким образом, отделили владения Вяземских князей от московской границы.

Хотя земли «верховских» князей входили после 1449 г. в состав государственной территории великого князя Литов-

¹ М. К. Л ю б а в с к и й. Областное деление, и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 286—287.

ского, но верховные права последнего в отношении этих земель были ограничены. По договору 1449 г. великий князь литовский не имел права произвольно увеличивать размер дани и пошлин с этих земель: «А Верховский што будут издавна давали в Литву, то им и нынечи давати, а болши того не примышляти»¹. В отношении «верховских» князей установился двойной вассалитет, в силу которого сюзеренные права великого князя литовского неизбежно сталкивались с такими же правами великого князя московского. По утверждению Ивана III, эти князья служили на «обе стороны»².

К северу от Вяземского княжества, у границ Тверского княжества и Новгородско-Псковской земли, также лежали земли, вызывавшие многолетние споры об их принадлежности: Ржев, Торонец и Великие Луки. Экономическое и военно-политическое значение Ржева определялось его положением в верховьях Волги. По договору 1449 г. Ржев с волостями отходил на московскую сторону, причем была точно установлена граница размежевания. Великий князь литовский сохранял право на часть дани, таможенных и судебных пошлин. В особой записке, составленной для великого князя литовского о «Ржевской дани», сообщалось: «Дань Ржовская здавна по тому шла господарю королю его милости п к Новугороду и к Мосъкве»³. Это дало возможность Казимиру послать в Ржевские волости своих наместников, которые судили население и брали с него дань.

В совместном владении Литвы и Новгорода находились северные волости Торонецкого повета. По договору, заключенному Новгородом с Казимиром в 40-х гг. XV в., был установлен размер дани, вносившейся в Литву, со следующих Торонецких волостей: Молвятиц (на р. Шеберихе, впадающей в правый приток Ловати — Полу), Кунска, Березовца (у озера Селигер), Стержи (у озера того же названия), Моревы, Сеняны, Жабны (по р. Старице, впадающей в Полу), Лопастич, Буйца, Лук (Лук Великих), Любокова и Заклинья⁴.

После присоединения Новгорода к Москве политическое положение в пограничной полосе новгородско-литовских владений резко изменилось. Новгородские паместники стали сами присижать в Ржевские волости или посылать своих людей для сбора дани, которая раньше поступала владыке, посадникам и отдельным новгородским боярам. «А как князь великий Новгород взяти и вечно им сказал, — сообщается в литовской записке

¹ АЗР, т. I, № 50.

² Сб. Русск. ист. об-ва, т. 35, стр. 51.

³ Литовская метрика, РИБ, т. 27, № 140. Записка была составлена вскоре после присоединения Новгорода к Москве.

⁴ АЗР, т. I, № 39; М. К. Любавский. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 286.

о Ржевской данц, — наехал князь Лыко на Ржеву и на Луки и тут во Ржеве почал судить и рядить, и вины брати, и грабити — што хотел, то чинил; а владыце Новгородскому и бояром не дал ничого их пошлин брати, вси на себе почал брати». Хотя действия новгородских наместников основывались на договоре 1449 г., по которому король обязывался «не вступатися» в Ржеву с волостью, но они вызвали сопротивление со стороны литовских наместников и тиунов Казимира. Так, московский наместник в Новгороде, приехав в Будкиниччи, королевского наместника Описима «вѣбил до смерти», а также побил часть его слуг. Когда же островский наместник пан Богдан «всадил» нового королевского наместника Зенько, то новгородский наместник, дождавшись, когда уехал пан Богдан со своими людьми, ночью напал на дом Зенько. Но последний с женой и детьми другими воротами «утек в лес». «А Зенько, — сообщается далее в записке, — от тых мест, как втек з женою и з детьми до Острия, и теперь в Острии живет, а во Ржеву не смють ехать, бо хвалятся его потерять».

Подобные же сцены происходили и в соседнем Бардовском погосте. Князь Ивап Лыко послал своего слугу Бурца, который перехватил на дороге старого литовского наместника Еську и «забил до смерти».

Эти действия новгородских властей, которые автор записки старался представить как самоуправство и грабеж, в действительности преследовали вполне определенную политическую цель: уничтожение двоевластия и закрепление Ржевских волостей за Москвою. Ее население поэтому неоднократно приводилось к присяге. Автор указанной записки сообщал, что в Будкиниччах население трижды приводилось к присяге: один раз людьми, посланными князем Иваном Лыко, и два раза Константином, причем последний приводил к присяге даже «малых ребят» 5—6-летнего возраста. Тот же князь Иван Лыко посылал своих людей приводить к присяге все население Бардовской волости «и малых и великих». Жалуясь на то, что, помимо наместников московского великого князя, новгородский владыка и бояре также собирают свои пошлины с Ржевской волости, автор записки заметил, что между новгородцами и москвичами не было разгласий — «одна их вся дума»¹.

Столкновения по вопросу о правах обеих сторон на Ржевские волости вызвали многочисленные представления и жалобы со стороны Казимира, который, несмотря на совершенно ясный смысл договора 1449 г., утверждал, что Великие Луки, Ржев и Чернокунство (Холмский погост) принадлежали к числу волостей великого княжества Литовского. Жалуясь на то, что

¹ Литовская метрика, Русс. ист. биб-ка, т. 27, № 140.

московские наместники не дают его людям собирать дань, он требовал возвращеня к тем порядкам, которые действовали во времена самостоятельности Новгорода: «Казимир король и великий князь всказал: а то ся для того делает, пж наместников от себе там посылаеш на Великий Луки таких, какии наместники пред тым ни бывали там здавна от Великого Новагорода; а для того данинком нашим шкодно и дани наше за тым нам не сполняют и доходов, которы ж и шредком нашим хаживали и нам сампл». Далее король сообщал, что московский наместник в Великих Луках не пустил туда наместника короля папа Сенька Григорьевича «дел наших смотреть и дани наше брать»¹.

После перехода на службу к Ивану III князя Федора Ивановича Бельского началась борьба за его «отчину», Бельское княжество, лежавшее по течению рек Обше и Лучесе (притоки р. Межи). Небольшая территория этого княжества, как отмечалось выше, имела большое военно-политическое значение. Вдаваясь клином между Вяземским княжеством и Ржевской землей, она представляла удобную базу для действий в обоих направлениях.

Нападению с московской стороны подвергались и соседние с Ржевской — Торопецкие волости. Принимая на службу князя Федора Ивановича Бельского, Иван III не случайно выделил ему вотчину в южной части Новгородской земли, вблизи литовской границы. Центром владения князя Бельского была Морсва, местоположение которой было удобно для действий против северных Торопецких волостей. По заявлению Казимира, переданному через послов в Москве, в 1489 г. князь Федор Бельский со своими людьми приходил в следующие торопецкие волости: Казаринскую (около Торопца), Столпню, Воротигорцы, Попизовье (на р. Серезе), Унцово, Наволок (около озера Кубина), Мирилово (при озерах Аксеновском и Агафоновском), Сельцо (на р. Ловати), Тяполово (на р. Серезе), Полесье². Большинство этих волостей были расположены между верховьями рек Ловати и Западной Двиной. По словам Казимира, он с этих волостей не получал доходов в течение 11 лет, т. е. с 1478 г., со времени присоединения Новгорода. По его подсчетам, общая сумма убытка за это время для королевской казны составила 8562 рубля.

В следующем году эти нападения повторились. Особенно пострадала Казаринская волость. Люди князя Федора Ивановича Бельского, «наехавши войском, волость звоевали». При этом было сожжено 500 домов («подымья») и 500 человек («голов») уведено в плен, а «битых и вешаных и раненых и числа нет».

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 15.

² Там же, стр. 35. Список Торопецких волостей приведен в книге М. Л ю б а в с к о г о. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства, стр. 285—286.

В этом же году вслуцкий наместник «отрубил» восточную половину Торопецкой волости Дубно и присоединил ее к Ржевским волостям ¹.

В 1491 г. московский наместник в Черюкунстве (Холмском погосте) Андрей Колычев посылал своих «многих людей» на Торопецкий погост Бологое. В этом же году Андрей Колычев вновь приходил «войною» в Торопецкую волость, причем торопецкий наместник короля был убит. Часть Торопецкой и Казаринской волостей («многие земли») были присоединены к Холмскому погосту ².

Восточная часть Вяземского княжества подвергалась нападениям с двух сторон: Твери и Можайска. Нападения со стороны Твери начались вскоре после того, как потерявшее самостоятельность Тверское княжество было отдано князю Ивану Ивановичу (сыну Ивана III). Одновременно со стороны Можайска действовал князь Андрей Васильевич (брат Ивана III).

В 1487 г. посол Казимира жаловался, что люди Андрея Васильевича «повоевали» земли князя Михаила Дмитриевича Вяземского и разорили Хлепецкие волости (город Хлепень на р. Вазузе). В другой раз они приходили в волости Могилен (на р. Могиленке, притоке Вори), Негоды и Миценки. Потом его же люди «воевали» волость Ореховку (на р. Истре, притоке Вори). Около 1486 г. люди Андрея Васильевича воевали Дубровскую волость и разорили двор Дубровский (село Дуброво на р. Жижоле, притоке Угры) князя Михаила Вяземского, а наместника его увели с собой. Была также «повоевана» волость Ждат (Гжатск?), а волость Ореховку кн. Андрей Васильевич «на себя засел с людьми» ³. В 1488 г. посол короля вновь жаловался, что люди Андрея Васильевича приходили в волость к Дмитрову (на р. Угре) и «многи шкоды людем нашим починили, люди побили и иных в полон головами повели, животы и статки побрали».

В том же году владения Вяземских князей подверглись нападению со стороны людей Ивана Ивановича «Молодого» из Тверской земли. Князь Василий Оболенский, Юрий Елизаров (Олизаров) и Андрей Истома со «многими людьми», посланные Иваном Ивановичем «Молодым», разорили Хлепень, а также «повоевали» волость Труфанов, принадлежавшую князю Борису Дмитриевичу Вяземскому, и волости Пегомир и Сочовку — владения князя Василия Бывалицкого ⁴.

Нападению подвергались и соседние с Вяземским княжеством владения многочисленных князей Глинских. По сообщению

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 36.

² Там же, стр. 54—55.

³ Там же, стр. 1—2.

⁴ Там же, стр. 16.

Казимира, люди великого князя «засели» волости Глинских Щателшу (на р. Воре) и Судилов. В 1488 г. Андрей Васильевич посылал своих людей в отчину Глинских, волость Турье¹.

Около 1487 г. были заняты также соседние с вяземскими волости князей Крошинских (Филиппа и Константина): Тешинов, Сукромно, Олховец, Надславль и Отъездец².

Под такими же ударами с московской стороны находилась вся пограничная полоса на юг от впадения р. Вори в Угру, с расположенными на ней многочисленными владениями «верховских» князей. В 1487 г. посол Казимира жаловался, что люди князей Одоевских, служивших Ивану III, а также князя Ивана Михайловича Перемышльского (Воротынского) приходили к городу Мезоческу (Мешовску), принадлежавшему мезецким князьям. Затем люди великого князя приходили на отщину князя Тимофея Владимировича Мосальского Недоходов (на р. Тече)³. Нападения на Недоходов повторялись со стороны людей Василия Давыдовича из Медыни. В жалобах литовских послов упоминаются также нападения на Меск, Бышковичи (на р. Березине, впадающей в Угру) и Лычипо (на р. Безвели) — владения князей Дмитрия и Семена Федоровичей Воротынских⁴. В 1489 г. земли Воротынских и других «украинных» князей подверглись повому серьезному нападению. По словам Казимира, в походе с московской стороны участвовало 11 воевод, которые «под городом (Воротынском) были, города добывали, место выжгли, бояр и боярынь много поимали и всех головами семь тысячъ повели»⁵.

На крайнем южном участке московско-литовской границы зимой 1488 г. нападения производились из Калуги на Мценск и Любутск. По словам короля Казимира, основывавшегося на донесении мценского и любутского наместника князя Ивана Трубецкого, московские люди приходили под литовские города «полками». В Филиппов пост (ноябрь) калужане трижды «восвали» любутские волости, причем был взят в плен воевода литовского наместника Василий Протасьев⁶.

Под московским натиском, одновременно производившимся со многих пунктов порубежной территории, литовская оборона оказалась совершенно бессильной. В источниках отмечается только одно поражение московских воевод, краткое известие о котором сохранилось в Софийской 2-й летописи: «Тое же весны (6997) посылал князь велики князя Василья Кривого княжа

¹ Сб. Рус. ист. об-ва, т. 35, стр. 20. «И теперь держит на имя Кошмяков».

² Там же, стр. 3. «...А держит деи то от себя Василий Долматов».

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 35.

⁶ Там же, стр. 19 и 37.

Иванова сына Юрьевича Воротынского воевати, и иных порубежных городов Литовских, оп же много повоева и возвратис; и присла король на него со многою силою своих воевод, и придоша изгоном и победиша князя Василья, многих побиса и в полон поведоша»¹. Однако никаких результатов этот частичный успех литовских воевод не имел².

Таким образом, в течение 1487—1489 гг. на всем протяжении московско-литовской границы происходила мелкая порубежная война с большим перевесом на русской стороне. Особенностью этой войны было то, что она велась не общими силами великокняжеских войск под начальством его воевод, а пограничными московскими властями, удельными князьями и наместниками и состояла из ряда отдельных нападений. Не трудно установить, что этим нападениям подвергалась как раз та территория, на которую во всех последующих переговорах распространялись притязания Ивана III, основанные на исторических правах его предков. Таковы были Луки Великие, Ржевские и Торопецкие волости, которые Иван III причислял к составу новгородских земель. Такова была и спорная территория в верховьях Оки и по Угре, владельцы которой служили в прежние времена «на обе стороны». Вполне понятно поэтому, что, несмотря на разрозненность мелких походов пограничных московских властей, они не могли быть проявлением местной инициативы; в основе их лежало осуществление общего плана действий, направлявшегося из Москвы.

К каким же результатам приводила эта пограничная война, по которую Иван III в откровенном признании Мсиглы-Гирею заявил, что его люди «беспрестанно смют королеву землю»? Одним из ближайших последствий ее было полное расстройство литовской обороны всей пограничной полосы на довольно значительную глубину. Обращает внимание массовый увод жителей за московский рубеж, особенно значительный в юго-западной части. Как было отмечено выше, только во время похода около 1489 г. из владений Воротынских и других «украинных» князей было выведено, по словам Казимира, 7 тысяч человек. Переселение такого большого количества людей следует поставить в связь с мероприятиями Ивана III по заселению южной окраины посредством основания слобод. Из духовной грамоты Ивана III

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 239. Гр. Рарее принимает Василия Кривого и «князя Иванова сына Юрьевича Воротынского» за разных лиц, между тем как несомненно, что это одно лицо: князь Василий Кривой, сын Ивана Юрьевича Воротынского.

² Гр. Рарее (Указ. соч., стр. 144) рассматривает неудачу князя Василия Кривого как крупную победу литовских воевод, в результате которой «грозный московский натиск потерял силу размах». Из дальнейшего изложения видно полная необоснованность подобного утверждения.

мы узнаем, что слободу Ослу на р. Шане «садил» Василий Карамышев, а другую слободу также на Шане «садил» Товарков. В этом же районе существовало несколько слобод, устроенных Андреем Картазовым, Дмитрием Загряжским и Иваном Гладким¹.

С другой стороны, потеря литовскими землевладельцами значительного населения должна была поставить их в весьма затруднительное положение и усилить среди православных князей стремление стать под покровительство могущественного московского великого князя.

Поход московских воевод под Воротыньск, на который указывали послы Казимира в 1489 г., и по результатам отличался от предшествующих столкновений. Повидимому, ближайшим его последствием был переход на сторону Москвы князей Воротынских и Белевских. В декабре 1489 г. (6998) в Москву приехал «служить» великому князю князь Дмитрий Федорович Воротынский «с своею отчиною». В этом же году в Москву приехали «со своими отчинами» князь Иван Михайлович Перемышльский (Воротыпский) и князья Белевские Иван, Андрей и Василий².

Подробности перехода этих князей под московскую власть мы узнаем из жалобы Казимира, переданной Ивану III через посольство Станислава Петрашковича в 1490 г. Дмитрий Федорович Воротынский не только «бил челом в службу» Ивану III «со всею своею отчиною», но и захватил «дольницу» своего брата Семена Федоровича, а также и его казну. Бояр и слуг Семена Федоровича он привел к присяге и велел себе служить. Таким образом, ему удалось передать Ивану III, кроме своей отчины, города Серенск и Бышковичи, а также волости Лычино и Недоходов. В эти города и волости он посадил своих наместников.

Двоюродный брат Дмитрия Федоровича, его «братанич» Иван Михайлович Воротыпский (Перемышльский), «отъехал» к великому князю, повидимому, несколько раньше. В посольских речах князя Тимофея Мосальского, бывшего в Москве осенью 1487 г., Иван Михайлович Воротыпский упоминается в числе лиц, которые литовским князьям и королевским людям «многие насильства починили». Ответ Ивана III гласил: «А князя Ивана Воротыпского король зовет своим за посмех; князь Иван бил челом служить государю, и государь об нем к королю и с отказом посылал, а князь Иван от себя к королю человека своего посылал и целованье с себя сложил».

Отсутствие посольских книг по сношениям с Литвой и Польшей до 1487 г. не позволяет установить более точно время пере-

¹ СГГД. ч. I, № 144.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 219.

хода Ивана Михайловича Воротынского на службу к Ивану III. Обстоятельства перехода князей Белевских, содержащиеся в жалобах Казимира, также расходятся с летописной записью. Когда кн. Иван Васильевич Белевский «побег» от короля, то он, по словам Казимира, «безведомно» пришел в «отчину» своих братьев. Василий Васильевич был схвачен и насильно приведен к присяге в том, что не будет служить Казимиру. Андрея Васильевича в это время не было в его «отчине», он находился у короля. Тогда Иван Васильевич взял его «отчину» «за себя» и «привел к крестному целованию» его бояр, слуг и черных людей ¹.

Таким образом, в сообщении Воскресенской летописи о приезде литовских князей оказались соединенными разновременные события; они отнесены к декабрю 1489 г., когда на службу к Ивану III перешли князь Дмитрий Федорович Воротынский и князь Иван Васильевич Белевский.

Отъезд Воротынских и Белевских вызвал острые дипломатические пререкания между Иваном III и Казимиром. Вскоре после прибытия Дмитрия Федоровича Воротынского, тоже в декабре 1489 г., Иван III послал к королю Григория Путятина с известием об этом: «...что служил тебе Дмитрией Феодорович Воротынской, и он пынеча нам бил челом служить, и тебе бы то ведомо было». Вместе с Григорием Путятиным был отправлен человек князя Дмитрия Воротынского, который с последней остановки должен был опередить московского посла и от имени своего князя «сложить целование» королю. Король не принял отказа и велел передать великому князю, что князь Дмитрий Воротынский «присягнул и записался и докончание вчинил» королю и великому князю литовскому и что «про то мы с тою присяги его не выпускаем» ².

Дело Воротынского, а также Белевских вновь рассматривалось в Москве в 1490 г. с королевским послом Станиславом Петряшковичем. Интересным в этом споре было то, что обе стороны не настаивали на известном средневековом праве вассалов свободной службы сеньеру. Казимир ссылался на «докончание и присягу», которые эти князья и их отцы давали великому князю литовскому. Иван III доказывал, что «те князи на обе стороны служили с своими отчинами... ино то есть наши слуги» ³.

¹ Сб. Русск. ист. об-ва, т. 35, стр. 48 и 58.

² Там же, стр. 39—40.

³ Там же, стр. 47—51. По «родословцу» (Временник Моск. о-ва ист. и др. рос., т. X, стр. 70 и 157) князья Белевские Васильи и Федор Михайловичи служили великому князю Василию Дмитриевичу и жили на Волоке Ламском. Повидимому, они вместе с отцом прибыли в числе других северских князей с князем Свидригайло, кото-

Из числа отъехавших к Москве князей самым чувствительным для Казимира был отъезд Дмитрия Федоровича Воротынского, которого король имел основание считать среди русских князей одним из наиболее верных своих вассалов. Сначала порубежной войны Дмитрий Федорович Воротынский упорно противодействовал московскому наступлению. Вместе с Воротынским к Москве отходила обширная и важная в военно-политическом отношении территория. Возможно, что именно переход Дмитрия Федоровича Воротынского на московскую сторону побудил короля Казимира обратить больше внимания на положение дел в Литве и поспешить туда после длительной отлучки. В январе 1490 г. Казимир еще находился в Польше (Сандомире, Опатове и Люблине). Но 18 февраля он был уже в Гродно. В Литве король оставался до конца апреля, когда вновь принужден был вернуться в Польшу для присутствия на сейме в Кракове¹.

Во время этого кратковременного пребывания Казимира в Литве в Москву было отправлено посольство папа Станислава Петряшковича с резким протестом против действий московских властей, занятия порубежных городов и волостей и принятия на службу московского великого князя литовских владельцев. За все время дипломатических сношений между Иваном III и Казимиром они не достигали такой остроты, как в этот момент. Представления, сделанные от имени короля Станиславом Петряшковичем, можно считать, пользуясь позднейшей терминологией, ультимативными. Король, перечислив занятые московскими властями города и волости, требовал, чтобы великий князь «в тьи наши города и в волости не велел вступатися, а за то бы еси с нами нежытья не хотел».

На два основных требования короля Иван III дал отрицательный ответ. Станиславу Петряшковичу было заявлено, что великий князь не ведает, чтобы королевским людям производились «кривды великие» от московских людей и что он не держит за собой волостей, земель и вод королевской «отчины». «А нам от короля великие кривды делаются: наши города и волости и земли наши король за собою держит»². То, что великий князь поименно не называл этих «земель и вод», позволяло расширенно понимать его слова: ведь Русью являлась не только спорная порубежная территория, но и расположенные далеко от московской границы земли русских княжеств, вошедшие в со-

рому великий князь Василий Дмитриевич дал Владимир со всеми волостями, Переяславль, Юрьев-Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны (ПСРЛ, т. VIII, стр. 82). Василий Дмитриевич впоследствии отпустил князей Белевских в их отчину Белев.

¹ Fr. P a r é e. Указ. соч., стр. 400—401 (Itinirarium Casimiri IV).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 46—51 (посольство Станислава Петряшковича).

став Литовского государства. Хотя в данный момент Иван III еще не заявлял притязаний на всю эту территорию в качестве государя «всей Руси», но приведенные слова из ответа королевским послам приоткрывали завесу над его широкими политическими планами.

Ответ великого князя на ультимативные требования короля должен был бы стать, выражаясь позднейшим дипломатическим языком, *casus belli*. Однако, как мы видели, этого не случилось; Казимир, не дождавшись возвращения посольства Станислава Петрипковича, уехал в Польшу, куда его призывали заботы о судьбе венгерской короны. В Вильне, как и в Кракове, могли лишь убедиться в том, что словесные угрозы являлись мало действительным средством в Москве. Правда, кроме войны, оставалась еще одна возможность политического давления на Москву: стеснение или даже прекращение русской торговли на территории великого княжества Литовского. Однако и это средство не дало желанных результатов. Многочисленные жалобы, заявленные по этому поводу из Москвы, показывают, что дело шло не о случайных грабительских нападениях на русских купцов, а о систематическом ограблении их, которое могло производиться только с ведома правительственной власти. Купцов грабили на перевозе через Днепр, у Тавани, на Западной Двине, по дорогам в Полоцк и Вильно, в Киеве, в Смоленске и в других местах; грабили мытники под предлогом неуплаты пошлин, грабили и королевские наместники. У московских, тверских и новгородских купцов отбирали товар, а самих их сажали «в колоду»¹.

Осенью 1491 г. Казимир вернулся в Литву и мог снова заняться литовско-московскими делами. Действительно, тотчас по приезде короля в Гродно в Москву был отправлен послом Василий Хребтович². Ничего существенно нового в отношении между Казимиром и Иваном III его посольство не вносило: повторялись старые жалобы на паезды московских людей, на принятие на московскую службу вассальных князей, на занятие ими городов и волостей. В случае невыполнения его требований король вновь грозил войной: «...про то бы еси в ты князи (перешедших на московскую службу. — *К. Б.*) не вступался и в их отчины, и которые города и волости наши держат ты князи, которые ж были тебе челом в службу з нашим жаловапьем, штобы еси в ты наши города и у волости не велел им вступаться, а за то бы еси з нами нежитья не хотел».

¹ Сб. русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 43—45 («списки жалобные»).

² До конца сентября 1491 г. Казимир находился в Радоме (Гр. Р а р е с, Указ. соч., стр. 403). 20 октября датирована его «верючая» грамота, данная в Гродно Василию Хребтовичу, отправленному послом в Москву (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 53).

Ответ Ивана III и по содержанию, и по общему тону значительно отличался от ответа, данного в свое время на аналогичное представление Станислава Петряшковича. Великий князь на этот раз явно избегал всего, что могло бы усилить имевшиеся осложнения. Разрешение всех спорных дел откладывалось до будущего московского посольства к королю: «а ож даст бог о тех речех обошлем короля своим послом». Не вспоминая о многочисленных грабежах на литовской территории русских купцов, Иван III дал полное удовлетворение в отношении убитых на московской земле двух смоленских купцов; убийцы были казнены, а стоимость похищенного товара великий князь обещал возместить из своей казны. Такой же характер носила передача королевскому послу отбитых в степи «под Ордою» литовских полоцянников.

Не намереваясь удовлетворить требования короля по существенным вопросам и умышленно затягивая по ним переговоры, Иван III становился на путь возможного примирения. Таким образом, в позиции Ивана III произошла значительная перемена между июнем 1490 г. (посольство Станислава Петряшковича) и декабрем 1491 г. (посольство Василия Хребтовича). Если в первом случае Иван III готов был на открытую войну, то во втором — он, видимо, стремился избежать ее, удовлетворившись достигнутыми успехами в порубежной территории. Причину такого изменения следует искать во внешне политической обстановке. Со смертью в Венгрии короля Матвея Корвина (5 апреля 1490 г.) у Ивана III окончательно исчезла надежда на образование сильной антигеллоновской коалиции. Без нее в данное время Иван III не решался на открытую «большую войну», целью которой должны были стать не пограничные волости и города, а обширные земли Руси, находившиеся под литовской короной.

Казимиру пришлось долго и напрасно ждать обещанного посольства. В марте 1492 г., потеряв надежду на скорое прибытие московских послов, король отправил в Москву Войтко Ключко. «Што есмь до тебе посла нашего посылали о наших делех, — сообщал Казимир великому князю, — о волостех паших и о землях и о водах, о многих делех обидных, которые кривды ся деют нам и землям нашим и подданным нашим от тебе с твоей земли, ты к нам на тыц дела нашим послом и первыми наши послы шичего не отказал; только то к нам нашими послы отказываепт, иже мел еси о тых наших делех к нам отказати своими послы; ино и до сих мест о тых наших делех от тебе отповеди не маем».

В промежуток времени между двумя посольствами произошли новые набеги с московской стороны. В отличие от предшествующих лет, когда нападения производились местными московскими

властям, теперь они исходили от русско-литовских князей, недавно перешедших на московскую сторону. Так, по словам Казимира, находившиеся на московской службе сыновья князя Семена Юрьевича Одоевского, воспользовавшись отсутствием их двоюродного брата кн. Федора Ивановича Одоевского, бывшего в это время у короля, заняли его отчину, принадлежавшую ему половину города Одоева и волости, составлявшие его удел, захватили его мать, а бояр и «врядшиков» частью «поимали», частью «привели к крестному целованию»¹. В то же время перешедший к Ивану III князь Иван Васильевич Белевский со многими людьми пришел «отчину» своих братьев Андрея и Василия, продолжавших служить Казимиру, взял со своего брата Василия крестное целование в том, чтобы ему больше не служить королю, и захватил «отчину» другого отсутствовавшего брата Андрея, а бояр его, слуг и черных людей «привел к крестному целованию». Тогда же люди князя Дмитрия Воротынского с калужанами и черемышлянами «выбрали и выграбли» четыре Брянские волости, причинив, по заявлению брянского наместника, убыток на 200 коп грошей.

При этих нападениях вновь под ударами с московской стороны оказался бассейн верховьев Оки, где особенно упорно старалась закрепить московская власть. Хотя трудно было сомневаться, что эти воинственные действия бывших королевских вассалов, отдавшихся под власть московского государя, производились с его ведома, а может быть, по его распоряжению, однако Иван III формально оставался в стороне. В Москве дело изображали так, будто спор шел между членами одних княжеских родов за старшинство в своем роде, за «великое княжение». Иван III, последовательно уничтожавший остатки феодально-удельной системы в своей стране, горячо поддерживал ее в пограничной литовской территории, а в деле князей Одоевских даже обратился за помощью к королю. В ответ на жалобы, что служившие Москве дети князя Семена Одоевского захватили отчины своих двоюродных братьев, Иван III сообщал, что у них было только к ним «слово о вотчине о большом княжение по роду по старейшинству» и что, по его сведениям, «пригож... быти на большом княжение нашему слуге князю Ивану Семеновичю Одоевскому». Поэтому пусть король велит своему слуге князю Федору Ивановичу Одоевскому «смолву учинити о большом княжение» со своими братьями — слугами московского государя.

¹ На московской службе находился сыновья Семена Юрьевича Одоевского, перешедшего к Ивану III в 1473 г.: Иван, Василий и Петр. Федор Иванович Одоевский был сыном старшего брата Семена Юрьевича, — Ивана Юрьевича и, следовательно, приходился двоюродным братом Семеновичам.

Свои жалобы, переданные через Войтко Ключко, король Казимир заканчивал требованием полного удовлетворения, «абы для таких дел меж нас нежитья не было», но эта формула, повторявшаяся уже третьим посольством, не производила впечатления в Москве. Было ясно, что король не собирался воевать за литовские пограничные земли и готов был идти на мирное «докончание». На этот раз ответное посольство с Иваном Никпичем Берсенем-Беклемишевым было отправлено к королю вслед за отпуском Войтко Ключко¹. Никпиче Беклемишеву не удалось выполнить посольские поручения: узнав по дороге о смерти короля Казимира, умершего 7 июня 1492 г. в Городне, он вернулся обратно.

Данная Никпиче Беклемишеву «память», содержащая полный текст речи, которую он должен был произнести в качестве ответа великого князя на все предшествовавшие жалобы короля, ясно определяла позицию, занятую в данное время Иваном III по отношению ко всем основным спорным вопросам. Те обвинения в захвате чужой территории, которые король предъявлял московскому государю, Иван III возвращал своему противнику: «ино мы не ведаем, которые бы кривды от нас з паших земель тебе и твоим землям делались, и где бы наши люди почали твоим людем лихо чинити; а волостей и земля и вод твоих за собою не дрѣжим, а з божиею волею дрѣжим земли и воды свои, которые нам дал бог». Не московский великий князь, а король владеет непринадлежащей ему землей: «и ты бы наших городов и волостей наших земель и вод, которые дрѣжиш за собою, нам поступился, а тем бы еси всем обидным делом управу учинил, а лихих бы еси велел сказнити, а за то бы сам с нами нежитья не хотел». Это была, конечно, слишком широкая и неопределенная формула для того, чтобы она могла стать основой мирного соглашения. Иван III предвидел, что его послу будет задан вопрос: какие города и волости имеет в виду великий князь? В ответе следовало назвать город Хлещень с волостями, Рогачев и «иные волости». В отношении остальной территории Иван III стоял на принципе «uti possidetis». Луки Великие, Ржев и Холмский погост составляли неотъемлемую часть Новгородской земли и поэтому являлись вотчиной московского государя. Земли, которые «отселл» на московскую сторону бывшие вассалы короля, князья Одоевские, Воротыньские и Белевские, должны были остаться под властью Ивана III, так как эти князья служили прежде «на обе стороны» и их переход к Москве являлся возвращением к прежнему государю².

¹ Войтко Ключко выехал из Москвы 14 мая 1492 г., Никпич Беклемишев отправился 18 мая.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 61—66.

Таким образом, Иван III в несостоявшемся посольстве Ивана Берсена-Беклесишова впервые в общем виде определял объем своих территориальных требований. Это является важным указанием на то, что в данный момент он отказывался от более широких политических целей и, ограничившись существенными преимуществами, достигнутыми в порубежной полосе, готов был на переговоры о прекращении враждебных действий. Неожиданная смерть короля Казимира создавала новую ситуацию.

2

В начале 1492 г. международная политическая обстановка сложилась вполне благоприятно для Москвы. Договор с императором хотя и не имел ближайших практических последствий, но все же должен был вызвать тревогу в Польше. К тому же король, занятый устройством венгерских и чешских дел, не мог оказать серьезной помощи литовской половине своей державы. Грамота Менглы-Гирея и донесения московских послов из Крыма вселяли в Ивана III уверенность в готовности крымского хана отправиться в новый поход в королевские земли. Орда «Ахматовых детей» заметно ослабела и в данное время не могла уже предпринять какие-либо серьезные действия против порубежной русской территории.

В цепи этих благоприятных для Ивана III событий неожиданная смерть короля Казимира в Городне в июне 1492 г. была едва ли не самым значительным¹. Она вновь поднимала в Польше и Литве болезненный вопрос о продолжении династической унии, которой настойчиво добивалось польское панство. Убежденные на опыте правления Казимира, что объединение Литвы и Польши под одной короной выгодно только Польше, литовцы решили поспешить с избранием отдельного государя. С этой целью папы рады упростили королевича Александра не сопровождать тело отца в Польшу, выставив в качестве официальной причины возможное нападение неприятелей². Поспешность, с которой еще из Городни были разосланы приглашения на избирательный сейм, указывает, что литовские папы рады решили поставить Польшу перед совершившимся событием. Для съезда

¹ Казимир умер в Городне 7 июня 1492 г.

² В послании к князьям и панам Вольнской земли Александр Казимирович писал: «Ино виделося паном великого княжества Литовского, раде наивысшей отца нашего короля его милости, абых тут застал у вочине нашей, у великом княжестве Литовском и Руском, для некоторых пригод и нагабаний неприятельских на отчину нашу, на великое княжество Литовское и Руское, ажбы некоторые неприятели, побачивши тую нашу пригуду, боже уховай, не сягнули на тое папство, на отчину нашу, на великое княжество Литовское и Руское, для того ссмо тут и зостали» (АЗР, т. I, № 100/1).

участников сейма в Вильно был установлен небольшой срок. Старшие из земель в числе 10—20 человек должны были собраться в Вильно к дню «святого Ильи» (20 июля); остальные должны были оставаться при замке «для часу пригоды»¹. Избрание Александра Казимировича на Вилепском сейме произошло без особых препятствий, хотя князь Семен Олелькович, бывший одним из кандидатов, явился с вооруженным отрядом в 500 человек. Паны рады заявили на сейме, что, согласно желанию покойного короля, выраженному им перед смертью, старший сын Ян Альбрехт должен был получить польскую корону, а Александр Казимирович — литовскую. 30 июля был совершен обряд возведения Александра на великое княжение².

Смерть короля Казимира и избрание отдельного государя для Литвы явились удобным моментом для решения силой московского оружия спорных пограничных вопросов. Александр Казимирович не мог, по крайней мере в ближайшее время, рассчитывать на польскую помощь. Кроме того, разнообразные внутренние дела, неизбежные при начале нового княжения, должны были его отвлекать от вопросов внешней политики.

В августе 1492 г. Иван III послал князя Федора Телепня-Оболенского с ратной силой на города Мценск (Мценск) и Любутск (Любутск). Крепости этих городов были сожжены, а литовский наместник Борис Семенович Александров, а также мценские и любутские бояре с их семьями и другие многие жители были уведены в «полон»³. Позднее Иван III в ответ на жалобы Александра Казимировича отвечал, что мченяне и любучане «приходят от его наместников на наши украинны безпрестани», жгут волости и села, уводят людей и «сторожей наших, которые стерегут хрестьянства и бесерменства, грабят и бьют»⁴. Действительно, Иван III писал еще королю Казимиру: «Ездили наши люди на поле оберегать христиан от бусурманства, а твои люди напали на них из Мценска, Брянска и других мест; из Мценска же наезники перебили сторожей наших на Донце, ограбили сторожей Алексинских, сторожей на Шати, из Любутска нападали на Алексян»⁵.

Любутск и Мценск по своему местоположению, несомненно, играли немаловажную роль в обороне южной московской границы. Нахождение в литовских руках укрепленного Любутска, расположенного на правом берегу Оки между Алексием и Калугой, на участке, чаще всего подвергавшемся в конце XV в.

¹ АЗР, т. I, № 100/II.

² М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 135—136.

³ ИСРЛ, т. VIII, стр. 235; Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 73.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 76—77.

⁵ М. Л ю б а в с к и й. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 122.

нападениям татар, крайне затрудняло оборону этого порубежного района. Из Мценска, стоявшего на р. Зуше, литовцы производили нападения на московские сторожевые посты, выдвинутые далеко в степь.

Осенью же 1492 г. московские войска заняли Хлепень, принадлежавший князю Михаилу Дмитриевичу Вяземскому, а также расположенную по соседству волость Рогачев, составлявшую владение пана Ивана Ходкевича¹. На жалобу Александра Казимировича по поводу занятия этих мест людьми великого князя Иван III отвечал, что Рогачев является «из старины» волостью Тверской земли, а Хлепень в старых «докончальных грамотах», а также в «докончальной грамоте» Казимира был записан «в московскую сторону»².

Очень важен был переход на службу к Ивану III новой группы верховских и вяземско-смоленских князей. Существенное значение по своим последствиям имел переход к Ивану III князя Семена Федоровича Воротынского «со своею отчиною». Затем около этого же времени, в августе — октябре, к Москве «отехали»: князь Михаил Романович Мезецкий, князья Андрей и Василий Васильевичи Белевские и князь Андрей Юрьевич Вяземский³. Политическое значение этого перехода усиливалось тем обстоятельством, что все указанные князья в предшествующие годы верно служили королю и паходились во враждебных отношениях с теми своими родственниками, которые раньше перешли на московскую сторону. В свою очередь переход этих князей на московскую службу сопровождался острыми столкновениями с родичами, оставшимися на литовской стороне. Князь Михаил Романович Мезецкий силой «изымал» двух своих братьев, Семена и Петра. Иван III велел послать их в «заточ-

¹ Александр Казимирович сообщал Ивану III: «... люди твои, в головах Василей Ланин и Андрей Истома, пришедши со многими людьми войною, город князя Михайлов Хлепень засели, а волость пана Иванова сына Рогачев теж засели и извосвали, а заместников их головами со многими людьми в полоп повели и животы и статки побрали» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 73).

² Там же, стр. 77. В договоре 1449 г. Казимира с великим князем Василием Васильевичем Темным было написано: «...а Федора Блудова и Александра Боровова сына Хлепенского, и князя Романова Фоминаского, и их братья и братанчов отчины, земля и воды, все мое великого князя Васильевы» (АЗР, т. I, № 50).

³ С извещением о переходе этих князей на службу к Ивану III был послан к Александру Казимировичу Дмитрий Загрязский, выехавший из Москвы 5 января 1493 г. Это было первое московское посольство к Александру Казимировичу. Александр Казимирович не принял «отказа». В своем ответе он сообщил: «...ино князь Семен и тып, о которых еси нам правил, наши слуги суть, а в нас они в присяже, а то вчинили, нам челом не вдаривши и присяг с себе не сложивши» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 80—85).

ние» в Ярославль, а князя Михаила Романовича «пожаловал его же отчиною и повелел ему себе служить»¹.

Переход Семена Воротынского, Михаила Мезецкого и двух братьев князей Белевских давал возможность Ивану III занять довольно значительную территорию на левом берегу верховьев Оки, составлявшую «отчины» и «дольницы» этих князей. Князь Семен Федорович Воротынский, «сдучи... на великого князя имя», занял города Серпейск и Мезецк. Занятие этих городов, повидимому, находилось в связи с переходом к Ивану III князя Романа Мезецкого. Около этого же времени служивший Ивану III князь Михаил Воротынский (Перемышльский) с князьями Семеновыми детьми Одоевского, по словам Александра Казимировича, приходили с войсками к городу Мосальску; они сожгли город, а князей Мосальских с их женами и детьми и многих жителей увели «в полон»².

После захвата Воротынским Серпейска и Мезецка к этим городам были посланы из Смоленска с литовскими войсками наместник Юрий Глебович, кн. Семен Иванович Можайский, окольный пап Василий Григорьевич Пивов и князь Дрюцких. Сначала литовским воеводам удалось вновь занять эти города: «граждане не возмогоша противитися им и грады свои сдаша»³. Тогда Иван III начал военные действия с участием значительных ратных сил. Некоторое, хотя и далеко не полное, представление о направлении этих действий дают разрядные записи за 7001 г. (1492—1493).

Для освобождения Серпейска и Мезецка был послан «естрич» Ивана III князь Федор Васильевич Рязанский с рязанцами, а также воеводы великого князя, отправившиеся из Москвы 29 января 1493 г. К этой группе войск присоединились со своими полками русско-литовские князья, перешедшие на сторону Москвы: Воротынские, Одоевские, Белевские и князь Михаил Мезецкий⁴. Присутствие этих князей в московском войске, несомненно, преследовало не только военные, но и политические цели. Оно должно было показать населению, что дело шло не о завоевании чужой государственной территории, а об освобождении ее в интересах самих «отчицей», обладавших законными правами на эти земли.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 227. Оба князя, Семен и Петр Вяземские, сидели в заточении до заключения мира 1494 г.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 73. Это сообщение подтверждается летописной записью: «Того же лета (7000), августа, послал князь великий воротынских князей, князя Дмитрея да князя Семена, на Литовскую землю на град Мосалеск; они же шедше град взяша и съжгоша и землю повеваша» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 245).

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 240; П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 16.

⁴ П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 16—17.

Смоленские воеводы Александра Казимировича, получив известие о движении московских войск, «во граде посадиша князей и панов многих в осаде, а сами поидоша к Смоленську». Мезецк сдался без сопротивления («...они же убоявшеся, и не могоша противитися и град отвориша»), причем в городе были взяты в плен смоленский окольный Кривец, много князей и панов и других людей, литвы и смоллян «заставы» великого князя Александра. После занятия Мезецка воеводы Ивана III направились к Серпейску. Этот город, в котором засели люди двора Александра Казимировича, оказал упорное сопротивление: «Они же устремишася крепко ратоватися и не хотеша град сдати». Тогда воеводы великого князя «повелеша воем мужестве приступати ко граду с пушками и с пищальми». Город был взят приступом. В плен попали Иван Федоров Плюсков, сидевшие в осаде князья и паны и многие воинские люди. На возвратном пути был взят и сожжен Опаков. Во всех этих городах и волостях земские и черные люди были приведены к крестному целованию. По летописным известиям, число пленных, приведенных в Москву, достигало 530 человек, которые были разосланы великим князем по разным московским городам ¹.

Одновременно с действиями в районе Мезецка и Серпейска другие ратные силы под начальством князя Даниила Васильевича Щени и князя Василия Ивановича Патриксеева были отправлены к Вязме. Московские воеводы взяли Вязму и привели Вяземских князей и панов в Москву. Иван III «пожаловал их же вотчиною Вязмою» и велел им себе служить ².

По разрядным записям устанавливается, что, кроме посылки за рубеж этих крупных отрядов, были собраны ратные силы и в других местах — в Луках Великих (в большом полку князь Данило Александрович Пенко), в Твери, Новгороде (Яков Захарьин), Пскове (князь Василий Федорович Шуицкий). Для обороны южной границы против возможного нападения татар Большой Орды войска стали «по берегу» (Оки) в Сернухове, Торжке и в других местах (на «берег» были посланы братья великого князя Юрий и Борис) ³.

Таким образом, в течение осени и зимы 1492/93 г. были сделаны большие военные приготовления на случай, если бы противник перешел к активным действиям. Не ограничиваясь ими, Иван III прилагал много усилий к тому, чтобы побудить Менгли-Гирея предпринять поход в Литовскую землю, «пооставя ныне все свои дела».

¹ ПСРЛ, т. IV, стр. 161—162; т. VI, стр. 240.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 225—226.

³ П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 17—18.

Еще в начале лета 1492 г. Менглы-Гирей извещал Ивана III о своем намерении построить «город» на Днепре: «...на конь всел еси на Днепре, к тебе брату моему хотим близко быть, город делаем». Далее он сообщал, что для постройки этого «города» сам ездил в Кафу, где находился в течение пятидесяти дней и занял 100 тысяч денег и 33 тысячи алтын (1490 руб.) сроком на шесть месяцев. Ближайшую зиму Менглы-Гирей собирался провести в этом городе: «с женами своими со всеми улусы выкочевав, в том городе зиму». «Город на Днепре — это Очаков¹.

В той же грамоте Менглы-Гирей заявлял о своей готовности вести войну с королем: «Наша мысль то: с тем королем коли недружба принята, ино крепко принята; малая недружба, ино то ничто». Хан предлагал, чтобы великий князь в конце лета («во жнитво») приехал полем к псму с 1000 человек, с которыми он намеревался овладеть Киевом. С своей стороны, великий князь может занять Вильно и Краков².

Предложения Менглы-Гирея не соответствовали планам Ивана III, который совершенно не намеревался в это время начинать большую войну с Польшей и Литвой. Кроме того, постройка «города на Днепре» вызвала справедливое опасение, что хан ограничится укреплением за собой устья Днепра в целях, не имевших непосредственного отношения к скорейшему походу в королевскую землю. На это указывала также и просьба о выплате денег, занятых для постройки города, а также и требование прислать вспомогательный отряд. Посланный в Крым Константин Заболоцкий должен был отговаривать хана от постройки города на Днепре и убеждать его воспользоваться удобным временем для похода в Литовскую землю, пока общио недруги — «Ахматовы дети» «поотдалели» и не угрожали Крыму: «и нам сказывали, что тот город далече от Литовские земли, близко деп устья Днепрского, и ты бы ныне однолично то дело поотставал, а сам бы еси на конь всел, а ратью пошол на Литовскую землю...» Из наказа и «памятей» Константину Заболоцкому

¹ Еще Карамзин полагал, что «городок на Днепре» был Очаков (История государства Российского, т. VI, стр. 243). Ф. К. Брун, возражая Карамзину, отосил сообщение Менглы-Гирея о постройке «города» к Тягинскому замку, находившемуся на Днепре выше Очакова (Ф. К. Брун, Черноморье, стр. 179—180). Этот вопрос был подробно разобран В. Д. Смирновым (Крымское ханство, стр. 341—346), присоединившимся к мнению Карамзина. В Крымских посольских книгах совершенно определено город Менглы-Гирея в устье Днепра называется Очаковым. Например, в «памяти» 1498 г. Семелу Ромодановскому было велено говорить киевскому наместнику: «Колы ты меня ис велишь проводить до Крыма, или до Тавани, или до Менли-Гиреева городка до Ачякова, что на усть Днепра, а людей со мною мало, и яз еду назад к русеому государю» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 261).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 153.

следует, что немедленному походу крымцев Иван III придавал очень большое значение¹.

Поведение Александра Казимировича в это тревожное для него время представляет полную противоположность твердой и решительной политике его восточного соседа. Посылка войск под Мезецк и Серпейск была единственной попыткой оказать военное сопротивление. Была сделана также неудачная попытка получить военную помощь из Польши. С этой миссией в Польшу в марте 1493 г. был отправлен Лютавар. Извещая брата, Яна Альбрехта, и коронную раду о том, что великий князь московский многих своих людей «...вослал в великое княжество Литовское», занял земли и увел много людей в плен, Александр Казимирович просил короля и коронную раду, чтобы они были теперь «радни и помочи великому княжеству», и выражал надежду, что они не бросят великое княжество на произвол судьбы и окажут ему помощь деньгами и людьми. В заключение Александр Казимирович просил его уведомить, сколько людей и денег он может рассчитывать получить от Польши. Ответ из Польши на это посольство был получен только в конце 1493 г. Король и рада оправдывались по поводу промедления с ответом тем, что они были заняты важными делами: устройством мира с турками, необходимым для безопасности не только Польши, но и Литвы, переговорами с венгерским королем и проч. Относительно главного вопроса, оказания военной помощи великому княжеству, король и рада отвечали, что они будут помогать против всякого неприятеля, как это было условлено в старых «записях», но что необходимо возобновить эти «записи»; поэтому нет необходимости заранее услаиваться о размере помощи, раз будет установлено, что одно государство должно всеми силами помогать другому².

Ответ подтверждал лишь то, что было ясно и ранее: при данных условиях нельзя было рассчитывать на получение от Польши какой-либо существенной помощи. Этим можно объяснить то, что Александр Казимирович, не дождавшись ответа от брата-короля, искал другого выхода из затруднительного положения: между Москвой и Вильно происходили предварительные переговоры о женитьбе литовского великого князя на дочери московского государя.

3

В пограничной войне 1492—1493 гг. литовскому великому князю было очень трудно установить, как далеко простирались политические планы его восточного соседа. По заявлению мос-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 159—160.

² М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 138.

ковских дипломатов, войны не было; происходило только возвращение под старую власть московского великого князя тех его служебных князей, которые либо временно отпали от него в смутные годы при Василии Васильевиче, либо и прежде служили «на обе стороны». Поэтому виновниками столкновений, по мнению Москвы, были те литовские люди и родственники служебных князей, которые препятствовали им в осуществлении вполне законных прав. Пужно думать, что эти объяснения мало утешали господаря и его раду, наблюдавших, как пограничные волости и города занимались московскими воеводами. В разгаре этих споров произошло событие, заставившее панов рады с большой тревогой взглянуть на перспективу дальнейших отношений с Москвой. Измепился титул Московского великого князя; прибавилось два слова — «всая Руси». В «верующей грамоте», данной Дмитрию Загряжскому, первому послу, отправившемуся в Вильно к новому господарю Александру Казимировичу, был поставлен следующий титул великого князя: «Иоанн, божьей милостию, государь всеа Руси и великий князь Володимерскы, и Московскы, и Псковскы, и Тферскы, и Югорскы, и Иръмскы, и Болгарскы, и иных»¹. В Москве не могли не предвидеть, что новый титул вызовет протест с литовской стороны. На случай, если бы в Литве потребовали объяснения, в «памяти» Дмитрию Загряжскому указывалось: «Вспросят его про то, чего деля князь велики приказал государь всеа Руси, наперед того отец его, да и он ко отцу государя нашего так не приказывал, ни предки их к предком государя нашего так не приказывали, — и Дмитрию молвити так: государь мой со мною так приказал, а хто хочет то ведати, и он поедь на Москву, там ему про то скажут». Отказываясь что-либо сообщить о причине изменения титула, Иван III переносил этот вопрос в Москву и ставил его разрешение в связь с другими вопросами при обсуждении условий мирного «докопчания». Было ясно, что дело шло не о почетном значении нового титула, а о новом политическом содержании; Иван III заявлял этим титулом притязания на все русские земли в качестве единственного государя этих земель. Для Литовского великого княжества осуществление этих притязаний означало полное крушение его государственной системы.

В то время как действия Ивана III становились все более решительными и энергичными, противная сторона выступила с предложением, которое могло ослабить напряженность вра-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 81. Дмитрий Загряжский выехал из Москвы 5 января 1493 г. В предшествующей «верующей» грамоте, отправленной к королю Казимиру с Берселем-Беклешевым, который вследствие смерти короля с дороги вернулся обратно в Москву, Иван III именвал себя только «великим князем», без перечисления земель своей державы.

ждебных отношений между Москвой и Вильно, а именно заключение брака Александра Казимировича с дочерью Ивана III.

Первые известия об этом мы находим в переписке между паном Троцким и воеводой Полоцким Яном Заберезинским и новгородским наместником Яковом Захарьиным, а также в письме Яна Заберезинского к князю Ивану Юрьевичу Патрикееву в Москву. В июле 1492 г. Ян Заберезинский прислал в Новгород к Якову Захарьину своего человека Лаврина с письмом, составленным по типу «верующих грамот». Письмо, датированное 14 июля, было написано до начала сейма, созванного для избрания великого князя (сейм собрался 20 июля). Несомненно, что Ян Заберезинский, занимавший влиятельное положение в качестве пана Троцкого и члена господарской рады, выступал не по собственной инициативе, а с ведома или по поручению рады. Так как по должности воеводы Полоцкого он находился в деловых сношениях с великокняжеским наместником Новгорода, то ему и было поручено выяснить через Якова Захарьина отношение к сватовству со стороны влиятельного московского боярства, а возможно, и со стороны великого князя. Есть основание предполагать, что возможность брака Александра Казимировича с дочерью Ивана III обсуждалась в Польше еще при короле Казимире. В письме Альбрехта к брату Александру от 13 сентября 1493 г., редактированном, повидимому, Каллимахом, об этом браке сообщалось как о деле давно решенном. Торопя Александра Казимировича с совершением брака, Альбрехт исходил из желания обеспечить для Литвы мирные отношения с Москвой, которые развязали бы руки для действий в ином направлении¹.

Выяснив из переговоров с Лавриным, что целью посылки было предложение сватовства «королевича» Александра, Яков Захарьин немедленно отправился в Москву, чтобы лично сообщить это дело великому князю. Первоначальный ответ Ивана III был отрицательный: «И князь велики приговорил был з бояры, что Якову (Захарьину. — К. В.) противу тех речей Якову своего человека не послати». Однако когда Яков Захарьин отправился обратно в Новгород, решение великого князя изменилось: «...князь велики приговорил з бояры, что Якову противу тех речей послати своего человека». С этим новым решением и инструкциями в Новгород был отправлен Сенька Зеневитов, выехавший из Москвы 17 октября².

¹ Fr. Paré. Указ. соч., стр. 157. Ян Альбрехт писал брату: «Quo facto (connubio) crimus ab istac parte securi, poterimus alias commodissime tueri». (Письмо издано в Archiwam XX Sangusz K'ow, Львов, 1838, № 200).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 68—69.

В грамоте, посланной с Сенькой Зепевитовым к Якову Захарьину, указывалось, что не посылать с ответными речами к папу Яну Заберезинскому, «ишо то непригоже». Доводом служило то, что дипломатические переговоры между государями не прерываются и во время войны: «занже и межи государи ссылка бывает, хотя бы и полки сходилися». Поэтому посылка московских войск за литовский рубеж не должна была служить помехой для переговоров: «А что яз которые места велел поимати, ишо то тому не замена. Якову Захарьину предлагалось поступить с такой же учтивостью, с какой к нему обратился пап Троцкий: «А грамоту бы еси верующую писал к нему от себя попригожу, вежливо, занже он писал к тебе вежливо, тебя почтил, и ты бы его почтил как пригоже». Посланный в Литву человек должен был отговариваться поведением, если бы его стали расспрашивать о занятии великим князем литовских городов. На вопрос же о причине сбора московского войска он должен был дать следующий ответ: / «У государя нашего у великого князя в землях обычай таков, всегда у него люди нарядшы».

Таким образом, в наставлении к Якову Захарьину Иван III хотя и не давал прямого ответа на предложение Яна Заберезинского, но оставлял полную возможность для продолжения переговоров. Вместе с тем неожиданное предложение противника об установлении родственных связей с московским великокняжеским домом, сделанное в тот момент, когда во всей остроте поднимался вопрос о судьбе русских земель, подвластных литовской короне, давало основание рассматривать его как признание своей слабости и невозможности отстоять спорную территорию силой оружия. Иван III, давая разрешение продолжать переговоры, не только не останавливал враждебные действия против пограничных литовских властей, но еще ускорял посылку против них воевод с ратными людьми. В той же грамоте Якову Захарьину сообщалось: «А что семи вам велел ко Андрею х Кольчеву да и на Луки к наместником людей послати, и вы бы к Ондрею Ушатого с людьми и на Луки Тулуца с людьми послали..., занже напа мысль то: твоей посылке (к Яну Заберезинскому. — К. Б.) то не замена».

Вместе с грамотой к Якову Захарьину была послана «запись» ответа, который следовало сообщить папу Яну Заберезинскому от имени Якова Захарьина. Великий князь настаивал на сохранении полной тайны переговоров. Посланцу новгородского наместника надлежало отправиться в Литву под каким-либо предлогом, не имевшим отношения к данному делу. «А что ему (человеку, посланному Яковом Захарьиным. — К. Б.) речь говорити перед людьми, подав грамоту, и ты бы ему наказал говорити о обидном ли деле, хто будет новгородець избожжен

в Полотску, или инде где, или о ином деле, о котором пригоже»¹. По вопросу о сватовстве следовало говорить с паном Яном Заберезинским «наодине». Яков Захарыш должен был сообщить о своей готовности содействовать примирению государей, чтобы между ними была «добрая згода». Однако непременным условием для начала переговоров о сватовстве ставилось установление любви и «единачества».

Несколько позже, в конце сентября, Ян Заберезинский обратился с таким же предложением и письмом к «воеводе великого князя Московского» князю Ивану Юрьевичу Патриксеву. Повидимому, он рассчитывал встретиться с ним, вследствие его родственных связей с литовским великокняжеским домом, сторонника примирения между обоими государями. Из письма мы узнаем, что князь Иван Патрикеев и раньше вел разговоры по вопросам о московско-литовских отношениях. Ян Заберезинский напоминал московскому воеводе ту беседу, которую имел с ним в бытность свою в Москве, когда князь Иван Патрикеев приглашал его к себе на дом «хлеба ести». Тогда князь Иван Патрикеев «межи слов» вспоминал про «житие великого князя Василия Васильевича... з великим князем Витовтом, в котором жити и докончани межи себе были». Впоследствии, когда в Москву ездил в качестве посла дворянин Казимира Войтко Янович, князь Иван Патрикеев вспоминал про этот разговор².

«Человек» Яна Заберезинского, посланный с письмом к князю Ивану Юрьевичу Патриксеву, приехал в Москву за два дня до прибытия посольства от Александра Казимировича в составе пана Станислава Глебовича и писаря Ивана Владычки. Официальной целью посольства являлось извещение о смерти короля Казимира и о вступлении на великое княжеское Александра Казимировича, а также заявление жалоб на нападение московских ратных людей на города и волости великого князя Литовского. Наряду с этой официальной миссией посольство имело и неофициальное поручение осведомиться, как будет принято в Москве предложение о сватовстве. Посылка впереди посольства «человека» Яна Заберезинского с письмом к князю Ивану Патриксеву, очевидно, должна была подготовить почву для начала неофициальных переговоров по этому делу.

Послы прибыли в Москву 4 ноября, а на следующий день уже были приняты великим князем. За официальным приемом следовало обычное угощение во дворце. После «стола» Иван III послал к литовским послам на подворье с медом князя Василия

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 69.

² Там же, стр. 71—72.

Ноздреватого и Берсея Никитина Беклемишева. «И Станислав и Владычка, — записано в посольской книге, — говорили со князем с Васильем да с Берсепем на пиру пьяни о сватовстве, да о любви и о докончание. А сказали, что с ними та речь и ко князю к Ивану Юрьевичу».

Через три дня эта беседа возобновилась в доме князя Ивана Юрьевича Патрикеева. Разговор о сватовстве, любви и «докончании» вновь происходил «на пиру». Желая, повидимому, удостовериться в серьезном отношении литовских послов к поднятому ими в частной беседе вопросу, великий князь велел князю Ивану Юрьевичу Патрикееву еще раз пригласить их к себе и «вспросить их о той же речи» в присутствии казначея Дмитрия Володимиrowa и дьяка Федора Курпына. Таким образом, этим разговорам придавался полуофициальный характер. Князь Иван Юрьевич Патрикеев обратился к литовским послам с вопросом: «Станислав и Владычка! Котору есте речь вчера нам говорили, и мы вчера себе испили, а отложили смя ту речь на нынешней день, и вы нам ту речь ныне говорите». Станислав Глебович в своем ответе прежде всего указал, что он не имел официальных полномочий начинать эти переговоры: «яз тебе то говорил от себя, а не приказом». Но вместе с тем он сообщил, что действует с ведома и согласия панов рады, которые «велми того хотят, чтобы межи государей сватовство ссталося». Поэтому прежде чем официально начать это дело, он хотел бы знать волю московского государя.

Московскую сторону больше всего интересовал вопрос, что должно быть раньше: «докончание» или сватовство? В вопросе о последовательности интересы московской и литовской стороны расходились.

Если с точки зрения литовской стороны заключение брачного договора должно было побудить Ивана III к уступчивости при заключении мирного «докончания», то именно это обстоятельство заставило Ивана III настаивать на предварительном урегулировании спорных политических вопросов в качестве неперемennого условия для переговоров о браке. Вполне понятен поэтому уклончивый ответ московских послов, оставлявших решение этого вопроса до приезда «великих людей», т. е. полномочных послов Александра Казимировича.

Окончательный ответ был дан после отпуска послов великим князем. На следующий день Иван Юрьевич Патрикеев пригласил Станислава Глебовича и писаря Владычку и сообщил им о согласии великого князя начать переговоры о «любви и докончании» с послами, уполномоченными для решения этого вопроса. Только после окончания этого дела можно было приступить к переговорам о сватовстве, с этим ответом послы выехали из

Москвы 12 ноября 1492 г.¹ Вслед за послами был отпущен и «человек» Яна Заберезинского вместе с «человеком» Ивана Патрикеева с письмом к пану Троцкому и наместнику Полодкому. В письме Иван Патрикеев сообщал краткие сведения о переговорах в Москве со Станиславом Глебовичем. На вопрос своего корреспондента, даст ли князь свое согласие на переговоры о сватовстве, он отвечал в положительном смысле, указав, однако, что они могут иметь место, если предварительно будет заключено «докончание». «Но положите, пане, на своем разуме, — писал Иван Патрикеев, — межи государей любви и докончания нет; ино как тому делу о сватовстве починатися?»

Ян Заберезинский немедленно отправил обратный ответ; его письмо, посланное из Трок, помечено 11 декабря. Он писал, что сообщенные князем Иваном Патрикеевым условия для начала переговоров о сватовстве обсуждались князем, бискупом и панам ради, которые «велими хотят» устаповления «приянии и згоды» между государями. Господарь сам хочет послать «великих послов», как только посланный с этим письмом слуга вернется обратно².

Письмо Яна Заберезинского было получено в Москве 29 декабря, а 5 января в Литву был отправлен Дмитрий Загряжский со щекотливыми и неприятными для Александра Казимировича поручениями. Посол Ивана III должен был сообщить литовскому господарю о переходе на московскую службу князей Воротыньских, Мезецкого, Вяземского и Бельских, причем в титуле великого князя появилось многозначительное добавление: «государь всеа Русии». Вслед за Дмитрием Загряжским был отправлен «человек» Ивана Патрикеева к пану Яну Заберезинскому. Кроме повторения неоднократно уже выражавшихся заверений о готовности содействовать примирению государей, Иван Патрикеев возражал своему корреспонденту на его слова, что в случае несудачи предполагавшегося посольства в Москву нельзя уже будет ожидать «добраго конца». «Ино, пане, сам поразумей, — писал Иван Патрикеев, — коли промежи государей великие люди съдут, тогда, с божьею волею, межи их и доброе дело делается».

Смысл этого ответа, данного, несомненно, с ведома великого князя, заключался в том, что несудачи при переговорах об условиях «докончания» не должны отнимать надежды на достижение соглашения. При этом, если условия литовской стороны сводились к восстановлению *status quo*, то размер требований

¹ Посольство в Москву Станислава Глебовича (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 72—80).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 79—80.

Ивана III не был ясным для его противников. В Литве не могли знать, удовлетворится ли московский великий князь теми пограничными городами и волостями, которые были им уже фактически заняты в связи с переходом русско-литовских князей на его службу. На жалобы литовцев, что великий князь «зассел» чужие города, в Москве твердили, что великий князь владеет только тем, что ему «бог подаровал». Таким образом, Иван III оставлял за собой полную свободу действий.

Посольство Дмитрия Загряжского, повидимому, вызвало при дворе Александра Казимировича растерянность, на которую косвенно указывает отсутствие какого-либо определенного ответа. В «отказе» московскому послу только сообщалось, что князь Семен Воротынский и иные князья, которые «били челом великому князю с своими отчинами», — слуги литовского господаря и связаны с ним присягой. Разбор всех дел откладывался до прибытия литовского посольства в Москву¹.

Обещанное посольство в течение 1493 г. отправлено не было, что вызвало некоторое беспокойство в Москве. В конце февраля пан Ян Заберезинский прислал из Полоцка в Новгород к Якову Захарьину своего сокольника с просьбой разрешить купить двух кречетов. Осведомленный об этом великий князь поспешил уведомить Якова Захарьина, что покупка кречетов являлась предложением для другого дела: «И нам ся видит, что он в ту пору нынеча прислал то не кречетов деля, прислал смотрити, или задираючи тебя переднего для дела, о котором он наперед того к тебе прислал, чтобы ты нынечи к нему послал». Великий князь указывал, что необходимо воспользоваться этим случаем, надо, чтобы Яков Захарьин отправил своего «человка» к Яну Заберезинскому с письмом «о переднем деле», т. е. о «докончании» и сватовстве. «И нзымаются за то дело, ино дай бог так; а не пзымаются, ино в том нам низости никоторые нет». В Новгород к Якову Захарьину был послан текст письма для отправки Яну Заберезинскому и запись «речи», которую посланный должен был произнести. В письме, составленном в Москве для Якова Захарьина, выражалось удивление по поводу прекращения с литовской стороны дальнейших переговоров о заключении мира и о сватовстве: «...а ныне, пане, велми тому дивуемся, такое дело межи осподарей оставя, да такие великие зацепки с вашпе стороны ссталися». Ян Заберезинский отвечал, что причиной прекращения переговоров явились военные действия с московской стороны: «А тым ся то дело переменяло, што ся сстали зацепки от вашего государя: на миру во отчину нашего государя войну пустил, города и волости великии забрал, а иныи пожог, люди

¹ Посольство Дмитрия Загряжского к Александру Казимировичу (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 80—85),

головами в полон повел, животы и статки вси выбрал, многия и великия шкоды государю нашему вчинил». Ознакомившись с этим ответом, Иван III решил прекратить дальнейшую переписку. Якову Захарьину было сообщено: «...ино непригоже тебе к нему своего человека шце послати з грамотою, ни с его человеком грамоты посылати»¹.

Таким образом, последняя переписка оставляет впечатление, что весной 1493 г. Иван III был больше заинтересован в заключении мира и проявлял большую готовность вступить в родственные связи со своим противником, нежели Александр Казимирович и его рада. Чем объясняется такая перемена в настроениях сторон? Объяснение, данное паном Яном Заберезинским, вряд ли можно признать основательным.

Осенью 1492 г., когда Литва проявляла особую настойчивость в своих предложениях, военные действия с московской стороны носили более активный характер, чем весной следующего года, когда они почти прекратились. Повидимому, литовское правительство решило воспользоваться наступившим затишьем для поисков военной помощи. Именно в это время послы Александра Казимировича усиленно посещали Крым и Большую Орду «Ахматовых детей». Но самое большое значение имел вопрос о возможности получить помощь от короля Яна Альбрехта. Для разрешения этого вопроса в марте 1493 г. Александр Казимирович отправил Лютавара в Польшу к брату и коронной раде с извещением, что великий князь Московский «могне послал» многих своих людей в великое княжество Литовское, «побрал» замки и полонил многих людей. Напоминая прежние обещания короля и панов рады, Александр Казимирович просил, чтобы они были теперь «радши и помози великому княжеству». Он выражал надежду, что великое княжество не будет брошено на произвол судьбы и получит поддержку людьми и деньгами. В заключение Александр Казимирович просил уведомить его, на какую помощь людьми и деньгами он может рассчитывать².

Александру Казимировичу пришлось долго ждать ответа. Только в конце 1493 г. король и рада уведомили великого князя Литовского, что они готовы помогать против всякого неприятеля, как это было условлено по «старым записям», но что эти «записи» необходимо возобновить. Что касается размера помощи, то нет необходимости его указывать, раз будет установлено, что одно государство должно всеми силами помогать другому. Замедление с ответом поляки объясняли важными делами, которыми они были заняты весь год: хлопотами по заключению

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 85—89.

² М. Д ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 138.

мира с турками, необходимого для безопасности не только Польши, но и Литвы, съездами с венгерским королем Владиславом для переговоров об общих делах, переговорами с маркграфом Бранденбургским и другими. Но еще раньше, чем прибыл польский посол с этим ответом в Литву, Александр Казимирович, очевидно, разуверившись в возможности немедленно получить польскую помощь, отправил в Москву «больших послов» для заключения мира и для переговоров о браке.

Если литовская рада весной 1493 г. в ожидании помощи со стороны Яна Альбрехта не торопилась с возобновлением мирных переговоров с Москвой, то Иван III в это же время имел основания к тому, чтобы удовлетворяться достигнутыми успехами. В результате порубежной войны к Москве отошла значительная по размеру и важная в военно-политическом отношении территория. Однако план большой войны с участием союзников не удавался. В этой войне московский великий князь не мог бы рассчитывать ни на императора и его сына Максимилиана, ни на Венгрию. Не было уверенности и в прочности союза с Менглы-Гирсем. Необходимо также принять во внимание, что внутренние мероприятия девятинастных годов усилили военно-политическую систему государства.

Интересным эпизодом дипломатической борьбы вокруг московско-литовско-польских отношений являются переговоры с Иваном III мазовецкого князя Конрада III, а также попытка Ивана III использовать враждебные отношения Мазовецких Пястов и Тевтонского ордена к Польше. Посол Конрада III Иван (Ян) Подося прибыл в Москву 3 мая. После обычного представления «верющей грамоты» и поднесения подарков посол непосредственно перешел к изложению цели своего приезда — просить великого князя выдать свою дочь за Конрада Мазовецкого. Повидимому, Иван III с некоторым чувством изумления выслушал неожиданное предложение, так как в свою очередь задал послу вопрос: «есть ли за тобою, опроче того, иные речи?» Посол ответил, что, за исключением сказанного, у него никаких «речей» нет, но что если великий князь изъявит свою волю и «жалование» на брак дочери с его государем, то тогда будут и «иные речи». Этот не совсем логичный ответ обнаруживал у мазовецкого посла недостаток знаний московской дипломатической практики. Во всяком случае послу было предложено изложить все его «речи» перед дьяком Федором Курицыным.

Из переговоров выяснилось, что мазовецкий посол неправильно понял обнаруженный Иваном III интерес к «иным речам», которые должны были дополнить слишком прямолинейно сделанное предложение. Посол поспешил заявить, что в случае согласия великого князя на брак дочери он от имени своего государя надиктует грамоту с перечислением тех городов, которые

будут выделены московской княжне после того, как она станет супругой мазовецкого князя. В удостоверение этого он представил грамоту князя Конрада, в которой последний просил извинения, что «для пути далечаго» не мог лично переговорить об интересующем его деле и поэтому всю свою «мочь» для ведения переговоров передавал своему наместнику варшавскому Яну Подосю.

Мазовецкий посол, повидимому, предполагал, что вопрос московского великого князя относился к материальным условиям брака, тогда как великий князь ожидал услышать от него предложение о политическом союзе против «Казимировых детей». Однако во время дальнейшего разговора с Федором Курицыным Ян Подося сделал заявления, которые должны были вызвать у великого князя попятный интерес. Он сообщил, что его государь, князь Конрад, «один человек» с магистром Прусского ордена и что они хотят «стать соодиного» на «Казимировых детей». Кроме того он сообщил, что если дочь московского великого князя будет отдана замуж за князя Конрада, то его государь, князь Конрад, будет «приятелем» «приятелям» московского великого князя, а «неприятелям» его, Казимировым детям, — «неприятель». На вопрос Федора Курицына, готов ли князь Конрад «крепость на то учинить», чтобы помогать великому князю на «Казимировых детей королевых», посол дал утвердительный ответ.

Стремясь войти в сношения со всеми врагами Ягеллонов, Иван III, конечно, не мог оставить без внимания посольства Конрада. Для переговоров с мазовецким князем были отправлены вместе с его послом Василий Григорьев Асанчук-Заболоцкий и Василий Третьяк Долматов, выехавшие из Москвы в конце мая. Посольство должно было соблюдать полнейшую тайну. Послы должны были сесть на корабль не в Риге, а в каком-либо ином месте, чтобы «их ход неведом был в Литовской земле». К Ливонскому магистру было послано специальное обращение, чтобы он дал своего «человека» проводить послов до прусского магистра ¹.

¹ «Да смотриши Асанчюку и Третьяку того и пыташи им, кого будет пригожье, чем был послушен тот князь королю Казимеру, служил ли ему, давал ли ему подать какову, и кому он равен иным князем, и что его княжесье, велика ли его земля, и сколь силон, люден ли, или нелюдеп, и сколько городов, и послушны ли ему люди, и мочно ли ему от Казимировых детей от королевых отстати и противу их стояти, а те города мощно ли ему назад взяти, которые у него король взял, и колко тех городов, и как им имена, и х которой земле, к Польской ли, или Литовской? А брат его на уделе ли живет, или с ним в одном месте, мирен ли ему, или немирен, каково его дело с братом, и которые города за братом и которые за ним? А с прусским магистром в одиначестве ли, или не в одиначестве, и что его дело с магистром прусским?» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 38, стр. 97).

Насколько поверхностными были в Москве представления о Мазовецкой земле и об отношении ее к Польше, можно судить по списку сведений, которые Асанчюк-Заболоцкий и Третьяк Долматов должны были собрать во время посольства. Было известно лишь, что Конрад «Казимеру королю был послушен и на все его неприятели ему везде еси помогал»¹. Поэтому вопрос о союзе с Конрадом требовал особенно осторожного отношения.

Послам было велено подробно расспросить князя Конрада, как он думает «отстать» от Казимировых детей и как он будет помогать московскому государю против его неприятелей. Условия этого союза должны были изложены в «утверженной» грамоте с подвешенной к ней княжеской печатью. Вторую подобную грамоту следовало выдать на города, которые князь Конрад выделит невесте. Обе грамоты князь Конрад должен был послать со своим послом и с московскими послами, возвращающимися в Москву. Там их рассмотрит московский государь и, если они «будут ему любы», тогда с «божиею волею» он согласится с мазовецким князем «дело делати» и отдаст за него свою дочь. Самим московским послам было велено «утвержденных» грамот не принимать и князя Конрада к присяге не приводить. Таким образом, все посольство к Конраду носило предвзятый характер, а вопрос о «сватовстве» ставился в зависимость от успехов переговоров по заключению военного союза.

Иван III еще с большей осторожностью намеревался навести магистра прусского (тевтонского) на мысль о возможности совместного выступления против польского короля. В Москве безусловно хорошо знали содержание Торнского мира 1466 г., по условиям которого Польша получила Торн (Торун), Данциг и другие города по нижнему течению Вислы, а сам «великий магистр» припужден был признать вассальную зависимость от короля. Официальной целью обращения к теvтонскому магистру была просьба о пропуске через его владения послов к мазовецкому князю. Иван III при этом предвидел возможность, что магистр, готовившийся, по сообщению Яна Подося, к войне с королем, обратится к послам с вопросом, не согласится ли московский государь помочь ему в этой войне — «и толко мы пошлем к вашему государю, чтобы за нас стал, а государь ваш всеа Русии станет ли за нас?» В случае, если бы такой вопрос был задан, послы должны были отвечать, что еще раньше король римский, цесарев сын Максимилиан, просил через своего посла Де-

¹ Послам было велено при отказе ливонского магистра дать проводника ехать только в том случае, если мазовецкий посол возьмет их «на свои руки». Необходимость такого поручительства объяснялась отсутствием сношений с прусским магистром, который раньше был «в присяге» у короля Казимира.

латора (де ла-Турн), чтобы великий князь «принял в свое соблюдение» магистров прусского и ливонского. Московский государь тогда отвечал цесареву послу, что он согласен их «приняти в свое соблюдение» и защищать от врагов, но магистры не прислали в Москву своих послов. Теперь, если прусский магистр решит вернуть себе те города, которые у него отнял король Казимир, пусть он пошлет своих послов в Москву «и государь наш, надеемся на бог(а), за вас станет и оборонит вас, и городов своих, даст бог, достанете государя нашего обороною». Даже если бы магистр не завел подобного разговора, то послам следовало бы эту «речь разговорити» в беседе с «магистровыми людьми». ¹

К сожалению, дальнейших материалов, относящихся к этому единственному посольству к мазовецкому князю и к магистру Тевтонского ордена, не сохранилось. Отсутствие каких-либо сведений о нем позволяет предполагать, что оно не достигло места назначения. Возможно, что ливонский магистр отказался пропустить московское посольство.

4

Александр Казимирович ответил на посольство Дмитрия Загряжского со значительным запозданием. Повидимому, замедление было вызвано его переговорами с братом, королем Владиславом, и ожиданием ответа на просьбу об оказании военной помощи. Литовское посольство Андрея Олельковича и Войтко Яновича прибыло в Москву 29 июня ². Хотя мы не располагаем данными, указывающими на влияние посольства Конрада Мазовецкого на отправление в Москву литовских великокняжеских послов, но возможность подобной связи между этими посольствами представляется вполне вероятной. Выступление мазовецкого князя, которое вряд ли могло оставаться тайной для господаря и его рады (мазовецкие послы при следовании в Москву и обратно дважды проезжали через владения Ливонского ордена, поддерживавшего постоянные сношения с Вильно), должно было побудить Александра Казимировича к контрмерам в отношении нежелательного для него союза. С этой точки зрения поездка в Москву Андрея Олельковича и Войтко Яновича могла служить доказательством готовности литовской стороны продолжать прервавшиеся переговоры о «докончании».

В отношении главных вопросов — пограничной территории, занятой московскими ратными людьми, и судьбы князей, пере-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 90—102.

² Посольство выехало из Вильно, повидимому, в конце мая. «Верящая грамота» Александра Казимировича датирована 18 мая, а грамота от панов рады к князю Ивану Юрьевичу Патрикееву — 23 мая (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 103—105).

шедших со своими отчинами к Москве, — посольство ничего нового не вносило. Александр Казимирович продолжал упрекать великого князя в захвате городов и волостей, составлявших «из века» отчину великого княжества Литовского, его «землю и воду», и требовать их возвращения. Он отказывался освободить от присяги князей, перешедших на службу к великому князю. Однако все эти претензии и требования были облечены в сдержанную форму. Показательно также, что в официальном обращении Александр Казимирович не протестует против употребления московским великим князем титула «всая Руси». Протест был заявлен лишь в письме панов рады к князю Ивану Патриксеву: «...осподарь ваш... посла своего присылал и в листе своем к нашему государю написал себе имя свое высоко, не по старине, не подобь того, как издавна обычай бывал. Сам же того, княже, посмотри, горазд ли ся тое деет, старину оставляете, а в новыя дела вступаете?»

Ответ великого князя выражал твердое решение не идти ни на какие уступки в вопросе о служебных князьях и занятых землях. Что касается употребления титула «всая Руси», то в объяснении, данном князем Иваном Патриксевым, был осторожно обойден вопрос о том, распространяется ли этот титул на Русь, находящуюся в подданстве польского короля и литовского великого князя. Князь Иван Патриксев только утверждал, что никакой «повины» в применении этого титула не было: «чем его (великого князя) бог подаровал, от дед и от прадед от начала правой есть уроженной государь всеа Руси, и которыми землями его бог издарил, то он (великий князь) и писал». В заключение литовским послам указывалось, что московский государь желает с великим князем Александром «любви и одиначества и доброго пожитья»¹.

После посольства Андрея Омельковича и Войтко Яновича в Вильне должна была стать совершенно ясной твердая позиция, занятая Москвой в вопросе о служебных князьях, перешедших с «отчинами» на московскую сторону. Поэтому Александру Казимировичу оставалось либо продолжать войну с целью возвращения потерянных городов и волостей, либо принять московские условия в качестве основы для заключения мира. Не решаясь без союзников на продолжение войны, которая могла привести к новым территориальным потерям, литовское правительство решило направить в Москву «великое посольство». Для получения «опасной грамоты» для посольства в Москву 16 сентября 1493 г. вновь прибыл Войтко Янович. Приезд его, после категорического отказа великого князя вернуть «отчины» перешедших на его службу князей, показы-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 103—108.

вал желание литовского правительства добиться мирного соглашения и его готовность для этой цели идти на уступки московским требованиям. Это становилось еще более ясным из нового обращения папов рады к князю Ивану Юрьевичу Патрикееву, в котором выражалась готовность содействовать примирению государей, чтобы между ними «была любовь, и докончанье и всякая добрая згода». Папы рады просили, чтобы и московские бояре действовали в том же направлении¹.

В состав «великого посольства», получившего широкие полномочия для разрешения спорных вопросов и заключения «докопчания», вошли: воевода Троицкий и маршалок земский Петр Янович, староста жмудский Станислав Янович Кезгайло, Войтко Янович и писарь Федька Григорьев.

В фонде Литовской метрики сохранился наказ этим послам, данный им в Вильне перед отправлением их в Москву, в ноябре, индикта 12 (1493). Вместе с записью этого посольства, находящейся в московской посольской книге Польского двора, он представляет важный источник для изучения дипломатической борьбы вокруг условий мира 1494 г.

Согласно наказу, максимальным требованием с литовской стороны являлось восстановление мирного договора 1449 г. Вопрос о спорных землях должен был решиться на основании этого договора, а также положения, существовавшего при Витовте, Сигизмунде Кейстуовиче и короле Казимире. Послы поэтому должны были в отношении Новгорода требовать подтверждения «первого старого докончанья отца его»². Относительно же Великих Лук, Ржева и Чернигова послы должны были добиваться, чтобы великий князь Иван «отступил» от этих мест «на векш». Однако по этим вопросам послам разрешалось сделать ряд существенных уступок. Так, в случае если бы Иван III отказался принять по отношению к Новгороду условия 1449 г. и не согласился бы на непосредственные сношения Александра Казимировича с Новгородом, то ему «то поступити». Тогда

¹ «Верующая грамота» к Ивану Юрьевичу Патрикееву была представлена от имени бискупа луцкого и берестейского князя Яна, воеводы виленского и каштеляра Миколая Радивиловича, воеводы троцкого и маршалка земского Петра Яновича Монтыгирдовича, заместника горденского князя Александра Юрьевича Гольшанского и старосты жмудского Станислава Яновича Кезгайло (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 109—110). Все эти лица входили в господарскую раду (М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 332—334).

² Повидимому, имелось в виду следующее условие договора 1449 г.: «А которые волости или оброки нотягнули Новгородские к Литве зъданна, и мне великому князю Василью в то ле вступатися, по давному». В случае недовольства короля новгородцами и псковичами («А в чом тебе королю и великому князю Казимиру новгородцы и псковичи зъгубят») король должен был только сообщать об этом московскому великому князю и с ним самому «ся ведати» (АЗР, т. I, № 50).

послы должны были предложить следующий порядок разбора новгородско-литовских дел: великий князь литовский о всех своих делах с Новгородом доносил Ивану III, но если последний «тых дел не оправит», то тогда сам Александр Казимирович «мает повгородцов казнити». Послы должны были упорно настаивать на этом условии — «твердо перети». Однако им разрешалось идти на дальнейшую уступку, но только в том случае, если они «не возмогут к тому преперети». В крайнем случае Иван III должен был дать клятвенное обещание в том («а он бы на том крест целовал»), что будет удовлетворять все жалобы великого князя литовского на новгородцев.

Компенсацией за отказ великого князя литовского от Новгорода, который отходил в московскую сторону, должен был явиться переход Лифляндской земли на литовскую сторону.

Торопецкая земля, которую в Москве рассматривали как часть новгородской территории, вся отходила в литовскую сторону «по давнему». В отношении Тверской земли послы должны были начинать также с «докончания» 1449 г., по которому тверской великий князь Борис Александрович с братьями и племянниками считались на литовской стороне и только находились «в любви и в докончании» с великим князем московским. Однако предвидя, что в этом вопросе послы встретятся с резким противодействием, им поручалось предложить компенсировать отказ великого князя литовского от Твери отказом великого князя московского от Козельска, отчины князей Мезецких (Мещовских) и Хлепенской волости. В случае несогласия в Москве и с этими условиями, касавшимися Новгорода и Твери, послы должны были отказаться от Козельска, отчины князей Мезецких и Хлепенской волости и ограничиться требованием только Лифляндской земли. Но отступление в случае необходимости должно было продолжаться и дальше. Можно было согласиться и на то, чтобы не писать в «докончании» Лифлянды в литовскую сторону, взамен Новгорода и Твери, а только добиваться, чтобы в случае недоразумения между лифляндами и великим князем московским («коли великому князю Московскому Лифлянтове згубили»), великий князь московский сообщал об этом Александру Казимировичу, который «мает их встягнути и они ся к нему мают справити». Если Лифлянды «не справят», т. е. не удовлетворят предъявленных к ним московских претензий, то тогда сам великий князь московский «мает с ними ведатися». Наконец, если «князь великий Московский не всхочет к тому приступити, ино ему того мают поступити, абы докончанье шло пред ся».

К сожалению, список посольского наказа в Литовской метрике дефектен, конец его после вышеприведенной фразы не сохранился. Недостаток восполняется по Варшавской копии,

которая по точности и полноте уступает записи в метрике. В отношении великого князя рязанского послы также должны были сначала настаивать на сохранении «первого старого докончанья» Василия Васильевича и только, «если не взмогут к тому преперети», должны были уступить, чтобы только «докончапье тым ся не взрушыло». В отношении Новосильских князей послам подлежало сначала просить, чтобы великий князь московский «поступился» ими в пользу великого князя литовского «по давному», однако и в этом вопросе они могли уступить и взять за основу «докончапье» 1449 г., по которому князь Васплий Иванович Торусский (Новосильский) с братьями и племянниками должен был служить великому князю московскому.

Менее ясна часть посольского наказа по Варшавской копии, относящаяся к судьбе Вяземских, Мезецких и Мосальских князей. С этим вопросом был связан вопрос об обладании важпой в военно-политическом отношении территорией Вяземского княжества и верхнеокским бассейном. Послы должны были настаивать на том, чтобы великий князь московский всех этих князей отпустил и «отчин их отступился». Вполне естественно было предполагать, что именно в этом вопросе, являвшемся главной причиной военных действий в 1492—1493 гг., послы натолкнутся на упорное противодействие. Между тем в наказе по Варшавской копии только указывалось, что если бы великий князь московский «к тому отмовил» и стал бы просить, чтобы Александр Казимирович этих князей «не казил за их выступы», то в этом случае предложить, чтобы Иван III «гнев свой отпустил» в отношении князя Семена Можайского, Шемячича и князя Вереяского и вернул им их отчины¹.

Таким образом, посольский наказ представлял собой цепь последовательных уступок. Они далеко отходили от условий мира 1449 г., невозможность возвращения к которому хорошо сознавали в Вильне. Весь наказ был проникнут стремлением привести переговоры к благополучному завершению — «дабы докопчанье шло вперед и из того не рушплось». Эта боязнь срыва переговоров, которую нельзя заметить в сношениях предшествующих лет, повидимому, объяснялась трудным военно-политическим положением великого княжества Литовского — бессилием в защите порубежной территории, города и волости которой занимались московскими войсками, угрозой новых падений крымцев и потерей надежды на получение помощи от короля Альбрехта. Однако решение заключить мир ценой тя-

¹ На неполноте посольского наказа обратил внимание Г. Карпов (История борьбы Московского государства с Польско-Литовским, т. II, стр. 14), который пришел к этому заключению в результате сравнения его с записями посольских речей. Посольский наказ с окончанием по Варшавской копии напечатан в АЗР, т. I, № 114.

железых уступок было принято в Вильне не без колебаний. На это указывает значительный промежуток времени, который отделяет дату наказа (ноябрь 1493 г.) от прибытия литовского посольства в Москву (17 января 1494 г.). Повидному, именно в это время был получен отрицательный ответ короля об оказании немедленной помощи.

Переговоры в Москве начались с обычного представления «верющей грамоты» и посольских речей. Литовцы в точном соответствии с наказом заявили о готовности восстановить мир на старых условиях договора Казимира с великим князем Василием Васильевичем. Собственно говоря, это заявление после того как московская сторона категорически отрицала действительность этого соглашения, заключенного в «невзгоду» московского государя, можно было рассматривать лишь в качестве основания для последующих переговоров. Кроме представления великому князю, литовские послы обратились от имени рады к князю Ивану Юрьевичу Патрикееву: «И говорили от них князи Ивану те же речи, что и наперед того к нему бискуп да и панове приказывали». Новым было только возобновление вопроса «о сватовстве», сопровождавшееся просьбой о разрешении побывать у великой княгини и у дочери великого князя. Князь Иван Юрьевич Патрикеев, как и раньше, отвечал, что сначала должно быть заключено «докончанье», а уже потом «и то дело почнется делати».

Деловые переговоры начались 23 января 1494 г. ответом¹ великого князя на предложение заключить мир на условиях договора короля Казимира с великим князем Василием Васильевичем: «...ныне, — говорили бояре, — промежи нас по тому докончанью нелзе статься». На предложение литовских послов руководствоваться при разрешении спорных вопросов теми отношениями, которые существовали между Витовтом, Сигизмундом Кейстутовичем и Казимиром, с одной стороны, и московскими великими князьями Василием Дмитриевичем и Василием Васильевичем — с другой, московские бояре от имени великого князя предложили условия, действовавшие при Ольгерде и при московских великих князьях Семене Ивановиче и Иване Ивановиче.

В великое княжение Семена Ивановича по летописям известны два мирных «докончания» с Ольгердом, тексты которых не сохранились. В 1350 (6858) г. после того как хан Джапыбег выдал московскому великому князю братьев Ольгерда, ездивших в Орду с целью поднять хана на Москву, Ольгерд при-

¹ С этим ответом к литовским послам на двор великого князя были посланы: боярин князь Василий Иванович Патрикеев, боярин князь Семен Иванович Рязоловский, казначей Дмитрий Володимирович и дяки Федор Курицын и Андрей Майко.

слал в Москву послов «со многими дарами и с челобитьем, прося мира и живота братии своей»¹. Условия мирного соглашения неизвестны, но можно думать, что Семен Иванович, освобождая пленных литовских князей с их дружинами, добился каких-то уступок со стороны Ольгерда². Мирное соглашение с Ольгердом было закреплено брачными связями; с согласия Семена Ивановича Ольгерд женился на тверской княжне Ульяне, дочери великого князя тверского Александра Михайловича³.

Второе мирное соглашение между великим князем Семеном Ивановичем и Ольгердом было заключено в 1352 (6860) г. В этом году великий князь Семен Иванович ходил к Смоленску. Около Вышгорода, на р. Протве, его встретили послы Ольгерда «со многими дарами, просяще мира»⁴. Повидимому, и это «размирье» с Ольгердом было вызвано новыми поползновениями со стороны Литвы на захват Смоленска. Таким образом, ссылка московской стороны на договоры Семена Ивановича с Ольгердом имела главной целью вопрос о судьбе Смоленска и смоленских волостей. Литовские послы в свою очередь отказывались принять договоры Ольгерда с московскими великими князьями за основание для переговоров, ссылаясь на их давность и на то, что они были заключены во время борьбы Ольгерда с Кейстутом⁵.

Великий князь предложил литовским послам сказать, какой по их мнению должна быть граница между обоими государствами («как меж государей пригоже делу быти?»). Последние ответили, что их государь, желая «любви и докончания и вечных приязни», готов поступиться в пользу Москвы Новгородом и пошлыми с новгородских волостей, а также Псковом и Тверью. Но, говорили литовцы, «докончание» не может состояться, если московский государь не вернет Вязьму, Мезычск, Серпейск, Мосальск, Опаков и другие волости, пожалованные королем Казимиром князю Федору Воротыньскому, а также великим князем Александром Казимировичем князю Семпу Федоровичу Воротыньскому.

На это заявление последовал ответ Ивана III: нельзя «поступаться» чужою землею: «что ся дотычет Новгорода, и Пскова, и Тферя, и по, милостью божиею, Новгород, и Псков, и Тферь из старицы отчина наша, а и ныне есть за нами, и он (Александр Казимирович. — К. Б.) нашего же нам поступается».

¹ ИСРЛ, т. VII, стр. 215.

² А. Преспяков высказал предположение, что по условиям договора 1350 г. Смоленск рассматривался как владение, вполне независимое от литовского великого князя (А. Пр е с н я к о в. Образование Великорусского государства, стр. 286).

³ ИСРЛ, т. VII, стр. 215.

⁴ Там же, стр. 216.

⁵ «И пан Петр (Япович) отговаривал те докончания стариною да невзгодою Ольгердовою с Кестутьем».

В результате переговоров Иван III велел передать литовским послам, что ради установления «вечные приязни» он соглашается «из прадед своих докончаший» выключить Смоленск и Брянск. На деле это означало установление границы на основе фактического владения: «...что ныне мы, с божиею волею, дрѣжим к своему государству, то будем и дрѣжати; а что он дрѣжит к своему государству, то бы он и дрѣжал».

Таким образом, в итоге переговоров первого дня уже выяснилось, что ни один из предшествующих договоров не может быть взят за основание для нового «докончания». Вопрос должен был решиться путем взвешивания каждой стороной реальных возможностей для отстаивания своих интересов и требований.

Первая уступка с литовской стороны была сделана в отношении Вязьмы. Затем послы по предложению бояра дали список смоленских городов. В число смоленских пригородов был включен город Мезческ (Мещовск), город Акдырев (Огдырев, Говдырев, Гондырев), к которым тянули волости: Спиковичи (на р. Ужате, впадающей в р. Неручь), Новое село (на р. Неручи), Немерзка (р. Немерзка впадает в р. Брынь), Уруга, Брынь (на одноименной реке), Сухиичи, Орперы (Арперы на р. Немерзке), Бярятин, Хостци (на р. Жиздре), Олешня (на правом берегу Жиздры), Рука (на р. Руке, притоке Оки), Лободичи (на р. Руке), Устье, Жабынь (к северу от Белева), Бакино (на р. Руке); город Мосальск с волостями, город Серцеевск (Серпейск) с волостями, город Серенск с волостями, город Бышковичи с волостями, город Залидов с волостями, город Опаков с волостями, город Городечна, город Лучин с волостями, город Перемышль с волостями. Кроме того, к числу смоленских городов были отнесены следующие города с волостями: Мцепеск (Мценск), Любутеск и Вязьма.

В обширном списке смоленских волостей были указаны: Трубна, Городенка, Порыска, Тарбеев, Олопов, Жермин, Озерск, Лагинск, Крайшино, Недоходов, Лычино, Нерожа, Путып, Дорожмира гора, Кнутова дуброва, Сквородеск, Гостижа, Белые вета, Вежки, Турье, Жулин, Мошкова гора, Ощитов, Дмитров, Пустый Мошин, Лугань, Липицы, Верх, Серена, Фомпичи, Бежична, Дегна, Колвына, Демена, Мошин, Ужшерет, Замошье; волости смоленского владыки: Погостице, Любуць, Блажевичи, Печки; волости Крошинских князей: Тешынов, Сукромна, Ольховець, Отъезд, Залокоче, Волста, Клыпино, Нездилово, Черпа, Головачи.

После изучения представленного послами списка смоленских городов и волостей бояре потребовали исключения из него волостей Боровских, Медыньских и Можайских. К Боровским волостям они относили: Трубну и Путып; к Медыньским — Городенку, Нерожу, Дорожмиру гору, Кнутову дуброву,

Сковородск, Гостижу, Белые вета, Вежки; к Можайским — Турье, Тешыпов, Сукромну, Ольховец, Отъезд. Хотя послы сначала пытались настаивать на принадлежности этих волостей к Смоленским, но вскоре «отступилися» от них.

Длительные споры вызвал вопрос о распределении Вяземских волостей. По предложению литовских послов те из вяземских князей, которые служили московскому великому князю, должны были отойти со своими вотчинами в московскую сторону, а вяземские князья, служившие литовскому государю, — оставаться на литовской стороне. Вопрос о Вязме, по мнению послов, следовало решить полюбовно посредством «обыска» после того, как между государями устаноятся «любовь и докопчанье п кровной связок»: «куде были из старины Вязма, ино одип одному поступится». Поэтому послы предлагали, чтобы до этого «обыска» Вязма, занятая людьми московского государя, оставалась в его временном владении: «...Вязму держк государь ваш, а в докопчанье ее не пиши ни в одну сторону». В качестве исторического прецедента они ссылались на пример Козельска по договору короля Казимира с великим князем Василием Васильевичем — «как написано о Козелску в отцов их докончание»¹.

Вопрос о правах московского государя на Вяземское княжество явился узловым при выработке условий территориального размежевания. Не соглашаясь с предложением послов, бояре настойчиво требовали отказа Александра Казимировича от «всей Вязмы», рассматривая это требование как «conditio sine qua non» для продолжения переговоров по всем другим вопросам. После длительного обсуждения, во время которого было сказано «много спорных речей», послы принуждены были уступить и «о Вязме спустили».

Затем предметом обсуждения стал вопрос об отчинах мезецких князей. По предложению послов, мезецкие князья, перешедшие на сторону Москвы, должны были сохранить лишь те Тарусские волости (Акдырев или Говдырев, Устье, Жабынь), с которыми они в прежнее время «приехали» к литовским государям. Находившиеся у них «данье» литовских великих князей должно было остаться у тех князей, которые продолжают служить литовскому государю. К этому «данью» принадлежал и сам город Мезческ (Мезецк). В отношении Серепска послы предлагали установить владение им по половинам, как было при великом князе Ольгерде.

¹ Козельск был занят Казимиром в трудное для Василия Васильевича время, около 1447 г. В 1448 г. Казимир отдал Козельск в наместничество князю Федору Львовичу Воротыньскому (АЗР, т. I, № 48). Однако в сохранившемся договоре Казимира с Василием Васильевичем о Козельске ничего не сказано (АЗР, т. I, № 50).

Бояре соглашались отказаться от Мезческа (Мевецка), взамен Люботска, но настаивали на переходе всего Серенска к Москве: «Коли хотие Мезоцка в государе своего стороне, и вы ступитесь государю нашему Любутска; а похотие Любутска, и вы ступитесь Мезоцка». В результате переговоров литовцам была сделана уступка — Мезческ и Любутск остались во владении великого князя литовского. В отношении мезецких князей, находившихся в московском плену (Семена и Петра Ромаповичей), было решено возвратить им свободу и предоставить им самим выбрать, в какой стороне, московской или литовской, они пожелают быть. Вопросом о судьбе мезецких земель закончились переговоры о территориальных изменениях и новой государственной границе. После этого литовские послы приступили к переговорам о «сватовстве».

Получив предварительное согласие бояр на начало этих переговоров, послы представили великому князю особую «верующую грамоту», послю которой сделали официальное предложение от имени своего государя: «... была ль бы на то божия воля, абы еси дал за нас дочку свою, абыкмо у вечпой приязни и в кровном связаньи с тобою были пыне и на веки». Великий князь отвечал о своей готовности с литовским государем «то дело делати». Однако деловые переговоры о браке начались только после того, как послы одобрили черновой «список» мирного договора. Главным условием брака ставилось сохранение великой княжной «греческого закона», т. е. русского православного вероисповедания. Послы дали обещание, что их государь «на то и крепость учинит, что неволе не быти», и ругались в этом своими головами.

6 февраля был совершен обряд обручения, причем Александра Казимировича представлял староста жмудский Станислав Янович. Невеста и «жених» обменялись перстнями и крестами¹.

На следующий день после обручения была произведена предварительная ратификация и обмен «докопчальными» грамотами. Литовские послы приписали к грамоте Александра Казимировича, что они «целовали за него крест» и свои печати с условием, что после того, как сам Александр Казимирович перед московскими послами «поцелует крест» в соблюдении договора, припись послов с их печатями будет срезана и взамен будет подвешена печать великого князя литовского. В подтверждение заключенного договора сначала «целовал крест» Иван III,

¹ «И князь велики, сед с великою княгинею, и княжна тут же, да и бояре, и послали по них (литовских послов. — К. Б.), да и обручение тут было, молитву священники тут молвили, кресты с чепи и перстни меняли; и великого князя Александра место обручал пан Станислав Янович, староста жемоньский» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 124).

а затем от имени своего господара послы Петр Янович и Станислав Янович.

Первая часть «докопчальной» грамоты 1494 г. содержала общие условия союза — «быти за одиш». Взаимные обязательства союзников были выражены обычной формулой: «А кто будет мне друг, то и ему друг; а кто мне недруг, то и ему недруг; а кто будет ему друг, то и мне друг; и кто ему недруг, то и мне недруг». Особо была отмечена взаимная помощь против татар. В случае нападения татар на московские «украинные места» пограничные князья и воеводы обеих сторон должны были «сослаться» между собой и «боронитися им содиного». Оба государя обещали оказывать друг другу помощь против недругов и татар. Однако в случае невозможности послать помощь это не должно было ставиться «в измену». Такая оговорка имела практически большое значение для московской стороны, так как Иван III не опасался нападения со стороны Крымской орды, а против «Ахматовых детей» он мог рассчитывать на помощь со стороны Менглы-Гирея. В ином положении находился Александр Казимирович, для которого Менглы-Гирей представлял главную опасность.

Вторая часть «докопчальной» грамоты была посвящена вопросу о тех землях, на которые существовали притязания одной из договаривающихся сторон. Иван III давал обязательство «не вступатися» в вотчину великого княжества Литовского, в состав которой были включены: Смоленск и все смоленские места, Любутск, Мценск (Мценск), Дбрянск (Брянск), Серпеск, Лучин, Мосальск, Дмитров, Жулин, Лычино, Залидов, Бышковичи и Опаков. В свою очередь Александр Казимирович отказывался от притязаний на Новгород Великий, Псков, все новгородские и псковские места, Тверь и все тверские места. Между псковскими и новгородскими волостями (Луки Великие, Ржев, Холмский погост, Велиль, Лопастичи и Буйцы), с одной стороны, и Литвой, Полоцкой, Витебской и Торопецкой землями — с другой, подтверждался старый рубеж «по земле и по воде». Старая граница устанавливалась также для Тверской земли.

Александр Казимирович давал обещание «не вступатися» во все земли и воды Вяземские, не принимать к себе на службу Вяземских князей, а также не вступаться в Фоминско-Березуйское княжество — в вотчины, города и волости Федора Блудова, Александра Борисовича Хлепепского, князя Романа Фоминского, его братьев и племянников, не вмешиваться в долю Юрья Ромейковича и в «места» князя Федора Святославича¹.

¹ Фоминско-Березуйское княжество являлось удельным Смоленским княжеством. По родословным князья Фоминские принадлежали к линии смоленских князей. При Витовте фоминские князья в числе других погра-

Территориальные изменения в области верхней Оки и Угры, а также новые отношения с «верховскими» князьями побудили подробно разработать части договора, касавшиеся этих вопросов. Александр Казимирович обязывался («не вступаться») в Алексин, Тешилов, Рославль, Венев, Мстиславль, Тарусу, Оболенск и во все козельские, людимские и серенские места. В этот список были включены не только те города, которые переходили из-под литовского в московское владение, но и те пограничные места, которые и раньше находились на московской территории. Алексин был приобретен еще митрополитом Петром и позже обменен великим князем Василием Дмитриевичем у митрополита Киприяна на слободку Святославлю¹. Тешилов и Венев были «куплями» Василия Васильевича у одного из рязанских князей². Тарусское княжество было присоединено к Москве еще при Дмитрии Донском³. Козельск, главный город Козельского княжества, был занят Москвой в начале XV в.; в 1405 г. Василий Дмитриевич отдал его «в вотчину и удел» Владимиру Андреевичу Серпуховскому, но во время московской уособицы в 1447 г. Козельск был занят Литвою⁴.

Вопрос о служебных «верховских» князьях был разрешен в соответствии с требованиями Ивана III. Александр Казимирович отказывался от всяких прав па князей Новосильских, Одоевских, Воротыньских, Перемышльских и Белевских с их «отчинами» и со всем тем, что к ним тянуло. Из мезецких князей к Москве переходили: князь Михаил Романович и сыновья Василий и Федор князя Ивана Федоровича Говдыревского с их отчинами и дольницами в городе Мезецке и в волостях. На службе великого князя литовского оставались: князь Федор Сухой и брат его Василий, сыновья князя Федора

ичных князей «приложися» к нему (И. М. Крамз и п. История государства Российского, т. V, пр. 165). Неизвестно, когда Фоминское княжество вновь перешло к Москве, но в договор 1449 г. Василия Васильевича с Казимиром было внесено условие: «...а Федора Блудова и Александра Борысова сына Хлепецкого, и князя Романова Фоминского, и их братья и братаничи отчины, земли и воды, все мое великого князя Васильевы; також Юрьева доля Ромейковича и князя Федоровы места Святославича, все за мною за великим князем за Васильем» (АЗР, т. I, № 50). Таким образом, данное место в договоре 1494 г. представляло собой точное повторение условий 1449 г. с переименованием вотчин тех же лиц.

¹ АИ, т. I, № 215.

² Договорная грамота Ивана III с великим князем рязанским Иваном Васильевичем (Соб. гос. гр. и дог., т. 1, № 115).

³ В договоре 1449 г. сказано: «А князь Василей Иванович Торуский и з братью и с братаничи служат мне великому князю Василью, а тобе королю и великому князю Казимиру в них не вступатися» (АЗР, т. I № 50).

⁴ М. Лубавский. Образование основной государственной территории великорусской народности, стр. 90.

Андреевича. Находившиеся в московском плену князь Семен Романович и князь Петр Федорович должны были сами выбрать, кому они пожелают служить.

Договор подтверждал отказ великого князя литовского от каких-либо притязаний на Мещеру и Рязанское княжество: «А князь великий Иван Васильевич Рязанской и брат его князь Феодор и с своими детьми и с своею землею в моей стороне в великого князя в Иванове». В договоре 1449 г. это место было изложено иначе: великий князь Иван Федорович рязанский был назван «братом младшим» Василия Темного, состоявшим с ним «в любви»¹. Разница обоих текстов соответствовала тем крупным изменениям, которые произошли в положении рязанского князя: из «брата младшего» и полусамостоятельного вассала великого князя московского он превратился в обычного «служебного» князя, подобно многим другим «служебным» князьям, хотя и сохранял свой старый титул «великого князя». С установлением более тесной зависимости великого князя рязанского от Москвы изменились и отношения между ним и великим князем литовским. По договору 1449 г., если рязанский князь «зъгрубит» королю, то московский великий князь обещал его «въсюнути» (уведомить?) и рязанский князь должен был сам «исправиться» перед королем. В случае если рязанский князь этого не выполнял («а не исправит ся к тебе»), то король получал право наказать провинившегося: «и тебе королю Рязанского показати, а мне ся в него не вступати». По договору 1494 г. Иван III брал на себя разбирательство столкновений между рязанским князем и великим князем литовским: «А в чем тебе великому князю (Александру Казимировичу. — К. Б.) князь велики Иван Рязанской и брат его князь Федор сгубят, и тебе о том прислати ко мне, к великому князю Ивану, и мне то тебе направити».

Обе договаривающиеся стороны (Иван III и Александр Казимирович) давали обещание не принимать к себе служебных князей с вотчинами, а в случае обиды с какой-либо стороны выслать судей, которые «учинят исправу без перевода».

Александр Казимирович обязывался находившихся у него «израдцев» московского великого князя, детей князя Ивана Можайского, детей князя Ивана Шемякина, сына князя Ивана Ярославича, а также князя Михаила Борисовича Тверского и князя Василия Михайловича никуда не отпускать «на лихо» Ивана III, и если они пойдут прочь из его земли, — обратно их не принимать.

Далее, в «докопальной» грамоте устанавливался порядок «вопчего суда» об «обидных делах». Тяжбы, возникавшие

¹ ЛЗР, т. I, № 50.

между людьми обоих государей, должны были разбирать волостели обеих сторон на съезде, а «суженого не посужати, а суженое, заемное, положенное, поручное дати. А холопа, робу, должника, татя, разбойника, беглеца, рубежника по исправе выдати». Эта статья текстуально повторяла соответствующее место договора 1449 г.

Статья об охране послов и купцов («А послом нашим ездити без опасы. А гостем нашим гостити без рубежа и без пакости») была значительно развита в договоре 1494 г. по сравнению с договором 1449 года. Помимо общего положения о беспрепятственном передвижении послов и гостей («без рубежа и без всякое пакости»), статья отдельно подтверждала это правило для Псковской, Новгородской и Тверской земель.

В последней части договора указывалось, что даже в случае смерти одного из договаривающихся государей все условия договора сохраняют свою силу.

Очень важным достижением в договоре 1494 г. для московской стороны было употребление в обоих списках договора, московском и литовском, в титуле Ивана III наименования его «государем всея Руси». Впоследствии, ссылаясь на это документально засвидетельствованное признание Ивана III «государем всея Руси», московские дипломаты получили полное право утверждать, что данный титул был официально признан литовской стороной.

Территориальные приобретения Московского великого княжества, утвержденные договором 1494 г., имели для него, несомненно, большое военно-политическое значение. В результате присоединения Вяземского княжества государственная граница отодвигалась на запад от Москвы более чем в два раза; естественным рубежом стало верхнее течение Днепра до Дорогобужа (Дорогобуж оставался на литовской стороне). Благодаря этому был создан удобный плацдарм для борьбы за Смоленск. Крупное значение имели также присоединения в бассейне верхнего течения р. Оки. Новая граница проходила от нижнего течения Угры на Людимск (в московской стороне) и Мезецк (в смежном владении). Далее она переходила на верхнее течение Жиздры и, пересекая Оку южнее Белева, смыкалась со старой границей вблизи Одоева. При этом западная граница в районе Мезецка и южнее этого пункта вследствие чересполосного владения мезецких князей и разбросанности их «дольниц» не могла быть точно установлена; ее предполагалось уточнить посредством «обыска». Это обстоятельство создавало источник постоянных споров и столкновений, продолжавшихся до войны 1500—1503 гг.

Присоединенная к Москве территория «верховских» князей выдавалась клином в юго-западном направлении по отно-

шепию к порубежным московским местам в районе Калуги и Тулы. Это давало возможность лучше организовать оборону наиболее уязвимою участка южной границы, подвергавшегося нападению со стороны татар.

Для ратификации Александром Казимировичем «докончальной» грамоты в Вильно было отправлено посольство в составе князя Василия Ивановича Патрикеева и князя Семона Ивановича Ряполовского с сыном боярским Михаилом Кляпиком-Еропкиным и дьяком Федором Курицыным. Послов сопровождало 14 детей боярских, очевидно, для придания посольству более торжественного характера.

«Докончальная грамота» от имени Александра Казимировича была переписана в Вильне. «А докончание Феодор (Курицын) днак писал с Федком с писарем на великого князя дворе». 22 апреля Александр Казимирович «крест целовал» перед московскими послами и отдал им «утвержденную грамоту» со своей печатью. Сложнее обстояло дело с грамотой «о греческом законе», т. е. об обязательстве Александра Казимировича сохранить за своей будущей супругой православное вероисповедание. Текст этой грамоты был составлен в Москве и принят литовскими послами. Московские послы получили строгий приказ получить от Александра Казимировича грамоту по этому списку «слово в слово». В крайнем случае, если бы господарь отказался дать это обязательство в письменном виде, можно было согласиться на то, чтобы он «крепкое свое слово молвил, что ему о греческом законе неволи не чинити». Александр Казимирович дал грамоту, но в ней оказалась против московского списка лишняя строка: «а коли похочет своею волею приступити к нашему римскому закону, то ей в том воля». Послы решительно отказались принять эту грамоту в таком виде, и вопрос о ней был отложен до отправки нового литовского посольства в Москву.

Посол Александра Казимировича пан Ян Лютавар Хребтович прибыл в Москву 17 августа. Иван III одобрил поведение своих послов и решительно заявил пану Александру Казимировичу, что если из грамоты «о греческом законе» не будет выкинута лишняя строка, это добавление против московского списка, то он расторгнет соглашение о браке: «... коли князь велики Александр нам не даст таковы грамоты по тому списку, каков у нас взяли его панове, и нам нельзе дати за него своей дочери; а то не мы то дело рушым, князь велики Александр с нами свойства не хочет и то дело рушты». Замечание литовского посла, что он не имеет от своего великого князя полномочий на изменение написанной грамоты, не поколебало решения Ивана III. Тогда пан Ян Хребтович стал уверять, что одна строка не может служить помехой к установлению свойства

и что он согласен взять «московский список», по которому его государь пришлет грамоту за своєю печатью, а «ту строку о римском законе велит выставити».

Не меньшую твердость с московской стороны встретил Ян Хребтович в отношении спорных вопросов территориального размежевания. Договор 1494 г., как мы видели, не устанавливал точной границы в районе верхней Оки, а запутанность поземельных отношений между «верховскими» князьями оставляла значительный простор для столкновений между ними, а также между обеими заинтересованными сторонами, литовской и русской.

Обращаясь с жалобой к Ивану III на то, что уже и после заключения «докончания» московские «вкраинники позабрали через старые рубежи» волости слуг великого князя литовского, Александр Казимирович толковал мирную грамоту в том смысле, что она устанавливала «земли и воде рубеж по старым рубежом». В действительности по старым рубежам устанавливалась граница только для Псковской, Новгородской и Тверской земель. В свою очередь Иван III доказывал, что территория, лежавшая в бассейне Угры и верхнего течения Оки, была старой московской территорией и, значит, Александру Казимировичу принадлежат только те города и волости, от которых Иван III «отступился» и которые переименованы в «перемирной грамоте». Боярам поэтому и было велено сказать литовскому послу: «А чего государь наш не отступился, то и в докончание не писано; ино те земли государя нашего».

Это положение было применено в отношении земель, находившихся за р. Угрой и владений мезецких князей. За Угрой Иван III считал своими Борятин, Орель¹ и Полтево, не указанные в «перемирной грамоте». Александр Казимирович жаловался, что князь Михаил Романович Мезецкий, служивший Москве, отнял у служившего великому князю литовскому князя Петра Мезецкого его купли, треть в городе Мезецке и земли в волостях. Князь Петр Мезецкий эти земли купил у своего дяди князя Ивана Андреевича Мезецкого при короле Казимире. Иван III не соглашался с доводами литовского посла на том основании, что Мезецк (Мезецк) весь принадлежал великому князю московскому и что «о князе о Петре написаю ж, что ему ведати свою отчина, долиница своя, а что не написаю в докончание, ино то все наше». Иван III поэтому пожаловал третью князя Ивана Андреевича в городе Мезецке «своего слугу» князя Михаила Романовича Мезецкого.

¹ Орель упоминается в книге земельных раздач короля Казимира в числе городов и волостей, принадлежавших к отчине мезецких князей, Федора, Романа и Ивана, ранее отданных Витовтом их отцам, Андрею и Дмитрию Тарусским (М. Л. Ю б а в с к и й. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства, стр. 55).

После многих проволочек, пререканий и пересылок дело о браке Александра Казимировича с Еленой Ивановой пришло к благополучному окончанию лишь поздней осенью 1499 г. 6 января следующего года в Москву за невестой прибыло большое посольство в составе попа вилепского и наместника городенского князя Александра Юрьевича, пана Троицкого и наместника полоцкого Яна Заберезинского с сыном Станиславом, наместника брянславльского Юрия Зишовьевича, «ляха» Кирея, полочац — двух Корсаковичей и Сеньки Епимахова и «жомарника» господаря Дермлига.

Отпуская через несколько дней литовских послов и свою дочь, великий князь в личном обращении к ним еще раз подтвердил условия брака, изложенные в «потверженном листе» за печатью господаря. Он сообщал своему будущему зятю, что точное соблюдение обязательств, касающихся чистоты православного вероисповедания княжны, является основным условием сохранения между ними «любви и дружбы». Он поэтому просил Александра Казимировича поставить церковь греческого закона у ее хором.

Елену Ивацовну сопровождала в Литву многочисленная свита. Все попечения в дороге были вверены князю Семену Ивановичу Рыцоловскому, Михаилу Яковлевичу Русалке и Прокофию Зишовьеву, отправившимся со своими женами. С ними следовали: дворецкий Дмитрий Семенович Пешков, дьяк и казначей Василий Кулешин, окольные, стольники, конюшие, ясельники, «дети боярские», всего 80 человек. Сопровождавшим был дан подробный наказ о поведении в пути и по приезде в литовскую столицу. Была предусмотрена даже такая подробность, как худой мост в Витебске, который мог помешать великой княжне посетить соборную церковь. Большое внимание было уделено тому, как вести себя со встречными папами и панями с тем, чтобы избежать всего, что могло бы уронить достоинство московской великой княжны и сопровождавших ее лиц. Не были забыты и русские беглецы — Тверской князь Михаил Борисович, сын Можайского князя Ивана Андреевича, сын Василия Ярославича и внук Шемяки (Шемячч); всем им настрого запрещалось видеть великую княжну.

Наибольшая забота, понятно, была проявлена к обряду свадебного венчания. Великий князь желал, чтобы его дочь была одета в русское платье, слушала предсвадебную обедню в православной церкви и венчалась в ней митрополитом или епископом «греческого закона». Однако в случае упорного несогласия со стороны господаря боярам разрешалось постепенно «спускать» эти требования, но решительно настаивать на одном: венчание, пусть даже в католической «божнице», в слу-

чае отсутствия православного митрополита или архимандрита должен производить сопровождавший великую княгиню поп Фома.

Елена Ивановна выехала из Москвы 13 января с братом Василием, который сопровождал ее до Дорогомилова, где была сделана двухдневная остановка. На следующий день в Дорогомилово приехал сам великий князь вместе с семьей. Он переночевал у дочери и на прощанье дал ей последние наставления относительно защиты своего вероисповедания.

Трудности точного исполнения наказа и всех пожеланий великого князя увеличивались по мере приближения к литовской столице. Едва выехав из Смоленска, бояре начали переговоры с папами о венчании в «греческой церкви». Паны упорно отмалчивались в этом щекотливом вопросе. Не досажая Вильно, в Медниках, бояре «з бранью» стали упрекать панов, что они не дают никакого ответа о венчанье. К господарю был отправлен Ян Заберезинский, который, вернувшись, сообщил им, что венчанье назначено не в греческой, а в римской (католической) церкви.

В Маркове (вблизи Вильно) княжну в сопровождении 60 человек встретили маршалок Станислав Стромиллов, князь Констапль Острожский, князя Иван и Василий Глинские. С ними был прислан от жениха «воз», покрытый скорлатом и обитый внутри зеленым аксамитом. В «воз» было запряжено восемь серых жеребцов, шлеи на которых были сделаны из бархата багреца, а металлические части упряжи — позолочены. Однако княжна, помня отцовский наказ, не согласилась пересечь из своего московского тапкана.

Встреча с женихом за три версты до Вильно прошла более благополучно. Александр Казимирович приехал к невесте верхом на жеребце. Остановившись около тапкана княжны, он велел разостлать на земле червленое сукно. Однако бояре все же покрыли его «камкой бурской с золотом», так что, спешившись, жених шел по своему сукну, а вышедшая к нему из тапкана княжна — по привезенной отцовской камке.

В этот же день состоялся торжественный въезд Елены Ивановны в Вильно.

Княжна в соответствии с желанием Ивана III венчалась в русском наряде. Сопровождавшие княжну боярыни по русскому обычаю расплели ей косу, положили на голову кичу, убор замужней женщины, покрыли покровом и обсыпали хмелем. Когда, отслушав обедню в православной церкви, княжна направилась к католической «божнице», впереди шел поп Фома с крестом. Вышедший навстречу бискуп с «крыжем» к большому удовлетворению московских людей не решился ее благословить. Во время венчания, совершавшегося биску-

пом по католическому обряду, поп Фома упорно читал книжные православные молитвы, а княгиня Марья с таким же упорством держала венец над головой невесты. Александр Казимирович и бискуп «побранили накрепко», требуя, чтобы поп Фома перестал читать молитвы, а княгиня Марья не держала бы венеца, но успеха не имели.

Новые затруднения появились после свадьбы. Александр Казимирович отказался удовлетворить просьбу тестя и поставить православную церковь в своем дворе у хором супруги. При этом он ссылался на старый закон своих предков и своего отца, по которому в Вильне воспрещалось строить новые православные церкви¹. Иван III ответил, что ему «до тех его прав дела нет никоторого» и что если господарь обязался сохранять свою жену в «греческом законе», то должен и церковь поставить, чтобы ей недалеко было ходить².

Еще более серьезные пререкания возникли относительно московских людей, приставленных к великой княгине. Официальным предлогом для оставления их на более или менее продолжительный срок в Вильне была необходимость дать великой княгине возможность привыкнуть к новой обстановке, — «доколе опа обойдется». Однако лишь только бояре князя Семена Рязановский и Михайло Русалка выехали в Москву, как господарь большинство русских людей отослал, а приставил к Елене Ивановне своих людей «римского закупа», а на свою жену велел надеть «свое платье». Иван III указывал, что оставшимся при великой княгине московским людям «великая почесть чинится, а иные люди до смерти побиты, а иных бьют, крадут».

Вопрос о русских людях при Елене Ивановне имел для Ивана III большое значение. Дело было в том, что через своих людей Иван III мог поддерживать секретную переписку с дочерью и получать интересовавшие его данные о политических событиях в Литве и Польше. В первое время такими посредниками в сношениях с дочерью и осведомителями были остававшиеся при дворе великой княгини бояре Василий Ромодановский, Прокофий Скурат и дворецкий Дмитрий Пешков. Узнав об их излишней болтливости, Иван III велел им передать на словах: «что с вами говорит моя дочи, или что она ко мне пишет свои грамоты, или вы ко мне пишете, ино то яз приказал своей дочи с вами все говорить, того дела, чтобы мно было все ведомо. Ипо те речи все, что ко мне дочи моя пишет, и что вы пишете, и что с вами дочи моя говорит, и робята у вас ведают, ино пригоже ли так делаете? И вперед, что с вами дочи

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 187.

² Там же, стр. 191.

моя учнет говорить, и что будет от нее пригоже ко мне написати, или вам что ко мне писати, ино бы у вас того не видел никто»¹.

С послами, отправлявшимися в Вильно по различным делам к Александру Казимировичу, Иван III переслал дочери, помимо открытых грамот, содержавших обычные приветствия и вопросы о здоровье, тайные грамоты и паказывал послам тайные речи к княгине. После официальных приемов послы должны были добиваться встречи с Еленой Ивановной «наедине» в присутствии только приставленных к ней московских бояр. Здесь могли происходить наиболее секретные разговоры. Поддерживая частные сношения с дочерью, Иван III в случае крайней необходимости прибегал к посылке к ней людей под вымышленными предложениями. Так, в мае 1495 г. в Вильно был отправлен к княгине гонец Михало Погожев под предлогом, что «слух ему (Ивану III.— К. Б.) пришел, что дочь его подмогает». В то же время Иван III велел дочери тайно сообщить, что грамоту о болезни он прислал к ней «того дея, чтобы незнакомисто было, чего дея есми послал к тебе Погожево; и ты бы то ведала себе». Своему супругу Елена Ивановна должна была показать грамоту отца, в которой он осведомлялся о здоровье дочери, тщательно скрыв другие переговоры².

Поддерживая дочь в строгом соблюдении веры своих предков и получая от нее и от приставленных к ней бояр сообщения о политической жизни, Иван III пытался через ее посредство воздействовать на Александра Казимировича в желательном ему направлении. Поэтому он осведомлял Елену Ивановну о содержании своих переговоров с ее супругом и требовал от дочери, чтобы она помогала ему в разрешении спорных вопросов. Так, в 1496 г. Иван III просил дочь выхлопотать у Александра Казимировича разрешение на беспрепятственный проезд через литовскую территорию турецких послов, направлявшихся в Москву, и московских послов, отправлявшихся в Константинополь. Получив в мае 1496 года от дочери известие, что ее супруг и паны рады предполагают отдать Сигизмунду Казимировичу Киев и ряд других городов в великом княжестве Литовском, Иван III поспешил уведомить Елену Ивановну о тяжелых последствиях этого решения: «Ино, дочи, слыхал яз, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много; а и в нашей земле, слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце, а опосле отца моего каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама поминишь; и только Жыдимонт будет в Литовской земле, ино вашему которому добру быти? И яз приказываю то к тебе того

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 199.

² Там же.

деля, что еси дитя наше, и что ся не по тому ваше дело почнет делатись, и мне того жаль. А захочешь о том говорити с великим князем, и ты бы говорила с ним от себя, а не моею речью; да ко мне бы еси о всем отказала, каково ваше дело»¹.

Напоминая дочери о феодальной войне при ее деде, Василии Темном, и о сопротивлении дядей ее отцу — великому князю, Иван III вряд ли имел в виду интересы цельности и прочности государства своего соперника — тестя. Передача Клева и других русских городов, которые московский государь мечтал видеть воссоединенными под своей державой, Сигизмунду Казимировичу очень осложняла в будущем борьбу за эту исконную «отчину» прямых наследников дома Владимира Святославича. Если бы это случилось, плохо защищенные окраинные земли великого княжества Литовского на среднем Приднепровье превратились бы в автономное феодальное государство, династически связанное не столько с Литвой, сколько с Польшей. Поэтому появление Сигизмунда Казимировича в Литве нельзя было рассматривать иначе как появление нового возможного противника.

Изучение спонений Ивана III с дочерью позволяет более ясно представить политическую цель брака Елены Ивановны с Александром Казимировичем. Официальной причиной согласия Ивана III на этот брак было желание установить с великим князем литовским «сердечную любовь»². Когда в 1493 г. Иван III отказался от мысли начинать с литовским господарем большую войну, чтобы исторгнуть из-под его власти все земли Руси, этот брак, несомненно, был выгоден Ивану III, так как облегчал заключение перемирия и частично примирял Александра Казимировича с потерей порубежной территории. Кроме того, Елена Ивановна, как мы видели, была превращена отцом в орудие дипломатической борьбы. Однако роль Елены Ивановны не ограничивалась интересами политической информации и средством воздействия на своего супруга. Иван III придавал значение вопросам религии. За церковной стеной, несомненно, скрывались более широкие политические цели. Брак православной княжны с господарем-католиком совпал по времени с обострением церковно-политической и на-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 223—225. Сведения Ивана III относительно Сигизмунда Казимировича оказались совершенно верными, хотя советы его несколько и запоздали. В апреле 1496 г. Александр Казимирович отвечал своему брату королю Яну Альбрехту на предложение предоставить королевичу Сигизмунду часть великого княжества Литовского: «бо брат наш, королевич его милость Жикгимонт хочет, чтоб дали дель его милости в нашем папстве». Александр Казимирович сообщал, что великое княжество «николи не было делено здавна» и что паны рады и вся земля не желают «двух панов мети» (АЗР, т. I, № 135).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 255.

циональной борьбы в великом княжестве Литовском. Сохранение православия великой княгиней литовской должно было, по мысли Ивана III, усилить сопротивление русского православного населения на Литве католической пропаганде. «А как ты наша дочи к нему (Александру Казимировичу. — К. Б.) пришла, — говорил Иван III дочери, — и яз чаял того, что как ты к нему придеш, иио тобою всей Руси, греческому закону, укрепление будет»¹. Необходимо иметь в виду, что для XV—XVI вв. система вероисповедания являлась одним из существенных признаков национальности. Введя борьбу за укрепление «греческого закона» в великом княжестве Литовском, Иван III по существу вел борьбу за сохранение русского начала как опоры своих внешнеполитических устремлений, целиком направленных к созданию государства «всей Руси».

Нарушал ли брак Александра Казимировича с Еленой Ивановной эти широкие политические планы? Все поведение Ивана III, от заключения брачного договора до полного разрыва со своим зятем в 1500 г., показывает, что он никогда не отступал от этой задачи. Нет сомнения в том, что ссоры с зятем из-за дочери, все эти вопросы о правах русской церкви, о ирритуальных к княгине взамен русских людей панах и паниях и многие другие не являлись основной причиной нарастающей враждебности между двумя государями. Елена Ивановна была принесена отцом в жертву государственным интересам.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 416.

ПЕРЕХОД К АКТИВНОЙ ПОЛИТИКЕ

(90-е годы XV в.)

I

В период от разгрома Ахмед-хана в 1480 г. до заключения перемирия с Александром Казимировичем в 1494 г. действия Ивана III в области внешней политики приобретали все более активный характер как на восточной, так и на западной границе. Занятие Казани в 1487 г. и свержение Али-хана положили начало коренному изменению взаимоотношений между Москвой и Казанью, которая из грозного врага превращается в послушного вассала, принимающего своих ханов «из рук» московского государя.

На западе Иван III, используя тяготение к Москве русско-украинского населения, силами перешедших к нему православных князей и московских порубежных отрядов значительно «исправил» литовско-русскую границу. Однако большая война за единство «всей Руси», т. е. за воссоединение с русско-украинско-белорусскими землями, находившимися под властью литовской короны, в эти годы еще не развернулась. Большие дипломатические усилия, проявленные Иваном III к образованию союза из всех врагов Ягеллонов (Австрии, Венгрии, Молдавии, Крыма), не увенчались успехом. Очевидно, Иван III в это время не считал себя еще достаточно подготовленным к развернутым наступательным действиям против Литвы и ее возможных союзников (Польша, Ливонский орден). Перемирие 1494 г. откладывало на некоторое время разрешение противоречий, созданных ходом развития великого княжества Литовского и великого княжества Московского, превратившегося в общерусское государство.

В исходе XV в. внешняя политика Ивана III получила необычайно широкий размах. Удар по Ганзе, выразившийся в закрытии ее новгородской фактории, и война со Швецией 1495—

1496 г. впервые серьезно и практически поставили вопрос о самостоятельных русских интересах в Прибалтике, несовместимых с враждебной политикой Ливонского ордена, Ганзы и Швеции, стремившихся преградить России выход к Балтийскому морю.

На юге установление непосредственных сношений с Турцией преследовало не только экономические (улучшение условий русской торговли на Черном море), но и политические задачи. Дружелюбные отношения с султаном были необходимы для поддержания союза с Менглы-Гиреем, которым Иван III продолжал пользоваться в своих интересах. В Москве не могли не понимать всю непрочность и ненадежность союза с Крымом. Чем больше слабела Большая Орда, быстро приближавшаяся к окончательному распаду, тем больше ослабевали временные союзнические отношения между Москвой и феодальной знатью Крыма. В то же время посольства в Москву из Грузии от царя Александра I и из Средней Азии от властителя Герата Гуссейна указывают на усиление влияния России в странах Переднего Востока.

Расширяя и активизируя внешнюю политику в отношении к западным и восточным странам, Иван III продолжал оставлять в центре своего внимания литовский вопрос.

Остальные мероприятия в области внешней политики, несомненно, сыграли известную роль в подготовке к открытой и решительной борьбе с Александром Казимировичем. Так, война со Швецией (1495—1496) помогла королю Иоанну датскому, находившемуся в союзе с Иваном III, одержать победу над Стен Стуре и занять шведский престол. Благодаря этому Швеция отрывалась от Ливонского ордена — союзника Александра Казимировича. Дружелюбные отношения Ивана III с султаном Баязидом создавали некоторую гарантию в отношении поведения Менглы-Гирея.

Однако внешнеполитическая обстановка, предшествующая началу войны с Александром Казимировичем, резко отличалась от условий, в которых происходила «порубежная война» 1487—1494 гг. Если тогда большое значение придавалось образованию союза держав против Ягеллонов, то в предстоящей войне Иван III уже не рассчитывал на союзников, исключая одного Менглы-Гирея, помощь которого не могла быть ни постоянной, ни достаточной. В подготовке к войне главное значение приобретали успехи внутреннего экономического и политического развития страны, преодоление остатков феодальной раздробленности и сложение централизованной системы управления.

Хотя в задачи настоящей работы не входит исследование внутренней деятельности Ивана III, представляющее при сла-

бой разработке этого вопроса большую и самостоятельную тему, тем не менее нам необходимо остановиться на некоторых внутренних мероприятиях 90-х гг., преимущественно военно-политического характера.

Последние два десятилетия XV в. — важный момент в складывании централизованной системы Русского государства. Произведенный, как выяснил Л. В. Черепнин¹, в 80-х гг. общий пересмотр формуляров духовных и договорных грамот имел целью подготовить переход удельных владений в состав «отчины» великого князя. Удел Юрия Васильевича (Дмитров, Ростов, Медынь, Хотуль), умершего в 1473 г., вызвавший длительную борьбу между Иваном III и его братьями, окончательно был закреплен за великим князем. В 1481 г. к нему же перешел Вологодский удел Андрея Васильевича «Меньшого». В 1486 г. скончался Михаил Андреевич, владевший по договору с великим князем Белоозером и Ярославцем по его «пожалованию», на прекарных началах. Эти земли, а также Верей, бывшая ранее у сына Михаила Андреевича, Василия, также целиком перешли к великому князю. В 1491 г. Иван III круто расправился с наиболее строптивым братом Андреем «Большим», ближайшим поводом к заточению которого явилось уклонение от похода против сыповой Ахмед-хана, угрожавших нападением на Крым. Андрей Васильевич был заключен в тюрьму на Казенном дворе в Москве, в которой и умер два года спустя. Оба сына Андрея Васильевича были «изыманы» в Углич, а весь углический удел отошел к великому князю.

В решительной ломке остатков феодально-удельного строя большое значение имела социально-земельная реформа на территории новгородских пятин. Зимой 1488/89 г. Иван III вывел из Новгорода более 7 тысяч «житых» людей, которые сначала были направлены в Москву, а затем посланы в Нижний Новгород. Официальным предлогом для этой массовой репрессии в отношении новгородских вотчинников послужило обвинение их в сопротивлении великокняжеским волостелям и в устройстве заговора с целью убить новгородского наместника Якова Захарьина. Дело, повидимому, касалось не узкого круга заговорщиков, которые были казнены в Москве, а какого-то общего движения среди новгородских землевладельцев, на что намекают записи в некоторых летописных сводах. По этому летописному сообщению, не попавшему в московские своды официальной редакции (Воскресенский, Никоповский и другие), великий князь «воспалился» на «житых» людей «обговору деля, что паместники и волостели их продавали, и кои

¹ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV — XV вв., стр. 162—183.

на них продажи взыщут, и они боронятся тем, что их рекше, думали убить»¹. Трудно установить, какова была причина этой «продажи» «житых людей». Возможно, что она вызывалась распространением на присоединенную новгородскую территорию московской системы обложения. Во всяком случае летописная запись, что «житья люди» «боронились» от наместников и волостелей и замышляли на них убийство, совершенно определенно указывает на активный характер сопротивления, оказанного московским властям.

«Вывод» 1488—1489 гг. был наиболее значительным из всех случаев переселения новгородских вотчинников во внутренние московские уезды. Огромное число переселенных на этот раз (более 7 тысяч семей) указывает на то, что великий князь имел в виду не только наказание виновных, — «многих изсечи велел на Москве», — а крупную реформу в области новгородского землевладения, которая в будущем должна была упиточить повторение заговоров или «шатости» среди новгородских землевладельцев. По сообщению летописи, вслед за «выводом» «житых людей» в Новгород были посланы москвичи и жители других городов².

Результаты этой реформы мы можем представить по сохранившимся писцовым книгам новгородских пятин 1497—1500 гг. По статистическим данным, собранным А. М. Гневушевым³ и обработанным С. Б. Веселовским⁴, великий князь в результате конфискации земельной собственности в Новгороде получил в свое распоряжение около миллиона десятин обрабатываемых земель. Была произведена полная ликвидация крупного и среднего вотчинного землевладения, частично было затронуто и мелкое землевладение своеземцев. Конфискованная земля в несколько приемов пошла в раздачу на поместным правящим переселенцам из разных московских уездов, служилым людям и детям боярским. Всего было переселено на новгородские земли около 1600—1800 человек разных категорий⁵. В числе их находилось 73 человека, принадлежавших к различным княжеским родам, преимущественно к числу ярославских

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 238—239; т. XII, стр. 220.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 238—239.

³ А. М. Гневушев. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, Киев, 1915.

⁴ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, М.—Л. стр. 286—287.

⁵ С. Б. Веселовский (Указ. соч., стр. 289) дает даже более высокую цифру — 2 тысячи человек. По моим подсчетам удалось установить около 1300 человек московских переселенцев. Однако следует принять во внимание, что писцовые книги по Бежецкой и Шелонской пятинам дошли до нас в дефектном виде.

и ростовских князей. Из московских старых боярских родов по подсчету С. Б. Веселовского было переселено 175 человек. Особую группу составили «послужильцы» опальных, новгородских и московских бояр. земли которых были конфискованы, а «дворы» распущены. По моим подсчетам к послужильцам принадлежало 280 человек, что составило около одной пятой числа всех учтенных новгородских помещиков. Среди 39 землевладельцев, к «дворам» которых принадлежали эти послужильцы, находилось 24 новгородских боярина и 12 великокняжеских бояр и слуг. Новгородцы в большинстве состояли из представителей крупной правительственной знати, земли которой были конфискованы в первые же годы после присоединения Новгорода: известная Марфа Бороцкая, посадники Василий Казимер, Василий Кузьмин, Иван Лощинский, Богдан Есипов, тысяцкий Михаил Берденев, Настасья, жена Ивана Григорьева и др. Среди опальных великокняжеских бояр и слуг, из распущенных «дворов» которых происходили посаженные на бывших новгородских землях послужильцы, мы встречаем имена князя Семена Ряполовского, князя Ивана Юрьевича Патрикеева, Шереметева, Василия Образца, Ивана Ощери и других¹.

Большинство московских переведенцев принадлежали к родовым служилым людям из разных московских городов и уездов, в том числе из Московского уезда, Коломны, Звенигорода, Дмитрова, Владимира, Суздаля, Ростова, Переяславля Залеского, Юрьева Польского, Костромы, Устюжны, Бежецка, Волока Ламского, Луха.

В лице московских помещиков, поселенных на новгородской территории, Иван III создавал крепкие кадры военнотрудовых людей, находившиеся в постоянной готовности нести ратную службу. В связи с этим особое внимание правительства было обращено на заселение пограничной территории, на которой была помещена значительная часть послужильцев. С одной стороны, для многих послужильцев ратная служба была профессиональным занятием, а с другой — это была наиболее стойкая часть поселенцев, в верности которой Иван III не имел оснований сомневаться. Послужильцы, большинство которых происходило из боярских холопов, получив от великого князя личную свободу и земельную дачу, обеспеченную крестьянским трудом, были всеми своими интересами связаны с великокняжеской властью.

Основная часть послужильцев была помещена в Водской пятине, где они составили 42,1% всего числа помещиков (242 по-

¹ См. мою работу «Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в.» (Ист. Зап., кн. 14, М. — Л., 1945).

служильца из 576 помещиков). Если принять во внимание, что не всех послужильцев удалось выделить вследствие отсутствия указаний в писцовых книгах, то, не рискуя впасть в большую ошибку, можно предположить, что на территории Водской пятины около половины всех помещиков принадлежали к числу послужильцев. В других пятинах число послужильцев из помещиков было ничтожным: в Деревской пятине удалось обнаружить 21 бывшего послужильца, в Бежецкой — 17, в Шелонской пятине не найдено ни одного послужильца, хотя в небольшом числе они, возможно, там и были.

Эта последовательно проводившаяся система водворения послужильцев в пограничных районах становится еще более ясной при изучении состава помещиков по отдельным погостам.

Крайняя северная часть Водской пятины, входившая в состав Корельского уезда, была слабо заселена. Во время самостоятельности Новгорода тут находились обширные владения Валаамского монастыря «владыки» и некоторых бояр. После произведенных конфискаций большинство деревень было переведено в число оброчных. Впоследствии часть их была отдана корельским наместникам, при этом были сохранены мелкие владения своеземцев.

При испомещении московских служилых людей на конфискованных новгородских землях почти все послужильцы получили поместья в порубежной территории. Это мероприятие было, повидимому, обусловлено двумя соображениями. Во-первых, бывшие послужильцы, получившие от великого князя личную свободу (большинство их, несомненно, находилось раньше в состоянии холопской зависимости) и поместья, обеспеченные крестьянским трудом, являлись наиболее надежной в социально-политическом отношении частью новгородских служилых людей. Кроме того, для подавляющего большинства послужильцев ратная служба была единственной «профессиональной обязанностью». Последняя причина имела, несомненно, большое значение для использования послужильцев именно в пограничной полосе.

В южной части Корельского уезда часть поместий была отведена детям боярским, а также служилым людям из послужильцев. В Сакульском погосте, расположенном около города Корелы, в окладной книге 1500 г. записано пять поместных владений, два из которых принадлежали послужильцам. В пограничном Ровдужском погосте из шести поместий три принадлежали послужильцам. Вдоль пограничной реки Сестры среди других новгородских владений находилась обширная волость, принадлежавшая до конфискации Василию Апаньину. По «старому письму» в ней на территории двух смежных погостов — Куйвошского и Карбосельского, — считалось 56 деревень

с 81 двором, «положенных» в 99 обож. Эта волость «на немецком рубеже» была отдана двум семьям послужильцев князя Ивана Юрьевича Патрикеева. В Карбосельском погосте, занимавшем территорию между реками Сестрой и Охтой, по окладной книге 1500 г. из семи помещиков пять принадлежали к бывшим послужильцам. Такое же распределение послужильцев наблюдается к югу от Невы и Ладожского озера, причем в восточных погостах этого района послужильцы встречаются редко. В Дударовском же погосте, находившемся на южном берегу Финского залива, из 13 поселенных здесь семей не менее пяти состояло из послужильцев.

Основная часть послужильцев была сосредоточена на северо-западе Водской пятины, на небольшой, но очень важной в военном отношении территории, представлявшей по форме треугольник с широким основанием, обращенным на восток. Вершина его лежала у Ивангорода, построенного великим князем в 1492 г., а восточная граница условно может быть обозначена липпией, проведенной от Копорья к среднему течению р. Луги. Нижнее течение Луги паходилось под ударом со стороны узкого коридора, ограниченного с одной стороны берегом залива, а с другой — Чудским озером. На этой территории находились погосты: Ратчинский, Толдожский, Льежский, Ястребинский, Опольский и Врудский. Здесь были посажены «служилые люди — ивангородцы» и еще около трех с половиной десятков прочих помещиков из послужильцев, всего до половины всех послужильцев, испомещенных в Водской пятине.

Военные цели, связанные с испомещением послужильцев, становятся особенно ясными на примере Ивангорода. По своему пограничному положению новопостроенная крепость должна была иметь постоянный гарнизон, готовый отразить внезапное нападение из ливонской Нарвы. Этот гарнизон был составлен почти исключительно, если не полностью, из послужильцев распущенных «дворов» новгородских бояр. По писцовой книге Водской пятины мне удалось установить 108 послужильцев-ивангородцев, принадлежавших 21 владельцу¹. Ивангородцам были предоставлены конфискованные земли в шести погостах, образующих крайний северо-западный угол Водской пятины у морского побережья. Южная граница этой территории проходила по р. Вруде (приток р. Луги). Ивангородцам было передано всего 453 крестьянских двора. Представляя собою пограничную полосу, эта территория была расположена непосредственно к востоку от Ивангорода. Составляя постоянный гарнизон крепости, ивангородцы не могли, подобно дру-

¹ К ивангородцам принадлежал только один человек — бывший послужилец князя Афанасия Патрикеева.

гим помещикам, жить на предоставленных землях и заниматься хозяйством. Поэтому они получали только определенный доход с крестьян, подробно перечисленный в писцовой книге. Мне представляется вполне вероятным предположение, недавно высказанное в печати В. Н. Бернадским, что испомещение ивангородцев, составивших постоянный гарнизон крепости, было произведено непосредственно после ухода шведов, которым в 1497 г. удалось неожиданным налетом захватить Ивангород¹. Обращает внимание то обстоятельство, что постоянный гарнизон был составлен почти исключительно из послужильцев новгородских бояр, хорошо знакомых с местными условиями. Несомненно, что события 1497 г. заставили Ивана III обратить самое серьезное внимание на укрепление Ивангорода.

Переселение московских служилых людей на северо-запад сопровождалось переселением новгородских вотчинников в обратном направлении на восток. Летописи сообщают, что более тысячи новгородцев, выведенных из Новгорода зимой 1488/89 г., получили поместья во Владимире, Муроме, Нижнем Новгороде, Переяславле, Юрьеве, Ростове и в других городах². Таким образом, одновременно укреплялись и северо-западная и северо-восточная границы государства.

Нет оснований предполагать, что «вывод» и переселение людей из внутренних уездов в обратном направлении ограничивались только новгородской территорией. Повидимому, подобная же мера применялась и на других участках московско-литовской границы в отношении новоприсоединенных волостей. Так, известно, что после занятия в 1492 г. Тешинова, принадлежавшего князьям Крошылским, дьяк великого князя Василий Долматов посадил в Тешинове и в Сукроме более 300 семей, и в это же время в занятых волостях — Ольховце, Леле и Отъезде — более 200 семей³. После присоединения Вятки в 1489 г. значительная часть жителей была переселена в юго-западный угол московской территории, образованный течением Угры и Оки. Выведенным вотчинам великий князь «издавал поместья» в Алексине, Боровске и Кременце⁴.

¹ В. Н. Б е р н а д с к и й. Политика Ивана III в Новгороде (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, т. 31, Л., 1947). Автор полагает, что общее число ивангородцев достигло 160 человек. Повидимому, средняя норма населения составляла 5 обож, что выразилось и в названии ивангородцев «пяти-обожниками». Это название удержалось и позже, при Иване IV.

² ПСРЛ, т. XII, стр. 220. Позже, в первой половине XVI в., исключительно большое число переселенных новгородцев находилось в Нижегородском уезде (С. Б. В е с е л о в с к и й. Указ. соч., стр. 295).

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 74.

⁴ Архангелогородский летописец, изд. 1781 г., стр. 168.

В целом переселение служилых людей в двух направлениях — к границам и во внутренние уезды страны — являлось очень крупным и в социальном отношении, и по своему военно-политическому значению, меропрятием Ивана III. Оно потребовало значительной мобилизации годных для поместной раздачи земель в таком размере, в каком вряд ли могло предоставить одно дворцовое хозяйство. Этим, нам кажется, объясняется отношение Ивана III к вопросу о судьбах монастырского землевладения, остро поставленному в исходе XV в.

В настоящую работу не входит задача рассмотрения процесса возникновения и развития поместного землевладения, и мы позволим себе по этому вопросу ограничиться лишь несколькими замечаниями. Хорошо известно, как упорно буржуазные историки XIX — начала XX в. искали ту область, в которой впервые сложилась «идея» поместного права. Успешное изучение русского феодализма на основе марксистской методологии в советское время делает эти поиски излишними. Различные формы условного землевладения появлялись с развитием феодальной собственности вне зависимости от какого-либо постороннего влияния или заимствования. В этом смысле можно указать такие условные и зависимые держания земли (земли «служни», «жалованыя» и пр.), которые следует поставить в один генетический ряд с поместной системой. Однако мы не имеем никаких оснований относить поместное землевладение как государственную систему массового испомещения служилых людей ко времени ранее второй половины XV в. С. Б. Веселовский правильно отметил, что в княжеском хозяйстве до объединения Руси обусловленное держание княжеской земли вольными слугами имело очень ограниченную сферу применения в княжеском хозяйстве, так как у князей не было сколько-нибудь значительных фондов населенных земель, которые можно было бы пустить в поместную раздачу¹. Впервые крупный фонд наемных и обработанных земель Иван III получил только в результате конфискации церковной и частновладельческой собственности на новгородской территории.

Это была реформа, в результате которой впервые в обширных размерах было проведено наделение служилых людей различных категорий земельными владениями на условном праве собственности с обязательным несением ратной службы. Неразвитость норм поместного права, а также неопределенность и неустойчивость терминологии служат одним из признаков того, что поместная система начала складываться именно в данное

¹ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, 1947 г., стр. 282.

время¹. Само слово «поместье» применительно к служилому землевладению впервые появляется в источниках в связи с наделением конфискованными новгородскими землями московских переведенцев. С. Б. Веселовский правильно отметил, что «поместная политика Ивана III в Новгороде, как и конфискация частновладельческих и секуляризация церковных и монастырских земель, была грандиозной по тогдашним масштабам и смелой реформой»².

Новгородской земельной реформой Иван III одновременно разрешил две крупные задачи. Основное политическое значение реформы заключалось в полном разгроме тех высших и отчасти средних слоев новгородского землевладельческого класса, которые являлись защитниками «старины» Великого Новгорода и которым не легко было примириться ни с упычужением его политического строя, ни с падением его самостоятельности. Именно в этих консервативно настроенных слоях новгородского боярства и «житьих людей» можно было ожидать как скрытого, так и открытого сопротивления объединительной политике великого князя, «шатости» и измены. С другой стороны, не менее важно было военное значение реформы, укреплявшей пограничную территорию кадрами материально обеспеченных служилых людей, связанных всеми своими интересами с великокняжеской властью. Следует также отметить, что поместная реформа Ивана III имела крупнейшее общегосударственное значение, так как послужила началом к общей перестройке социально-экономической и военной организации землевладельческого класса, в которой закладывался прочный фундамент централизованного государства.

Разрешение больших задач в области внешней политики, неизбежно приводивших к столкновению с основными силами

¹ В этом отношении любопытно сопоставление понятия «поместье» с понятием «кормление», встречающееся в новгородских писцовых книгах. Так, в Деревской пятине конфискованные деревни Захарья Овцына были даны Гордею Сарыхозину «в поместье и в кормление» (НИИ, II, ст. 198). С. Б. Веселовский также полагает, что «поместье, как способ обеспечения больших масс служилых людей, появилось только после объединения Руси под властью московского великого князя». В источниках конца XV в. многие нормы позднейшего развитого поместного права еще отсутствуют или выражены неясно. Новым по отношению к ранее действующим формам условного землевладения, обусловленного службой, было: 1) применение поместной системы для обеспечения ратной службы и притом в большом масштабе; 2) обеспечение помещика «жилой землей», т. е. населенной крестьянами, и притом в размере, значительно большем, чем было необходимо для обеспечения мелких слуг княжеского хозяйства; 3) применение к поместному владению земель податного и судебного иммунитета в том объеме, в каком он сложился на почве служилого вотчинного землевладения (С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 282, 305).

² С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 297.

великого княжества Литовского, и оборона протяженной государственной границы требовали от Ивана III такого увеличения кадров военнотружущих людей, какое намного должно было превосходить ратные силы предшествующего времени. Расширение состава «двора» великого князя за счет упразднения удельных дворов не разрешало этой задачи. «Двор» Ивана III действовал либо в виде отдельной боевой единицы, либо люди великокняжеского двора придавались отрядам служилых людей в качестве их командиров. Поместное испомещение служилых людей в данное время также не могло покрыть общей потребности в увеличении ратных сил. Поэтому выход мог быть найден только в широком привлечении к несению военной службы светских землевладельцев, т. е. в основном детей боярских. Мы не располагаем прямым указанием источников на введение для вотчинников обязательной ратной службы великому князю. Возможно, что общего уложения об этом и не было. Однако самый факт широкого привлечения светских вотчинников к несению военных обязанностей, нам кажется, не подлежит сомнению. В этом отношении положение, существовавшее при Иване III, отличается как от времени его отца, Василия Васильевича Темного, так и от времени юных лет его внука, Ивана IV.

Распространение на светских вотчинников обязательной военной службы необходимо поставить в связь с развитием отношений подданства. Такое крупное государство, каким являлось в исходе XV в. Русское централизованное государство, не могло держаться на добровольных вассальных отношениях. Старая формула «а боярам и слугам межи насвольным воля» потеряла свое реальное содержание и сохранялась в некоторых договорных грамотах Ивана III лишь в качестве юридического пережитка. Известно, что в это время отмирает право отъезда; Иван III не допускал отъезда даже в отношении бояр и вольных слуг своих родных братьев. Распространение отношений подданства на вотчинников выражалось прежде всего в обусловленности сохранения вотчинной собственности службой великому князю. В этом заключалось главное отличие между положением вотчинника-вассала и вотчинника-подданного. В качестве убедительного примера приведем те условия, на которых Иван III после присоединения в 1463 г. Ярославского княжества к Москве сохранил вотчины за ярославскими князьями, их боярами и слугами. В своей духовной грамоте он по этому поводу писал: «А боярам и детям боярским ярославским с своими вотчинами и с куцлями от моего сына Василья не отъехати никому никуда, а кто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у жен, ни у их детей»¹.

¹ Собр. Гос. гр. и дог., I, № 164.

Совершенно ясно, что данное распоряжение касалось не жалованных земель, а родовых и купленных вотчин, и что оно являлось отрицанием старого порядка, по которому вассальная служба бояр и вольных слуг не зависела от местоположения их вотчин.

Не менее убедительным примером является отношение Ивана III к обязательной службе вотчинников Рязанского княжества, которое номинально сохраняло самостоятельность. В 1502 г. Иван III писал рязанской великой княгине Аграфене, чтобы она никого не отпускала с торговлей на Дон: «а лутчих бы еси людей, и середних, и черных торговых на Дон не отпускала ни одного человека, того деля: занеж твоим людем служилым, бояром и детем боярским, и селским людем служилым, быти им всем на моей службе. А тем торговым людем, лутчим и середним и черным, быти им у тебя в городе... А уехал будет которой человек на Дон без твоего волеа после заповеди, и которого у того человека остались на подворье жена и дети, и ты бы тех велела казнити, а не учнешь ты тех людей казнити, ино их мне велети казнити и продавати»¹. Здесь обращает внимание применение понятия «служилые люди» к боярам, причем, очевидно, распоряжение касалось не отдельных служилых бояр и детей боярских, а всей массы рязанских бояр и детей боярских, так как вызов их на службу великого князя оставлял Рязань без защиты. Всем торговым и «черным людем» было велено поэтому оставаться в городе.

Некоторое подтверждение в пользу предположения о широком привлечении вотчинников к великокняжеской службе я вижу в тех летописных записях о сборе ратных сил, в которых относительно полно было передано содержание соответствующих указов. Так, в 1469 г. воевода Константин Беззубцев был послан «воевать» казанские места, «а с ним многие дети боярские, двор свой (великого князя. — *К. Б.*), также и от всея земли своя дети боярские, изо всех градов своих и изо всех отчин братия своей по тому же; а с Москвы послал сурожан и суконников и купчих людей и прочих всех москвичь, которые пригожи, по их силе»². Никаких следов ограничения ратной службы детей боярских в этом летописном сообщении не находится. Еще полнее и обстоятельнее изложен сбор ратных людей для похода на Новгород в 1477 г. Даже по форме эта летописная запись очень близка к разрядным записям. Великий князь 23 октября вышел из Торжка и пошел ратью на Новгород, следуя между Яжелбицкой дорогой и р. Мстою. «А царевичу Даниару велел ити от Торжку по за-Мсте, а с ним

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 413.

² ПСРЛ, т. XII, стр. 121.

воевода великого князя Василей Образецъ Федоровичъ; а по своей стороны Мъсты велел ити князю Данилу Хлъмскому, а с ним дети боярские великого князя двора его многи, да Володимирцы, и Переславци и Костромичи вси; да тою же дорогою велел ити бояром своим и Тверичем Григорию и Ивану Никитичем с Дмитровцы и Кашинцы, котори и служат великому князю; а по правую же себе велел ити, межъ своее дороги и Мсты, князю Семену Ивановичю Ряполовскому, а с ним Суздалды и Юриевцы; а по левой руке от себе, ис Торжку на Демон, брату свосму князю Андрею меншсму, а с ним воевода великого князя Василей Сабуров с Ростовцы, и Ярославцы, и Угличаны и Бежичаны, котори и служат великому князю, да и матери своей воеводе Семону Федоровичю ити Пешку с двором ее с ними же велел; а межъ Демонские дороги и Ажелобитцкие велел ити князю Александру Васильевичю да князю Борису Михайловичю Оболенским, а с княземъ Александром Колужане, и Олексинцы, и Серцуховичи, Хотуничи, и Москвичи, и Радонежци, да Новоторжцы Берповы и Глуховы, а с князем Борисом Можайчи, Волочапе, и Звенигородци, и Ружапе, котори и служат великому князю; а по Яжелобичкой дорозе велел ити Федору Давыдовичю, а с ним дети боярские из двора великого князя да Коломничи все; да по той же дороге велел итти князю Ивану Василиевичю Оболенскому Стриге, а с ним братна его все Оболенские князи да и многие великого князя двора дети боярские»¹.

В этом перечислении состава и распределении между воеводами ратных людей — детей боярских обращает внимание особое упоминание о детях боярских, «которые служат великому князю». Как видно из текста, это указание было применено не ко всем детям боярским, а только к тем из них, которые происходили из определенных городов: Дмитрова, Кашина, Ростова, Ярославля, Углича, Бежского Верха, Можайска, Волока Ламского, Звенигорода и Рузы. Все эти города и земли либо принадлежали к уделам братьев Ивана III, либо являлись новоприсоединенными (ростовские и ярославские княжества). Разница в несении ратной службы детьми боярскими этих земель и других, не входивших в состав удельных владений, еще больше подчеркивается указанием, что во втором случае были собраны дети боярские «все». Это, конечно, не означало, что дети боярские из уделов, не служившие непосредственно великому князю, были совершенно освобождены от военных обязанностей; свою ратную службу они исполняли в составе соответствующих «дворов» удельных князей. Так, в источниках

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 185—186.

неоднократно упоминаются «дворы» матери Ивана III, его братьев и служебных князей. Сохраняли свои «дворы» и князья, перешедшие из Литвы: Воротынские, Одоевские, Мезецкие, Бежские и другие. По разрядам 1493 г. они становились со своими полками подле полков великого князя ¹.

Наблюдения, которые можно сделать по русским источникам, дополняются сообщением Сигизмунда Герберштейна. Хотя они относятся ко времени Василия III, но на основании изложенного можно предполагать, что порядок несения ратной службы при Василии III сложился в главных своих элементах еще при его отце. «Каждые два или три года, — сообщает Сигизмунд Герберштейн, — государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у кого лошадей и служителей. Затем, как сказано выше, он определяет каждому жалованье. Те же, кто могут по достаткам своего имущества, служат без жалованья». Сообщив далее о вызове по очереди детей боярских для охраны южной границы, С. Герберштейн указывает на обязательность ратной службы для всех без исключения: «В военное же время они не отправляют поодной и поочередной службы, а обязаны все вместе и каждый в отдельности, как состоящие на жалованье, так и ожидающие милости у государя, идти на войну» ².

Источники не дают нам возможности установить точнее, когда сложилась описанная С. Герберштейном система ратной службы. Несомненно только то, что после ликвидации Новгородской боярской республики и Тверского княжества, а также в результате уничтожения ряда уделов великокняжеских братьев Иван III стал распорядиться силами всей страны. Это делает понятной оценку успехов Ивана III, данную в письме кенигсбергского командора к своему магистру: «Старый государь русский вместе со внуком своим управляет всеми землями, а сыновей своих не допускает до правления; не дает им уделов; это для магистра Ливонского и Ордена очень вредно: они не могут устоять пред такою силою, сосредоточенною в одних руках» ³.

В конце XV и начале XVI в. в большинстве европейских стран были достигнуты крупные успехи в развитии артиллерийского вооружения и в его боевом применении. Переход от железа к медной отливке орудий, усовершенствования в технике изготовления, замена каменных ядер чугунными, улучшение состава пороха и проч. — все это значительно повышало мощь артиллерийского огня. В том же, в основном,

¹ П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 17.

² Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах, стр. 74.

³ С. Соловьев. История России, кн. I, стр. 1486.

направлении происходило развитие и русского пушечного «аряда». Применение в России огнестрельных орудий до последней трети XV в., насколько можно судить по сохранившимся источникам, ограничивалось преимущественно действиями при защите городов¹. Единственный известный нам случай удачного применения огнестрельных орудий при осаде относится к овладению в 1447 г. Угличем и Ржевом, находившимся под властью Дмитрия Шемяки. Для занятия Углича, упорно сопротивлявшегося Василию Темному, союзник его Борис Александрович Тверской прислал ему в помощь пушки с пушечником Микулой Кречетниковым. Его большое искусство отметил тверской инок Фома, автор «Слова похвального о великом князе Борисе Александровиче»: «таков беяше той мастер, яко и среди немец не обрести такова»².

Изготовление железных кованых орудий (пищалей), несомненно, существовало и до отмеченного случая. В 1852 г. в Устюжне-Железопольской было найдено около 30 железных кованых пищалей примитивной конструкции и грубой работы, которые с полным основанием могут быть отнесены к XV в. Хранящиеся в Ленинградском артиллерийском музее экземпляры из этой находки весят от 3 пуд. 15 фун. до 5 пуд. 25 фун. и имеют калибр от 1,2 дм до 4,3 дм³.

На Западе меднолитые орудия стали появляться около середины XV в. Весьма возможно, что пушки тверского мастера Микулы Кречетникова были медными, так как в противном случае трудно было бы объяснить восторженный отзыв о них современника, поставившего эти пушки выше западных образцов. Для производства медных орудий мог быть использован опыт колокольного литья, достаточно развитого в XV в.

Применение меди в качестве пушечного материала, обладающей значительно большей упругостью, чем железо, позволило перейти к крупнокалиберным пушкам, способным по своей мощности к разрушению деревянных и каменных стен городских укреплений. Собственно до последней трети XV в. особой надобности в такой артиллерии не было, так как в полевых боях с татарской конницей вследствие трудности доставки и сложности стрельбы пушки применения не находили. Крупнокалиберные пушки — это в основном артиллерия наступатель-

¹ Так, в 1451 г., когда царевич Мазовина подступил к Москве, затворившиеся в Кремле жители «начаша пристрой градной готовити... пушки, и пищали, самострелы, и оружя, и щиты, луки и стрелы, еже подобает к брани на противныя» (ИСРЛ, т. VIII, стр. 124).

² «Инока Фомы слово похвальное». Сообщение И. П. Лихачева, СПб., 1908 (Памятник древней письменности и искусства, CLXVIII), стр. 46.

³ И. Браундебург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, СПб., 1877, стр. 119—121.

ных действий. В войнах конца XV в. с Литвой, Швецией и Ливонией такая артиллерия была уже совершенно необходима.

Большинство историков, начиная с Карамзина, связывают возникновение медного литья орудий в Москве с приездом известного итальянского литейщика и инженера Аристотеля Фиорованти. Никаких оснований к такому утверждению в источниках не имеется. Наоборот, приведенные выше соображения позволяют предположить, что литье медных орудий было известно на Руси лет за 20—25 до приезда итальянских мастеров. Вызов Иваном III «фрязинов»-пушечников, о которых он неоднократно давал поручения своим послам, отправлявшимся в Италию, Венгрию и немецкие земли, объясняется желанием воспользоваться наряду с собственным опытом достижениями западной артиллерийской техники. В этом отношении Аристотель Фиорованти, заслуживший далеко за пределами своего отечества признания выдающегося инженера, являлся полезным и нужным специалистом: был он «пушечник той парочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми»¹. С конца 70-х гг. XV в. случаи применения огнестрельного наряда становятся частыми. При походе на Новгород в 1478 г. великий князь велел быть псковичам «с пушками, с пищальми и с самострелы, со всею приправою, с чем к городу приступати». В 1481 г. при осаде ливонской крепости Велиада (Феллина) употреблялись пушки, пищали и тюфяки. В походе на Тверь в 1485 г. Аристотель участвовал с пушками, тюфяками и пищальями².

О существовании в Москве пушечно-литейного производства в конце XV в. говорит ряд летописных записей. Первое летописное известие о сгоревшей пушечной избе в Москве, стоявшей вблизи Фроловских (Спасских) ворот Кремля, относится к 1488 г.³ Затем летопись сообщает, что во время большого пожара в августе 1500 г. погорело пространство от Москвыреки до Неглинной, причем сгорели пушечные избы и Рождественский монастырь⁴. Конечно, это краткое упоминание о пушечных избах в Москве, сгоревших во время больших пожаров, нельзя принимать за указание на появление ранее не существовавшего пушечно-литейного производства.

Наиболее древним датированным памятником московского пушечного производства является пищаль 1485 г. изготовления мастера Якова, хранящаяся ныне в Артиллерийском музее в Ленинграде. Она имеет калибр 2,6 дм и весит 4 пуд. 26 дм⁵.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 181.

² ПСРЛ, т. VI, стр. 237; т. VIII, стр. 214; т. XII, стр. 174.

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 238.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 240.

⁵ Н. Брандербург. Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея, СПб., 1877, стр. 105—107.

В описи смоленского наряда 1667 г. значится пицаль изготовленного мастера Якова в 6991 г. (1483 г.) весом в 16 пуд. Другая пицаль также мастера Якова, весом в 5 пуд. (без обозначения года), названа «дробовой», т. е. предназначенной для картечного действия. Мастеру Якову Фрязину принадлежало по этой описи 11 медных пицалей, в том числе одна «дробовая», весом от 2 до 5 пуд., изготовленных в 7006 (1498), 7007 (1499) и 7008 (1500) гг., и 2 пицали по 8 пуд., неизвестного года изготовления. Одна пицаль 7009 г. (1501) была изготовлена мастером Петром¹. Помещенные на пицалах надписи мастеров Якова и Якова Фрязина, повидимому, принадлежали двум разным лицам, так как иностранцы обычно прибавляли к своему имени указание на свое происхождение (Фрязин). Кроме того, пицали мастера Якова относятся к 80-м гг., а пицали мастера Якова Фрязина — к 1498—1500 гг. В 1490 г. с московским посольством, возвратившимся из Рима, прибыли мастера различных специальностей, среди которых упоминается пушечный мастер Яков с женой². Это, очевидно, и есть тот мастер Яков Фрязин, имя которого стояло на смоленских пицалах. Вполне очевидно, что пицали с именем Якова, изготовленные в 1483—1485 гг., не могли ему принадлежать. В рукописном собрании Артиллерийского музея в Ленинграде сохранилось описание пицали, находившейся в 1756 г. в Оренбурге. Она имела следующую надпись: «По велению благоверного и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича государя всея Руссии зделана бысть сия пицаль в лето 6999 месяца марта, 29 лета господарства его, а делали Яковлевы ученики Ваня да Васюк»³. Указание на русского пушечного мастера Якова как учителя свидетельствует о его опытности и искусстве в пушечном литье, что вполне подтверждается образом его работы, сохранившимся в Артиллерийском музее.

Все известные по описанию пицали конца XV в. принадлежали к легким орудиям. Между тем несомненно, что в это время в Москве умели отливать и тяжелые пушки крупного калибра, предназначенные для разрушения прочных крепостных сооружений. Об одной из них сохранилась краткая заметка в летописном тексте: 12 августа 1487 (6995) г. Павлин Фрязин Деббосис «слил пушку велику»⁴.

Огнестрельные орудия (пушки, пицали) составляли вооружение не только таких крупных городов, как Москва, Новго-

¹ Дополнения к Актам историческим, т. V, СПб., 1851, № 51.

² ПСРЛ, т. XII, стр. 222.

³ И. Брандербург. Указ. соч., стр. 57. Автор не различает Якова и Якова Фрязина и поэтому ошибочно считает Ваню и Васюка учениками Якова Фрязина.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 217.

род, Псков, но и относительно небольших укрепленных пунктов. В Копорье по переписной книге 1500 г. был один двор пицальника¹. В передисной окладной книге 1500 г. города Орешка указаны 3 двора пицальников в самом городе и 3 двора пицальников на посаде; пицальники принадлежали к числу великокняжеских холопов². В городе Кореле по той же переписной книге числилось 9 пицальников, которым принадлежало 5 дворов и 3 пустых дворища³. Небольшое число пицальников, живущих отдельными дворами, указывает на то, что их назначением было обслуживать пищади, находившиеся на вооруженных городах, т. е., речь идет не о пицальниках, вооруженных ручным огнестрельным оружием (пицальники-стрельцы), а о пицальниках-пушкарях. Это совершенно опровергает мнение, неоднократно высказывавшееся в старой литературе, будто до Ивана Грозного не существовало разделения между пушечными мастерами, изготовлявшими орудия и управлявшими ими, и будто и то и другое почти полностью находилось в руках иностранцев⁴.

С развитием огнестрельного «наряда» значительно расширилась и область его боевого применения. Если прежде оно ограничивалось обороной крепостей, то в 80—90-х гг. XV в. огнестрельные орудия стали употребляться как для осады неприятельских укрепленных городов, так и для действия в поленом бою. Первыми известными случаями крупного и успешного применения московского «наряда» при осаде неприятельской крепости является осада Феллина в 1481 г. и Выборга в 1495 г. Есть основания предполагать, что легкие пищади придавались и полевым войскам. Выше было отмечено применение пищалей и тюфяков в 1480 г. при защите левого берега Угры от Ахмед-хана. В 1501 г. Менглы-Гирей просил великого князя прислать ему войско полем «на пособь» с пицальями. Легкие пищади, подобно описанным в Смоленской росписи 1667 г. и сохранившемуся образцу в Артиллерийском музее, весом от 3 до 8 пуд., вполне допускали перевозку на конях при поле-

¹ Новгородские писцовые книги, т. III, 1868, ст. 494.

² Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете, кн. II, стр. 114.

³ Временник Общества ист. и древн. российских, кн. 12, стр. 6.

⁴ Крупнейший буржуазный специалист по истории древней русской артиллерии Н. Бранденбург писал: «До Иоанна Грозного действительным нарядом (артиллерией), вероятно, управляли те же мастера, на обязанности которых лежала и самая техника изготовления орудий... Известно также, что выездные иностранные техники крайне неохотно посвящали носторопных в свое искусство, особенно в первое время своей деятельности в нашем отечестве, следовательно, надо полагать, что и боевая практика тогдашней артиллерии сосредоточивалась в их руках, хотя и не исключительно...» (Н. Б р а н д е н б у р г. Указ. соч., ч. I, стр. 82).

вых войсках. Открытым остается вопрос о существовании в рассматриваемое время ручного огнестрельного оружия, хотя оно и представляется вполне вероятным.

Несмотря на скудость сохранившихся материалов, относящихся к развитию русской артиллерии во второй половине XV в., все же ясно выделяются 90-е гг. как время успешной работы русских и иностранных «пушечных мастеров». Это обстоятельство, как и другие военные мероприятия, нельзя не поставить в связь с подготовкой к большой войне за западные русские земли.

Крупные успехи в развитии огнестрельного оружия произвели в конце XV в. полный переворот в военно-инженерном деле. Старые крепостные сооружения не могли противостоять действию крупнокалиберной артиллерии, чья разрушительная сила еще больше возросла после введения чугунных ядер.

Московский Кремль, сооружение которого в основном было закончено в 90-х гг. XV в., являлся первоклассной крепостью, удовлетворявшей всем современным требованиям; толщина его стен и башен сделала его совершенно неуязвимым для самой сильной артиллерии того времени. вполне понятно, что подобное мощное сооружение предназначалось не против татар, не имевших крупнокалиберной артиллерии и не обладавших искусством ведения осады. Наиболее интенсивные работы по постройке нового Кремля развернулись в 1490-е гг., т. е. накануне войны с Александром Казимировичем за западные русские земли. Опыт, полученный при постройке московского Кремля, был использован затем в большом крепостном строительстве на северо-западной окраине государства.

В 1484—1490 гг. была произведена полная реконструкция каменного детинца в Новгороде, причем две части расходов были произведены великим князем, а одна треть — «владыкой»¹. Произведенное в недавнее время археологическое исследование сохранившихся башен (стрельни) и участков городской стены в Новгороде позволило выяснить характер и назначение этих работ. Линия стен была сильно утолщена посредством плитневой кладки, обложечной затем кирпичом. Благодаря этому толщина стен в нижней части была доведена до 4 м. К этому же времени следует отнести постройку двух круглых

¹ Начало перестройки детинца в В. Новгороде в 1484 г. указано в Воскресенской и Никоновской летописях: «Того же лета (6992), повелением великого князя Ивана Васильевича, пачаша деяти в Великом Новгороде град камен детинець, по старой основе, на Софийской стороне» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 215; т. XII, стр. 216). Основные работы были закончены к осени 1490 г. (ПСРЛ, т. IV, стр. 459, 527—528). Освящение перестроенного детинца было произведено архиепископом Геннадием 8 декабря 1492 г. (ПСРЛ, т. III, стр. 144—145).

башен (Митрополитчей и Федоровской) и Покровской, резко отличавшихся толщиной своих стен от башен, не подвергшихся реконструкции. У последних толщина стен в нижнем ярусе всего 1 м 70 см, тогда как Покровская башня имеет толщину стены более 3 м. На конструкции Покровской башни ясно отразилось влияние башен Московского Кремля; в отличие от других новгородских башен, ее верхний ярус сильно выступает вперед. В этой ее части устроены навесные бойницы для обстрела противника, находящегося у подошвы.

Постройка Ивангорода в 1492 г. послужила началом больших оборонительных сооружений в других пунктах новгородской территории. Для обороны выходов в Финский залив большое стратегическое значение имела крепость в Копорье. Крепость построена на высокой известковой скале, окруженной со всех сторон глубокими оврагами, и находится в 12—15 км от берега залива. По своему положению она защищала течение двух рек: Луги и Плюсы. Обследование крепости, произведенное В. А. Богусевичем, недавно привело его к заключению, что она была переустроена в конце XV в. или в начале XVI в.¹

Очень интересные результаты были получены тогда же при исследовании стен Старой Ладоги. Древнейшей основой их являлась тонкая стена, около 1 м толщиной, сложенная из известковом растворе из тонких, неправильных по форме плит. Затем, повидимому, в 1445 г., к ней была присоединена новая стена толщиной около 2 м, также сложенная из тонких плит на известке. Наконец, к концу XV в. относится укрепление стен путем кладки, состоявшей из крупных плит правильной формы и значительного количества больших булыжных камней. Эта кладка имеет среднюю толщину со стороны Волхова около 3 м, а с внутренней стороны крепости — даже 4 м². Наконец, следует отметить возобновление в 1493 г. «на старой основе» деревянной крепости в Луках Великих².

Таким образом, в результате произведенных в конце XV в. больших оборонительных работ Новгородская земля была прикрыта с севера цепью крепостей: Старая Ладога — Орешек — Копорье — Ивангород. В то же время эти крепости играли роль опорных пунктов на важнейших путях к выходам в Финский залив. Внимание, проявленное Иваном III в деле укрепления этой территории, указывает на то большое значение, которое придавалось в Москве охране сообщения с Балтийским морем.

¹ В. А. Богусевич. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Ст. Ладоги, Порхова и Копорья, Л., 1940.

² Там же.

³ ПСРЛ, т. XII, стр. 236.

Крупные перемены во внутреннем строе государства с начала 80-х гг. XV в., направленные к укреплению самодержавного начала верховной власти и к развитию централизованной системы, и широкий разворот внешней политики во всей остроте поднимали вопрос о судьбе русских земель, находившихся под властью литовской короны. Все это вызвало ряд попыток сопоставления части феодальной знати, близкой как к великокняжескому, так и к удельным дворам. К сожалению, в источниках сохранились лишь отрывочные и крайне незначительные сведения об этих конфликтах между великим князем и его феодально-боярским окружением, которые, с одной стороны, являются рецидивом феодальной войны при Василии Темном, а с другой — ведут к борьбе с боярством при царе Иване Грозном¹. Летописные источники замалчивали эти столкновения и следовавшие за ними опалы, о некоторых мы узнаем лишь по косвенным данным — по послужильцам распущенных боярских дворов, испомещенным на новгородской территории. На основании этих материалов устанавливается, что опалам подверглись: Василий Образец, Иван Васильевич Ощеря, Иван Дмитриевич Руно, Михаил Яковлевич Русатка, Иван Иванович Салтык-Травин, Андрей Константинович Шеремет, князь Александр Шемяка-Шаховской².

Василий Образец принадлежал к роду Добрыньских и был сыном Федора Симского, убитого в бою под Суздалем в 1445 г. В 1474 г. Василий Образец, мишуя окольничего, был пожалован в бояре. Его имя часто встречается в летописи и в разрядных книгах при описании походов на Новгород и Тверь и в действиях против Казани. После присоединения Твери Василий Образец был послан туда наместником при Иване Ивановиче «Молодом», которого отец пожаловал Тверским княжеством. Это поручение служит показателем выдающегося положения Василия

¹ Интересно отметить, что князь Андрей Михайлович Курбский рассматривал Ивана III как предшественника царя Ивана Грозного в угнетении княжеских и боярских родов. Враждебное отношение Курбского к Ивану III особенно ясно проявилось в обвинении последнего в отравлении сына Ивана «Молодого» «смертоносным ядом». Указав, что Иван III «... братию свою, ближних ему в роде, оных разогнал до чуждых земель, яко Вереяского Михаила и Василия Ярославича, а других, во отроцком веку еще сущих, тамо же темничным заключением, на скверной и проклятой заветной грамоте — о увы, о беда ко слышанию тяжка — заключившае сына своего Василья, повелел неповинных погубить неостроиче», — Курбский замечает: «... тако же сотвори и иным многим, их же, долготы ради писания, зде оставляется» («История о великом князе Московском», РИБ, т. XXXI, стр. 271—273).

² См. нашу работу «Новгородские помещики из послужильцев и конце XV в.» (Исторические записки, кн. 14).

Образца и того большого доверия, которым он пользовался со стороны Ивана III. Дальнейшие сведения о нем прекращаются. Исполнение на новгородской земле его послужильцев указывает на постигшую его опалу. Возможно, что в связи с этим находится и переход Василия Образца в число прекаристов и бенефициариев митрополичьей кафедры ¹.

Иван Васильевич Ощера из рода Сорокоумовых был одним из деятельных сторонников Василия Темного, чем, вероятно, объясняется его выдвижение при Иване III. При описании похода Ахмед-хана на Угру имя Ивана Васильевича Ощери упоминается среди тех «злых» советников, которые убеждали великого князя не сражаться с татарами. В последний раз имя Ивана Ощери встречается в докладной грамоте 1486 г. митрополиту Геронтию о передаче ему на условиях прекарния села Кудрица под Москвой, принадлежавшего Новническому монастырю ².

Иван Дмитриевич Руно, человек неродовитого происхождения, также выдвинулся при Василии Темном; он принимал самое деятельное участие в освобождении Шемяки из плена. Его имя, в качестве воеводы великого князя, часто встречается в 60—70-х гг. По предположению С. Б. Веселовского, Иван Руно подвергся опале около 1483 г. ³.

Михаил Яковлевич Русалка, принадлежавший к роду Морозовых, также был деятельным сторонником Василия Темного. При Иване III он в звании окольного занимал должность дворецкого. В 1495 г. в разрядной записи он именуется и боярином ⁴.

Иван Иванович Салтык-Травин происходил из рода мелких смоленских князей Фоминских. Сохранилась его духовная грамота, написанная в 1483 г., «идучи на службу великого князя на вогуличи» ⁵. Дальнейших сведений о нем не имеется.

Указание новгородских писцовых книг на исполнение послужильцев Шереметева может относиться только к Андрею Шеремету, второму сыну Константина Александровича Безлюбцева, родоначальнику отделившейся линии Шереметевых ⁶. О его деятельности и причинах опалы не сохранилось никаких известий. В отношении Шаховского, послужильцы которого

¹ Л. В. Черепнин. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. (Исторические записки, кн. 9, стр. 56).

² Акты относящиеся до юридического быта древней Руси, т. I, СПб. 1857, № 69/II.

³ С. Б. Веселовский. Владимир Гусев — составитель «Судебника» 1497 г. (Исторические записки, кн. 5).

⁴ П. Милюков. Древнейшая разрядная книга, стр. 11, 13, 19.

⁵ Акты юридические, № 413.

⁶ Н. Барсуков. Род Шереметевых, т. I, СПб., 1905, стр. 52 и след.

оказались среди помещенных на новгородской территории, можно предположить, что под этим именем имелся в виду Александр Андреевич Шемяка-Шаховской. В родословной Шаховских, напечатанной Н. Новпковым в «Бархатной книге», есть указание, что князь Андрей Шемяка-Шаховской служил углицкому удельному князю Андрею Васпльевичу Горюю¹. Поэтому возможно, что князь Андрей Шемяка-Шаховской подвергся опале тогда же, когда после заключения Андрея Горяя были схвачены и разведены по разным местам бояре и слуги его двора.

Вполне понятно, что этот список опальных лиц не может претендовать даже на относительную полноту. Однако и в этом далеко неполном виде он позволяет сделать некоторые интересные наблюдения. Прежде всего, следует отметить, что все известные опалы относятся к одному периоду — 80—90-м гг. XV в. Затем обращает внимание группа пострадавших лиц, принадлежавших к великокняжескому двору и игравших более или менее значительную роль в первую половину княжения Ивана III. Среди них оказались и лица, известные как верные сторонники Василия III, много сделавшие для его освобождения и победы над Дмитрием Шемякой. К ним относятся: Иван Васильевич Ощера, Иван Дмитриевич Руно, Михаил Яковлевич Русалка. Очевидно, в годы решительной перестройки государственной системы Иван III разошелся с рядом приближенных к нему людей.

Самым крупным проявлением внутренних столкновений между великим князем и феодално-боярскими кругами были: заговор 1497 г., связанный с династическим вопросом, и дело князей Семена Ряполовского и Патриксевых. Исследование обоих случаев, в особенности же дела князей Семена Ряполовского и Патриксевых, убеждает нас в том, что причина расхождения Ивана III с боярством лежала не только в области внутренней, но и внешней политики.

По понятным соображениям, при Василии III, а затем и при Иване IV подробности династического дела и заговора 1497 г. умышленно замалчивались. Летописные своды сохранили по этому делу самые незначительные сведения, оставляющие широкий простор для различных толкований и предположений. Несомненным является, однако, то, что в декабре 1497 г. Иван III, разгневавшись на великую княгиню Софью и сына Василия, «в той вспалке» велел казнить детей боярских: Владимира Елизарова Гусева, князя Ивана (Ивановича) Палецкого Хруля, Поярка, брата Руно, Щавая Скрыбина Тра-

¹ «Бархатная книга», изданная Н. Новпковым в 1787 г., ч. I, стр. 138.

пина, дьяка введенного Федора Стромилова и Афанасия Еропкина¹. Некоторые подробности этого дела сохранились в одном позднем списке Никоновской летописи, обозначенном издателем Архивным II и относимом ими к XVII в. По этим сведениям, дьяк Федор Стромиллов сообщил князю Василию, что его отец «хочет жаловати великим княженнем Володимерским и Московским» своего внука князя Дмитрия Ивановича. Тогда «второй сатанин предотеца» Афанасий Рощенок (Еропкин) «в думе» с дьяком Федором Стромилловым, Поярком, братом Руновым и другими детьми боярскими стал внушать князю Василию, чтобы он отъехал от отца в Вологду и на Белоозеро. При этом предполагалось учинить «израду» над князем Дмитрием Иваповичем. В связи с этим сообщением становится понятным и другое известие, сохранившееся в том же летописном тексте: «И в то время (Иван III. — К. В.) оналу положив на жену свою на великую княгиню Софию о том, что в ней приходиша бабы з зелием; и обыскав тех баб лихих, князь великий велел их казнити, потопити в Москве-реке пощию; а с нею от тех мест начат жити в бережении»². Повидимому находка у великой княгини зелия была истолкована в смысле желания «известить» князя Дмитрия Иваповича. В Хронографе сообщается, что великий князь, разгневавшись на свою супругу и сына Василия, «жалобу сотвори перед митрополитом Симоном и перед архиепископы и перед всем священным собором»³.

Еще С. Соловьев усматривал в этом династическом споре между внуком Ивана III князем Дмитрием и сыном князем Василием социально-политические мотивы. По его мнению, князья и бояре, дурно отзывавшиеся о Софье после ее смерти и считавшие ее виновницей перемен к худшему в великокняжеском дворе, не могли быть расположены к Софье и при жизни и поэтому поддерживали Елену, вдову Ивана «Молодого», и ее сына Дмитрия. На стороне же Софьи и ее сына Василия были только дети боярские и дьяки⁴. Таким образом, по предположению С. Соловьева, пострадавшие в династическом деле за Софью принадлежали к той мелко-служилой среде, которая и впоследствии являлась главной опорой сильной великокняжеской власти.

Однако более внимательное изучение пострадавших в 1497 г. сторонников великой княгини Софьи не подтверждает этих предположений Соловьева. Оказывается, что большинство казненных участников заговора имело старые связи с удельными дворами, с их феодально-сепаратистскими устремлениями. Так,

¹ ИСРЛ, т. XII, стр. 246.

² ИСРЛ, т. XII, стр. 263.

³ Там же, т. XXII, ч. I, стр. 513.

⁴ С. Соловьев. История России, кн. I, стр. 1407—1408.

одно из главных действующих лиц этой группы, Афанасий Еропкин, принадлежал к потомкам мелких смоленских князей, бежавших в начале XV в. после занятия Витовтом Смоленска из Литвы и осевших в западной части Московского княжества. После перехода на московскую службу Еропкины служили преимущественно удельным князьям¹.

Еще более многообразные и тесные связи с удельными князьями были у предков и близких родственников Владимира Гусева, принадлежавших к роду Добрыньских. Сыновья Константина Ивановича Добрыньского (жившего во второй половине XIV в.) принимали деятельное участие в феодальной войне при Василии Темном, на стороне его противников. Братья Петр, Иван и Никита Константиновичи, служившие сначала великому князю, затем изменили ему. Никита Константинович участвовал в захвате Василия Васильевича в Троице-Сергиевом монастыре и в его ослеплении. После разгрома Василием Темным удельных князей Никита Константинович с сыновьями Федором и Василием бежали в Литву. В Литву бежал также сын Петра Константиновича, Семен.

Участие Добрыньских в феодальной войне на стороне противников Василия Васильевича тяжело отразилось на служебном положении их сородичей. Внук Константина Добрыньского (сын Василия Гуся) и отец Владимира Гусева, Елизар Гусев, в молодости служил князю Ивану Андреевичу Можайскому, но избежал опалы. Впоследствии он был боярином князя Андрея Васильевича «Меньшого». Биографические сведения о его сыне Владимире Гусеве, которому долгое время в исторической литературе ошибочно приписывалось участие в составлении «Судебника» 1497 г., крайне незначительны². Известно,

¹ Временник Моск. об-ва истории и древностей рос., т. X, стр. 53 — 179; С. Веселовский. Владимир Гусев — составитель «Судебника» 1497 г. (Исторические записки, кн. 5).

² Составление «Судебника» приписывалось Владимиру Гусеву со времен М. Щербатова и П. Карамзина и вплоть до недавнего времени. Поправку внесли Н. П. Лихачев (Разрядные дьяки XVI в., СПб., 1888, стр. 133) и С. Б. Веселовский (Владимир Гусев — составитель «Судебника» 1497 г., установленные, что Вл. Гусев не был дьяком и принадлежал к старому служилому роду Добрыньских. Вопрос об участии Вл. Гусева в составлении «Судебника» был недавно пересмотрен Я. С. Лурье, который на основании разбора текста Типографской летописи, служившей для П. Карамзина и других основным источником в этом вопросе, пришел к выводу, что помещенная в этой летописи фраза «Володимера Гусева писати» не имеет отношения к составлению «Судебника», а является началом какого-то известия об участии Вл. Гусева в заговоре, оборванного вследствие дефектности текста, так как вслед за этой фразой в рукописи Типографской летописи следует пробел в 19 строк (Я. С. Лурье в сб. Из истории политической борьбы при Иване III, Ученые записки Ленинградского государственного университета, Серия исторических наук, вып. 10, 1944). Соображения Я. С. Лурье о непри-

что осенью 1483 г. он ездил в Тверь «с поклоном» к Михаилу Борисовичу по поводу рождения у великого князя внука Дмитрия, по тверской князь «поклона не приахъ, и выстал его вон из избы, и к матери ему ити не велель к великой княгини Настасии»¹.

В 1495 г. Владимир Гусев находился в числе детей боярских, сопровождавших в Вильно Елену Ивановну. Родной брат Владимира Гусева, Юшка Елизаров, по неизвестной причине бежал в Литву в ноябре 1492 г.² Таким образом, Гусевы, с одной стороны, с давнего времени были связаны с удельными дворами, а с другой — имели родичей, бежавших в разное время к великому князю литовскому.

К потомкам измельчавших князей принадлежали: Иван Иванович Хруль Палецкий (из рода князей Стародубских) и Щавей Скрябин-Травин (из рода смоленских князей Фоминских). Среди поименно перечисленных казенных лиц только один — Поярок, родной брат известного сторонника Василия Темного Ивана Дмитриевича Рупо, был неродовитым человеком. Иван Рупо выдвинулся благодаря личным заслугам и той помощи, которую он оказал в 1446 г. великому князю Василию Темному. Около 1483 г. он подвергся по неизвестным причинам опале.

Казненный по этому же династическому делу введенный дьяк Федор Стромиллов приходился, повидимому, внуком

частности Вл. Гусева к составлению «Судебника» являются вполне приемлемыми. Биографические сведения о роде Вл. Гусева (Добрыньских) собраны С. В. Веселовским в его указанной выше работе.

¹ ПСРЛ, т. XV, стр. 499. Причины оскорбительного для Владимира Гусева отношения великого князя Михаила Борисовича неизвестны. При полном отсутствии каких-либо данных можно, конечно, сделать различные предположения. Вряд ли, однако, заслуживает доверия версия, предложенная Я. С. Дурье, согласно которой приехавший «с поклоном» в Тверь Владимир Гусев «на самом деле был представителем феодального блока, вызвавшегося привлечь Тверь на свою сторону». Тверская летопись нашла нужным подчеркнуть лояльность, проявленную в данном случае Михаилом Борисовичем. Что оскорбительный прием Владимира Гусева был направлен лично против него, а не против пославшего его Ивана III, Я. С. Дурье видит в том, что приехавший перед Владимиром Гусевым Петр Лобан-Заболотский был принят вполне учтиво (Я. С. Дурье. Указ. соч.). Следует, однако, принять во внимание, что между посылкой Петра Лобана-Заболотского и Владимира Гусева прошло 8—9 месяцев, в течение которых отношения между Михаилом Борисовичем и Иваном III могли претерпеть большие изменения. Затем, в дипломатической практике XV—XVI вв. оскорбление посла всегда рассматривалось как оскорбление его государя.

² ПСРЛ т. XII, стр. 234. Побег в Литву Юшки Елизарова в ноябре 1492 г. совпал по времени с посольством в Москву Станислава Глебовича и Ивана Владычки (приехали в Москву 4 ноября и отправлялись обратно 12 ноября). Возможно, что побег Юшки Елизарова находился в какой-то связи с этим посольством.

дьяка Василия Темного Алексея Стромилы, который изменил великому князю и бежал вместе с Никитой Константиновичем Добрыньским в Можайск. По ходатайству митрополита Ионы великий князь помилował Алексея Стромилы и отдал его и его сына Михаила Черта с вотчиной и со всем имуществом в дом митрополита на вечное время: «...а нет пути им нигде из дому пречистые богородицы». О служебной деятельности Федора Стромилова почти не сохранилось известий. Известно только, что в 1488 г. он был дьяком у великого князя Ивана «Молодого» в Твери. Возможно, что после смерти последнего он перешел в качестве введенного дьяка к Ивану III¹.

Изучая состав казенных лиц, в большинстве принадлежавших по своему происхождению к княжеско-боярским родам, мы не паходим оснований считать их противниками Елены Стефановны и ее сына Дмитрия по политическим причинам внутреннего характера. Вряд ли эти лица могли связывать с приходом к власти Софьи и ее сына Василия надежды на ослабление централизации и укрепление феодально-удельного порядка. Это становится тем более ясным, что ни Елена-Волошанка, не игравшая сколько-нибудь значительной политической роли, ни ее сын Дмитрий, которому к моменту династического заговора исполнилось только 14 лет, не могли вызывать серьезное опасение в смысле усиления самодержавной политики, ибо вся полнота власти находилась в руках великого князя, обладавшего независимым и властным характером. Изменение внутренней политики могло последовать лишь в случае смерти Ивана III или устранения его от власти, но ни для того, ни для другого не было никаких оснований. К тому же в источниках не сохранилось ни одного намека на то, что заговор был направлен против самого великого князя.

В последней печатной работе, посвященной династическому делу и заговору 1497 г., принадлежащей Я. С. Лурье, автор предлагает пересмотреть традиционный взгляд на Софью Палеолог как поборницу самодержавного порядка: «...Политические взгляды самой «царевны царгородской», — пишет Я. С. Лурье, — не обязательно должны были находиться в прямой зависимости от того идеологического смысла, который вкладывался в факт ее приезда в Москву». Софья, по мнению автора, хотя и пришла «к нестроению» боярства, но сама обжилась в Москве и «познакомившись с местными политическими делами, вполне могла оказаться сторонницей «кровопийцев христианских» — бояр»². Автор правильно отмечает,

¹ С. Б. Веселовский. Указ. соч., стр. 31—47.

² Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III, стр. 107.

что заговорщики 1495 г. принадлежали к феодально-оппозиционным кругам, но его соображения, почему они стали на сторону Софьи и Василия против Елены Стефановны и Дмитрия, нам представляются неубедительными и надуманными. Для того, чтобы выйти из неизбежных противоречий или искусственных построений, необходимо при рассмотрении вопроса в целом разделить изучение двух событий, — опалу Ивана III на свою жену и сына и боярский заговор — хотя между ними существовала не только хронологическая, но и внутренняя связь. Однако для возникновения каждого из этих событий имелись особые причины.

Основная причина конфликта Ивана III со своей супругой лежала в области не внутренних, а внешних отношений.

Получив в молодости двойное воспитание, православное и католическое, Софья Палеолог не могла разделять суровой непримиримости своего супруга к зятю и к выполнению им религиозных обязательств в отношении дочери Ивана III, ставшей великой княгиней католического государства. Положение Елены Ивановны после выхода замуж могло напоминать положение самой Софьи после приезда ее в Москву. На собственном опыте Софья должна была ясно представить всю трудность сохранения чужеземных обычаев в новой обстановке другого государственного двора, ревниво относившегося к своему национальному укладу жизни. Между тем в 1497 г. на этой почве возникли первые серьезные осложнения между тестем и зятем, разногласия, далеко выходящие за пределы религиозно-бытовых вопросов. В ноябре 1496 г. Александр Казимирович совершенно откровенно сообщал Ивану III о причинах неприязни между ними: «Зрозумели смо о(т) твоей дочери, а от наше великие княгини Олены, что же, ты брат и тесть наш, хочешь ведати то, чего для мы с тобою житья доброго не дрѣжим и братства по тому, как бы мило межи нами быти житье и братство твердое с тобою, братом и цтем нашим; хочешь того, абы о том тебе было ведомо, ино надеваемся, сам тое гораздо ведаешь, что еси много наших городов и волостей за себе забрал, который ж здавна прислухали к нашему государству, к великому князству Литовскому»¹. Таким образом Александр Казимирович ставил выполнение заключенного договора и установление между обоими государями «дружбы и братства» в зависимость от совершенно непримлемого для Ивана III условия: возвращения занятых до перемирия 1494 г. русских городов и волостей. Было совершенно ясно, что корни нарастающего конфликта лежали в области политических противоречий. В этих условиях положение дочери Ивана III являлось частью

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 226.

общего вопроса о положении православного, т. е. русского, населения в Литве.

Обеспокоенный за судьбу дочери, Иван III послал в ноябре 1497 г. в Вильню Микулу Ангелова, который должен был расспросить Елену Ивановну о том, насколько ее супруг выполняет условия брачного соглашения. Из «памяти», данной этому посланцу, следует, что великий князь не был удовлетворен предшествующими ответами дочери и подозревал, что она умышленно скрывала от отца действительное положение дела. Так, Елена Ивановна не давала определенного ответа на предложение прислать к ней московского попа и старую боярыню. Отец наставлял дочь, чтобы она своему мужу «не потакала» и помнила отцовские наказы «кренко», чтобы была «в своем законе неподвижна». Важно отметить, что ни в приветственном обращении великого князя к дочери, ни в «памяти» о предстоящем с ней разговоре московского посланца имя Александра Казимировича вовсе не упоминалось; не было даже обычного вопроса о его здоровье. В случае если бы Елена Ивановна спросила, есть ли с посланцем «приказ каков к великому князю» (Александру Казимировичу), следовало отвечать «нет, госпоже, за мною никоторого приказа к великому князю; меня, госпоже, отец твой послал к тебе, а тебя, госпоже, сказывали в Вилне, а великого князя Александра сказывали в Веницах». Таким образом, Иван III сам ожидал, что дочь обратит внимание на необычное в дипломатических сношениях умолчание о государе, что еще больше подчеркивает его нарочитость.

Посланное с тем же Микулой Ангеловым письмо к дочери великой княгини Софьи послало, наоборот, совершенно иной характер. «От великие княгини Софьи, дочери нашей, великой княгине Олене, — писала Софья Фоминшна. — Чтобы еси к нам отписала о нашего зятя, а своего мужа, великого князя Александрове здоровье, да и о своем, как вас бог милует». Великую княгиню Софью интересовал только один вопрос — беременность дочери. В письме не было сказано ни одного слова ни о соблюдении дочерью православного закона, ни о религиозном притеснении ее со стороны мужа, не было и наставлений о твердом соблюдении отцовского наказа¹. Это отсутствие у великой княгини Софьи интереса к религиозно-политическим условиям жизни дочери, имевшим в глазах Ивана III первостепенное значение, нельзя объяснить истинным характером материнского послания, оставившего своему супругу разрешение всех деловых вопросов. Когда в 1499 г. произошло примирение между Иваном III и Софьей, ее первое письмо к дочери

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 239—241.

явилось по существу повторением содержания одновременного обращения к ней великого князя. Московский посол Иван Мамонов должен был передать Елене Ивановне «наодине»: «Отец твой, госпоже, велел тебе говорити: и ты бы, дочка, и нынеча памятовала бога да и наш наказ, держала бы еси крепко греческой закон, а мужа бы еси своего в том не слушала, чтобы ти и до крови или и до смерти о том пострадати, а к римскому бы еси закону не приступила, от бога еси душою не погибла, а от нас бы еси и от всего православного христианства в неблагоговеньи и в проклятьи не была в сем веце и в будущем; а нам бы еси да и себе и всему православному христианству от иных земель и от иных вер причины в том не учинила». Буквально то же повторяла в своем письме Софья Фоминична: «И ты бы, дочка, и нынеча памятовала бога да и государя нашего, отца своего, наказ, да и наш, держала бы еси крепко свой греческой закон, а мужа бы еси своего в том не слушала, чтобы ти и до крови или и до смерти о том пострадати, а к римскому бы еси закону не приступила, от бога бы еси душою не погибла, а от государя нашего, от своего отца, и от нас, и ото всего православного христианства в неблагоговеньи и в проклятьи не была в сем веце и в будущем, а нам бы еси да и себе и всему православному христианству от иных земель и от иных вер причины в том не учинила»¹.

Легко убедиться в том, что послание к дочери Софьи Фоминичны было составлено на основании текста «речи», которую от имени великого князя должен был произнести перед Еленой Ивановной посол Иван Мамонов. Поэтому весьма вероятно, что сама великая княгиня Софья в составлении своего послания участия не принимала.

Таким образом, если до разрыва с великим князем Софья Фоминична в сношениях с дочерью проявляла самостоятельность, то после примирения и возвращения ей прежнего положения она во всех вопросах, касавшихся отношений с зятем и дочерью, принуждена была полностью подчиниться воле своего супруга — государя. Политические интересы с этого момента заслонили и подчинили проявление непосредственного материнского чувства. В связи с этим небезынтересно отметить, что первое письмо 1497 г. было датировано 15 октября, а «память» с текстом обращения к дочери Ивана III — 1 ноября. Это может служить лишним доказательством в пользу самостоятельности, проявленной в данном случае великой княгиней Софьей. Можно высказать также предположение, что подобная независимость в обращении к дочери Ивана III и великой княгини Софьи, при совершенно различном характере этих обра-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 275—276.

щений, служит косвенным показателем возникшего уже в это время расхождения, которое вскоре превратилось в открытый разрыв.

Нам неизвестно, как далеко прострались расхождения между Иваном III и великой княгиней Софьей в отношении к Александру Казимировичу, — ограничивались ли они кругом чисто семейных вопросов, или захватывали и область политических взаимоотношений. Последнее представляется нам более вероятным как вследствие того, что полного примирения между Иваном III и Александром Казимировичем нельзя было достигнуть без разрешения всех противоречий, в том числе и территориальных споров, так и по тому значению, которое придаст этому делу сам Иван III, объявивший своим наследником не сына Василия, а внука, сына Елены Стефановны Волошанки, Дмитрия. Вопрос о том, кто из них имел большие права на престолонаследие в соответствии с династической традицией московского великокняжеского дома, не играл в данном случае решающей роли. Свое отношение к престолонаследию Иван III выразил в известном ответе псковским послам: «Чи не волен яз в своем внуке и в своих детех; ино кому хочю, тому дам княженство»¹.

В противоположность Софье, заинтересованной в примирении мужа с зятем, Елена Волошанка была естественным противником Александра Казимировича, являвшегося врагом ее отца, воеводы Стефана. В 1497 г. между ними возобновились враждебные действия. Получив известие, что Александр Казимирович отправился на войну со Стефаном в Волошскую землю, Иван III тотчас, в августе, послал посольство в Литву во главе с Петром Лобаном Заболотским, которому поручалось требовать от Александра Казимировича выполнения условия заключенного «докончания» — «иметь общих друзей и недругов». «Ино Стефан воевода с нами в свойстве и в единчестве, — сообщал Иван III, — и мы и ныне к тебе наказываем, памятуючи с тобою на наше с тобою докончанье, чтобы еси, брате, на Стефана, воеводу волошского не ходил, а был бы еси с ним в миру, а Стефан воевода хочет того, чтобы ты с ним был в миру, а он бы тебе таков же был, как и нам, другу бы нашему друг был, а недругу недруг».

«Память» Лобану Заболотскому показывает, что Иван III придавал очень большое значение успешному выполнению данного ему поручения. Если бы по прибытии в Луцк (Луческ) Лобан Заболотский узнал, что господарь уже отправился в поход в Волошскую землю, он должен был всеми мерами добиваться, «говорити пакрепко», чтобы его отпустили вслед за господарем.

¹ Псковские летописи, вып. I, стр. 83.

Иван III

В случае категорического отказа посол должен был в Луцке дожидаться возвращения господаря. При свидании с Александром Казимировичем посол должен был выступить в защиту и оправдание действий Стефана, которого господарь обвинял в захвате силой города Бряславля. По сведениям великого князя, полученным от посла воеводы Стефана, сами жители Бряславля пожелали переселиться в Волошскую землю. Воевода послал к ним своих людей, а бряславцы вышли к ним навстречу с женами и детьми. В это время на Бряславль «безвестно» напали татары, которые сожгли город. Тогда люди Стефана отправились в погоню за татарами, разбили их и отняли захваченных татарами бряславцев, которые затем пришли с ними «на жытьє» в Волошскую землю¹.

Александр Казимирович в ответе Лобану-Заболотскому упрекал Ивана III за то, что он отдавал предпочтение воеводе Стефану перед своим зятем: «Мы ся надеем, чтож бы брат наш великий князь болши нам, зятю свосму, сприял, нежь Стефану, воеводе волошскому»². При последующих переговорах в течение всего 1498 г. Иван III продолжал проявлять такую заинтересованность в деле господаря Стефана, которую мы не наблюдаем ни ранее, ни позже данного времени. В связи с этим важно отметить, что выступление Ивана III в защиту Стефана совпало с моментом разрыва с Софьей и с провозглашением Дмитрия Ивановича наследником великокняжеской власти.

В задачу настоящей работы не входит подробное исследование этого феодального заговора, многие обстоятельства которого и до сих пор остаются неясными. Необходимо все же отметить, что его главной причиной являлся не династический вопрос. К исходу 90-х гг. накопилось много оснований для недовольства великокняжеской властью со стороны наиболее реакционной части феодальной знати. К ним следует отнести: уничтожение мелких уделов, ограничение иммунитетов и системы кормлений, почти полное прекращение раздач земель на вотчинном праве, прекращение вольной службы бояр и детей боярских, кодификацию права в «Судебнике» 1497 г. с ясно выраженной тенденцией в централизации суда и прочее. Как было выяснено раньше, большинство участников заговора 1497 г. имело различного характера связи с удельными дворами. Быстрая и решительная ломка феодально-удельного строя не могла не вызвать реакции со стороны лиц, заинтересованных в его сохранении. Недовольство вызывала и внешняя политика Ивана III, как это ясно показало дело князя Ряполовского и князей Патрикеевых. Однако и среди участников

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 237—238.

² Там же, стр. 243.

заговора 1497 г. были лица, в какой-то мере связанные с московскими эмигрантами в Литве. Как уже отмечалось выше, один из главных участников заговора, Владимир Гусев, находился среди лиц, сопровождавших Елену Ивановну в Вильно. Вместе с тем, не вступая в область недостаточно обоснованных предположений, мы отказываемся установить ближайшие конкретные планы заговорщиков, действия которых Иван III рассматривал как государственную измену. Несомненным является то, что хотя недовольство в кругах феодальной знати, приведшее к заговору 1497 г., возникло независимо от династического дела, но борьба, поднимавшаяся вокруг вопроса о престолонаследии, захватила и оппозиционно настроенную часть боярства. Когда были раскрыты сношения с великой княгиней Софьей, последовала казнь замешанных в этом деле лиц.

Расхождение великого князя с Софьей Фоминичной по литовским делам и переход его на сторону Елены Волошанки и внука Дмитрия ставил опальную великую княгиню, обладавшую притом честолюбивым и властолюбивым характером, в особо тягостное положение. Вполне естественно, что великая княгиня должна была привлечь внимание со стороны лиц придворного окружения, недовольных внутренней и внешней политикой великого князя. Казнь лиц, замешанных в заговоре 1497 г., все же полностью не ликвидировала существовавшую в области внешней политики оппозицию, как показало в 1499 г. дело князей Ряполовских и Патрикеевых. В начале 1499 г. великий князь велел «поймати бояр своих» князя Ивана Юрьевича Патрикеева с детьми и князя Семёна Ивановича Ряполовского. 5 февраля князю Семёну Ряполовскому «голову ему ссекоша» на Москве-реке, а Патрикеевы, Иван Юрьевич и его сын Василий Косой, были по просьбе митрополита Симона помплованы и отпущены «в черниці»¹. Есть сведения, что подверглись опале и другой сын Ивана Юрьевича Патрикеева — Иван Мышына, а также князь Афанасий Патрикеев². В неопубликованной летописи Синодального собрания № 365 сохранилось очень интересное сообщение, что в апреле этого же года великий князь

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 236. О заступничестве за князей Патрикеевых митрополита Симона сообщается во Владимирском летописце (Синодального собрания № 793), отрывки из которого опубликованы М. П. Тихомировым (Историч. записки, т. 15, М., 1945, стр. 278—300).

² О «поминани» князя Ивана Мышына Патрикеева сообщает Владимирский летописец (М. П. Тихомиров. Указ. соч., стр. 291). На опалу Афанасия Патрикеева указывает «помещение» двух его послуживцев на новгородской территории (см. нашу работу: «Новгородские помещики из послуживцев в конце XV в. «Ист. Зап.» т. 14, 1945). В родословцах упоминаются три сына Ивана Юрьевича: Михайло Колышка, Василий Косой (Вассиан) и Иван Мышында. (Временник Моск. об-ва ист. и древн. рос., кн. X, стр. 81). Имя Афанасия Патрикеева нигде больше не встречается.

велел взять под стражу князя Василия Ромодановского и тверетинина Андрея Коробова ¹.

Казнь князя Семена Ивановича Рязоловского и пострижение в монастырь князя Ивана Юрьевича Патрикеева и его сына Василия со времен Карамзина историки без достаточных оснований объясняли якобы их участием в династической борьбе на стороне Елены Волошанки и Дмитрия Ивановича; их считали виновными в ссоре великого князя с Софьей Фоминичной и Василием Ивановичем. Поэтому, когда Иван III изменил свое первоначальное решение в династическом вопросе и вместо впуска Дмитрия отдал великое княжество своему сыну Василию, то «недоброжелатели» Василия, князя Рязоловские и Патрикеевы, подверглись суровому наказанию ².

Единственным основанием для этого предположения служило сообщение Степенной книги, согласно которому Иван III разгневался на великую княгиню Софью «ради людских крамол». Затем великий князь, «испыта подробно вся преже бывшая крамолы, их же ради повеле князя Симона Рязоловского казнити смертным посечением» ³. Однако Степенная книга по причине ее позднего происхождения и большой тенденциозности в освещении событий не может служить надежным источником для разрешения данного вопроса. Более ранние московские летописные своды (Воскресенский, Никоновский, Софийский 2-й) содержат лишь краткие упоминания о казни князя Рязоловского и опале князей Патрикеевых. Никакой причинной связи этого события с династическим вопросом они не устанавливают. Интересное дополнительное замечание находится лишь в Архангелогородском летописце, согласно которому великий князь «поимал в измене» князя Семена Рязоловского и князей Патрикеевых ⁴.

Казнь князя Семена Рязоловского и пострижение по заступничеству митрополита князей Патрикеевых были крупным

¹ Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, прим. 451.

² Карамзин писал, что князь Иван Юрьевич Патрикеев и князь Семен Рязоловский «действовали явно как ревностные друзья Иоаннова впуска и недоброжелатели Софиины» (История государства Российского, т. VI, стр. 276). Соловьев хотя и отметил, что «летописцы говорят глухо», по все же не сомневался, что измена и крамолы князей Патрикеевых и князя Рязоловского состояли в их действиях против Софии и ее сына (Указ, соч., кн. I, стр. 1410).

³ «В лето 7007. Велел князь велики поимати бояр своих, князь Ивана Юрьевича з детьми да князя Семена Ивановича Рязоловского, и велел казнити князя Семена, голову ему ссекоша на Москве реце пониже мосту, февраля 5; а князя Ивана Юрьевича пожаловал от казни, отпустил его в черни да Троице; а сына его князя Василия Ивановича Крывого отпустил в монастырь в Кириллов на Белоозеро» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 276).

⁴ Архангелогородский летописец в издании 1781 г., стр. 173.

политическим событием. В течение многих лет князь Иван Юрьевич Патрикеев и его зять князь Семен Иванович Ряполовский пользовались исключительным доверием со стороны Ивана III и выполняли наиболее ответственные его поручения. С великим князем Ивана Юрьевича связывали и близкие родственные отношения: по бабушке, Марии Васильевне, дочери великого князя Василия Дмитриевича, Иван Юрьевич приходился Ивану III двоюродным братом. Отец Семена Ряполовского, князь Иван, в 1446 г. спас малолетнего Ивана III от Шемяки и увез из Троице-Сергиева монастыря в свою вотчину под Юрьев-Польский. Три брата Ряполовские были верными сторонниками Василия Темного и много способствовали его окончательной победе над Шемякой.

Иван Юрьевич Патрикеев с сыном Василием и Семен Иванович Ряполовский принимали деятельное участие в переговорах с литовцами и неоднократно угощали литовских послов на своих дворах. Иван Юрьевич фактически играл роль посредника при заключении мира с Александром Казимировичем и брака его с Еленой Ивановной. Как прямой потомок Ольгерда и как московский боярин, благожелательно настроенный к Литве, Иван Юрьевич пользовался большим доверием с литовской стороны, свидетельством чего служит его переписка с папом Яном Заберезинским. В одном из писем 1492 г. Ян Заберезинский напоминал Ивану Юрьевичу свою беседу с ним в его доме в бытность в Москве в качестве посла государя: «Колп еси был от государя нашего, короля его милости, в посольстве и с поминки у великого князя, и твоя милость велел ми в себе хлеба ести; и розмовал твоя милость о згуду межи государей, а межи слов припомянул еси житье великого князя Василья Васильевича з нашим государем з великим князем Витовтом, в котором житье и докончанье межи себе были». Когда в мае 1492 г. в Москву приехал посол Александра Казимировича дворянин Войтко Янович, Иван Юрьевич напомнил ему свой разговор с Яном Заберезинским¹. Таким образом, Иван Юрьевич выступал в династических переговорах как сторонник сближения между Москвой и Литвой. В 1494 г. Иван Юрьевич, его сын Василий и князь Семен Иванович Ряполовский вели переговоры с литовскими послами об условиях мира и о сватовстве. Затем в этом же году князь Василий Иванович Патрикеев и князь Семен Иванович Ряполовский ездили в Литву, чтобы присутствовать при крестном целовании на договоре и для переговоров о спорных условиях брака. После возвращения в Москву литовские послы вновь были приняты в доме князя Семена Ивановича Ряполовского и князей Патрикеевых, у них «ели»

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 71.

и «пили». Особое отношение, проявленное к ним со стороны литовского посла Яна Хребтовича, выразилось, между прочим, в его стремлении вести переговоры непосредственно с князем Семеном Ряполовским и князем Василием Ивановичем Патрикеевым¹. Князь Семен Ряполовский и боярин Михаил Яковлевич Русалка (Морозов) в 1495 г. провожали невесту в Вильно. Это было последнее событие в их дипломатической деятельности, которая неожиданно оборвалась в этом же году. В течение 1496—1498 гг., когда все сильнее и сильнее обострялись отношения между Иваном III и его зятем, ни князь Семен Иванович Ряполовский, ни князя Патрикеевы никакого участия в переговорах с литовцами больше уже не принимали. В последний раз имя князя Семена Ивановича Ряполовского упоминается в Разрядной книге в августе 1498 г. в связи с его назначением воеводою передового полка в составе ратных сил, посланных к Казани для защиты Абдул-Латыфа².

Для исследования «изменного дела» князей Ряполовского и Патрикеевых очень важным является летописное сообщение, сохранившееся в рукописи Синодального собрания № 365 о «поимании» боярина князя Василия Ромодановского. Последний, как и князь Семен Ряполовский и князя Патрикеевы, принимал близкое участие в заключении брака Александра Казимировича с Еленой Ивановной. В 1495 г. он с женой сопровождал Елену Ивановну в Вильно и был оставлен при ней до осени. В первые месяцы супружеской жизни Елены Ивановны Василий Ромодановский служил посредником в сношениях между великим князем и его дочерью. На его обязанности было передавать Ивану III «тайные речи» великой княгини. В марте 1498 г. князь Василий Ромодановский вновь был отправлен послом к Александру Казимировичу и к Елесе Ивановне. Это было одно из наиболее важных посольств после отъезда Елены Ивановны в Вильно, когда отношения между тестем и зятем стали принимать острую политическую форму, указывающую на близость открытого разрыва³. Арест князя Василия Ромодановского последовал через несколько месяцев после его возвращения в Москву. Одновременно с ним был по какой-то связи арестован тверетин Андрей Коробов. По этому вопросу можно высказать только предположение. Известно, что в конце XV в. тверские купцы часто посещали Вильно по торговым делам. Возможно, что при посредстве Андрея Коробова Василий Ромодановский лично или по поручению великой княгини Софьи поддерживал тайные сношения с Еленой Ивановной, что и могло

¹ Сб. русск. ист. об-ва, т. 35, стр. 148.

² П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 24.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 170, 172—173, 180, 198, 210.

послужить непосредственным поводом к аресту князя Василия Ромодановского и Андрея Коробова.

Наконец, следует отметить, что опала, постигшая Михаила Яковлевича Русалку-Морозова, послужильцы которого были испомещены на новгородской территории, была также вызвана литовскими делами. В 1495 г. Михаил Яковлевич Русалка с женой, как и князь Семен Рязполовский и князь Василий Ромодановский, сопровождал Елену Ивановну в Вильно. Таким образом, все пострадавшие лица — князь Семен Рязполовский, князь Василий Ромодановский, князя Патрикеевы, Михайло Русалка-Морозов — играли первенствующую роль в сношениях с Литвой.

В 1503 г. в наказе послам, отправленным в Вильно, Иван III давал строгие наставления относительно поведения в литовской столице, «чтобы вашим небрежением нашему имени нечти не было». По этому поводу он напомнил случай с князем Рязполовским и князем Василием Ивановичем Патрикеевым: «а не так бы есте чинили, как князь Семен Рязполовской высокоумничал князем Васильем княжим Ивановым сыном Юриевича»¹. Совершенно ясно, что, приводя этот пример «высокоумничанья» в задание своим послам при Александре Казимировиче, Иван III не мог иметь в виду династическое дело. Остается предположить, что князь Семен Рязполовский и князя Патрикеевы допустили слишком большую самостоятельность в дипломатических делах. Серьезность кары, наложенной на некоторых из самых влиятельных и близких к великому князю бояр, указывает, что их вина заключалась не в нарушении посольского этикета и не в мелких проступках при исполнении возложенных на них обязанностей, а в серьезном расхождении с политикой великого князя, носившем характер государственного преступления. На основании анализа всего поведения князя Семена Рязполовского и князя Патрикеева, как убежденных сторонников примирения и сближения с Литвой, нам кажется, не будет слишком смелым высказать предположение, что в их лице Иван III встретил оппозицию своим планам, касавшимся вооруженной борьбы за русские земли с литовским господарем.

Пересмотр вопроса о причине казни князя Семена Рязполовского и ссылки в монастырь князей Патрикеевых позволяет иначе, нежели это делалось до сих пор, рассмотреть и вопрос об изменении первоначального династического решения Ивана III в пользу сына Василия. Отрицая объяснение, будто падение Софьи и Василия было вызвано клеветой на них князя Семена Рязполовского и князей Патрикеевых, а их восстано-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 428.

вление раскрытием и разоблачением этой клеветы, — изменение отношения Ивана III к вопросу о престолонаследии следует искать в иных обстоятельствах. Прежде всего необходимо различать два события: пожалование Василию Ивановичу 21 марта 1499 г. титула «великого князя» с предоставлением ему в «великое княжение» Новгорода и Пскова и посажение его 14 апреля 1502 г. на «великое княжение Володимирское и Московское и всея Руси самодержцем».

В первом случае Дмитрий Иванович не был лишен титула «великого князя», который продолжал употребляться при официальных сношениях и в церковной службе. Только 11 апреля 1502 г., за два дня до официальной передачи наследования по великому княжению Василию, Иван III положил овалу на своего венчанного внука Дмитрия и его мать Елену Волошанку, запретил называть Дмитрия великим князем, поминать в ектенях и литиях, и посадил обоих «за приставы».

Как уже отмечалось выше, после примирения в 1499 г. с мужем, Софья возобновила переписку с дочерью, но характер ее переписки с этого момента резко изменился. Место интимного семейного письма, наполненного материнскими заботами, заступают суровые послания, преследующие одну религиозно-политическую цель: угрозами родительского проклятия поддерживать стойкость дочери в борьбе за чистоту православного вероисповедания. Содержание их становится настолько близким к соответствующим обращениям к дочери великого князя, что становится вполне ясной их полная зависимость от последних. Очевидно, примирение Софьи с великим князем было достигнуто ценой ее полного подчинения супругу в вопросах московско-литовских отношений.

Примирение Ивана III с Софьей и объявление сына Василия «великим князем» выходили за область семейных и династических интересов. Ссора Ивана III с матерью и родным братом литовской великой княгини легко могла быть использована Александром Казимировичем и литовским панством во враждебных целях. Они могли это истолковать как слабость противника, раздираемого внутренними несогласиями, как доказательство несправедливости требований к своему зятю, осуждавшихся даже собственной супругой и сыном. Возможно, что этим в известной мере объясняется неуступчивость, проявленная в эти годы Александром Казимировичем в отношении исполнения условий брака. В этой обстановке наречение Василия Ивановича «великим князем», при одновременном существовании другого великого князя, Дмитрия, а также предоставление ему в «великое княжение» пограничных с Литвой Новгорода и Пскова должно было иметь больше внешнеполитическое, нежели внутреннее, значение.

Окончательное торжество Василия Ивановича и Софьи Фоминичны наступило все же несколько позднее, когда в апреле 1502 г. был «пойман» его соперник и племянник, Дмитрий, а князь Василий Иванович был провозглашен «великим князем Московским и Владимирским и всея Руси» и стал соправителем своего отца. За отсутствием каких-либо материалов в источниках нет возможности точно установить, когда именно у Ивана III созрело решение о замене на «великом княжении» внука Дмитрия сыном Василием. Суровость кары, наложенной на внука и его мать в апреле 1502 г. за несколько дней до провозглашения Василия Ивановича «великим князем Московским и Владимирским», указывает не только на связь между этими событиями, но и на какие-то особые обстоятельства, вызвавшие гнев Ивана III против внука и невестки. Сам Иван III на вопросы о причине этой опалы давал уклончивый ответ: внук и великая княгиня Елена «перед государем проступили, не по приговору учинили». Можно только предполагать, что примирение в 1498 г. Ивана III с великой княгиней Софьей и сыном Василием вызвало усиленные интриги со стороны великой княгини Елены и ее «боговенчанного» сына, опасавшихся полного торжества противной стороны. Во всяком случае, какими бы ни были действительные причины изменений в 1502 г. в династическом вопросе, они остались в узком кругу великокняжеской семьи. В этом нельзя не видеть большого успеха, достигнутого Иваном III в преодолении дворцовой оппозиции. Опалы и казни; производившиеся в течение девяностых годов, еще больше укрепили власть Ивана III, а это несомненно, имело большое значение не только для развития централизованной государственной системы, но и для активизации его внешней политики.

3

Присоединение Новгорода к Москве привело к крупным изменениям в политической обстановке во всей восточной части Балтийского бассейна. Объединенное Русское государство не могло довольствоваться тем положением, которое занимало боярское правительство Новгорода по отношению к прибалтийским странам. Новгород, в качестве «передового стража» Русских земель, несомненно, сыграл большую положительную роль в защите русской территории. В течение двух с половиной веков все усилия его были направлены к сохранению «старой» границы от покушений со стороны Ливонского ордена и Швеции. Однако внешняя политика боярского правительства носила компромиссный характер. Длительное «розмирье» с немцами и военные действия, нанесившие убыток новгородскому купечеству и материально связанной с ним землевладельческой

боярской знати, обычно заставляли ее довольно быстро идти на соглашение и примирение. Ни новгородское купечество, фактически пользовавшееся по крайней мере до середины XV в. почти полной монополией в русской торговле с Западом, ни боярство, располагавшее доходом феодального хозяйства с огромных земельных владений, не проявляли большой активности в деле уничтожения экономической зависимости от Ганзы и ливонских городов. Возможность относительно легкого обогащения за счет эксплуатации колоссальных северных владений являлась одной из основных причин консерватизма новгородского феодального хозяйства, которое во второй половине XV в. обнаруживает значительную отсталость по сравнению с экономическим развитием центральной части окско-волжского междуречья. Этим объясняется то на первый взгляд кажущееся противоречие, что, несмотря на развитие торговли, новгородское крупное феодальное хозяйство было относительно слабо связано с рынком. На пассивность новгородской внешней политики оказывала влияние и слабость военных сил Новгорода, неспособных к большим наступательным действиям.

В политике изоляции России от самостоятельных экономических и политических сношений через Балтику Ливонский орден был не одинок. В этом вопросе сходились интересы Ливонского ордена, Ганзы и немецкого купечества в Ливонии (городов). Ливонский орден, сознававший свою слабость перед объединенным Русским государством, охотно поддерживал всех его противников. Кроме того, в войне с русскими Орден мог рассчитывать на военную поддержку со стороны Швеции, также заинтересованной в ослаблении своего могущественного соседа на Востоке. Основные усилия магистра Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга (1494—1535) были направлены на укрепление внутреннего положения Ордена и на борьбу с Россией. С этой целью Вальтер фон Плеттенберг сблизился с Александром Казимировичем и с правителем Швеции Стен Стуре¹. Объединяясь во враждебном отношении к Русскому государству, как к новому и сильному сопернику на Балтике, прибалтийские государства резко расходились между собой по многим другим вопросам внешней политики. Создавалась чрезвычайно сложная комбинация различных интересов и противоречий, в основе которой лежала борьба за установление своего экономического и политического господства на Балтийском море. Главными участниками этой борьбы являлись Дания, Швеция и Ганза.

¹ Г. Форстен. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. I, СПб., 1893, стр. 63.

Кальмарская уния 1397 г., династически объединившая Данию, Норвегию и Швецию под датской короной, еще сильнее обострила экономические и политические противоречия между этими странами. Попытки преемников Маргариты настоять на соблюдении условий этой унии встречали яростное противодействие со стороны значительной части шведского дворянства, видевшего в условиях унии явное преобладание датских интересов. Кальмарская уния окончательно распалась после смерти в 1448 г. короля Христофора Баварского, когда аристократическая часть шведского дворянства добилась избрания отдельного короля для Швеции — Карла VIII Кнутсона. В войнах с Карлом Кнутсоном прошла значительная часть царствования Христиерна I в Дании (1448—1481), первого короля Ольдебургской династии. Перед смертью Карл Кнутсон передал все свои земли племяннику Стен Стуре, который летом 1470 г. был избран правителем Швеции. Христиерн поспешил с большими силами двинуться в Швецию, но битва при Брунксберге (около Упсалы) закончилась полным поражением датчан.

Потерпев неудачу в попытке добиться шведской короны военными средствами, Христиерн перешел к обширным планам политических комбинаций, целью которых являлось образование крупного союза европейских государств против Швеции. В этой связи Христиерн не мог не обратить внимания на быстро возрастающее могущество «Московии», у которой существовали давние неприязненные отношения со шведами, не соблюдавшими условий Ореховского мира (1323). В 1474 г. Христиерн предпринял поездку в Германию и Италию. Позднее, после смерти Христиерна, один из его секретарей в письме к Стен Стуре сообщил, что король во время поездки был занят созданием грандиозного союза для нападения на Швецию: предполагалось, что великий князь московский нападет на Швецию с востока, шотландский король — с запада, а сам Христиерн в союзе с Польшей, Померанией и Мекленбургом произведет нападение с юга¹. Этот план Христиерн передал сыну Иоанну (Гапсу) в своем политическом завещании, составленном незадолго до смерти. В нем, между прочим, он рекомендовал сыну держаться союза с великим князем московским. В русских источниках нет сведений о каких-либо сношениях с Данией при Христиерне, хотя нам представляется вполне возможным их существование; в противном случае король Христиерн вряд ли стал бы завещать своему сыну союз с великим князем московским. Первое сообщение о появлении датского посольства в Москве относится к 1493 г.: «Того же лета

¹ Г. Форстен. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV—XVI столетиях, СПб., 1884, стр. 117—118.

(7001), июля, пришел посол из Немецкие земли к великому князю от датского короля Иоана о любви и о братстве; и князь великий почтив посла его отпустил его в свою землю, да с ним вместе послал князь великий своих послов к датскому королю к Ивану с любовью же и с братством Дмитрея Греча Ралева Палеолога да Дмитрея Засцова»¹.

Предметом переговоров в Москве было заключение союза о дружбе и взаимной помощи против врагов. Инициатива, повидимому, исходила от датского короля, готовившегося к возобновлению борьбы со Стен Стуре за шведскую корону. Правда, момент для заключения военного союза против Швеции был не вполне благоприятным, так как мирные переговоры Ивана III с Александром Казимировичем еще не были закончены, а со шведами только в феврале 1493 г. было заключено перемирие на полтора года. Возможно, что другая сторона этого союза — помощь против Литвы, побудила великого князя поспешить с приятным предложением датского короля. Во всяком случае договор был ратифицирован с датской стороны в очень короткий срок: 8 ноября 1493 г. в замке Гаффнесиз («in castro... Haffpensis») ². Русские послы, Дмитрий Ралев Палеолог и Дмитрий Засцов, вернулись обратно в Москву в следующем году: «они же шедше короля к делованию приведоша на докончатных грамотах, и грамоты розоумаша докончатные»³. Вместе с московскими послами прибыл посол короля Давид «также о братстве и о любви».

Согласно заключенному договору, датский король обязывался быть с великим князем московским не только «в братстве, любви и союзе», но также оказывать ему помощь против его врагов и неприятелей, насколько это будет ему (королю Дании) возможно. В свою очередь великий князь на этих же основаниях должен был оказывать помощь датскому королю. Король и великий князь объявляли себя едиными против неприятели и врага Стен Стуре, узурпатора королевства Швеции («nos esse una cum fratre nostro contra suum inimicum et hostem, Swantonem, regni Suecie occupatorem»). Объединение действий против Стен Стуре составляло основную цель союза, в чем следует видеть проявление особой заинтересованности

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 227.

² Изданный Грэнбладом (Grönblad) латинский текст договора представляет собою датский «противень», подлинник которого должен был находиться в Москве. Можно поэтому предполагать, что он являлся не оригиналом, а копией, использованной при перезаключении договора в 1506 г. с великим князем Василием. Латинский текст договора перепечатан Форстенем в приложении к исследованию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV — XVI столетиях», СПб., 1884, стр. 597—598.

³ Там же, стр. 228.

датской стороны. Это условие было подробно развито в следующих пунктах договора: «И если ссоры побудят кого-нибудь из нас выступить против Стен Стуре, который теперь считает себя губернатором королевства Швеции, Эрика Стуре, капитана в Выборге и других узурпаторов, неверных наших подданных и мятежников, тогда один из нас сообщит об этом другому и мы окажем брату нашему помощь, какую можем, по правде без обмана, так же как и нам будет оказана помощь какая возможна по правде без обмана, против Стен Стуре и других упомянутых лиц, чтобы мы могли возвратить и защищать королевство Швеции»¹. Таким образом, договор ясно определял цель войны со Стен Стуре: возвращение Иоанну датскому короны. Договор ничего не сообщает о каких-либо преимуществах в отношении Швеции, которые великий князь мог получить за участие в этой войне. Повидимому, принятое великим князем обязательство содействовать возвращению Иоанну датскому шведской короны компенсировалось обязательством со стороны последнего помогать Ивану III против Александра Казимировича: «Мы будем вместе с братом нашим против его врага и неприятеля, великого князя литовского, насколько это нам будет возможно по правде без обмана». В момент заключения договора о военном союзе с Иваном III король Иоанн не имел личных причин для выступления против великого князя литовского.

Интересно условие о сохранении целостности каждого из договаривающихся государств: «И если царства наши постигнет распадение или раздробление, да будут они объединены как было из старины»².

Письменный договор, повидимому, не включал всех пунктов соглашения. В нем не было упомянуто о спорных пограничных землях, хотя какое-то соглашение о них, несомненно, существовало. Через два года после заключения союза между Иваном III и Иоанном датским Стен Стуре получил известие из Нарвы, будто король обещал великому князю в качестве вознаграждения за участие в войне со Швецией большие пространства земли в Финляндии: всю финскую Карелию, земли Аугярää, Jäskis и Savolaks. Известие было получено от лица,

¹ «Et quum aliquis nostrum incipiet lites contra et adversus Swantonem, qui nunc gerit se pro gubernatore regni Suecie Ericum Stwre, capitaneum in Wiburgh, aliosque occupatores regni nostri Suecie, infideles subditos atque rebelles, tunc prius inter nos alterutrij significabimus et nos erimus fratri nostro in auxilium quantum nobis possibile est in veritate absque dolo, et ipse nobis erit in auxilium quantum nobis possibile est in veritate absque dolo quantum sibi possibile et contra Swantonem et alios predictos, ut possimus recuperare et obtinere regnum Suecie».

² «Et ubi nostra regna se contingunt mutuo, distinctunt sine diuisio erit sicut ab antiquo continuata fuerit».

служившего переводчиком между русскими и шведами¹. Это сообщение подтверждается заявлением русских послов королю Иоанну в Стокгольме в начале 1501 г., в котором великий князь напомнил своему союзнику-королю «крестное целование», а также то, что погосты Ергирре (Äygräå), Lees kuus (Jäs kis), Samolax и река Кауен исстари тянули к Великому Новгороду². В сообщении ничего не было сказано об отношении к Ганзе, что являлось предметом большой заботы и заинтересованности со стороны Дании, претендовавшей, по своему положению, на роль «морского стража» на Балтийском море. В течение XV в. короли Эрик, Христиерн и Иоанн делали неоднократные попытки к ограничению монопольных прав ганзейских городов, что привело к ряду вооруженных столкновений. Так, в 1425 г. была введена таможенная пошлина при прохождении судов через Зунд, вызвавшая жалобы в этом же году со стороны представителей всех ганзейских городов на собрании в Ростоке, а затем — девятилетнюю войну короля Эрика с вендскими городами. С этого времени отношения между Данией и Ганзой становились все более и более враждебными. Уничтожение первенствующего положения Ганзы в Балтийском море являлось одной из основных задач внешней политики и преемника Эрика на датском престоле Христофора. «Смерть Христофора (Христиерна), — сообщает хроника Любека, — уничтожила злос намерение унижить и уничтожить свободные города». Христиерн, связанный борьбой за шведскую корону с Гольштинией, хотя и не решался на открытый разрыв с Ганзой, но с целью ее ослабления покровительствовал торговле других стран на Балтийском море, в особенности Голландии и Англии. С началом царствования Иоанна отношения с Ганзой резко обострились. Хотя впоследствии Иоанн и подтвердил привилегии ганзейских городов, но и это не привело к умиротворению. Так, в 1492 г., Иоанн запретил Гольштинии вести торговлю с Любеком. В свою очередь, Любек заключил договор с врагом датского короля Стен Стуре³.

Политика датских королей по отношению к Ганзе заключалась в том, чтобы, избегая с ней открытого разрыва, в то же время содействовать ее ослаблению при помощи других государств. Очень большое значение в этом отношении имело лишение Ганзы тех привилегий, которыми она долго пользовалась в Новгороде.

¹ Koskinen, Finlands historia (перевод с финского), т. I, Гельсингфорс, 1874, стр. 88; Styffe. Bidrag till Skandinavians historia, т. IV, С LXXV; Г. Форстен. Указ. соч. стр. 159—160.

² Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, № 4. М., 1915.

³ Г. Форстен. Указ. соч., стр. 160.

Удар по Ганзе в Новгороде разразился уже в следующем году после заключения московско-датского договора. В 1494 г. (7003) великий князь послал в Новгород к своим наместникам дьяка Василия Жука и Данилу Мамырева и велел «поимати» гостей немецких и колыванских, переписать их товар и везти в Москву. В летописном описании этого события сохранилось краткое сообщение о причинах предпринятой репрессии, заимствованное, повидимому, из великокняжеской грамоты к новгородским воеводам. Великий князь велел «поимати» немецких и колыванских купцов «за их неисправление, про то, что они на Колыване великого князя гостем новгородским многие обиды чиниша и поругание самовольно, а иных людей великого князя живых в котлах вариша без обыски великого князя и без обыску; також и послом великого князя от них ругание бысть, которые послы ходили от великого князя в Рим, и в Фряскую землю и в Немецкую, да и старым гостем великого князя новгородским от них многое неисправление бысть и обида, и розбой на море»¹.

Нам представляется вполне вероятным, что закрытие ганзейского двора в Новгороде было одним из результатов московско-датского соглашения. Так понимала это дело и Ганза, жалуясь на короля Иоанна датского, что «он подучил Ивана III так жестоко покопочить с ними»². Однако было бы неправильным видеть в этом мероприятии Ивана III лишь удовлетворение требований союзника. Великий князь действовал прежде всего в своих собственных интересах.

Подробности инцидента со сваренным в Ревеле (Колывани) в котле русским купцом описаны в хронике Рюссова и у Гадебуша. По сообщению Рюссова, в Ревеле один русский, обвиненный в чеканке фальшивых шиллингов, был «по немецкому праву» сварен до смерти, а другой русский, обвиненный в противозаконном поступке, был по «христинскому праву» сожжен на костре³. Гадебуш, пользовавшийся другими лифляндскими хрониками, сообщает дополнительные подробности и дает несколько иное объяснение особого негодования великого князя. По его словам, какой-то «глупый человек» сказал русским, находившимся в Ревеле, что «если бы сам великий князь сделал такие мерзкие дела, то и его сожгли бы, как собаку». Эти слова будто бы были переданы великому князю и вызвали его гнев: великий князь изломал свой посох, бросил его на землю и воскликнул, простирая руки к небу: «Отомсти, господи, и рассуди мое дело!» Рассказ Гадебуша представляет интерес в том отношении, что он передает слухи, распространявшиеся

¹ ИСРЛ, т. VIII, стр. 228.

² Г. Ф о р с т е н. Указ. соч., стр. 155.

³ Прибалтийский сборник, т. 2, Рига, 1879, стр. 293—294.

в Ревеле по поводу этих событий. Причину решительных действий Ивана III по отношению к Ганзе следует искать не в частных столкновениях с немцами, не в самоуправстве ревельских властей и не в задержании русского посла, а в резком повороте политики Ивана III по отношению к Прибалтике в целом, к Ганзе, Риге, Ревелю, Швеции. Поэтому закрытие ганзейского двора в Новгороде следует рассматривать как часть осуществления нигде в источниках ясно не выраженной, но вытекавшей из всех действий Ивана III крупной задачи по ликвидации посреднической роли ганзейских и прибалтийских городов в экономических связях, проходивших по Балтийскому морю. Нет оснований предполагать, что Иван III задумывал присоединение к России всей юго-восточной Прибалтики; возможно, что его планы в этом направлении не простирались далее берегов Финского залива. Однако даже прочное обладание этими берегами, входившими в состав Водской пятины, давало возможность развить самостоятельные экономические сношения. В этой связи нельзя не обратить внимания на основании Ивангорода, происшедшее всего за два года до закрытия ганзейского двора. Весной 1492 г. «заложиша град на немецком рубежи против Ругодива города немецкого, на реце на Нарове, на Девичьей горе, четверуголен»¹.

Крупное военно-стратегическое значение Ивангорода не подлежит сомнению. Русская крепость, построенная на возвышенности на правом берегу реки против ливонского Нарвского замка, в такой близости к последнему, что, как отметил еще Шенштедт, «из нарвского замка почти можно было перекинуть через реку в город камень», — одновременно и нависала над этими «воротами в Ливонию» и преграждала путь ливонским немцам в русские владения на южном берегу Финского залива. Ливонские немцы называли Ивангород «eine Trutz Narwa». С построением Ивангорода нарвские жители никогда не могли себя чувствовать в полной безопасности.

В исторической литературе не уделено должного внимания крупному экономическому значению Ивангорода. Благодаря более гибкой экономической политике московского правительства, Ивангород «перехватывал» у Нарвы значительную часть товарооборота, связанного с внешней торговлей. В этом отношении экономическое развитие Ивангорода в течение 50—60 лет после его построения представляет полную противоположность картине роста и упадка Нарвы. Переписка Нарвы с Ревелем, исследованная Гильдебрандом по материалам архива Ревельской ратуши, заполнена жалобами и советами по поводу конкуренции ивангородцев, приводившей

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 224.

к самым плачевным результатам для Нарвы. Уже в 1507 г. Нарва жаловалась на непосредственную торговлю шведов с русскими в Ивангороде. В последующие годы Нарва усиленно домогалась запрещения ивангородцам и ямгородцам самостоятельно ездить для торговли в лифляндские города. Хотя ей и удалось добиться такого постановления ландтага в 1522 г., но оно фактически не выполнялось, так как Ревелю и другим городам эта торговля приносила значительный доход. «Они (русские. — *К. Б.*) растут и делаются сильным, неособедимым народом, мы же и наш бедный город должны страдать и гибнуть»¹, — жаловалась Нарва.

Ганза являлась основным препятствием для развития самостоятельных сношений с Балтикой. Пользуясь большими привилегиями и сильнейшим флотом, она упорно стремилась к сохранению своей торговой монополии в Новгороде, исторически сложившейся в предшествующие века. С начала XV в. увеличиваются жалобы новгородцев на шлютовство и различные злоупотребления немецких купцов, прикрывавшиеся привилегиями Ганзы (продажа коротких сукон, обвешивание и обворовывание покупателей, плохое качество товаров и проч.). Развитие собственной торговли вызывало стремление Новгорода к уничтожению тягостного посредничества Ганзы. Поэтому борьба с ней шла в двух направлениях: по линии сокращения привилегий, которыми пользовались ганзейские купцы в Новгороде, и по линии защиты «чистого пути» для установления непосредственных сношений с западным рынком. Частые конфликты с Ганзой, категорически отказывавшейся от каких-либо изменений в торговле, принимали с течением времени все более и более серьезный характер. На притеснения новгородских купцов в ливонских городах Новгород отвечал арестом немецких купцов или запрещением торговли с ними. Попытки со стороны Ганзы к установлению экономической блокады Новгорода полностью не достигали цели, так как западные товары шли в Новгород через Выборг и Нарву. Особенно значительной в этом отношении была роль Нарвы, формально не являвшейся членом Ганзейского союза городов и извлекавшей немалую прибыль от непосредственной торговли с Новгородом.

Однако Новгороду, несмотря на продолжительную борьбу с Ганзой, не удалось ни изменить существовавшие условия торговли с пемецкими купцами, ни добиться открытия «чистого пути» для новгородцев в западные страны². Причина этих

¹ Г. Гильдебранд. Отчеты о розысканиях, произведенных в рижском и репелском архивах по части русской истории, СПб., 1877.

² Н. А. Казакова. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. (Исторические записки, 1948, № 28); М. Березков. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в., СПб., 1879.

Постройка каменного кремля в Москве 1491 г.
Миниатюра из Шумиловского летописца

неудач заключалась, как отмечалось выше, не только в неравенстве средств борьбы, но и в том, что у новгородского боярского правительства отсутствовали необходимое упорство и последовательность в проведении своей торговой политики.

Эта обстановка резко изменялась после присоединения Новгорода к московской государственной территории. Новгород вместе с потерей политической самостоятельности быстро теряет и экономическую независимость, и втягивается в общерусскую государственную систему. С выселением из Новгорода крупного боярства и части купчества, на место которых приходили новые люди — государевы помещики и торговые люди-москвичи, были оборваны налаженные на почве общей заинтересованности старые связи между Ганзой и руководящими кругами новгородской знати и купчества. Для Ивана III ганзейский двор в Новгороде, пользовавшийся почти полной экстерриториальностью, являлся частью той новгородской «старинины», которая быстро и успешно разрушалась с введением московских порядков.

Ганзейский двор почувствовал резкое изменение условий своего существования непосредственно за занятием Новгорода великим князем в 1478 г. Тотчас после получения известия об этом уполномоченные лифляндской ратуши на Валькском съезде уведомили Любек, что московский великий князь, не заявив о прекращении мира, вторгнулся в Лифляндию (?) и что взятие им Новгорода и Пскова угрожает всей их стране и пемецкой купеческой конторе величайшей опасностью, которой она одна не в состоянии противодействовать, поэтому они просили о добром совете и оказании помощи¹. Тогда же в Новгороде было арестовано несколько пемецких купцов. Временно немцы даже перестали ездить в Новгород. В последующие годы хотя торговля и возобновилась, но немцы продолжали жаловаться на постоянное стеснение их старых прав со стороны великокняжеских заместников. Немцам запретили торговать хмельными напитками на их дворе, стеснили в торговле воском, городские весы были отданы на откуп и т. п. Немцев особенно волновало возложение на конторского приказчика ответственности за убытки, понесенные русскими купцами в Лифляндии. Многочисленные жалобы городов на нарушение их прав в Новгороде оставались без внимания и ответа². Немецкая купеческая контора пыталась добиться в Москве восстановления прежних условий торговли. С этой целью в конце 1488 г. было отправлено посольство к Ивану III, но великий князь, по словам послов, отвечал уклончиво, обещая лично рассмотреть

¹ Г. Гильдебранд. Указ. соч., № 305.

² Там же, № 345, 347, 348, 356, 363, 372.

жалобы купцов в следующем году в Новгороде¹. В 1489 г. городские власти Любека воспользовались проездом через этот город в Италию «греческого посла» великого князя для возобновления переговоров о разных неудобствах в торговле². Однако никаких результатов в вопросе о торговле с Новгородом Ганзе добиться не удавалось. Все это привело к значительному сокращению торговой деятельности ганзейского двора. Таким образом, закрытие двора в 1494 г. явилось последним ударом, нанесенным новгородской Ганзе.

Для закрытия новгородского двора Ганзы, препятствовавшей самостоятельному развитию русской балтийской торговли, кроме экономических причин, существовали и политические соображения. В борьбе за сохранение своего монопольного положения на Балтике Ганза опиралась на поддержку Ливонского ордена и являлась естественным его союзником в русско-ливонских столкновениях. В этом отношении большой интерес представляет сообщение ливонского магистра Ревелю от 6 октября 1491 г., что ожидавшийся русский посол будет требовать ответа, какое положение займет Ганза и, в частности, Ревель в случае русско-ливонской войны. Магистр выражал надежду, что Ревель даст русскому послу «надлежащий ответ»³.

Общий убыток, понесенный Ганзой вследствие конфискации товаров при закрытии двора в Новгороде, не может быть точно установлен. В хронике Виллсбравда он сначала был исчислен в миллион гульденов, но затем эта цифра была уменьшена до 300 тысяч гульденов. В предисловии к скре 1514 г. она была еще больше понижена до 96 тысяч марок серебра. Вряд ли можно доверять и этой последней цифре. Важен был, конечно, не этот одновременно понесенный убыток, а лишение Ганзы посреднической роли в русской торговле. Не менее важен был политический результат ликвидации Ганзы в Новгороде; этим мероприятием Иван III заявлял о правах своей страны на самостоятельное и свободное пользование сообщением с Балтийским морем.

Союз Ивана III и Иоанна датского произвел большое впечатление в прибалтийских государствах, особенно в Швеции. Чтобы несколько ослабить неблагоприятное впечатление, произведенное этим союзом в католических странах, король Иоанн принужден был придать ему религиозный оттенок, объяснив сближение с русскими желанием обратить их в католичество⁴.

¹ Г. Гильдебранд. Указ. соч., № 349, 350, 351.

² Г. Гильдебранд. Указ. соч., № 354 и 358. По сообщению Любека послами были Дмитрий и Эммануил (Ралефы). В 1488 г. они действительно были отпущены великим князем в Венецию и Рим (ИСТЛ, т. XII, стр. 219).

³ Г. Гильдебранд. Указ. соч., № 366.

⁴ Г. Форстен. Указ. соч., стр. 153.

Обращает внимание та быстрота, с которой Иван III вслед за закрытием двора Ганзы обратился к разрешению второй задачи, заключающейся в улучшении шведско-русской границы в северной части Карельского перешейка. Дело, повидимому, касалось передачи русским северной части Карелии и Выборга, служившего шведам в течение долгого времени базой для нападений на русские владения в районе Ладожского озера и течения р. Невы. Об этих требованиях Ивана III король был осведомлен через посланцев шведского рейхсрата Арвида Тролле и Арвида Кнутсона; ввиду предстоящего съезда в Кальмаре они просили короля послать к «русскому царю» гонца с запросом по поводу его неприязненных действий. Король исполнил эту просьбу и обратился к Ивану III с грамотой, в которой сообщал ему о назначенном в Кальмаре съезде («на депь Иоанна крестителя») и просил, чтобы великий князь «как союзный брат» оставил бы на один или на два года Швецию и Финляндию в покое, пока он «по воле божией» не прибудет в шведское королевство или в Финляндию. После этого он обещал уладить спорные дела с великим князем¹.

Это послание датского короля Ивану III было написано в тот момент, когда король в ожидании съезда в Кальмаре надеялся на соглашение с рейхсратом и на признание его королем Швеции. Своим выступлением перед великим князем он, повидимому, желал создать благоприятное впечатление на членов рейхсрата. Между тем на съезде в Кальмаре ничего существенного достигнуть не удалось. Вскоре в Швеции началась открытая война между Стен Стуре и рейхсратом, который лишил его звания правителя².

Неизвестно, отвечал ли Иван III на послание своего союзника. Во всяком случае изменившаяся после Кальмарского съезда политическая обстановка в Швеции делала посредничество короля Иоанна излишним. Спор о шведской короне мог быть разрешен только силой оружия. Вступление русских в войну со Стен Стуре в Финляндии было теперь для короля только выгодным, так как облегчало занятие Стокгольма.

Некоторые подробности действия русских войск в Финляндии зимой 1495/96 г. находятся в шведской рифмованной хронике XV в., которая, несмотря на общую большую тенденциозность в описании событий, содержит ценные фактические све-

¹ Список этой грамоты приложен к письму короля Иоанна к шведскому рейхсрату 10 января 1495 г. В нем король сообщает, что им послана к «царю русскому» грамота, вполне соответствующая приложенному списку (Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, вып. I, М., 1915, № 3).

² Г. Форстен. Указ. соч., стр. 138.

дения¹. Появление первых русских отрядов в Карелии автор рифмованной хроники относит к июню 1495 г. Повидимому, это были небольшие отряды, так как об одном из них сообщается, что он состоял из 400 человек. В августе для овладения Выборгом были направлены три группы войск: из Москвы под начальством Даниила Шеня, из Новгорода — во главе с Яковом Захарьиным и из Пскова — псковичи с наместником князем Василием Федоровичем Шуйским. 8 сентября крупные силы русских подошли к Выборгу. Началась осада крепости, длившаяся три месяца. «Кнут Поссе честный человек, бодро живет он в Выборге, — сообщает рифмованная хроника, — ему нужны дворцовые почести и рыцарские подвиги... Он не бездействует там, от русских он терпит часто много горя... Он окружил себя монахами и многие из них скорбят о потерях». Когда однажды Кнут Поссе произвел вылазку из крепости с 200 воинов — «плохо пришлось шведам тогда, русские их всех перебили».

Между тем известие о появлении русских в Карелии и Финляндии вызвало большое беспокойство в Стокгольме. Со дня «всех святых» (1 ноября) Стен Стуре стал готовиться к походу. «500 рыцарей, все пемпы, хотя итти вместе со Стеном Стуре. Также и другие придворные шведской короны, все хотят получить разрешение и награды... Они хотели сломить мощь русских. Мечи, стрелы, аркебузы (Byssor) и другое оружие они с собою имели и намеревались двинуться на русских». Однако наступившая суровая зима задержала выступление собранного войска. Главная часть войск вышла на судах в море в день св. Екатерины (25 ноября), но «море, буря и трескучий мороз были для них тяжелым испытанием»². Корабли сильно пострадали от свирепого пордоста, часть из них вернулась обратно, некоторые были выброшены на берег, причем два из них разбились, и только часть со Стен Стуре во главе достигла 30 ноября Аланда. Судя по намекам автора рифмованной хроники, мно-

¹ Шведская рифмованная хроника «большая» (в отличие от «краткой», доведенной до 1449 г.) была дважды издана в XVII в. (Мессенгем в 1615 году и Гадорфом в 1674 г.). Мы пользовались изданием Фантома в первом томе «*Scriptores rerum Svecicarum medii aevi*», Upsalige, 1818. Неизвестный автор части этой хроники, относящейся к концу XV в., был, несомненно, современником описанных им событий. Несмотря на большое значение этого источника для истории русско-шведских отношений, в частности, для истории войны 1495—1496 гг., он до последнего времени не был использован в трудах по русской истории. Карамзин заимствовал некоторые сведения этой хроники из сочинения Далина «История шведского государства» (русский перевод этой 4-томной работы вышел в 1805—1807 гг.), содержащего ряд фактических ошибок.

² Автор подробно описывает торжественную церемонию отправления войска в поход. Стен Стуре получил знамя св. Эрика, хранившееся в Уисале (*Scriptores rerum Svecicarum*), t. I, s. 190.

гве рыцари при этом проявили малодушие: «Я не могу этого отрицать, многие остались позади. Все так неудачно происходит, погода была против (наших), месяц или более они не могли преодолеть страданий... Я не могу отрицать, болсе чем четыре сотни вернулись обратно. Они вернулись обратно в тяжелом состоянии».

Осада русскими Выборга, согласно шведской рифмованной хронике, длилась с 30 ноября по 4 декабря. В отношении состава русского войска автор дает обычное для средневековых хроник общее описание, страдающее сильным преувеличением численности противника: «Русские показали свою мощь. Столь много тысяч расположилось перед Выборгом; большое пространство заняли они палатками (?). На три мили вглубь и в ширину расселились русские. Поэтому был Выборг в сильнейшем беспокоействе. У них (русских. — *К. Б.*) были пищали большие и в большом числе. Они хотели стену Выборга пробить большими и малыми пищалами, и часто в несколько тысяч человек бросались на Выборг»¹. Наиболее интересной частью в описании осады Выборга является сообщение о действиях русской артиллерии. Пушечным огнем были разрушены две башни, в третьей башне образовался большой пролом. Тогда Кнут Поссе приказал воздвигнуть насыпь позади бреши. Утром в день св. Андреса (30 ноября) русские с трех сторон с большим числом широких лестниц устремились на приступ. Им удалось через пролом ворваться внутрь башни и взойти на стены, на которых они оставались семь часов. Между тем Кнут Поссе приказал привести смолу и поджечь башню; находившиеся в ней русские сгорели. Этот успех позволил защитникам сосредоточить усилия против русских, находившихся на стене. Многие лестницы, приставленные к стенам, были сброшены на землю. После жестокой схватки взошедшие на стену русские были сброшены обратно: «те, которые попадали вниз, потеряли свою жизнь; те, которые находились на стенах, попадали в воду» — сообщает автор хроники².

Если исключить многочисленные риторические отступления и обычное для того времени преувеличение своих успехов, то основные факты, сообщенные в хронике, не вызывают сомнения. О неудачной попытке овладеть Выборгом сохранилась только краткая летописная запись: «Землю немецкую повоеваша и пожгоша, а Выборга града не взяша»³. На рождество (25 декабря) воеводы возвратились в Новгород. В истории развития русского осадного искусства осада Выборга предста-

¹ *Scriptores rerum Svecicarum*, t. I, s. 190—191.

² Там же, стр. 191—192.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 230. Под Выборгом был убит из пищали Иван Андреевич Субота-Плещеев.

влет большой интерес. Сравнение осады Выборга в 1496 г. с приемами осады городов в XIV — первой половине XV в. позволяет установить ряд новых явлений. В данном случае мы совершенно не видим ранее широко распространенных орудий метательного действия (пороки, пускачи) и таранов, место которых теперь занимает крупнокалиберная артиллерия большой для данного времени разрушительной силы. Атака ведется одновременно в трех направлениях, причем для эскалады стен употребляется не «примет», а штурмовые лестницы. К сожалению, нам неизвестны причины быстрого отхода после отбитого приступа. Возможно, что их следует искать в условиях суровой зимы, не допускавшей длительной остановки под стенами неприятельской крепости. Повидимому, все нападение на Выборг было задумано как внезапный и короткий удар.

17 января 1496 г. войска под начальством князя Василия Ивановича Косого (Патрикеева) и Андрея Федоровича Челяднина были вновь отправлены в поход «на Свейское государство, на Гамскую землю»¹. Весть о неудаче русских под Выборгом вызвала, по словам автора шведской рифмованной хроники, бурное ликование в войске, собранном Стен Стуре в Або: «Рыцаря поглощают все запасы Стен Стуре, и пьянствуют и веселятся; они находятся в королевском поместье в Сатсгунна, и пьют и едят столько, сколько они могут...». Между тем русские отряды, принадлежавшие, очевидно, к войскам Василия Косого и Андрея Челяднина, появились вблизи Нишлотта (Улуфсборг, русские источники называют его «Гамецким городом» или «Новугородом немецким»). В Нишлотт, сообщает рифмованная хроника, был послан Кнут Карлсон с 70 воинами. Этот шведский отряд был почти полностью уничтожен: «Тогда произошло гораздо худшее и могло закончиться совсем плохо. На другой день после сражения пришло известие, что русские их убивают; это произошло так, что 7 или 8 могли убежать». Таким образом, русское войско достигло берега Ботнического залива. От Нишлотта русские направились к Крунсбергу (Тавастгусу), который был ими сожжен. Отсюда, по сведениям автора рифмованной хроники, они направились к Або, заняли Хатулу и появились вблизи Або. Находившийся в Або Стен Стуре произвел поспешный сбор войска: «Он приказал тогда писать на Аланд и Нюланд, и посланные должны были по Финляндии идти, они должны защищать свои дома... Каждый человек тогда зашевелился. Тогда Стен Стуре повел свои войска от Або, там можно было слышать много шума. Целые дни после дня св. Матвея (24 февраля) выступают шведы в поход, рыцари и много шведов, благородные и самые лучшие; некоторые из

¹ ИСРЛ, т. VIII, стр. 231; П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 22—23.

ных с санями, а некоторые с конями; они прибывают так, как они могут; девять сотен придворных было там, и все они хотели идти вперед; две тысячи прибыло с Алауда, все благородные люди и набожные. Когда они все собрались, всего их навсего собралось свыше 40 тысяч; и они были вооружены прекрасно. В шведском войске находилось 500 человек, вооруженных аркебузами (lodbyssor) и довольно много стрелков, которые «на этот раз для Швеции принесли мало пользы». Русские уклонились от сражения и ушли обратно; шведы преследовали их только на расстоянии 24 миль; «дальше они уже двигаться не могли», так как вся страна, Карелля, Саволакс и половина Тавасталанда, была страшно разорена: «там не было ни одного жителя, ни резвой собаки, петуха или коровы»¹. Это сообщение шведской рифмованной хроникой подтверждается русской летописной записью: «землю немецкую сътвориша пусту, жгоша и скоша и в нолон множество ведоша, и заставу их побихша»². С марта войска с «полоном многим» возвратился в Новгород. Иван III, прибывший в Новгород 17 ноября 1495 г., оставался здесь до возвращения воевод из второго похода; 10 марта он выехал в столицу.

Весной 1496 г. силами северных земель был произведен набег на Каянскую землю, расположенную у северо-восточного побережья Ботнического залива. В походе участвовали устюжане, двиняне, онежане и ваяжане под предводительством братьев князей Ивана и Петра Федоровичей Ушатых. Из устья Сев. Двины войско следовало «морем акпаном» и, обогнув р. Полюю Мурманский нос, вступило сначала в Лапландию, а затем — в Каянскую землю, где русская рать повоевала район девяти рек: Лиминги, Кемп, Торны, Колокола, Овлуя, Сиговой, Снежны, Гавки и Путаша. Из приведенных в летописи названий рек три реки (Лиминга, Кемь и Торна) вполне совпадают с позднейшими местными названиями этих рек, впадающих в северо-восточную часть Ботнического залива. Таким образом, русская рать проникла глубоко на север Финляндии и, возможно, даже достигла морского побережья в районе северо-восточного угла Ботнического залива. Население, жившее по берегам Лиминги, «биша челом за великого князя»³.

Нападении русских войск на южную и северную Финляндию произвело в Швеции сильное впечатление. 16 мая 1495 г. шведское посольство было отправлено к магистрату Данцига

¹ *Scriptores rerum Sveciacarum*, S. 193.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 231.

³ Архангелогородский летописец в изд. 1781 г., стр. 172—173. ПСРЛ, т. VIII, стр. 231; И. Б е л я е в. О географических сведениях в древней России (Записки Русского географического общества, кн. VI. СПб., 1852, стр. 251). О местоположении Каянской земли см. Е. З а м е с л о в с к и й. Герберштейн и его историко-географические известия о России, СПб., 1884, стр. 99—101.

с извещением о вторжении в Финляндию русских войск и с просьбой об оказании помощи против «врагов христианства». Летом 1496 г. шведы вновь обратились за помощью к вендским городам. Известно также подобное обращение к Ливонскому ордену в Лифляндии и к великому князю Александру Казимировичу¹.

Неизвестно, получил ли Стен Стуре просимую военную помощь от Ордена и немецких городов. Во всяком случае ему удалось вновь собрать, хотя и с некоторым опозданием, значительные военные силы, что позволило ему в августе 1496 г. предпринять нападение на Ивангород. По летописным известиям, шведы пришли к Ивангороду «из-за моря» на 70 бусах и тотчас приступили к крепости, обстреливая ее из пушек и пищалей. Воевода и пameстник в Ивангороде князь Юрий Бабич проявил полную растерянность и малодушие. Летописная запись с нескрываемой иронией сообщает, что князь Юрий Бабич «наполнился духа ратна и храбра» и, не сделав ничего для укрепления города и обороны от врага, вскоре побежал из города. Ивангород оказался совершенно неподготовленным к осаде; воинских людей в нем было мало, «запаса ратного» не было. Поэтому шведы овладели городом и произвели в нем страшное избиение жителей, не пощадив ни женщин, ни детей. Находившиеся вблизи Ивангорода князь Иван Брюхо и князь Иван Гундоров с ратными людьми не оказали ему никакой помощи².

Ивангородцы все же успели сообщить в Псков о неожиданном нападении шведов: «и пригониша гонец из Ивангорода князю псковскому Александру Володимировичу, и посадником псковским и ко всему Пскову». Псковский наместник вышел к Ивангороду на третий день после получения известия; через несколько дней, 1 сентября, вышли псковские посадники со всем войском. Псковская летопись ничего не сообщает о боевых столкновениях со шведами, ограничиваясь только замечанием, что псковичи находились 12 недель на службе великого князя и вернулись обратно 6 декабря «все здоровы»³.

Стен Стуре, несомненно, не надеялся удержать Ивангород в своих руках. Шведы предлагали передать Ивангород Ливонскому ордену, но, получив отказ, разрушили крепость и вернулись в Выборг⁴.

¹ Г. Ф о р с т е н. Указ. соч., стр. 152, 157—158. Повидимому, Иван III имел в виду эти сношения Стен Стуре с Александром Казимировичем, когда в 1498 г. упрекал последнего в посылке послов к его «явному недругу» Стен Стуре (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 255—257).

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 233; т. XII, стр. 244.

³ Псковская 1-я летопись, стр. 82.

⁴ Г. Ф о р с т е н. Указ. соч., стр. 158.

Иван III, ни Стен Стуре не имели желания продолжать войну. Осложнения в Казани на время отвлекли внимание великого князя в сторону восточной границы. Стен Стуре имел еще большие основания стремиться к установлению мира с Россией: в июле 1496 г. в открытую войну с ним вступил датский король Иоанн. Перемирие было заключено в марте 1497 г. в Новгороде сроком на шесть лет. Вопрос о границах было постановлено разрешить на съезде уполномоченных в Соболине на Вуоксе (по-видимому, вблизи Выборга). Объявлялась свободная торговля для подданных обеих стран. Пленные подлежали возвращению¹.

Долговременное отсутствие Стен Стуре из Швеции, вследствие войны с русскими в Финляндии, имело для него роковые последствия. На сторону его противников стал рейхсрат, недовольный чрезмерным усилением власти «губернатора».

Еще 24 февраля 1496 г., т. е. в разгар русско-шведской войны, король Иоанн обратился к Данцигу, Ростоку, Любеку и Стральзунду с требованием о прекращении всяких сношений со Швецией ввиду его решения силой овладеть шведской короной. В июле Иоанн с 30-тысячным войском, пополненным немецкими всадниками и кнехтами, вторгся на шведскую территорию. Войска, шедшие на помощь Стен Стуре, потерпели жестокое поражение около Стокгольма. Эта неудача побудила Стен Стуре вступить в мирное соглашение с королем Иоанном и согласиться на признание его королем Швеции. В конце ноября 1497 г. Иоанн был коронован в Стокгольме.

Война Ивана III со Стен Стуре, подготовившая полное торжество союзннику великого князя, королю Иоанну, вызвала крупные изменения в политической обстановке на берегах Балтийского моря. Она привела к значительному усилению короля Иоанна, который отныне стоял во главе трех государств (Дании, Норвегии и Швеции). Однако при данных условиях это не только не представляло опасности для Ивана III, но до известной степени даже гарантировало благоприятный нейтралитет Швеции в случае войны с Ливонским орденом или великим княжеством Литовским. Король трех соединенных королевств, ставивший на первое место интересы Дании, не имел агрессивных намерений в отношении порубежных русских земель. С другой стороны, неустойчивое положение Иоанна в Швеции заставляло его дорожить дружескими отношениями с великим князем московским.

Сближение Иоанна со шведским рейхсратом было вызвано враждой последнего к Стен Стуре. Однако шведское дворянство, издавна стремившееся к освобождению от Дании, не имело ни малейшего желания стать под власть датского короля. Борьба

¹ Г. Форстен. Указ. соч., стр. 158—159.

в будущем становилась неизбежной, хотя Иоанн и прилагал усилия к созданию для себя в Швеции политической опоры. Так, он нослешил не только примириться со Стен Стуре, но даже назначил его гофмейстером Швеции.

Таким образом, и Иван III и король Иоанн ради собственных интересов должны были поддерживать между собой дружеские отношения, сопровождавшиеся частым обменом посольствами.

В 1494 г. вместе с русскими послами, возвращавшимися из Дании с утвержденной «докопчальной» грамотой, в Москву прибыл посол короля Давид, которого Герберштейн, видевший его позже в Москве, называет «магистром», шотландцем по происхождению. В русских источниках нет сведений о времени отъезда Давида из Москвы. Герберштейн сообщает, что Давид выехал в 1496 г. «после рожества Христова» с толмачом великого князя Григорием Истомай¹. По сообщению Григория Истома, чей подробный рассказ о путешествии записал Герберштейн, он сначала отправился в Новгород, но вследствие «воинских смут» должны были избрать окружной путь из устья Северной Двины Белым морем и Ледовитым океаном вокруг северной оконечности Скандинавского полуострова. Этот путь, со слов Григория Истома, подробно описан Герберштейном².

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 228. По словам Герберштейна, беседовавшего с Григорием Истомай, он был «человек дельный» и знал латинский язык, которому научился при дворе датского короля (С. Герберштейн. Записки о московских делах, стр. 184—188).

² Послы, погрузившись в устье Северной Двины на четыре судна, сначала плыли, придерживаясь правого берега «оксана» (зимнего берега Белого моря), затем, оставив море вправо, они направились к «Святому Носу», на запад от которого лежали земли лопарей и каянов (в передаче этого рассказа Герберштейном, мыс «Святой Нос» лежал на запад от Каянской земли. Вряд ли эту ошибку допустил Григорий Истома, вероятнее, что Герберштейн его или неправильно понял, или неточно записал его рассказ по памяти). Григорий Истома сообщил интересные подробности относительно плавания около «Святого Носа», представляющего собой огромную каменную скалу, выдвинувшуюся в море. Течение, образующееся во время прилива и отлива, сталкиваясь на оконечности «Святого Носа» с постоянным течением, образует сулой (водоворот). По словам Григория Истома, он находился со своими спутниками в смертельной опасности. С трудом обогнув «Святой Нос», они прибыли к скале, носившей название «Семь» (возможно, остров «Кувшип» из Семностровской группы), где на несколько дней были задержаны противным ветром. Чтобы умиротворить скалу, корабельники принесли ей дары, состоявшие из овсяной муки, смешанной с маслом (с этим обычаем встретился также Дженкинсон в 1557 г.). Опасное морское плавание закончилось у места, названного Григорием Истомай «Дронт», под которым, возможно, разумелся норвежский город Трондгейм. Отсюда послы, покинув корабль, направились на оленях в Берген. Из Бергена они продолжали дальнейший путь на лошадях. Подробный разбор рассказа Герберштейна о поездке Григория Истома по устью Северной Двины в Данию пронаведен Е. Замысловским («Герберштейн и его историко-географические известия о России», СПб., 1884, стр. 98—114).

В 1498 г. Иван III сообщал своей дочери в Вильно: «Свейская, госпоже, земля ныне за датским королем, а Стенстур у него ж; а отец твой, госпоже, с датским королем в любви и в одиночестве, и послы меж их ездят, и ныне посол его был, Григорьем зовут, и отец твой своих послов послал к датскому королю»¹.

Однако король Иоанн датский не спешил с исполнением условий заключенного договора в отношении урегулирования пограничных споров и передачи России земель в Карелии и Саволаксе. В 1499—1500 гг. продолжались и пограничные стычки между русскими и шведами. Датский король Иоанн, повиднмому, опасался вызвать раздражение со стороны шведского рата и увеличить число сторонников Стен Стуре, который продолжал действовать против короля. По датско-шведским источникам, он только в 1499 г. по просьбе шведского королевского совета послал к Ивану III для переговоров по спорным вопросам своего секретаря Иенса Андерсена и двух датских клириков. Им было велено в целях поддержания дружественных отношений с московским великим князем возбудить вопрос о возможности женитьбы его сына Василия на дочери короля².

К этому посольству относится краткая летописная запись о приезде в феврале 1500 г. в Москву датского каплана Ивана. Обратно он выехал в апреле с русскими послами: Юрием Мануловичем Греком и дьяком Третьяком Долматовым³. Послы прибыли в Кальмар, а затем отправились в Стокгольм, куда в январе 1501 г. приехал и король Иоанн с королевой. Русские послы были приняты королем в присутствии всего шведского рата и прочли перед ним грамоту великого князя, написанную на латинском языке. Текст ее издан в приложении к работе Styffe⁴.

Из содержания речи (памяти) московских послов следует, что главной целью посольства Иенса Андерсена являлся вопрос о трех провинциях (Egrebbe, Jesche, Sanalax) и реках, на которые великий князь предъявлял притязания и которые, как отмечалось выше, были обещаны ему королем Иоанном при заключении союзного договора. В грамотах же короля Иоанна (речь, очевидно, шла о грамотах, привезенных Иенсом Андерсеном) сообщалось, что по утверждению советников королевства Швеции эти провинции будто бы принадлежат Швеции. Король

¹ Сб. Рус. Ист. об-ва, т. 35, стр. 257.

² Monumenta Historiae Daniae, т. I, 1873, стр. 409.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 238.

⁴ Запись латинской речи русских послов была издана Styffe в приложении к его 4-томной работе: «Bidrag till Skandinavien Historia ur utlandska Arkiven», Stockholm, 1864 v—75. В Москве этой работы, очень важной по документальным приложениям, не оказалось. Пользуясь по перепечатке Г. Форстена (Указ. соч. стр. 599—602).

предлагал, чтобы московские послы, посланные к нему, привезли древние договоры со Швецией, находящиеся в России; путем сравнения их с договорами, хранящимися в Швеции, можно было бы ясно установить «по справедливости», к какому государству принадлежат эти три спорные провинции и реки. Иван III напоминал датскому королю, что ни один раз между послами обеих сторон было договорено и записано, что те провинции издавна составляли «отчпну» Новгорода Великого, но впоследствии были незаконно захвачены Швецией. Он просил, чтобы король поступил согласно договору, на котором он «целовал крест», обещая совместно вести войну со Швецией и возвратить каждой стороне те земли и воды, которые издавна им принадлежали, дабы между ними и их сыновьями были «любовь и дружба», а между их землями — установились вечный мир и спокойствие.

Далее Иван III напоминал своему союзнику обязательство взаимно быть «другом друзей и врагом врагов» каждого из них. Повидимому, здесь скрывался намек на разрыв Ивана III с Александром Казимировичем и на возможное участие короля Иоанна на стороне московского великого князя.

Значительная часть обращения была посвящена вопросам об урегулировании порубежных столкновений и о возвращении пленных. Посол короля Иенс Андерсен предлагал для разбора спор между живущими вблизи границ подданными обоих государств послать с каждой стороны уполномоченных (*scriptores*). Великий князь ответил, что издавна воеводы (*capitanei*) и правительство (*principalitas*) Великого Новгорода заключало мир с правительством Швеции и со всей Швецией. Таким же порядком был заключен и последний мир со Степ Стуре. В «докончальных» грамотах именем этих великокняжеских и шведских уполномоченных было записано, что в случае «обида» с какой-либо стороны они должны выехать на границу и разобрать спорные дела. Однако новгородские воеводы писали великому князю, что они выезжали к границе, но шведские уполномоченные не прибыли. Между тем подданные великого князя терпят многие «обида» от подданных короля.

Король Иоанн через посла Иенса Андерсена просил об освобождении шведских пленных. Хотя великий князь и исполнил эту просьбу короля, но в то же время напоминал ему, что он не имел права требовать выдачи пленных, так как шведская земля по его, короля, побуждению (*secundum vestram commisionem*) ими обоими была поведена и сколько ни погибло русских в этой войне — погибло ради королевского дела. В свою очередь, великий князь просил о возвращении русских, захваченных в плен шведами, в особенности он просил о присылке трех пленных.

Король Иоанн в присутствии шведского рата отверг требования своего союзника на том основании, что они будто бы не были предусмотрены договором 1493 г. Положение самого Иоанна в Швеции было в это время очень неустойчивым; его противники со Стен Стуре продолжали обвинять его за союз с русскими. Однако в том же 1501 г., король Иоанн уехал в Данию, чтобы еще раз обсудить требования Ивана III с датским рейхсратом. Между тем в августе этого года в Швеции вспыхнуло сильное восстание против короля Иоанна, руководимое Стен Стуре, провозглашенным правителем государства. Король Иоанн умер 14 декабря 1503 г., не дождавшись окончания борьбы, которая складывалась для него неблагоприятно¹.

Война между королем Иоанном и Стен Стуре происходила в те самые годы, когда Иван III вел войну с Александром Казимировичем и Ливонским орденом. Это и для Дании и для Швеции исключало всякую возможность принять активное участие в русско-литовских столкновениях.

4

Устойчивое положение на восточной границе продолжалось до середины девяностых годов. Почти полное отсутствие источников по истории Казанского ханства за этот период не дает возможности выяснить социальные корни внутренней борьбы между различными группами казанской феодальной знати и причину ее резкого обострения в 90-х гг. XV в.² Несомненным является только то, что Мухаммед-Эмин имел в Казани сильную оппозицию со стороны части господствующей знати, которая для свержения неугодного хана вступила в соглашение с «шибанским царем» Мамуком.

Хан Мамук был братом тюменского хана Ивака и происходил из рода Шейбани-хана. После смерти Ивака, которая последовала в начале 90-х гг.³, Мамук занял его место в Шибанской

¹ Г. Форстен. Указ. соч., стр. 160—162.

² Проф. И. И. Смирнов в статье, посвященной восточной политике Василия III (Исторические записки, т. 27) отмечает, что «трудно угадать социальные корни феодальных группировок в Казани», и правильно возражает против попыток объяснить их разницей в «торговых интересах». Объяснения, данные М. Худяковым (Очерки по истории Казанского ханства, стр. 220—221), — «обе партии (казанских феодалов. — К. Б.) были торговыми, и одна из них была связана с русским рынком, а другая с восточным», — действительно являются, как отметил проф. И. И. Смирнов, типичным проявлением теории торгового капитализма М. П. Покровского и его «школы».

³ На то, что Мамук был братом Ивака, совершенно определенно указывается в «памяти» Константину Малечкину, посланному в Крым в 1493 г. (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 206).

Орде, центр которой находился в Тюмени. Ивак и Мамук были тесно связаны с ногайцами. Еще в 1492 г. Муса и Мамук в грамоте Менглы-Гирей упоминались вместе с ногайскими мурзками. В 1492 г. Менглы-Гирей сообщал Ивану III, что ногаи Муса. Ямгурчей, цари Ивак и Мамук хотели идти к Астрахани, но вернулись обратно к Тюмени. В этом же году Мухаммед-Эмин жаловался своему отчиму, что Ивак, Мамук, Муса и Ямгурчей «ежелет на меня войною приходить»¹. Возможно, что женитьба Мухаммед-Эмина на дочери Мусы была вызвана желанием обезопасить себя со стороны Ногайской Орды. До известной степени ему это удалось только в отношении Мусы.

Во главе враждебной Мухаммед-Эмину группы казанской знати стояли князья: Калимет, Урак, Садырь и Агшиш². Повидимому, особенно крупную роль играл князь Калимет, который впоследствии фактически возглавлял казанское правительство. Получив известие от Мухаммед-Эмина, что ему «чинят измену» поименованные выше князья и что на него идет «с многою силою» царь Мамук, Иван III «из свейского походу воевод убавил» и велел воеводам стать под Казанью ранисю весною — «с крою» (половодьем)³. Изменившие Мухаммед-Эмину казанские князья, узнав о походе московских ратных сил, выбежали из Казани к Мамуку, который, «слышав силу великого князя», возвратился обратно. Простояв все лето в Казани, воеводы 1 сентября были отпущены Мухаммед-Эмином к Москве, «уж бо не чаа прихода Мамукова». Остававшиеся в Казани противники Мухаммед-Эмина сообщили об этом Мамуку, который не замедлил явиться под Казань с перебежавшими к нему князьями и «с многою силою нагайскою». Мухаммед-Эмин, «блюдясь измены от своих князей», успел бежать в Москву с женой и остававшимися верными ему князьями, а Мамук без сопротивления занял Казань. Однако вскоре после занятия города он арестовал передавшихся к нему князей Калимета, Урака, Садыря и Агшиша с их братьею, а также погра-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва т. 41, стр. 146, 168. В разрядной книге Мамук назван «ногайским царем» (П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 23).

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 231. В числе воевод Мухаммед-Эмина, посланных им в 1491 г. по приказу великого князя под Орду против царевича Сатылгана, упоминаются князья: Калимет Итаков брат и Ураал (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 116). В разрядной книге — Капымет (П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 23).

³ Для похода в Казань на помощь Мухаммед-Эмину были собраны две рати: судовая (князь Семен Иванович Рязоловский в большом полку) и конная (в большом полку князь Василий Иванович и князь Александр Васильевич Оболенский). (П. М и л ю к о в. Указ. соч., стр. 23—24). В поход были посланы дети боярские двора великого князя и низовых городов, новгородцы (Пижнего Новгорода) и муромцы (ПСРЛ, т. VIII, стр. 231).

бил гостей и «земских людей», т. е. местных жителей. Что послужило причиной для этих насильственных действий — неизвестно. Возможно, что Мамук опасался влиятельной казанской знати, которая перешла на его сторону с целью избавиться от ненавистного хана. Однако ему вскоре пришлось освободить заключенных, которые вместе с ним ходили под Арский город. Пока арские князья «бишася с ними крепко», казанские князья отъехали от Мамука в Казань и «град окрепиша». Потерпев неудачу в попытке овладеть Арским городом, Мамук не был впущен и в Казань за произведенные им насилия, — «что их князей имал, а гостей и земских людей грабил». Освободившись от Мамука, казанские князья послали в Москву Барашь-Септа «бить челом» великому князю «от всей земли», чтобы великий князь их «пожаловал» и за их измену «нелюбки им и вины их отдал». Вместе с тем они просили, чтобы Мухаммед-Эмина им на царство больше не посылали, а дали бы им царем в Казань царевича Абдул-Латыфа. В апреле 1496 г. Абдул-Латыф был послан в Казань с князем Семеном Даниловичем Холмским и князем Федором Ивановичем Палецким, которые посадили Абдул-Латыфа на царство и привели к шерти «за великого князя» всех князей, уланов и земских людей.

Мухаммед-Эмину, оставленному в России, были выделены со всеми поплинами Кашира, Серпухов и Хотуль. По объяснению казанских князей, причиной недовольства Мухаммед-Эмином были его личные дурные качества: «от него, — жаловались они в Москве, — было великое насилле и бесчестие катунам нашим». Эту характеристику счел нужным подтвердить и составитель русской летописи. Сообщая об отпуске Мухаммед-Эмина в пожалованные ему великим князем города, он заметил: «он же и тамо своего обычаа не перемени, но с насильством живяше и халчно к многим»¹.

Историки Казанского ханства видели в событиях 1495—1496 гг. острую вспышку политической борьбы, вызванную различным отношением среди феодальной знати к Москве. Автор последней работы, касавшейся этого вопроса, проф. И. И. Смирнов пришел к заключению, что уже в конце XV в. «наряду с группировкой блока с Русским государством крупной политической силой являлась группировка, ориентировавшаяся на Крымское ханство и Турцию, как силы, способные оказать мощную поддержку Казани в ее борьбе с Россией и укрепить позицию Казанского ханства, претендовавшего на политическую гегемонию в Поволжье»². Повидимому, это суждение

¹ ИСРЛ, т. VIII, стр. 231—232.

² И. Смирнов. Указ. соч. (Исторические записки, ч. 27, стр. 18). Впрочем, автор в дальнейшем прекрасном анализе событий в Казани в конце XV в. сам опровергает это свое общее положение.

автора возникло под впечатлением более поздних событий XVI в., так как в рассматриваемое время ни Турция, ни Крым не могли оказать Казани не только «мощной поддержки» против России, но вообще не могли предоставить ей какую-либо помощь. Кроме того, Менгли-Гирей в этот период был заинтересован в сохранении зависимости Казани от Ивана III, благодаря которому казанский престол занимали его пасынки, а казанцы привлекались в борьбе с Большой Ордой.

В казанских событиях 1495—1496 гг. мы решительно не видим политической борьбы между различными группами феодальной знати, одна из которых ориентировалась бы на Москву, а другая — на враждебные ей силы татарской орды. Из подробного изложения событий в летописи можно сделать только одно заключение: борьба с Мухаммед-Эмином носила феодально-династический характер. Как отметил И. И. Смирнов, обращение изменивших казанских князей к Мамуку объясняется тем, что Мухаммед-Эмин пользовался русской поддержкой и поэтому участники заговора, естественно, не ожидали встретить в Москве сочувствия своим планам. Однако нет никаких данных для того, чтобы в свержении Мухаммед-Эмина уловить стремление к изменению внешнеполитической ориентации, по крайней мере таких мотивов мы не замечаем в действиях князя Калимета и его единомышленников. В противном случае было бы непонятным обращение их к великому князю с просьбой об отпуске «на царство» Абдул-Латыфа. Наконец, следует отметить, что князь Калимет, фактически являвшийся главой казанского правительства при Абдул-Латыфе, пользовался доверием Ивана III, и именно ему в 1502 г. было поручено «поимать» Абдул-Латыфа, когда тот вызвал недовольство великого князя.

Казанские события 1495—1496 гг. не выходили за рамки обычной для татарских ханств борьбы за власть между представителями различных феодальных родов. Сами по себе они не представляли бы особого интереса, если бы в них не отразились методы Ивана III, которыми он пользовался для укрепления своего влияния в Казани. Великий князь не имел оснований быть недовольным Мухаммед-Эмином в течение всего его первого царствования в Казани. Мухаммед-Эмин в этот период не выходил из повиновения, послушно исполнял все распоряжения великого князя, посылал по его приказу свои воинские силы. Вполне понятно поэтому, что когда для Мухаммед-Эмина возникла угроза нападения Мамука, то ему тотчас была оказана необходимая помощь. Если, несмотря на это, великий князь решил удовлетворить просьбу казанских князей и заменить Мухаммед-Эмина его братом, то для этого имелись особые причины. Очевидно, Иван III не хотел вступать в конфликт с казанской знатью, считая для себя более выгодным поддерживать

с ней дружелюбные отношения. Подобно тому, как это делалось в отношении Крыма, великий князь искал возможности опереться в Казани не только на хана, но и на влиятельную группу феодальной знати.

Известия о перевороте в Казани вызвали большое беспокойство в Крыму. Не получив еще сообщения от великого князя, Менгли-Гирей и царица Нур-салтан с тревогой запрашивали его о судьбе Мухаммед-Эмина: «которой человек из Асторахани приехал, у того слышали есмя: шибанской Мамук прииод Казаньской город взял. И мы правды не ведаем; дай бог те вести изолгалися. И будет то правда, а Магмед-Аминь будет к тебе прииод нашпм здоровьем и твоим брата моего здоровьем, Шибаны пришедчи так стоят: пно то нам лихое пмя, а тебе брату моему великая истома; на бога упованпе возложим, тому делу изгоду добудем»¹.

Иван III отвечал Менгли-Гирею, что Мухаммед-Эмин, когда на него пришел Мамук, «не поверя своим людям, к пам приехал». Далее он сообщал, что предоставил бывшему казанскому хану города в своей земле и что прежде ему «дружбу чинил» и еще больше ему окажет. «А на казанском юрте, — писал Иван III, — божиим изволением, парем учинили есмя брата Махмет-Аминева царва, Абдыл-Летифа царвнча»². Повидимому, этот ответ вполне удовлетворил Менгли-Гирея и царицу Нур-салтан. Последняя предоставляла Ивану III самому решать, кому из ее сыновей следовало сидеть на казанском престоле: «Твоему делу пригожество так пришло: большого у себя еси оставил, а меньшого на царство послал еси: тамошним землям государь ты еси... Юргу нашему чюжему педругу не дал еси обладати»³.

Мы не располагаем определенными сведениями относительно тех условий, на которых Абдул-Латыф был посажен на царство. Повидимому, его положение ничем не отличалось от положения его брата, т. е. он также должен был находиться в полной вассальной зависимости от великого князя. Отсутствие источников, относящихся к этому времени, лишает нас возможности выяснить внутреннее состояние Казанского ханства, которое, как можно предполагать, было сложным и противоречивым. Повидимому, не вся феодальная знать была согласна с появлением нового московского ставленника на казанском престоле. Так, князь Урак, прежде участвовавший в заговоре против Мухаммед-Эмина, пытался повторить переворот с помощью тюменских татар. В марте 1499 г. Иван III получил от Абдул-Латыфа известие, что на него идет брат Мамука царевич Агалак, а с

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 236.

² Там же, стр. 240, 251.

³ Там же, стр. 272.

ним — князь Урак¹. Великий князь выслал на помощь к Казани копию рать с князем Федором Ивановичем Бельским и судовую рать с князем Иваном Александровичем суздальским Барбошей. Агалак и Урак, узпав о походе русского войска, возвратились обратно.

Нет основания думать, что вся феодальная знать Казани примирилась с русским господством. Однако до начала войны Ивана III с Александром Казимировичем (1500—1503) мы не располагаем данными о каких-либо неприязненных выступлениях с ее стороны против Москвы. Это положение изменилось в первые годы XVI века.

5

Освоение московской властью Северного Поморья открывало пути в Зауралье на «великую реку» Обь, на нижнем течении которой лежала известная еще новгородцам Югра. Еще в 1465 г. Иван III велел устюжанину Василию Скрибе «воевати» Югорскую землю. С ним отправились местные «хотячие люди», т. е. добровольцы из числа устюжан, и князь Василий Вымский Ермолич с вымичами и вычегжанами. Отряд вышел из Устюга 9 мая. Подробности этого похода неизвестны. Архангелогородский летописец сообщает только, что люди Василия Скрыбы Югорскую землю «воевали», захватили много полона и «привели» Югорскую землю «за великого князя». Двое югорских князей, Калпак и Течик, были приведены в Москву. Великий князь их «пожаловал Югорским княжением», отпустил обратно в Югру и возложил на них дань².

Поход в Югру в более широком размере был повторен в 1483 г. Великий князь послал на вогульского князя Аську³ и в Югру «рать» под начальством воевод князя Федора Курбского Черного и Ивана Ивановича Салтыка-Травина. Отряд также был составлен из жителей северных уездов: устюжан, вологжан, вычегжан, вымичей, сысоличей, пермяков. Воеводы имели бой с вогуличами около устья р. Пелыми, потеряв в этом бою 7 устюжан. Вогуличей «паде много», а вогулический князь Юшман бежал. На основании этого сообщения следует предположить, что отряд князя Федора Курбского шел от Камы по

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 237. В разрядных книгах (Башмаковской и пзданных П. Милюковым) вместо Агалака стоит царевич Сатылган. Это несомненная ошибка (царевич Сатылган, сын Нур-Дуалета, служил великому князю и владел в указанное время Мещерским городком), которую отметил В. Вельяминов-Зернов. (Указ. соч., т. I, стр. 152).

² Устюжский летописный свод, стр. 86.

³ Вогулический князь Аська был захвачен и приведен в Вятку вятчанами, которые в 1467 г. в числе 120 человек вместе с пермяками ходили на вогуличей (Архангелогородский летописец в изд. 1781 г., стр. 142).

Вишере, с верховьев которой перешел на Лозьву. От устья Пельмы отряд направился по Тавде мимо Тюмени в Сибирскую землю, а затем — вниз по Иртышу к р. Оби и в Югорскую землю. Обратный путь Федора Курбского не описан; с Оби он мог отправиться на Печору по перевальной дороге, проходившей между верховьями Сигвы и Щугора. Во время этого похода был захвачен большой полон, в числе которого находились многие югорские князья¹.

Таким образом, походы 1465 г. и, в особенности, 1483 г. привели к подчинению московской власти обширного района бассейна рек Иртыша и Оби, включавшего Сибирь и Югру, населенного татарами, вогулами (манси) и остяками (ханты).

Повидимому, главной целью этого похода, как и предыдущего, было наложение дани пушвиной, спрос на которую все возрастал как для удовлетворения потребностей великокняжеского двора, так и для внешней торговли. По сообщению Амброджо Контарии, в Москву зимой съезжалось множество купцов из Германии и Польши для покупки различных мехов, которые привозились с дальнего севера и северо-востока². На сбор дани мехами в районе Оби (Югры) указывает ответ, данный от имени великого князя в 1492 г. Михаилу Снупсу, просившему отпустить его «до дальних земель нашего государства, иже есть под востоком на велицей реце Оби». Как отмечалось выше, Михаилу Снупсу было отказано в этой просьбе под предлогом трудностей и опасности далекого пути: «и мы его тамо не отпустили за великое разстояние далечею пути, завже и наши люди, которые ходят тамо по нашу дань, и они проходят до тех наших земель с великим трудом за неудобность пути»³.

Следующий и, повидимому, уже с наибольшими силами, поход на Югру был предпринят в 1499—1500 гг. В нем участвовали ратные люди, набранные исключительно из северных уездов, знакомые с суровыми природными условиями и трудностями пути по безлюдным пространствам Заполярья. Участники этого похода были разбиты на три отряда. С князем Семеном Курбским, являвшимся начальником всей экспедиции, шли 1304 вятчан и 500 вычегжан. Отряд князя Пистра Уд этого со-

¹ Архангелогородский летописец в изд. 1781 г., стр. 160—161. Устюжский летописный свод, стр. 94—95.

² В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836, т. I, стр. 111 (Путешествие Амброджо Контарии).

³ Пам. дип. св., I, стр. 109—111. Нет возможности установить, когда впервые «Югорская земля» появилась в титуле великого князя. В наиболее раннем титуле, сохранившемся в грамоте 1489 г. к императору Фридриху, «Югорская земля» уже находится среди перечисленных владений великого князя (Пам. дип. св., I, стр. 15). Возможно, что формально она осталась присоединенной с 1465 г., когда великий князь «пожаловал Югорским князьям» Колпака и Течика.

стоял из 1920 ваяан и пенежан. В отряд Василля Гаврилова входили: 200 вятчан русских, 100 арян, татар и отяков (вотьяков?). Кроме того, при каждом отряде находилось по несколько детей боярских и вятчан, «которые живут в московской земле», принадлежавших, повидимому, к числу вотчинников, выведенных из Вятки после ее присоединения. Всего в экспедиции приняли участие 4041 человек¹.

Путь экспедиции достаточно точно устанавливается по разрядным записям и дорожнику, извлечения из которого сохранились в передаче Герберштейна. Соединение трех отрядов произошло на р. Печоре у Усташа, где воеводы «зарубили город»². В дальнейший путь на лыжах воеводы вышли в день «введения богородицы» (21 ноября). От Печоры они шли две недели до «Каменн», а «Каменн в оболочках не видеть, коли ветрено, ило оболочка раздирает». От «Каменн» воеводы князь Семен Курбский и князь Петр Ушатый «розвелись» (разделились). Во время перехода через «Камень» было убито 50 самоедов и захвачено 200 оленей. Затем от «Каменн» шли неделю до первого города Ляпина.

Указание на Ляпин дает возможность установить путь перехода через Уральские горы (Камень). В XVI в. остяцкий городок Ляпин находился на р. Сигве, левом притоке р. Сосвы. Дорога с Печоры на Ляпин шла по р. Щугоре (Шокуре), с верховьев которой переходили на р. Сигву. Герберштейн сообщает, что лица, писавшие дорожник, рассказывали ему, что они отдыхали между устьями рек Щугора (Stzuchogore) и Подчерема (Potscherigema) и что сложили привезенные припасы в соседней крепости Струпили (Strupili), которая «расположена в горах с правой стороны у русских берегов»³. К сожалению, местоположение Струпили невозможно установить, так как это название нигде в источниках больше не упоминается. Под «правой стороной у русских берегов», вероятно, следует разуметь правый берег р. Печоры.

Князь Семен Федорович Курбский был еще жив во время пребывания в Москве Герберштейна, который расспрашивал его о подробностях трудного перехода через «Каменный пояс». По словам Герберштейна, это был «человек старый, сильно истощенный, выдающийся воздержанностью и самой строгой жизнью,

¹ П. М и л ю к о в. Древнейшая разрядная книга, стр. 25.

² Г. М и л л е р. Описание Сибирского царства, СПб., 1750, стр. 75, 205. Сигизмунд Г е р б е р ш т е й н. Указ. соч., стр. 125, 133. Е. З а м ы с л о в с к и й. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884, стр. 434—438. Местоположение Усташа неизвестно. А. Л е р б е р г полагает, что он находился при впадении Щугора в Печору. («Исследования, служащие к объяснению древней русской истории», СПб., 1819, стр. 12).

³ С. Г е р б е р ш т е й н, Указ. соч., стр. 125.

которую он вел с молодых лет». Значительную часть пути Курбский, по причине глубоких снегов, совершил пешком (т. е., на лыжах, как это сообщается в разрядной книге), а остальную часть пути, когда растаял снег, — на судах. По словам Курбского, он потратил 17 дней на восхождение на гору (Урал), и все-таки не мог перейти через вершину горы — «Столп».

Русский «дорожник» в изложении Герберштейна следующим образом описывал путь с Печоры до Оби: «От устьев Щугура вверх по реке до Пояса (Poiassa), Артавиша (Artavuische), Каменя (Cameni) и большого пояса три недели пути. Подъем на гору Камень занимает три дня; спустившись с нее, можно добраться до реки Артавиша (Artavuischa), откуда до реки Зибута, от нее до крепости Ляпин (Lepin), от Ляпина до реки Сосвы (Sossam). Живущие по этой реке называются вогуличами. Оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера».

Наиболее загадочное название в этом описании — р. Артавиш, в которой одни исследователи видят испорченное название р. Иртыша, другие — р. Тавды. Следуя по р. Сосве, экспедиция достигла Оби. По данным разрядной записи, воеводы князь Семел Курбский и князь Петр Ушатый где-то в районе Сосвы и Оби «поймали» 33 города и захватили 50 князей и 1009 «лучших людей». Кроме того, Василий Бражник взял 50 городов и 50 человек. Район, обследованный и «повоеванный» экспедицией, возможно установить только приблизительно. Несомненно, что воеводы, пользуясь зимним временем, переходили на правый берег Оби, ниже устья Сосвы. Герберштейн, следуя рассказу участников и давних «дорожника», сообщает: «оставив Сосву справа, можно добраться до реки Оби, которая начинается из Китайского озера. Через эту реку они едва могли переправиться в один день, да и то при скорой езде — ширина ее до такой степени велика, что простирается почти до восьмидесяти верст». Так как Обь в нижнем течении имеет несколько рукавов, то, вероятно, они и были приняты за общую ширину реки.

Повидному, воеводы, достигнув Оби, двинулись вниз по течению реки. «Дорожник» упоминает в этой части бассейна Оби три ее притока: Сосву, Березву и Данадим, которые «все начинаются с горы Камень Большого Пояса и соединенных с нею скал». Эти области, по данным «дорожника», были населены вогуличами и югричами, платившими дань великому князю; под югричами, повидному, разумелись остяки. Относительно устья Оби и земель, лежащих на северо-восток от нее, сообщаются фантастические сведения, что может служить указанием на то, что экспедиция до этих мест не доходила. По рассказам, записанным Герберштейном от участников экспедиции, при устье

Оби стояла «Золотая старуха». «Золотая баба, то есть Золотая старуха, — сообщает Герберштейн, — есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Рассказывают, или, выражаясь вернее, баснословят, что этот идол «Золотая старуха» есть статуя, в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден еще ребенок, про которого говорят, что он ее внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук на подобие труб».

Русская легенда о «Золотой бабе» восходит к концу XIV в.¹

Также малообстоятельны сведения, сообщаемые «дорожником» в отношении земель, находящихся выше впадения Иртыша в Обь. По сообщению «дорожника», от устья Иртыша до крепости Грустины, около которой обитал народ — грустинцы, считалось два месяца пути, а от этого места до «Китайского озера» — более трех месяцев пути. Из «Китайского озера» вытекала река Обь. Местонахождение грустинцев может быть установлено достаточно точно, так как русские при построении Томска в 1604 г. застали народ «гуштинцы». Однако составители «дорожника» в конце XV в. не имели еще достоверных сведений об этом народе, имя которого сообщается вместе с серпоновцами, жившими в совершенной другой области, «на Лукоморье на горах за рекою Обью». Источником этих известий, повидимому, были рассказы местного населения.

Таким образом, область, обследованная экспедицией 1499—1500 гг., может быть приблизительно ограничена р. Сосвой на юге и низовьями Оби, но лишь до впадения ее в море (Обскую губу) — на севере. По словам участников экспедиции, все народы, жившие в этом районе до «Золотой старухи», считались данниками великого князя.

Экспедиция 1499—1500 гг. имела большое политическое и научное значение. Она выяснила полную возможность сообщения с бассейном р. Оби и покорения местного населения. В этом смысле она проложила пути, которыми пошло в XVI в. русское продвижение на восток от Урала. Вместе с тем, экспедиция

¹ Легенда о «Золотой бабе» восходит к концу XIV в. В Софийской 1-й летописи говорится по поводу кончины Стефана Пермского, что он «живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, моляшися идолом, огню и воде, и камнию и Золотой бабе, и вльхом, и древью» (ПСРЛ, т. V, стр. 250). Любопытно отметить, что по мере расширения географических познаний, «Золотая баба» передвигалась на восток; в начале XVI в. ее помещают уже в устье Оби. От русских эта легенда перешла к иностранцам (первые сведения о ней сообщили М. Меховский и С. Герберштейн) и получила широкое распространение в западной литературе. Подробная библиография о «Золотой бабе» приведена М. П. Алексеевым в «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», т. 1, Иркутск, 1932, стр. 114—119).

собрала первые достоверные сведения о «Югорской земле» и внесла крупный вклад в состояние географических знаний о совершенно не обследованном ранее крайнем севере Азиатского континента.

6

Усиление в Москве интересов к восточным землям и народам в конце XV в. было одним из результатов успешной борьбы с обломками Золотой Орды. Разорвав цепь, сковывавшую восточную границу государства, московское правительство наметило несколько направлений в развитии своей восточной политики. Так, в конце XV в. ясно определилось устремление на восточные склоны Урала, в бассейне Тобола, Иртыша и Оби. На противоположном конце на юго-востоке завязываются сношения с Закавказьем и Средней Азией.

Вопрос о древнейших связях Руси с Закавказьем принадлежит к числу совершенно не разработанных и трудных по состоянию источников проблем. Пока возможно только в общей форме утверждать, что возникновение их восходит к X—XI вв. Существование сношений Северо-Восточной Руси с закавказскими народами в XII в. (при Андрее Боголюбском и Всеволоде III) не раз отмечалось в исторической литературе. Время господства Золотой Орды было крайне неблагоприятным для поддержания и развития этих сношений; возможно, что они на некоторое время вовсе оборвались. Разрушение Сарая Тимуром, а затем распадение Золотой Орды создавали более благоприятные условия для самостоятельных поездок русских купцов в прикаспийские страны. Весьма интересные, хотя и очень краткие сведения о них, а также о дипломатических сношениях Москвы с ширван-шахом находятся в известном сказании тверского купца Афанасия Никитина — «Хождение за три моря». Само путешествие Афанасия Никитина, исключительное по смелости, упорству, широким интересам и патриотическому чувству, стало возможным потому, что путь по Волге в Каспийское море был хорошо известен на Руси. Афанасий Никитин начинал свое путешествие в компании русских купцов, направлявшихся в Дербент. Обычно торговые люди ради большей безопасности совершали поездки группами, присоединяясь к отправлявшимся или возвращавшимся посольствам. Хотя Афанасий Никитин ехал «милостию» тверского князя Михаила Борисовича, но ему потребовалось разрешение великого князя Ивана III «всей Руси». Послы присоединились к московскому послу Василию Папину, который направлялся с кречетами от великого князя к ширван-шаху Фаррух-Ясару (1462—1500) вместе с его послом Асамбегом (Хасан-бек), возвращавшимся из Москвы. Однако присутствие послов не избавило караван

от опасностей вооруженного нападения со стороны владельца Хаджи-Тархана (Астрахани) султана Касима. Люди последнего настигли караван в устье Волги, ограбили купцов и захватили четырех русских людей. Дальнейший путь до Дербента продолжали на двух судах; на большом плыл Хасан-бек с тезиками и 10 русскими, на другом, малом, находилось 6 москвичей и 6 тверичей. Малое судно было разбито бурей о берега, а высадившиеся с него люди — захвачены кайтаками¹. Благодаря заступничеству московского посла Василия Папина перед ширван-шахом, захваченные кайтаками в плен русские торговые люди были освобождены, по имуществу им не было возвращено. «И мы, — сообщает Афанасий Никитин, — заплакав да и розошлись кой куды: у кого что есть на Русь, и тот пошел на Русь; а кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли, а пные остались в Шемахее, а иные пошли работать к Баке». Сам Афанасий Никитин через Мазендеран, Керман и Гурмыз отправился в далекую Индию, став одним из первых европейцев, описавших эту страну².

Сношения с прикаспийскими странами поддерживались и в дальнейшем. В 1475 г. посол Венецианской республики встретил в Тавризе при дворе Узун-Гассана московского посла Марка Росо. Вместе с последним он совершил трудное и опасное путешествие от Тавриза до Фазиса, побывал в Тбилиси и около границ Менгрелии был принят царем Баграмом. В Шемахе, столице ширван-шаха Фаррух-Ясара, Контарини вновь встретился с Марком Росо. Московский посол, который раньше прибыл в Шемаху, посетил венецианца в Каравансарае. «Я, — сообщает Контарини, — дружески обняв его, предложил взять нас с собою, на что он охотно согласился». Из Дербента послы отправились на панятом судне морем в Хаджи-Тархан (Цитрахань, Астрахань).

Сравнивая рассказ Афанасия Никитина с рассказом Контарини, мы убеждаемся, что за десять лет, отделявшие оба путешествия через Астрахань, здесь произошли значительные перемены в отношении к русским людям. Порассказу Контарини, в Астрахани происходила значительная торговля русских с купцами, прибывавшими из Дербента. Марко Росо нашел в городе некоторых приятелей, при помощи которых получил разрешение для себя и для Контарини высадиться на берег.

¹ Кайтаки — жители княжества Кайтак, находившегося к северо-западу от Дербента. В описанное Афанасием Никитиным время это княжество находилось под управлением Халил-бека, приходившегося шурином ширван-шаху Фаррух-Ясару («Хождение за три моря Афанасия Никитина». Изд. АН СССР, 1948. Комментарий И. П. Петрушевского, стр. 145—146).

² «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Изд. АН СССР, 1948.

Когда на следующий день татары пришли захватить Контарини «как франка и врага хана», они заявили Марку Россо, что за себя ему нечего опасаться, «ибо он друг их государю»¹. Благодаря заступничеству московского посла, Контарини удалось выкупиться на свободу.

Благожелательное отношение султана Касима к московскому послу может быть объяснено тем обстоятельством, что в описанное Контарини время Касим находился в войне с властителями Большой Орды, и поэтому искал поддержки со стороны московского великого князя. Однако развитие русско-астраханской торговли, по свидетельству Контарини, носило постоянный характер.

Из Астрахани к Марку Россо и Контарини присоединились послы султана Касима, также направлявшиеся в Москву. Их сопровождало значительное число татарских купцов с шелком и другими товарами, весь караван насчитывал до 300 русских и татар. В сентябре 1476 г. Марку Россо и Контарини прибыли в Москву.

Сношения с прикаспийскими странами, как можно убедиться из рассказа Контарини, не ограничивались только торговыми интересами. К сожалению, Контарини ничего не сообщает ни о целях посольства Марку Россо ко двору Узун-Гассана, ни о характере приема его грузинским царем Баграмом.

В конце XV в. Грузия, раздираемая феодальными войнами, утрачивает политическое единство. Одновременно ей приходилось вести тяжелую борьбу с персами. В 1477 г. Узун-Гассан овладел даже Тифлисом и Гори, которые некоторое время находились под его властью. Особенно сильное персидское давление испытывала восточная Грузия, на территории которой выдвинулось самостоятельное Кахетинское царство. Все царствование Александра, сына Георгия (1476—1511) прошло в упорных, но малоуспешных попытках отстоять свою самостоятельность в борьбе с основателем династии Сефевидов в Персии шахом Исмаилом I, вассалом которого он все же принужден был себя признать в самом начале XVI в.

Вполне понятно, что единоверная Грузии Россия, превратившаяся в конце XV в. в самое крупное и сильное государство в Восточной Европе, должна была привлечь внимание со стороны

¹ В. Семенов. Указ. соч. Путешествие Амвросия Контарини. Н. Карамзин полагал, что Россо было испорченной фамилией Руфа и относил его к итальянским или греческим уроженцам (Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, стр. 93). Такого же мнения придерживался и С. Соловьев (История России, кн. II, стр. 1442). Приведенный Контарини эпизод ясно показывает, что астраханцы не считали Марку Россо «франком». Трудно также допустить, чтобы Контарини мог исказить фамилию своего соотечественника. Под именем Марка Россо (Marco Rosso) он, несомненно, разумел русского человека.

утесняемых мусульманами грузинских царей, в особенности — Кахетия. В 1492 г. в Москву прибыл посол кахетинского царя Александра Мурат¹. В рукописном сборнике ГИМ «посланий российских митрополитов» сохранился список грамоты Александра, представляющий, повидному, русский перевод. Грамота датирована январем 91 г., Датировку грамоты 7091 г., т. е. 1583 г., следует отбросить, как правильно указал С. Белокур, склопившийся к 1491 г. Действительно, палеографическое изучение «Сборника», в котором помещена грамота царя Александра, приводит нас к выводу, что он был составлен в первом тридцатилетии XVI в.² Против отнесения ее к 1491 г. говорит то, что в летописи грузинским послом, прибывшим в Москву в 1492 г., назван Мурат, тогда как в грамоте указаны совершенно другие имена: Нариман, Дамиян и «в товарищах» к ним назван — шекепец (чеченец) Хоземарум. Предполагать столь сильное искажение грузинского имени едва ли возможно, так как искажение существовало бы и в русском переводе грамоты, которая, к тому же, вероятно, была написана не на грузинском, а на греческом языке. Совершенно невозможно также предположить, чтобы в последний момент произошла замена одних слов, обозначенных в грамоте, другим — Муратом, действительно прибывшим в Москву в 1492 г. Несоответствие в именах между прибывшим послом с послами, указанными в «верющей» грамоте, было бы вопиющим нарушением основных правил дипломатических сношений. Чтобы выйти из этих затруднений, остается предположить, что грамота относилась к 6991 г., т. е. к 1483 г., и что посольству Мурата предшествовало другое посольство в Москву царя Александра, известий о котором не сохранилось. В грузинских источниках, насколько нам известно, вообще нет сведений о посольствах в Москву в конце XV в., хотя сообщения русских источников о существовании этих связей не вызывают никакого сомнения.

Хотя в грамоте не содержится никаких определенных предположений, которые, возможно, были сделаны в устной форме, но общая цель обращения к московскому государю выражена

¹ «Тоя же зимы (7000 г.) приде посол к великому князю из Иверския земли от князя Александра, именем Мурат» (ПСРЛ, т. VIII, стр. 224).

² ГИМ. Отдел рукописей. Сборник Синодального собрания № 562 («Послания российских митрополитов»), лл. 170 об. — 171. Водяные знаки бумаги: голова быка с короною под нею (Лихачев, № 1296 и 1297-1500 г.); тпара (Лихачев, № 1351-1507-1508 гг.); «три горы» (Лихачев, № 1338-1501 г.). Наиболее поздняя статья в «Сборнике» (Сказание о храме Лоретской богородицы) датируется 1528 г. Впервые грамота царя Александра была издана Н. Карамзиным (Указ. соч., т. VI, прим. 370), а затем переиздана С. Белокуровым (Сношения России с Кавказом, вып. 1, М., 1889).

достаточно ясно в следующей форме: «Темным еси свет зеленого неба, звезда еси, христианская еси надежда, веры наши крепости всесветлый государь, всем еси государем прибежище, всем еси государем закон, бедным еси подпора и бесорменом еси надея, законной земли грозный государь, всем еси князем справедливая управа, всем князем вышний князь, земли еси тишина, обетник еси Николли». В заключение сообщается, что царь послал своих послов Наримана, Дамияна, а с ним «в товарищех» Хоземарума шекенца, «вашего здравия отведати».

Эта первая известная попытка установления непосредственных сношений между Грузией и Москвой в XV в., повидимому, преследовала цель лучше ознакомиться с положением Русского государства и выяснить, возможно ли рассчитывать на получение его помощи. На последнее намекают слова грамоты: «Посылка наша дай бог в добрый час». Возможно, что грамота была составлена каким-то греком, на что как-будто намекает даже название великого князя «обетником» Николы. Культ св. Николая был широко распространен в Византии, откуда перешел на Русь. Николай принадлежал к числу наиболее почитаемых феодальной церковью покровителей Русской земли.

Одинокое сообщение летописи о грузинском посольстве в Москву в 1492 г. не дает, понятно, возможности раскрыть объем и характер начавшегося с этого времени политического и культурного сближения между Грузией и Россией. Есть все же основание предполагать, что они были значительно более широкими, чем это представляется по отрывочному сообщению источников. На это указывает сохранившийся чрезвычайно интересный литературный памятник русско-грузинских культурных связей: «Повесть о царице Динаре».

По предположению первого исследователя этой повести, М. Броссе, под именем царицы Динар следует разумеать царицу Тамару (1184—1213)¹. Основным содержанием повести, проникнутой глубоким патристическим чувством, является успешная война с персами. Разбив многочисленное персидское войско, царица Динар занимает Тавриз; ей достаются в нем огромные сокровища, которые она раздает по монастырям и церквам. При общей сказочности сюжета повести, в ней много общего с повествованием о царице Тамаре, находящемся в грузинской летописи «Картлис-Цховреба». Есть основание думать, что фабулой ее послужили действительные события из царствования Тамары, в особенности удачная война с султаном Алеппо Нукар-

¹ М. Броссе. Сведения о грузинской царице Тамаре в древней русской литературе (Ученые записки АН по 1 и 3 отделениям, т. I, вып. 4, СПб., 1853, стр. 478—490). «Повесть о царице Динаре» сохранилась в большом числе списков конца XVI — XVII вв. М. Броссе издал ее по тексту хронографов из библиотеки АН (по печатному каталогу № 4).

дином, окончившаяся победоносной для Грузии Шанкорской битвой.

«Повесть о царице Динаре» еще ожидает всестороннего исследования. Остается пока открытым вопрос, является ли она переводным или оригинальным русским произведением. Большинство исследователей (М. Броссе, А. Н. Пыпин, М. Н. Сперапский) считают возможным отнести ее к произведениям русского писателя, воспользовавшегося занесенными в Россию грузинскими устными или письменными сказаниями¹. Время составления повести может быть приблизительно определено на основании ее заключительных слов: «Даже и до днесь нераздельно державство Иверьское пребывает». Первые признаки распада царства Багратидов появляются при Георге VIII (1446—1466) и быстро усиливаются после смерти Баграта VI (1478). Составление повести поэтому может быть отнесено к последней четверти XV в.

В пользу русского происхождения ее говорит и не отмеченная прежними исследователями песочпопная зависимость от летописной повести о приходе Ахмата и в особенности — послания Вассиана Рыло к Ивану III на Угру. Положение царицы Динары перед походом на персов очень напоминает положение самого Ивана III во время приближения Ахмед-хана. Вельможи грузинской царицы, как и некоторые бояре московского великого князя, требовали принесения покорности многочисленному врагу. Речь, произнесенная по этому поводу царицей Динарой перед своими вельможами, по общей композиции очень напоминает послание епископа Вассиана, а в некоторых местах — обнаруживает почти текстуальную близость:

Повесть о царице Динаре

«Вспомините, братие, Девору и Гедсона со многими людьми Маднамлян победы: не господь же ли бог наш и заступница пречистая богомати поможет нам?»

Послание к Ивану III Вассиана Рыло

«Яко же се глаголю ... и Девору с Вараком и Гедсона трема сты губившаго множество тысяць Меднамлян... и иных многих въставляше им бог и избавляше их от работы иноплеменник, и работаша им иноплеменницы. Иные же тойжде господь».

Несомненно, что сама тема об избавлении родной земли от иноземного нашествия была созвучна русским людям, пережившим победу над Ахмед-ханом. В XVI в. повесть о царице

¹ По мнению М. Броссе, сведения о Грузии, содержащиеся в этой повести, были сообщены грузинцами, приезжавшими в Россию после посольства к Ивану III, может быть — греческими монахами (М. Броссе. Указ. соч., стр. 489).

Динаре была полностью включена в речь царя Ивана Грозного, принесенную перед воинством под стенами Казани¹.

В летописи сохранилось также краткое сообщение о посольстве в 1499 г. в Москву из Шемахи: «Тое же зимы (7007), марта, прииде посол к великому князю на Москву от Шамахейского государя, от Махмуда салтана, салтан Махметева сына, внука Шарвашина, пменем Шабеддин, и посольство правил о любви»².

Кроме более доступных, несмотря на большие трудности путешествия, стран, лежавших к западу и югу от Каспийского моря, Москва в конце XV в. впервые вступает в политические сношения с еще более отдаленным Востоком — Средней Азией. 28 сентября 1490 (6999) г. в Москву прибыл «из Чагадай, от Усейн салтана, Урус Багатырь, о дружбе и о любви»³. Мы не знаем непосредственных мотивов, которые побудили выдающегося властителя Хоросана, современника и покровителя великого Навои, султана Хуссейн-мирзу отправить посольство «о дружбе и о любви» в русскую столицу. Однако в этом не было ничего необычайного. Русская земля не могла не быть хорошо известна тимуридам. Еще во второй четверти XV в. послы Шахрука посетили Тверь и поднесли Борису Александровичу многие дары, о которых с восторгом вспоминает в своем писании инок Фома⁴. Герат находился в деятельных сношениях с Персией и государством ширван-шахов, откуда также могил поступать сведения о Руси. Звенем в передаче известий о русских землях могла служить и Ногайская орда.

Мы располагаем только отдельными, отрывочными сообщениями русских источников о сношениях между Москвой и прикаспийскими странами. Однако, несмотря на их неполноту и краткость, они все же указывают на возросший к исходу XV в. интерес этих стран к России. Обращает внимание и то обстоятельство, что инициатива в завязывании дипломатических связей с Москвой исходила из Грузии, государства ширван-шахов и Хоросана. Властная и успешная политика Ивана III в отношении соседних восточных народов вызывала признание силы и авторитета Русского государства.

7

Образование Османской империи, поглотившей в середине XV в. остатки православного Византийского царства, затрагивало интересы России в различных областях — экономические, политические и религиозные. Хотя следствия этого

¹ Казанский летописец. ПСРЛ, т. XIX, стр. 444—448.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 236.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 220.

⁴ Н. Лихачев. Инок Фомы слово похвальное, стр. 37—38.

события, поставившего на длительное время всю Южную Европу под удар нового воинственного противника, обнаружились во всей своей полноте позднее, однако появление турок на берегах Черного моря сразу внесло коренные изменения в положение причерноморских стран. Под контролем турок, владевших проливами, оказалась вся торговля, пользовавшаяся для сношений с Восточной Европой южными морскими путями. Наступательное движение турок к северу от Дуная и по западному берегу Черного моря создавало смертельную угрозу для Венгрии и Молдавии и втягивало в длительную борьбу с Турцией Австрию, Польшу, Литву. Появление турок в Крыму и на берегах Азовского моря создавало, в первую очередь, возможность проникновения политического и религиозного влияния падишаха на татарско-мусульманское население Северного Причерноморья и Поволжья. Понятно, что в конце XV в. еще нельзя было предвидеть, как далеко в Восточную Европу распространятся завоевательные устремления султана, внимание которого в данное время было больше обращено на Запад. Однако захват турками южного побережья Крыма и утверждение их в устье Дона явились первым шагом турецкой агрессии в этом направлении.

Нет сомнения, что в Москве хорошо понимали огромное политическое значение завоевания турками Константинополя и проявляли к этому событию большой интерес. Памятником его служит известная повесть «О Царьграде, о создании его и взятии турками в 1453 году», написанная каким-то христианином-участником этого события и получившая широкое распространение в русской литературе. В то же время к турецким делам относились настороженно, но сдержанно. Выработанный в Риме при участии кардинала Виссарiona план вовлечения России в антитурецкую лигу не встретил никакого сочувствия в Москве; Иван III, во всех своих действиях являвшийся реальным политиком, оставался совершенно равнодушным и к предлагавшемуся ему «византийскому наследству» и к проповеди крестового похода для изгнания турок из Европы.

Московскому правительству значительно ближе пришлось соприкоснуться с турецким вопросом после занятия турками Кафы в 1475 г. и восстановления при турецкой помощи Менгли-Гирея в Крымском ханстве. Среди стран, находившихся под угрозой турецкого нашествия, были и враги и союзники Москвы. Уже по одному этому Турция не могла остаться в стороне от внешнеполитических интересов московского правительства, стремившегося использовать противоречия между своими соседями. То обстоятельство, что султан покровительствовал Менгли-Гирею, являвшемуся полезным союзником Москвы, заставляло Ивана III воздержаться от каких-либо неприязненных дей-

ствий в отношении Турции. После победы над Ахмед-ханом, когда появилась возможность использовать союз с Крымом для борьбы с королем Казимиром, мирные отношения с султаном стали необходимым условием для успеха московской политики. К тому же побуждали и экономические интересы, так как с восьмидесятых годов XV в. значительно увеличилась торговля русских купцов в Крыму, особенно в Кафе и Судаке, а затем начались и поездки русских купцов с торгом «за море» — в Константинополь и в турецкие города в Малой Азии.

Конечно, было бы упрощением сводить начавшиеся непосредственные сношения между Москвой и Константинополем исключительно к вопросам торговли, хотя коммерческие вопросы несомненно, играли немаловажную роль.

В действительности, помимо торговых вопросов большую роль играли политические интересы. Они приобрели особое значение в тот период, когда Иван III стал готовиться к войне с Литвой и Польшей за западные русские земли¹.

Внешним поводом к началу непосредственных сношений Ивана III с султаном явился случай с послом дьяком Федором Курицыным, ездившим по поручению великого князя к венгерскому королю Матвею Корвину. На возвратном пути Федор Курицын вместе с отправлявшимися с ним в Москву «фрязинами» был задержан турками в Аккермане, но выкуплен и освобожден Менглы-Гиреем². Благодаря за помощь, Иван III в 1486 г. писал Менглы-Гирею: «что мой человек Федор был в руках у салтана у турецкого, ино тому моему человеку Федору говорили паши большие осподаря своего салтановым словом турецкого, что салтан турецкой хочет со мною дружбы». Заинтересованный

¹ А. Н е к л ю д о в (Начало сношений России с Турцией. Сб. Моск. гл. архива Мин. ин. дел, вып. 3 и 4, М., 1883) считал, что сношения между Россией и Турцией в XV в. возникли будто бы на почве исключительно мирных интересов обоих государств и происходили «без предвзятых мыслей и преднамеренной вражды». Причинами первого посольства в Константинополь Михаила Плещеева, по его мнению, были: коммерческие интересы (торговля) и желание Ивана III исполнить просьбу Менглы-Гирея. Автор неверно излагает политическую обстановку, в условиях которой были завязаны первые русско-турецкие дипломатические связи. Автор популярной работы В. Т е п л о в (Русские представители в Царьграде, 1496—1891, Спб., 1891) ничего нового в разработку данной темы не внес. Автор последней работы проф. Н. А. С м и р н о в (Россия и Турция в XVI—XVII вв., изд. МГУ, 1946) правильно критикует идеализацию отношений Турции к России в конце XV в. в работах буржуазных историков.

² Федор Курицын был отправлен послом к королю Матвею Корвину в 1482 г. Задержание его турками относится к 1485 г. В 1486 г. Федор Курицын был уже в Москве. А. Н е к л ю д о в (Указ. соч.) впадает в задержанием турками Федора Курицына ошибочно относит к 1445 г. (возможно — опечатка). Эту ошибку повторяют В. Т е п л о в (Указ. соч.) и автор новейшей работы Н. А. С м и р н о в (Указ. соч., т. I, стр. 68).

этим сообщением, Иван III спрашивал своего союзника, «каковы дружбы со мною хочет турецкой?»¹. В ответ Менглы-Гирей сообщал, что турецкий султан «потому хочет дружбы и братства, как яз с великим князем живу». При этом Менглы-Гирей подтвердил, что предложения, сделанные пашами Федору Курицыну, исходили от самого султана: «А что Федору паши говорили от турецкого, а то говорились его слова». Менглы-Гирей обещал послать к султану «об этом деле» своего человека и результат сообщить великому князю².

Иван III, заинтересованный в укреплении «на царстве» в Крыму Менглы-Гирея, придавал большое значение помощи со стороны султана для успешной борьбы с «Ахматовыми детьми». В июне 1486 г. Иван III извещал своего посла в Крыму Семена Борисовича о том, что Муртоза, Сейд-Ахмет и Темир готовятся напасть на Менглы-Гирея и что эти враги его «турков дел блюдутся добре». Иван III рекомендовал своему союзнику послать к султану за помощью. Беспокойство за судьбу Менглы-Гирея становится совершенно понятным в связи с недавним поражением и опасностью потерять ханский престол.

Заинтересованность в крымских делах побудила Ивана III обратиться серьезное внимание на предложение султана об установлении дружественных отношений. Весьма возможно, что у великого князя возникли и более широкие планы о вовлечении Турции в союз против Большой Орды, так как именно в это время делались большие усилия к объединению Крыма, Казани и ногаев. Московский посол в Крыму получил указание добиваться от Менглы-Гирея подробного объяснения существа предложений султана о дружбе и содействовать отправлению турецкого посла в Москву. «А какими деле турецкой захочет ко мне посла своего послати, а учнут его давати на твои руки, чтобы еси взял с собою, и ты бы посла турецкого не отговаривал, взял бы еси ко мне с собою»³.

О большой заинтересованности в Москве турецким предложением свидетельствует повторный вопрос великого князя к Менглы-Гирею об условиях установления дружбы с султаном. «И ты нам отказал, — писал Иван III в октябре 1487 г., — что еси о том деле послал к турецкому своего человека; а как приедет к тебе твой человек от турецкого, и ты ялся нас с тем обослати, да и до сих мест еси нам ведома не учинил. И ты бы нам ведомо учинил, что тебе турецкой отказал о том деле, каковы с нами дружбы хочет?»⁴ Менглы-Гирей отвечал, что «турецкое слово» такоо: «коли князь велики Менглы-Гирею друг да брат, и яз

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 47.

² Там же, стр. 51.

³ Там же, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 67.

потому ж хочу с ним быти в дружбе и братстве». Вместе с тем Менглы-Гирей обещал попросить султана не брать «зауморщины» с московских торговых людей¹. Таким образом, можно предполагать, что султан Баязид II предлагал Ивану III союз на тех же основаниях, на которых он был заключен между Иваном III и Менглы-Гиреем. Однако в дальнейших сношениях Ивана III с Менглы-Гиреем по поводу турецких дел, а затем и с самим султаном Баязидом и его сыном, кафписким наместником, Мухаммедом, вопрос о политическом союзе больше не поднимался, единственной темой переговоров становится вопрос о торговле, о притеснениях русских торговых людей, о взимаемых с них неправильных поборах и разных других «обидях».

В начале девятистых годов положение Менглы-Гирея стало настолько прочным, что необходимость в «турской подмоге» отпадала. Ослабевшая Большая Орда, против которой Иван III действовал с помощью Крыма, Казани и ногаев, быстро клонилась к полному упадку. Между тем привлечение Турции к союзу против Польши неизбежно привело к расширению турецких владений на север от Дуная и к захвату Молдавии, господарь которой Стефан являлся зятем и союзником Ивана III.

Захват Турцией Кафы и Азова, через которые пролегли основные торговые пути в Причерноморье, значительно изменил условия торговли не только в этих городах, но и в других местах Черноморского бассейна. Тяжелым бременем для купцов явилось повышение таможенных пошлин. По «сказке» московских торговых людей, в Пускойской орде «из старины» пошлина для русских составляла 7% с цены товара в пользу хана и, кроме того, с каждого торгового человека («с головы») по 16 денег в пользу Ширинского князя, — «а иные пошлины с них нет никому ничего, опроче того, что которой гость придет ко царю с чеством, с поминком, или ко князю». Уплативший эти пошлины мог беспрепятственно торговать не только в Орде, но и в Кафе. При отъезде «за море» в Кафе уплачивалась тамга в размере 5%, освобождавшая купцов от нового обложения при обратном возвращении. Купцы, которые ездили в Крым не «полем» через Перекоп, а Доном, уплачивали тамгу в Азове и Кафе. «А щынеча, — жаловались торговые люди, — тамошники товар окладывают не по цене, втрое, да с того тамгу емлют, а сверх тамги емлют с котла однорядку, а с иново котла возмут однорядку да и шубу белилну, а иной тамошник возмет с того ж котла став блюд, а иной возмет ковш, а проводное емлют однако, с послом ли, без посла ли, которые гости приедут; а в новом городе в Очакове емлют новую тамгу, наперед того тут тамга не бывала. А которые гости перевезутся Дисерна Тавани

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 74.

да пойдут в Перекопъ полем старою дорогою, а в Очакове им дела нет, и они на них однако очаковскую тамгу емлют¹.

Еще более тяжелые убытки терпели купцы от насилий, которым они подвергались в турецких городах. Турецкие власти отдавали только половину цены за взятый товар, в Азове паша (комендант) привлекал торговых людей к работам по постройке крепости — «велел на ров копати и камень на город носить». Если заболел один из складников, то чиновники («зауморщики») опечатывали весь товар, принадлежавший складникам, и после выздоровления отдавали только половину товара, а в случае смерти — брали в казну весь товар².

В качестве демонстрации против невыносимых условий торговли, созданных турецкими властями, Иван III весной 1492 г. не отпустил торговых людей в Крым. Кафинский паша исчислил убыток, повесенный вследствие непрезда русских торговых людей в Азов и Кафу, в 60 тысяч алтын, т. е. в 4800 руб.³ В 1492 г. Иван III через Менглы-Гирея отправил в Константинополь к султану Баязиду грамоту «русским писмом», в которой, напоминая о выгоде для обоих народов от установившейся торговли, сообщал ему о насилиях, производившихся над русскими торговыми людьми, выпудивших великого князя прекратить посадки русских людей в турецкие города, — «где над нашими гостми сила чинится, и мы там своих гостей не отпускаем». Иван III спрашивал султана: «твоему величеству ведомо ли то, или неведомо? Буде по твоему велению твои люди над нашими гостми такую силу чинили, и мы и вперед своих гостей в твои земли не хотим отпустить». В заключение Иван III предлагал Баязиду осуществить намерение его отца, который «славный и великой был осподарь», и прислать своих послов в Москву⁴.

Хотя дошедшие до нас документы содержат только вопросы экономического характера, но есть основания предполагать, что круг интересов Ивана III в отношении Турции не ограничивался ими. Русские послы в Крыму собирали и сообщали в Москву сведения об отношениях Большой Орды к Турции, Венгрии, Молдавии и Польше, причем они особенно интересовались военными действиями султана против польского короля.

В 1493 г. Константин Заболоцкий доносил из Крыма, что по сведениям, полученным им от армянина, служившего толмачом

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 312—313.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 162—163. «Зауморщина» — право на конфискацию в пользу государя имущества иностранца, умершего в его владениях.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 155. Грамоты Ивана III к Менглы-Гирею и султану Баязиду напечатаны в Собр. гос. гр. и дог., т. V, № 22 и 23.

⁴ Там же, стр. 162—163.

у господара Стефана, турки дважды, с согласия господара проходили через его территорию и «восвали» Подольскую землю. Кроме того, Константин Заболодкий сообщал, что в Крым приехал человек от султана и Менглы-Гирей поведал ему «турчаниновы речи»: сын Матиаша (Матвей Корвина) «Хромой» прогнал венгерского короля и «сел на королевстве», а султан послал своих многих людей на сына Матвея Корвина и сам собирается выступить в поход против него¹. Со своей стороны Менглы-Гирей писал Ивану III о готовности действовать против польского короля совместно с турками и молдавским господарем². Действительно, в июне 1493 г. Менглы-Гирей сообщил в Москву, что послал своего человека к султану Баязиду, и что султан послал на короля из Белгорода «многие рати» во главе с Меситпашой³. Обещая в ближайшее время вновь «воевать» «Литовскую землю», Менглы-Гирей писал великому князю о каком-то общем с турками плане нападения на королевские владения. На это намекает следующее место из ярлыка Менглы-Гирей Ивану III от июня 1493 г.: «С Месит пашою мы ехавши в новом городку переговорим»⁴. Повидимому, Менглы-Гирей предполагал, что Ивану III была известна тема этих переговоров.

Александр Казимировичу все же удалось примириться с султаном. В 1494 г. Менглы-Гирей известил Ивана III, что посол короля ходил к Баязиду с таким предложением: «которые в Белгороде Менгли-Гиреевы царевы казаки, и ты бы их отослал; а из Бела бы города наших людей ходя не воевали, молвя, полчетвертатцать тысячь золотых выходу дадим, молвли». Султан принял польские предложения и велел Менглы-Гирею увести своих казаков из Белгорода, — «а сам ся с ним, как хочешь воевати, то ты ведаешь...»⁵ Ивану III в это время уже не было смысла побуждать султана к военным действиям против короля. В 1494 г. между ним и Александром Казимировичем было заключено перемирие, за которым в течение шести лет прекратилась борьба за русские земли, находившиеся под властью литовского господара.

В середине девяностых годов политическая связь между Крымом и Константинополем еще больше усилилась. В 1495 г. Менглы-Гирей известил Ивана III о прибытии в Кафу сына султана Баязида, шахзаде Махмета (Мухаммеда). По мнению В. Д. Смирнова, основной причиной назначения Мухаммеда наместником в Кафу послужили династические интересы Баязида. Султан, озабоченный обеспечением престола за своим

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 181.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 188.

⁵ Там же, стр. 205.

старшим сыном Ахмедом, разослал всех его братьев в качестве наместников-правителей в более или менее удаленные от столицы провинции. Однако исследователь истории Крыма не отрицает политического характера назначения Мухаммеда губернатором кафского влйята. «Это отправление, — пишет В. Д. Смирнов, — могло еще быть мотивировано тем, что присутствие султанского сына в новоприсоединенной области должно было сильнее способствовать бесповоротному слиянию ее с Османскою державою»¹.

Сам Мухаммед в момент назначения его кафинским наместником был еще настолько молод, что вместе с ним был прислан «дядька», который фактически являлся представителем султана. «А нынеча коли твои люди придут к нашему порогу с правым сердцем в Кафу и в илые земли, — писал Баязид Ивану III, — ино у меня в Кафе сын мой Магомет султан да с ним дядька его, и яз есмь им приказал накрепко» и т. д.² Не вполне ясны отношения, установившиеся между Мухаммедом и Менглы-Гиреем. В официальных документах шахзаде импеловал Менглы-Гирея своим «дядею». Однако положение его было значительно сильнее положения его предшественников. В одном из ярлыков к Ивану III Менглы-Гирей сообщил великому князю, что до приезда Мухаммеда назначение кафинского губернатора производилось султаном с его, Менглы-Гирея, согласия; если губернатор оказывался «добр» — с ним хан был «в одиначестве», если же приходил князь, «непригожий» — султан по грамоте Менглы-Гирея отзывал такого наместника. «А нынеча (султан. — К. В.) сына своего послал, — писал Менглы-Гирей, — и ныне молод, что говорим слово наше слушает; а как возрастет, ино, государь, тот с нами бог педает как будет. У нас в старых людех притча есть: две бараны головы в один котел не лезут, молвят. Нечто нас не послушает, а мы его не послушаем, меж нас лихо будет, молвя блюдемся; а где лихо живет, я из тоземли люди выходят»³.

В Москве сильно беспокоились по поводу долгого молчания султана на запрос великого князя о злоупотреблениях со сбором пошлин и притеснениях русских торговых людей. В каждой грамоте к Менглы-Гирею и к своим послам в Крыму Иван III напоминал, что ждет ответа на свое представление. После прибытия шахзаде Мухаммеда в Кафу Менглы-Гирей сообщил великому князю, что султан поручил своему сыну разобрать жалобы великого князя, и что «салтанов сын» запретил брать «зауморки» с русских купцов. Очевидно, промедление ответа из Константинополя было вызвано желанием ознакомиться на

¹ В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 362.

² Сб. Русс. ист. об-ва. т. 41, стр. 245—246.

³ Там же, стр. 288.

месте, в Крыму, с русскими требованиями, относящимися к торговле. Весьма вероятно также, что большую роль сыграло общее положение Русского государства, в состоянии которого в конце XV в. произошли значительные изменения. Интерес к России при дворе султана должен был усиливаться в связи со стремлением Турции укрепить свои позиции в Северном Причерноморье.

Только этими обстоятельствами можно объяснить довольно неожиданно выраженное от лица Мухаммеда желание отправить посольство в Москву. В ярлыке, посланном Менглы-Гиреем к Ивану III тотчас после прибытия в Кафу Мухаммеда, сообщалось, что русский посол Константин Малечкин сомневался, — «салтанова сына посла как мне с собою взяти?» Менглы-Гирей ответил: «мне с Иваном князем, с братом с моим, слово наше есть, тебе в том истомы нет. К Ивану князю, брату моему, первого посла их присылка, на то ему великая честь слышати и видети добра, не бойся, возми его с собою...» Менглы-Гирей рекомендовал великому князю должным образом почтить посла сына султана и отправить к нему своего посла: «Салтан сын его твоего брата моего прошенья не оставил, брат и друг буду, молвя, посла своего отпустил; и которой посол его идет, и ты бы его гораздо видев да и почтил с добрым поминком и с своим поклоном своего посла пошлешь, межн вас добро ваш свыше»¹.

Этому первому турецкому послу не удалось добраться до Москвы; в Киеве наместник Александра Казимировича задержал турецкого посла, ехавшего с Константином Малечкиным и с послом Менглы-Гирея, и ему пришлось вернуться обратно. Иван III получил об этом известие в Новгороде, где он находился с 17 ноября 1495 г. до 10 марта 1496 г. «И мы из Новгорода, — сообщал Иван III Менглы-Гирею, — к Литовскому о том после о салтанове посылали, чтобы его велел к нам пропустить. И Литовской к нам отказал, что тот посол салтанов ещо до моей к нему посылки, из Киева ворочен назад, попол к Кафе»².

Задержание турецкого посла в Киеве вызвало со стороны Ивана III протест, с которым в январе 1496 г. был послан из Новгорода в Литву Третьяк Долматов. Последний должен был настоять, чтобы господарь Александр, в случае если турецкий посол уже выехал из Киева, вернул его обратно и проводил до Московских земель. Александр Казимирович отказался исполнить просьбу великого князя на том основании, что «дороги были замкнуты», и он потребовал чтобы турецкие послы «наших земель государьских не пересматривалл»³. Несостоятельность

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 221.

² Там же, стр. 224.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 215—216.

этого объяснения была вполне ясна, так как посол Менглы-Гирея, ехавший вместе с турецким послом, был пропущен в Москву. Действительная причина отказа пропустить турецких послов в Москву заключалась в опасении сближения между Москвой и Турцией во вред Польше и Литве. Очевидно, при дворе Александра Казимировича правильно поняли политические последствия, вытекающие из установления дипломатических связей между султаном и великим князем московским, которые выходили за рамки экономических интересов обеих сторон.

Хотя первое турецкое посольство в Москву окончилось неудачей, но в Москве оценили факт отправления посла как инициативу с турецкой стороны к установлению непосредственных посольских сношений, чему в Москве придавали большое значение: «И тот посол салтапов коли пошел бы к нам о том деле, о котором ея к нам писал, — сообщал хану Иван III, — ино тот посол у нас как и был»¹. Поэтому в сентябре 1496 г. из Москвы было отправлено во главе с Михаилом Андреевичем Плещеевым посольство к Мухаммеду и к его отцу султану Баязиду. Наказ, данный Михаилу Плещееву, проникнут стремлением оградить его как дипломатического представителя России, от возможного умаления достоинства и вместе с тем — чувством большой настороженности. В Москве хорошо понимали, что это первое посольство в Константинополь, которое будет иметь большое значение для будущего, поэтому каждый шаг и каждое слово посла должны быть тщательно взвешены. Нигде в такой степени, как на Востоке, не придавали столь большого значения внешним формам дипломатических сношений, которые должны были отражать политические взаимоотношения между соответствующими державами.

Михаил Плещеев с посольством, в которое входило всего пять человек (Константин Аксентьев, подьячий Родюк Должников, толмач Кудаш и сокольник Лука), выехали из Москвы в сопровождении большого числа гостей в сентябре 1496 г.² Путь был избран не через литовскую землю, а степью на Перекоп. От Менглы-Гирея Михаил Плещеев должен был сначала отправиться в Кафу к шахзаде Мухаммеду. Ему на строго было приказано не ходить к Мухаммеду вместе с человеком Менглы-Гирея. Во время приема кафинским султаном посол должен был «поклон правити стоя, а на колени не садитися». Представив султану «поминки», посол должен был обратиться к нему с речью, в начале которой излагались бы затруднения, возникшие в последнее время в отношении торговли. Затем

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 225.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 233.

Михаил Плещеев должен был выразить удовлетворение по поводу посылки посла в Москву, не пропущенного людьми Александра Казимировича. В заключение были изложены условия для торговли «без всяких зацепок» и подаи список обид, причиненных русским купцам.

Главная цель посольства Михаила Плещеева заключалась не в переговорах с кафинским султаном, выполнявшим волю своего повелителя-отца, а в посещении падишаха Баязида. Кафа была только неизбежным этапом на пути к Константинополю. Михаил Плещеев должен был настойчиво добиваться разрешения посетить столицу Турецкого государства. «А взмолвит салтан кафинской: не езди ты ко отцу к моему, яз тебя отселе отпущу, а с тобою пошлю ко государю к твоему своему посла, — и Михаилу у него накрепко отпрашиватся, чтобы его отпустил ко отцу к своему». Только в крайнем случае Плещееву разрешалось уступить настояниям кафинского султана и вернуться в Москву вместе с его послом¹.

Неизвестно, пришлось ли Плещееву пустить в ход дипломатические средства для получения разрешения на дальнейший путь. Во всяком случае он с успехом выполнил свою миссию и первым из русских посетил двор падишаха. По данному ему наказу Плещеев должен был произнести речь только перед султаном; если бы султан стал требовать, чтобы русский посол до приема изложил перед пашами цель своего посольства, то Плещееву следовало отвечать: «меня государь мой послал к салтану, и яз салтану хочю государя своего речь говорить». Если султан все же не пожелал бы лично выслушать посла, то Плещееву следовало бы вовсе отказаться от переговоров с пашами и ограничиться передачей им «списка с посольства» без поклонов. При приеме султаном Баязидом, как и при представлении кафинскому наместнику, Плещееву предписывалось «поклон правити стоя, а на колепи не садитися». После поклона посол должен был передать «поминки», а затем, если ему будет «предложено» сесть, немного посидеть, потом встать и подать «верющую» грамоту. Речь посла по содержанию не отличалась от речи, произнесенной перед шахзаде Мухаммедом, и заканчивалась передачей списка — «которая сила чипитца над гостьми в его (т. е. султана. — К. Б.) землях». В случае присутствия при приеме султаном послов других иностранных держав Михаил Плещеев не должен был садиться ниже ни одного из них².

Плещеев в точности выполнил данный ему наказ и ни в чем не отступил от установленного в Москве посольского обряда.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 231—232.

² Там же, стр. 232—236.

Некоторые интересные подробности, относящиеся к поведению первого русского посла в Константинополе, находятся в грамоте Менглы-Гирея, он получил их от своего человека, сопровождавшего Плещеева в Константинополь. По его словам, паши выразили большое удовлетворение по поводу прибытия русского посла: «к салтану от мазярского короля и от лятцкого короля и от фрязских князей безпрестанно послы великие приходят, а от великого князя не прихаживали; и князь велики Иван царю добре в дружбе и братстве стоит, и нынеча послы его пришли, и мы свыше честь хотим давати и царю сердце радостно». Визпры будто бы хотели накануне аудиенции у султана почтить русского посла «пиром», подарками (платьем) и кормом в 10 тысяч денег, но Михаил Плещеев на переданное ему приглашение ответил: «мне с пашами речи нет; яз пашию платье не вздеваю и данных денег их не хочю, с салтаном мне говорят». По словам Менглы-Гирея, этот ответ обидел турецких визирей, и они дали русскому послу нелестную оценку: «пошлины и вежства не видал...» Было решено русскому послу особой чести («свыше чести») по сравнению с другими послами не оказывать. После этого Плещееву дали «отпускной ответ». Султан, по словам Менглы-Гирея, жаловался ему на русского посла, называл его «молодым дитей», и в дальнейшем намерен был ограничиться обменом посольствами между Кафой и Москвой.¹

Однако это сообщение Менглы-Гирея не вполне согласуется с тем, что писал Ивану III по поводу посольства Михаила Плещеева сам султан Баязид. В ответных грамотах, привезенных в Москву Плещеевым, нет и намек на недовольство его поведением. Султан выразил полное удовлетворение по поводу посольства Плещеева и назвал его «чистым добрым человеком». Из сообщения Менглы-Гирея вытекает, что Плещеев не был допущен на аудиенцию к султану, между тем как в грамоте Баязида находится ясное указание на то, что послание Ивана III было лично вручено султану самим Плещеевым: «мене как видел и твою грамоту полную мне дал, и яз ее взяв приложил к своему сердцу. И что в той грамоте написано было, и что твой посол своим языком говорил от тебя, то до меня дошло от твоего правого сердца».

Основное содержание грамот Баязида было посвящено ответу на жалобы Ивана III по поводу насилиев над русскими торговыми людьми. Султан отвергал многие из этих обвинений, — «ино то тебе лжут», — и одновременно обещал прекратить притеснения русских гостей и обеспечить для них правосудие. Об этом же он «приказал крепко» и своему сыну Мухаммеду

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 264—265.

в Кафу. «А гостей своих, — сообщал далее султан, — в мою землю на их промысл отпуская, как прежде сего люди твои президили, как при дедех и при отцех наших было; а ныне свыше того будет, и из нашия заповеди никто не смеет выступити»¹.

В грамотах Баязида, как и в грамотах Ивана III, нет никаких указаний на какое-либо соглашение политического характера даже в той общей форме — «другу другом быть и недругу недругом быть», — которая лежала в основе взаимоотношений между Иваном III и Менглы-Гиресем. Но судя по переписке между Иваном III и его послами в Крым, в Москве очень интересовались политическим состоянием Турции и ближайшими намерениями султанского двора.

«И ты бы отписал ко мне, ... — требовал Иван III от возвратившегося из Константинополя в Крым Михаила Плещеева, — какова от них тебе честь была ли или не была; и где ныне турецкой с кем валчит ли, что его дело, о всем бы еси ко мне отписал»².

Интерес Ивана III к турецким делам становится особенно понятным, если принять во внимание отношение, существовавшее в это время между Польшей и Турцией. В том же 1497 г., когда первый московский посол посетил Константинополь, к Баязиду прибыло посольство венгерского короля Владислава. Оно обратило внимание султана на то, что вторжение польских войск в Молдавию нарушило суверенные права не только Турции, но и Венгрии, которой молдавский господарь платил дань. Владислав предлагал султану посредничество между ним и польским королем Яном Альбрехтом. Однако Баязид не только не согласился на примирение, но приказал губернатору Силистрии Бали-бегу произвести нападение на владения польского короля. В начале весны 1498 г. Бали-бег во главе с 60-тысячным войском перешел Дунай и вернулся с 2 тысячами пленных. Во время второй экспедиции, предпринятой осенью того же года, большая турецкая армия, насчитывавшая, по венгерским источникам, до 80 тысяч воинов, достигла Ярослава и окрестностей Галича, Самбора и Драгобыча. Наступившие холода и недостаток в продовольствии положили предел этому опустошительному вторжению. Бали-бег, согласно турецким источникам, вернулся с большой добычей в Килию и Аккерман. После этих двух походов военные действия с Польшей прекратились; внимание Баязида было отвлечено в сторону Венеции.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 244—249. Михаил Плещеев, вернувшись в Москву, представил две грамоты султана Баязида, каждая из которых была дважды переведена на русский язык двумя различными переводчиками, с целью, повидимому, взаимной проверки.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 241. Грамота великого князя, посланная в Крым к Михаилу Плещееву, не была доставлена по назначению, так как отправившиеся с нею татары принуждены были вследствие голодалицы в степи вернуться обратно в Москву.

Венецианская республика, находившаяся в это время в крайне затруднительном положении, направила в Константинополь посольство Андрея Занхани для урегулирования недоразумений с Портой и возобновления перемирия. Мир был заключен в марте 1499 г. Текст договора был написан только на латинском языке, по мнению султана, это освобождало его от безукоснительного выполнения договора, когда это будет в его интересах. Вскоре Баязид, побуждаемый послами Милана, Флоренции и Неаполя, при согласии папы и императора Максимилиана, начал новую войну с Венецией. В течение 1499—1500 гг. турки заняли Лепато, Корону и Мадону. Успехи турок примирили Венецию с ее соперниками, опасавшимися чрезмерного усиления оттоманского могущества. В 1501 г. между Венецией, папой и Венгрией был заключен союз, положивший начало образованию второй лиги христианских государств против Турции.

Для Ивана III вопрос об отношении к Турции в значительной степени определился положением Молдавии и Крыма. Не только в интересах своего зятя, господаря Стефана, но и учитывая возможность войны с Александром Казимировичем Ивану III важно было сохранить независимость Молдавии, являвшейся для него полезным союзником. Вместе с тем Иван III хорошо сознавал полную невозможность поддержать Стефана военными силами в том случае, если бы ему угрожала опасность со стороны Турции и Крыма. Между тем в конце девяностых годов было уже совершенно ясно, что «Ахматовы дети» настолько ослабели, что не могли явиться серьезной угрозой Менглы-Гирею. Это давало возможность рассчитывать на активное участие Менглы-Гирея в борьбе против Александра Казимировича. Союз Менглы-Гирея со Стефаном, направленный против польского короля и великого князя литовского, при условии сохранения дружественных отношений с султаном, предохранил бы Молдавию от покушений со стороны Турции и Крыма, с другой стороны этот союз отвлекал бы часть сил Александра Казимировича для защиты его южных владений.

Поэтому установление союзнических отношений между Менглы-Гиреем и Стефаном являлись в это время одной из задач московской дипломатии. Весной 1498 г. к Стефану был отправлен послом Федор Аксентьев. Иван III просил своего союзника проводить его посла со своими людьми к воеводе Стефану и обратно вместе с людьми Стефана, которых господарь, как предполагалось, отправит в Москву¹. К сожалению, в источниках не сохранилось прямых указаний относительно тех поручений, которые были даны Федору Аксентьеву, но по переписке Менглы-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 250—251.

Гирей с Иваном III вполне можно установить политический характер этой миссии. Менглы-Гирей исполнил просьбу великого князя и московское посольство отправилось из Крыма в Молдавию на «рождество Иоанна Предтечи», т. е. 24 июня. Вместе с ним Менглы-Гирей послал к Стефану «доброто человека» Сабанчия Афыза. Из грамоты Менглы-Гирей к Ивану III следует, что между Стефаном и Менглы-Гиреем произошли какие-то недоразумения, «а того не ведаю, — писал Менглы-Гирей, — от чего на меня Стефан гневается». Повидимому, причиной недовольства господаря было то, что хан не оказал ему обещанной помощи против польского короля и великого князя литовского. Оправдываясь перед Стефаном, Менглы-Гирей сообщал, что, получив от Стефана известие, что на него идут «король да князь Александр литовский», он тотчас со своими князьями, уланами и детьми, всего с 4 тысячами людей, перешел «за реку» (Днепр) и остановился в своем «повом городке» (Очакове). Когда же среди людей Менглы-Гирей всыхнуло поветрие, они стали говорить хану: «волной человек, с богом ся спираешь, о чем здесь у лиха лежишь, поеди прочь». Получив, кроме того, известие от Стефана, что князь Александр литовский ожидается только к зиме, Менглы-Гирей ушел в Крым с большей частью своих людей, а в «повом городке» оставил своего сына Махмет-Гирей и зятя Усейна с 1000 человек и велел им «бережя Степана воеводы». Между тем князь Константин Острожский неожиданно напал на Стефана и угнал его людей с женами и детьми. Тогда Махмет-Гирей и Усейн отправились против Константина Острожского и билсь с ним три дня, причем сам Махмет-Гирей получил четыре раны стрелами и едва не был захвачен в плен, а людей хана было убито 300 человек «добрых» и 200 человек «молодых». Менглы-Гирей также сообщал Стефану, что по его делу он послал своего человека Тамлака к туркам, дав ему всего пять дней на дорогу в оба конца. Тамлак успешно выполнял это поручение, которое, очевидно, состояло в просьбе об оказании помощи. Повидимому, ответом на это обращение и был большой поход Бали-бега осенью 1498 г. против польского короля, в котором принял непосредственное участие и Стефан¹.

Через своего посла Сабанчия Афыза, Менглы-Гирей сообщил Стефану о готовности заключить с ним союз против короля и великого князя Литовского. Ян Альбрехт и Александр Казимир

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 256. В пять дней крымский гонец, разумеется, не мог успеть побывать в Константинополе и вернуться обратно. Наиболее вероятно предположить, что Менглы-Гирей посылал своего человека к губернатору Силистрии Бали-бегу. За участие в осеннем походе против короля султан прислал господарю Стефану кафтан на соболях, шамя, бунчук и куку (головной убор с перьями).

мирович присылали к Менглы-Гирею послов с предложением: «помирися с нами, а мы пойдем на волошского». Менглы-Гирей задержал этих послов, а одного из них отправил обратно с поручением передать следующие слова королю и литовскому великому князю: «хотите помириться со Степаном, и яз вас с ним помирю, а яз вам будут третьей; а не помирится с ним, ино яз на вас и с Степаном пойду». Кроме этих словесных поручений, с Сабанчием Афызей Менглы-Гирей отправил отдельный ярлык к Стефану, в котором также заявлял о своем дружеском отношении к господарю и возобновлении посольских сношений¹.

Важно отметить, что весь разговор Менглы-Гирея с отправлявшимся в Молдавию Сабанчием Афызей, а также текст его ярлыка к Стефану передал в Москву, очевидно с ведома самого Менглы-Гирея, находившийся в Крыму Федор Аксентьев. Этим сообщением Менглы-Гирей, повидимому, отвечал на какие-то переговоры с Иваном III относительно союза крымского хана с господарем Стефаном.

Эти события объясняют причину отправления второго русского посольства в Константинополь. Летом 1498 г. в Москве уже была совершенно ясна близкая неизбежность войны с Александром Казимировичем. И с той, и с другой стороны шла к ней дипломатическая подготовка. Иван III укреплял дружеские отношения с Данией, Молдавией и Крымом, зато Александр Казимирович в это время связывался с Ливонским орденом и со своими прежними союзниками — «Ахматовыми детьми». Вполне понятно, что в связи с дипломатическими и военными приготовлениями вопрос о поведении султана в случае войны между Иваном III и Александром Казимировичем приобретал большой интерес. В августе 1498 г. Иван III отправил послом к Менглы-Гирею князя Семена Васильевича Ромодановского. Помимо официальной речи, которую разрешалось произнести в присутствии литовского посла, Иван III снабдил своего посла еще текстом другой речи, которую следовало говорить «царю наедине, перед кем себе царь велит говорить без литвина». В официальной речи С. Ромодановский должен был сообщить Менглы-Гирею о присылке в Москву литовского посольства с просьбой содействовать заключению мира между Александром Казимировичем, с одной стороны, и Менглы-Гиреем и господарем Стефаном, — с другой: «и ты бы с великим князем с Александром мир взял, чтобы с тобою, с нашим братом, был в любви и в одиначестве, другу бы нашему друг был, а недругу недруг, а были бы есмь все три заодно на всякого нашего недруга». В другой речи, которую от имени великого князя Ромодановский должен был произнести перед ханом без литовских послов, Иван III

¹ Сб. Русс. ист. о-ва, т. 41, стр. 256—257.

подтверждал прежние соглашения, основанные на формуле — «другу есмь твоему друг, а недругу недруг» и свою готовность быть с Менглы-Гиреем «заодно» на его недругов. Вопрос о заключении мира с Александром Казимировичем отдавался на усмотрение самого хана. Иван III просил только своего союзника сообщить, помпрится ли он или не помпрится с литовским великим князем. Из текста этой речи следовало, что в случае продолжения войны между Менглы-Гиреем и Александром Казимировичем Менглы-Гирей мог попрежнему рассчитывать на военную помощь со стороны великого князя¹.

Князю Семену Ромодановскому поручалось в Крыму также разузнать, почему не были посланы посольства от Баязида и от его сына, кафинского наместника, в Москву. Этот вопрос продолжал интересовать Ивана III. Кроме того, Ромодановский должен был узнать о ближайших намерениях Стефана — «что его дело с польским королем?». Помогает ли султан Стефану против литовского великого князя?²

К сожалению, ответы Ромодановского не сохранились. Они, несомненно, помогли бы нам многое уяснить в отношении причин и задач отправления второго русского посольства в Турцию. Следует обратить внимание на то, что это посольство было отправлено вскоре после переговоров с Менглы-Гиреем и Стефаном по вопросу об их отношениях к Польше и Литве, накануне начала военных действий со стороны Ивана против Ливонии. При этом дипломатический такт Ивана III выразился в том, что послом был назначен не Михаил Плещеев, вызвавший неудовольствие своим упорством в исполнении данной ему инструкции, а Александр Голохвастов, хотя в новой инструкции («памяти») ему также предписывалось шахзаде в Кафе и султану в Константинополе «правити поклон стоя, а на колени не садитися». Посольство отправилось из Москвы р. Доном через Кафу 16 марта 1499 г.³

Обе грамоты, отправленные с Александром Голохвастовым к шахзаде Мухаммеду и к султану Баязиду, были идентичными по содержанию. Они являлись несколько запоздавшим ответом на соответствующие грамоты султана и его сына, присланные с Михаилом Плещеевым. Великий князь выражал удовлетворение по поводу желанья султана и его сына установить беспрепятственные сношения посредством послов и установить нормальные условия для торговли. С своей стороны, великий князь заявлял о своем дружественном отношении к султану и к его кафинскому наместнику: «И мы с тобою дружбы хотим, и послы бы наши меж нас ходили». Если султан пришлет своего

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 258—259.

² Там же, стр. 260.

³ Там же, стр. 280—282.

посла «нашего здоровья видети, а твое здоровье нам сказати и любовную дружбу, и как придет к нашим дверем..., дверь наша ему отворена будет и лице наше увидит, и жалованье наше к нему будет, и по доброй нашей дружбе и любви весело от нас к тебе отпущен будет». Великий князь сообщал также, что он вновь разрешил своим купцам ездить в турецкие земли¹.

Таким образом, содержание грамот в связи с теми обстоятельствами, при которых они были отправлены, показывает, что посольство Александра Голохвастова преследовало не только урегулирование торговых сношений и удовлетворение жалоб московских купцов, но и политические цели. Повидимому, посол Ивана III должен был собрать более подробные и точные сведения, чем те, которые доходили из Крыма о действиях султана и его намерениях, а также добиваться посылки в Москву турецкого посольства. Время пребывания Голохвастова в Константинополе совпало с началом войны между Турцией и Венецией, что, конечно, не благоприятствовало ни активной поддержке султаном молдавского господаря, ни тем более участию его в войне с Польшей и Литвой. Краткое сообщение о возвращении Голохвастова сохранилось в летописи. В 1500 г. «того же месяца февраля прииде из Царяграда Олеша Голохвастов, что посылал его князь великий з грамоты к Турскому Баазит салтану; Баазит салтан же почтив его зело отпусти к великому князю»².

Ответная грамота Баязида, присланная с Александром Голохвастовым, была составлена в самых общих выражениях о готовности султана поддерживать с великим князем «красную любовь и полную дружбу» но не содержала никаких определенных предложений или обещаний. Баязид писал, что он осведомлен о желании Ивана III получить посольство от султана, но на это предложение не давал ответа³. Повидимому, в Константинополе было решено, что дипломатические сношения с Москвой будет поддерживать не султан, а его сын, кафинский наместник Мухаммед.

В Москве напрасно ожидали турецкого посла. Осенью 1500 г. находившийся в Кафе посол к Мухаммеду Андрей Кутузов сообщил в Москву, что султан Баязид отправил к великому князю послов Кемал-бека и Давида и что они остановились в Кафе, так как Менгли-Гирей ввиду опасности отказался их проводить в Русские земли степными дорогами: «высече поле не чисто». Возможно, что это объяснение крымского хана было только предлогом к задержке послов, по предварительному соглашению с самим султаном, так как никаких попыток к отправлению в Москву больше не делалось. В 1501 г. в «памя-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 280—282.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 238.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 289.

ти» Александру Голохвастову, отправленному в Кафу к Мухаммеду, указывалось в случае если шахзадэ спросит, почему великий князь не посылает своего посла к Баязиду, отвечать следующим образом: «Коли, господине, от своего государя от великого князя яз был у твоего отца у Баязит салтана, и отец твой, господине, тогда ж со мною приказал к нашему государю, да и в грамоте в своей писал, что ко государю к нашему хотел своего посла послати; и посол, господине, отца твоего у нашего государя не бывал. А как, господине, будет у государя нашего отца твоего посол, и государь наш, господине, хочет своего посла к твоему отцу к Баязит салтану послати, чтобы межн его и межн отца твоего Баязит салтана и тебя послы их ходили здоровья нашего видети»¹.

Россия и Турция, Иван III и Баязид, осторожно присматривались друг к другу, не давая никаких лишних обещаний и не создавая предлогов для невыгодных для каждой стороны в данных исторических условиях политических осложнений. Однако уже в это время и в Москве и в Константинополе начинало обрисовываться поле будущих неизбежных столкновений. Утверждение турок на северном берегу Черного моря, продвижение их на север от Дуная и захват Азова открывали перед султаном широкие возможности для вмешательства в жизнь народов Восточной Европы. Султан считал себя «властителем» Черного моря, название которого было включено в его титул при перечислении морей и стран, находившихся под властью падишаха. Русская торговля с Востоком через Азов и Кафу полностью оказалась под турецким контролем. Насколько тяжелы были условия этого контроля, легко судить по перечислению обид, нанесенных турецкими властями русским торговым людям, изложенных в грамотах Ивана III к Менглы-Гирею и к кафинскому наместнику. Отправляя в марте 1500 г. послом в Крым Андрея Кутузова; великий князь снабдил его списком различных злоупотреблений турецких и крымских властей в отношении к русским торговым людям за целое десятилетие (1490—1500)². Для характеристики дипломатических методов Ивана III нельзя не обратить внимание на то, что вопрос об условиях русской торговли в турецко-крымских владениях был в общей форме возбужден лишь после того, как стали ясными политические результаты непосредственных сношений с Константинополем.

После посольства Голохвастова в дипломатических сношениях между Москвой и Константинополем наступил длительный перерыв.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 402—403.

² Там же, стр. 295—300.

ВОЙНА 1500—1503 гг. С ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ЛИТОВСКИМ И ЛИВОНСКИМ ОРДЕНОМ

1

К исходу девяностых годов XV в. внешнеполитическое положение Русского государства было вполне благоприятным. В предстоящей войне с Александром Казимировичем Иван III мог рассчитывать на помощь со стороны Менглы-Гирея, которая была ему необходима в двух отношениях. С одной стороны, крымский хан сдерживал враждебные действия со стороны «Ахматовых детей», что весьма облегчало оборону всей южной границы; с другой — вторжение Крымской Орды в глубь территории Великого княжества Литовского одновременно с движением московских войск должно было поставить Александра Казимировича в крайне тяжелое положение. Установившиеся после посольства Леопия Плещеева «дружеские» отношения с султаном были необходимы для укрепления военного союза между Иваном III и Менглы-Гиреем. Не менее существенную роль должна была играть Турция в отношении братьев Александра Казимировича: короля польского Альбрехта и короля Венгрии и Чехии Владислава. Враждебные отношения между ними и султаном давали известную гарантию в том, что ни венгерско-чешский, ни польский король не смогут принять активного участия в войне с Москвой. К тому же в тылу Польши находилась империя Габсбургов, которая не могла примириться с потерей Венгрии и Чехии. В Москве прекрасно понимали сущность своекорыстной политики императора, но заключенный с ним формальный союз, о котором не могли не знать в Польше, давал возможность угрожать польскому королю в случае попытки с его стороны к активному выступлению. Иван III мог быть вполне спокоен за свой восточный тыл. Посаженный на ханский престол Абдул-Латыф являлся послушным вассалом великого князя.

Благоприятно сложилась обстановка и на северо-западной прибалтийской окраине. После занятия королем Иоанном датским шведского престола возможность враждебного выступления Швеции на стороне Ливонского ордена была исключена.

Таким образом, в войне с Россией Александр Казимирович мог рассчитывать на помощь только Большой Орды, которая в данное время близилась к полному распадению, и Ливонского ордена. Из них серьезным противником был собственно только Ливонский орден, во главе которого находился воинственный магистр Вальтер фон Плеттенберг.

В предстоящей войне большую роль должен был сыграть такой фактор, как внутреннее положение обоих государств. Иван III стоял во главе сильного государства, внутреннее единство которого было укреплено развитием централизованного управления и суровой расправой с непокорными удельными князьями и наиболее реакционной частью боярства.

В ином положении находился Александр Казимирович, ограниченный господарской радой и сеймом, являвшимися органами крупноземельной феодальной аристократии. Брак с московской «схизматичкой», предпринятый из политического расчета в надежде на прекращение дальнейших территориальных требований со стороны могущественного соседа, недвусмысленно именовавшего себя государем «вся Руси», не только не ослабил напряженные отношения между Москвой и Вильно, но создавал новые поводы к неудовольствиям и осложнениям. Благодаря этому браку Иван III, не склонный жертвовать своими государственными интересами ради семейного благополучия дочери, получил возможность вмешиваться во внутренние дела великого княжества Литовского. Между тем упорный отказ Елены Ивановны изменить православию вызывал сильное недовольство со стороны католической литовской знати, которое распространялось и на самого господаря. Вопрос о вероисповедании великой княгини приобретал особую остроту в связи с движением католического духовенства в Литве в пользу осуществления постановлений Флорентийского собора о церковной унии.

Попытку введения в конце XV в. унии для православного населения великого княжества Литовского в исторической литературе обычно связывают с деятельностью смоленского епископа, а затем митрополита Иосифа Болгариновича. Последний происходил из шляхетской фамилии и приходился близким родственником Ивану Сапеге, занимавшему должность писаря Александра Казимировича и канцлера его супруги Елены Ивановны. Иван Сапега еще в 1492 г. был в Риме и принял унию

или перешел в католичество¹. Близость к великокняжескому двору и к влиятельным кругам литовского царства, а возможно, — и готовность его содействовать политическим планам «господаря», — обеспечили Иосифу Болгариновичу поддержку со стороны последнего. Только при этом условии Иосиф Болгаринович, решительно ничем не выделявшийся среди православного духовенства, мог стать преемником митрополита Макария, убитого татарами в начале мая 1497 г. Следует отметить, что в течение 1497 г. во время пребывания Александра Казимировича в Смоленске Иосиф Болгаринович получил ряд доказательств особого благоволения к нему господаря. 17 марта этого года Александр Казимирович пожаловал «владыке» значительный участок земли вблизи Смоленска с правом поселить на нем дворами 120 человек «прихожих» людей, москвичей и тверичей. Люди «владыки» были освобождены от подсудности наместнику и окольниковым и от платожа пошлин, за исключением серебрищины и иных «подачек», вносившихся мещанами в господарскую казну. По другой жалованной грамоте, датированной этим же числом, Иосиф получил подтверждение на свою «отчину» в Чуриловичах на Горах. Наконец, в пользу Иосифа было решено судебное дело между владыкой и одним смоленским мещанином, обвинявшим владыку в присвоении садового участка². Сами по себе эти акты господарской милости не представляли бы особого интереса, если бы они не являлись показателем исключительного отношения Александра Казимировича к этому иерарху православной церкви³.

После смерти Макария митрополичья кафедра оставалась не замещенной около года. «В лето 7006 (1498), месяца мана в 30 день, индикта I, великий князь Александр литовский даде митрополю киевскую и всея Руси Иосифу, епископу Смоленскому, с епископиею Смоленскою»⁴. Вскоре Иван III получил сведения о начавшемся в Литве притеснении православного населения и принуждении к переходу в католицизм великой княгини Елены. Тайное письмо об этом писал находившийся при Елене Ивановне подьячий Федька Шестаков. Письмо,

¹ Макарий. История русской церкви, т. IX, стр. 89—90, 95. Папа Иннокентий писал в 1492 г. польскому королю Яну Альбрехту: «Venit ad urbem Romam dilectus filius Joannes Sapiha, familiaris tuus, qui abiurata haeresi et illius pravitate deposita, ad catholicam fidem et unionem sanctae nostrae ecclesiae rediit, et nunc nostra benedictione habita, ad te reverti statuit» (J a r o s z e w i s z a. Образ Литвы, II, Wilno, 1844, стр. 33, 181).

² Литовская метрика. Акты Западной России, т. I, № 144, 145 и 148.

³ На это обстоятельство обратил внимание архиепископ Макарий: «Только к смоленскому владыке Иосифу заметно было благоволение Александра» (История русской церкви, т. IX, стр. 88).

⁴ Супрасльская летопись.

адресованное князю Борису Михайловичу Турене-Оболенскому, было получено в Москве 30 мая 1499 г. «Зде, господние, у нас ся стала замаятя велика межи латыни и межи нашего христьянства, — писал Федька Шестаков. — В нашего владыку смоленского днавол ся вселил с Сопегою, со отметником их, на православную веру; князь велики неволил государыню нашу, великую княгиню Олену, в латынскую проклятую веру. И государыню нашу бог научил, да попомнила науку государя отца своего. И государыня великая княгиня отказала так: помятуешь, государь, со государем с отцом с моим как еси рек; и яз, государь, без воли осподаря отца своего не могу то учинить, а обошлю государя отца своего, как мя научит. Да и все наше православное христьянство хотят отсхити. Ино наша Русь велми ся с Литвою не любят. И тот бы списочек послал до государя, а осподарь сам того поразумет. А большего не смею писать, коли б было с кем отказать»¹.

Вскоре Иван III получил новое, еще более серьезное подтверждение тому, что дело не ограничивалось попытками свратить в унию или католичество великую княгиню Елену, а преследовало более широкие церковно-политические цели, распространявшиеся на все русское население. В конце 1499 г. или в начале 1500 г. князь Семен Иванович Бельский прислал в Москву посла «бити челом», чтобы его великий князь «пожаловал... и с вотчиною взял на службу», так как на них, русских людей, «пришла великая пужа о греческом законе». Великий князь Александр литовский присылал к великой княгине Елене «отметника», смоленского «владыку» Иосифа, а с ним — вилецкого бискупа и монахов бернардинцев; они должны были убеждать, чтобы великая княгиня «приступала к римскому закону»; о том же он присылал к русским князьям, вилецким мещанам и ко «всей православной Руси». Иван III «пожаловал» князя Семена Бельского — взял его с отчиною и с «отказом». Князь Семен Бельский приехал к великому князю 12 апреля².

Переход Семена Бельского к Ивану III послужил как бы сигналом к движению в пользу присоединения к Москве других верховских и чернигово-северских князей. Особенно показателен в этом отношении переход старых врагов московского великого князя: внука Шемяки Василия Ивановича и сына Можайского князя Ивана Андреевича, Семена Ивановича. вполне понятно, что Александр Казимирович придавал особое значение удержанию этих русских князей в своем подданстве. Сохранилась жалованная подтверждательная грамота Александра Казимировича, выданная 26 марта 1499 г. Семену Ивановичу

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 274—275.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 238.

можайскому на его выслуженную «отчину»: города Стародуб и Гомель, Черниговский замок и волости Карачев и Хотимль. В грамоте были оговорены права: «волен он то продати, и отдати, и заменити, и к своему вжиточному обернути, как сам на лепей разумеечи»¹. Однако это пожалование не удержало сына можайского князя от отказа со всей своей вотчиной от литовского князя. В апреле 1500 г., вслед за Семёном Бельским к Ивану III прислали «бить челом» князь Семен Иванович можайский и князь Василий Иванович Шемячич, чтобы «государь бы их пожаловал, взял к себе и с вотчинами»².

В памяти, датированной 11 августа 1500 г., Ивану Мамоннову, отправленному послом в Крым, Иван III называет среди перешедших к нему князей Трубечких с городом Трубечком и волостями и Мосальских с городом Мосальском и волостями³. К сожалению, неизвестно, произошел переход этих князей на сторону Ивана III до битвы на р. Ведроше или уже после нее. Во всяком случае дело шло не об отдельных случаях «отказа» православных князей от подданства литовскому государю, а о большом национальном движении, охватившем русское население.

Нельзя предположить, чтобы попытка введения унии, имевшая крупное политическое значение, принадлежала только инициативе Иосифа Болгаринича и была им предпринята без ведома Александра Казимировича. Участие в этом деле весьма влиятельного при господарском дворе вилецкого бискупа Войтеха и бернардинцев, служит достаточным указанием на то, что эта деятельность митрополита не только одобрялась и поддерживалась господарем и влиятельным католическим панством, но являлась осуществлением первоочередных задач внутренней политики, вытекавших из решений Люблинского сейма 1499 г. Ясно, что только с согласия господаря, Иосиф и бискуп Войтех могли «пудить» Елену Ивановну в унию или католичество. Однако, несомненно, что опасность внутреннего восстания среди русского населения и военная угроза со стороны Москвы, заставляла Александра Казимировича действовать с большой осторожностью, дабы создать впечатление, что сам он не принимает никакого участия в насильственном распространении унии.

¹ Литовская метрика. Акты Зап. России, т. I, № 167.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 239. Князья, несомненно, переходили на службу к Ивану III со своими «дворами», боярами и слугами. Об одном из них, боярине князе Василии Шемячиче, Борисе Грабуркове, который «побег к Москве за своим государем за князем Васильем Шемячичем», известно из жалованной грамоты 1503 г. Александра Казимировича дворянину Василию Опущкину, которому был передан дворец бежавшего боярина в Рошском повете (Акты Зап. России, т. I, № 208).

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 318.

Между тем, от константинопольского патриарха Иоакима было получено согласие на поставление Иосифа митрополитом, и 10 мая 1500 г. последний был утвержден на митрополичей кафедре. Русская летопись правильно отметила связь между этим событием и ревностной деятельностью Иосифа по введению унии: Александр Казимирович «...смоленскому владыце Иосифу обеща про то Киевскую митрополию, на него же бог посла недуг розслабу, и поставлен бысть на митрополию в том недуге нездрав, и едино лето пребысть в том саце и изменися живота»¹.

Утверждение Иосифа на кафедре дало ему возможность официально обратиться в Рим с просьбой принять русскую церковь под свое покровительство. 20 августа Иосиф послал папе Александру VI Борджиа грамоту, привезенную в Рим Иваном Сапегой. «Я верую и исповедую, — писал Иосиф, — что ты пастырь всех верующих и глава вселенской церкви и всех св. отцов и патриархов. Перед тобою мы смиренно склоняем главы наши со всюю покорностию доброй воли, не по принуждению или необходимости, но по усердию веры и сердечной любви; желаем от твоей святости святейшего благословения, потому что тебе преданы ключи царства небесного и власть вязать и решать. Посему отныне мы молим твою святыню, будь милостив к нам, живущим далече в северных странах, где области России, под обрядом и уставом восточной церкви, содержащим св. семь вселенских соборов, а с ними так же и осмой флорентийский...» Далее Иосиф подтверждал принятие известного католического догмата символа веры о святом духе («Веруем в духа святого, исходящего от бога отца, так же и от сына единым дуновением»). В заключение Иосиф писал: «Мы уверены, повергаясь перед тобой на землю и целуя ноги твои, что ты исполнишь желанья сердца нашего, утетиши нас, пребывающих в скорби и не отвергнешь прибегающих под твое покровительство»².

Папа не сразу ответил на обращение Иосифа: одно это указывает, что в данном случае инициатива в возбуждении вопроса о введении унии для русского православного населения великого княжества Литовского исходила не из Рима, а из Вильны. Вскоре, однако, произошло событие, которое должно было со стороны римской курии усилить интерес к церковно-политическим делам в Литве. В начале 1501 г. Александр Казимирович

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 238—239. Иосиф умер не позднее конца 1501 г. (Макарий. Указ. соч., т. IX, стр. 110).

² Макарий. Указ. соч., т. IX, стр. 101—102. Грамота Иосифа напечатана у Тейшара — *Vetera Monumenta Poloniae et Letuaniae*, т. II, № 296. В основу своей грамоты Иосиф положил грамоту митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, датированную в 1476 г. (Макарий. Указ. соч., стр. 101).

отправил послом к Александру VI Борджиа своего секретаря и капеллана Вилью Эразма Циолека (Вителлиуса) с извещением о покорности великого княжества папской власти. Судя по ответному посланию папы, Эразм Циолек вел переговоры относительно католической пропаганды среди русского населения. При этом он неизбежно должен был коснуться и вопроса, почему супруга католического государя оставалась «схизматичкой»¹. После посольства Циолека папа не замедлил отправить послания к виленскому бискупу Войтеху (28 апреля 1501 г.) и великому князю Александру (7 мая этого же года). Однако сам Иосиф так и не был удостоен ответа.

«Великую радость, — писал папа Войтеху, — принесло мне твое письмо, в котором ты извещаешь о твоей пламенной ревности и крайнем усердии в приведении к единству римской церкви народов, обитающих в великом княжестве Литовском и особенно в митрополии киевской и всея России, и говоришь, что лучшего случая к тому не может быть, как настоящий, когда сам Иоанн-Иосиф, признаваемый киевлянами и всеми русскими за пастыря и вождя, предложил тебе готовность покориться римской церкви и, насколько достанет сил, привести к ней и другие из названных народов по смыслу Флорентийского собора». В письме к Александру Казимировичу папа сообщал, что получил его рекомендательное письмо об Иосифе и что посол великого князя Вителлий, а также посол самого Иосифа весьма хвалили митрополита как человека, способного привести народ к покорности римской церкви.

В отношении главного вопроса — об унии — Александр Борджиа проявил осторожность, не доверяя уверению Иосифа об «искреннем желании» русского народа соединиться с римской церковью на условиях постановления Флорентийского собора. Борджиа напоминал, что приведение к покорности римской церкви «столь часто предпринималось и столько раз прерывалось; доселе у нас были только попытки к унии, оканчивавшиеся ничем, а самой унии еще не было». Далее в письме сообщалось, что посол Александра упросил папу повременить с посылкой нунция, дабы «не вооружить против тебя московского князя»; поэтому он откладывает присылку нунция до более удобного времени, относительно которого будет ожидать извещения. В заключении письма папа выражал готовность «простить Иосифу прежние прогрешения» и утвердить его в митрополичьем достоинстве, если сам Иосиф примет определения Флорентийского собора и обещает содействовать тому,

¹ P. Pierling. La Russie et le Saint Siège, 1896, pp. 246—247. Пирлинг думает, что в Риме ранее не было известно различное вероисповедание Александра Казимировича и его супруги.

чтобы и весь русский народ «отреся от своих заблуждений». «Все это передай Иосифу и обсуди с виленским епископом, и свои соображения сообщи нам, чтобы мы прислали нунция, или поручили виленскому епископу совершить полное присоединение Иосифа и других с ним».

Это письмо не оставляет никакого сомнения относительно непосредственного и активного участия Александра Казимировича в деле осуществления церковной унии. Только боязнь московского великого князя побуждала его тщательно маскировать свое отношение к католической пропаганде среди православного населения.

Естественно, что в связи с поднятым вопросом об унии, вопрос о вероисповедании великой княгини Елены приобретает большое значение. В другом послании к Александру Казимировичу, похвалив его за ревность и старание в обращении русских от схизмы к римской вере, папа писал: «По словам посла твоего, ты дал клятву своему тестю никогда не принуждать Елену к римской вере и даже, если бы она сама захотела, не позволять того, и ты уже пять лет честно исполняешь обещание, сам не принуждая жены; но другие, светские и духовные, сколько не убеждают ее, она остается непреклонною. Поэтому ты спрашиваешь нашего совета, что тебе делать. Мы хотим и обязываем тебя, чтобы ты, несмотря на данные обещания и клятвы, от которых тебя освобождаем, позаботился еще побудить свою жену к принятию римской веры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаем виленскому епископу, чтобы он убеждал ее и, в случае нужды, принуждал мерами церковного исправления и другими законными средствами; а если и за тем останется непреклонною, то отлучил бы ее от сожителства с тобою и совершенно удалил от тебя». Одновременно (8 июля 1501 г.) от папы была послана особая грамота Войтеху с полномочиями убеждать Елену, и если она не покорится, совершенно отлучить от мужа, удалить ее из его дома и все имущество конфисковать. Через несколько месяцев (26 ноября 1501 г.) папа направил послание родному брату Александра Казимировича кардиналу Польпи Фридриху, поручив ему, в случае непреклонности Елены, объявить, что с нею будет поступлено по правилам церковного суда, и что она будет наказана в соответствии с проявленным упорством в заблуждениях¹.

Александр Казимирович не решался на применение рекомендованных папою мер, а Елена Ивановна, подкрепляемая угрозами быть проклятой отцом и матерью, продолжала оставаться

¹ М а к а р и й. Указ, *оч.*, т. IX, стр. 102—108. Папские послания напечатаны Тейнером в «*Vetera Monumenta Poloniae et Lituanae*, t. II, № 303, 310—312.

верной православиию. Твердое поведенле великой княгини, несомненно, должно было очень повлиять на стойкое сопротивление католической пропаганде со стороны русской феодальной знати, а также широких слоев православного населения. Это должен был признать краковский капоник Иван Сакран, автор небольшого сочинения «Истолкователь заблуждений русской веры». По его мнению, среди всех христианских народов, отделенных от католической церкви, нет ни одного, который был бы так непоколебим в защите своего «схизматического заблуждения», как русский народ. Русские, пишет автор, не поддаются никакому убеждению, всегда противоречат и убегают от ученых католиков, ненавидят их учение и отворачиваются от их наставлений. «Всеи известен, у всех перед глазами, их новый поступок, которые они совершили в нынешнем 1500 г. по отношению к той же самой унии. Едва только великий князь литовский Александр возимел намерение и начал в своих обширных владениях, кроткими убеждениями, обращать их — русских к единству римской церкви, как князь и вожди их с яростию поспешили передаться к московскому великому князю, защитнику их схизмы; а этот последний, считая намерения Александра обидою для себя, обрадовался случаю напасть на литовские области и произвел в них страшные опустошения»¹.

Известие о принуждении Елены Ивановны к отказу от православия, полученное 30 мая 1499 г. в Москве из Вильно от подьячего Федора Шестакова, произвело очень сильное впечатление на Ивана III. На это указывает та поспешность, с которой в тот же день (30 мая) к Елене Ивановне в Вильно был послан сын боярский Иван Григорьев Мамонов. Последний был снабжен короткой «верующей» грамотой к великой княгине Елене и письмом великокняжеского дьяка Федора Васильевича к своему «приятелю» Федору Шестакову, в котором последний предупреждался, что он может о всем, «без запы», говорить с Иваном Мамоновым.

В наказе, данном Ивану Мамонову, было поручено устно переговорить с великой княгиней Еленой «паодипе» от имени Ивана III и Софьи Фоминичны. Великий князь-отец сообщал дочери тревожные известия, полученные из Литвы, о том, что князь великий Александр «пудит» ее к «римскому закону» и что и иных людей, Русь, припуждает «отступить от православного христианства». Напоминаая дочери те условия, па которых он согласился на брак ее с Александром Казимировичем и на данные дочерью обещания, он требовал от нее непоколебимой вер-

¹ Макарий. Указ. соч., т. IX, стр. 140—141. Сочинение Ивана Сакрана было издано в сборнике: «De Russorum, Moscoviticarum et Tartarorum religione», Spira, 1582.

ности «греческому закону» и отцовскому наказу: «а мужа бы еси своего в том не слушала, чтобы ти и до крови или и до смерти о том пострадати, а к римскому бы еси закону не приступила, от бога бы еси душею не погибла, а от нас бы еси и от всего православного христианства в неблагословенни и в проклятье не была в сем веце и в будущем; а нам бы еси да и себе и всему православному христианству от иных земель и от иных вер причины в том не учинила». Иван III просил дочь сообщить «есть ли тебе какова нужда от твоего мужа о греческом законе, да и всему нашему православному христианству, которые в его державе держат греческий закон, было ли то, или не было?» Заключительные слова этого наказа вполне определенно указывали, что Иван III расценивал создавшееся в Литве положение очень серьезно и готов был начать открытую войну со своим зятем: «А о порушении греческого закона хотим, оже даст бог, накрепко подвизатися, сколько нам бог поможет».

Обращение великой княгини Софьи к дочери было повторением обращения Ивана III, и также содержало угрозу проклятия, если бы дочь нарушила наказ отца.

Иван Мамоннов во время пребывания в Вильпе должен был собрать политические повести: приезжал ли к Александру Казимировичу посол Стефана, и заключил ли с ним мир? Какие отношения существуют между Александром и его братьями — польским и венгерским королями? В мирных ли отношениях турецкий султан и крымский (переконский) хан с Польшей, Литвой и Молдавией? Воевали ли турки минувшей зимой и весной польскую землю? Будет ли послан «наряд» (артиллерия) к Киеву и для какой цели? ¹

Через неделю после отправления в Вильпо Ивана Мамоннова 6 июня в Москву прибыл дьяк Александра Казимировича Григорий Горемыка с известием о болезни великой княгини Елены. Одновременно он сообщил, что Александр Казимирович готовится прислать в Москву больших послов «о некоторых своих делах потребных». К сожалению, нам ничего не известно об обстоятельствах болезни Елены Ивановны, которой едва ли в Москве придавали большое значение. Иначе трудно было бы объяснить недельное промедление с отправкой к Елене Ивановне нового посланца, сына боярского Андрея Кутузова, с запросом о состоянии ее здоровья. В то же время «иаодице» посланец вновь должен был напомнить великой княгине наказ ее отца и матери, чтобы она не принимала «римского закона пикотороу пужею». «И ты бы дочи, — передавал Иван III, — помнила бога да и наш к себе наказ, от бога бы еси душею не погибла,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 274—277.

а от нас бы еси, от своих родителей, родством не отпала, да и в неблагословенъе и в проклятье не была...»¹

С этого момента переписка между Иваном III и дочерью прекратилась на несколько лет. Упорное молчание Елены Ивановны подтверждало подозрения великого князя. Наступление на православную церковь в Литве затрагивало не только церковные, но и политические интересы Москвы. Вместе с тем вызванное католической пропагандой движение среди русского (украинского и белорусского) населения в пользу присоединения к великому княжеству Московскому чрезвычайно обострило внутреннее положение в землях Литовского государства. Это прекрасно понимали и Иван III и Александр Казимирович. Создавалась обстановка, весьма напоминавшая конец восьмидесятых и начало девяностых годов, когда целые земли и города «отказывались» от короля Казимира.

Обещанное литовское посольство во главе с маршалком Станиславом Глебовичем Кпшкой и писарем Иваном Сапегой прибыло в Москву в августе 1499 г. Бросалось в глаза то обстоятельство, что по основному вопросу, поднятому Иваном III, — о религиозном преследовании дочери и православного населения, Александр Казимирович хранил полное молчание. Это нельзя было истолковать иначе, как признание справедливости выдвинутых обвинений в нарушении условий договора. С своей стороны, Александр Казимирович выдвинул ряд контрпредложений, которые не могли удовлетворить Ивана III. Так, он соглашался писать имя великого князя «по докончанию», т. е. признать за ним титул «государя всея Руси», но при этом требовал, чтобы в «докопчальную грамоту» были вписаны в качестве владений литовского великого князя Киев с пригородами и волостями. От имени Ивана III послам была указана несостоятельность подобного предложения. Александр Казимирович ставил выполнение заключенного соглашения, подтвержденного «крестным целованием», в зависимость от условий, не включенных в это «докончание». — «И он также безлепичные дела к нам приказывает мимо дела».

Также удачно было отведено литовское предложение о присоединении к союзу против турок. Этот союз был заключен Александром Казимировичем с польским королем Яном Альбрехтом и венгерско-чешским королем Владиславом. Ивану III было сделано предложение войти в союз под предлогом оказать помощь молдавскому господарю Стефану, против которого по слухам («ино пришли к нам слухи») турецкий султан «шлет свои великие силы» и собирается его землю «наконецъ сказити и посестя». «Во и сам, брат наш, можешъ разумети, — говорили

¹ Сб Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 278—280.

литовские послы от имени своего господаря, — иж Стефана воеводы панство всех христьянских земель нашего острова есть ворота; боже того не дай, коли его скажит и панство его все посюдет; тогда от того мощного неприятеля николи не будут во впокоп панства и земли как наши, так и твои».

В Москве не могли не помнить, что всего за два года перед тем Александр Казимирович участвовал в походе на Молдавию вместе со своим братом Яном Альбрехтом и вспомогательными отрядами магистра Тевтонского ордена, имевшем целью превращение Молдавии в провинцию Польского государства. После поражения польско-литовских войск под Лукавцами, Иван III энергично выступил за прекращение войны. Иван III поэтому выразил полное удовлетворение по поводу заявления литовских послов, что между Александром Казимировичем и господарем Стефаном заключен мир — «иже мы и наперед того хотели, а и ныне того хотим, которые с нами в миру и в одиначестве, те бы и с великим князем Александром были в миру и в одиначестве». Далее Иван III заявлял о полной готовности помочь Стефану, с которым он состоит «в свойстве и в одиначестве», как только сам Стефан непосредственно обратится в Москву за помощью. Этот ответ ясно показывал, что в Москве рассматривали литовское предложение о союзе для защиты Молдавии, как плохо завуалированный дипломатический ход с целью отвлечь внимание Москвы от русско-литовских дел.

В течение предыдущих лет как Иван III, так и Александр Казимирович постоянно жаловались на неискренность друг друга и на нарушение принятых обязательств. На этот раз в руках литовских послов находился документ, который, по их мнению, доказывал дипломатическую неискренность Ивана III. Людям Александра Казимировича удалось получить в Крыму список с посольства князя Семена Ромодановского к Менглы-Гирею. Этот список, повидимому, относился к той секретной «памяти», в которой московскому послу поручалось помимо «явной речи», передать «шаедине» хану подтверждение союзного обязательства по старым записям: «другу есми твоему друг, а недругу недруг» с явным намеком на Александра Казимировича. Интересно отметить, что это представление литовские послы сделали не сразу, а на другой день после начала переговоров. По данному им наказу они не должны были раздражать великого князя резкостью обращения: «А то молвити иным часом впокойным великому князю». В своем ответе Иван III вполне подтвердил существование подобного соглашения с Менглы-Гиреем, но напомнил литовцам, что сам Александр Казимирович посылал своих послов к «Ахматовым детям» в Орду и «одиначился» с ними на Менглы-Гирея и на него, Ивана III. «И мы с того дея ты речь приказали с своим послом к Менли-

Гирею, что есмь с ним на Ахматовых детей и на Литовского заодян. Ипо мы и ныне о том брата своего, великого князя, не таим: учнет ли брат наш с нашими с недруги, Ахматовыми детьми, ссылатися и одиначитися на нас, ипо тогда которому добру межи нас быти?»¹.

Посольство Станислава Кишки и Ивана Сапеги закончилось дипломатическим поражением литовской стороны. Основная цель этого посольства — отвлечь внимание московского великого князя от положения в русских землях великого княжества Литовского и связать его союзом против турок и крымцев — достигнута не была. Мелкие уступки, на которые готов был пойти Александр Казимирович, не удовлетворили Ивана III и только обнаруживали слабость и боязнь его противника идти на открытый разрыв с Москвой. Перед Иваном III оставался нерешенным вопрос о судьбе дочери и русских православных подданных литовского князя, за которым скрывался другой еще более важный вопрос — о будущности русских земель под литовской и польской коронами.

В завязавшейся дипломатической игре между Иваном III и Александром Казимировичем накануне войны 1500—1503 гг. одним из «козырей» Ивана III был Менглы-Гирей. Несмотря на многолетние союзнические отношения между Иваном III и Менглы-Гиреем и неоднократные обоюдные уверения в дружбе, в Москве не очень доверяли крымскому царю и вполне считались с возможностью резкого изменения в его политике. Не могло быть сомнений в том, что Крым не останется спокойным зрителем в предстоящей войне и что его участие на той или другой стороне будет зависеть от того, какой союзник для Менглы-Гирея окажется в данный момент более выгодным. Либо крымцы, «соудначив» с королем и литовским господарем, создадут серьезную угрозу на всей южной окраине Русского государства, причем под их непосредственными ударами оказалась бы территория северо-черниговских и верховских князей, на которой происходило движение в пользу присоединения к Москве, либо — если Менглы-Гирей останется союзником Ивана III, — удастся его использовать для противодействия Орде «Ахматовых детей» и для удара в глубокий литовский тыл. В Москве также знали, что привлечение Менглы-Гирея для оказания военной помощи должно было разжечь непомерные вожделения как у самого хана, так и у окружавшей его татарской знати. Задача московской дипломатии в данном вопросе заключалась в том, чтобы показать в Крыму готовность великого князя пачать войну с Александром Казимировичем не ради собственных интересов, а во исполнение обязательств, принятых им по отноше-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 286.

нию к хану. Для этого необходимо было сделать невозможным заключение мира между Менглы-Гиреем и Александром Казимировичем. Средством к этому служило предьявление Менглы-Гиреем таких условий мира, относительно которых не могло быть сомнений в их неисполнимости для литовского князя. Стараясь всеми средствами помешать непосредственным сношениям между Крымом и Вильной, Иван III с готовностью принимал посредничество между ними, позволявшее ему направить ход переговоров в желаемую для себя сторону.

С этой целью 19 декабря 1499 г. в Вильно был отправлен Иван Григорьев Мамонов. Великий князь сообщал своему зятю, что, исполняя его просьбу, он отправил в Крым к Менглы-Гиреем князя Семена Ромодановского с предложением заключить мир с литовским великим князем. Теперь же князь Семен Ромодановский вернулся в Москву вместе с крымским послом Ази-Халилем. Менглы-Гирей готов заключить мир — «а какова с тобою миру хочет, и как мне от него говорил его посол Ази-Халиль, а в грамоте в своей к нам тож писал, и яз тому послал к тебе запись»¹.

Семен Ромодановский действительно вернулся из Крыма в октябре этого года с послом шахзадэ Салымом и с послом Менглы-Гирея Ази-Халилем. Из слов Ази-Халиля следовало, что хан готов был по просьбе великого князя заключить мир с Александром Казимировичем на условии возвращения ордынских даньщиков: «А что потягли наши люди к нашей Орде, те бы он наши люди отдал; и как наши люди нам отдаст, после того межн нас лихо отступит...»². Посылая Ивана Мамонова в Вильно, Иван III дал ему для передачи Александру Казимировичу запись с условиями мира, которую Ази-Халиль вручил великому князю в Москве. В ней указанное выше предложение было изложено в следующем виде: «а которые люди к нашей Орде из старины ясак давали и дараги у них были, те бы люди и сыне к нашей Орде по старине ясак давали и дараги бы наши у них по старине были, как было при Седехмате царе»³. Речь, очевидно, шла о людях, плативших дань в Крымскую Орду во время кратковременного правления ею Сейид-Ахмедом во второй четверти XV в. В русских летописях Орда Сейид-Ахмеда (Седи или Седи-Ахмета) называется «Спней Ордой»⁴. По польским источникам (Длугош, Кромер) Сейид-Ахмед, призванный в Крым эмиром Хайдером, изгнал оттуда Улу-Мухаммеда и овладел Крымским улусом. Вскоре он был разбит Хаджи-Гиреем и в 1452 г. попал в

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 290.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 288.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 290.

⁴ Данные о Сейид-Ахмеде по русским летописям собраны В. Вельяминовым-Зерновым (Указ. соч., ч. I, стр. 120—122).

плен к полякам. Он умер пленником в Ковно¹. Предвидя, что послу будет задан вопрос, каких людей требует Менглы-Гирей, Иван III велел отвечать, что царь (хан) в своей грамоте писал этих людей «без имени», а посол его Ази-Халиль также «говорил о том без имени ж». По предложению великого князя, со слов Ази-Халиля, была составлена запись об этих людях, которую поручалось передать Александру Казимировичу без каких-либо объяснений: «Менли-Гиреев посол Ази-Халел сказывал, что из старицы к Перекопской Орде тянули Киев в головах почен; а оироче Киева по тем городком дараги были и ясаки с тех людей имали, Канев, да Нестобрат, да Дашко, да Яро, да Чошам, да Болдав, да Кулжан, да Бирин Чягбаш, да Черкаской городок, да Путивль, да Липятин, те городки и з селы все царевы люди, то яз ведаю; а иное ведает царь, брат твой»².

Между тем есть основания предполагать, что список городов и волостей, которые требовал себе Менглы-Гирей, был составлен еще в Крыму при участии Семена Ромодановского. После возвращения его с Ази-Халилем в Москву, последний передал от имени хана великому князю: «О том деле тебе брату своему говорю: Киев и Черкаской городок твои будут, и какое лихое дело будет кочевав к Киеву и к Черкасскому городку близко придем, твои люди наши люди будут, а наши люди твои люди будут; оба мы одиначимся, другу другом будучи, а недругу недругом будучи. Киев и Черкаской городок добром и лихом не мочно будет взяти, в то место иные люди давши, не мочно ли взяти? И толко возьмешь, и твоему брату мне и моему сердцу велми упокой, и твоему пмяни великое добро»³. Из этих слов следует, что Менглы-Гирей соглашался отдать Киев и Черкасский городок московскому великому князю, а себе, повидимому, оставлял нижнее течение Днепра. В Вильне это соглашение между Москвой и Крымом не было известно. Поэтому согласие Ивана III на передачу Менглы-Гирею Киева и других русских городов, которые сам Иван III называл своей «отчиною», должно

¹ В. С м л р н о в. Крымское ханство, стр. 207. Во время переговоров в Москве в октябре 1499 г. Менглы-Гирей следующим образом изложил свои требования относительно ордынских данщиков, находившихся на территории великого княжества Литовского: «Пашине орды данщики отца царя моего князю Семену Киевскому князю отданные люди есть; коли Сейт-Ахметя царя отвезли в Литовскую землю, и тех ордынских данщиков наших людей нам отдасть» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 287). Из этого текста ясно, что имеется в виду не Сейид-Ахмед, сын Ахмед-хана, владельца Большой Орды, и противник Менглы-Гирея, бежавший в Литву, а Сейид-Ахмед, воевавший с Хаджи-Гиреем. На путаницу этих двух имен в литературе указал В е л ь я м и н о в - З е р н о в. В именном указателе к Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, оба Сейид-Ахмеда ошибочно показаны под одним именем.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 291.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 288.

было вызвать у господаря большое изумление. В своем ответе Александр Казимирович с возмущением указывал на необъяснимые домогательства хана: «Што ся тычет Киев и иных городов наших, подобное ль то речи? Царь Мендлп-Кгирей в нас хочет, чего пред тым предкове его, первыи цари, и отець его в наших предков, великих князей литовских, и уво отца нашего, короля его милости, николи не хотели а ни упоминали». Однако Александр Казимирович не давал окончательного отрицательного ответа, оставляя его до совещания с Радою. В это время он находился вблизи польской границы и сообщал, что «вжо ничего не мешкая едем до Вильны»¹. Осторожность, проявленная в этом вопросе Александром Казимировичем, объяснялась желанием затянуть переговоры и выиграть время.

Иван III воспользовался посольством Ивана Мамонова, чтобы еще раз снести с дочерью «без литвина». Он упрекал ее за молчание, за то, что она скрывала от отца начавшееся в литовских землях гонение на православную церковь: «Ино гораздо ли, дочка, так делаешь? Где было тебе и без наше посылки к нам послати, да то нам сказати; ино мы тебя пытаем, а ты от нас тайш, а нам того не скажешь, гораздо ли так делаешь?». Он вновь заклинал ее стойко держаться «греческого закона» под угрозой родительского «неблагословения» и проклятия². Ответ Елены Ивановны нам не известен. Возможно, что великая княгиня и на этот раз хранила полное молчание, подтверждая тем справедливость острой тревоги в Москве о судьбе не только за ее судьбу, но и за судьбу всего православного населения литовской Руси.

Обещанное Александром Казимировичем посольство в Москву прибыло только в конце апреля 1500 г., т. е. почти через четыре месяца. В ожидании ответа Иван III задержал послов Менглы-Гирея. Однако в апреле, не дождавшись литовских послов, он отправил посольство в Крым с князем Иваном Семеповичем Кубенским. Осведомив своего союзника о посольстве Ивана Мамонова в Литве по вопросу о заключении мира, Иван III сообщал, что великий князь Александр «к нам отказал с нашим послом, что его люди и при его отце и при дяде к вашей орде данцики николи не бывали». Далее он сообщал, что ожидавшиеся литовские послы в Москву не приехали, и это указывает на то, что великий князь Александр мира не хочет. Он продолжает ссылаться с «Ахматовыми детьми», держал у себя их послов и теперь отправляет их обратно. Поэтому великий князь готов выполнить условия заключенной дружбы: «И коли с тобою с нашим братом миру не хочет, ино и яз с ним миру не хочу

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 293.

² Там же, стр. 292—293.

тебя деля, а хочу с тобою с своим братом по своей правде на пего быти заодин»¹. Таким образом, основная цель дипломатической игры с Крымом и Литвой была достигнута. Иван III поставил Александра Казимировича перед необходимостью ответить отказом на предъявленные ему Менглы-Гиреем условия мира. В глазах же Менглы-Гирея он только готов был выполнить обязательства союзника.

Однако до последнего момента у Ивана III не было полной уверенности в своем союзнике. Князю Кубенскому поэтому поручалось всеми средствами воспрепятствовать мирному соглашению между ханом и литовским князем. Можно было ожидать, что Александр Казимирович попытается вступить в непосредственные переговоры с ханом и самостоятельно отправит послов в Крым. В этом случае Кубенский должен был убеждать хана задержать у себя литовских послов и не отправлять в Литву своих. Несмотря на соглашение, вызвал также беспокойство вопрос о судьбе тех русских городов и земель, которые будут заняты во время предстоящих военных действий. В искрепость Менглы-Гирея Иван III не верил. Поэтому он вновь подтверждал свои права на Киев и Черкасский городок: «А что писал еси нам о Киеве и о Черкасском городке, чтобы нам их достати, и мы у бога того просили и велми того хотим, чтобы нам дал бог своей отчины достати, а с тобою бы с своим братом быти нам блиско». В связи с этим возникал и вопрос о дани в Крым с владений князей Одоевских, которые в восьмидесятих годах перешли в подданство великого князя. Менглы-Гирей, основываясь на старых порядках, требовал, чтобы князья Одоевские попрежнему платили ему дань. Иван III в первое время после присоединения Одоева платил за них дань в Крым. Продолжение платежа дани могло стать опасным прецедентом для других верховских и черниговских князей, ранее также паходившихся в даннических отношениях к Орде. Кубенский должен был аргументировать прекращение дани смертью данщиков и запустением их земель: «Ино Одоевских князей больших не стало, а отчина их пуста, а иные князи Одоевские нам служат, паши слуги, мы их кормим и жалуем их своим жалованием; а иных князей Одоевских жеребьи за нами, и что тебе давали и твоему человеку, ино их яз же тем жаловал, а им нечего давати, отчина их пуста. А и ныне твоего человека яз же жаловал, а им нечего давати. И ты бы Одоевским князем вперед свою пошлину отложил, да и дараг бы еси их к ним не посылял по свою пошлипу, меня дели». Интересно отметить, что Ивану Кубенскому поручалось говорить об этом «опосле всех дел»². Очевидно, этот

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 301—302.

² Там же, стр. 302—306.

вопрос не должен был явиться помехой для достижения основной цели — побудить Менглы-Гирея к выступлению в союзе с Иваном III против литовского великого князя.

Литовское посольство со смоленским наместником маршалком Станиславом Петряшковичем Кишкой и писарем Федором Григорьевичем прибыло в Москву 23 апреля 1500 г. За восемь месяцев, прошедших со времени предыдущего посольства, политическая обстановка значительно изменилась не в пользу Александра Казимировича. Начался открытый переход русских православных князей на московскую сторону. «Отказ» князя Семена Бельского был официально объявлен в Вильно в присутствии посла Ивана III «сына боярского» Дмитрия Загряжского. «Человек» Бельского Иван Вraithский «целование сложил за своего господина и вручил Александру Казимировичу отказную грамоту. Иван III уведомил своего зятя, литовского великого князя, что вследствие гонения на православную веру он принял князя Семена Бельского с его отчиною¹. Примеру Бельского последовали князь Хотетовский и мценские бояре, которые также были приняты «с землями и водами».

В этой тревожной для себя обстановке Александр Казимирович сделал еще одну уступку. 23 апреля 1500 г. в Москву прибыло новое литовское посольство во главе со смоленским наместником Станиславом Петряшковичем и писарем Федкою Григорьевичем. В «верющей» грамоте впервые был поставлен полностью титул Ивана III как «государя всея Руси». Александр Казимирович стремился представить дело так, будто бы спор о титуле являлся единственной причиной недоразумений между ним и его тестем. В то же время он упрекал великого князя в нарушении «докончальной грамоты», по которой Иван III обязывался «в земли и в воды» великого княжества Литовского не вступаться и служебных князей к себе не принимать. На этом основании он требовал выдачи «зрадца» (изменника) князя Семена Бельского, а также и других «зрадцев». Мирные условия Менглы-Гирея Александр Казимирович отклонял, в свою очередь требуя, чтобы ни хан, ни его дети не производили «шкоды» в землях великого княжества Литовского, а жили бы так, как жили их отцы.

Уступка, сделанная Александром Казимировичем в титуле, при сложившейся обстановке не имела практического значения. В Вильно не могли серьезно думать, что ради прибавления к титулу слов «всея Руси» Иван III откажется от тех русских земель, которые сами шли под его власть. Ивану III не трудно было ответить, что существуют более серьезные расхождения, чем вопрос о титуловании: «Князь бы велики Александр сам п поло-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 294—295.

жил на своем разуме, гораздо ли так делает, колко лет нам по докончанию не правил, а ныне одю наше имя к нам в своей грамоте по докончанью написал, а в иных делех ни в чем нам не правит»¹.

К сожалению, конец статейного списка посольства Станислава Кишки не сохранился. Кратким дополнением к нему служит соответствующая запись в Воскресенской летописи. Отпускная послов, Иван III повторил требования, касавшиеся попыток отвлечь от православия его дочь и насильственно распространить католичество среди русского православного населения. «А учнешь нудити, — говорил великий князь, — а от той нужи пойдут к нам, и нам их приимати и с вотчинами и стояти сколько нам бог поможет»². По существу это означало объявление войны, которая действительно началась через несколько дней. Московские войска двинулись на территорию Чернигово-Северского княжества, владельцы которого, внук Шемяки и сын Можайского князя, по примеру Семена Бельского заявили о переходе со всеми своими землями на службу к великому князю московскому.

Затянувшаяся дипломатическая борьба окончилась. С большим терпением и расчетливостью Иван III подготовил нанесение сокрушающего удара, в случае полного успеха он должен был привести к объединению всех частей древней Руси под властью московского государя. В глазах православных подданных литовского князя Иван III выступал на их защиту от насильственного обращения в «римский закон». В историко-политическом освещении Иван III только восстанавливал династические права на все наследие Киевской Руси, временно утраченные его предшественниками. В это же время послы Ивана III в Крыму убеждали хана, что государь готов поднять оружие против своего зятя ради интересов своего союзника и верности заключенного с ним договора о дружбе.

2

Политическая и дипломатическая подготовка к войне происходила в тесной связи с военными мероприятиями. Последним важнейшим событием перед началом открытых военных действий с московской стороны явился переход «на службу» к Ивану III князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Шемячича — владельцев двух обширных русских княжеств на литовской территории (Чернигово-Стародубского и Новгород-Северского). Точная дата прибытия послов этих князей в Москву с заявлением об отказе от подданства ве-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 296—300.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 239.

ликому князю Литовскому неизвестна. Во всяком случае это произошло после 23 апреля 1500 г., дня прибытия в Москву литовского посла Станислава Петряшковича, и не позже 3 мая, когда воевода Яков Захарьин выступил из Москвы в направлении на Брянск «с многими людьми». Вполне очевидно, что переходу на сторону Москвы князей Можайского и Шемячича должны были предшествовать переговоры между ними и великим князем, которые остались полной тайной для Александра Казимировича и литовских властей. В царском архиве по описи 1575—1584 гг. хранились «тетрати, писан приезд Семенов Стародубскаго и Шемячичев приезд, и грамоты, посыльная, опасная, ко князем, и речи, и к воеводам к Якову Захарьину с товарищи»¹. Только после достижения полного соглашения по этому делу могло начаться сосредоточение ратных сил к Москве. Военные приготовления были закончены к моменту прибытия послов от князя Семена Можайского и князя Василия Шемячича, что и дало возможность занять территорию новоприсоединившихся княжеств раньше, чем в Литве успели принять как-либо контрмеры.

Одновременно с выступлением войск в Вильно был отправлен Иван Телешев со «складной грамотой». В ней, объясняя причины начала войны, Иван III сообщал, что литовский великий князь «по докончанью ли в чем не правит, великую княгиню Елену и князей и панов русских нудит к римскому закону; и государь за христьянство хочет стояти, колко бог поможет, а крестное целованье и докончанье долов». Хотя формальная сторона объявления войны была соблюдена, но известия о ней были получены в Вильне уже после того, как московские войска вступили на литовскую территорию и занимали один город за другим².

Первыми войсками Якова Захарьина были заняты Брянск (Дбрянск), причем в нем были захвачены в плен наместник пан Станислав Барташевич и местный епископ. Пленные были отправлены в Москву. Затем Яков Захарьин пошел в земли можайского князя и Шемячича и привел их к «крестному целованию». 6 августа, «на Спасов день», был занят Путивль³. Очевидно, в это же время были заняты города: Мценск, Серпейск, Стародуб, Гомель, Любич, Новгород-Северский, Рыльск. Повидимому, к этому же времени относится переход к Москве князей Трубецких и Мосальских с городами и волостями.

¹ ААЭ, № 289. Опись царского архива 1575—1584 гг., ящик 36.

² Извлечения из посольской книги о посылке с «отказной грамотой» Ивана Телешева сохранились в «выписке из книг польского двора», составленной при царе Иване Грозном в 70-х гг. XVI в. Эта книга сохранилась в делах Литовской метрики (кн. № 4).

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 239. В Путивле был захвачен в плен князь Богдан Глинский с женой.

Таким образом, в течение одного похода были заняты южная часть Смоленской земли с городами Брянском, Трубчевском и Мосальском и вся территория двух княжеств, образовавшихся при короле Казимире — Чернигово-Стародубское и Новгород-Северское. На этой территории лежал почти весь бассейн р. Десны, за исключением небольшой части нижнего течения. Заняв город Гомель, московские войска вплотную подошли к берегу Днепра. Такой быстрый и выдающийся успех мог быть достигнут только при отсутствии какого-либо более или менее серьезного сопротивления и при помощи самого русского (украинского) населения. Никаких сведений о боевых столкновениях не сохранилось, хотя летопись всегда точно сообщает о таких событиях.

Начиная войну, Иван III, несомненно, имел готовый план действий, поражающий смелостью стратегического замысла и обширностью охваченного фронта. Вслед за занятием Чернигово-Стародубского и Новгород-Северского княжеств, а также южной части Смоленской земли, вторая группа войск была направлена на Дорогобуж—Смоленск. Наконец, третья группа войск была сосредоточена в Луках Великих¹. Движение ее на юг с охватом Торопца и выходом на Западную Двицу создавало угрозу со стороны тыла всему Смоленскому району, а также основным политическим центрам Литвы.

На существование плана одновременного наступления в трех направлениях совершенно определенно указывает Герберштейн. «Первый отряд, — пишет Герберштейн, — направляет он (т. е. великий князь. — К. Б.) к югу против Северской области, второй на запад против Торопца и Белой, третий помещает он посредине против Дорогобужа и Смоленска. Кроме того, он сохраняет еще в занасе часть войск, чтобы она могла скорее всего подать помощь тому отряду, против которого замечено будет движение литовцев»².

Действия литовской стороны нам менее известны. Повидимому, угроза Смоленску побудила Александра Казимировича спешно сосредоточить все силы для защиты Смоленска. Вос-

¹ Судя по назначению воевод, основная часть войск была направлена на Брянск и Чернигово-Северские города. (В большом полку — Яков Захарьин, в передовом — князь Иван Михайлович Репня-Оболеский, в правой руке — князь Тимофей Александрович Тростенский, в левой руке — князь Василий Мних Ряполовский, в сторожевом — Петр Михайлович Плещеев). Полками, направленными на Дорогобуж, командовали воеводы, занимавшие менее крупные места по местническому счету и служебным назначениям. (В большом полку — Юрий Захарьин, в передовом — Иван Щадра Вельяминов, в правой руке — князь Федор Иванович Стригин, в левой руке — Петр Иванович Житов). П. М и л к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 26.

² С и г н а м у н д Г е р б е р ш т е й н. Записки о Московитских делах.

водою литовских войск был князь Константин Иванович Острожский, незадолго до начала войны назначенный на должность гетмана по предложению старого гетмана Петра Белого. По мнению современников, князь Константин Острожский отличался выдающейся храбростью и военными способностями. По сведениям Стрыйковского, Константин Острожский выступил навстречу московских войск из Смоленска, взяв с собой смоленского воеводу Кишку. Он был введен в заблуждение показанием пленного, по имени Германа, который служил дяком у Ивана Сапегы во время его посольства в Москву и там перешел на русскую сторону. Герман показал, что воевода московский стоял с малыми людьми под Дорогобужем. Повидимому, мнения среди литовских воевод разделились, так как прибывшие в столицу новые воеводы не советовали гетману искать сражения с русскими. Однако Острожский не принял этих советов и выступил к Дорогобужу.

Первоначально воеводой московских войск, направившихся к Дорогобужу, был Юрий Захарьин. Дорогобуж заняли небольшим отрядом, который после овладения городом был оставлен в его окрестностях. Известие о сосредоточении литовских войск в Смоленске заставило Ивана III немедленно усилить войска, стоявшие у Дорогобужа. По летописному сообщению Иван III послал на помощь к Юрию Захарьину воеводу князя Даниила Васильевича Щепя с «тверской силою»¹. Повидимому, это и был тот резервный отряд, о котором упоминает Герберштейн. По разрядным записям, кроме Даниила Щепя к Дорогобужу, отправлены: князь Семён Иванович Стародубский, князь Василий Иванович Шемячич, воевода Яков Захарьин и другие — «и оне ходили к Рославлю и к Ельне и бой им был на Водроше»².

Сообщение летописи о том, что Данила Щепя был послан с «тверскою силою», может служить указанием на первоначальное местонахождение резервного отряда. Тверь в этом отношении была действительно очень удобным пунктом, так как давала возможность быстро прийти на помощь и северной и средней группам войск. Кроме того войска, собранные в Твери, служили заслоном против возможного наступления литовцев от Торопца, в направлении к северу от Москвы. Посылка же Якова Захарьина вместе с приведенными им «к крестному целованию» стародубским и северским князьями указывает на то, что одновременно с движением от Твери к Ельне резервного отряда с юга, через Рославль и, вероятно, Мстиславль, была направлена к Дорогобужу часть войска, ранее действовавшая на территории северских городов. Соединение всех этих войск произошло в районе

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 239.

² П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 27.

Дорогобужа. Вследствие этого был составлен новый разряд. Воеводой большого полка был назначен князь Данило Васильевич, которому были приданы князь Семен Иванович Стародубский и князь Василий Иванович Шемячич. Юрий Захарьин, бывший ранее главным воеводою войск, занявших Дорогобуж, был поставлен во главе сторожевого полка. Это назначение вызвало протест со стороны Юрья Захарьяна, написавшего великому князю, что ему нельзя быть в сторожевом полку: «то мне стеречь князя Данила». Однако Иван III резко прекратил эту попытку поставить местнические взаимоотношения выше интересов дела. Он велел передать Юрию Захарьяну: «гораздо ли так чиниши, говориши: в сторожевом полку быти тебе не пригоже, стеречь княже Данилова полку? ипо тебе стеречь не князя Данила; стеречь тебе меня и моего дела. Каковы воеводы в болшом полку, таковы чинят и в сторожевом; ипо не сором быти тебе в сторожевом полку»¹.

Таким образом, сообщение Стрыйковского, будто литовский гетман князь Константин Острожский был введен в заблуждение ложными показаниями пленного Германа, служившего ранее дьяком у Ивана Сасеги, следует признать ошибочным. Герман, повидимому, был оставлен в Москве шпионом и свою обязанность выполнил. В тот момент, когда он вернулся к литовцам с сообщением о малочисленности русских войск, стоявших у Дорогобужа, его показания были вполне правильными. В противоположность литовцам, распоряжения Ивана III указывают на хорошую осведомленность о действиях противника. Обращает внимание поразительное мастерство, с которым были произведены перегруппировка войск и сосредоточение их на главном направлении.

Выступившие из Смоленска литовские войска заняли село Лопачино, не доходя до р. Ведроши и одноименного села, и остановились в 10 поприщах от московских войск. Главные силы московских войск в это время находились на восточном берегу р. Ведроши, а на западный берег реки были выдвинуты передовые части (повидимому, передовой полк). Во время остановки в с. Лопачино Константин Острожский убедился в том, что он имеет перед собой крупные силы московских войск, приготовившихся к встрече противника. На военном совете было все же решено атаковать русских. По сведениям Стрыйковского, численность московских войск достигала 40 тысяч кошицы, кроме пехоты, а литовских — 35 тысяч. По другим сведениям, силы противников были равные. План Константина Острожского, очевидно, обсуждавшийся на том военном совете, о котором сообщает Стрыйковский, состоял в скрытном под-

¹ П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 27.

ходе и внезапном нападении на русских; литовские войска были поведены через густые леса и болота. Однако благодаря выдвигению на западный берег Ведроши передовых частей, а возможно — и благодаря действию разведки, внезапность нападения была сорвана. После подхода литовцев, задача передовых частей состояла в том, чтобы заманить противника на восточный берег реки. Герберштейн пишет: «Когда оба войска подошли к реке Ведроши, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных про число врагов, а также и их вождей и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». Таким образом, между сообщениями Стрыйковского и Герберштейна существует разногласие: по мнению Стрыйковского, Константин Острожский имел достоверные сведения о численности московских войск, по словам же Герберштейна, полученные им сведения возбудили надежду на победу; это позволяет предполагать, что Константин Острожский не рассчитывал встретить крупные силы противника. Та легкость, с которой передовым частям русских удалось увлечь Острожского, опытного полководца, на противоположный берег реки и поставить его в крайне трудное положение в случае неудачи, заставляет предпочесть сообщение Герберштейна.

Стрыйковский и Герберштейн одинаково считают, что первое столкновение на западном берегу реки, а затем быстрое отступление русских на другой берег явились выполнением со стороны русских воевод заранее принятого плана. Переправившись на восточный берег реки, литовцы встретились с главными силами Даниила Щеня. Все источники свидетельствуют о крайне ожесточенном сражении. Герберштейн пишет, что исход боя решил русский отряд, поставленный в засаду: «во время сражения, ведшегося с обеих сторон с одинаковым воодушевлением и силою, помещенное в засаде войско, про грядущую помощь которого знали весьма немногие из русских, ударяет сбоку в средину врагов. Пораженные страхом, литовцы разбегаются: полководец войска вместе с большинством знатных лиц попадает в плен...»¹. Некоторые подробности мы находим в Архангелогородском летописце. По его данным, сражение продолжалось около шести часов и отличалось таким ожесточением, что воины «имающиеся за руки, и в трупы конь не скочит». В это время «сила пешая» великого князя обошла литовцев и, захватив мост через реку, уничтожила его².

В плен были взяты: главный воевода гетман князь Константин Острожский, маршалок Григорий Остикович, маршалок

¹ Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч.,

² Устюжский летописный свод, стр. 101.

Лютавр, Николай Юрьевич Глебов, Николай Юрьевич Зиновьев, князья Друцкие и Мосальские, а также многие другие «люди именитые». Потери литовского войска были весьма большими, так как разрушение моста отрезало путь к отступлению. По словам Архангелогородского летописца «мало их утече». Синодальная книга сообщает о 8 тысячах, а летописец Синодальной библиотеки № 356 — даже о 30 тысячах убитых. В Новгородской 4-й летописи сообщается о числе убитых — более 5 тысяч, а пленных — более 500 тыс. Во всяком случае можно говорить почти о полном уничтожении литовского войска.

Потери русской стороны неизвестны, но они также были, повидимому, значительными. На это указывает просьба воевод о присылке пополнения: «А как воеводы побили на Ведроше литовских людей и писали к великому князю, чтоб к ним людей прибавил». Иван III послал воевод князя Семена Романовича и Дмитрия Васильевича Шеина.

Известие о победе на р. Ведроше было получено в Москве на третьи сутки: «А з бою пригонил к великому князю Михайло Ондрсев сын Плещева, июля 17, в пяток, и сказал велпкому князю воевод его здравие и божию помощь над литовскою силою; и бысть тогда радость велика на Москве».

Менее всего известны действия северной группы, собранной в Великих Луках. Не позже августа был занят Торонец. Повидимому, этим ограиичились успехи московских войск на данном направлении. Возможно, что причиной этого являлась посылка части войск после сражения у р. Ведроши на усиление центральной группы.

Несмотря на заблаговременную подготовку к войне и на тот широкий размах, который сразу приняли военные действия весной и летом 1500 г., Иван III не только своевременно не известил своего союзника Менглы-Гирея о ближайших планах войны и не воспользовался его военной помощью, но даже с большим опозданием сообщил ему об одержанных победах и занятых городах. В наказе князю Ивану Кубенскому, посланному в Крым в апреле, т. е. за 1—2 недели до выступления московских войск, ему предлагалось настаивать — «говорити накрепко», — чтобы Менглы-Гирей сам пошел на Орду «Ахматовых детей» или послал бы своих детей и брата с людьми. Что же касалось другого общего «недруга» — литовского великого князя, — то о действиях против него было сказано в самом общем виде: «А похочет царь лти воевати на Литовскую землю, и князю Ивану царя от того не унимати»¹. Совершенно ясно, что в начале войны

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 308—309. В августе 1500 г., с послом Иваном Мамоновым Иван III в следующих словах изложил свои предложения хану, переданные в апреле с князем Иваном Кубенским:

предполагалось использовать Менглы-Гирея для отвлечения Большой Орды от южно-русских порубежных мест. Следующее посольство было послано в Крым только 11 августа, через месяц после победы у р. Ведроши. На этот раз Иван III уже вполне определенно требовал от своего союзника, чтобы он выполнил «свое крепкое слово», сам бы шел воевать с общим «педругом», великим князем Александром и «недружбу еси ему свою чыппл». Вместе с тем хану сообщался список запятых городов на литовской территории¹. Предполагая, что Крымская Орда вторгнется в район ближайшего левобережья Днестра, великий князь спешил предупредить хана, чтобы он не ходил воевать к Чернигову, Рыльску и Новгород-Северскому — «милосерднем божиим, те города и земля нынеча наша»².

Таким образом, записывая Северскую Украину, Иван III хотел поставить крымского хана перед совершившимся фактом. Прежвременное выступление Крымской Орды, всегда сопровождавшееся жестоким разорением городов и волостей, было бы крайне опасным и могло привести к столкновениям между московскими войсками и Ордой. Кроме того, после занятия московскими войсками Левобережья решался вопрос о принадлежности этой территории. После успехов, достигнутых к осени 1500 г., Иван III считал возможным посвятить Менглы-Гирея в свои дальнейшие планы и воспользоваться им в интересах Москвы для продолжения борьбы с Александром Казимировичем.

Нам представляется несомненным, что в августе у Ивана III существовал план новых больших операций, которые в случае успешного осуществления могли полностью сокрушить противника. Для исполнения этого плана необходима была полная согласованность в действиях между московскими войсками и Крымской Ордой. Однако в связи с военными действиями и активизацией «Ахматовых детей» посольские сношения между Москвой и Крымом становились крайне затруднительными. Выполняя поручение Александра Казимировича, татары Большой Орды и азовские казаки подстерегали в степи московское посольство в течение трех месяцев. Иван Кубенский подвергся нападению со стороны 250 азовских казаков и 50 заволжских татар. Хотя ему и удалось отбиться от нападавших, по во время происшедшей схватки пришлось бросить в воду наказные списки³.

«А как даст бог нам с Литовским свое дело делать, и мы с тобою, с своим братом сошлемся» (там же, стр. 315).

¹ В этот список вошли следующие города: Брянск, Мценск, Серпейск, Дорогобуж, Опаков, Почеп, Радогощи, Чернигов, Стародуб, Гомель, Любич, Рыльск, Новгород-Северский, Трубчевск, Мосальск (Сб. Русс. ист. об-ва, стр. 318).

² Там же, стр. 317.

³ Там же, стр. 321—322.

Менглы-Гирей, получив известие от князя Кубенского о военных успехах Ивана III, тотчас предложил свой план действий. Он сообщил, что в ожидании известий из Москвы он держал в боевой готовности 15 тысяч человек. Но дождавшись вестей, хан отпустил с этой ратью «воевать» литовские земли своих сыновей Махмет-Кирея, Ахмат-Кирея, Маамит-Кирея, Бетп-Кирея, Бурнаш-Салтана и племянника Япанчу, сына Ямгурчя, которые вышли из Перекопа за неделю до пасхи¹. Когда Орда уже ушла в поход, Менглы-Гирей узнал о занятии московскими воеводами Путивля и Чернигова. Повидимому, хан предполагал, что московские войска после занятия этих городов должны двинуться к Киеву. Он просил поэтому великого князя, чтобы его воеводы сообщили в Крым, когда пойдут к Киеву, а если они не смогут во-время известить, пусть сам великий князь сообщит ему о времени, когда московские воеводы могут соединиться под Киевом с Крымской Ордой. «И ты бы меня без вести не держал, — писал Менглы-Гирей, — как тебе рать своя отпустить, на которой день под Киевом быти мне было ведомо»².

Это послание было отправлено в Москву, до прибытия в Крым Ивана Мамонова. Получив эти известия из Крыма, Иван III тотчас послал гонца, который должен был пагнать Ивана Мамонова в Калуге и передать ему новый наказ³. Иван III решительно отклонил предложение хана об одновременном нападении на Киев, указывая в качестве причины на уничтожение кормов на путях к Киеву: «Ино пыне зимою нашей рати нелзе быти к Киеву того дела, что наша рать все лето была в Литовской земле по тем местом, куда итти к Киеву: ино туто корму нет, вытравлено и выграблено»⁴. Однако эту причину вряд ли можно признать основательной. Никаких военных действий на землях Северского и Стародубского княжеств не было. Занятие городов на этой территории происходило весной, когда не мог быть нанесен ущерб новому урожаю. Наконец, трудно представить, чтобы, поддерживая местное население в переходе под московскую власть, воеводы стали бы жечь и разорять вновь присоединенные города и села. Отказ Ивана III от предложений Менглы-Гирея объясняется не указанной им

¹ Вернувшись несколько позже в Крым ширинские мурзы рассказали, что встретили царевичей в Черном лесу на пути к Киеву. Трое ширинских мурз привезли с собою 5 тысяч «голою» холода, который они захватили во владениях князя Острожского и у города Луцка (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 323).

² Там же, стр. 330.

³ Иван Мамонов выехал в Крым 29 сентября 1500 г. Новый список речей и наказ, взамен данных Ивану Мамонову, были посланы с Михаилом Плещеевым 7 октября.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 338.

причиной, а налицем собственного плана действий, преследующего более крупные военно-политические результаты.

Рассчитывая в начале зимы, — «по первому пути», — возобновить наступление на Смоленск, Иван III предлагал Менглы-Гирею следовать по направлению Слуцк—Туров—Пинск—Минск. Силы Александра Казимировича оказались бы тогда под угрозой ударов с двух сторон: «А отселе великого князя воеводы в Литовской земле, ино царю помочь; а оттоле, ино царь великого князя воеводам помочь». При этом Иван III предвидел соединение союзников. Посол Иван Мамонов должен был сказать Менглы-Гирею: «и ты бы, господине, приказал своим людям — где съедутся со государя нашего люди, ино бы от твоих людей государя нашего людям ляха никоторо не было»¹.

План военных действий Ивана III обладал большими преимуществами по сравнению с предложением Менглы-Гирея. Занятие Кисва, помимо тягостного для населения разорения Правобережья, не создавало бы непосредственной угрозы для коренных земель великого княжества Литовского и не затрагивало бы основные военные ресурсы Александра Казимировича. Между тем, приближение московских войск к польско-литовской границе могло вывести из бездействия польскую шляхту и ускорить вступление в войну Яна Альбрехта. Наоборот, было достаточно оснований предполагать, что после поражения на р. Ведроше Александр Казимирович приложит все усилия к пополнению остатков разбитого войска и к защите Смоленска.

Однако наступление большими силами к Смоленску в течение осени и зимы 1500—1501 г. не удалось осуществить. Позже, в марте 1501 г. Иван III сообщил Менглы-Гирею о причинах, побудивших отложить этот поход: «А к Смоленску, господине, воевод с людьми не посылал того дела, что снега выпали велики, да и корму коньского от Смоленска мало, не на чем многим людям стоять городов доставати»². Но дело, повидимому, заключалось не только в многоснежной зиме.

В связи с отказом от наступления на Смоленском направлении для Менглы-Гирея отпадала и необходимость далеко углубляться в Литовскую землю. Действия его в 1500 г. носили поэтому ограниченный характер, хотя и причиняли большие неприятности и польскому королю и литовскому великому князю.

3

Занятие Иваном III Северского и Стародубского княжеств и последовавшая затем гибель почти всего литовского войска на р. Ведроше вызвали полную растерянность и панику в пра-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 317.

² Там же, стр. 343.

вительственных кругах великого княжества Литовского, о чем можно судить по грамотам Александра Казимировича к Менглы-Гирею и в Большую Орду.

Летом 1500 г. «на оспожни день» к Менглы-Гирею прибыл литовский толмач Берендей с предложением от имени Александра Казимировича восстановить старые дружеские отношения, существовавшие между Хаджи-Гиреем и королем Казимиром. В своем обращении к хану Александр Казимирович старался представить всю опасность дружбы с таким, по его словам, вероломным союзником, каким являлся московский государь. «А он што я братья своей роженой поделал также через присягу, и какую их смертью уморил, и иным соседом своим, то завсегда он чипит»¹. В заключение Александр Казимирович обещал послать в Крым «великого посла» с «великими впомянки». Посылка толмача Берендея преследовала цель дипломатической разведки. Поэтому в данной ему «памяти» не содержалось никаких определенных предложений, кроме общего заявления о желании установить дружеские отношения. Вполне понятно, что в Москве были встревожены появлением в Крыму литовского посла. Хотя Менглы-Гирей в начале сентября 1500 г. прислал к Ивану III с возвращавшимися в Москву татарами великого князя списки с литовской «верующей» грамоты и паказа Берендея, но в Москве не были уверены ни в постоянстве самого Менглы-Гирея, ни в результатах литовского влияния на крымскую знать. Правда, первые известия из Крыма были вполне успокоительными. Иван Кубенский писал с теми же татарами, которые привезли списки с посольства Берендея, что Менглы-Гирей не хочет отпускать литовского посла до тех пор, пока не получит ответа от великого князя². Однако, не дождавшись ответа из Москвы, хан отпустил Берендея «о покрове», т. е. около 1 октября 1500 г. и вместе с ним отправил к литовскому великому князю послом своего человека Екибаша, а «велел быти царь (т. е. Менглы-Гирей) у себя литовским послом быти и опас им дал». Кроме того, отдельного посла Менглы-Гирей отправил к польскому королю³.

В Литовской метрике сохранился наказ Александра Казимировича киевскому воеводе князю Дмитрию Путятичу, отправленному послом в Крым. Наказ датирован 27 ноября 1500 г. В заглавии наказа стоит следующая надпись: «Та размова має быти воеводе Киевскому князю Дмитрию Путятичу з Мендлы-Гиреем парем Перекопским, в тасмпицы, оиروح князей и вланов». Литовский посол, повторяя прежние обвинения по

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 330—332.

² Там же, стр. 333.

³ Донесение об этом было послано в Москву Иваном Мамозовым и получено в Москве 23 июля 1501 г. (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 355).

отношению к Ивану III, должен был убедить хана в существовании непреодолимых противоречий между интересами Москвы и Крыма. Напоминая то старое время, когда Русь была порабощена Золотой Ордой, Александр Казимирович писал: «А хто перед тым твоим предком холопом ся писывал, тот ныне тебе вже братом ся называет». Но холоп, освободившийся от власти своего господина, не может ему желать добра. Если московский государь, предки которого были холопами предков Менглы-Гирей, овладеет литовскими городами и станет близким соседом Крыма, — пусть сам хан рассудит, может ли он быть спокоен в своем царстве: «заныже каждый холоп, коли веремя возмет над своим господарем, не может николи добра ему мыслити, нижели все злое хочет ему вчинити, так как бы опять в руки своему господарю не впал в тож холопство». После этого ругательства и небольшой паузы литовский посол должен был перейти к конкретным предложениям. Александр Казимирович предлагал платить ежегодную дань в Крым по три деньги с человека со всех своих людей, а также княжеских, панских и боярских, в Киевской, Волынской и Подольской землях. Александр Казимирович соглашался выделять хапу и часть Путивльской дани, если Менглы-Гирей поможет ему обратно отобрать этот город, занятой московским великим князем. Предвиделся и вопрос о сношениях между Александром Казимировичем и «Ахматовыми детьми». Литовский посол должен был уверить хапу, что литовский великий князь сносился с сыновьями Ахмата по традиции старой дружбы, существовавшей между их отцами, и что эти сношения были не «на лихо» Менглы-Гирею. Но если Менглы-Гирей заключит союз о дружбе с литовским великим князем, то последний готов больше своих послов в Заволжскую (Большую) Орду не посылать и всякие отношения с ней прекратить. Основная цель этого посольства к Менглы-Гирею заключалась в привлечении его к союзу против Ивана III¹.

Около этого же времени был составлен наказ для посольства в Большую орду к Ших-Ахмату. Александр Казимирович выражал благодарность и полное удовлетворение по поводу готовности Ших-Ахмата со всеми своими силами выступить против общего неприятеля, Менглы-Гирей, и заключить союз с Ногайской Ордой. По словам этого наказа Менглы-Гирей сам добивался быть «в братстве и в приязни» с литовским великим князем подобно тому, как это было при короле Казмире и Хаджи-Гирее. Но Александр Казимирович убедился в том, что Менглы-Гирей «ест неправдивый человек», поэтому он и не послал к нему своего посла. Однако Александр Казимирович советовал Ших-Ахмату идти не против Менглы-Гирей, а против московского

¹ Литовская метрика, кн. VI, Акты Западной России, т. I, № 103.

великого князя, после победы над которым легко будет справиться и с крымским ханом. Литовский великий князь торопил Ших-Ахмата идти со своими союзниками «по украинь» московского великого князя: «и с которое стороны мел бы ты потягнути на его землю, а с которос мы; и з божьею помощью, тогда дела своего лашпей доведешь, по воли своей; как сам одно похочешь, а холопа своего сказниш»¹.

Таким образом, одна из целей дипломатических усилий Александра Казимировича в конце 1500 г. стояла в сплочении всех южных татарских ханств, ногаев, Большой Орды и Крымской Орды против Москвы. В случае необходимости Александр Казимирович готов был даже пожертвовать «Ахматовыми детьми» ради привлечения к союзу Менглы-Гирея.

Другим, также важным участком дипломатической борьбы между Москвой и Вильной была Молдавия. И в Польше и в Литве еще была свежа память о страшной Сучанской катастрофе, сильно поднявшей политический и военный авторитет господаря Стефана. Не случайно Александр Казимирович в переговорах с Иваном III называл Молдавию южными воротами в Восточную Европу; в возможностях Стефана было открыть их для вторжения на север долиной Днестра.

Александр Казимирович стремился воспользоваться охлаждением между Стефаном и его «сватом» Иваном III, наступившим в связи с вопросом о престолонаследии и опалой, постигшей Елену «молдаванку» и ее сына Дмитрия Ивановича. В Литовской метрике сохранился список с посольства дьяка Александра Казимировича Богуша к господарю Стефану. Из содержания посольских речей следует, что раньше этого посольства Александр Казимирович посылал к господарю своего посла с жалобой на нарушение Иваном III «докончания» и «крестного целованья»: московский великий князь «люди свои мощно въслал в нашу землю, замки знаменитыи и волости наши побрал и посел...» В ответ на эти жалобы господарь Стефан послал в Москву своего посла, который вернулся обратно, не добившись у московского великого князя никаких результатов. В нашей летописи есть известие о приезде в 1500 г. в Москву «волошского» посла наместника Хотина Федора Исаева. Очевидно, в своей жалобе на захват Иваном III «знаменитых замков» и волостей, Александр Казимирович имел в виду занятие московскими войсками Северского и Стародубского княжеств. В дальнейшем своем обращении Александр Казимирович указывал на новые приготовления московского великого князя к войне: «и слухи нас еще тыи доходят оттуль, з его земли, ижь весь вьке в-готове и людем своим всим казал готовым быти, а того перестати не хочет». Последнее

¹ Литовская метрика, кн. VI, Акты Западной России, т. I, № 184.

указание может быть отнесено к подготовке похода главных сил великого князя к Дорогобужу, который привел к битве на р. Ведроше. Поэтому посольство Богуша может быть датировано концом мая — концом июня 1500 г.¹

Александр Казимирович не преминул напомнить господарю Стефану то оскорбление, которое ему нанес Иван III, посадив в заключение его дочь и внука: «А о дочку твою и о внука твоего твои послы твоей милости ширей поведят, в какой почтливости их ховает». Основная цель посольства заключалась в привлечении господаря Стефана к союзу против московского государя. В случае согласия Александр Казимирович, с своей стороны, предлагал оказывать господарю помощь на его «пригоду и потребу» против всякого его неприятеля.

В сохранившемся ответе Стефан подтверждал полный неуспех своего посольства в Москву насчет примирения Александра Казимировича с Иваном III, и подробно излагал те обвинения в нарушении «докопчания», которые Иван III предъявлял литовскому князю. «Про тож, естли ваша милость так чинила, — говорил Стефан, — ваша милость делайте, яко знаете, как межи вас докопчанье было». Впрочем, Стефан не отказывался от дальнейшего посредничества и сообщал, что вместе с возвращающимся московским послом он отправляет в Москву и Литву своего посла Костю дьяка — «ради тож пригоды вашей милости». Для такой же «пригоды» был отправлен другой посол в Крым к Менглы-Гирею. Однако в своем ответе Стефан совершенно умалчивал о литовском предложении заключить с ним военный союз и принять участие в начавшейся войне между Александром Казимировичем и Иваном III. Литовское посольство не достигло поставленной цели, ибо Стефан предпочитал в данный момент сохранять нейтралитет по отношению к обеим враждующим сторонам.

Одновременно с неудачными попытками Александра Казимировича привлечь Молдавию к союзу против Москвы проходили переговоры между Стефаном, Иваном III и Менглы-Гиреем. В августе 1500 г. Иван III писал Менглы-Гирею, что послал к Стефану своего «дьяка земского» Микиту (Никиту), а с ним человека «воеводы Стефана» Петра. Великий князь просил крымского хана проводить их до места назначения². В октябре князь Иван Кубенский доносил в Москву, что в Крыму вскоре ожидается молдавский посол³. Новых сведений о нем не поступало

¹ Список посольства Богуша в Литовской метрике не датирован. В издании Актов Зап. России, т. I, № 162 он неправильно отнесен к 1498—1499 гг.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 316.

³ Там же, стр. 333. Это сообщение, видимо, заинтересовало Ивана III, так как он немедленно послал запрос Ивану Мамолову в Крым: был ли посол Стефана и для какой цели он приезжал? (Там же, стр. 339).

до лета 1501 г. В июле этого года Иван Мамонов известил великого князя, что «по велице дни на другой недели» в Крым прибыл гонец Стефана, по имени Качко, с грамотами от своего господаря. Менглы-Гирей показывал эту грамоту Ивану Мамонову, но последний не мог ее разобрать, так как она была написана «по-кагопски», поэтому он передавал ее содержание со слов Менглы-Гирея. По словам последнего, Стефан писал, что «князь великий московский тот нам издалека, а Литовской к нам ближшой сосед; и ты бы с Литовским мир взял». Хан отпустил гонца Стефана вместе со своим человеком с дороги, отправляясь в поход против литовского великого князя. «И он то видел, — говорил Менглы-Гирей московскому послу, — каковы с литовским дружбы хочю». Иван Мамонов далее сообщал, что по собранным им сведениям Стефан находился в мирных отношениях с венгерским и польским королями и обменивался с ними частыми посольствами. Вместе с донесениями Ивана Мамонова к Ивану III была прислана грамота Менглы-Гирея, который в следующем виде изложил свои переговоры со Стефаном: «А присылал ко мне волошской своего человека Качка с грамотою, чтобы ся мне с Литовским помирить. И яз волошского человека отпустил с Четырлыка, да и своего есмь человека послал с ним плохово; а приказал есмь к нему: кто о лживом приказывает, тот сам хочет лгать так: яз хочю с литовским дружбы»¹. Смысл этого ответа, повидимому, заключался в том, что Менглы-Гирей не верил в искренность заявления Стефана о дружбе с литовским великим князем.

За 1498—1502 годы мы располагаем лишь отрывочными сообщениями о московско-молдавских отношениях. Остается многое невыясненным и в поведении господаря Стефана. Несомненно, что в начале войны 1500—1503 гг. Стефан действительно уклонялся от какого-либо участия как на стороне Москвы, так и на стороне ее противников; в эти годы он поддерживал мирные отношения с Литвой, Польшей и Венгрией. На политику господаря значительное влияние должна была оказать общая международная обстановка в южной Европе. Из Рима раздавались настойчивые призывы к организации нового крестового похода против Турции. Возможно, что надежда на освобождение от турецкой зависимости заставляла господаря Стефана сохранять мирные отношения с участниками будущего «крестового» похода против Османской империи. Кроме того, в случае войны с Ягеллонами, обладавшими одновременно тремя коронами, Стефан, вследствие дальности расстояния, не мог рассчитывать на своевременную военную помощь со стороны Москвы. Наконец, между Иваном III и Стефаном продолжалось охлаждение, вы-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 355—359.

званное известным делом о престолонаследии. В период наибольшего раздражения против своего «свата» Стефан задержал возвращавшееся из Италии в Москву посольство Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова. Судя по грамотам Ивана III к Менглы-Гирею, эта задержка была очень неприятна великому князю, так как московские послы везли с собой большое число мастеров различных специальностей, набранных в итальянских городах. Иван III несколько раз обращался к Менглы-Гирею с просьбой послать своих людей к Стефану за московским посольством и велеть его проводить до Перекопа. Летом 1502 г. Иван III писал об этом же к шахзаде в Кафу. Предвидя, что Стефан может не послушаться и сына султана и не отпустит ни задержанных им послов, ни итальянских мастеров, Иван III просил шахзаде добиться отпуска этих людей через султана Баязида. Наконец, великий князь обратился по этому делу к самому Стефану, и также просил Менглы-Гирея тайно переслать грамоты к Дмитрию Ралеву и Митрофану Карачарову¹.

Упорно удерживая московских послов, Стефан в это же время проявлял большое беспокойство по поводу судьбы дочери и внука. Менглы-Гирей говорил в Крыму Алексею Заболоцкому: «писал ко мне Стефан воевода: отпиши ко мне, в животе ли будет моя дочь и внук?». Через некоторое время он вновь обратился с этим же вопросом к крымскому хану: «к тебе от великого князя послы ездят и гонцы гоняют часто; отведывай ми, отнял ли будет у моего внука князь велики великое княжение Московское и дал ли сыну своему, великому князю Василью, великое княжение Московское?». В ответ на эти запросы московский посол в Крыму получил указание давать следующий ответ: «внука был своего государь наш пожаловал великим княжеством, и он да и мати его великаа княгина Алена перед государем пруступили, не по пригожу учинили; и государь наш, за ту их проступку, у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжества сына своего великого князя Василья»². Даже в начале 1503 г. Стефан все еще продолжал колебаться в вопросе об отпуске задержанного московского посольства и запрашивал Менглы-Гирея о судьбе дочери и внука³. На настояния Менглы-Гирея Стефан отвечал: «у моей дочери сына князь велики Иван его поймал и княжение у него отнял; и нынеча тех людей великого князя Ивановых не отпущу...»⁴

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 424—429.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 440.

³ Там же, стр. 470. В качестве одного из предлогов к задержанию Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова господарь Стефан указывал на то, что будто бы московские послы были должны ему 107 644 оттоманских денег.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 472.

Только 9 июля 1503 г. Ралев и Карачаров, после почти трехлетнего вынужденного пребывания у господаря Стефана¹ вместе с мастерами прибыли в Крым. Однако и в Крыму надежда на быстрое возвращение в Москву не оправдалась. Жалуясь на новую задержку, Ралев и Карачаров, после годового пребывания у Менглы-Гирейя, писали великому князю: «А срок, государь, царь (Менглы-Гирей) учинил нам дватцать донь; а и ныне, государь, еще не ведаем, отпустит ли нас, или не отпустит, едиң бог ведает: занже, государь, переводов много, а правды, государь, нет»². Наконец, только в ноябре 1504 г. Дмитрий Ралев и Митрофан Карачаров вернулись в Москву и привели с собой «многих мастеров»: серебряных, пушечных и стенных³, Менглы-Гирей все же задержал у себя мастера-резца Григория Воренза, вызвав этим поступком неудовольствие великого князя⁴.

Таким образом, планы Александра Казимировича относительно вовлечения Молдавии в войну с Москвой потерпели крушение. Не удалось литовскому великому князю и удержать до конца войны молдавского господаря от враждебных действий против Литвы. Это произошло в конце 1502 г., после того как Александра Казимировича постигли новые серьезные неудачи⁵.

Лучших дипломатических результатов Александр Казимирович добился на севере, в переговорах с магистром Ливонского ордена. Хроника Руссова сообщает, что ливонские сословия «после многократных обсуждений, нашли нужным попытаться счастья и спасения в открытой войне с беспокойным русским и соединились союзом с Александром, великим князем литовским, который был женат на дочери Московита Елене, и этот союз, так как он был направлен против отца его жены, был подтвержден не только припечатанными грамотами, но и личными присягами в том, что они вместе хотели напасть со всем войском на Московита, чему чрезвычайно радовались все литовцы и ливонцы»⁶. Сообщение Руссова о заключении формального союза подтверждается документальными источниками. Начало переговоров следует отнести к маю—июню 1500 г., т. е. ко времени до битвы на р. Ведроше, так как в фондах «секретного архива» г. Кенигсберга хранилась копия письма от 11 июля гохмейстера Тевтонского ордена к ливонскому орденмейстеру по поводу помощи, которую великий князь Литовский просил

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, стр. 479.

² Там же, стр. 519.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 244.

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 558.

⁵ Там же, стр. 451.

⁶ Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. I, стр. 298.

против Москвы¹. Вопрос о заключении союза затем обсуждался на ландтагах Лифляндии и Эстляндии. В архиве Ревельской ратуши хранился протокол совещания Вольмарского ландтага по этому вопросу, датированный 17 января 1501 г. Союзный договор Александра Казимировича с орденмейстером Вальтером фон Плеттенберг, Рйгой, лифляндскими прелатами и владельческими лицами всей провинции, заключенной в Вильпе, датирован 3 марта 1501 г. Переписка между эстляндскими городами; относящаяся к этому времени, также указывает на их активное участие в войне. Таким образом, в военный союз с Александром Казимировичем вступала вся немецкая юго-восточная часть Прибалтики в составе Ливонского ордена, немецких городов и епископских кафедр.

Ливония в данное время в качестве союзника литовского великого князя являлась серьезным противником России. Однако еще большее значение для Александра Казимировича имела бы военная помощь со стороны Польши. Несмотря на заключение в 1499 г. «вечного союза» и обязательства Подыши и Литвы во всех случаях помогать друг другу, король Ян Альбрехт, занятый приготовлениями к обороне против ожидавшегося нападения турок, уstraшенный нападением крымских татар и поглощенный борьбой со шляхтой, не оказал военной поддержки своему брату, великому князю литовскому. Только в январе 1501 г. после переговоров между тремя Ягеллонами, венгерско-чешский король Владислав и польский король Ян Альбрехт направили в Москву отдельные посольства. Венгерское посольство во главе с постельничим короля Матьяшем (Матвеем) Чежелитским прибыло в Москву 9 января, а 14 января было принято Иваном III. В своей речи к великому князю Матьяш повторил обычный аргумент в пользу заключения мира: война причиняет «великий убыток» всему христьянскому миру и грозит христианскую веру «развратити и разорити». Настаивая на немедленном прекращении войны «без всяких зацепок и сил», венгерский посол обошел полным молчанием вопрос об обвинениях, выдвинутых Иваном III в отношении нарушения Александром Казимировичем «докончальных грамот»; зато заключительная часть речи Матьяша носила ультимативный характер: «А за которую вещь твою светлейшее господствие з братом моим, Александром, мир не примет, ино величество королевства брату свосму Александру хочет быти советник и пособник, по силе своей». Иван III совершенно правильно понял это заявление, как объявление войны в случае отказа заключить мир на предъявленных его противником условиях. Однако эта угроза не поколебала решимости великого князя: «...Владислав король

¹ Г. Гильдебранд. Указ. соч., № 433.

брату своему, великому князю Александру, неправому хочет помогати, а мы, уповаа на бога, по своей правде против своего недруга хотим стояти, сколько нам бог поможет; у нас бог помощник и наша правда». Неудачна была также попытка венгерского посла добиться освобождения под присягой литовских пленных или выдачи их на поруки, чтобы «им нужы некоторые не было». Великий князь отвечал, что в его землях «того обычая нет, что пленников пущати на присязе или на поруце, а нужы им некоторые нет, а всего довольно, и питье и одежда».

Во время переговоров с Матвеем в Москву прибыл от Александра Казимировича дворянин Иван Иващенко с сообщением, что литовский посол ожидает в Смоленске посла короля Яна Альбрехта, который «повмешкал за некоторыми делы»; и оба они вскоре придут в Москву. Ивана Иващенко задержали на две ночи в Хорошеве, пока великий князь вел переговоры с венгерским послом. 21 февраля оба посла, литовский пан Станислав Нарбут и польский пан Олехна, приехали в Москву.

Формально Ян Альбрехт предлагал себя в посредники между Иваном III и Александром Казимировичем; он обещал, что в случае, если виновником ссоры и войны окажется Александр Казимирович, он будет отдан «на управление» московскому великому князю; в противном случае таким же условиям должен был подчиниться московский великий князь. Но в то же время польский король заявлял, что именно московский великий князь «посел», т. е. захватил, «отчины» Александра Казимировича, которые должен возвратить ему обратно. В полном противоречии с ролью посредника польский король угрожал Ивану III войной не только в союзе с литовским великим князем, но и в союзе с «поганством». Длинная речь литовского посла Станислава Нарбута содержала полное отрицание всех тех обвинений в нарушении заключенных договоров, которые предъявлял своему зятю Иван III. По мнению Александра Казимировича, вина за пролитие «крови христианской» всецело падала на московского великого князя, от людей которого «почалися становити великие кривды в землях, и в водах, в татбах, в разбоях, и в иных во многих речех».

Ответ великого князя был сообщен послам через шесть дней после официального представления. В нем вновь подробно разбирались все случаи нарушения Александром Казимировичем принятых обязательств. Польскому послу, как раньше послу венгерского короля, великий князь заявлял о своей готовности продолжать стоять за правое дело и в том случае, если польский король решит «неправому» помогать. Но самым существенным в ответе являлся вопрос о занятых московскими войсками городах и волостях. Великий князь категорически заявил, что эти земли являются «из старипы» его «отчиною». Поэтому присоеди-

нение их к Москве являлось обязательным условием для заключения мира. Иван III указал, что он стремился к «миру и добрым смолвкам» со своим зятем при условии удовлетворения его требований — «как нам будет пригоже». Таким образом, польские и литовские послы должны были понять, что война внесла такие изменения в положение враждебных сторон, которые делали невозможным возвращение к прежним отношениям между ними. Хотя московские требования не были еще ясно определены, но в ответах Ивана III уже содержались те главные положения, которые предполагалось положить в основу для заключения мира. Вполне понятно, что при этих условиях совершенно отпадало предложение послов передать вопрос о виновниках войны на рассмотрение посредников, в качестве которых предлагались родные братья Александра Казимировича.

Выслушав ответ великого князя, польский и литовский послы предложили продолжать переговоры путем присылки «великих послов» от королей венгерского и польского и великого князя литовского: «и коли панове рада государей наших у государи вашего будет да с вашего государя радою размолвят о тех делах и уразаумеют». В виду дальности расстояния до Польши и Венгрии они просили заключить перемирие до приезда «великих послов»: «и государь бы ваш приказал своим украинником, чтобы до послов брата своего и зятя, великого князя Александра, украинцам зацепки не чипили».

Иван III дал согласие на приезд «великих послов» и на установление обоюдного перемирия до их прибытия¹.

Таким образом, задуманная внушительная демонстрация трех Ягеллонов, стоявших во главе четырех государств, успеха не имела. В Москве с полным спокойствием отнеслись к угрозе выступления на помощь Александру Казимировичу его братьев, Яна Альбрехта и Владислава. В этой угрозе, вероятно, увидели лишь доказательство слабости противника.

Интересным эпизодом в этой дипломатической борьбе являются частные переговоры между земским маршалком и трокским воеводой Яном Заберезинским и боярином Яковом Захарьиным. Ян Заберезинский воспользовался посольством Станислава Нарбута для передачи письма Якову Захарьину, которого он раньше знал в качестве наместника великого князя в Новгороде и Пскове. В первом письме Ян Заберезинский предлагал своему московскому «приятелю», чтобы каждый из них «радел» своему государю в деле заключения мира. Яков Захарьин в ответном письме отводил обвинения от своего великого князя в нарушении мира и сообщал о миролюбивых желаниях как своего государя, так и его «рады». С этим письмом Яков Захарьин отправил

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 300—325.

в Вильно с возвращавшимся литовским посольством своего «человека» Михаила Коростелева. «Память», данная Яковом Захарьиным Михаилу Коростелеву, содержала обширную программу сведений военно-политического характера, которые ему поручалось собрать в Литве. Михаил Коростелев должен был узнать: «есть ли ныне у великого князя (Александра Казимировича. — К. Б.) прибылые люди желнери, и колко в котором городе, и какие люди, конные ли, пешые ли, и чают ли отколе прибылых людей, от братья от его, от угорского короля и от полского чают ли ему помочи, и что у них слух в земле. каково их дело?». Кроме того, он должен был узнать имена убитых па войне литовских панов («именных людей»), а также собрать подробные сведения о действиях турок и крымских татар в польских и литовских землях и о посольских сношениях между Крымом и Литвою. Таким образом, главной задачей посылки Михаила Коростелева являлась военно-агентурная разведка. Она была особенно необходима в данное время, ибо вследствие прекращения сношений между Иваном III и Еленой Ивановной не было других путей для получения нужных сведений.

Михаил Коростелев вернулся в Москву 2 мая 1501 г. вместе с человеком Яна Заберезинского, вручившим Якову Захарьину новое послание от трокского воеводы. Основной мотив этого послания заключался в утверждении, что обвинение великого князя литовского в нарушении данных им обещаний и в притеснении в делах веры Елены Ивасовны и православного населения были вызваны клеветой «лихих людей», «зрадцев» (изменников), к числу которых принадлежали внук Дмитрия Шемяки и сын Ивана Можайского. Отцы их «втекли» к литовскому великому князю, а дети обратно «втекли» в Москву. «Ино того и посмотри, — писал Ян Заберезинский, — хто се зде неверно служыл, так ему приехавшы как добро говорят? Ведь то ему и говорити, с себе складываа, а межи государей нежытба хотя, штобы за государскую невзгодою и пежытьем сам прожыл».

В ответном послании Яков Захарьин уведомлял трокского воеводу, что ему очень хорошо знакомо «докопчание государское», на котором великий князь Александр «крест целовал» — «а ты, папе Яне, сам на том деле был и то дело от вашего государя все не по тому ссталося». Теперь же существуют новые доказательства в пользу справедливости обвинений великого князя литовского в неисполнении договоров, так как это подтвердили сами паны радные, находящиеся в московском плену.

С ответным посланием был вновь отправлен в Литву Михаил Коростелев; но на этот раз его обратно не выпустили¹. Переговоры между Москвой и Вильно о заключении мира прервались

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 327—331.

почти на полтора года, до августа 1502 г. Вступление Ливонского ордена в союз с великим князем литовским и избранце Александра Казимировича после смерти брата на польский престол изменили политическую обстановку в благоприятную сторону для противников Ивана III.

Вполне понятно, что ответы Ивана III польскому и литовскому посольствам не дают ясного представления ни об его отношении к этому посольству, ни о его политических и военных планах. Иван III был достаточно опытным дипломатом для того, чтобы не раскрывать своих действительных намерений. Благодаря крымским посольским делам, относящимся к первой половине 1501 г., мы имеем некоторую возможность ознакомиться с ними. Всего через несколько дней после отъезда из Москвы пана Олехна и пана Станислава Нарбута в Крым был отправлен послом князь Федор Ромодановский¹. Сообщая своему союзнику о мирных предложениях Александра Казимировича, Иван III заверял хана о своем твердом решении не заключать мира, причем в качестве главной причины он указывал на связь литовского князя с «Ахматовыми детьми». Свой отрицательный ответ литовскому посольству Иван III выразил так: «присылаешь к ним о миру, а к нашим недругом к Ахматовым детям посылаешь, а наводишь их на моего брата на Менгли-Гирея царя и на нас; и мне с тобою какой мир?» Во время переговоров в Москве с польско-литовскими послами, среди обвинений, предъявленных Александру Казимировичу, вопрос о враждебных для Москвы и Крыма сношениях литовского великого князя с Ордой «Ахматовых детей» отнюдь не представлял собой *casus belli*. Допуская эту умышленную неточность и выставляя себя в глазах крымского хана верным союзником и защитником его интересов, Иван III мог настаивать на точном соблюдении ханом заключенного между ними договора. Он сообщал Менгли-Гирею о своей готовности весной послать в Литовскую землю воевод «со многими людьми», отпустить «на дело» своих детей и самому, — «оже даст бог», — отправиться в поход. Поэтому пусть и Менгли-Гирей либо сам сядет на коня и со своей ратью пойдет в Литовскую землю, либо, если по каким-либо причинам сам не пойдет, пусть пошлет своих детей².

Федору Ромодановскому не удалось благополучно достигнуть Крыма. На р. Орелл (Орле) он подвергся нападению азов-

¹ Польско-литовское посольство выехало из Москвы 4 марта, а Федор Ромодановский отправился в Крым 11 марта 1501 года.

² В этом предложении Ивана III нельзя не видеть отражения старой формулы военного союза: «А где ми буде... пойти на рать... вести ти с нами самому на конь без хитрости; а пошлем воевод, и тебе и своих воевод послати».

ских и ордынских татар, числом в 140 человек ¹. Татары взяли его в плен с 13 людьми и захватили лошадей и товаров («всякой рухляди») по общей оценке на 1000 рублей. Пленные были приведены в Азов, где Федор Ромодановский был выкуплен за 70 рублей послом шахзаде Алакозом ². Федор Ромодановский поэтому с большим запозданием прибыл в Крым и только около 19 июня ³ догнал Менглы-Гирея за Перекопом на Арыше и по наказу сообщил ему все то, что было приказано великим князем.

Первые известия о несчастии, постигшем Федора Ромодановского, были получены в Москве 3 мая. 25 мая к Менглы-Гирею была послана новая грамота со служилыми татарами великого князя. В отличие от наказа Федору Ромодановскому, Иван III мог сообщать более определенные сведения о начавшихся военных действиях. К этому моменту в Литовскую землю уже были посланы воеводы с ратными силами, а князьям Семену Стародубскому и Василию Шемячичу и другим князьям и «всем людям украинным» было велено «со всех сторон» воевать Литовскую землю. Кроме того, Иван III сообщил о своем намерении послать «больших воевод», своих сыновей и самому выступить в поход. Менглы-Гирею вновь предлагалось направиться к Киеву, Слуцку, Турову, Пинску и Минску. Из этого следует, что главной целью наступления являлся Смоленск. Действия «украинных людей» со стороны Чернигова, Стародуба и других городов Северщины, очевидно, должны были носить демонстративный характер с целью отвлечения литовских войск от Смоленска. Придавая большое значение согласованности действий между крымской конницей Менглы-Гирея и московскими войсками, Иван III просил хана сообщать ему, в какие места он намеревается пойти, а также посылать об этом весте князьям Семену Стародубскому и Василию Шемячичу и воеводам великого князя, находившимся в Литовской земле ⁴.

Несчастье с Федором Ромодановским привело к тому, что Менглы-Гирей выступил в поход только около середины июня. На «речи» Федора Ромодановского он отвечал: «видишь сам, всел есми на конь, а иду па брата своего дело и на свое». Менглы-Гирей сказал о своем намерении идти к Киеву, Луцку и Пинску, но узнал от захваченных «языков», что хан Ших-Ахмет соединился с ханом Сеид-Мухаммедом, и потому они направились к Дону, чтобы на острове поставить крепость. Менглы-Гирей поэтому решил также направиться к Дону и также поставить крепость на берегу реки ⁵.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 377.

² Там же, стр. 407.

³ «За десять деп до Петрова дни» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 359).

⁴ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 347—349.

⁵ Там же, стр. 359.

Выступление Большой Орды к Дону, несомненно, явилось результатом тех переговоров, которые в течение осени и зимы 1500—1501 г. велись между Александром Казимировичем и «Ахматовыми детьми». Вряд ли можно поверить сообщению Менглы-Гирей, будто Орда намеревалась идти на соединение с литовским великим князем. Появление такого союзника на государственной территории Литвы дорого обошлось бы великому княжеству. Кроме того, с уходом ордынских татар из степной территории устранялась угроза южным порубежным русским городам, и Менглы-Гирей получал полную свободу действий. Наоборот, остановившись на Дону у устья Медведицы или у Тихой Сосны, «Ахматовы дети» могли угрожать как Крыму, так и южным русским городам. Во всяком случае основная цель выступления Большой Орды была достигнута: Менглы-Гирей принужден был прервать предполагавшийся поход в Литовские земли и до августа не мог оказать никакой существенной помощи своему союзнику.

4

Новым серьезным фактором в ходе войны явилось выступление на стороне Александра Казимировича Ливонского ордена и ряда немецких городов в Прибалтике. Переговоры Александра Казимировича с немцами о заключении союза были, повидимому, закончены к началу марта 1501 г. По сведениям Рюссова, автора Ливонской хроники, существовал план нападения на русских соединенными силами магистра и великого князя литовского. Когда же магистр со своими войнами и вассалами («друзьями») Ордена прибыл в назначенное место и стал лагерем, то ни один литовец не прибыл. Рюссов объясняет это смертью короля Яна Альбрехта и отъездом Александра Казимировича в Польшу для получения короны¹.

Военные действия ливонских немцев начались еще весной 1501 г. 2 мая фогт города Нарвы сообщил в Ревель, что он вместе с вассалами и нарвскими гражданами произвел нападение на русскую территорию, но потерпел неудачу и понес значительные потери. Поэтому он просил о скорейшей присылке вспомогательного войска². Повидимому, в данном случае речь шла о попытке овладеть Ивангородом.

Однако более или менее крупных действий со стороны Ливонии до августа не предпринималось. Было ясно, что Орден в данном случае отказался от своей обычной тактики внезапного вторжения отдельными отрядами в псковские или новго-

¹ Хроника Рюссова, стр. 298.

² Г. Гильдебранд. Отчеты о рывскациях, произведенных в Римском и Ревельском архивах, СПб., 1877, стр. 66, № 434.

родские земли. Главная причина, нужно предполагать, заключалась в том, что русская сторона была вполне готова к отражению нападения; сосредоточение крупных московских войск на северозападном рубеже заставляло магистра действовать с большой осторожностью.

По разрядной книге 1501 года устанавливается, что еще в апреле Иван III назначил воевод по полкам, посланным в литовскую землю. Воеводой большого полка был назначен князь Данила Александрович (Пенков?), а вторым воеводой — князь Михаил Карамыш Курбский; передовым полком командовал князь Василий Шуйский-Немой; полком правой руки — Иван Борисович Бороздин; полком левой руки — Петр Борисович Бороздин. Судя по этим назначениям, по отсутствию «больших воевод», которым обычно поручались крупные действия, можно заключить, что данному соединению войск в ходе предполагавшихся операций предназначалась второстепенная роль. Главные силы были сосредоточены в районе Твери, куда был отпущен сын великого князя Василий Ивапович и с ним первый воевода — князь Данило Васильевич Щеня. 14 мая новгородским наместникам в случае наступления литовцев — «каково будет дело от Литвы», — было велено идти с ратными силами в Тверь на соединение с великим князем Василием. В случае же нападения немцев, — «каково будет дело от немец», — во главе большого полка был поставлен наместник Иван Лобан Андреевич Колычев. «Да Лобану же написано в речи: каково будет дело от немец, (и) пойдет он на великого князя дело, а посмотри по делу пригоже будет взять с Орешка наместника князя Володимера Туреню, а с ним с Корелы наместника Ивана Пужбалского; — и Лобану их с собою взять, и велети им быть с собою в воеводах в полках, в котором полку пригоже; а другой бы наместник Юрья Сабуров был в Кореле с кореляне и з земцы. А будет с Корелы и из Орешка наместников не пригоже взять, и Лобану тех наместников с собою не имати».¹ Приведенные распоряжения на случай военных действий позволяют до известной степени представить, как в Москве смотрели на военную обстановку ближайшего времени. После совместного выступления трех Ягеллонов в Москве не могли не считаться с возможностью оказания реальной военной помощи литовскому великому князю со стороны короля Яна Альбрехта. В Москве не могли также не знать о готовившемся соединении войск великого магистра с войсками Александра Казимировича. С другой стороны, намерения Менглы-Гирея и характер его участия в войне к маю все еще не были выяснены. Поэтому немедленный поход под Смоленск, до выяснения сил противников и их образа действий,

¹ П. М. П л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 28—29.

становился рискованным. Сосредоточение главных сил московских войск в районе Твери указывает на то, что в Москве выжидали прояснения общей обстановки и вместе с тем предвидели возможность вторжения неприятеля в северную часть порубежной территории. Сосредоточение войск в районе Твери давало возможность относительно быстро перебросить их как для защиты Новгородско-Псковской области, так и в направлении на Ржев — Великие Луки.

Смерть Яна Альбрехта, последовавшая 17 июня 1501 г., помешала намеченному плану соединения Александра Казимировича с великим магистром; вставал чрезвычайно важный для обоих государств, Польши и Литвы, вопрос о его преемнике и возобновлении династической унии. Военные неудачи предшествующего года в связи с неуступчивостью Ивана III в дипломатических переговорах значительно усилили в Литве сторонников династической унии с Польшей путем избрания на польский престол Александра Казимировича. Момент для этого был очень благоприятный, так как и польская шляхта также опасалась успеха Ивана III. Предварительно вопрос об унии обсуждался на литовском сейме в Городне, который в конце августа для поддержания кандидатуры Александра и заключения унии отправил полномочных послов на Петроковский сейм¹.

По условиям унии, разработанным польскими и литовскими представителями еще до формального избрания Александра, оба государства должны быть неразлучными «в счастье и несчастье» и иметь одного государя, который избирается в Польше на общем польско-литовском сейме. Прежние договоры, заключенные Польшей или Литвой, должны были иметь обязательную силу для каждой стороны. В ожидании избрания на польский престол, Александр Казимирович вместе с частью панов рады и различными урядниками великого княжества заблаговременно прибыл в Мельник, вблизи польско-литовской границы. 23 октября 1501 г. Александр Казимирович подтвердил присягой новозаключенную унию. В великое княжество он вернулся только в середине лета 1502 г.²

Эти события подтверждают сообщение хроник Руссова о том, почему Александр Казимирович не прибыл в назначенное место для соединения с войсками великого магистра. Повидимому, после смерти Яна Альбрехта литовская шляхта, рассчитывая на избрание своего великого князя польским королем и на помощь со стороны польской шляхты, не склонна была предпринимать крупных военных действий против московских

¹ М. Любавский. Литовско-русский сейм, стр. 143—144.

² Там же, стр. 144—145.

войск. Рюссов с горечью замечает, что «ни один литовец не ополчился на войну» и что «ливонцы подверглись большой неприятности, будучи оставлены союзником и слишком слабы одним противиться московиту». Тем не менее Вальтер фон Плеттенберг выступил в поход в Россию «совместно с другими сословиями страны» «в четверг после Варфоломея», т. е. в августе ¹. По тем же сведениям он имел 4 тысячи всадников, «порядочное количество ландскнехтов и крестьян и несколько полевых орудий».

Сведения Рюссова могут быть уточнены и дополнены по Псковской летописи. Как и прежде в подобных случаях, началу враждебных действий Ордена предшествовало задержание русских купцов: «Того же лета (7009) прияха немцы гостя псковьскаго, 25 учанов с товаром и людеи пол 200, не зная крестного целованья». Посланный по поводу этого насилья посол от Пскова в Юрьев был задержан. Такими же безрезультатными были два следующих посольства от Пскова и посольство от Новгорода; захваченный товар был перевезен в Юрьев, а гости — посажены в «погреб», т. е. тюрьму. Тогда псковичи отправили гонца в Москву, чтобы «князи великии явились отчину свою боропити от немец». В августе Иван III прислал в Псков князя Василия Васильевича Шуйского со своими людьми, новгородскими помещиками и «со всею ратною приправою». Через неделю прибыл другой воевода, князь Данила Александрович Пенков с тверичами и «со всею силою своею» ².

Бездействие присланных воевод с войсками, кормившихся за счет местного населения, вызвало недовольство среди псковичей, роптавших, что воеводы «в землю Немецкую не идут без государева повеления». Псковский наместник после совещания с посадниками, боярами и псковичами на вече, послал, одного за другим, двух гонцов в Москву с жалобой на государевых воевод, что «немцы жгут и грабят и головы секуть и живых ведут в свою землю». Второй гонец вернувшись обратно всего через 10 дней с приказанием от великого князя к воеводам «воевати Немецкую землю». Первый «стяг» выступил в поход 22 августа, а другие «стяги» — на второй день.

Среди отправившихся в поход воевод Псковская летопись называет: псковского наместника князя Ивана Ивановича Горбатого Суздальского с псковичами, князя Данила Алексан-

¹ Хроника Рюссова, стр. 298.

² Псковская 1-я летопись, стр. 84—85. Псковский летописец с сокрушением отметил «проторы», папесенные псковичам трехнедельным пребыванием этого войска в Пскове. На содержание его ежедневно расходовалось: 100 зобниц, 100 стогов сена и 25 руб. на хлеб и калачи. Эти сведения дают возможность составить некоторое представление о численности войска. Считая псковскую зобницу в 14 пудов, а суточную дачу овса в 10—12 фунт., можно установить, что 100 зобниц могло прокормить 5000—5500 лошадей.

дровича Пенкова, наместника новгородского князя Василия Васильевича Шуйского — с новгородскими помещиками и своими людьми и тверских воевод Ивана и Петра Борисовичей — с тверичами. Кроме того, рать из «добровольных людей» отдельно отправилась на ушкуях и ладьях водным путем, очевидно, на Чудское озеро, но, не совершив ничего, без потерь возвратилась обратно¹.

Выход воевод из Пскова 22—24 августа почти совпадает со временем, указанным Руссовым для выступления Вальтера фон Плеттенберга. По сообщению Руссова, магистр вскоре встретился с 40 тысячами русских, из которых «он много убил и других обратил в бегство, и гнал за ними около трех миль и отнял у них весь их обоз, а из своих людей понес не особенный урон»². Наиболее подробный рассказ об этом сражении, закончившемся неудачей для русских, находится в Псковской 1-й летописи. Она сообщает, что псковский наместник князь Иван Иванович Горбатый с воеводами великого князя и с псковичами 27 августа «наехали силу немецкую» в 10 верстах за Изборском на р. Сериде. Первыми вступили в бой псковичи: «и начаша псковичи с немцы битися не мал час, и ту падоша псковичь 20 человек, а пемец и чюди бес числа». Однако, когда подошли главные силы обеих сторон, положение изменилось. Немцы «напустиша буртальники³ немецкий ветр на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пищалей. И (не) бысть пособие божие псковичам, и убиша на первом ступе Ивана Теншина посадника псковского, и побегоша первое псковичи, и они погани на вернуша на московскую силу пушками и пищальми, и бысть туча велика, грозпа и страшна от стуку пушечного и пищального, и по том москвичи побегоша...». В Воскресенской летописи неудача объясняется неожиданностью нападения немцев: «не успели въезды великого князя вооружитися». В числе погибших указан воевода Ивал Борисович Бороздин, убитый выстрелом из пушки⁴.

Объединяя известия Псковской 1-й и Воскресенской летописей, картина сражения на р. Сериде представляется в следующем виде. Передовой полк («стяг»), состоявший из псковичей, наткнулся на немцев и завязался бой, который в начале протекал благоприятно для русских. Увлечшись успехом, псковичи, видимо, дали себя заманить на скрытно расположенную засаду и неожиданно подверглись обстрелу из пушек и пищалей. Среди псковичей возникло замешательство, которым воспользовались немцы, чтобы напасть на подошедшие и неподготовившиеся

¹ Псковская 1-я летопись, стр. 85.

² Хроника Руссова, стр. 298.

³ Псковская 1-я летопись, стр. 85—86.

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 241.

к бою остальные части русских войск. При этом был захвачен русский обоз. Воеводы беспрепятственно отступили к Пскову ¹.

Рюсов изображает это сражение как большую победу великого магистра над главными силами русских, численность которых он определяет в 40 тысяч человек. Как мы видели, нет решительно никаких оснований доверять этому сообщению историка Ливонского ордена. В Псков Иваном III были посланы вспомогательные отряды, не превышавшие по данным суточного расхода 5—6 тысяч воинов ². «Большие воеводы» (Данила Васильевича Щепя, Яков Захарьин) в этих действиях участия не принимали. Основные ратные силы, собранные в районе Твери, были использованы и, повидимому, оставались на старом месте. Наши летописи дают если не точные, то правдивые сведения о потерях. В данном случае Воскресенская летопись сообщает, что немцы убили лишь «немногих людей».

После сражения на Серце немцы попытались овладеть Изборском, но потерпели неудачу ³. Отсюда они пошли к р. Великой у Колбежицы, к бродам на Завелицкую сторону, опустошая по дороге окрестную территорию. Опасность, нависшая над Псковом, побудила псковского наместника с посадскими спешно собрать «коневую» рать и ополчение в составе одной трети от боеспособных молодых людей, каждый со щитом и сулицей ⁴. Это псковское войско наместник и посадники повели на другую сторону р. Великой, где много бились с немцами на бродах. Эти действия были успешными, так как немцы не смогли перейти на восточный берег реки и ограничились взятием небольшого псковского пригорода Острова. Городок был сожжен, а его жители, не исключая женщин и детей, частью были уведены в плен, частью иссечены мечами или сожжены. 8 сентября немцы ушли обратно мимо Изборска ⁵.

¹ По сообщению Рюсова, Плеттенберг преследовал русских на протяжении трех миль (Хроника, стр. 298). Псковская 1-я летопись кратко отмечает: «а немцы не гонялися» (Псковские летописи, указ. издание, стр. 86).

² Псковичи определили свои расходы на содержание войск Даниила Пепкова в 100 возниц овса, 100 стогов сена и 25 руб. на хлебы и калачи в день (Псковская 1-я летопись, стр. 85). Едва ли эти цифры не были преувеличены. Если считать, что содержание одного воина обходилось в 1 деньгу, то общая численность войск должна была достигать 5 тысяч человек.

³ «А Немцы на завтрее под Изборск поидоша, и изборяне сами посад свои зазгоша; и начаша бити пушками городок Изборск; и городок бог ублюде и святой Никола. И стояли под Изборском день да ночь...» (Псковские летописи, указ. изд., стр. 86).

⁴ Псковская 1-я летопись, стр. 86.

⁵ Магистр подошел к Острову 7 сентября, — «и начаша бити пушкыи городок Остров и огненные стрелы пушати». Псковская 1-я летопись с неодобрением отметила бездействие псковской рати: «а псковские воеводы и псковичи островляном не помогоша ничем же, и стояша отъехав

В рассказе Рюссова этот весьма ограниченный успех немцев, выразившийся в сожжении одного псковского пригорода и разорении небольшого участка по западному берегу р. Великой, между Изборском и Островом, превратился в опустошение огромной русской территории. «После того (после сражения на Серце. — К. Б.), — пишет Рюссов, — магистр опустошил большую часть московитской земли грабежом и пожарами, разграбил замки Остров, Кроснов и Изеборг, а в Ивангороде убил много людей и все выжег»¹.

Неудача на Серце побудила Ивана III направить против Ливонского ордена новые ратные силы, собранные против литовцев. Наступление Плеттенберга показало, что оно было не обычным грабительским нападением немцев на порубежную территорию, а попыткой крупного вторжения, в котором участвовали главные силы Ордена и его вассалов. Кроме того, и после сражения на Серце не исключалась возможность соединения магистра с литовскими войсками. Псковский летописец сообщает, что немцы должны были соединиться с литовцами и вместе с ними идти под Псков, но литовский воевода пан Черняк опоздал и, находясь под Опочкою, узнал, что немцы сожгли Остров. Пан Черняк едва не овладел Опочкою. Однако двигаться дальше на соединение с Плеттенбергом не имело смысла, так как последний после сожжения Острова тотчас ушел в Ливонскую землю. Рюссов объясняет этот неожиданный отход магистра появлением среди ливонского войска тяжелой болезни «от истечения кровью»².

В ответ на вторжение Плеттенберга Иван III 18 октября отправил «восвать немецкую землю» ратные силы с воеводами Данилой Васильевичем Щепей и князем Александром Васильевичем Оболенским. Псковская летопись упоминает в составе этих войск «царя татарского» с татарами. Воеводы 24 октября выступили в поход с присоединившимися к ним псковичами, причем двигались двумя колоннами: псковичи взяли себе «левую руку», а воеводы великого князя — «правую».

Рыцарские войска были встречены вблизи г. Юрьева (Дерпта), около замка Гельмеда. По словам Псковской летописи, московские воеводы, получив известие, что под Гельмедом собралась «сила немецкая юрьевская», решили вступить с ней в бой. По Воскресенской летописи сражение началось неожиданно для русских: 24 ноября в третьем часу ночи немцы пришли «без-

от городка три версты, как немцы городок биша и огневми стрелы пушаше, а псковские воеводы и псковичи только смотреша». (Псковская 1-я летопись, стр. 86).

¹ Хроника Рюссова, стр. 298.

² Псковская 1-я летопись, стр. 86.

вестно со стороны с многою силою, с пушками и с пищальми»¹. Точные указания не только на день, но и на час начала сражения заставляют отдать предпочтение Воскресенской летописи². В отношении результатов сражения, немецкие и русские источники решительно расходятся. Согласно Рюссову, новое русское войско вошло в земли Ордена после того, как Плеттенберг ушел из России с большой награбленной добычей. Его войны по болезни были рассеяны и лежали на квартирах по бургам, а сам магистр страдал «от большого телесного изнурения». Однако русские все же потерпели «изрядную неудачу» около Гельмеда, где потеряли более 1 500 убитыми, в числе которых находился «главный полководец» русских князь Александр Оболенский.

По русским летописным источникам сражение закончилось полным разгромом и уничтожением немецкого войска. Воскресенская летопись сообщает об этом очень кратко: «и божиею милостию воеводы великого князя одолеша, овех побиша, а вных поимаша, а много их утече». Псковская летопись еще определеннее повествует о полной победе русских. По ее известиям, на первом приступе был убит князь Александр Васильевич Оболенский, но уже в последующем бою немцы были совершенно разбиты: «И биша поганых немец на 10 верстах, и не оставиша их ни вестоноши; а не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и тотарове, аки свиней шестоперы»³.

После победы под Гельмедом московские войска, разоряя земли ливонских немцев, направились мимо Юрьева (Дерпта) к Кольвани (Ревелю), но не доходя этого города повернули к Ругодиву (Нарве) и вышли к Ивангороду. К Ивангороду пришли самостоятельно и псковичи. Рюссов признает огромные потери, причиненные Ливонии во время этого похода русских. Он сообщает, что были опустошены все епископство дерптское, половина епископства рижского, область Мариенбурга, область Нарвы, а также Эрмис, Тарвест, Феллин, Лаис, Оберпален, Вирланд. «В то время, — пишет Рюссов, — русские так хозяйничали в Ливонии, что недосчитывались 40 тыс. человек, старых и малых, которые были убиты или уведены в плен»⁴.

Противоречивость сообщения Рюссова вполне очевидна. Если бы, как уверяет Рюссов, русские были разбиты под Гельмедом, то совершенно непонятно, как они могли после поражения, в труднейшее для походов осеннее время, без препятствий

¹ Хроника Рюссова, стр. 299.

² Псковская 1-я летопись, стр. 86—87; ПСРЛ, т. VIII, стр. 241; Хроника Рюссова стр. 299.

³ Псковская 1-я летопись, стр. 86—87; ПСРЛ, т. VIII, стр. 241; Хроника Рюссова, стр. 299.

⁴ Хроника Рюссова, стр. 299.

опустошать огромную территорию, не исключая собственных владений великого магистра в Феллине? Повидимому, желая смягчить это противоречие, Руссов замечает, что «этот пабег русские совершили чрезвычайно быстро». Плеттенберг, оправдываясь перед великим магистром Тевтонского ордена, писал ему в Кенигсберг, что когда он вышел в поле, то нигде не мог догнать русских и принужден был остановиться¹. Однако эти объяснения не могут быть признаны убедительными. Путь русских войск проходил по хорошо заселенной местности, имевшей множество рыцарских замков. Помимо трудностей похода в осеннее время, войска должны были задерживаться около укрепленных пунктов. Кроме того, русские были обременены захваченной добычей и большим числом пленных. Наконец, остается необъяснимым, почему их не преследовали победители под Гельмедом, если победа действительно была одержана немцами. Эти соображения заставляют нас отвергнуть сообщения немецких источников.

Самым значительным результатом удачного похода Даниила Щеня в октябре — ноябре 1501 г. было то, что Орден очень долго не мог оправиться от понесенных потерь. Вальтер фон Плеттенберг не предпринимал никаких активных действий до весны следующего года.

Одновременно с успешными действиями в Ливонии была одержана новая победа над литовцами в центральной части театра войны. 24 сентября великий князь отправил в Стародуб к князю Семену Можайскому и Василию Шемячичу своих воевод: князя Александра Владимировича ростовского, Семена Ивановича Воронцова и других «со многими людьми»². 4 ноября войска подошли к городу Мстиславлю, около которого их встретили литовские воеводы: наместник города князь Михайло Ижеславский и воевода великого князя Астафий Дашкович с желнерами и с великокняжеским двором. Присутствие двора Александра Казимировича указывает на то, что около Мстиславля были собраны основные литовские силы. Сражение закончилось полной победой русских. Воскресенская летопись исчисляет потери литовцев в 7 тысяч человек, помимо большого числа пленных. Князь Михайло Ижеславский «едва утече в град»³. Получив известие об одержанной победе, Иван III послал к воеводам Ивана Ярово с поручением передать им: «ино то милосердый бог своим милосердием как хотел, так помиловал, а вашу службу; и мы о том богу хвалу воздаем, а вас, оже даст бог, за вашу службу жаловать хотим». Воеводам было

¹ Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, прим. 518.

² П. Милюков. Древнейшая Разрядная книга, стр. 29.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 240—241.

велено возвратиться в Москву, за исключением князя Ивана Воротынского и князя Петра Лобана Ряполовского, оставленных в Стародубе «у князей», т. е. у Семена Можайского и Василия Шемячича¹.

Сражение под Мстиславлем было единственным большим событием в ходе военных действий этого года на литовском театре войны. Первоначальный широкий замысел наступления крупными силами на Смоленск с одновременным набегом конницы Менглы-Гирея в направлении на Пинск — Минск не был приведен в исполнение. Обращает внимание и то обстоятельство, что в задачу похода под Мстиславль не входили осада и штурм этой литовской крепости. Одержав победу над противником в полевом бою, московские воеводы простояли лишь несколько дней под городом, занимаясь опустошением окрестностей и не сделали ни одной попытки овладеть крепостью. Очевидно, что целью похода, произведенного уже глубокой осенью, являлся не хорошо укрепленный Мстиславль, а разгром собранных около Мстиславля войск Александра Казимировича. Однако эти действия московского войска нельзя рассматривать как отдельный эпизод, оторванный от общего хода войны. Нам представляются совершенно неудовлетворительными объяснения Руссова о причинах, помешавших Александру Казимировичу выполнить свое обещание и соединиться с войсками великого магистра для похода в Россию. Отъезд Александра Казимировича в Польшу с частью панов радных, вызванный стремлением вместе с польской короной получить реальную возможность использовать польские военные силы для войны с Россией, не мог быть такой причиной, так как и до отъезда литовский великий князь не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Сражение под Мстиславлем показывает, что великому княжеству Литовскому удалось, по крайней мере частично, восполнить тяжелые потери, понесенные в битве на р. Ведроше и что оно в 1501 г. располагало еще достаточными военными силами для продолжения войны. Можно ли при таких условиях предполагать, что литовские воеводы решили дожидаться возвращения своего господаря и не воспользовались благоприятной возможностью для вторжения в земли противника в соединении со всеми силами Ордена и его вассалов? Ведь даже для успеха в Польше было очень важно загладить неприятное воспоминание о поражении на р. Ведроше каким-либо военным успехом.

Таким образом, причину бездействия литовских воевод в течение лета и осени 1501 г. следует видеть не в событиях, связанных с династическим вопросом, а в обстановке, сложив-

¹ Древнейшая Разрядная книга, стр. 30.

шейся на театре войны. До конца августа Иван III держал сравнительно незначительные силы для обороны Псковско-Новгородской области. Неудача на р. Серпце побудила его направить вспомогательное войско с лучшим воеводой Даниилом Щенсю. За месяц до похода последнего в восточную часть Ливонии были посланы войска в Стародуб, откуда они направились к Мстиславлю, в окрестностях которого произошло сражение с литовскими войсками¹. Отвлечение русских крупных военных сил на север подавало литовским воеводам надежду использовать временное ослабление обороны южных русских уездов и новоприисоединенных земель Северщины. Предполагалось одновременное нападение на территорию Чернигово-Северского княжества: с севера литовцев (собравшихся у Мстиславля) и с юга татар (подошедших к Рыльску). Быстрое движение московских войск к Стародубу и Рыльску, а затем к Мстиславлю, разрушило этот план. Рассмотренная обстановка на южном участке войны объясняет, почему литовские воеводы отказались от соединения с Плеттенбергом и не оказали ему никакой помощи, когда Данила Щеня вступил в восточную часть Ливонии.

Две победы, одержанные в 1501 г. над литовцами под Мстиславлем и над немцами под Гельмедом, имели большое военно-политическое значение. Однако они не могли компенсировать ущерба, нанесенного отказом от первоначального плана овладения Смоленском, с дальнейшим движением в глубь основной территории великого княжества Литовского. Еще Г. Карпов в основном правильно указал причины, побудившие Ивана III отказаться от выполнения этого стратегического замысла в 1501 г. После вступления в войну Ливонского ордена и выступления Большой Орды в качестве союзника Александра Казимировича, военные действия были перенесены на два противоположных участка московских владений — на южные степные рубежи и на границу с Ливонией.

Выше мы указывали, что готовясь к походу на Смоленск, Иван III не думал ограничиваться только занятием этого города. Смоленск, являвшийся сильнейшей крепостью вблизи московско-литовского рубежа, прикрывал основную магистральную дорогу на запад. В Москве, несомненно, считались с большими трудностями, связанными с осадой и овладением Смоленском. Нужно было ожидать, что Александр Казимирович приложит все усилия к тому, чтобы оказать наибольшую помощь гарнизону крепости. В случае занятия Смоленска Иван III предполагал двигаться дальше на Оршу — Мицк. Действия

¹ Войска к Стародубу для похода на Мстиславль были посланы 24 сентября, а сражение под Мстиславлем произошло 4 ноября: Данила Щеня отправился в поход из Пскова 24 октября, а сражение у Гельмеда произошло 24 ноября.

в этом направлении было важно согласовать с действиями Менглы-Гирея. Между тем выступление Ших-Ахматовой Орды и нападение ногойцев на Казань не только делали невозможным уход Менглы-Гирея в Литовские земли, но и отвлекали часть русских сил для защиты южной степной границы и для поддержки московского протектората над Казанью.

5

Предполагавшийся поход Менглы-Гирея в Литовские земли прервался в самом начале. На третьей неделе после «великого дня» (25 апреля — 2 мая), когда хан, готовясь к выступлению, находился на р. Салгыри, было получено известие, что Заволжская Орда Ших-Ахмеда перекочевывает к Дону и намеревается следовать дальше к Крыму. Из Четерлыка, где собралась вся ханская рать с султанами и князьями, было послано на разведку Орды 50 человек, вернувшихся обратно в пятницу после Петрова дня (после 29 июня), когда Менглы-Гирей стоял уже у Кобыльской Воды. Приведенный «язык» показал, что Ших-Ахмед «соодиначился» с братом Сеид-Мухаммедом, и что с ними находятся также братья Багатыр-салтап, Хозяк-салтап, Енай-салтап, а также Тевкель Темиров сын ¹. Хотя Менглы-Гирей и надеялся, что, как только он приблизится к Орде «Ахматовых детей», многие их люди перейдут на его сторону, но все же близость врага, на этот раз выступавшего в «одиначестве» всех основных частей Заволжской Орды, вызвала у него серьезное беспокойство. По сведениям, полученным московским послом, у Ших-Ахмеда вместе с султанами и князьями насчитывалось около 20 тысяч конных и пеших воинов. С ним находились польский и литовский послы ². Получив донесение, что Ших-Ахмед собирается поставить на Дону «крепость», Менглы-Гирей сообщил Ивану III, что со своей стороны поставит другую «крепость». Вместе с тем он просил великого князя прислать ему «на пособь» 10 тысяч конных воинов, или хотя бы вперед — одну тысячу воинов. Кроме того, он предлагал направить Доном суда, вооруженные пушками и пищальями. «И нынеча, — писал Менглы Гирей, — по нашим речем, как мы приказывали, борзо наспех рать на пособ пошлешь на наших недругов, на Ахматовых детей, помоля богу сем путем рука наша выше будет» ³.

«Одиначество» сыновей Ахмеда и на этот раз оказалось непрочным. Еще по дороге к Дону Сеид-Мухаммед, «разбранив» с Ших-Ахмедом, повернул обратно и пошел к Астрахани.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 356, 358.

² Там же, стр. 367.

³ Там же, стр. 361.

Ших-Ахмед с остальными братьями перешел Дон, направился вверх по реке и на острове под «Девичьими горами», у устья Тихой Сосны, построил «крепость».

Вряд ли опасения Менглы-Гирей, будто Ших-Ахмед намеревался напасть на Крым, были основательными. Если бы это было справедливо, Ших-Ахмеду не имело смысла уходить вверх по Дону, удаляясь от Крыма, и строить «крепость» в устье Тихой Сосны. Между тем, выбор этого места для укрепления вполне ясно раскрывает намерения «Ахматовых детей». Обращает внимание и то обстоятельство, что их сопровождали послы польского короля и великого князя литовского. Возможно поэтому предположить, что они являлись фактическими руководителями Ших-Ахмеда и его братьев. «Крепость» в устье Тихой Сосны перерезала наиболее удобный речной путь по Дону для сношений Москвы с Крымом и крайне затрудняла сообщение по степным дорогам. Но главное — татары Большой Орды оказывались в близком соседстве с южным рубежом московской территории. Под их ударами находились города Путивль, Рыльск, Курск, Елец и другие. Особенно неприятно воспринималась в Москве опасность, угрожавшая Северскому и Стародубскому княжествам, в которых московская власть еще недостаточно окрепла.

Менглы-Гирей с войском, насчитывавшим до 25 тысяч человек, настиг Ших-Ахмеда (в среду перед «оспожиным заговеньем»). Он поставил в свою очередь «крепость» на другой стороне Тихой Сосны, против «крепости» Ших-Ахмеда, отрезав ему таким образом путь на Астрахань. На следующий день Менглы-Гирей послал своих людей под крепость Ших-Ахмеда. Во время происшедшей схватки был ранен брат Ших-Ахмеда Енай-султан и у противника было убито до 30 человек. Осадив своего недруга, Менглы-Гирей попрежнему просил Ивана III прислать к нему своих людей «на пособь»¹.

Иван III выслал в поле против Орды казанского хана Мухаммед-Эмина с князем Васплием Ноздреватым и людей Нур-Даулета. Кроме того, он велел рязанской княгине послать воевод: Супбула Тутыхина и Микиту Инкяна сына Измайлова, а рязанскому князю Федору Ивановичу — Матвея Булгака Делисьева².

Между тем Менглы-Гирей простоял на Тихой Сосне всего пять дней и ушел обратно в Крым. Официальной причиной ухода было получение известия об ожидавшемся приходе к Ших-Ахмеду ногойского мурзы Мусы. «И нынеча слышел есми, —

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 367—368; П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 29.

² П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 29; Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 363—364.

писал Менглы-Гирей Ивану III, — к Шпх-Ахметю Мусин княжей сын Шихим мурза едет, и о тех вестех мы подумав, земля далече осталася, а конь устал, а корму не стало, а к недругу пособь та рать идет, и пынеча рать свою добру здорову домов довести, молвя, пошол есми»¹.

Однако объяснения Менглы-Гирея о причпие его внезапного ухода нельзя признать основательными. Этому не верили ни находившийся при хане московский посол Иван Мамонов, ни сам Иван III. Крымская конница делала более длительные переходы, чем пробег от Крыма до Тихой Сосны. Если бы конский состав действительно был измотан, то это обнаружилось бы тотчас после подхода Менглы-Гирея к Тихой Сосне, и тогда не было бы смысла просить великого князя о присылке русского войска «на пособь». Наконец, в середине июля в степи вряд ли мог ощущаться недостаток в кормах для лошадей. Недовольство по поводу неожиданного ухода Менглы-Гирея в Крым Иван Мамонов выразил в личных переговорах с ханом. Повидимому, между Менглы-Гиреем и Шпх-Ахмедом состоялось какое-то соглашение, в силу которого Менглы-Гирей мог не опасаться нападения на Крым.

Действительно, освободившись от осады, Шпх-Ахмед не стал преследовать Менглы-Гирея, а пошел к Рыльску. Против него были немедленно отправлены князь Семен Иванович Можайский и князь Васильи Шемячич, а также воеводы великого князя «со многими людьми»². К сожалению, в источниках не указано время появления Шпх-Ахмеда под Рыльском; предположительно его можно отнести к первой половине августа. Опасаясь, что целью Шпх-Ахмеда было соединение с литовцами, Иван III вновь убеждал Менглы-Гирея поступить «по своей правде» и идти на общих «недругов»; если же сам «царь» не сядет на коня, пусть пошлет на них своих детей. Однако эта просьба не имела успеха, и в течение зимы 1501/1502 г. Менглы-Гирей бездействовал.

Установить время ухода Шпх-Ахмеда из-под Рыльска точно невозможно. В грамоте к Менглы-Гирею, посланной из Москвы 7 октября, Иван III писал, что «наш недруг» Шпх-Ахмед «воюет отчину» князей Семена Стародубского и Василия Шемячича. В той же грамоте великий князь сообщал о посылке к ним своих воевод «со многими людьми». Действительно, из Москвы по разрядной записи были посланы в Стародуб князь Александр Владимирович Ростовский, Семен Иванович Воронцов и др. Прибытие великокняжеского войска, вероятно, и побудило Шпх-Ахмеда с братьями стойти в степь.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 368—369.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 370.

Не позже начала двадцатых чисел октября собранное для защиты Рыльска и других городов Северщины войско направилось к Мстиславию, под стенами которого 4 ноября разыгралось удачное для русских сражение.

Рассмотренные события объясняют причину появления у Мстислава крупных литовских сил. Высказанное Иваном III опасение, что литовцы и татары «хотят снятися», было вполне основательным. Расстояние между Рыльском и Мстиславлем составляло всего около 300 км. Северская земля находилась под угрозой двойного удара, с юга — татарской конницы и с севера — литовских войск. Нужно отдать должное предусмотрительности и решительности Ивана III, сумевшего быстро организовать защиту угрожаемой территории, отогнать татар в степь и после их ухода нанести сильный удар по другому противнику.

Ших-Ахмед, отойдя от русского рубежа, не ушел все же обратно за Дон, а, по сведениям, полученным Менглы-Гиреем, выбрал место для зимовья в районе устья р. Семп, под Белгородом. Это давало основание предполагать, что весной он намеревался повторить набеги в область течения р. Сейма. Правда, в конце января 1502 г. Менглы-Гирей говорил Ивану III, очень недовольному бездействием своего союзника, что он велел «пожары пускати» по степи, дабы Орде Ших-Ахмеда негде было зимовать. Менглы-Гирей уведомлял также великого князя, что «рать моя готова вся»; через два месяца со дня отправления с этой грамотой своего человека в Москву, он «без всякого перевода» «сам сядет на коня со своими детьми и со всеми своими людьми» и пойдет на общих «недругов», на «Ахматовых детей». Он просил великого князя, чтобы тот по прибытии ханского посланца в Москву отправил к нему «на пособь» большую рать «своих многих людей». Он также просил великого князя сообщить ему о выступлении московских войск при посредстве вестников, которые могли встретить Менглы-Гирея с его ордой в устье р. Ореля (Орла) или в устье р. Самары на Днепре¹.

Интересные подробности, касавшиеся подготовки Менглы-Гирея к походу, сообщил находившийся при нем Иван Мамонов. Вернувшись от Тихой Сосны в Крым в Ченчак (Перекоп) на следующий день после «господина дня», в поседельник (т. е. 26 декабря), хан беседовал со своими детьми и со всеми князьями. Он велел им собраться со всеми людьми через два месяца: людям «наряжаться», коней кормить, запастись кормом, каждому воину иметь трех лошадей, на каждые пять человек —

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 377. Человек Менглы-Гирея Шентяк прибыл в Москву с «царевой грамотой», написанной на русском языке, 26 января 1502 г.

одну телегу и два вола. Затем Менглы-Гирей побывал в Кафе, где виделся с шахзадэ и взял у него пупки и 10 человек, «которые из пушек стреляют», и кроме того 100 человек «на пособь»¹.

На этот раз в Москве, повидимому, не сомневались в серьезной готовности хана покончить со своими старыми недругами — «Ахматовыми детьми». В донесениях русских послов из Крыма сообщалось о чрезвычайной слабости этой Орды, находившейся накануне полного распада. «А про Орду, государь, — писал Иван Мамонов, — слух таков, что добре, сказывают, блюдутся тебя; а хотели, сказывают, добре от них многие люди, чтобы как бежати назад, шчо це на чем, безконны добре, а сказывают и охудали, а кочуют на рознь». В Крым к Менглы-Гирею до «введенья дня», т. е. до 21 ноября, из Орды перебежало около 50 человек пеших, некоторые вместе с жепами².

Намерение Менглы-Гирея воевать не с литовским «недругом», а с «Ахматовыми детьми» было принято Иваном III без возражений. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что все крупные походы московских войск совершались обычно во второй половине лета или осенью. Повидимому, выбор этого времени года для военных действий был связан со стремлением использовать для продовольствия войск новый урожай. Татары, наоборот, предпочитали действовать весной, когда невыжженные соллцем сочные травы в степи вполне обеспечивали потребности в конских кормах. В данном случае общие интересы требовали, чтобы Менглы-Гирей закончил борьбу с Ордой «Ахматовых детей» до наступления времени, удобного для совместных действий против Литвы. Вот почему Менглы-Гирей намеревался отправиться в поход еще в конце зимы, так как по всем сведениям, поступавшим в Крым, татары «Ахматовых детей» очень страдали от голода и лишились значительной части своего конского состава, погибавшего от бескормицы.

Поддерживая решимость Менглы-Гирея вести борьбу с Ших-Ахмедом и его братьями, Иван III, однако, воздерживался от оказания ему большой помощи войсками и отвлечения их от действий на литовско-ливонском театре войны. Алексей Григорьевич Заболотский, посланный из Москвы в Крым 3 марта 1502 г., должен был передать хану отказ великого князя в посылке к нему московской рати: «... и мне ныне рати своей к тебе послати нелзе за тем, что наш недруг литовской, слявяс с немци, стоит протпв нас; и мы осенсь и на сей зиме посылали воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Немецкую воевати; и нашим воеводам в Литовской земле и в Немецкой земле многие бои были; да милосердем божьим

¹ Сб. Русс. ист. об-на, т. 41, стр. 377—378.

² Там же, стр. 381.

наши воеводы везде побивали и землю Литовскую и Немецкую воевали и много городов поймали; а и ныне наши люди из Литовские земли и из Неметские не выходя воюют; а уповая на бога хотим воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Неметскую послать часа того, да и детей своих хотим оже даст бог отпустить, и сами оже даст бог всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги свои дела делати, сколько нам бог пособит»¹.

Отклоняя, таким образом, просьбу о посылке большой рати, Иван III все же обещал оказать военную помощь в том случае, если Ших-Ахмед нападет на Менглы-Гирея. Тогда, сообщал великий князь, он отправит против Орды татарских царевичей — сыновей Нур-Даулета и рать «своих многих людей», и казанского хана Мухаммед-Эминя со всеми его уланами и князьями. На вопрос, может ли Мухаммед-Эмин идти на Орду, оставив Казань, которой угрожают ногайцы, — Алексей Заболотский должен был отвечать, что ногайские князья и мурзы, Муса, Емгурчей и другие, присылали в Москву своих людей «бить челом» о мире. Ногайский посол дал шерсть от имени этих князей и мурз в том, что им великому князю «другу другом быть, а недругу недругом», землям и людям великого князя, а также Казанской земле «лиха никакова не чинити»².

Однако выступление Менглы-Гирея против Ших-Ахмеда произошло значительно позже того срока, который был первоначально намечен. Оправдываясь в этом опоздании перед Иваном III, Менглы-Гирей ссылаясь на исключительную суровость продолжительной зимы. «Нынешние дни, — писал Менглы Гирей в грамоте, привезенной в Москву 3 мая, — у нас завсе о те поры жнут, жаворонки гнезда вьют, и ныне зима пришла необычна; коли Ази-Гирей царь Орду взял, такова же была зима, а oprичь того, яз такой зимы не помню». Ших-Ахмед в это время с Ордой кочевал под Киевом, у устья Десны. Господарь Стефан, по словам Менглы-Гирея, готов был оказать ему помощь, которая была особенно необходима в том случае, если бы Ших-Ахмед перешел за Днепр. Не имея точных сведений о намерениях своего противника, Менглы-Гирей предвидел возможность ухода Ших-Ахмеда через Днепр на территорию Польского королевства³.

Наконец, в конце мая на пятой неделе после пасхи, в субботу, Менглы-Гирей действительно вышел из своей стоянки на Кобыльей Воде к Перекопу. Ших-Ахмед в это время стоял на «Турпачей Воде» (в устье р. Сулы). По сведениям, полученным в Крыму, Большая Орда находилась в упадочном состоянии;

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 383.

² Сб. Русс. ист. об-ва, стр. 385—386.

³ Там же, стр. 414.

между Ших-Ахмедом и Тевкелем, а также другими князьями были серьезные разногласия; некоторые улусы «отступили» от Ших-Ахмеда; многие люди, покинув его, добровольно приходили служить в Крым к Менглы-Гирею. Однако, несмотря на явное бессилие Ших-Ахмеда, Менглы-Гирей все еще продолжал просить у великого князя подсобной рати с пипалями. В первых числах июня войска Менглы-Гирея были уже на р. Самаре. Наконец, в грамоте от 6 июня 1502 г. Менглы-Гирей сообщил, что он одержал полную победу над Ших-Ахмедом, взял всю его орду и улусы. «И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые пашы весты слышеш, весел бы еси был и обрадовался...», — писал Менглы-Гирей Ивану III¹.

Разгром Орды сыновей Ахмед-хана в июне 1502 г. был последним ударом, покончившим с самостоятельностью Большой Орды, составлявшей основную часть распавшейся Золотой Орды. Золотая Орда уже не могла от нее оправиться, и в течение 20 лет неуклонно шла к своей окончательной гибели. Рана, нанесенная ей Иваном III еще в 1480 г., оказалась смертельной. В течение всего этого времени, не тратя лишних сил, Иван III с большим искусством направлял действия Менглы-Гирея к гибели своего злейшего противника. Уничтожение Большой Орды явилось большим торжеством московской внешней политики. Русское государство навсегда освобождалось от врага, являвшегося прямым наследником Золотой Орды.

После разгрома Ших-Ахмеда Менглы-Гирей возвратился в Крым, объясняя свой уход необходимостью отвести к Перекопу захваченную им Орду. Иван III был крайне недоволен новой отсрочкой похода Менглы-Гирея в литовские земли. В середине июля великий князь приступил крупными силами к выполнению плана наступления, ближайшей целью которого являлся Смоленск. Войска под Смоленск выступили 14 июля². Большой полк вел сын великого князя Дмитрий Иванович, при котором находились воеводы: князь Василий Данилович Холмский и Яков Захарьин³. Для успеха предположенных действий

¹ Менглы-Гирей воспользовался этой победой, чтобы выпросить у Ивана III ценные подарки: белок, лисьих горл, кречетов и белых ястребов, — и «мне брату твоему на сердце велии радость учиниши» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 420).

² День выступления Дмитрия Ивановича указан в Воскресенской летописи (ПСРМ, т. VIII, стр. 242), в Древнейшей Разрядной книге, изданной П. Миллюковым, стр. 31 и в грамоте Ивана III к Менглы-Гирею — «А вышел сын мой Дмитрей с Москвы в шестнадцатой день по нашем празднике по Петрове дни, в четверг, июля в 14, а пошел прямо к Смоленску» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 423—424).

³ Распределение воевод по полкам дано в Древнейшей Разрядной книге, изданной П. Миллюковым.

было крайне важно воспользоваться одновременным набегом крымской конницы, которая должна была проникнуть глубоко на территорию великого княжества Литовского. Иван III снова указывал Менглы-Гирею следующее желаемое направление его пути: Киев, Слуцк, Туров, Пинск и Млинск. Он предлагал ему самому, а если он не пойдет в поход, то его детям, поддерживать непосредственную связь с Дмитрием Ивасовичем, отправленным под Смоленск¹. Таким образом, этот план действий обоих союзников являлся почти точным повторением неосуществленного плана войны 1500 г.

Однако, как и в прежнее время, действия Менглы-Гирея не укладывались в рамки московского плана, так как преследовали совершенно иные цели. Военные задачи Ивана III были тесно связаны с основной политической целью войны — присоединение к Русскому государству территории Руси, находившейся под польской и литовской властью. Чтобы принудить Александра Казимировича принять условия мира, продиктованные в Москве, необходимо было добиться такого его военного поражения, при котором он не был бы в состоянии продолжать войну, не рискуя при этом и литовской и польской коронами. Для Менглы-Гирея главным врагом был не Александр Казимирович, а Ших-Ахмед и его братья. С Александром Казимировичем он воевал, во-первых, потому, что война давала ему возможность пограбить города и волости в землях противника и заставить его уплачивать дань. При набегах на территорию Польши и Литвы Менглы-Гирей выбирал именно те города, которые сулили значительную добычу при небольших потерях. Встреч с крупными польскими и литовскими войсками Менглы-Гирей избегал.

Условия для таких набегов в область Правобережья и далее в сторону Галицкой Руси и Волыни сложились особенно благоприятно после разгрома Ших-Ахмеда. Основные литовские силы в это время были отвлечены обороной Смоленской области; оставшиеся в украинских городах небольшие гарнизоны не были в состоянии преградить путь сплоченной массе татарской конницы. Военная организация Польши не позволяла произвести быстрого сбора шляхетского ополчения (посполитого рушения). Наконец, степной и малолесистый характер местности позволял татарам очень быстро преодолевать огромные пространства, избегая полевых сражений.

Менглы-Гирей со старшими сыновьями остался в Крыму. В поход были посланы два младших сына, царевичи Фети-Гирей и Бурнаш. Сам Менглы-Гирей определял численность войска, отправленного в поход, очень большой цифрой — 90 тысяч

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 423—424.

человек¹. Если даже она и была преувеличена, то все же, несомненно, что в походе участвовали основные силы ханства. Сбор этой рати производился в степи на реках Белой Воде и Си-ней Воде. Царевичи выступили в поход перед «госпожпным днем» (во вторник), т. е. 5 августа. Через три дня после их ухода, 8 августа, в Крым прибыл татарин из Москвы с грамотой Ивана III, в которой великий князь, сообщая о выступлении своего сына Дмитрия под Смоленск, указывал желательный путь Орды по литовским городам. Менгли-Гирей отправил с гонцом список с этой грамоты к своим сыновьям, велел им идти в места, названные Иваном III. Однако, повидимому, это было сделано только для московского посла Алексея Заболотского, ибо, несмотря на все просьбы, Менгли-Гирей не позволил ему сопровождать царевичей².

Набег Фети-Гирея и Бурпаша охватил обширную территорию. Царевичи вернулись обратно в Крым за неделю до «Филиппова заговесья» (7 ноября) с огромным полоном. По сведениям Алексея Заболотского, полученным им в Крыму, царевичи не дошли только двух миль до Кракова, а люди их были за Краковом. Царевичи «повоевали» окрестности Луцка Большого, Львова, Бреславля, Люблина, Вишневеца, Бельзи и Турова. Люди царевичей были под Киевом и Луцком Малым. Уже после возвращения Фети-Гирея и Бурпаша часть татар вновь ушла в литовские земли Правобережья. Под праздник рождества татары разграбили монастыри и села в окрестностях Киева.

Таким образом, во время этого опустошительного набега на Правобережную Украину Крымская Орда действовала преимущественно в излюбленном татарами районе Галичины и Волыни. Люблин и Туров были крайними северными пунктами, подвергшимися нападению. «А самц, государь, — доносил Заболотский Ивану III, — царевичи не пошли по тем местам, на которые, государь, ты велел им идти, за тем, что с ними было людей много, а те места кажут лесны и тесны»³.

Легко видеть, насколько действия Крымской Орды мало соответствовали планам Ивана III, имевшего в виду использовать татарскую конницу для помощи московским войскам, которые после занятия Смоленска должны были продолжать наступление на запад с целью полного подавления военного

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 430.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 432. По словам Менгли-Гирея, он отдал следующий приказ сыновьям: «Иван князь, брат наш, своего сына князя Дмитрия в головах с великою ратью на Смоленск послал... и пынеца из нас того деля на кошь посадив послал есми, с одное стороны на Киев пойдите, а с другие стороны на Луческ пойдите, да и Вильны и Троки дойдите, а с великого князя Ивановым брата моего с сыпом, со князем Дмитрием, условитесь» (т а м ж е, стр. 430).

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 469.

сопротивления великого княжества Литовского. Между тем татары опустошали те самые земли Русл, на которые Иван III заявлял притязания, как на древнюю «отчину» своих предков. Косвенное влияние этого нападения на Правобережье выразилось все же в том, что оно ограничивало возможность реальной помощи со стороны Польши литовцам, сражавшимся с русскими войсками.

Положение Польши и Александра Казимировича в качестве польского короля еще больше ухудшилось в результате выступления молдавского господаря Стефана, который не упустил удобного случая, чтобы занять спорную территорию по Днестру. По сообщению Алексея Заболотского, Стефан осенью 1502 г. занял ряд городов на Днестре: Коломыю, Галшичь (Галич), Покутье, Снятин, Красное, Белое. Во всех этих городах Стефан посадил своих людей¹.

Однако вступление Стефана в войну с Польшей произошло совершенно самостоятельно и не находилось в какой-либо связи с московско-молдавскими отношениями. У Стефана в это время еще не исчезло недоверие к Ивану III, вызвавшее делом о престолонаследии. Вернувшись из похода в Сачаву, Стефан получил грамоту от польского короля, в которой последний писал: «ты меня воюешь в ту ж пору, в кою пору на меня мой недруг приступил; князь велики московской мне недруг, а тебе ныне недруг же, дочь твою и впука твоего поимал и великое княжение у внука твоего отнял да дал сыну своему». Для подтверждения правильности этих сведений Стефан направил своего посла к Менглы-Гирею, который дважды допрашивал об этом деле Алексея Заболотского, один раз «накрепко наедине», а второй раз — в присутствии молдавского посла, и даже хотел привести его к целованию. Алексей Заболотский категорически отрицал достоверность этого известия: «то, государь, все лжина, неправда, а то, государь, все король собою затеял; недруг, государь, на недруга чего не взведет? Что хочет, то затест»².

Однако Иван III не находил нужным больше скрывать действительного положения дела с престолонаследием. В октябре 1502 г., в наказе Ивану Никитичу Беклемишеву, которого предполагалось отправить в Крым, было велено, если Менглы-Гирей спросит про судьбу внука великого князя, говорить: «внука был своего государь пожаловал великим княжеством, и он да и мати его великаа княгиня Алена перед государем проступили, не по пригожу учинили; и государь наш за ту их проступку, у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжства сына своего великого князя Василья». В дру-

¹ Там же.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 470.

гой «памяти», написанной также для Ивана Беклемишева в феврале 1503 г., Иван III еще более определенно говорил о вине своего внука: «внука был своего государя наш пожаловал; и он учал государю нашему грубити: ино ведь жалует всякой того, кой служит и норовит; а которой грубит, того за что жаловати?»¹.

Выступление Стефана и набег Менглы-Гирея в ходе войны имели второстепенное значение по сравнению с боевыми действиями главных противников: Ивана III и Александра Казимировича. К сожалению, мы располагаем очень краткими сообщениями источников о Смоленском походе 1502 г. Как отмечалось выше, войска вышли под Смоленск 14 июля. В Воскресенской и близких к ней летописных сводах отмечено их обратное возвращение: «Прииде на Москву, октября 23, в неделю, великого князя сын Дмитрий Ивановичь, землю Литовскую повоева и поплепа, а града Смоленска не взя, понеже крепок бе»². Таким образом, весь Смоленский поход продолжался несколько более трех месяцев. В переписке с Менглы-Гиреем Иван III дал несколько иное объяснение постигшей неудаче: «А города Смоленска не взяли затем, что, господине, великаа рать пришла и корму не стало, не на чем было долго стоять города доставати»³. Впрочем, между летописным рассказом и официальным сообщением Ивана III нет противоречий, так как затянувшаяся осада действительно могла привести к серьезным затруднениям в довольствовании собранных под крепостью войск. Есть основание предполагать, что московские войска пытались приступом овладеть крепостью и что под стенами ее происходили кровопролитные бои. Н. Карамзиным был опубликован интересный отрывок из летописи, названной им «продолжением Нестеровой летописи», касавшийся возвращения князя Дмитрия из Смоленского похода: «Пожаловашеся (Дмитрий) отцу своему: многие дети боярские подступали под град и волости отъезжия грабили без его ведома, а его не послушаша». За это Иван III «воспалился» на виновных и многих велел наказывать на торгу кнутом, а многих посадил в тюрьму⁴. В письме к магистру⁵ Александр Казимирович указывал, что большое число трупов под стенами Смоленска является источником заразы.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 440 и 463. См. также наказ Ивану Ощерину от 22 сентября 1503 г. (там же, стр. 492) и другой наказ ему же от 20 августа 1504 г. (там же, стр. 535).

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 243.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 461.

⁴ Н. Карамзин. История государства Российского, т. VI, прим. 584.

⁵ Там же, прим. 543. Карамзин ссылается на находившиеся в его распоряжении Кенигсбергские бумаги.

Смоленский «замок», как он официально назывался в актах Александра Казимировича, несомненно, являлся сильнейшей крепостью. По случаю неудачной попытки Василия III овладеть ею в 1513 г. летописец замечает: «град же, имея твердость, стремнинами гор и холмов высоких затворено и стенами великими укреплено»¹. Характер этого описания дает основание предполагать, что в конце XV и в начале XVI вв. стены Смоленского «замка» были выложенные из камня и были настолько прочными, что успешно противостояли действию артиллерийского огня. Неудачные попытки Василия III в 1512 и 1513 гг. овладеть этим городом объясняются, повидному, той же причиной, что и в 1502 г. — слабостью артиллерии осаждающих. Этот недостаток был восполнен Василием III в 1514 г., когда великий князь подошел к Смоленску «с великим нарядом пушечным и пищальным». Тогда, в результате очень сильной бомбардировки, изумлявшей современников, «весь град в пламени курения дыма мянешея въздыматися ему»².

Не добившись в 1502 г. сдачи Смоленска, московские воеводы послали часть войск для нанесения ударов противнику. Была занята Орша, подвергшаяся сильному разорению. Были также разорены волости около Мстиславля и «повосваны» земли до Полоцка и Витебска вплоть до рек Березны и Западной Двины. Посад у Витебска был сожжен³.

Смоленский поход был самым крупным событием в 1502 г. на литовском театре войны. Боевые действия велись также на северо-западной окраине, где активная роль принадлежала Ливонскому ордену. После похода Данила Щеня затишье продолжалось до середины марта 1502 г. 17 марта немцы появились на Псковской земле у Красного городка и хотя сам городок взять не могли, но «повоевали» волость Коровий Бор, перебили многих жителей и увели пленных. При приближении к Красному городку псковской рати немцы быстро ушли обратно.

В течение лета и осени 1502 г. немцы не предпринимали каких-либо активных действий. Повидному, неудача предшествующего года заставляла Орден воздерживаться от нападения на русские земли крупными силами. Кроме того, неудачная война и вызванные ею тяжелые потери усилили внутренние противоречия между орденскими властями и немецкими городами в Ливонии. Так сохранилась, датированная 8 мая 1502 г., жалоба Дерпта (Юрьева) Ревелю на «великие тягости», которые вследствие войны принуждены нести дерптские граждане. В Дерпте солдаты бунтовали, жалуясь на более низкую плату

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 253.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 255.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 461.

по сравнению с той, которую платили своим солдатам Рига и Ревель ¹.

Новое крупное наступление на Псков было предпринято магистром в августе 1502 г., т. е. как раз в то время, когда основные силы московского войска находились под Смоленском. Руссов пишет, что этот поход был предпринят по соглашению с литовцами, но литовцы вновь не явились на соединение с магистром. Как в предыдущем случае причина, несомненно, заключалась в необходимости сдерживать наступление московских войск. Военные силы магистра Вальтера фон Плеттенберга Руссов определяет в 2 тысячи всадников, 1500 пехотинцев, при нескольких полевых орудиях и несколько сотен крестьян. Однако приведенные Руссовым цифры вряд ли заслуживают доверия, так как он сам сообщает, что в этом походе приняли участие «все ливонские сословия» ².

По Псковской летописи, магистр подошел к Изборску 2 сентября «со всем замышлением», но был отбит от города и простояв одну ночь, пошел к Пскову. Под Псковом немцы «со всем замышлением и с пушками» появились во втором часу утра 6 сентября со стороны Завеличья. Псковичи сами сожгли Завеличский посад. Когда же немцы стали обстреливать из пушек город с кромы, псковичи произвели сильную вылазку и «почаша с ними битися». Повидимому, эта вылазка имела успех, так как немцы, простояв в Завеличье всего один день и убедившись в крепости псковской обороны, стали переходить в брод р. Великую. Псковичи снова много бились с немцами у брода. Пероправившись на восточный берег реки, немцы направились на Полонище и в течение двух дней делали многократные попытки прорваться с этой стороны внутрь города — «много к стены лезли». Псковичи упорно оборонялись, ожидая прибытия помощи великого князя. На третий день магистр снял осаду и ушел тем же путем, каким подошел к Пскову ³.

Отход магистра от Пскова был вызван приближением московского войска из Новгорода под начальством князя Давида Щеня и новгородского наместника князя Василия Васильевича Шуйского. Псковичи два дня ожидали московских воевод в урочище Пески. Московские войска, соединившись с псковичами, нагнали немцев 13 сентября у озера Смолипа. По Воскресенской летописи, после получения известия, что «немцы бежат», воины различных полков устремились в погоню к немецкому обозу (кошу) и побили многих немецких «кошевных людей». Во время погони был нарушен боевой порядок в полках («полки

¹ Гильдебранд, Указ. соч., № 439.

² Летопись Руссова, стр. 299.

³ Псковская 1-я летопись, стр. 87.

изрушали»). Между тем немцы остановились, приготовившись к бою. Поэтому, когда передовые части «изрывкою» натолкнулись на немцев, произошла схватка, окончившаяся не в пользу русских: немцы «великого князя людей не многих избилша, которые пришли изрывкою, а сами ся отстояли, потому что у великого князя воевод плѣки ся изрушали». В этом бою были убиты князь Андрей Александрович Кротокий и Юрий Орлов-Плещеев¹.

Некоторые интересные подробности сообщает Псковская летопись. Немцы умышленно поставили кош (обоз) в стороне от своего боевого расположения с целью отвлечь внимание русских и, воспользовавшись неизбежным расстройством русских полков во время захвата добычи, уйти от преследования: «толке де и Роусь оударитца на кош, и мы деи выйдем изо Псковской земли; а толке же де и на нас, пно нам туто и головы покласти свои». Сначала на кош напали псковичи, за ними последовали москвичи. Между теми и другими произошла драка «о быте исмецком», которой воспользовались немцы. Они напали на псковичей и москвичей, занятых дележом добычи «и бысть с немцы сеча, а пе велика»².

Таким образом, Воскресенская и Псковская летописи дают более или менее ясное представление о причинах неудачного сражения у озера Смолшна. Совершенно ясно, что весь успех немцев выразился лишь в том, что им удалось, пожертвовав своим лагерем и обозом, нанести некоторые потери передовым отрядам псковичей и москвичей, увлекшимся захватом добычи, и благодаря этому спасти свои основные силы.

Совершенно иначе рассказывается об этом сражении как о большой победе немцев в хронике Рюссова. Умолчав о неудачах магистра под Изборском и Псковом, Рюссов подробно описывает сражение, в котором будто бы с русской стороны участвовало 90 тысяч воинов! Эта фантастическая цифра, очевидно, понадобилась немецкому хроникеру для того, чтобы, с одной стороны, возвеличить подвиги Вальтера фон Плеттенберга и его рыцарей, а с другой — оправдать отступление немцев после выигранного сражения: «И когда вечером на воздвижение креста, — пишет Рюссов, — неприятель наступал с великим криком и буйством, магистр бесстрашно предстал глазам неприятелей, которые очень удивились смелости малочисленного немецкого народа». Русские, пользуясь своей многочисленностью, сообщает далее Рюссов, окружили всех людей магистра. Тогда магистр велел сначала стрелять по русским из орудий, а затем три раза пробился через толпу войск, нанес русским большие

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 242.

² Псковская 1-я летопись, стр. 87—88.

потери и обратил их в бегство. «Но так как он со своими людьми был совершенно утомлен, то не мог далее преследовать неприятеля, но стоял на месте до третьего дня и поджидал неприятеля, не придет ли он снова». Русские не явились, так как не хотели «принять такой горячей ванны». Потери магистра Рюссов исчисляются в 400 служивых людей с их начальником перновцем Матвеем, поручиком и фенрихом. По словам Рюссова, в этой битве легло много тысяч русских¹.

Значительно сдержаннее рассказ Герберштейна, хотя не все сообщенное им заслуживает доверия. Герберштейн также указывает на огромную численность русского войска, выступившего навстречу противника, с чем нельзя согласиться². Магистр, не имея возможности отступить иначе, как с великим позором и опасностью, ободрил своих, а затем с пушечной стрельбой храбро пал на русских. При первом натиске ему удалось рассеять русских и обратить их в бегство. Однако он не мог на большое расстояние преследовать русских из-за малочисленности своего войска по сравнению с противником и из-за тяжелого вооружения. Это дало возможность москвитам привести себя в порядок и храбро атаковать пехоту Плеттенберга, которая в числе 1500 человек выстроилась в виде фаланги, и нанесла ей большой урон. В этом бою были убиты начальник пехоты Матвей Пернауэр (Pernaue), его брат Генрих и знаменосец Конрад Шварц. Около 400 пехотинцев «были жалким образом перебиты врагами, а остальная толпа (*reliqua turba*) с копницей, сохраняя порядок, невредимо вернулась к своим»³.

Совпадение некоторых данных у Рюссова с Герберштейном (поведение Плеттенберга в начале сражения, одинаковые сведения о потерях ливонцев, инцидент с изменой Гамерштетера) позволяет предполагать, что Рюссов был знаком с сочинением Герберштейна. Но вместе с тем рассказ Герберштейна лишен той резкой тенденциозности, которая так отчетливо выступает в повествовании Рюссова. Неудачу русских Герберштейн относит лишь к началу сражения, что вполне совпадает с рассказом русских летописей. Наоборот, во второй период боя немецкая

¹ Хроника Рюссова, стр. 299—300.

² *Moscique cognito hostium advetu, ingenti multitudine magistro occurret...* Commentarii, 1556 г., 115.

³ S. Herberstein. Commentarii, изд. 1556 г., стр. 115. Русский перевод Малеина, стр. 182. Герберштейн странно связывает поражение немецкой пехоты с изменой некоего Луки Гамерштетера, который вырвал знамя у тяжело раненого знаменосца Конрада Шварца и перешел на сторону русских. Совершенно ясно, что этот эпизод никак не мог повлиять на результат происходившего сражения. Герберштейн считал нужным рассказать дальнейшую авантюристическую историю Луки Гамерштетера, которого он видел в Москве среди иностранцев, находившихся на службе русского государя.

пехота потерпела полное поражение и повесла очень большой урон. В этом отношении показательными являются гибель начальника пехоты и потеря знамени. Герберштейн отдаст должное храброму наступлению русских.

Некритическое отношение к ливонским источникам было причипой неправильного освещения сражения у озера Смолина в дворянско-буржуазной литературе. Карамзин, восторгаясь неустрашимостью, хладнокровием и искусством Плеттенберга, считал, что только из-за измены он не одержал победы. Соловьев отмечает, что эта битва была «одна из самых кровопролитных и ожесточенных» и что Плеттенберг «со славою» отступил к своим границам. В действительности же весь поход Плеттенберга представлял собой цепь одних неудач, начиная от безуспешной попытки занять Изборск и кончая вынужденным отступлением после боя у озера Смолина. Плеттенбергу не удалось отвлечь русские силы от литовцев или оказать какое-либо влияние на ход войны.

Возвратившиеся в Новгород после ухода Плеттенберга войска уже 3 декабря были посланы «воевати в Литовскую землю». Интересно отметить, что разряд воевод был оставлен почти без изменений: в большом полку князь Даниил Щеня и князь Василий Васильевич Шуйский, в передовом — князь Петр Лобан Ряполовский; в правой руке — Петр Житов; в левой руке — князь Федор Прозоровский; в сторожевом — Михайло Андреевич Колычев и князь Семен Ромодановский.

В разрядной книге 7010 г. (1502) сохранилась, кроме того, запись похода этого года в Литовскую землю из Ржева, но без указания месяца. Возможно предположить, что этот поход был предпринят в конце 1502 или в начале 1503 г., т. е. одновременно с отправлением воевод из Новгорода ¹.

Наконец, третья рать около этого же времени была послана в Литовскую землю из Северщины. По сохранившейся разрядной росписи в большом полку были князь Семен Иванович Стародубский и князь Василий Иванович Шемячич, а с ними воевода князь Александр Владимирович Ростовский; в передовом полку — князь Иван Семенович Одоевский, князь Иван Михайлович Воротынский и брянский наместник Иван Васильевич Жук; в правой руке — князь Василий Семенович Швих-Одоевский и воевода великой княгини рязанской Яков Назарьев; в левой руке — князь Иван Михайлович Репня и воевода рязанского князя Федора Васильевича Чавка Васильев Дурнов;

¹ П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 31. Разряд воеводам, посланным из Ржева, в тексте Разрядной книги, следует непосредственно за разрядом воевод в Новгороде.

в сторожевом полку — князь Василий Васильевич Ромодановский¹.

Таким образом, Иван III наносил по территории врага три одновременных удара в разных направлениях, заставляя противника разбрасывать свои силы на огромном протяжении для обороны порубежных земель. К сожалению, мы не располагаем материалами, относящимися к этим боевым действиям, и не можем установить их непосредственных результатов. Единственным указанием на них служит следующее место из наказа Ивана III Ивану Никитичу Беклемишеву, посланному из Москвы в Крым 23 февраля 1503 г.: «...а ныне послали есмя на Литовскую землю князей своих, князя Семена Ивановича Стародубского да князя Василья Ивановича Шемячича, и иных своих князей и воевод многих со многими людьми; а приказали есмя им недругу гораздо недружбу чинити, как им бог пособит. И те наши князи и воеводы со многими людьми и ныне в Литовской земле воюют, как им там что бог даст»².

Осведомляя своего союзника об этих действиях на земле их общего недруга, Иван III вместе с тем сообщал ему ближайшие планы войны. Весной предполагалось послать на противника большую рать с великим князем Василием и двумя младшими сыновьями Ивана III, Юрием и Дмитрием. Новь возникал вопрос о совместных и одновременных действиях московских войск и Крымской Орды. Иван III опять настойчиво требовал от своего союзника, чтобы он или сам шел или детей своих послал в Литовскую землю на Киев, Слуцк, Туров, Пинск и Минск³.

Поэтому отправление зимой 1502/1503 г. трех ратей в Литовскую землю могло преследовать две цели. Одна из них была связана с подготовкой нового большого всеобщего наступления на Смоленском направлении. Продолжая малую войну «не выходя» из Литовской земли, Иван III держал инициативу в своих руках и расширял силы противника. С другой стороны, эти хотя и местные, но постоянно беспокоившие врага действия должны были оказывать влияние на общее политическое положение великого княжества Литовского; в данное время это было особенно важно в виду начавшихся мирных переговоров.

6

Военные успехи турок в южном Пелопоннесе и на подступах к Адриатическому морю вызвали в Италии новый подъем движения против империи падишаха. Русское посольство Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова прибыло в Рим в тот момент,

¹ П. М и л ю к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 32.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 454.

³ Там же, стр. 455, 459.

когда на улицах «вечного города» раздавались боевые призывы папы Александра VI Борджиа против «неверных». 11 марта 1500 г. московские послы слушали в Риме возмущенную речь папы. В Венеции они были приглашены участвовать в торжественной процессии. Впрочем, им пришлось отказаться, когда они узнали, что первое место в ней было предназначено французам¹.

Повидимому, поведение московских послов оставило в Риме и Венеции какие-то смутные надежды на привлечение «Московии» к противоттоманской лиге. Зная дипломатическую службу при Иване III, нельзя, конечно, допустить, чтобы Ралев или Карачаров давали на этот счет как-либо обещания; возможно, что, стремясь успешно выполнить поручения великого князя и вывезти в Россию нужных ему людей, они не высказывали отрицательных суждений в отношении образования лиги всех христианских государств и даже присутствовали на церемониях, пропагандировавших эту идею.

Во всяком случае в Риме решили отправить для переговоров с великим князем по этому вопросу большое посольство от папы и венгерско-чешского короля. Посол венгерско-чешского короля Владислава Сигизмунд Сантай прибыл в Москву 29 декабря 1502 г., опередив почти на год возвращавшегося из Италии Ралева. Уже на третий день пребывания в Москве Сигизмунд Сантай был принят Иваном III и представил великому князю «верющую» грамоту от своего короля, а также грамоту от папы и две грамоты от кардинала Регнуса, которого папа уполномочивал на переговоры с Москвой по вопросу о заключении союза против Турции.

Папа Александр VI в краткой грамоте к Ивану III указывал на турецкую опасность, грозившую всем христианским народам. Он извещал, что послал своих кардиналов ко всем христианским королям и «начальникам», призывая их к соединению и защите «христианской веры». Папа приглашал Ивана III присоединиться к этому союзу и последовать примеру польского короля Яна Альбрехта, уже принявшего его предложение. Смысл предложений папы был яснее раскрыт в грамоте кардинала Регнуса. Из нее следовало, что главным условием успешности антитурецкого союза папа считал примирение московского великого князя с польским королем, «заеж то светлейшее величество полское бодрейше есть на зашщитение православные веры...» Кардинал старался использовать отцовские чувства и политическое самолюбие великого князя, убеждая его, чтобы он «не вооружался» на зятя и дочь и чтобы не остался в одиночестве «от предобраго совета христьянского».

¹ П и р л и г. Россия и папский престол, т. I, стр. 247.

Грамоты папы и кардинала являлись как бы введенным к тем конкретным предложениям, которые должен был сделать от имени «апостольского седалища» и венгерского короля Сигизмунд Сантай. Эти предложения и были сделаны в речи, произнесенной на первом приеме после подачи грамот. Дело шло, по словам посла, об освобождении от турок всего «Константинопольского царства». Для этой цели предполагалось составить союз из Венгерского, Польского и Чешского королевств и княжеств Литовского, Московского, Прусского и Ливонского. Повторяя утверждения, содержащиеся в грамоте Регнуса о том, что война между Иваном III и Александром Казимировичем препятствует образованию такого союза, Сигизмунд Сантай более откровенно, чем в этой грамоте, заявлял об агрессивном характере действий со стороны Москвы. По его словам, кардинал легат «не разумеет действия сее брани вины истинные и начатые тое нашаче, кою убо ваше господство светлейшее возвестило наяснейшему зятю своему брань нанести». Польскому королевству и великому княжеству Литовскому пришлось защищать свою отчину «от находящихся» столько же московских войск, как и татар. Таким образом, из речи посла следовало, что главнейшая цель посольства заключалась не столько в привлечении Ивана III к антитурецкой лиге, сколько в спасении польского короля и литовского великого князя от дальнейших поражений и в сохранении неприкосновенности границ Польского королевства и великого княжества Литовского.

Все эти вопросы должны были стать предметом обсуждения на другой день после вручения верительных грамот. Однако характерный для западных дипломатов XV в. эпизод лишил венгерского посла возможности на следующий день самому пропеть заготовленную королевскую речь. По посольскому обычаю великий князь после угощения посла в своем дворце послал «его поити», т. е. прислал ему крепкие московские настойки и меды. «И посол, — отмечает посольская книга, — тот почп пьян разпился, да за немочью, с королевскими речми не был». Место посла занял его толмач Юрий Аповский и каплац Дитрих. Венгерский королевский толмач принужден был объяснить эту неожиданную перемену лиц тем, что посол «приехав на подворье, уразился, и он не мог к тебе с теми речми прити, а прислал те государя нашего речми со мною в писанье; а молит твое господство, чтобы твоя господская светлость за то на него не позазрил».

Повторяя более подробно все то, что уже сообщалось в грамоте кардинала, король еще более определенно устанавливал условия примирения: Иван III должен был вознаградить Александра Казимировича «за нанесенныя шкоты», т. е. возместить

убытки, припленные войной, а также «господствия и господ взятых отдат» — возвратить занятые земли и плешных.

Несомненно, что с точки зрения достижения основных целей, поставленных перед посольством в Москву, такая постановка вопросов являлась большой дипломатической ошибкой, которой не замедлил воспользоваться Иван III. Ведь если условием присоединения к антитурецкому союзу ставилось заключение мира между московским великим князем и польским королем, то естественно, что сначала надлежало прийти к соглашению относительно условий будущего мира или перемирия. Это дало возможность Ивану III, не отказываясь, но и не давая согласия на участие в войне против Турции, которая совершенно не входила в его политические расчеты, ограничиться общим заявлением о своем желании, чтобы «христианская рука высока была над поганством». Другое дело — вопрос о причинах войны и об условиях ее прекращения. Иван III не мог не понять, что предложения посольства от имени папы и венгерско-чешского короля были не предложением посредничества, а замаскированным выступлением на стороне Александра Казимировича и вмешательством в войну. Иван III дал им категорический и резкий отпор. От имени великого князя Сигизмунду Сантая было указано, что война ведется за русские земли, захваченные польским королем и великим князем литовским: «И мы падеемся, что папе то гораздо ведомо, что короли Владислав и Александр вотчичи Полского королевства да Литовские земли от своих предков, а Русская земля от наших предков, из отарпы, паша отчина... И папа бы положил то на своем разуме, гораздо ли то короли чинят, что не за свою вотчину с нами хотят воевати?»¹

Таким образом, посольство Сигизмунда Сантая в Москву должно было лишний раз убедить Запад в полной самостоятельности внешней политики Ивана III, основу которой составляли конкретные интересы Русского государства. Со своей стороны, Иван III, несмотря на совершенно неприемлемые условия мира, предложенные венгерским королем, не мог не почувствовать, что мирные предложения были продиктованы не силой, а слабостью противника. Московские войска заняли с пачала войны огромную территорию, составлявшую часть той Руси, на которую, как на свою «отчину», претендовал московский государь. Инициатива военных действий все время находилась на стороне Москвы. Александр Казимирович в течение двух с половиной лет войны терпел одни поражения и не мог вернуть ни одного потерянного города. Возведение его на польский престол несколько не облегчило тяжелого положения великого княжества

¹ Сб. Русе, ист. об-ва, т. 35, стр. 341—361.

Литовского. Ни Польша, ни тем более Венгрия воевать с Москвой не хотели. Ливонский орден был утомлен войной, приосившей ему неудачи и тяжелое разорение. Наконец, сама инициатива в ведении мирных переговоров свидетельствовала о том, что в прекращении войны больше нуждалась противная сторона¹.

Иван III имел, кроме того, документальное подтверждение слабости противника. Это была грамота Александра Казимировича, посланная им к Менглы-Гирею и датированная 14 июля 1502 г. Эту грамоту Менглы-Гирей прислал к Ивану III со своим «человеском» Арваном, приехавшим в Москву в ноябре этого года, т. е. незадолго до прибытия венгерского посольства. Король Александр поздравлял Менглы-Гирея с победой над Ших-Ахмедом: «божиею милостью отца своего Большую Орду взял еси, да и люди; и мы то слышев, обрадовалися». Король уверял крымского хана в отсутствии у него враждебных намерений; Ших-Ахмеда он «приводил» не на Менглы-Гирея, а на «князя московского» Ивана. В грамоте содержалось ясно выраженное признание своей слабости: «а нынеча наша Литовская отчина и земля и вода велми истомилася». Король готов был удовлетворить все требования Менглы-Гирея относительно спорных земель и обещал платить ежегодную дань («поминки») всем царевичам, братьям и сыновьям Менглы-Гирея, всем уланам и князьям. Царевичам было обещано давать по 10 тысяч алтын (по 300 руб. на московские деньги). Предвидя, что хан может не поверить этим обещаниям, Александр Казимирович привел свидетельство «человеска» Менглы-Гирея Козя-бердея, который ездил в Литву и видел приготовленные для отправки в Крым «поминки» и деспыг (кулп). Наконец, Александр Казимирович предлагал поручительство каффийских гостей в уплате этих денег. Униженный тон королевской грамоты являлся полной противоположностью ранее посылавшимся грамотам Александра Казимировича².

Вступая в переговоры по вопросу о заключении мира с Александром Казимировичем, Иван III отдавал себе полный отчет о том неблагоприятном впечатлении, которое должно было произвести известие об этом в Крыму. Между тем для дипломатических успехов было крайне важно поддерживать состояние военной тревоги в польских и литовских землях. Поэтому во всех наказах московским послам, отправляемым в Крым, на этот вопрос было обращено самое серьезное внимание.

¹ Ошибочным является утверждение Пирлига, будто переговоры кончились тем, что великий князь выразил готовность воевать с турками, а с поляками заключить мир (Россия и папский престол, кн. I, стр. 285).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 448—449.

В наказе Ивану Берсеню Беклемишеву, составленному в феврале 1503 г., во время пребывания в Москве венгерского посла Сантая, было велено в следующем виде передать хану результаты происходивших в Москве переговоров: «И мы отвечали угорского короля послу так, что их вотчина Лятцкая земля и Литовская земля; а Русская земля вся из старины наша отчина. А которые города, с божьею волюю, у Литовского есмья взяли, то наша отчина, тех ему не отдадим. А которые города Русская земля, и мы, ож даст бог, хотим своєю отчины всее доставати, как нам бог пособит. Так есмья ему отвечали. И ты как на чем нам молвил и правду учинил, на том бы еси и стоял, другу бы еси моему друг был, а недругу недруг, а на Ахматовых детей и на Литовского был бы еси со мною задин». Беклемишев должен был убедить Менглы-Гирея в том, что великий князь не заключит без него отдельного мира. Если хан скажет, что он подождет идти в Литовскую землю, пока не получит известий из Москвы о цели прибытия литовского посольства, то Беклемишеву следовало сказать, чтобы хан этих вестей не ждал, а пошел бы весной сам или послал своих сыновей с ратью в Литовскую землю. Со своей стороны, Иван III обещал послать против Литвы своих сыновей¹.

Однако существовало другое обстоятельство, которое значительно больше, чем мирные переговоры в Москве, задерживало Менглы-Гирея и его сыновей в Крыму. Ших-Ахмед хотя и был разбит, но все же продолжал беспокоить Менглы-Гирея. В конце лета 1502 г., через два месяца после поражения, он имел около 4 тысяч человек и небольшое число улусов, с которыми кочевал у устья р. Камы². В это время положение Ших-Ахмеда было настолько неустойчивым, а отношения его с Литвой столь неопределенными, что он решил обратиться в Москву с предложением о заключении мира и с просьбой «достать» ему Астрахань. Сначала эти предложения были переданы с послом Ивана III Давыдом Лихоревым, возвратившимся из Большой Орды в Москву³. Затем в Москву явились послы от Ших-Ахмеда Четырбай и Аллагар и от его брата, царевича (султана) Богатыря, Кемерус⁴. Послы сообщили великому князю, что Ших-Ахмед от литовского великого князя «однолично отстанет и дружба с ним не хочет держати». Иван III послал своего «чело-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 457.

² Там же, стр. 433. Донесение из Крыма Алексея Заболоцкого.

³ ИСРЛ, т. VIII, стр. 242; Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 435.

⁴ Сб. Русс. об-ва, т. 41, стр. 435—436. В Никоновской летописи: «Того же лета (7011) прииде посол Шихахматов царев Аллиар, а брата его Хозяк-Салтанов посол Хозя же, а Богатырев-Салтанов посол Кемер-Урус» (ИСРЛ, т. XII, стр. 257).

века» с возвращавшимися послами Ших-Ахмеда и велел передать хану, что он готов «доставить» ему Астрахань при условии отказа от союза с литовским великим князем и заключения мира с Менглы-Гиреем. То же было передано Богатырю султану.

В сентябре в Крыму стало известно, что Ших-Ахмед вел переговоры со своими братьями и дядей Аблекеримом, но соглашение между ними еще не состоялось — «не саодиначился». Сам Ших-Ахмед с князем Тевкелем перешел за Волгу, а улусы его, ввиду опасности нападения со стороны ногайских татар, стояли в крепости у Волги¹. По сведениям, полученным в Москве, Ших-Ахмед и Хозяк зимовали около Астрахани, имея всего около 500 человек. Ших-Ахмед посылал к Емгурчюю и к пяти другим ногайским мурзам, приглашая их совместно идти против Менглы-Гирея, но ногайские мурзы не давали на это своего согласия. Иван III, со своей стороны, старался удержать ногаев от соединения с Ших-Ахмедом. С этой целью он велел казанскому хану Мухаммед-Эмию послать от себя человека к Емгурчюю с предупреждением от имени великого князя, чтобы Емгурчюю не помогал Ших-Ахмеду против Менглы-Гирея, если только хочет быть «прямым другом» великому князю².

В начале 1503 г., когда в Москве начались переговоры о заключении мира с Александром Казимировичем, Иван III очень опасался, чтобы страх Менглы-Гирея перед возможным нападением на него Ших-Ахмеда не помешал бы крымскому хану послать свое войско в Литовскую землю. В наказе Ивану Берсеню Беклемишеву поручалось успокоить Менглы-Гирея, обещав ему в случае опасности полную поддержку со стороны великого князя. Если все же Менглы-Гирей из опасения покинуть Крым сам не пойдет и детей своих не будет посылать, то ему следовало предложить послать кого-либо из сыновей с теми «ордынскими людьми», которые были захвачены в плен после разгрома Ших-Ахмеда. Этим, по мнению Ивана III, достигалась двойная выгода; с одной стороны, Менглы-Гирей временно избавлялся от неустойчивых людей, с другой — эти люди, бывшие подданные Ших-Ахмеда, получив от Менглы-Гирея разрешение на грабеж литовских земель, укрепились бы в верности крымскому хану. «И хотя ведь, господине, Ших-Ахмет царь на тебя и пойдет, — писал Иван III, — ино, господине, от тех людей ордынских тебе коромапы тогда не чаяти. А что тамо возмут в Литовской земле, ино им повадно, и они от тебя не отстапугт»³.

Этот совет не мог быть передан Менглы-Гирею, так как посольство Ивана Берсеня Беклемишева было разогнано в степи и сам

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 451—452.

² Там же, стр. 456—457. Это поручение Мухаммед-Эмию было удобно выполнить потому, что он был женат на дочери мурзы Емгурчюю.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 462.

Беклемишев вернулся в Москву. Большим успехом Менгли-Гирея явились переход к нему князя Тевкеля, в течение ряда лет державшего сторону Ших-Ахмеда, и установление дружеских сношений между Менгли-Гиресем и Емгурчесем. Последнее обстоятельство, повидимому, явилось непосредственным результатом воздействия на Емгурчю со стороны Ивана III. Но одновременно выяснилось, что Ших-Ахмеду удалось «соодначиться» с другими ногайскими мурзами, вместе с которыми он перешел на западную сторону Волги. Интересные сведения об этом были получены в Крыму от Емгурчю, приславшего своего посла в Крым. Емгурчю велел сказать Менгли-Гирею: «во пошли на тебя мой братья меньше Солтан Ахмат мурза, да Алчатыр мурза и иные мурзы со царем с Ши-Ахматом да с его братом с Козяк-салтаном; и тебе бы то ведомо было, и ты бы на них был готов; а яз готов на них с тобою съодного: ты пойдн на них оттуды, а яз иду на них отсюды». Хотя Емгурчю, по его словам, просил своих братьев отстать от Ших-Ахмеда и вернуться к нему, на ногайскую сторону Волги, но в то же время предупреждал Менгли-Гирея не верить им, хотя бы они и прислали послов, пока они действительно не уйдут обратно за Волгу.

Получив эти известия, Менгли-Гирей решительно заявил московскому послу, что пока ему угрожает Ших-Ахмед с ногаями он должен думать о своей безопасности, и ни сам не пойдет, ни детей своих не пошлет в Литву¹. Таким образом, намерение Ивана III в период переговоров в Москве использовать Менгли-Гирея для оказания давления на Александра Казимировича не могло осуществиться.

Ших-Ахмеду не удалось все же ни объединить остатки Большой Орды, ни укрепить союз с ногайскими мурзами. Под Астраханью Ших-Ахмед был покинут братьями Емгурчю, которые ушли от него за Волгу². Осенью 1504 г. Ших-Ахмед со своими братьями, Хозяком и Халеком, отправился через Киев к Белгороду (Аккерману), намереваясь уйти в Турцию, к султану Баязиду. Однако султан, узнав об этом намерении Ших-Ахмеда, выслал к нему пашу со следующими словами: «Каким путем к нам есте пришли, тем путем и назад пойдите; вас мы не знаем, нам друг и брат Мепли-Гирей царь; кто Мепли-Гирею царю друг, и мы тому дружи, а кто Менли-Гирею царю недруг, и мы тому недрузи». Турки выбили Ших-Ахмеда из Белгорода. В начале зимы сыповья Менгли-Гирея, находясь в Новом городке (в устье Днепра, на правом берегу против Очакова), узнав

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 477—478. В августе 1503 г. Иван III сообщил Менгли-Гирею, что Ших-Ахмед с союзными ногайскими мурзами прикочевал к Астрахани (там же, стр. 482).

² Там же, стр. 490.

о близости Ших-Ахмеда, преследовали его в степи, но постигнуть не могли из-за сильных морозов и глубоких снегов. Ших-Ахмед с братьями Хозяком и Халеком, бежали в Киев, где были схвачены киевским воеводой князем Дмитрием Путятичем и заключены в Вышгороде¹. По сведениям Ивана III, сообщенным им в августе этого года Менглы-Гирею, Ших-Ахмед был заключен в Виленском замке, а его братья были разосланы по разным городам². Впоследствии Ших-Ахмед жил под стражей в крепости Троках³. В уединенном литовском плену закончился беспокойный жизненный путь последнего хана Большой Орды, мечтавшего следовать по стопам отца в борьбе за возрождение былого могущества Золотой Орды. Конец Ших-Ахмеда был концом этих бесплодных попыток.

Деятельность Ших-Ахмеда весной 1503 г. все же имела тот результат, что литовские послы в сравнительно спокойной обстановке могли вести переговоры в Москве о заключении мира. Посольство от Александра Казимировича как польского короля и великого князя литовского, а также посольство от Ливонского ордена вместе приехали в Москву 4 марта 1503 г. В состав польско-литовского посольства входили: воевода Ланцицкий пан Петр Мышковский, маршалок и наместник полоцкого пан Станислав Глебович, маршалок и охмистр (гофмейстер), наместник ковенский пан Войтех Янович, подचाший королевства Польского, староста межрибжский пан Ян Буцицкий, стольник Краковский Петр Вроцимовский, писарь и канцлер, наместник brasлавский и жижморский пан Иван Сапсга, каноник познанский, секретарь князь Станислав Горецкий.

Заявление послов, сделанное в первый день приема у великого князя, представляло повторение старых обвинений в нарушении «докончания и крестного целованья» со стороны

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 516 (Грамота Менглы-Гирея Ивану III от 2 июля 1504 г.). Михаил Литвин сообщает, что Ших-Ахмед, узнав в Белгороде о намерении султана арестовать его, «стремглав» бежал с 50 всадниками и вышел на поля близ Киева, где был схвачен воеводой и отправлен в Вильно («Трактат о двух Сарматиях», стр. 65).

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 522.

³ По сведениям Герберштейна, король сначала с почтением встретил Ших-Ахмеда в Вильне. Ших-Ахмед присутствовал на сейме, на котором было решено начать войну с Менглы-Гиреем. Однако приготовление к войне затянулось. Ших-Ахмед, «сильно оскорбившись», бежал, но был пойман и заключен в крепости Троки. Там его видел Герберштейн, описавший свою встречу с бывшим владельцем Большой Орды. Ших-Ахмед присутствовал на обеде, который был дан в честь Герберштейна комендантом Трок: «его с почтением содержали там, так сказать, под свободным караулом, в двух крепостях, обнесенных стенами и выстроенных промеж озер. За обедом он толковал со мною через толмача о разных делах. Кроме того, он именвал цесаря своим братом и говорил, что все государи и пари — братья между собой» (Г е р б е р ш т е й н. Указ. соч., стр. 161 и 229),

Ивана III, который будто бы являлся единственным виновником войны. Но цель переговоров заключалась не во взаимных упреках, а в установлении тех условий, которые могли бы быть положены в основу мирного договора. Обвинение в нарушении старого «докончания» для польско-литовских послов было необходимо, чтобы обосновать требования о восстановлении «старых рубежей», установленных по «докончанию» 1494 г. Поэтому они потребовали возвращения всех тех городов и волостей, которые Иван III «посел» в отчине Александра Казимировича, в великом княжестве Литовском.

Вполне понятно, что в связи с положением, выставленным польским и литовским послами, прежде всего возникал вопрос о действующей силе «докончания» 1494 г. Иван III решительно отвергал возможность вернуться к нему, во-первых, потому, что, как доказывали великий князь и его дипломаты, старое «докончание» систематически нарушалось самям Александром Казимировичем, и, во-вторых, потому, что изменившаяся политическая обстановка требовала составления нового «докончания». Поэтому предстояло прежде всего определить понятие «отчины» для каждого государя. Иван III вкладывал в это понятие этнографический и историко-политический смысл. По его пониманию, «отчиною» московского государя является вся территория, заселенная русскими. Выражением этих прав московского великого князя являлся его титул: «государя всея Руси». Кроме того, вся русская земля (Русь) составляла «изначала» владение его «прародителей» и только впоследствии была частично захвачена литовскими великими князьями и польскими королями. Точно так же для польского короля «отчиною» является «Лятская земля», а для литовского великого князя — Литовская земля. «Государь наш велел вам говорить, — заявили выделенные для переговоров бояре польским и литовским послам, — ино ведь их отчина Ляткая земля да Литовская земля, и нам чего деля великому князю Александру тое своей отчины отступатись?... Ино и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»¹. Предупреждая возражение, что сам московский великий князь по докончанию 1494 г. признавал «отчиною» Александра Казимировича русские земли, входившие в государственную территорию великого княжества Литовского, Иван III объяснял, что он тогда «ради свойства и любви» те свои отчины «перенустил» тестю.

Новым явлением в дипломатической практике было обращение королевы Елены Ивановны по вопросу о заключении мира к отцу, матери и братьям и попытка вести переговоры

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 380.

не непосредственно с великим князем, а с его «радою», т. е. боярами. Как бы ни оценивать происхождение писем Елены Ивановны, видеть ли в них искусную работу литовской великокняжеской канцелярии (Г. Карпов) или результат изменений политических взглядов самой Елены, почувствовавшей себя польской королевой и великой княгиней литовской (Е. Церетели), и в том и в другом случае несомненно, что ее участие в переговорах по заключению мира являлось важным козырем в руках польско-литовской дипломатии. Дочь московского государя, па чью защиту от притеснений католического панства счел нужным подняться отец, сама теперь заявляла отцу, что она не нуждается в его защите, что она видит в нем виновника войны и просит отдать города и земли, захваченные у ее мужа. Правда, этот жестокий для Ивана III смысл письма дочери был смягчен леряческими излияниями по поводу горя, вызванного ссорой между отцом и супругом, и облечен в форму послания любящей дочери, новое положение которой не изменило ее прежнего отношения к отцу и матери; «Я служебна и девка твоя и подпожье твое», — пишет о себе королева Елена в обращении к Ивану III.

Документы Несвижского архива князей Радзивиллов, опубликованные в середине XIX в. польским историком Голембновским, проливают некоторый свет на выступление Елены Ивановны. В период подготовки к отправлению посольства в Москву брат короля, кардинал Фридрих, обратился к Елене Ивановне с посланием, в котором просил ее принять посредничество в мирных переговорах с Иваном III: «Кардинала Фридриха и остальных епископов королевства Польского, Елене королеве, супруге короля Александра. О посредничестве»¹. В том же архиве хранилось ответное послание Елены Ивановны на польском языке. «Получила я письмо ваше, — писала королева, — в котором вы высказываете вашу печаль по поводу войны между моим мужем и отцом и не скрываете удивления вашего, что я, столь близко им обоим родственная, не делаю усилий прервать ее, что доставило бы мне великую славу. Мои чувства были тождественны с вашими: скорбела о том, но покорная мужу, ничего не смела предпринять без его воли, а раз вы меня вызвали, примусь за дело охотно, лишь только получу разрешение на то от короля»². Письмо было написано в Минске, где Елена

¹ Г о л е м б н о в с к и й. Dzieje polski, W., 1848, т. III, стр. 484. Подлинник, судя по названию, был написан на польском языке: «Fredericus Cardinalis Caeterique Episcopi Regni Poloniae, Elenae Reginae, Conjugini Regis Alexandri. O posrednictwo».

² Г о л е м б н о в с к и й. Указ. соч., стр. 483. Письмо хранилось в Несвижском архиве Радзивиллов. Приводим по переводу Е. Ц е р е т е л и. Указ. соч., стр. 232.

Ивановна, повидимому, находилась в ставке своего супруга, и датировано 28 сентября 1502 г.

Дело было, конечно, не в том, что Елена Ивановна ожидала разрешения короля, а в том, что ни король, ее супруг, ни сама она не могли решиться на столь ответственный шаг при ее неустойчивом положении и нескрываемом враждебном отношении влиятельных католических прелатов, за которыми стоял сам «святейший престол». Перед началом войны папа Александр VI Борджиа рекомендовал упорную «схизматичку» развести с супругом и лишит владений. Всего за один год до послания кардинала Елена Ивановна встретила самый холодный прием в Кракове, куда она прибыла после коронации мужа. Члены краковского соборного капитула откровенно тогда заявляли, что брак Александра Казимировича был результатом его легкомыслия¹. Однако неудачный ход войны побудил даже такого ревностного католика, каким являлся кардинал обратиться за помощью к московской «схизматичке». Александр Казимирович тотчас дал согласие на посредничество жены. В ноябре 1502 г. он писал своему брату венгерскому королю Владиславу: «О мире с великим князем московским хлопочет наша жена и литовские сенаторы; тем пе менее благодарим за отправку туда же Сигизмунда Саптая»². Таким образом, посредничеству Елены Ивановны в Польше и Литве придавалось большое политическое значение.

Вполне понятно, что при этих условиях письма Елены Ивановны к отцу, матери и братьям, отправленные с ее капцлером Иваном Сапгой, носили характер официальных дипломатических документов. В них повторена вся та аргументация по вопросу о виновниках войны, которая не раз приводилась в официальных речах польских и литовских послов. Но, кроме того, вне логической связи с этой аргументацией находится та часть письма, в которой Елена Ивановна жалуется на свое невыносимое положение в новом отечестве. Биограф Елены Ивановны, Е. Церетели, правильно отметила, что некоторые фразы в этой части письма звучат на образец русских пародных причитаний и плачей³.

Письма Елены Ивановны не произвели, однако, ожидаемого впечатления, по крайней мере мы не замечаем какого-либо влияния их на ход дипломатических переговоров. Иван III все

¹ Е. Церетели. Указ. соч. стр. 230. Александр Казимирович весной 1502 г. написал письмо кардиналу Фридриху, в котором резко осуждал вмешательство краковского капитула в дело о его браке.

² Голембовский. Указ. соч., стр. 484. Письмо хранилось в Песвижском архиве Радавицких. Приводим по переводу Е. Церетели. Указ. соч., стр. 233.

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 368—376.

же упрекнул дочь в том, что она скрыла факт присылки к ней для совращения в католичество виленского бискупа и «отметника греческого закона», смоленского епископа, а также и в том, что она ему в своей грамоте «иное и не по делу к ним писала, тебе было и непригоже о том к ним писати»¹. Этот упрек, очевидно, относился к вмешательству Елены Иваповны в вопросы, относившиеся к переговорам об условиях мира.

Второй политический ход польско-литовской дипломатии состоял в непосредственном обращении рады королевства Польского, а также великого княжества Литовского к «раде великого князя Ивана Васильевича московского». Повидимому, в Польше и Литве представляли себе состав, организацию и компетенцию «боярской думы» по типу польского Сената или литовской рады, пользовавшихся действительно очень большими политическими правами, без ведома и согласия которых великий князь не мог самостоятельно решать ни одного крупного вопроса, особенно же в области внешней политики². Иван III согласился на совещание послов с его боярами, но вместо бояр, поименованных в литовской грамоте к боярской думе, — князя Василия Дмитриевича Холмского, князя Даниила Васильевича Щеня и Якова Захарьина, — выслал тех, которым было поручено ведение переговоров: Якова Захарьина, Григория Федоровича Давыдова и казначея Дмитрия Володириова «с товарищи»³.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, стр. 411.

² Как высший правительственный орган, рада великого княжества Литовского выделялась по земским привилегиям 1492 и 1506 гг. «Она получила значение учреждения, ограничивающего власть господара и стоящего на страже государственных интересов великого княжества против возможного нарушения их от великокняжеского произвола и усмотрения» (М. Л ю б а в с к и й. Литовско-русский сейм, стр. 331). В «верющей» грамоте от имени литовской рады к «раде» Ивана III поименованы четверо лиц, занимавшие первые места в раде: виленский бискуп Войтек, воевода виленский и канцлер Николай Радивиллович, пан виленский и староста городенский князь Александр Юрьевич Гольшанский, воевода трокский и маршалок земский Ян Юрьевич Заберезинский и пан трокский Станислав Янович Кезгайло. В обращении к московским боярам названы трое лиц, очевидно, по мнению панов радных, соответствовавшие первым трем светским должностям в литовской раде (бискуп Войтек, естественно, не имел аналогичной должности в московской «раде»): московский воевода князь Василий Данилович Холмский, воевода Великого Новгорода князь Данила Васильевич Щеня и воевода коломенский Яков Захарьин. Между тем хорошо известно, что в так называемой «боярской думе» бояре занимали места не по воеводствам, а по родовитости. Так, Яков Захарьин, принадлежавший не к первоначальному боярскому роду, не мог занимать третье место среди московских бояр.

³ Яков Захарьин в своем обращении к польским и литовским послам, явившимся для переговоров с боярами «рады» великого князя московского, совершенно ясно выразил эту мысль: «панове! присылали есте ко государя нашего воеводе московскому князю Василью Даниловичю

Основная цель обращения польских и литовских послов к московской «раде» заключалась в предложении чтобы высшие государственные учреждения Польского королевства, великого княжества Литовского и великого княжества Московского, т. е. польский Сенат, литовская рада и боярская дума, побудили бы своих государей к заключению прочного и долготелного мира, который позволил бы этим странам обратиться на борьбу с «погаными». Польский посол в своей речи выразил удивление, что «советники» обоих государей — Александра Казимировича и Ивана III — допускают между ними войну и пролитие крови.

Это предложение польско-литовских послов, столь необычное для московской государственной системы и дипломатической практики, осталось без ответа. Московских бояр, выделенных для переговоров, интересовал вопрос о конкретных условиях предложенного мира. Папам был задан вопрос: «есть ли у них какие иные речи до рады?». Послы предложили вернуться к «докончанию» 1494 г. и возвратить города и земли, занятые московским великим князем. Решительно отвергая это требование, бояре, с своей стороны, предложили те условия, которые неоднократно предлагал сам великий князь: вернуть всю государеву «отчину», т. е. все русские города, находившиеся под властью Александра Казимировича. Дальнейшие переговоры вращались вокруг двух спорных вопросов: о титуле и о государственной «отчине». Длительный спор не привел ни к какому результату — «да поговорили межн собой спорных речей много о имени и о вотчине». Заканчивая переговоры, польско-литовские послы могли только просить, чтобы бояре поговорили со своей «радою», обещая, со своей стороны, переговорить с венгерским послом.

На этой единственной встрече закончилась попытка польско-литовской стороны самостоятельно вести переговоры с московской «радой». Так как дальнейших предложений в этом направлении не делалось, то нужно думать, что польско-литовские послы поняли безнадежность подобных переговоров, имевших целью вызвать разлад между боярами и их государем. Вместо представителей самостоятельного высшего государственного учреждения они встретились с послушными исполнителями воли московского государя.

Но вместе с тем переговоры убедили послов в невозможности положить в основу мира старое «докончанье», решительно отвергавшееся московской стороной. Поэтому последовавшее затем выступление, в качестве посредника, венгерского посла

п ко всей раде государя нашего приставов своих о том, чтобы вам видетися с радою государя нашего: и что будет вам дело до рады государя нашего, и вы то дело с нами говорите» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 382).

Сигизмунда Сантая было первым шагом польско-литовского посольства в направлении неизбежных уступок. Принятый Иваном III 15 марта Сигизмунд Сантай подал запись своей речи с одинаковым текстом на латинском и русском языках. Венгерский посол сообщал, что он присутствовал на совещании послов с боярами «думы» великого князя и выслушал после этого объяснения польских и литовских послов. В то время, как последние, ссылаясь на «докончанье», доказывали, что в нем нет ни одной строки, которая могла бы подать повод к обвинеению их короля, московский государь не только не признает за этим «докончаньем» никакой силы, но и не отдает земли, занятые после «докончанья», и хочет овладеть еще и всеми другими русскими землями. Делая последнюю попытку убедить московского государя строго придерживаться прежнего «докончанья», Сигизмунд Сантай, во-первых, ссылаясь на международные обычаи («того ради, обычай есть по всему свету»), по которым соглашения между государствами, закрепленные грамотами и печатями, «на вечную память утверждают». С другой стороны, Сигизмунд Сантай старался убедить великого князя в опасности для него продолжать войну, которая привела бы к выстулению на стороне Александра Казимировича «всех подсолнечных государей христианских». Сам папа очень заинтересован в сохранении мира для борьбы с «поверными»; папа укажет кардиналу, как нужно поступать с теми, кто «узрушают святое собрание против неверных». Таким образом, по словам Сигизмунда Сантая, Иван III вооружал против себя весь христианско-католический мир.

Ответ великого князя, переданный послу через Якова Захарьина «с товарищи», не содержал ни малейшей уступки. Поговорив «немало спорных речей», Сигизмунд Сантай дал другую заготовленную запись. Мотивируя свое новое предложение тем же желанием предотвратить ради интересов христианских народов войну Русского государства с папой и со всеми христианскими королями и князьями, он предлагал установить перемирие на условии возвращения Александру Казимировичу половины земель, занятых московскими войсками, а также освобождения из плена захваченных литовских князей, бояр и людей. «Запуж вижу, — писал Сигизмунд Сантай, — штож тяжко есть вашему государству все тое взятое брату своему возвратити, которое ж справне мели бы есте вернати, дабы всякий свое имел». Окончательное решение о судьбе этих земель, как возвращенных Александру Казимировичу, так и оставшихся под московской властью, он предлагал передать на посредничество папы и венгерско-чешского короля.

Неприемлемость этого предложения была вполне очевидна; в перемирии больше нуждались Литва и Польша, чем Москва.

Не могло быть никаких сомнений в характере посредничества папы и Владислава Ягеллона. Единственный вывод, который могли сделать московские дипломаты из этого предложения, заключался в том, что польско-литовские послы готовы были на заключение перемирия, но не сказали еще своего последнего слова об его условиях. Действительно, после отпуска Сигизмунда Сантая послы в тот же день прислали просить великого князя о приеме. Прием всего посольства, включая Сигизмунда Сантая, состоялся на следующий день, 17 марта. В новой записи послов уже не содержалось предложения о посредничестве папы и венгерско-чешского короля. Послы на этот раз призывали возможность пересмотра старого «докончанья» для заключения мира. Устаивавшая полную противоположность двух предложений, — польско-литовского о возвращении к «докончанью» 1494 г. и московского, отрицавшего всякую силу за этим «докончаньем», — послы считали возможным пойти в будущем такое компромиссное решение, которое бы удовлетворило обе стороны: «А ведь же однако промежи тых двух речей, одна бы третья нектоораа речь добраа промежи вашея милости государей наших знайдена была...» Во время перемирия, установленного на определенный срок, Александр Казимирович должен был прислать в Москву «большую раду свою, панов и воевод» для окончательных переговоров и заключения мира. Таким образом, из текста записи послов следовало, что они соглашались заключить перемирие на компромиссных условиях.

В переговорах о перемирии, происходивших в последующие дни, Иван III старался показать, что в перемирии нуждается не он, а Александр Казимирович и что инициатива в этом вопросе всецело принадлежит польско-литовской стороне. Характерно, что после сделанного предложения о заключении перемирия венгерский, польский и литовский послы, были приняты великим князем только через три дня (20 марта), и то после нового напоминания с их стороны. Лишь после того, как в поданной венгерским послом записи послы заявили, что «от государя своего болши за собою речей некоторых не держат» и что если не будет воли великого князя на заключение перемирия, они просят об отпуске, послам было сообщено, что великий князь согласен на перемирие «для своего первого свойства» с Александром Казимировичем и ради того, чтобы «кровь христианская не лилась». Предстояло поэтому решить теперь два вопроса: о сроке перемирия и об установлении временных границ на условиях фактического владения.

На предложение польско-литовских послов заключить перемирие на шестилетний срок, Яков Захарьин отвечал от имени великого князя: «... и вы нам говорили от нашего брата, чтобы нам с ним взяти перемирие на шесть лет: ишо нам было столь

долго перемирие не надобе; и коли нас брат наш и зять просит, и мы, для первого свойства, с братом своим перемирье смлем на шесть лет». При этом послам вручили заготовленные списки с «перемирных грамот», в которых были перечислены волости, ранее принадлежавшие великому князю литовскому и по перемирию отходившие в московскую сторону. Знакомление с этим списком вызвало протест со стороны послов, потому что в списке были указаны волости Смоленские и других замков, которые не были «приведены к целованию» на имя московского государя. По предложению великого князя, послы дали список этих волостей, которые великий князь велел «опытати».

24 марта послов позвали к великому князю, и им был передан новый список волостей, составленный в результате произведенной проверки. В этом списке волости были распределены на три группы: в первую группу вошли те волости, которые были и в «перемирном» и в посольском списках, но после проверки выяснилось, что они не были «приведены к целованию» на великого князя и в них никто не сидит¹. Во вторую группу были отнесены те волости, которые значились в «перемирном» списке и не были указаны в посольском списке, но после проверки оказалось, что их также «к целованию не приводили» и в них никто не сидел². Таким образом, в соответствии с принципом *uti possidetis* волости первых двух групп должны были оставаться в литовском владении. Третью группу составляли те волости, относительно которых послы заявляли протест, но при проверке оказалось, что они были приведены к «целованию» и поэтому должны были оставаться в «перемирном» списке. Относительно этих волостей были сделаны указания о времени и обстоятельствах их занятия московскими властями.

Трудно допустить, что первоначальный список был составлен случайно и что ряд волостей в него попал по неведению посольской канцелярии. Вернее предположить, что список был намеренно составлен с преувеличением, с целью путем дальнейшей уступки сохранить наиболее важную часть спорной территории. Действительно, польско-литовские послы не удовлетворились отказом великого князя от волостей первых двух групп, но настаивали на отказе и от ряда волостей третьей группы, которые по московскому списку были приведены к «целованию» на имя

¹ Смоленские волости: Рославль, Пруды, Ивацко, Белик, Радчино, Новоселле, Свадито, Жереспер, Поречье, Нежеда. Витебские волости: Брус, Дрочья Луки. Полоцкие волости: Мошники, Дрыса, Освичье, Неждорда, Листвена, Непоротовичи, Вербилова слобода, Кубок, Вязмо, Клино, Сятвяне, Себеж, Замошенье.

² Речница, Брягия, Горболь, Навоз, Сороковичи, Острь, Лучичи, Свержень, Туров, Долие, Видо, Мушковичи, деревни Похмости.

Ивана III¹: «милая панова! поговорите с своею братьею, с радю государя вашего, да п до государя своего о том речь допесите, чтобы государь ваш тех волостей поступился: запже без тех волостей тем городом нелзе быти; да чтобы государя нашего городы и волости украпные велел в церемирные грамоты пкати по пменом, да список тому дати. А не поступится тех волостей, и нам без того немощно делати, и государь бы нам отпущк учинил».

Требование польско-литовских послов было удовлетворено только частично: Иван III «для первого свойства» согласился на уступку из 25 волостей 6 волостей².

«Перемирные грамоты» должны были составить московские дьяки совместно с писарем Иваном Сапегою. Однако при первой же встрече между ними возникли новые пререкания. Иван Сапега требовал, чтобы Киев с пригородами и волостями и другие русские города, оставшиеся под властью Александра Казимировича, были названы его «отчиною». Кроме того, он потребовал, чтобы были поименованы все села и волости, тянувшие к Смоленску и к другим городам. Эти предложения вызвали новые переговоры с папями. Наименование Киева и других русских городов «отчинами» великого князя литовского означало бы отказ от притязаний в будущем на эти русские города и земли, о которых Иван III неоднократно заявлял, что они, как и вся русская земля, являются его «отчиною» от первых «прародителей» — киевских князей. Под вторым предложением скрывалось, очевидно, намерение польско-литовской стороны вынудить у московского правительства признание территориальной целостности земель-воеводств, что могло быть использовано при заключении мира.

Оба предложения вызвали решительный отказ московской стороны, с которым папы принуждены были согласиться. Киев и другие русские города и волости было решено называть не «отчинами», а «землями» Александра Казимировича.

Кроме этих пререканий, возник еще один спорный вопрос, поднятый польско-литовским посольством, — о заключении также перемирия на шестилетний срок с «паном губернатором земли королевства Светцкого». Причиной к этому, по словам послов, являлось, с одной стороны, стремление папы привлечь Швецию к антитурецкой лиге³, а с другой — желание, чтобы

¹ Нацин, Осовик, Весславль, Вороночь, Лазарево, Городище, Ельна, Нежеда, Престь, Сверковы Луки, Руда, Ветлицы, Щучь, Велиж, Озеро, Плавеец, Жижец, Замощье, Боровляне, Свято, Озерище, Коротаи, Вязма, Весноболого.

² Ельна, Руда, Ветлицы, Щучь, Озерище, Свято.

³ В записи послов сообщалось: «... воля есть святейшего отца папы на то, и вжо о том я посла своего послал до губернатора земли королевства Светцкого, ижбы тот пан губернатор справился и зготовился к тому

московский великий князь был в мире со всеми «государями христианскими». Под именем «пана губернатора» Швеция разумелся правитель государства Стен Стуре, который в результате восстания 1501—1502 гг. против короля Иоанна был провозглашен правителем Швеции и Финляндии. Так как Иван III, находившийся в союзе с королем Иоанном датским, не признавал правительства Стен Стуре, то бояре с полным основанием отвечали послам: «ино мы с Иваном королем з Датским и Свейским в любви и в братстве и в докончание; и посол его и ныне здесе у нас».

В течение трех дней, 26—28 марта, была составлена окончательная редакция «перемирной грамоты», при участии «писаря» Ивана Сапеги и секретаря князя Станислава Горецкого. Грамота в начале констатировала неудачу мирных переговоров, вследствие которой обе стороны не пришли к мирному соглашению. Поэтому, по предложению послов Александра Казимировича, было решено заключить перемирие сроком на шесть лет, от благовещенья 1503 г. (7011) до благовещенья 1509 г. (7017) с тем, чтобы в «перемирные годы» между собой «рати и войны не замышляти». В эти годы Александр Казимирович должен был прислать послов для заключения окончательного мира — «которые бы межя нас доброй конец учинились».

Наиболее существенная часть «перемирной грамоты» состояла в установлении новых границ. Прежде всего были внесены в грамоту старые пограничные земли с московской стороны: Новгородская, Псковская, Тверская, Рязанская и Пропская со всеми волостями. После этого следовало перечисление земель, перешедших под власть московского великого князя во время войны 1500—1503 гг. Александр Казимирович на «перемирные годы» оставлял во владении Ивана III все земли, которые были за князьями Семсоном Ивановичем Стародубским (можайским), Василием Ивановичем Шемячичем, Семеном Ивановичем Бельским, Трубецкими и Мосальскими.

В состав Черпигово-Стародубского княжества к Ивану III переходили города: Чернигов, Стародуб и Гомель со всеми волостями. В составе Новгород-Северского княжества — города

сиятому исправлению, на обращение христианства противу поганым, ино тот пан кубернатор швецкой вымольвается с тое речи для того штож з величеством вашего государства и з некопми иными суседи своими имаеи некую вражду» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 397). Папа Александр VI в 1503 г. посылал в Германию и в Скандинавские государства своего уполномоченного кардинала Раймунда Перо для привлечения их к союзу против турок, обещая полное отпущение грехов. Для возможности участвовать в походе германские и скандинавские князья должны были прекратить внутренние раздоры и помириться со всеми врагами (Г. Ф о р т е н. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетях, СПб., 1884, стр. 166).

с их волостями: Новгород-Северский и Рыльск. Оба княжества занимали весьма обширную территорию, захватывая среднее и нижнее течение рек Сожи и Десны. Кроме того, из киевских городов к Москве переходили город Любеч на Днепре и город Путивль на р. Сейме. К северу от Гомеля по обоим берегам р. Сожи на московской стороне остались села Гомельского округа: Уваровичи, Телешовичи, Тереничи, Кошелев лес (Кошелев), Морозовичи, Липиничи, Скарбовичи, Залесье, Бабичи, Светиловичи, Голодное (?) Липицы, Полешане. На восток от этой территории к Москве переходила южная часть Мстиславского княжества с городами (Хотимль, Попова гора, Мглин и Дроков). На северо-востоке Новгород-Северское княжество граничило со Смоленской землей, в южной части которой были разбросаны владения «верховских» и других мелких православных князей; большинство их в конце XV в. сошло на положение служилых землевладельцев великого князя литовского. Установленная по «перемирной грамоте» граница от Хотимля направлялась на север в верховья р. Ипать (левый приток р. Сожи) и далее, оставляя на литовской стороне Рославль, — переходила в верховья р. Угры, где были обозначены отходящими в русскую сторону Лазарево городище и Селечня. От верхнего течения Угры граница поворачивала на северо-запад до р. Воли, у впадения в нее р. Устроми, и далее следовала по течению р. Воли до Рядыни.

Таким образом, на русскую сторону отходили весь бассейн верхнего течения Десны и все течение Угры. Из наиболее значительных пунктов на этой территории находились: города Брянск и Трубчевск на Десне, города Радогощ, Почеп, Карачев, Мценск, Мосалеск, Серпейск, Серенск, Мезоческ, Любутск. Все эти города и замки являлись пригородами Смоленска.

В бассейне правых притоков Угры в «перемирной грамоте» названы следующие волости: Опаково городище, Бышковичи (на р. Березице), Лычино (на р. Безвели), Недоходов (на р. Точе), Мощин (на р. Рессе), городище Дмитровец (Дмитров на Угре?), Демяне (на р. Деменс), Городечня (на р. Городечне, впадающей в Ворону, приток Угры), Ужпереть (на р. Ужперети), Великое Поле, Жулин, Лучин городок, Папып.

Между верхними течениями рек Ипать (приток Сожи) и Десны в «перемирной грамоте» названы: Жерынь, Вороничи, Осовик, Покипичи, Сухарь, Всеславль, Федоровское. В районе дуги, образованной течением Угры и сближающимися с ней верховьями Оки, находились волости: Ковынка, Снопоть, Шуя, Любушь, Дациловичи, Тухачево, Замошье, Дечна, Фоминичи, Погостище. Большинство этих населенных пунктов было расположено в бассейне верхнего течения р. Болвы (приток Десны).

К северу от Угры граница была передвинута от западного рубежа Вяземского княжества к р. Вои. Благодаря этому образовалась выпуклая дуга, обращенная в сторону Смоленска, причем наиболее выдвинувшиеся на запад пункты по р. Вои отстояли от Смоленска всего на 40—50 км. Центром этого района был город Дорогобуж, вместе с которым на московскую сторону переходили волости: Погорелое, Кременая (па р. Воице, притоке Днепра), Буйгородок, Прость, Сверковы луки, Вержовск (на р. Верже, притоке Днепра), Негомль, Игушиова слобода, Мстиславец, Рехта, Озерище, Ощитов, Ридынь, Некрасово, Водоса (на р. Воице к северу от Дорогобужа), Ведроша (па р. Ведроше), Хомчичи, Васильково, Холм, Хотомичи, Бятыя.

Далее на север к Москве отходил город Белая с волостями, составлявшими владение князя Семена Ивановича Бельского, переход которого в 1499 г. на сторону Москвы послужил началом «отъезда» других православных князей. Бельское княжество было расположено в верховьях Днепра и по левым притокам р. Межи, впадающей в Западную Двину (реки Лучеса, Обша и др.). «Перемирная грамота» упоминает следующие бельские волости: Верховье, Болшево, Шецтово, Вержаву, Мошевидову слободу.

С северо-востока Бельское княжество граничило с Торопецким княжеством, полностью переходившим к Москве по «перемирной грамоте». На территории Торопецкого княжества лежали истоки Западной Двины. Из торопецких волостей «перемирная грамота» называет: Данково, Любуть, Дубну, Рожню, Туру, Биберово, Старцово, Нежелскую, Казаринскую, а также волости, которые литовские послы относили к числу Витебских волостей: Плаветскую, Жижецкую (вокруг озера Жижца и по верхнему течению р. Куньи), Озерецкую и Велижскую.

К западу от Торопецкого княжества к Москве отходил город Острей и волости: Березай, Невель, Усвай, Ловец и Весиоболог.

Таким образом, по «перемирной грамоте» 1503 г. к Москве отходила огромная территория на всем протяжении русско-литовской границы, с большим числом городов и волостей и значительным населением, состоявшим из русских, белоруссов и украинцев. Присоединение этой территории к Московскому великому княжеству имело для него большое экономическое и внешне-политическое значение.

Прежде всего следует отметить, что в московских руках оказались некоторые участки важнейших водных и сухопутных торговых магистралей великого княжества Литовского. С присоединением Любеча была перерезана Днепровская водная магистраль, имевшая первостепенное значение в экономической жизни русских и литовских земель. К Москве отошла почти на всем протяжении сухопутная дорога на Киев через Брянск,

Радогощ и Новгород-Северский, что, несомненно, укрепляло экономические связи с правобережьем Днепра и облегчало торговые сношения с Крымом через Киев. Следует также отметить экономическое значение перехода к Москве верховьев Днепра и Западной Двины. Но самым существенным для развития экономических связей между Украиной и московскими городами являлось присоединение обширных районов, охватывавших бассейны р. Десны с ее многочисленными притоками и значительную часть бассейна р. Сожки.

Новая граница давала Московскому великому княжеству ряд крупных военно-политических преимуществ как по отношению к великому княжеству Литовскому, так и для обороны южной степной границы против татар. Вытнувшиеся к низовьям Десны новые владения Ивана III представляли собой великолепный плацдарм для наступления на Киев, расстояние до которого от западной вершины образовавшегося клина московских владений не превышало 45—50 км. Благоприятные условия были созданы также для возможного наступления на Смоленск, Витебск и Полоцк. Смоленск оказался под угрозой удара с двух сторон: с востока от Дорогобужа, лежавшего на дороге Смоленск—Москва, и с севера, со стороны быв. Бельского княжества.

Для обороны южной границы против татар большое значение имело выдвижение в юго-западном направлении на линию р. Сейма с двумя главными опорными пунктами на этой реке: Путивлем и Рыльском. Эта линия лежала как бы на фланге тех стоющих «шляхов», которыми пользовались татары для нападения на южные русские уезды.

После окончания переговоров об условиях перемирия и составления «перемирных грамот» послы сделали неудачную попытку включить в перемирие и своего союзника — ливонского магистра. С самого начала переговоров с польско-литовскими послами и их посредником, послом венгерского короля, Иван III решительно отказывался вести переговоры с ливонскими пемцами, прибывшими в Москву вместе с польско-литовским посольством.

Закончив 28 марта составление «перемирных грамот», Иван Сапега передал дьякам великого князя требование панов: «...дотоле грамот не печатати паном, доколе с немци зговор о перемпрье будет». Иван III велел на следующий день пригласить к себе «на двор» немецких послов, которым казначей Дмитрий Володимирович, сокольничий Кляник и дьяки объявили от имени великого князя, что немцы говорили «не по пригожу»¹.

¹ Запись этих переговоров не сохранилась. В посольской книге отмечено: «и тот разговор писаи в немецком языке» (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 403).

Несмотря на полученный отказ, послы венгерский, польский, литовский и немецкий сделали новое представление по этому же вопросу. Оно было передано Сигизмундом Сантаем в письменном виде. Жалуясь на то, что послы ливонского магистра накануне будто бы подверглись оскорблениям со стороны московских бояр¹, причем бояре «осподаря их и их самих соромотили и многи неслушны слова молвили», Сигизмунд Сантай настаивал на включении в перемирие помцев.

В ответе Сигизмунду Сантаю указывалось, что великий князь, получив просьбу от магистра и всей Ливонской земли восстановить «по старому любовь и доброе соседство», хотел дать приказ своим наместникам в Новгороде и Пскове заключить шестилетнее перемирие, но немцы желают того, чего никогда не бывало: заключить перемирие не с наместниками Новгорода и Пскова, а с самим великим князем. Кроме того, чтобы скрыть факт поражения в войне, немцы заявляли, что они хотят заключить перемирие не по собственному желанию, а по просьбе короля Александра Казимировича: «и они ныне говорили, что они не приехали бити челом пам о перемирье, а сказывают, что просил магистра Александр король о том, чтобы он с нами перемирие взял». В заключение послам были показаны старые «перемирные грамоты» в подтверждение того, что в прежние годы «магистр, и арцибискуп, и бискупы, и вся земля Ливонская прислалы бити челом о перемирье в нашу отчину, в Великий Новгород, к нашим наместником».

Послы, среди которых находились и представители Ордена, отошли «на околничее» и «грамоты вычли». Очевидно, убедившись в твердом решении великого князя относительно условий заключения перемирия с Орденом, они заявили, что немецкие послы говорили «негораздо» и что перемирие, конечно, должно быть заключено в Новгороде. На следующий день всем послам были показаны заготовленные списки «перемирных грамот» с немцами.

Второго апреля состоялось утверждение «перемирных грамот» Ивана III и Александра Казимировича, состоявшееся в обычной торжественной процедуре подвешивания печатей (великого князя — к польско-литовскому списку и послов Александра Казимировича — к московскому списку) и крестоцелования. 4 апреля состоялся отпуск послов, и 7 апреля они выехали из Москвы.

¹ Под «боярами», оскорбившими помцев, очевидно, имелись в виду казначей Дмитрий Володимирович, сокольничий Кляпик и дьяки, высланные для переговоров с немцами, так как ни один боярин участия в них не принимал.

Переписка между Иваном III и Менгли-Гиреем, деятельно поддерживавшаяся в течение двух лет после заключения перемирия, до смерти великого князя, содержит очень цепный материал по вопросу о причинах, побудивших его согласиться на прекращение военных действий и об условиях будущего мирного договора.

Обращает внимание то обстоятельство, что Иван III с большим опозданием сообщил в Крым о заключении перемирия. Только в конце августа 1503 г. в грамоте, посланной к Менгли-Гирею, Иван III извещал своего союзника о присылке послов «о мире» от венгерского короля Владислава и польского короля и великого князя литовского Александра. «И с чем ко мне угорской и литовской послов своих присылали, — писал Иван III, — и из был о всем о том послал к тебе своего боярина Ивана Микитина сына Беклемишова; и над моим боярином над Иваном на поле так стало, а до тебя мой боярин Иван не дошел»¹. Это сообщение, совершенно не соответствовавшее действительному ходу событий, было вызвано желанием великого князя скрыть от Менгли-Гирея результаты переговоров в Москве. Микита Беклемишев выехал из Москвы 23 февраля 1503 г., т. е. за 10 дней до приезда в Москву польско-литовских послов. Поэтому Иван III не мог в это время сообщить Менгли-Гирею о павшихся переговорах с посольством Александра Казимировича. В сохранившемся отпуске наказа Ивану Беклемишеву было сказано только о посредничестве венгерского посла Сигизмунда Саптая, предложившего заключить мир при условии возвращения занятых литовских городов. Был сообщен при этом и ответ великого князя, что он не помирится без возвращения всей Русской земли, без Киева, Смоленска и других русских городов. Поэтому ссылка на недостигшее Крыма посольство Ивана Беклемишева понадобилось Ивану III лишь для того, чтобы оправдать умолчание о результатах переговоров в Москве. Вместо них Иван III сообщил Менгли-Гирею о посылке послов со следующими словами к Александру Казимировичу: «коли хочешь со мною миру, и ты бы и з братом моим с Менли-Гиреем царем мир взял; а не возмешь миру с братом с моим с Менли-Гиреем царем, пно и мне с тобою миру нет». На это предложение, по словам Ивана III, он не имел еще ответа и поэтому предлагал продолжать совместно действовать против общего недруга. Иван III сообщал, что он посылает на Литовскую землю даже своих сыновей, Василия, Юрия и Дмитрия, поэтому и Менгли-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 481.

Гирей «по своей правде» также шел бы с ратью к Киеву или «к иным местам»¹.

Сообщая о посольстве к Александру Казимировичу, Иван III имел в виду посылку в Вильно Петра Плещеева, Константина Заболоцкого, Михаила Кляпика, Еропкина и дьяка Губы Семенова Моклакова в сопровождении семи человек детей боярских для присутствия при крестном целовании короля. Посольство выехало из Москвы 7 мая 1503 г. 20 июля в Москве была получена грамота от Семена Бельского с сообщением, что по полученным им сведениям послы были арестованы Александром Казимировичем и заключены в Троках. Долгое отсутствие известий от самого посольства сильно беспокоило Ивана III, пославшего одного за другим двух гонцов с запросом о причине молчания. Наконец, только 26 августа в Москву прибыл человек Александра Казимировича с грамотой короля. В грамоте короля, написанной в Вильне и датированной 12 августа, содержалась жалоба на пограничные ссоры в Смоленских волостях. Король писал, что уже после того, как московские послы прибыли в Вильно, смоленские князья и бояре великого князя литовского прислали к нему людей с жалобами на московских «украпников», которые «те ж бодр наших села, дворы, люди, земли, воды и всякие вгодья поотрубали и в пих ся поввязали; а которых землю за себе не могли забрати, и они, войною наездеючи, самих побилп, а статки разграбили, и дома их в конец пусты учинили». Король сообщал, что он послал проверить эти жалобы, — «а для того и послов твоих есмо позадержали, поки тот виж наш з граицъ ъездил, хотячи о том и твоими тыми послы к тебе брату нашему всказати, абы вперед того лиха не было»².

Литовский гонец Матука Кушцевич не привез обещанного списка пограничных обид. Отвечая Александру Казимировичу, Иван III с полным основанием указывал на невозможность проверить жалобы на насилия московских людей в смоленских порубежных местах, не располагая необходимыми материалами. Когда король пришлет их, великий князь прикажет проверить жалобы литовцев, и если они подтвердятся, велит возвратить захваченные в нарушение «перемирной грамоты» земли, а виновных подвергнет наказанию. Однако порубежные недоразумения никогда не служили причиной для задержания послов: «А того есмя нигде не слыхали, чтобы в обидных делах на перемирных грамотах послов держали: хотя бы каковы зацепки и учинили наши люди твоим людем, ино было в том не в чем наших послов задержати». Одновременно с этой грамотой к королю, была послана грамота к послам. Иван III извещал их,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 457—458.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 433, 436—437.

что если до «воздвиженья дня» (14 сентября) не возвратится посланный гонец с ответом об утверждении королем «перемирной грамоты», то он будет знать, что король не хочет «никогого доброго дела»¹.

В посольских делах не сохранилось сведений о возвращении гонца к указанному сроку. Но, повидимому, Иван III получил известие о подтверждении «перемирной грамоты» еще до возвращения посольства, так как 20 сентября он отпустил в Крым Ивана Ощерина, а на следующий день сам выехал из Москвы с Василием и младшими сыновьями в полуторамесячную поездку, посетив Троице-Сергиев монастырь, Переяславль, Ростов и Ярославль².

Посольство Петра Плещеева вернулось в Москву 27 сентября. «Перемирная грамота» была утверждена Александром Казимировичем 27 августа (король привнесл свою печать и «целовал крест»). Отпуская московских послов, он велел передать великому князю: «что которые наши земли поимал за себя, и он бы нам те наши земли отдал; а которых наших людей поимал, и он бы тех наших людей отпустил, чтобы в том межн нас братство и любовь не рушилась»³. Эти слова короля, в которых совершенно определенно выражена мысль, что условия перемирия не могут быть приняты за условия для заключения мира, помогают уяснить и причину длительной задержки московских послов в Вильне. Повидимому, условия перемирия, принятые польско-литовскими послами в Москве, вызвали недовольство и колебания среди литовских панов радных, ибо некоторые теряли свои владения, расположенные на территории, отходившей к Москве. Александр Казимирович принужден был в спешном порядке удовлетворить их выделением земель из господарских владений в других местах великого княжества Литовского, впрямь «до возвращения отчизны». Так, князь Борис Михайлович Мосальский получил в Смоленском повете усадьбу Дуровичи с землями и бобровыми гонами — «напротивку отчизны его, которая отошла в сторону великого князя московского». По той же причине его брату, князю Семену Михайловичу, были отданы четыре службы людей с землями и бобровым берегом в Дубровенском пути Смоленского повета. По тем же мотивам князь Иван Федорович Мосальский получил в этой же местности имение Бед-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, стр. 438—439.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 243. Великий князь выехал из Москвы 21 сентября и вернулся обратно 9 ноября. Повидимому, эта поездка, носившая обычный характер богомолья к «святым угодникам», была связана с начавшейся болезнью Ивана III: «Того же лета князь велики Иван Васильевич, государь всеа Руси, начат ивнемогати; его же любит господь наказует».

³ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 439.

ричи¹. Характерно, что все эти господарские пожалования послали временный характер.

Таким образом, условия перемирия, принятые в Москве в результате горячих дипломатических споров, и утвержденные в Вильне с большими колебаниями, отнюдь не могли служить основанием к заключению прочного «докончанья». Александр Казимирович продолжал настаивать на восстановлении «status quo». Ивана III не удовлетворял принцип «*uli possidetis*», и он продолжал требовать возвращения всех русских земель, бывших под польской или литовской короной. И в Москве и в Вильно смотрели на перемирие как на временную передышку для возобновления борьбы.

Тревожная обстановка, сложившаяся в связи с неуверенностью в результатах посольства Петра Плесцеева в Вильно и с известиями о задержании московских послов, определила поведение Ивана III в отношении Крыма. Иван III имел формальное основание до подтверждения «перемирной грамоты» королем не сообщать своему союзнику о результатах мирных переговоров. Кроме того, именно в это время он был особенно заинтересован в диверсии со стороны Крыма. Указанная выше грамота к Менгли-Гирею, побуждавшая его идти войной против общего недруга — короля, была отправлена из Москвы 22 августа, т. е. за четыре дня до прибытия в Москву литовского гонца, когда тревога за судьбу посольства Петра Плесцеева достигла высшего напряжения.

После получения известия в Москве о подтверждении королем «перемирной грамоты» в Крым был отправлен послом боярин Иван Иванович Ощерин. В наказе ему было велено в разговоре «наодине» сообщить Менгли-Гирею о заключении перемирия на пять (так!) лет. Иван Ощерин должен был убедить хана в том, что великий князь условием для заключения с ним перемирия ставил заключение перемирия и с Менгли-Гиресем: «а не возьмешь перемирья с братом с моим с Менгли-Гиресем царем, ино и мне с тобою перемирья нет». Хану поэтому следовало ожидать присылки к нему литовских послов. Однако вопрос о заключении перемирия с Александром Казимировичем Иван III отдавал на решение самого хана. Он только просил его не заключать перемирия на срок более пяти лет и вновь подтверждал нерушимость заключенного союза против общих недругов — «Ахматовых детей» и великого князя литовского.

Помимо этой официальной речи, Иван Ощерин имел поручения, изложенные в особой «памяти». Он должен был приложить все усилия к тому, чтобы не допустить, в случае приезда литов-

¹ Н. Бранденбург. Род князей Мосальских, СПб., 1892, стр. 28—29.

ских послов, заключения перемирия между Менглы-Гиреем и Александром Казимировичем. Для этой цели следовало убедить хана в неискренности поведения Александра Казимировича и лживости его общаний.

Король не хотел заключить перемирия и даже задержал московских послов после того как узнал, что Ших-Ахмед собирается напасть на Менглы-Гирея. Лишь получив известие, что мурзы покинули Ших-Ахмеда, он «у горя» взял перемирие с московским великим князем и отпустил его послов. Поэтому прочного мира не может быть: «он (Александр Казимирович) хочет те земли и города у царя нашего взять, как у него взяты, а государь наш хочет у него еще Киева и всей Русские земли своей отчины». Вполне естественно было ожидать со стороны Менглы-Гирея вопроса о причинах, побудивших великого князя согласиться при этих условиях на заключение перемирия. Иван Очерин должен был дать следующий ответ: «князь велики взял с ним (Александром Казимировичем) перемирие того деия: которые города и земли у него поимал, шо бы ему те города себе окрепити, да и людей бы опочинулл, а миру с ним прочново великому князю петь»¹.

Все эти известия были получены Менглы-Гиреем с большим озадачением, так как Иван Очерин около года принужден был ожидать в Путивле возможности выехать в Крым.

Дальнейшие переговоры Ивана III с Александром Казимировичем еще явнее показали полную невозможность для обеих сторон придти к мирному соглашению. Перед Иваном III стояла та же задача: обеспечить безопасность своих южных и восточных границ и использовать в предстоящей войне не только Крым, но и все другие татарские улусы. Особенно важно было, как и прежде, сохранить военный союз с Менглы-Гиреем и предотвратить возможность его примирения с королем. Однако политическая обстановка для разрешения этой задачи была сложнее, чем перед войной 1500—1503 гг. Дружественные отношения Менглы-Гирея к московскому великому князю в значительной мере зависели от степени опасности, которая угрожала крымскому хану со стороны его злейших врагов — «Ахматовых детей». Окончательный распад Большой Орды и бегство в Литву Ших-Ахмеда устраняли эту опасность и развязывали Менглы-Гирею руки для свободы действий. В Москве хорошо понимали, что грабительские нападения крымских татар, преследовавшие захват колонизаторов, скота и другой добычи, не могли прекратиться, так как являлись одним из главных источников существования и обогащения крымско-татарской знати. Весь вопрос заключался лишь в том, какие земли будут подвергаться этим

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 486—493.

нападениям: московские или польско-литовские. До 1500 г. крымским татарам выгоднее было нападать на владения польского короля и великого князя литовского, лежащие в районе Приднепровья и Приднестровья, чем ходить в далекие походы на сравнительно малозаселенные южные уезды Московского великого княжества. К тому же, благодаря медлительному сбору шляхетского ополчения, стремительные налеты татарской конницы на Польшу и Литву обычно заканчивались для нее почти без потерь, или с самым ничтожным уроном. Именно на это обстоятельство Иван III указывал Менглы-Гирею: «А тебе, господине, толко помпритися с королем... ино то, господине, тебе у своих людей корысть потерять война; а ведь, господине, воюют твои люди Литовскую землю, или Лятцкую, я они ведь, господине, те толко богатеют, а встречи ведь им в Литовской земле и в Лятцкой земле нету»¹.

С 1503 г., когда в московскую сторону отошла значительная территория Днепровского левобережья и под московской властью оказались южные города, расположенные на границе со степью, как Путивль и Рыльск, Русское государство стало близким соседом Крымского ханства. Вполне понятны поэтому опасения Ивана III за безопасность своих новых владений. Уже с момента занятия Чернигово-Северского и Стародубского княжеств Иван III неоднократно посылал в Крым список возвращенных русских городов, к которым не следовало ходить татарам.

Однако уже летом 1503 г. царевич Мамышек напал на Чернигов и захватил в нем «иолов». Хотя при личной встрече князя Семена Можайского и Стародубского с Мамышеком последний уверял, что не знает, кому принадлежит город, и обещал впредь его не трогать, но «иолов» не был возвращен. Князь Семен Можайский Стародубский предложил Мамышеку идти «воевать литовские места» — «и путь ему указали за Днепр в Литовскую землю». Однако через некоторое время сын Менглы-Гирея, царевич Бурпаш, «вновь войною приходил» и также жег земли, захватил добычу и людей².

Одновременно серьезные осложнения возникли и в казацких делах; они едва не испортили отношения между Иваном III и Менглы-Гиреем. В январе 1502 г. Иван III послал в Казань князя Василия Ноздреватого и Ивана Телешева и велел им «шюматы царя Казанского Абдыллетифа за его неправду». Абдул-Латыф был привезен в Москву, а затем отослан в заточение на Белоозеро. Вместо Абдул-Латыфа Иван III «пожаловал» на царство прежнего царя Мухаммед-Эмпца, которого послал в Ка-

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 534.

² Там же, стр. 487 и 529.

заны в сопровождении князя Семеча Борпсовича суздальского и князя Василия Ноздреватого ¹.

Впоследствии Ивану III неоднократно приходилось объяснять Менглы-Гирею причину, побудившую его произвести в Казани смену ханов. Наиболее полно это объяснение изложено следующим образом: «И он (Абдул-Латыф) на чом нам шертъ дал, в том нам во всем солгал, все почял делати не по тому; а людем, как Руси, так бесерменом, учял велику силу чинити и всей земле Казанской учял лих быти; ино уж не мочно было от него лиха терпети» ². Таким образом, обвинения Ивана III в отношении Абдул-Латыфа можно свести к трем основным причинам: неисполнение договора, стремление к полной самостоятельности и насилия в отношении русских и бесермен. До нас не дошли шертные грамоты, дававшиеся казанскими ханами Ивану III. На основании формуляра крымских грамот можно с уверенностью сказать, что казанские ханы давали обещание «другу другом быти и недругу недругом быти». Если эта формула в грамотах Менглы-Гирея была результатом соглашения равноправных сторон, то в грамотах казанских ханов она превращалась в вассальное обязательство перед московским государем. После переворота в Казани Иван III намеревался в случае надобности послать против «Ахматовых детей» только что «посаженного на царство» Мухаммед-Эмина. Между тем мы не имеем никаких сведений относительно такого же распоряжения Абдул-Латыфом. Возможно поэтому допустить, что Абдул-Латыф проявлял большую самостоятельность, и не желал выполнять свои вассальные обязательства по отношению к московскому государю. Что касается насилий над русскими и бесерменами, то под последними, очевидно, имелись в виду русские и восточные купцы, всегда являвшиеся жертвой в случае каких либо осложнений в Казани.

Первые известия о выводе Абдул-Латыфа из Казани были относительно спокойно приняты Менглы-Гиреем и царицей Нурсалтан. Хан, напоминая великому князю, что он, по его просьбе, отпустил к нему Абдул-Латыфа, выражал удивление по поводу посажения его царем в Казани: «не знаю которым делом царем еси его учинил на отцове юрте; мы того царем учинити не того деля его послали». Он выражал полное удовлетворение, что Абдул-Латыф поймет свои проступки, сделанные по молодости и глупости, и просил лишь Ивана III, чтобы он держал Абдул-Латыфа при себе так же, как держал Мухаммед-Эмина ³. В это время Менглы-Гирей еще не знал о заключении Абдул-Латыфа на Белоозере. После получения более подробных сведений

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 241.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 490.

³ Там же, стр. 447—448.

Менгли-Гирей стал проявлять большое беспокойство за судьбу своего пасынка и высказывать раздражение по поводу поступка великого князя. Эти чувства с полной ясностью Менгли-Гирей выразил в грамоте, присланной в Москву в июле 1503 г. Он просил Ивана III простить «невежливое дело» Абдул-Латыфа, учиненное им «от молодости», так как Абдул-Латыф довольно уже «поучен». Если Абдул-Латыф будет прощен и возвращен к великому князю — у друга сердце обрадуется, а у врага — «сердце бы у него треснуло». Он напоминал великому князю о большой для него выгоде от союза между ними: «А как мы в братстве и дружбе учинились, и недрузи твои пропали, а к вотчине твоей много прибыло». Заключительные слова этого обращения носили характер ультимативного требования: «и тех моих речей в уши не возмешь, а в сердце не держишь, а се прошение наше не учинишь, после того послу и людям нашим не ходити, а шерть меж нас отшла». Отдельно о сыне просила царица Нур-салтан, обещая, что в случае исполнения ее просьбы «молитвы и моления много будет»¹.

Иван III поспешил исполнить просьбу Менгли-Гирея. В феврале 1505 г. он ему писал, что «ныне, для тебя брата своего и для матери его Нур-салтан царицы, к себе есмь его привели и держим его у себя и твои люди его видели»². В действительности доверие к Абдул-Латыфу не было восстановлено, и бывший казанский хан должен был довольствоваться жизнью в «каменной палате» в Кремле³.

Таким образом, после окончания литовско-польской войны в отношениях с Крымом впервые обнаружилось то противоречия по двум основным вопросам — казанскому и южно-русскому, —

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 475—477.

² Там же, стр. 557.

³ После смерти Ивана III Василий Иванович в 1508 г. по просьбе Менгли-Гирея «вывел» Абдул-Латыфа из каменной палаты и отдал ему двор на «старом месте» — на посаде («за городом»). Однако просьба Менгли-Гирея о предоставлении Абдул-Латыфу города Каширы и об отпуске его в Крым для свидания с матерью, не была удовлетворена. Василий III взял с Абдул-Латыфа новую шертную запись с поручительством бывших в Москве крымских послов, но вместо Каширы дал ему город Юрьев. Абдул-Латыф вновь в чем-то провинился перед великим князем. После смерти в 1515 г. Менгли-Гирея новый хан Мухаммед-Гирей просил Василия III, чтобы он «учинил» Абдул-Латыфа в «дружбе и братстве» и отпустил в Крым, так как царица Нур-салтан хотела уехать с Абдул-Латыфом жить в Мекку. Просьбу Мухаммед-Гирея безуспешно пытался поддержать султан Селим. Василий III вновь отпустил вину Абдул-Латыфа, разрешил ему ходить «к себе на очь» и ездить с ним «на потеху». Не добившись отпуска Абдул-Латыфа в Крым, Мухаммед-Гирей и казанский хан Мухаммед-Эмиш также безуспешно требовали отправки Абдул-Латыфа в Казань. По договору с Мухаммед-Эмишем в 1517 г. Василий III обещал отдать Абдул-Латыфу Каширу, но в этом же году Абдул-Латыф умер (Сб. Русс. ист. об-ва, т. 95, стр. 21, 42—43, 97, 150—151, 377, 460, 482 и др.).

которые в начале следующего столетия привели к полному разрыву союзнических отношений между Россией и Крымским ханством и положили начало длительной и упорной борьбе между ними. Положение самого Менгли-Гирея в последние годы княжения Ивана III было уже иным. В начале своего царствования, окруженный сильными врагами, не имея прочной опоры в самом Крыму, он надеялся в Москве найти возможное прибежище, чтобы «починуть» в русской столице в случае неудачи. Теперь сам Менгли-Гирей хорошо сознавал свою силу: «Ино, слава богу, отцову Орду в руку взял есми, и пынеча в добром имени хожу», — писал он Ивану III¹.

Как отмечалось выше, после окончания войны с Литвой одной из главных задач Ивана III в отношении Крыма являлось предотвратить примирение, а тем более заключение союза между Менгли-Гиреем и Александром Казимировичем. Можно было не сомневаться, что король приложит все усилия к тому, чтобы оторвать Крым от Москвы и этим изменить в благоприятную для себя сторону политическую обстановку перед началом новой войны. В достижении этой цели у короля появилось несколько новых шансов на успех. Главным из них, несомненно, являлся значительный рост государственной территории России в юго-западном направлении, который легко было представить опасным для Крыма усилением московского государя. Можно было также ожидать, что король согласится на значительные уступки требованиям Менгли-Гирея в отношении спорных земель и не пожалеет денег для подкупа крымских вельмож. Наконец, в руках короля Александра пахотился непримиримый враг крымского хана, Ших-Ахмед, выдача которого была бы хорошо принята в Крыму. Однако дипломатия Ивана III в борьбе за Крым оказалась более гибкой и эффективной, чем дипломатия короля.

В глазах Ивана III Крымское ханство являлось важнейшим звеном в длинной цепи татарских улусов, протянувшихся от Камы до берегов Черного моря. Путем настойчивых усилий Ивану III удалось, за исключением небольших колебаний и временных неудач, удерживать в своих руках оба конца этой цепи — Казань и Крым. Однако на нижнем течении Волги существовал большой разрыв в виде остатков Большой Орды и отчасти — мелких ногайских орд, то соединявшихся вместе, то распадавшихся на большое число мелких независимых частей. Для прочности всего восточного и южного фронтов было крайне важно ликвидировать этот разрыв и укрепить московское влияние на всем обширном пространстве приволжских и придонских степей. Кроме того, умиротворение ногайцев было

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 475.

необходимо для спокойствия вассального от Москвы — Казанского ханства.

В связи с этими задачами большой интерес представляет попытка Ивана III организовать Астраханское ханство под властью Ших-Ахмеда. События предшествующих лет показали, что Ших-Ахмед, самый талантливый и деятельный среди своих братьев, пользовался значительным влиянием среди заволжских, а отчасти и ногайских татар. Пребывание Ших-Ахмеда в Литве, хотя бы даже на положении пленника, было весьма нежелательным для Ивана III. Между тем, посадив его на Астраханский юрт, Иван III не только приобретал нового союзника, но получал в некоторый противовес по отношению к Менглы-Гирею. Старинная вражда между Ших-Ахмедом и Менглы-Гиреем, имевшая династические корни, не могла легко исчезнуть. В этом отношении Ивану III можно было не опасаться враждебного для себя «одиначества» между ханами Крыма и Астрахани. Положение Ших-Ахмеда, если бы ему удалось с помощью Ивана III достать Астрахань, напоминало бы положение Менглы-Гирея в первые годы после того, как он утвердился в Крымском юрте. Еще в 1503 г., когда Ших-Ахмед с остатками своих улусов кочевал в низовьях Волги, Иван III вел с ним переговоры о «доставлении» ему Астрахани при условии полного разрыва с королем. Повидимому, Ших-Ахмед не вполне доверял великому князю, и переговоры вскоре прервались. Нужно было проявить большой дипломатический такт, чтобы переговорами с Ших-Ахмедом и попыткой создания под его властью Астраханского ханства не вызвать серьезных осложнений с Менглы-Гиреем. Как и в других случаях, Иван III старался представить дело так, будто бы им руководила только забота о безопасности и интересах самого Менглы-Гирея. Сообщая Менглы-Гирею об этих переговорах, Иван III писал ему: «А яз, аж даст бог, хочу ему Азторокани доставати болшое твоего для дела брата моего, чтобы от него тебе и твоему юрту лиха никоторого не было»¹. Иван III не оставлял намерения заполучить себе Ших-Ахмеда и тогда, когда он уже находился в литовском плену в Вильне. В наказе сыну боярскому Копстантину Замытскому, посланному в марте 1504 г. с разными поручениями к королеве Елене Ивановне, поручалось войти в сношения с Ших-Ахмедом и передать ему приглашение от великого князя перейти под его покровительство: «будет конь твой истомел, и ты бы пошел к нам, и яз истому твою подыму, и людей твоих пожалуйу, и место тебе в своих землях городы дам». Ших-Ахмеду предлагалось самому найти способ побега из Литвы: «ино и ныне похочошь к себе нашего прямого братства и дружбы, и ты бы домышлял сам,

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 489.

как ты выехать из Литовские земли»¹. К сожалению, неизвестно, удалось ли Ивану Замытскому выполнить это трудное поручение, но во всяком случае Ших-Ахмед остался в Литве.

Пребывание Ших-Ахмеда у короля вызывало беспокойство у Ивана III и по другой причине. Иван III предвидел, что король Александр использует своего пленника для воздействия на Менглы-Гирея с целью понуждения его к заключению мира. Угрожая Ших-Ахмедом, который с литовской помощью мог вновь появиться в южных степях, король, повидимому, предлагал выдать его Менглы-Гирею при условии примирения. Этот вопрос настолько занимал Ивана III, что принятые им дипломатические контрмеры повторялись в каждом наказе послам, отправлявшимся в Крым в течение 1503—1504 гг. Послы должны были убедить хана, что предложение короля о выдаче Ших-Ахмеда было только обманом с целью побудить хана прекратить нападения на польско-литовскую территорию. Главным доводом в пользу этого служило то, что Ших-Ахмед, вероломно захваченный в плен и находившийся на положении узника, сам стал «лиходеем» для короля Александра — «коли они так Шиг-Ахметю учинили, ино ведь, господине, где он ни будет, а им лиходей; ино, господине, кто на себя своего лиходея пускает?»²

Сведения о польско-литовских посольствах, отправлявшихся в 1503—1505 гг. в Крым, к сожалению, очень неполны. О тех предложениях, которые в эти годы делались Менглы-Гирею от имени короля, мы узнаем только из грамоты Менглы-Гирея к Ивану III, отправленной в Москву в июле 1504 г. По сообщению Менглы-Гирея Александр Казимирович прислал к нему своих «людей» со следующими словами: «недругов твоих Ших-Ахметя, Хозяка и Холока семи поймал; и выпеча что есмь поймал твоих недругов, и тебе ведь то ведомо, и ты с нами ссылайся: как наперед того отец твой Ази-Гирей царь с Казымиром королем ссылалися, и ты с нами потомуж ссылайся; а не восхочешь того, и нам что чишти? Головы дея Шиг-Ахметя царя с братиею против тебя поставим; опричь того, иным нам нечем кончатп...» Менглы-Гирей далее сообщал, что он задержал у себя королевского посла, но и после него один за другим продолжали приезжать гонцы и послы с теми же предложениями. Король сообщал, что готов прислать «большого посла», киевского воеводу князя Дмитрия Путятича, при условии если Менглы-Гирей даст за него «заклад» (т. е. заложника). По словам Менглы-Гирея, все уланы и князья, услышав об этом предложении, стали ему говорить: «пошли людей противу того посла, да вели его взяти, да речи его уведай, да потому смотря делай»³.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 463—464.

² Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 532—533.

³ Там же, стр. 516—517.

Таким образом, среди крымской знати существовали сторонники соглашения с королем. Однако в конечном результате политика Александра Казимировича не была удачной. Пугая Менгли-Гирея своими пленниками, «Ахматовыми детьми», король невольно подтверждал то, о чем непрерывно твердил своему союзнику Иван III, а именно — непримиримую враждебность Польши и Литвы к крымскому хану. Весьма невыгодное впечатление должно было произвести сравнение тех предложений, которые делались Александром Казимировичем в период войны, когда он терпел серьезные неудачи, с новыми предложениями, делавшимися им после заключения перемирия с Москвой. В первом случае король готов был не только платить тяжелую дань, но и согласиться на значительные территориальные уступки. Теперь же король, забыв униженный тон прежних обращений, грозил Менгли-Гирею войной. Политика Ивана III по отношению к Крыму основывалась на совершенно иных принципах, которые не претерпели никаких изменений. На протяжении всех лет союзнических отношений Иван III внушал Менгли-Гирею одну и ту же мысль: союз с Москвой является лучшей гарантией безопасности самого Менгли-Гирея и всего Крымского улуса. Одновременно с этим Иван III постоянно папанил своему союзнику о большой мощи русской военной силы, перед которой не могли устоять ни великий магистр, ни король. Лучшим доказательством в пользу справедливости этой оценки служили одержанные победы над обоими противниками. Отсюда следовал вывод, о котором хотя открыто и не говорили московские послы, но который напрашивался сам собой: «воовать» русские земли было невыгодно, тогда как польско-литовские — почти безнаказанно. «Ведь ведама нам литовская сила, а ведь то наш волчье недрузи», — писал Иван III Менгли-Гирею¹.

В дипломатической борьбе за Крым Иван III одержал не менее существенную победу, чем на полях битв. До конца жизни ему удалось полностью удержать Менгли-Гирея в орбите своего влияния. В сентябре 1504 г. Менгли-Гирей сообщил великому князю о своих военных приготовлениях. Он намеревался весной построить крепость на Перекопе («Перекоп делати»), причем султан Баязид прислал ему тысячу человек, а также дал мастеров из Кафы и Машкупа. Кроме того, Менгли-Гирей намеревался построить крепость («город велик») Ислам-Кермеш на Днепре у Тавани².

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 527.

² Там же, стр. 540 и 544. «А салтан Баазит тысячу человек дал, перекопь крепкой зделай, молвил». Крепость, построенная на Перекопе между 1504 и 1507 гг., носила название Феррах-Керман, или Феррах-Сарай (В. Смирнов. Крымские ханства, стр. 338, 344, 345).

В последний год жизни, когда, по словам летописи, Иван III «начаят изнемогатъ» и в предвидении приближающегося конца принимал различные меры к укреплению созданного им порядка, он обратился к Менглы-Гирею с предложением заключить с великим князем Василием такой же договор «одружбе и любви», который в течение многих лет существовал между Иваном и Менглы-Гиреем. В ноябре 1504 г. Менглы-Гирей, поздравляя Василия Ивановича с великим княжением, выразил желание, чтобы между ними были бы такие же «добрая любовь, и братство, и дружба», какие связывали его с отцом, великим князем Иваном. От этого союза, писал Менглы-Гирей, «недрузи наши пропали, а друзи наши обеселились»¹. Собственно, никаких формальных обязательств это обращение не имело. Иван III воспользовался им, чтобы при очередном приезде крымских послов в Москву в феврале 1505 г. предложить хану дать великому князю Василию «шертную запись»: «Царь, жалуючи, писал в своей грамоте к сыну к моему к Василью, что его учинил себе другом и братом, — говорил Иван III крымским послам. — И вы от меня молвите Менли-Гирею царю, чтобы и меня для учинил так, при мне бы сына моего Василья учинил себе прямым другом и братом, да и грамоту бы ему свою шертную дал, а мон бы то очи видели: занже царь ведает сам, что всякой отец живет сыну; и царь бы то мне учинил свою прямую дружбу и братство, чтобы при мне сыну моему Василью так учинил»².

Менее удачно складывались отношения с Казанью и Ногайской Ордой. В лице Мухаммед-Эмина, получившего воспитание в России, участника войны с Польшей и Литвой, Иван III надеялся видеть на казанском престоле верного и послушного вассала. Однако 24 июня 1505 г. Мухаммед-Эмин неожиданно арестовал в Казани великокняжеского посла Михаила Кляшника, а также многих русских торговых людей, часть которых была перебита, а часть — отослана к ногаям³.

Лаконичная запись об этом событии в московских летописных сводах может свидетельствовать лишь о неожиданности, но не дает никаких подробностей, которые могли бы объяснить причину внезапной перемены в поведении казанского хана. Разрядная запись также кратко сообщает, что Мухаммед-Эмин «великого князя посла Михаила Кляшника поимал, а гостей русских побил, а товар их поимал на себя весь»⁴.

Значительное место мятежу Мухаммед-Эмина уделил Казанский летописец. Несмотря на обычную для этого историко-литературного памятника риторичку, оснащенную нравоучительными

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 545—546.

² Там же, стр. 556.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 244.

⁴ П. М и л о к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 33.

сентенциями, фактическая сторона рассказа заслуживает внимания. День мятежа автор Казанского летописца указывает вполне точно — «рождество Иоанна Предтечи», т. е. 24 июня. При этом сообщается одна чрезвычайно важная подробность: в этот день в Казани происходила ярмарка, на которую съезжались купцы из всех русских земель, а также иностранные гости. Таким образом, день для выступления был выбран не случайно — во время избения русских купцов хан и казанцы захватили огромные богатства, размер которых Казанский летописец в свойственной ему манере картинно преувеличивает. По его словам, хан насыпал палату до верху русским золотом и серебром, подделал себе дорогие венцы, серебряные и золотые сосуды и весь царский наряд «и от того богатства оттоле не ядыше ис котлов ни з опаниц, яко пес ис корыта, с велможамн своими, яко на п(и)рсех своих, ядыше, и веселишесе». По словам того же автора, казанцы так разбогатели, что перестали ходить в «овечьих кожах», а надели многоцветные пестрые платья, зеленые, багряные и червленые, гордясь перед «катунами своими, яко цветцы полских»¹.

Однако мятеж Мухаммед-Эмина преследовал более широкие планы, чем только ограбление русских купцов. В августе в Москве было получено известие, что Мухаммед-Эмин со своими «людьми» переправляется через Волгу с намерением идти в нижегородские и муромские места. 30 августа Мухаммед-Эмин перешел р. Суру в 150 верстах от Нижнего Новгорода. В сентябре он подошел к самому городу, делал попытки взять его приступом, но был отбит и на третий день ушел. Во время трехдневной осады наместник в Нижнем Новгороде князь Хабар Симский производил вылазки с горожанами и многих казанцев побил².

Рассказ Казанского летописца в общем сходен с московскими летописными сводами, но дает ряд дополнений, которых нет в московских летописных записях. Так, по словам автора Казанского летописца, Мухаммед-Эмин призвал на помощь ногаев, которые пришли к нему в количестве 20 тысяч человек. Главный успех в том, что казанцы были отбиты от города, автор приписывает пленным литовским желнерам пли, как он их называет, «огнепным стрельцам». Последние были взяты в плен в битве на р. Ведреше и сидели в темницах в Нижнем Новгороде. Воевода князь Хабар Симский выпустил 300 человек из заключения, и они многих казанцев и ногаев убили «огненным своим стрельянием». В числе последних был застрелен и ногайский мураза, шурин Мухаммед-Эмина: «и прилетев ядро, и удари его по персем, и ввиде ему в сердце и проиде сквозь его, и тако исчезе

¹ ПСРЛ, т. XIX, стр. 23—24.

² ПСРЛ, т. VIII, стр. 245.

нечистивы». Этот случай, по словам автора, послужил причиной усобицы между ногаями и казанцами, вследствие которой Мухаммед-Эмин поспешно ушел, — «убеже», — к Казани¹.

Виновниками неудачи Мухаммед-Эмина под Нижним Новгородом были, конечно, не пленные литовцы — «огненные стрельцы». Даже если принять на веру сообщение Казанского летописца об удачном действии литовцев при обороне города из ручного огнестрельного оружия, то все же этим одним нельзя объяснить снятие осады. Кроме того, нет никакой причины отвергать объяснения Воскресенской летописи, указывающей на смелые и удачные вылазки защитников Нижнего Новгорода, в том числе вооруженных русских жителей. Вряд ли также причиной ссоры между казанцами и ногайцами могла послужить смерть влиятельного ногайского мурзы от пушечного из крепости ядра. Чтобы разобраться во всех этих событиях необходимо рассмотреть обстановку, в которой произошла измена Мухаммед-Эмина, и последующие действия московского правительства.

Причину выступления Мухаммед-Эмина против русских автор Казанского летописца видит в пронсках жены хана, вдовы его брата Али (Алсгама), выданной Иваном III замуж «из заточения». Летописец сравнивает ее с огнем, червем и прелукавой змеей. Проверить силу ее влияния на нового мужа, конечно, не представляется возможным. Вполне вероятно, что бывшая супруга Али-хана, просидевшая вместе с ним в заточении в Вологде, не питала особенно дружеских чувств к Москве. Однако есть основание предполагать, что и помимо вдовы Али-хана, Мухаммед-Эмин имел побудительные причины для разрыва со своим сюзереном — московским государем. Нельзя не обратить внимания на ту роль, какую во всех этих событиях играли ногаи. Часть пленных русских купцов была послана к ногаям; крупный отряд ногаев тотчас явился в Казань и принял самое деятельное участие в походе на Нижний Новгород; возмущение ногаев во время осады города немедленно заставило Мухаммед-Эмина возвратиться в Казань. Создается даже впечатление, что во всех этих событиях ногаи играли главную роль.

Как известно, одной из жен Мухаммед-Эмина была дочь главы Ногайского улуса Емгурчя. По сведениям Казанского летописца, брат жены Мухаммед-Эмина, ногайский мурза стоял во главе ногайцев, прибывших на помощь к казанскому хану и был убит ядром под Нижним Новгородом. Все это свидетельствует о том, что между Мухаммед-Эмином и ногаями существовали не только родственные, но и политические связи. Повиди-

¹ ИСРЛ, т. XIX, стр. 24—25.

тому, переворот в Казани был заблаговременно подготовлен, и Мухаммед-Эмин решился на выступление, уверенный в поддержке ногаев.

Во все годы борьбы Ивана III с остатками Золотой Орды, сначала с Ахмед-ханом, а потом с его детьми, отношения с ногаями носили скорее враждебный, чем мирный, характер. Ногайские мурзы, не исключая Емгурчя, неоднократно выступали на стороне «Ахматовых детей» и только после поражения Ших-Ахмеда стали посылать в Москву заявления о «дружбе и любви». Вполне понятно, что, лишившись поддержки со стороны распавшейся Большой Орды, Александр Казимирович старался укрепить дружбу с ногайскими мурзами, при посредничестве которых он получал косвенную возможность влиять и на Казань. В 1503—1504 гг. между Александром Казимировичем и ногайскими мурзами происходил обмен посольствами. Сохранился лист короля к панам Рады Литовской, датированный 21 октября 1503 г., об отпуске ногайских послов. Из его содержания видно, что ногайские и заволжские послы были задержаны, повидному, в ожидании возвращения короля, находившегося в Польше. Александр Казимирович выражал опасение, чтобы эта задержка не послужила во вред интересам Польши и Литвы: «А и сами можете розумети, иж послов нигде на всем свете не забавливають: занеж они от своих князей приехали были к нам со всем добрым, а перед тем от их Орды панства паши некоторое нискоды не мевали; а ныне, коли они государя на то посылат, иж послы их задержаны, страх того, абы некако з неприятелем нашим московским згодившися, маючи причину о тые свои послы, посполитою сказою большое шкоды не вчинили панством нашим»¹.

Цель приезда ногайских послов нам не известна. Можно все же предположить, что посольство было вызвано пленением Ших-Ахмеда и его братьев, с которым ногаи поддерживали дружественные отношения; косвенным доказательством в пользу этого является прибытие не только ногайских, но и заволжских послов. Во всяком случае, король был озабочен тем, чтобы задержка с отпуском ногайских послов не произвела плохого впечатления в их Орде и не толкнула бы ногаев на союз с Москвой. Вместе с тем король предлагал вместе с ногайскими послами отправить в Орду дворянина Ратомского.

Отправка королевского посла к ногаям не ускользнула от внимания Ивана III, который поспешил сообщить об этом Менглы-Гирею: «Аю, господине, и ныне он (король. — *К. Б.*) не по тому делает, как говорил, и ныне посол его в Нагаех: ино ведь то, господине, знати, чего для он послал, ведь ему

¹ Акты Западной России, т. I, № 206.

с ними нет некоторого дела, опричь того, что на вас их наводити»¹. Таким образом, Иван III не сомневался во враждебных целях королевского посольства в Ногайскую Орду.

Участие ногаев в выступлении Мухаммед-Эмина имело серьезные последствия, так как втягивало Москву в длительную и тяжелую борьбу на восточной окраине государства. После получения в Москве известий о переправе Мухаммед-Эмина через Волгу, в Муром были немедленно отправлены царевич Сатылган и его брат Джанай (Зенай) с уланами, князьями и всеми казаками. Затем туда же был отправлен с русскими ратными людьми князь Василий Данилович Холмский². Сосредоточение войск у Мурома, очевидно, имело целью преградить казанцам и ногаям путь к Москве, и с этой точки зрения должно быть признано вполне целесообразным. Кроме того, находясь у Мурома, московские войска угрожали Мухаммед-Эмину, пытавшемуся овладеть Нижним Новгородом с тыла. Это обстоятельство в связи с успешной обороной Нижнего Новгорода и вызвало успешный отход казанского хана к своей столице.

Противодействие планам Мухаммед-Эмина было последним делом, в котором довелось участвовать Ивану III. Он скончался 29 октября 1505 г. Дальнейшая борьба с Казанью и Ногайской Ордой стала первой государственной заботой его наследника Василия III. Не останавливаясь на истории этой борьбы, следует отметить ее ближайшие результаты. Крупные неудачи, постигшие московские войска под Казанью в 1506 г., и все более и более обострившиеся отношения с Литвой и Польшей побудили Василия III примириться с Мухаммед-Эмином и заключить с ним договор «о дружбе и о братстве, как было с отцем его с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси»³.

На берегах Волги создалась новая политическая ситуация, сложная и противоречивая. Обломки Золотой Орды стремились к сближению, при посредничестве султана, в их среде возрождалась агрессивная мечта о торжестве мусульманского мира и господства татарской силы над Русью. Окончательно и навсегда разрешить этот исторический вопрос пришлось уже царю Ивану Васильевичу Грозному.

Усиленные поиски Александра Казимировича среди ногаев и в Крыму имели ближайшей целью создание выгодной обстановки для пересмотра условий перемирия; его предполагалось произвести в течение «перемирных» лет для заключения постоянного мира. Последующие в 1504—1505 гг. переговоры между

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 41, стр. 533. Грамота к Менглы-Гирею была послана из Москвы 20 октября 1504 г.

² П. М и л о к о в. Древнейшая Разрядная книга, стр. 33.

³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 247—248.

Москвой и Вильно наглядно обнаружили полную невозможность достигнуть соглашения.

В соответствии с решением о посылке «великих послов» для заключения мирного договора Александр Казимирович направил в Москву Станислава Глебова, Юрья Зиновьева и Богдана Сопегу. «Верущая» грамота была подписана королем в Мельнике 23 октября 1503 г., а послы прибыли в Можайск только 19 февраля следующего года, т. е. спустя почти четыре месяца после официального отпуска. Мы не знаем действительной причины, вызвавшей столь значительное промедление в выполнении важного дипломатического поручения, но вряд ли ошибемся, если отнесем его за счет колебаний польско-литовского правительства в вопросе об отношении к требованиям Москвы.

В обращении к Ивану III, изложенному в посольских «речах», Александр Казимирович старался представить дело так, будто бы инициатива в ведении мирных переговоров принадлежит не ему, а римскому папе и чешско-венгерскому королю Владиславу, которые «многократ» присылали к нему послов, стремясь к установлению между польско-литовским и московским государями «добраго пожитья и прочное дружбы». Александр Казимирович соглашался на ведение мирных переговоров лишь в ответ «на жадаше отца святого папежа и брата нашего Владислава». Отвергая, как и раньше, все обвинения в нарушении «докончанья» 1497 г., король продолжал утверждать, что виновником войны являлся Иван III, который якобы «без всякое причины» захватил «города, и волости, и земли, и воды», принадлежавшие «к отчине» великих князей литовских. Интересно отметить, что польско-литовские дипломаты буквально повторили ту же аргументацию по вопросу об отчинных владениях, которой неоднократно пользовался Иван III: «занюж сам можеш розумети, штож каждому отчина своя мила и каждому своего жаль». Таким образом, основным условием для заключения мира с польско-литовской стороны ставилось возвращение к государственной границе 1494 г.¹

Ответ великого князя по основному вопросу о территории с полной ясностью устанавливал понятие отчины, в которое входят два признака: 1) национальный состав населения и 2) принадлежность к древним владениям «прародителей». Оба признака исторически совпадали между собой. Русская земля была владением «прародителей» Ивана III, точно так же как «Лятская земля» — «прародителей» польского короля, а литовская земля — «прародителей» литовского великого князя. Следовательно, позднейшая принадлежность той или иной территории к Польскому

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 455—457.

королевству или к великому княжеству Литовскому не имела с этой точки зрения никакого значения. Высланные к польско-литовским послам боярин Яков Захарьин, окольник и боярин Григорий Федорович и казначей Дмитрий Володимеров говорили им: «Ино то он (Александр Казимирович. — К. Б.) правду к ним приказал, что каждому отчина своя мило и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему, Александру королю и великому князю, что Русская земля вся, з божьею волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам и ныпе своей отчпы жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская; и нам, чего доля тех городов и волостей, своей отчпы, которые нам бог дал, отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя города и волости ныпе за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и шые города, которые он за собою держит к Литовской земле, з божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина»¹.

Таким образом, переговоры, следовавшие за заключением шестилетнего перемирия, выяснили полную невозможность прийти к какому-либо соглашению. Обе стороны считали войну незавершенной. Польско-литовское посольство в Москву в феврале—марте 1504 г. было последним, на котором разбирались условия мира. Вплоть до смерти Ивана III дипломатические сношения между Москвой и Вильно ограничивались взаимными жалобами на нарушение перемирия. По существу мелкая порубежная война продолжалась.

Александр Казимирович захотел воспользоваться смертью Ивана III в 1505 г. для начала военных действий против Москвы в союзе с Ливонским магистром. В конце этого года король обратился с посланием к Вальтеру фон Плеттенбергу, в котором извещал, что их общий враг, великий князь московский, «здоровьем ся своим отменил и с того света зшол». Предлагая магистру возобновить союз, Александр Казимирович соглашался на изменение границ между Литовской и Ливонской землей с уступкой в пользу Ордена Жмуди (Жмойтской земли). Он приглашал его на совещание («сьем») в Вильно, где, очевидно, предполагалось договориться по вопросу о выступлении против Москвы².

Повидимому, в Польше и Литве рассчитывали, что смерть Ивана III и вокняжение его сына Василия вызовут внутреннюю борьбу вокруг престолонаследия. Однако последующие события показали, что эта надежда не оправдалась. Ставший соправителем в последние годы жизни отца, Василий Иванович продолжал политику своего отца.

¹ Сб. Русс. ист. об-ва, т. 35, стр. 457—460.

² Акты Зап. России, т. I, стр. 220.

В истории внешней политики Русского государства рубеж между двумя великими княжениями, Ивана III и Василия III, почти совпадающий с рубежом XV и XVI вв., не является условной династической или хронологической границей. Внешняя политика Василия III велась в условиях, значительно отличных от обстановки, в которой действовал Иван III. В 10-х — 30-х годах XVI в. завязывается тот узел противоречий, который мастерски разрубил Иван Васильевич Грозный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К. В. Базилевич	3
От редакции	9
Введение	11
Глава первая. Возникновение основных задач московской внешней политики (60—70-е гг. XV в.)	36
Глава вторая. Конец зависимости от Золотой Орды (Борьба с Ахмед-ханом)	102
Глава третья. Укрепление южной и восточной границ	169
Глава четвертая. Укрепление западной границы	221
Глава пятая. Союз против Ягеллонов	239
Глава шестая. Пограничная война с Великим княжеством Литовским	282
Глава седьмая. Переход к активной политике (90-е годы XV в.)	338
Глава восьмая. Война 1500—1503 гг. с Великим княжеством Литовским и Ливонским Орденом	432

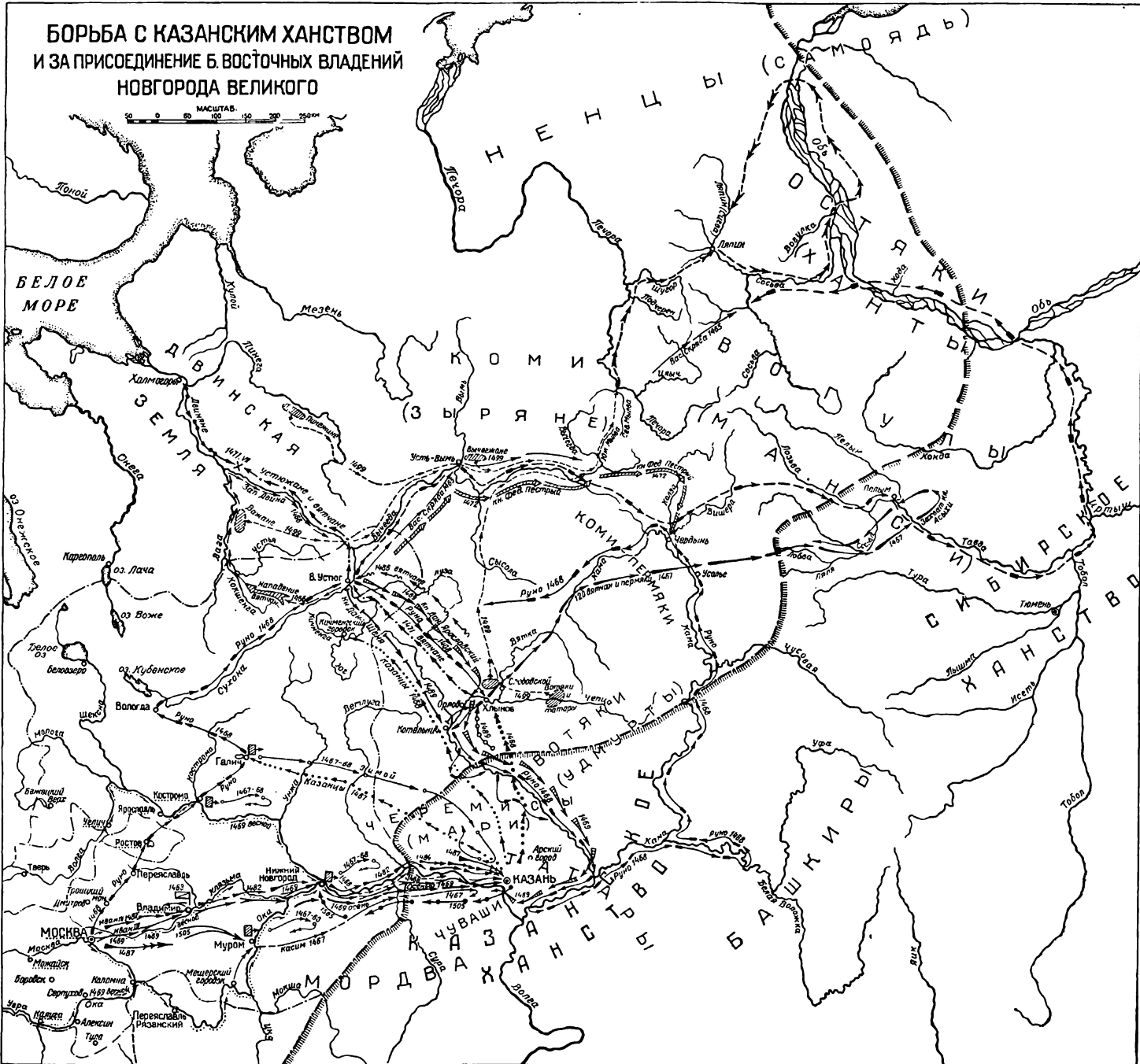
Редактор Р. А. Кознатор
Техред В. В. Мезьер
Художник Н. В. Ильин

Подписано в печать 11. XII. 1951 г.
Т-10203. Тираж 10 000. 84 печ. л.
35,9 уч.-изд. л. Формат бум. 60×92
Изд. № 131. Зак. № 1303.

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Глазгограф-
издата при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

БОРЬБА С КАЗАНСКИМ ХАНСТВОМ И ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ 6 ВОСТОЧНЫХ ВЛАДЕНИЙ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

МАСШТАБ
0 50 100 150 200 км

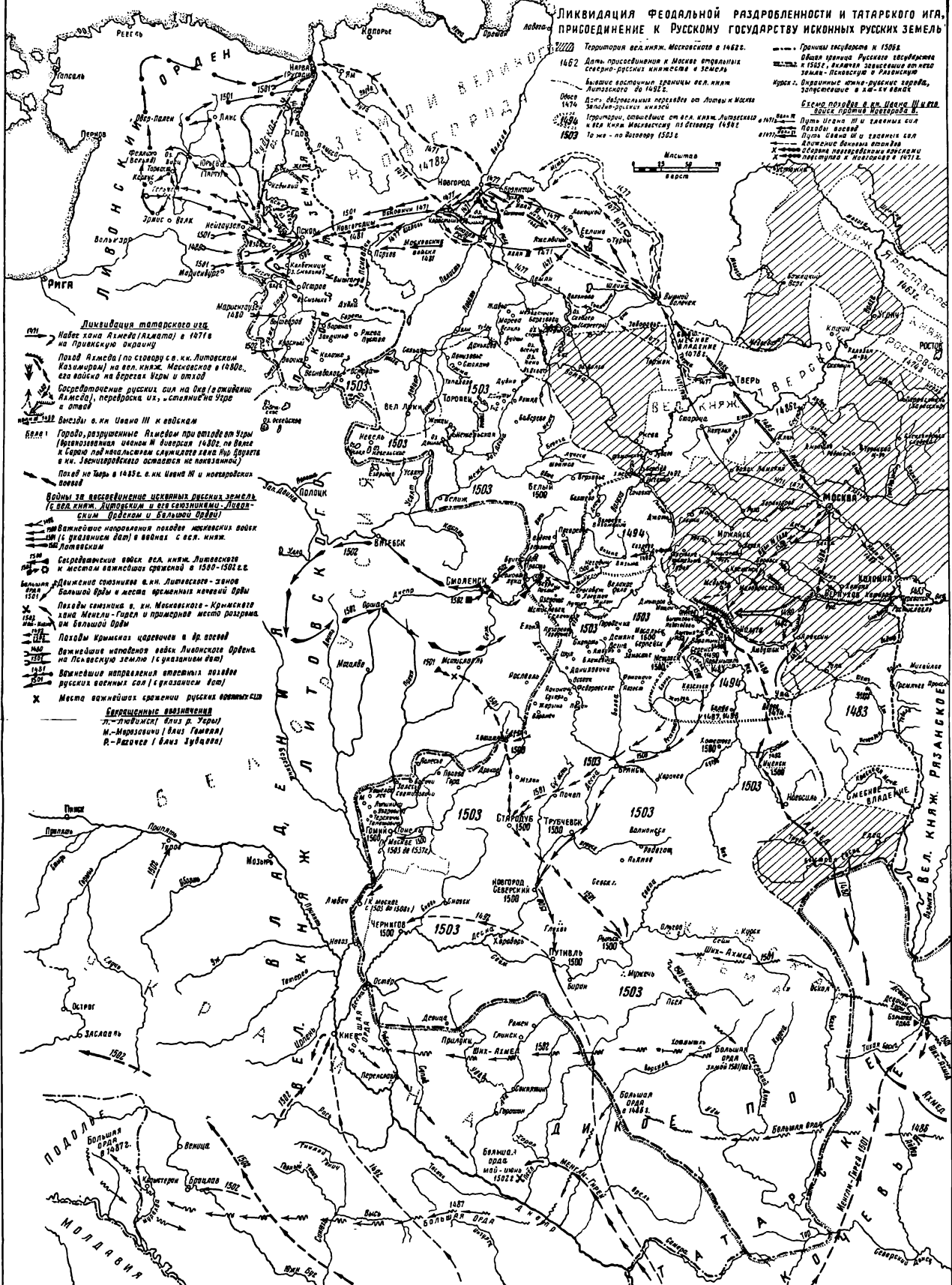

Условные обозначения:

- 1463** *Вас. Сирябы* — Поход устюжан и вичемей на Казань под начальством Вас. Сирябы и кн. Вас. Ерильича Вычского в 1463 г.
- 1466** *Набег вятчан* — Набег вятчан на Кашену в 1466 г.
- 1467** *120 вятчан* — Поход вятчан и партизан против воевод в 1467 г. и захват кн. Асана.
- 1467** *Касим* — Попытка Д. кн. Ивана III посадить на престол в Казани царевича Касима и неудачный поход под Казань в 1467 г. (под начальством кн. М. кн. Патрикеева и кн. Стриги-Оболенского).
- 1467** *Казанцы* — Казанский набег на Галич в 1467 г.
- с 1467** *Устюжское воеводство* — Устюжское воеводство в границах владения в Галиче, Костроме, Нижнем Новгороде и Муроме для обороны от Казанских набегов.
- 1467-68** *Посыла из Галича* — Посыла из Галича кн. Сем. Романовича в ответный набег на Мещарский край зимой 1467-68 г. и борьба против застав с казанцами (Вас. Костромки, Нижнего и Муромки).
- 1468** *Стояние в кн. Ивана III* — Стояние во Владимире весной 1468 г. для охраны от казанцев.
- 1468** *Набег казанцев* — Набег казанцев на Кичменю весной 1468 г.
- 1468** *Ручо* — Ответный поход М. Ручо и кн. М. Звонки Устюжского через Галич, Валопу и Устье на Казанские места на почве в 1468 г.
- 1468** *Набег нижегородской заставы* — Набег нижегородской заставы под начальством кн. Фед. Хрипуна Рязанского к Казани летом 1468 г.
- 1468** *Поход катанчи* — Поход катанчи на Вятку в 1468 г. и установление подданства вятии казанскому ханству.
- 1468** *Большой поход* — Большой поход Д. кн. Ивана III (во Владимир) и его воевод на Казань весной 1468 г. — под начальством кн. Кнута Ал-фр. Безрубицы (руководит подчиненные казанцы: город, отряд или отряды).
- 1469** *Поход весной* — Поход весной 1469 г. кн. Данила Ярославовича и Сабурова с устюжскими и владимирскими войсками на Казань и Валопу, бег на Волгу и безобразия в Нижнем.
- 1469** *Новый поход* — Новый поход на Казань осенью 1469 г. под начальством кн. М. кн. Патрикеева и кн. Дят. Кашинского и подчиненных хана Ибрагима предводителем Ивана III.
- 1471** *Поход московских воевод* — Поход московских воевод Фед. Фед. Обрязина-Синского и бояр Спелча в 1471 г. на Двинскую землю и походы над двинянами (с кн. Вас. Щучим во главе).
- 1472** *Поход в 1472 г.* — Поход в 1472 г. кн. Фед. Покровова на Пермь Великую и покорение ее.
- 1482** *Поход в 1482 г.* — Поход в 1482 г. на Казань Д. кн. Ивана III (во Владимир) и его воевод Лисенского и др. против хана Али-Хана и приращение с ним.
- 1483** *Поход в 1483 г.* — Поход в 1483 г. кн. Фед. Курбского и кн. Салтыкова-Трапани на воевичей и Сибирское ханство.
- 1486** *Новый поход в 1486 г.* — Новый поход в 1486 г. на Али-Хана, захват его и попытка посадить на ханство Мухаммед-Эмина.
- 1487** *Поход 1487 г.* — Поход 1487 г. под начальством кн. Дик. Хатинского и восставших на ханство обратившего Мухаммед-Эмина в качестве вассала в кн. Ивана III.
- 1488** *Набег вятчан в 1488 г.* — Набег вятчан в 1488 г. на устюжские пределы, воеводы Глибен, Ослода и др.
- 1489** *Поход в 1489 г.* — Поход в 1489 г. кн. Дик. Щени и Гр. Морозова и покорение вятии и Архангельского (представительский) поход под кн. Куря Шестова-Чурчурова, речными войсками на казанцев).
- 1489** *Татарская поддержка* — Татарская поддержка московскому походу на Вятку 1489 г. — припавшая из Казани Мухаммед-Эмин.
- 1490-1500** *Поход в 1490-1500 гг.* — Поход в 1490-1500 гг. кн. Сем. Курбского, П. Уварова и Вас. Стаховича (с указанием участником) и покорение Нижегородской земли.
- 1505** *Восстание казанского хана* — Восстание казанского хана Мухаммед-Эмина против Москвы, поход его в 1505 г. и осада Нижнего Новгорода (взвешенный), отпад под ударом московских войск, вышедших к Мурому.
- Границы вел. кн. Московского в 1485 году*
- Границы Русского государства к 1505 г. (на северо-востоке совершенно неопределенные)*

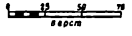
Составил И. А. Голубов

Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель

1622 Теректюрк вел. княж. Московского в 1622.
 1662 Дочь присоединена к Москве отдаленных северо-русских княжеств и земель
 вышес восточные границы вел. княж. Литовского до 1662
 1660 Дочь присоединена к Москве от Лопы и Москвы западо-русских князей
 1674 Протоиерей, отшедший от вел. княж. Литовского и вел. княж. Московского 1674
 1674 То же - по Волкову 1674

Границы государства в 1500г.
 Область границ Русского государства в 1500г. и области завоевания от него земель - Литовскую и Польскую
 Кресты - Ограниченные татаро-русские земли, захваченные в 14-15 вв.
 Беспокорные в др. Ивана III и др.
 Путь Ивана III и великие сражения
 Победы Ивана III
 Лопы - сражение и захват сел
 Кресты - Кресты воеводы
 Кресты - Кресты воеводы
 Кресты - Кресты воеводы

- Ликвидация татарского ига**
 Набеги хана Амеда (Алмата) в 1471 г. на Приволжскую окраину
 Поход Амеда (Алмата) по совету с кн. Литовским Казимиром, на вел. княж. Московское в 1480г., его войско на берегу Иксы и отбито
 Соединение русских сил на Оке (в станице Амеда), переправа их, сражение у Иксы и отбито
 Бегство в кн. Ивана III воеводе
 Город, разрушенный Амедом при походе у Иксы (возле впадения Иксы в Волгу) в 1480г. по веле и совету ливонского сланидского князя Нур Дината и кн. Литовского отбито на повелении
 Поход на Тару в 1485 г. в кн. Ивана III и новгородских воевод
Войны за присоединение северных русских земель (Смоленск, Литовский и др. северными - Литовским и Польской Ордой)
 Важнейшее направление победоносных войн (с указанием дат) в войнах с вел. княж. Литовским
 Соединение войск вел. княж. Литовского в 1500-1502 г.г.
 Важнейшее сражение в кн. Литовского - знаменитое сражение в месте современного города Орды
 Победы великого в кн. Московского - Кривого князя Меньши - Гурел и примерная карта разгрома им Большой Орды
 Победы Крымских царевичей и др. воевод
 Важнейшие победы войск Литовского Орды на Польскую землю (с указанием дат)
 Важнейшие направления военных походов русских военных сил (с указанием дат)
 X Места важнейших сражений русских воинов с татарами

Соединенные княжества
 Л - Литовский (впл. р. Заря)
 М - Морозовичи (впл. Гамыши)
 В - Воеводы (впл. Зубовки)

THE
UNIVERSITY OF
CHICAGO
PRESS

CHICAGO, ILL.